МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА

ЦЕНТР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1946-1991 ГОДЫ

(с сюжетами демографической и социальной истории)

Монография

Караганда 2017

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)
И90

Авторы
Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д.

Рецензенты:
К.Ж. Абилов, д.и.н., профессор
В.В. Евдокимов, д.и.н., профессор
М.С. Жакин, к.и.н., доцент

Под общей редакцией
З.Г. Сактагановой, д-ра ист. наук, профессора,
директора Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований КарГУ им. Е.А. Букетова

Монография подготовлена в рамках научного проекта по гранту 0329/ГФ4 МОН РК

И90 **История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946-1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории):** Монография / Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д. ; под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: «Гласир», 2017. – 456 с.

ISBN 978-601-7921-16-3

Коллективная монография карагандинских историков посвящена истории советской городской повседневности Центрального Казахстана второй половины XX века. Авторы на основе документов казахстанских и российских архивов, материалов советской периодики, воспоминаний и интервью горожан исследуют региональную повседневность советских казахстанцев 1946-1991 годах. Объектом научного интереса исследователей стали сюжеты социально-экономической истории и повседневной жизни горожан Центрального Казахстана: демографические характеристики населения городов региона, особенности благоустройства и жилищные условия карагандинцев, уровень жизни, питание и торговля, образование и досуг, религиозность, девиации и преступность. Значительная часть документальных материалов из фондов российских и казахстанских архивов впервые вводится в научный оборот. Монография подготовлена в рамках реализации грантового финансирования МОН РК научных проектов.

Книга адресована историкам, преподавателям, работникам просвещения и культуры, краеведам, студентам, а также всем читателям, интересующихся советской историей или историей Казахстана.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)

ISBN978-601-7921-16-3 © СактагановаЗ.Г., 2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 5

ЧАСТЬ I. ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: НАСЕЛЕНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, БЛАГОУСТРОЙСТВО, ЖИЛИЩЕ И БЫТ

ГЛАВА 1. НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 15

1.1. Население городов в сталинское послевоенное десятилетие 15

1.2. Этнодемографические характеристики горожан 1954 – 1960-е гг. 25

1.2. Население городов региона в 1970-е – 1991 гг. 33

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ 43

2.1. Медицинское обслуживание горожан в 1946-1953 гг. 43

2.2. Развитие городского здравоохранения Центрально-Казахстанского региона в 1954-1960-е гг. 58

2.3. Качество медицинского обслуживания в городах в 1970-е- 1991 гг. 65

ГЛАВА 3. ОБЛИК ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: БЛАГОУСТРОЙСТВО ПО-СОВЕТСКИ 80

3.1. Городская инфраструктура Центрального Казахстана во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х 80

3.2. От сталинского стиля до хрущевского модернизма 89

3.3. Особенности благоустройства городов в 1970-х – 1991 гг. 113

ГЛАВА 4. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И БЫТ ГОРОЖАН 147

4.1. Жилищные условия горожан в послевоенное время 147

4.2. Жилище и быт в 1954 – 1960-е гг. 156

4.3. Жилищно-бытовые условия и материальная-вещная среда городского населения 1970-е – 1991 гг. 173

ЧАСТЬ II. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА 5. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ГОРОЖАН 180

5.1. Потребление, доходы и расходы городского населения в 1946 – 1953 гг. 180

5.2. Городской семейный бюджет (1954 – 1960-е гг.) 192

5.3. Потребительские характеристики населения в 1970-е – 1991 гг. 199

ГЛАВА 6. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ И ТОРГОВЛЯ 206

6.1. Продовольственные трудности. Развитие городской торговой сети и общественного питания в 1946 – 1953 гг. 206

6.2. Общественное питание и домашняя кухня и в 1954 – 1970-е гг. 226

6.3. Торговля и дефицит в 1954 – 1960-е гг. 243

6.4. Питание горожан и «нормированный сервис» в 1970-е – 1991 гг. 255

ЧАСТЬ III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 7. ОБРАЗОВАНИЕ.....266

7.1. Особенности развития системы образования в 1946-1953 гг. 266

7.2. Образование в советской городской повседневности в 1954-1960-е гг. 271

7.3. Школы, училища, вузы в 1970-1991 гг. Облик советского педагога 281

ГЛАВА 8. ДОСУГ ГОРОЖАН 303

8.1. Досуг в повседневной жизни населения городов Центрального Казахстана в 1946-1953-е гг. 303

8.2. Досуг горожан Центрального Казахстана в хрущевское десятилетие.....315

8.3. Свободное время и досуг горожан в 1970-1980-е гг. 338

ГЛАВА 9. РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.....350

9.1. От «сталинской оттепели» к «научному атеизму».....350

9.2. Религиозная повседневность: от политики компромиссов до сотрудничества 372

ГЛАВА 10. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ 387

10.1. Девиации и преступность в 1950-е – 1980-е гг.: причины и общая характеристика 387

10.2. Преступность среди несовершеннолетних 414

10.3. Пьянство, алкоголизм, наркомания 424

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 444

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....452

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....454

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография историков Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова стала результатом трехлетней работы над фундаментальным научным проектом по грантовому финансированию 0329/ГФ4 МОН РК. Объектом научного интереса карагандинских историков стали сюжеты из социально-экономической истории и повседневной жизни горожан Центрального Казахстана: демографические характеристики населения городов региона, состояние здравоохранения и уровень оказываемых медицинских услуг, взгляд на эти проблемы глазами человека 1940-х – 1980-х, считавшего, что советская система здравоохранения – самая лучшая система в мире (как, кстати, и система образования); особенности благоустройства городов, состояние городских коммуникаций, работа коммунальных служб и участие горожан в благоустройстве советских городов; жилищные условия и быт, приоритеты и конъюнктура в приобетении окружающих карагандинцев вещей, их стремление к унификации, чтобы жить «как все» и «не хуже других»; уровень жизни (доходы и расходы), особенности питания, начиная от состава продуктовой корзины до оценок населением советского общепита, домашнее питание – специфика интернационального и национального в меню горожан, торговля и очереди, блат и дефицит в сфере обслуживания; система образования и отношение к учителям, специфика межличностного взаимодействия в советской школе, в училище и вузах; униформа и мода, досуг, пристрастия и увлечения, советские и религиозные праздники, конфессии и религиозность общества, девиации и преступность. Многое из того, в чем и чем жил, где жил, как жил человек «родом» из больших и малых городов Центрального Казахстана стало предметом внимания, анализа или просто размышления исследователей.

Ряд ученых, определяя содержание дефиниции «повседневность», говорят, что повседневное – «это то, что нас окружает, то что происходит каждый день и в силу привычности и обыденности не замечается и не удивляет». Реальная жизнь, ежедневный быт абсолютного большинства советских людей складывался из барачного, коммунального жилья, в лучшем случае – «хрущевок», частых очередей за продуктами, забот о том, чем накормить семью, о пустом или «набитом» холодильнике и т.п. Эмоции по этому поводу людей разных социальных стратов, отношение к действительности тогда и сейчас, их представления о правильности или неправильности происходящего – все это было дополнено из воспоминаний, советских газет, анкет и социологических обследований, а, главное, из интервьирования и бесед, которые проводили авторы книги со старожилами-горожанами.

Считаем, что стоит согласиться с российским автором И. Орловым, «что история общества по существу представляет собой повседневную жизнь человека в ее историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества в соответствии с закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы и досуга». Именно в анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающих вопросов: «как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи?» Как люди приспосабливались к сложнейшим жизненным обстоятельствам советского режима и при этом продолжают ностальгировать, с удовольствием вспоминая «совок»? Почему страна и жизнь в ней, о которых в последние 20-25 лет писали исключительно в негативном аспекте, сегодня большинству из старшего поколения кажется «коммунизмом»? Что мы утратили безвозвратно, вычеркивая и замазывая, затирая плюсы советской действительности?

Термин «повседневность» в широкий научный оборот сферы исторического знания был введен Ф. Броделем, для которого повседневность являлась одним из штрихов в исторической картине. Повседневная жизнь выступает объектом исследовательского поля для целого ряда гуманитарных дисциплин, но среди них так и нет согласия даже в определении самого понятия «повседневность». А. Людтке почти 50 лет назад признавался, что этот термин – «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории, «принятое за неимением лучшего», считал, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения». Но и сегодня в историографической традиции так и не появилось общее для всех гуманитарных наук содержание этой дефиниции, хотя, например, советская повседневность – одна из наиболее активно изучаемых проблем.

Для казахстанской исторической науки это относительно новое направление, разрабатываемое казахстановедами лишь последние 10 лет, в западной же историографии теоретические, концептуальные основы были заложены основателями историко-антропологического подхода еще с конца 1970-х – 1980-х гг., в российской историографии с 90-х гг. XX века. Мы в данном исследовании исходили из понимания истории повседневности, как отдельного направления современной социальной истории, которое «фокусируется на анализе поступков тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми», на «детальном историческом описании» (А. Людтке) жизни и обыденности этих людей. На этом фоне история выстраивается не сверху, через восприятие «сильных мира сего», и не через официальный дискурс, а как бы «снизу» и «изнутри» (И. Орлов).

Актуальность и востребованность данного направления в социогуманитарном знании, необходимость появления монографических работ и документальных сборников, которые составляют базовую основу для исследователей по проблемам повседневности, подтверждается стремительным ростом количества работ по истории повседневности и разнообразием сюжетов в данном исследовательском жанре.

В историографии заявленной проблемы возможно выделить 3 группы исследований: работы, посвященные методологическим проблемам истории повседневности и истории городской повседневности, труды по истории советской повседневности и конкретно-исторические исследования по социально-экономическому развитию городов Центрального Казахстана в рассматриваемый период. В первой группе представлены работы зарубежных (как западноевропейских, так и американских) исследователей, посвященные методологическим проблемам истории повседневности. Нами во введении будут отражены лишь общие контуры историографии – основные этапы и тенденции.

В европейской и американской историографии по проблемам теории и методологии истории повседневности, следует, на наш взгляд выделить, три основных этапа: первый этап – 1960-е -1970-е гг.; второй этап – 1980-е -1990-е гг. и третий – 2000-е гг. Первый этап – 1960-е–1970-е гг. В гуманитарной мысли Запада это научное направление зародилось в 60-х гг. XX в. вместе с революцией «новых левых» и ниспровержением всех старых объяснительных концепций. Из пророков-теоретиков исследователи, как пишет современный российский исследователь Н.Л. Пушкарева, превратились в обычных участников общественной жизни, не имеющих права определять, что истинно, а что ложно, и планировать, каким должно быть будущее [1]. Великие объяснительные схемы прошлого отличались универсализмом, монизмом, ориентацией на объективность, тотальность, порядок и единую теорию познания. Отказ от них означал переход к постмодернизму,

заменившему универсализм партикуляризмом, монизм – релятивизмом, порядок – случайностью, тотальность – фрагментацией, а эпистемологию – дискурсом. Но еще задолго до «этой революции духа» мировая философия стала задумываться о значимости того, что окружает индивида изо дня в день (термин «повседневность» прозвучал в названии книги «Психопатология повседневной жизни» З. Фрейда, который одним из первых авторов вынес в заголовок научной книги понятие «повседневная жизнь») [2]. Определенные теоретические вопросы по проблеме «истории повседневности» были разработаны основателями историко-антропологического подхода в изучении прошлого французскими историками М. Блоком и Л. Февром: в их научное поле исследований была включена проблема ментальности [2, с.75]. В 1960-е гг. появляется научное направление в гуманитарных науках, основы которого заложили А. Шюц, Н. Элиас, П. Бергер, Т. Лукман, А. Сикурель и Г. Гарфинкель, К. Гирц, М. Фуко, П. Бурдье и др. Следующим шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 60-е гг. XX в. модернистских социологических концепций, прежде всего – теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана [3]. Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие «встречи» (социальные взаимодействия) есть основное содержание обыденной жизни. В 1960-е гг. американские социологи А. Сикурель и Г. Гарфинкель, изучая историю людей, рассматривали их не просто как «действующих», но и «думающих и переживающих» [4]. Большой научный вклад в изучении повседневности был сделан ярким представителем французской историографической школы «Анналов» Ф. Броделем, для которого повседневность являлась одним из штрихов в картине истории, состоящей из экономических, производственно-технических, демографических и прочих процессов. Он предложил переориентировать исторические исследования и перейти от чисто событийной политической истории, поисков всеобщих закономерностей развития экономики и этнографического «бытописательства» к комплексному аналитическому изучению историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов [5]. В «Анналах» в 1970-е гг. возникло так называемое «третье поколение» исследователей повседневности. Названия тематических выпусков журнала в этот период отражали следующие проблемы: биологическая история и общество, история и урбанизация, семья и общество, история и окружающаяся среда, история и другие науки, антропология, ментальность и общество и пр.

Второй этап – 1980-е – 1990-е гг. Другой подход в понимании истории повседневности мы находим в германской и итальянской историографии, получившие свое развитие 1980-е гг. (начало разработок можно отнести еще к 1970-м гг.). В германской исторической науке такие ученые как Х.У. Велер, Х. Беме, Ю. Кокка, М. Штюрмер разработали такое новое направление как «историко-критическая социальная наука», суть которой заключалась в переходе «от изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов к малым жизненным мирам» [6]. Ученые Х. Медик, А. Людтке призывали переориентировать исследования на изучение микроистории отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а также проблем культуры как способа понимания и обобщения повседневной жизни и поведения в ней; они создали программу нового направления в германской историографии («История повседневности» –Alltagsgeschichte), которую Х. Медик не просто тесно связывает с этнологией, но даже именует «этнологической социальной истории» [7, с.7]. Развитие такого направления как «микроистория» мы находим в итальянской историографии, в 1980 г. учеными К. Гинзбург и Д. Леви в журнале «Quademi Storici» была открыта научная серия под названием «Microstorie» [8].

Третий этап – 2000-е гг. За прошедшие десятилетия в ряде стран (Англия, Германия, США, Франция, Швеция и др.) сложилась довольно обширная историография по вопросам повседневности, а в некоторых ещепредпринимаются первые шаги в этом направлении. В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности – как приема реализации методики микроисторического анализа и как реконструкции ментального макроконтекста событийной истории. Интересы и исторический опыт «маленького человека» стали приоритетными объектами изучения для ведущих европейских и американских исследователей современности; нарратив, индивидуум и микроподход у этих авторов играют центральную роль: П. Берк, К. Гинзбург, Н. Дэвис, К. Томас, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, К. -Г. Фабер, И. Рюзен. М. де Серто, Н. Барон, Ш. Фицпатрик, С. Харррис, Б. Лапьери др.

Российская историография. Для последних двадцати лет в России характерен бум в изучении истории повседневности: были опубликованы сотни научных и научно-популярных трудов, написанных в данном историческом жанре. Подобную тенденцию демонстрирует, например, анализ опубликованных на сайте ВАК Министерства образования и науки РФ объявлений о защитах диссертаций по разным специальностям исторической науки. Так, в частности, в 2014 г. в России было объявлено о 330 планировавшихся к защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата исторических наук, из них различным аспектам истории повседневности полностью или частично было посвящено 200 (60%) диссертаций. В 2015-2017 гг. эта тенденция сохранилась с небольшой корреляцией. [9, с. 8] Не имея, в условиях ограниченности объема введения, возможности остановиться одинаково подробно на всех аспектах этого динамично развивающегося научного направления в России, выделим основные этапы и сюжеты, анализ которых может дать представление о состоянии истории повседневности в российской исторической науки. В советский период повседневность как специальная проблема не была вынесена в фокус исследовательских традиций, но работы, изучавшие различные аспекты повседневной жизни советского человека изучались достаточно активно: в работах советских авторов 1940-х – 1980-х гг. исследовались проблемы материального благосостояния и уровня жизни советского народа (П.С. Мстиславский, Б.Н. Казанцев, В.Ф. Майер, А.Г. Аганбегян, А.Х. Карапетян, В.И. Гурьев и др.), велось изучение советского образа жизни, формирование новых видов досуга и быта советских людей (Ю.А. Поляков, Э.Е. Писаренко, Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, Л.А. Оников) и др.

В изучении собственно проблем истории повседневности в российской историографии можно выделить два этапа: первый этап – 1990-е гг. и второй этап – 2000-е гг.

Первый этап – 1990-е – 2000 гг. Данный этап характеризуется появлением трудов, где впервые повседневность человеческого бытия становится специальным объектом исследования, и в российской историографии появляется целый пласт работ, в которых авторы обращаются к изучению советской и российской повседневности уже на совершенно отличных от советских гуманитариев теоретико-методологических парадигмах. В 1990-х гг. российская историография представлена трудами Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Л.П. Репиной, А.К. Соколова, С.В. Журавлева, И.М. Савельевой, А.В. Полетаевой, А.В. Курьянович, Н.Л. Пушкаревой, Е.Ю. Зубковой и т.д. В работах В.Ф. Зимы, Е.А. Осокиной рассматриваются проблемы продовольственного снабжения, голода в советский период. Исследователи Н.Н. Козлова, С.В. Журавлев, А.К. Соколов, Н.Б. Лебина занимались изучением общественных настроений различных социальных групп, бытовой жизни горожан на основе анализа и интерпретации

текстов советской эпохи (писем, воспоминаний, дневников), проблем здоровья, питания и т.д.

Второй этап – 2000-е гг. Одним из значимых событий в начале 2000-х гг. в российской гуманитарной науке явилось создание Научного Совета РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» в 2002 г. под председательством академика Ю. А. Полякова, а также разработка различных междисциплинарных теоретико-методологических подходов, предназначенных для разностороннего изучения особенностей обыденной жизнедеятельности человека. Современные тенденции в российской историографии истории повседневности отражены в направлениях деятельности Совета: первое направление – историко-демографическое (сфера интересов включает изучение рождаемости, смертности, продолжительности жизни, здоровья, заболеваемости, состояние медицинского обслуживания); второе направление исследует вопросы семьи, брака, семейных и интимных отношений, взаимоотношений поколений, а также воспитание детей в семье; третье направление сосредоточено на анализе жизненных условий, таких как проблемы жилья, питания, одежды, транспорта, коммуникаций, сферы услуг и т.д.; четвёртое направление занимается проблемами досуга, отдыха, занятий спортом, соблюдения праздничных обрядов [10, с. 23-24]. Считаем возможным также выделить иные контуры общих тенденций в российской научной школе изучения истории повседневности по объекту исследований: теоретико-методологические аспекты истории повседневности, проблемы женской, детской, городской, сельской и советской повседневности [9, с. 8-32].

В работах Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской, И. О. Утехина, Б. Г. Могильницкого, Н. Л. Пушкарёвой проведена разработка методологических аспектов истории повседневности, определены структура повседневности и основные направления в её изучении, использование в исследованиях микроисторических подходов. Проблемы столичных городов были освещены в трудах Н. Б. Лебиной, А. Н. Чистикова, Г. В. Андреевского и др. Расширение темы советской повседневности способствовало появлению новых исследований, авторами которых являются И. В. Кометчиков, Б. Н. Казанцев, Н. А. Араловец, В. С. Тяжельникова, М. Л. Гавлин, Т. М. Смирнова, А. М. Маркевич, А. К. Соколов, Т. В. Доронина [9, с. 11-15].

Таким образом, проблематика истории повседневности все чаще и больше привлекает внимание историков. Однако нерешенность многих вопросов в области методологии и методики изучения повседневности типична, как для российской, так и отечественной историографии. Данное обстоятельство отражается на постепенных изменениях проблематики работ, попытках вычленить и раскрыть новые направления, уточняя само понятие «повседневность». В большинстве трудов наблюдается тенденция совмещения исследовательских перспектив в одной работе, что позволяет раскрыть повседневную жизнь людей и выявить мотивы поведения в разные периоды и в различных условиях. Среди диссертационных работ преобладает тенденция регионализация исследований повседневной жизни, но отсутствуют публикации, в которых отражены существенные этнические, ментальные или конфессиональные особенности и отличия в регионах. Неравномерны степень охвата и глубина освещения повседневной жизни различных групп и слоев населения, особенно это касается послевоенного советского периода. До сих пор практически нет обобщающих фундаментальных комплексных исследований, в которых повседневная жизнь населения СССР в целом была бы раскрыта во всей сложности и противоречивости, содержащих анализ влияния на нее общих, социальных, ситуационных и других факторов. [9, с. 15].

Одной из нескольких российских площадок для обсуждения методологических проблем, а также частных сюжетов истории повседневности, с 2012 г. является Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, где ежегодно проходят международные научные конференции в рамках данного научного направления. Центральными темами конференций становились многообразные проблемы, связанные с повседневной жизнью общества в условиях военных конфликтов; с влиянием на повседневность состояния общественного сознания; взаимодействием повседневной жизни и уровня развития гражданственности и патриотизма в России, проблемы экономической повседневности и истории предпринимательства [11]. С 2016 г. ЛГУ им. А.С. Пушкина выпускает тематический журнал «История повседневности». Сотрудничество с данной санкт-петербургской исследовательской школой исполнителей проекта и авторов монографии дало результат в виде совместной монографии и публикации в журналах, см., в частности [9, 11-12].

Казахстанская историография. Для отечественной исторической науки история повседневности – новое, недавно начатое в разработках, научное направление, и фактически до 2000-х гг. оно не было даже очерчено в отечественной историографии, поэтому можно говорить лишь об начальном этапе становления казахстанской школы истории повседневности. Некоторый спектр проблем, рассматриваемых в истории городской повседневности, начал изучаться еще в контексте общих проблем экономической, социальной и демографической истории. Характеризуя казахстанскую историографию по данному направлению, следует выделить два среза работ, косвенно, но все же затрагивающих некоторые аспекты повседневности: исследования советских историков и работы современных казахстанских авторов, изучавших общие проблемы социально-экономической, демографической, культурной истории городов Центрального Казахстана в послевоенный период. Первый срез – труды, составляющие советскую казахстанскую историографию 1950-х – 1980-х гг. Н.М. Битенова, Х.А. Куанова занимались разработкой вопросов по социальной истории, различным аспектам образа жизни рабочих Казахстана. Отдельные стороны повседневной жизни рабочих были изучены в трех томной работе, посвященной истории рабочего класса Казахстана: в ней анализируется объем заработной платы и доходов, уровень жилищно-бытовых условий рабочих и медицинское обслуживание. Вопросам становления и развития городов Центрального Казахстана посвящены работы А.Ф. Хавина, Т.Я. Барага, Е.М. Конобрицкой, А. Попова, Н. Зверева, И.В. Иванова, Л.А. Пинегиной, М.М. Мендикулова, Х.О. Оразбаева, Ә. Әзеева, Ш.Р. Кушумбаевой, Ф.Н. Базановой, А.С. Елагина, А.Ш. Алтаева, а также академические труды по истории городов Казахстана. В них рассматриваются: история становления промышленного сектора городов, формирование структуры населения, развитие архитектурного комплекса культурно-бытовых и жилых сооружений, функционирование городского хозяйства, улучшение условий жизни рабочих, вопросы образования и культуры и т.д. В целом, следует отметить, что в советский период изучались проблемы, связанные с социально-экономической историей становления и развития городов Центрального Казахстана, но проблемам «маленького человека», изучению бытовой стороны жизни городских жителей, их жизненному миру, их восприятию окружающей среды не придавалось особого значения.

Второй историографический срез – публикации современных казахстанских авторов, где объектом их исследования стали города центрально-казахстанского региона. Работа С.К. Досмагамбетова была посвящена экономической истории становления и развития Центрального Казахстана, в том числе Караганде, Балхашу,

Темиртау, Каркаралинску. По истории, например, городов Караганды, Абая, Шахтинска. Каркаралинска имеются отдельные коллективные труды ученых и исследователей, фотоальбомы и т.п. В монографии А.Ш. Алтаева рассматривалась история малых городов Казахстана, в том числе, центрального региона. В работах казахстанских демографов А.Н. Алексеенко, М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной и др. – вопросы демографического развития региона. Исследования Г.Г. Такуовой были посвящены анализу городского населения Казахстана в послевоенный период (1946-1959 гг.). Проблемы истории, культуры, науки, образования Центрального Казахстана второй половины XX века нашли отражение в монографии Р.М. Жумашева, работах А.К. Капышева. Вопросы уровня и качества жизни населения были частично затронуты в трудах Ж.Б. Абылхожина, З.Г. Сактагановой, посвященных социально-экономическому развитию Казахстана в послевоенный период.

Однако начало становления повседневной проблематики положено исторической школой карагандинских ученых КарГУ, прежде всего, исследователей Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований под руководством д.и.н., профессора З. Г Сактагановой, эти разработки относятся лишь к последнему десятилетию 2000-х гг. Именно там и появились первые казахстанские диссертационные исследования, первые монографические работы, поэтому только с 2010 г. можно вести речь о начальном этапе в казахстанской историографии истории повседневности. Первой работой, посвященной данной тематике явилась диссертация К.К. Абдрахмановой «Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг.» (защита в 2009 г.), а в 2010 г. выходит первая в Казахстане монография авторов З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой по истории городской повседневности Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. [14]. В 2014-2016 гг. защищается еще ряд диссертационных исследований. В Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева была защищена диссертация Д.Б. Асымовой на тему «Повседневная жизнь Алматы XX в. 20-30 гг. в кино-, фото-, фоно-документах», в которой наряду с социально-экономическими, культурными и архитектурными направлениями развития города, получили освещение вопросы социально-демографического развития, состояние здравоохранения и качество оказания медицинской помощи. В диссертации Е.А. Жалмагамбетова «Повседневная жизнь в период столицы города Кызыл-Орды в 1925-1929 гг.» рассматриваются вопросы о перенесение столицы в Кызыл-Орду, строительства и ремонта зданий, обслуживание населения, системы образования и здравоохранения и т.д. В 2014 г. в диссертационном совете при КазНУ имени аль-Фараби были защищена диссертационная работа по истории советской повседневности Д.У. Хамидуллиной «Повседневная жизнь «спецконтингента» в Казахстане (XX век 30-50-е гг.)», посвященная изучению особенностей лагерной повседневности и стратегий выживания спецконтингента казахстанских лагерей ГУЛага [15]. В исследовании использовались материалы устного интервью с бывшими заключенными ГУЛага о жизни в лагерях и после возвращения. В 2015 г. защищена диссертация М.М. Козыбаевой «Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920-1930-е гг.» [16], в ней исследовались особенности повседневной жизни городского населения северного региона республики.

История казахстанской повседневности XX в. начала разрабатываться исследователями республики, в частности, вышли публикации историков С.И. Ковальской по изучению повседневной жизни православных священников Тургайского уезда начала XX в.; Ш.Т. Нурмана о трудовой повседневности заводских рабочих Ачисайского полиметаллического комбината в послевоенный

период и др. Гораздо реже, но все же появляются труды культурологов, социологов по изучению современной казахстанской повседневности, например, статьи И. Савина, С.М. Джунусбаева по повседневным моделям межэтнического взаимодействия в сельских районах Южного Казахстана, Т.А. Резвушкиной о повседневных практиках и семейной политике в РК. Однако это единичные случаи, и, если в исторической науке Казахстана есть некоторый прорыв в данной области исследования, то философы, культурологи, этнологи, социологи к проблемам повседневности практически не обращаются.

В Казахском национальном педагогическом университете им. Абая занимается разработкой проблем устной истории и истории повседневности научно-исследовательский центр (ЦИиПС «Устной истории») под руководством профессора, д.и.н. М.К. Койгельдиева. Сотрудниками центра и кафедры ведутся научные изыскания и осуществляются экспедиционные работы по сбору устных источников; работа исследователей центра в большей степени направлена на сбор и накопление материалов, которые сосредотачиваются в специальном фонде ЦГА РК.

С 2015 г. при работе над фундаментальным проектом 0329/ГФ4 МОН РК исполнителями гранта активно разрабатывались проблемы истории повседневности горожан Центрального Казахстана, появилось множество статей в отечественных и зарубежных журналах, материалах конференций по различным аспектам проблемы. В.В. Козина, С.В. Елеуханова опубликовали более десятка статей по анализу характеристик городского населения, благоустройству городов, повседневным проблемам советского здравоохранения, повседневным практикам оздоровления населения, анализу восприятия советским человеком советской медицины и т.д. На материалах социологических обследований советской эпохи, сопоставлении официальных статистических данных и воспоминаний, интервьюирования вышли публикации К. К Абдрахмановой об уровне дохода, о расходах казахстанских семей, практик выживания в послевоенные десятилетия. Ряд статей З. Г Сактагановой и К.К. Абдрахмановой затронули состояние общественного питания, обозначили этнические и региональные особенности домашней кухни горожан (привычки и пристрастия), состояние торговли и практик выживания в условиях тотального дефицита и многочасовых очередей в условиях «застоя». Досуг, хобби, спорт и увлечения стали объектом изучения З.Г. Сактагановой и Б.А. Досовой; так же в публикациях этих авторов анализировалась религиозная повседневность казахстанцев, отношение власти и общества к верующим, особенности казахстанской ментальности «простого человека» по отношению к верующим в 1946-1991 гг. З.Г. Сактаганова в своих публикациях впервые в отечественной историографии поднимала проблемы, связанные с девиациями и преступностью в 50-80-е гг. XX в. (практически все архивные материалы не были даже запрошены и задействованы исследователями, находясь под грифом «секретно»), отслеживалось влияние повседневности как фактора социальной напряженности на примере Темиртауских событий. В 2016-2017 гг. отечественная историография пополнилась сборниками архивных документов, материалов воспоминаний и интервью, проведенными исполнителями гранта в 2015-2017 гг. [17, 18]. Результатом изысканий стала публикация монографии по повседневной жизни горожан из советской эпохи 50-х -60-х гг. XX в. [19]. Таким образом, анализируя в целом результаты последнего десятилетия, возможно резюмировать, что в современной отечественной историографии проблемы истории повседневности, городской повседневности, советской повседневности становятся специальным объектом изучения в научных трудах казахстанских историков.

Хотя книга называется «История городской повседневности…», мы отдаем себе отчет, что ряд разделов (или некоторые из их частей) скорее относятся к проблемам социальной истории, чем собственно к истории повседневности. Поэтому предваряя вопросы читателей, отмечаем данное обстоятельство во введении и объясняем это неразработанностью проблем региональной истории городов Центрального Казахстана (желание восполнить и эту лакуну расширило по содержанию данную монографию).

Доступ ко многим архивным источникам сегодня открыт, в том числе ко многим документам под грифом «секретно», что дает исследователям возможность воспроизвести и объективно анализировать весь спектр проблем повседневной жизни советских людей. В настоящее время, когда на проблемы советской истории сняты многие идеологические ограничения (однако и сейчас значительная часть документов советской эпохи в архивах лежит под грифом «секретно», мы столкнулись с этими проблемами, работая по Темиртауским событиями 1959 г.), актуальными задачами являются исследования «малых жизненных миров» и повседневной жизни рядовых граждан на основе новых архивных материалов, введение их в научный оборот, в том числе, и материалов из российских архивов. В рамках предложенного исследования авторам удалось поработать в российских (РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ) и казахстанских центральных (АП РК, ЦГА РК), областных и районных (ГАКО, ГАКР) архивах, провести интервьюированию со старожилами-горожанами Центрального Казахстана и т.п. В российских архивах был задействован материал из более полутора десятков фондов, в казахстанских – более двадцати фондов, значительная часть архивных материалов публикуется впервые. Также был использован обширный пласт исследовательской литературы, документальных сборников, периодики и др., что и позволило написать предложенную читателям книгу.

Текст монографии написан следующими авторами: Введение – З.Г. Сактагановой; Глава 1 и 2 – К.К. Абдрахмановой (1.1), К.К. Абдрахмановой, З.Г. Сактагановой (2.1), В.В. Козиной, С.В. Елеухановой (1.2, 1.3, 2.2, 2.3); глава 3 – К.К. Абдрахмановой (3.1), В.В. Козиной, С.В. Елеухановой, З.Г. Сактагановой (3.2), В.В. Козиной, С.В. Елеухановой (3.3); глава 4 – К.К. Абдрахмановой (4.1), З.Г. Сактагановой, Ж.А. Карсыбаевой Б.А. Досовой (4.2), Ж.А. Карсыбаевой (4.3); Глава 5 и 6 – З.Г. Сактагановой, К.К. Абдрахмановой (5.1, глава 6), К.К. Абдрахмановой (5.2, 5.3); глава 7 – К.К. Абдрахмановой (7.1), А.Д. Утебаевой (7.2, 7.3); Глава 8 и 9 – К.К. Абдрахмановой, З.Г. Сактагановой (8.1), К.К. Абдрахмановой, З.Г. Сактагановой З.Г., Б.А. Досовой (9.1), Сактагановой, Б.А. Досовой (8.2, 9.2), Б.А. Досовой (8.3); Глава 10 и Заключение – З.Г. Сактагановой.

Авторы не претендуют на абсолютную истинность своих конструкций, ни на завершеность и окончательность выводов. В заключении выражаем сердечную признательность неформальному рецензенту, высказавшей ценные рекомендации к.с.н., доценту Валитовой Зульфие Хафизовне. Особую благодарность выражаем молодому исследователю Абжаппаровой Меруерт, оказавшей большую помощь в оцифровке архивных материалов и технической работе по подготовке книги.

---

1 Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // URL: http://www.perspktivy.info

2 Гуревич А. Я. «Добротное ремесло» (Первая биография Марка Блока) // Одиссей: Человек в истории. – М., 1991. – 296 с.

3 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. –198 с.

4 Коркюф Ф. Когнитивная социология Арона Сикуреля и Гарольда Гарфинкеля // Новые социологии. – 2002. – №4. – С. 37-40
5 Бродель Ф. Структура повседневности: Возможное и невозможное. – М., 1986. – 622 с.
6 Оболенская С.В. «История повседневности» в историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. – М., 1990. – С. 182-198
7 Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – №5. – С. 3-19
8 Савельева И.М., Полетаева А.В. Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. Ежегодник. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 101-120
9 Веременко В.А. Современная историография истории повседневности в России / Сактаганова З.Г. и др. Города Центрального Казахстана в 1950-е – 1960-е годы: история и повседневность: монография / под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – С. 8-32
10 История городской повседневности Центрального Казахстана как фактора социальной напряженностии девиантного поведения во второй половине XX века (1946-1991 гг.): отчет о НИР (промежуточный) / Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова: рук. Сактаганова З.Г. ; исполн. Абдрахманова К.К. и др. – Караганда, 2015. – 299 с. – № ГР 0115РК00987. – Инв. № 0215РК01716
11 Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России // Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – 144 с.
12 Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. – 2017. – № 1 (3). – С. 60-76
13 Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Вопросы питания в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана в 1950-1970-е гг. // История повседневности. – 2016. – № 2 (34). – С. 43-57
14 Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. – Караганды: Болашак-Баспа, 2010. – 252 с.
15 Хамидуллина Д.У. Повседневная жизнь «спецконтингента» в Казахстане (XX век 30-50-е гг.): дис. … доктора (PhD). – Алматы, 2014. – 195 с.
16 Козыбаева М.М. Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920-1930-е гг.: дис. … доктора (PhD). – Астана, 2015 – 209 с.
17 Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 годы. Сборник документов и документальных материалов / отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганды: Изд-во КарГУ, 2016. – 277 с.
18 Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960-1991 годы: сб. документов и материалов / отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Гласир, 2017. – Часть II. – 360 с.
19 Города Центрального Казахстана в 1950-е – 1960-е годы: история и повседневность: монография / под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 224 с.

ЧАСТЬ I. ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: НАСЕЛЕНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, БЛАГОУСТРОЙСТВО, ЖИЛИЩЕ И БЫТ

ГЛАВА 1. НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Население городов в сталинское послевоенное десятилетие

1940 – 1950-е гг. вошли в историю нашей страны как годы серьезных социально-экономических и политических изменений, которые оказали существенное влияние на демографическую ситуацию в целом. Последствия насильственной депортации народов, Великой Отечественной войны, дальнейшее освоение угольных месторождений, крупное промышленное и транспортное строительство и т.д. повлияли на развитие демографических процессов Центрального Казахстана. Изучаемый период охватывает десятилетие, в котором в СССР не проводилась перепись, поэтому поиск репрезентативных материалов был достаточно сложным. Это обстоятельство несколько затруднило осуществление комплексного анализа демографических процессов, происходивших в регионе.

Однако в архивах нами были обнаружены статистические данные Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР и ЦСУ Казахской ССР о численности населения, которые длительное время находились под грифом «секретно». Отдел демографии, функционировавший при ЦСУ Казахской ССР, ежегодно проводил ориентировочные расчеты численности населения по Казахской ССР, в том числе и по Центральному Казахстану. Имеющиеся расчеты численности населения, ввиду их неполноты и неточности, категорически запрещалось давать каким-либо организациям или учреждениям. Материалы могли выдавать только при официальном запросе Первого секретаря ЦК КП(б)К, Председателя Совета Министров, Первого Секретаря Областного комитета для ознакомления их с расчетами. При этом им строго запрещалось разглашать или помещать эти данные в какие-либо документы. [1, л.16]. Подсчет численности населения был ориентировочный, так как в основе статистических данных находились не материалы прямой переписи, а сведения, получаемые из вторичных документов, где содержались цифровые данные о численности населения. Это статистические материалы по контингенту, находившемуся на государственном снабжении хлебными карточками; сведения отдела здравоохранения о численности детского населения; данные отдела образования о численности учащихся в средних школах, училищах, ФЗО и т.д. К примеру, в 1947 г. учет численности городского населения органами ЦСУ Казахской ССР был произведен по переписи населения 1939 г., по итогам подсчета избирателей в Верховный Совет Казахской ССР на 16 февраля 1947 г., по контингенту детского населения, снабжавшегося хлебными карточками [2, л.19].

Для исчисления городского населения на 1 января 1948 г. органами ЦСУ Казахской ССР были использованы следующие материалы: итоги учета детей и молодежи до 18 лет по состоянию на 1 февраля 1948 г.; итоги подсчета избирателей по выборам в местные советы депутатов трудящихся на 11 января 1948 г.; итоги регистрации актов гражданского состояния и итоги миграционного движения населения за январь 1948 г. [2, л.97].

При подсчете численности населения в 1950 г. отдел демографии расширил свою исследовательскую базу и стал использовать большее количество материалов.

В частности, это данные ежемесячной отчетности органов ЗАГСа о числе родившихся и умерших; данные о количестве призванных в фабрично-заводское обучение и в рабочие училища; данные сектора статистики труда о численности рабочих и служащих; данные о числе избирателей в местные советы, а также итоги ежемесячной разработки отрывных талонов адресных листков на прибывших и выбывших по городам и городским поселениям [3, л.233].

Таким образом, в течение исследуемого периода, согласно инструкциям ЦСУ СССР, ориентировочные расчеты проводились исключительно по гражданскому населению. Учитывая специфику региона, который являлся не только промышленным центром всесоюзного значения, но и местом концентрации депортированных народов и заключенных, нами были параллельно использованы документы и статистические материалы органов внутренних дел СССР. Так как учет депортированных спецпереселенцев, а также лиц, находившихся в воинских частях или в местах заключения, был в исключительной компетенции органов НКВД СССР, а с 1946 г. МВД СССР [2, л.67-68].

На основе имеющегося материала рассмотрим процесс формирования городского населения и особенности демографического развития региона в послевоенные годы.

Согласно данным ЦСУ СССР за рассматриваемый период по Центральному Казахстану наблюдается стабильный рост численности населения.

Таблица 1 – Численность населения Карагандинской области в 1945 – 1953 гг. (тыс. чел.)

Годы	Городское население	Сельское население	Всего
01.01.1945	292,4	142,3	434,7
01.01.1946	302,5	144,0	446,5
01.01.1947	318,4	144,5	462,9
01.01.1948	384,7	161,2	545,8
01.01.1949	416,9	160,4	577,3
01.01.1950	484,3	159,2	643,5
01.01.1951	531,3	157,6	689,0
01.01.1952	560,7	164,0	724,7
01.01.1953	593,1	162,9	756,0
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 280. Л. 11; Д. 287. Л. 18; Д. 299а. Л. 11, 59; Д. 340а. Л. 35; Д. 369. Л. 27, 109; Д. 387. Л. 15; Д. 405. Л. 23. В численность городского населения включены сведения о численности населения поселков городского типа.			

Данные таблицы 1 демонстрируют динамику резкого роста городского населения Центрального Казахстана. За исследуемый период численность населения в городах увеличилась в 2 раза, т.е. на 300700 человек. Если рассматривать по отдельным годам, то в 1947 г., по сравнению с данными 1945 г., численность населения увеличилась на 8,8 %, в 1949 г. – на 42,5%, в 1951 г. – на 82%, в 1953 г. – на 102%.

Зачастую органами ЦСУ Казахской ССР в состав городского населения включались данные по численности горожан не только населенных пунктов, имевших статус города, но и рабочих поселков городского типа. Их количество было значительным, так как на протяжении исследуемого периода в регионе было зарегистрировано 13 поселков городского типа: Агадырь, Акчатау, Атасу, Байконур, Большой Джезказган (современное обозначение Жезказган), Джезказган,

Джезказганский (рабочий поселок при Джезказганском марганцевом руднике), Карсакпай, Коунрад, Моинты, Семиз-Буга, Токаревка, Успенский [4-6].

Для сравнения, хотелось бы отметить, что за исследуемый период рост численности сельского населения был незначительным, так как увеличение, по сравнению с 1945 г., колебалось от 11 до 15 %. В целом по региону сложилась благоприятная демографическая ситуация, так как численность населения региона по сравнению с данными 1945 г. возросла на 321300 человек, или на 74 %, при этом большая часть приходилась на увеличение городского населения.

В частности, удельный вес городского населения в абсолютной численности составлял: в 1945 г. – 66,5 %, в 1948 – 70,5, в 1951 – 77,1, в 1953 г. – 78,4 %.

Таблица 2 – Численность населения в городах Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. (тыс. чел.)

Города	1945.	1946	1947	1948	1950	1951	1952	1953
Караганда	196,9	203,7	197,0	251,6	327,4	351,4	370,9	386,9
Балхаш	37,1	38,4	43,5	32,9	33,9	35,3	38,5	41,0
Темиртау	-		18,5	23,9	34,0	38,2	40,6	43,6
Каркаралинск	-	3,8	4,1	4,7	4,8	5,3	7	-
Итого	234	242,1	259	308,4	395,3	424,9	450	471,5

Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 280. Л. 25; Д. 287. Л. 14; Д. 299а. Л. 6, 143; Д. 369. Л. 26, 138; Д. 387. Л. 22; Д. 405. Л. 26; ГАКР.Ф. 68. Оп.1. Д. 16. Л. 5; Д. 12. Л. 9.
В численность населения городов не включены сведения по численности населения поселков городского типа. Население г.Темиртау за 1945-1946 гг. включено в численность населения Караганды.

Население Караганды в исследуемый период увеличилось с 196900 чел. в 1945 г. до 386934 чел. в 1953 г., т.е. в 2 раза (на 190034 чел.). Резкий рост населения наблюдался в г. Темиртау. В 1948 г., по сравнению с данными 1947 г., население города увеличилось на 29 %, в 1950 г. – 84 %, в 1952 г. – 106 %, в 1953 г. – 119 %.

Согласно данным ЦСУ Казахской ССР, численность населения г. Балхаша в 1946 г. увеличилась, по сравнению с 1945 г., на 3,5 %, в 1947 г. – 17%. В 1948 – 1951 гг. произошло уменьшение численности населения. Однако, с 1952 г. ситуация стабилизировалась, и численность населения города, по отношению к 1945 г., возросла на 3,7 %, в 1953 г. – 10 %. В Каркаралинске наблюдался стабильный рост численности населения, который в 1947 г. увеличился на 8 %, в 1950 г. – 26 %, в 1952 г. – 84 %.

Итак, как свидетельствуют статистические данные, городское население Центрального Казахстана за 1945 – 1953 гг. значительно увеличилось (почти в 2 раза). Наиболее высокий прирост населения наблюдался в гг. Темиртау, Караганде и Каркаралинске, незначительный – в Балхаше.

Рассмотрим особенности миграционных процессов и их влияние на численность городского населения в регионе.

Как видно из таблицы 3, сальдо миграции городского населения Центрального Казахстана на протяжении рассматриваемого периода было положительным.

Следует обратить внимание на значительное, начиная с 1949 г., возрастание числа лиц, выезжавших за пределы города. Это привело к общему снижению миграционного сальдо населения. В 1950 г. по сравнению с 1949 г. сальдо миграции было ниже на 20754 чел.; в 1951 по сравнению с предыдущим на 16752 чел.; в 1953 – на 2149 чел.

Таблица 3 – Миграционное движение городского населения в городах Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг. (кол-во чел.).

Годы	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
1945	15309	7914	7395
1946	26920	15793	11127
1947	61752	11553	50199
1948	38203	13879	24324
1949	69096	17394	51702
1950	52914	21966	30948
1951	41988	27792	14196
1952	39864	24933	14931
1953	31524	18742	12782
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 280. Л. 5-55; Д. 287. Л. 8-48; Д. 299а. Л. 2-156; Д. 340а. Л. 35-84; Д. 369. Л. 27, 109; Д. 387. Л. 23, 168; Д. 405. Л. 23;			

Однако показатели естественного прироста позволили сохранить высокий уровень урбанизации: в 1953 г. удельный вес городских жителей в общей численности населения по Центральному Казахстану составил 78,4 %, что было на 12 % выше показателей 1945 г.

Основным центром миграционных процессов в Центральном Казахстане была Караганда, которая стала крупнейшим промышленным городом республики. Появление гг. Темиртау и Балхаш было связано со строительством «Казахстанской Магнитки» и освоением богатейших медных месторождений в регионе. Рассмотрим миграционное движение в разрезе городов в таблице 4.

Таблица 4 – Миграционное движение населения в городах Центрального Казахстана (кол-во чел.).

Годы	Города	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
1945	Караганда	7854	4356	3498
	Темиртау (Самарканд)	158	117	41
	Балхаш	2819	1469	1350
	Каркаралинск	36	304	– 268
1946	Караганда	15000	6578	8422
	Темиртау	1816	837	979
	Балхаш	3043	1840	1203
	Каркаралинск	50	174	– 124
1947	Караганда	38775	6458	32317
	Темиртау	5607	1633	3974
	Балхаш	5633	2948	2685
	Каркаралинск	69	112	– 43
1950	Караганда	34128	16106	18022
	Темиртау	6425	3351	3074
	Балхаш	2994	2460	534
	Каркаралинск	105	273	– 168
1953	Караганда	38209	23845	14364
	Темиртау	6064	2984	3080
	Балхаш	5738	3607	2131
	Каркаралинск	416	405	11
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 596. Оп.1/10. Д. 20. Л. 139-242; Д. 25. Л. 12-298; Д. 28. Л. 1-157; Д. 31. Л. 1-158; Д. 34. Л. 2-341; Д. 51. Л. 1-216; Д. 56. Л. 1-209				

Итак, за период с 1945 по 1953 гг. количество прибывших в Караганду составило 273088 чел., выбывших – 131232 чел. Миграционный прирост – составил 141856 чел. В Балхаше за период с 1945 – 1953 гг. прибыло 35039 чел., выбыло – 22629, миграционное сальдо равнялось 12410 чел., т.е. показатель был меньше, чем в Караганде, в 11 раз. Высокий миграционный прирост наблюдался и в г. Темиртау. За исследуемый период в город прибыло 40043 чел., выбыло – 22194. Сальдо миграции составило 17849 чел. В отличие от промышленных городов, отрицательное миграционное сальдо сохранялось в Каркаралинске. Согласно данным паспортного пункта, количество прибывших составило 1361 человек, тогда как выбывших 2316 человек. Отрицательное сальдо миграции было значительным и составило – 955 чел.

Нельзя не отметить удельный вес детей в возрасте от 0 до 16 лет в общем миграционном приросте городского населения В 1945 – 1953 гг. сальдо миграции детей в г. Караганде составило 13228 детей, или 9,3 % от общего миграционного сальдо населения города. В городе Балхаше – 1312, или 10,5 %; в Темиртау – 3528 детей, или 19,7 %. В городе Каркаралинске сальдо миграции детского населения было отрицательным и составило минус 193 человек, или 20 % от общего миграционного прироста [7].

Таким образом, миграционное движение в регионе было связано с экономическими потребностями страны. Центральный Казахстан, будучи крупным промышленным центром, остро нуждался в высококвалифицированных профессиональных кадрах. В советское время одной из форм пополнения трудовыми ресурсами тяжелых отраслей промышленности являлась добровольная трудовая миграция. С этой целью руководство проводило активную агитацию среди рабочих других промышленных центров СССР по оказанию братской помощи. На добровольной основе осуществлялось вербовка рабочих-коммунистов и комсомольцев.

Значительное место в пополнении рабочей силой промышленных предприятий занимала еще и принудительная миграция спецпереселенцев, заключенных и военнопленных. Их труд использовался в угольной, металлургической промышленности, а также в жилищной строительстве и строительстве промышленных предприятий, в благоустройстве городов и других населенных пунктов региона. Как считает российский исследователь О.В. Хлевнюк, в советское время принудительный труд стал одним из важных факторов развития советской экономики [8, с.73-84.]

В силу незначительности расходов на содержание и высокой нормы эксплуатации «спецконтингент» обходился дешевле вольнонаемных рабочих. Возможность беспрепятственной эксплуатации труда заключенных, спецпереселенцев в любых условиях, их быстрой переброски с объекта на объект высоко ценилась как политическими, так и хозяйственными руководителями.

По состоянию на 1 января 1948 г. в Караганде было зарегистрировано 2271 семей, или 10393 чел. из Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и т.д.), которые работали на 75 промышленных предприятиях и организациях.

В Темиртау представителей из Северного Кавказа проживало 593 семей, или 2414 чел., которые были задействованы на 7 промышленных предприятиях и организациях города. В Балхаше – 833 семей, или 3122 спецпереселенцев, работавших на 9 промышленных объектах [9, с.154]. Из докладной записки Управления МВД по Карагандинской области от 20 августа 1949 г. следует, что на территории Карагандинской области проживало 39900 семей с количеством 117043 спецпереселенцев. Из них в Караганде проживало 22059 семей, или 56713

чел. [9, с.199]. Известно, что в 1952 г. в целом по региону на промышленных предприятиях, стройках, на транспорте работали 36910 немцев-спецпереселенцев, 15114 спецпереселенцев из Северного Кавказа [9, с.199].

Другой категорией населения Центрального Казахстана были заключенные Карагандинского исправительно-трудового лагеря ГУЛАГА НКВД, а также военнопленные и интернированные Спасского лагеря № 99. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР», список спецпереселенцев на территории Карагандинской области пополнился лицами, освобожденными из Карагандинского исправительно-трудового лагеря МВД и поставленными на учет в спецкомендатуры [9, с.8].

Статистические данные свидетельствует о широком применении их труда в угольной промышленности Караганды, металлургической промышленности Балхаша, Джезказгана, Темиртау, а также в строительстве промышленных, жилищных и культурно-бытовых объектов. В частности, в декабре 1945 г. свыше 2000 военнопленных были определены в особую строительно-монтажную часть треста «Прибалхашстрой» для работы на кирпичном, деревообделочном заводах, в шламовом хозяйстве и на земляных работах по рытью траншей и котлованов для промышленного и гражданского строительства, а также свыше 600 военнопленных для работы в металлургическом и ремонтно-строительном цехах, техснабе, железнодорожном транспорте и рудном дворе Балхашского медеплавильного завода [12, с.113].

При шахтах № 42 – 43 треста «Сталинуголь», № 26 треста «Кировуголь», №№ 47, 48 и 49 треста «Ленинуголь», им. Костенко, возле строящихся шахт №№ 37 – 38 и 64 – 83 треста «Шахтстрой» были образованы дополнительные отделения Спасского лагеря № 99 для использования военнопленных как на подземных работах, так на строительстве и реконструкции шахт. Кроме этого, военнопленные лагерного отделения № 16 использовались на строительстве треста «Казметаллургстрой» в пос. Самарканд (будущем г. Темиртау); заключенные лагерных отделений №№ 17 и 18 размещались непосредственно в г. Караганде, работая в системе треста «Карагандажилстрой»; отделение № 19 было образовано для использования военнопленных, содержащихся в нем, на работах в тресте «Дорстрой» Карагандинской железной дороги. Само управление лагеря № 99 находилось в Новом Городе г. Караганды [12, с.75].

В 1948 г. в тресте «Сталинуголь» работало 1120 военнопленных японцев, в тресте «Ленинуголь» – 747 японцев, в тресте «Молотовуголь» – 648 военнопленных немцев, 663 японца и т.д. [12, с. 111]. В январе 1949 г. за комбинатом «Карагандауголь» было закреплено 8085 военнопленных, в тресте «Карагандауглересурсы» – 786 немцев, в тресте «Кировуголь» – 886 немцев, 78 испанцев, 8 австрийцев; в тресте «Карагандапромжилстрой» – 65 немцев; в тресте «Сталинуголь» – 1726 японцев; на шахте № 3 Всесоюзного угольного института работали 939 немцев, 74 японца, 8 румын, 8 австрийцев, 1 венгр; на шахте № 20 треста «Ленинуголь» – 1101 японец; на Сталинской Магнитогорской магистрали треста «Промжилстрой» – 936 японцев; в тресте «Жилстрой» – 800 японцев; в тресте «Сараньпромстрой» – 990 немцев и 36 японцев и т.д. [12, с.112]. В январе 1949 г. в связи с репатриацией военнопленных, в Спасском лагере № 99 были ликвидированы три отделения. В лагере осталось 12 отделений, 10 из которых располагались в г. Караганде, 2 – в поселке Сарань [12, с.83]. К концу 1949 г. в черте города функционировало 5 лагерных отделений, где содержались военнопленные из европейских и японских армий.

В целом, военнопленными Спасского лагеря № 99 были построены и сданы в эксплуатацию такие крупные объекты Караганды и области как шахты №№ 105,106, 38 (с обогатительной фабрикой), травматологическая больница, летний театр, жилые дома. Кроме этого, военнопленные участвовали в реконструкции ЦОФ, шахты № 8/9, постройке шахт им. Костенко, Карагандинского Дворца горняков, строили линию городского трамвая, асфальтировали шоссейные дороги и т.д.

Таким образом, основная часть лагерных отделений Карлага, Спасского лагеря располагалась в черте городов Карагады, Темиртау и рабочего поселка Сарань. Заключенные данного лагеря вплоть до самой ликвидации работали в трестах «Кировуголь», «Ленинуголь», «Молотовуголь» по добыче угля, а также в строительстве промышленных и жилых объектов при тресте «Промжилстрой», «Карагандашахтстрой» и т.д. Они строили бараки, хозяйственные помещения, строили и ремонтировали железные пути, и особенно, использовались на подземных работах по добыче угля в шахтах по таким специальностям как навалоотбойщики, машинисты подземных кранов и т.д.

Следует отметить, что вышеприведенные статистические данные неполные, так как нет точных статистических сведений по спецпереселенцам, заключенным, военнопленным и интернированным, которые проживали в городах Центрального Казахстана в данный период. Имеющиеся по ним статистические данные носят фрагментарный характер, однако, имеющиеся материалы дают нам право заключить, что принудительная миграция составляла немалую долю в общем миграционном потоке населения Центрального Казахстана в послевоенные годы.

Еще одним показателем демографического развития населения является величина его естественного прироста, отражающая разницу между числом родившихся и умерших за определенный период. К сожалению, проследить уровень рождаемости и смертности по городам Центрального Казахстана представляется сложным, так как сведения за 1945 – 1953 гг. так же носят фрагментарный характер. Нами обнаружены сведения ЦСУ Казахской ССР, где фиксируются только итоговые цифры естественного прироста, без указания соотношения рождаемости и смертности. Тем не менее, имеющиеся данные помогут проследить общую тенденцию естественного прироста городского населения в регионе (таблица 5).

Таблица 5 – Динамика естественного прироста городского населения Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг. (кол-во чел.).

Годы	1945	1946	1948	1950	1952	1953
Естественный прирост	2660	4820	7895	16100	17488	10021

Как видно из таблицы, динамика естественного прироста среди городского населения Центрального Казахстана отмечалась скачкообразностью и резкими колебаниями. В частности, в 1948 г. естественный прирост составил 7895 чел., тогда как в предыдущем и последующем годах он составлял свыше 15000 чел. В архивных документах резкое снижение естественного прироста в 1948 г. в большей степени объясняется увеличением детской смертности, связанной со всплеском инфекционных заболеваний и пневмонии вследствие неблагоприятных жилищно-бытовых условий, отсутствия больничных и ясельных коек, имевших место в этот период.

В целом, по городскому населению Центрального Казахстана складывалась достаточно благоприятная демографическая ситуация. Заметно возросли темпы естественного прироста, составив к 1952 г. – 17488 чел. против 2660 человек в 1945 г., что было обусловлено достаточно высоким процентом рождаемости

и относительно низким уровнем смертности. Определенное преставление о естественном приросте населения дают данные в разрезе городов в таблице 6.

Таблица 6 – Динамика естественного прироста в разрезе гг. Караганда, Темиртау, Балхаш в 1945 – 1953 гг. (кол-во чел.).

Годы	Города	Естественный прирост за 1 – е полугодие
1945 г.	Караганда, Самарканд	596
	Балхаш	– 90
1948 г.	Караганда	3653
	Темиртау	387
	Балхаш	379
	Балхаш	671
1953 г.	Караганда	6430
	Темиртау	735
	Балхаш	673
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 280. Л. 25; Д. 287. Л. 4; Д. 299а. Л. 143; Д. 369. Л. 26; Д. 387. Л. 22; Д. 405. Л. 26.		

Данные таблицы свидетельствуют о положительной динамике естественного прироста в исследуемых городах. Наиболее высокий уровень естественного прироста был отмечен в городе Караганде: если в 1945 г. за 1 – е полугодие прирост составил 596 чел., то уже в 1953 г. – 6430. Почти в 2 раза увеличился естественный прирост в Темиртау; в 1,7 раз – в Балхаше.

Таким образом, рассмотрев основные компоненты изменения численности городского населения в регионе, т.е. естественного прироста и миграции, следует заключить, что за период с 1945-1953 гг. рост численности городского населения осуществлялся, в основном, за счет миграционных процессов, доля естественного прироста была незначительной.

Показатели положительного сальдо миграции «перекрывали» показатели естественного прироста. Высокая степень миграционного движения в послевоенный период была обусловлена как принудительным переселением, которое продолжало иметь место во второй половине 1940-х гг., так и добровольной трудовой миграцией рабочих, комсомольцев, коммунистов из других регионов СССР, связанной с освоением природных недр и крупным промышленным строительством в Центральном Казахстане. Власть, обещая высокую заработную плату, улучшенные жилищные условия смогла «убедить» людей переехать в достаточно отдаленные от России регионы, в частности в Центральный Казахстан. По мнению профессора З.Г. Сактагановой, государством в обществе насаждался «синдром жертвенности» во имя Родины и в мирное время, т.е. «идеологическая машина в период сложных послевоенных лет усиленно внедряла в массовое сознание установку на очередной виток трудового подвижничества, патриотического энтузиазма, нацеливала на усиление мобилизационных возможностей как в экстремальные военные годы» [13, с.81].

Высокая степень миграции сыграла большую роль на складывание возрастно-половой структуры городского населения региона. Рассмотрим численность каждого пола по возрастам, а также соотношение полов в каждой возрастной группе.

Итак, в 1948 г. процентное соотношение полов среди городского населения региона составляло: мужчин – 47,3 %, женщин – 52,6 %. В первой возрастной категории (от 0 – 19 лет) наблюдался перевес мужчин, т.е. 41 % против 34. В следующей возрастной группе (20 – 59) соотношение полов терпит значительные изменения.

Таблица 7 – Распределение городского населения Центрального Казахстана по полу и возрасту, 1 января 1948 г. (кол-во чел.).

Возраст, лет	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	384650	100	182071	100	202579	100
0-9	77607	20	39198	21	38409	19
10-19	66044	17	35951	18	30093	15
20-29	86762	22	37423	21	49339	24
30-39	67338	17	29609	16	37729	19
40-49	43877	11	20907	11	22970	11
50-59	24205	6	11353	6	12852	6
60 лет и старше	18817	5	7630	4	11187	5
Мужчин и женщин, 0-19	143651	37	75149	41	68502	34
Мужчин и женщин, 20-59	222182	58	99292	54	122890	60
Мужчин и женщин, 60 лет и старше	18817	5	7630	4	11187	5
Удельный вес				47,3		52,6
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 299а. Л. 131						

Удельный вес мужчин по отношению к женщинам сократился до 54 %, тогда как удельный вес женщин составил 60 %. Разница соотношения полов в следующей возрастной категории (от 60 и старше) была незначительной: численность женщин составила 11187 человек, или 5 %, в то время как мужчин 7630 человек, или 4 %.

Возрастная структура городского населения была молодой, так как удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста (от 0 – 19 лет) составлял 37% (из них мужчин – 52%, женщин – 47%). Большая часть городского населения состояла из людей, находившихся в трудоспособном возрасте от 20 – 59 лет, они составляли 58 % (из них мужчин – 45%, женщин – 55%). Удельный вес численности населения в возрасте от 60 и старше был незначительный и составил 5%, где 40% составляли мужчины, а 59% женщины. Причем численность пожилых женщин была в 1,5 больше, чем мужчин.

Таким образом, 78,7 % населения были людьми в возрасте до 40 лет. В городах Центрального Казахстана 79,8 % населения находилось в возрасте до 40 лет. Из них 41,1 % населения в возрасте до 19 лет [14, с.30-41].

В целом, возрастно-половая структура городского населения находилась в состоянии «демографической молодости», т.е. доля молодого и среднего возраста составляла большинство.

В силу отсутствия полных статистических данных невозможно отследить национальный состав городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период. Однако, по мнению отечественных демографов М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной, в результате трудовой миграции, депортации, политических репрессий в Центральный Казахстан прибыли представители различных национальностей, что естественно сказалось на снижение удельного веса коренного населения [15-16]. В целом миграционный прирост городского населения способствовал росту многонациональности и снижению удельного веса коренного населения.

Таким образом, характеризуя демографическую ситуацию городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период, можно сделать ряд выводов. В 1945 – 1953 гг. Центральный Казахстан представлял собой регион с высоким уровнем урбанизации. Удельный вес городского населения значительно превышал долю сельского населения по всему региону. Абсолютный прирост численности населения объяснялся положительным миграционным и естественным приростом. Если в сельской местности увеличение численности

населения происходило исключительно за счет естественного прироста, то доминирующую роль в формировании численности населения городов сыграло положительное сальдо миграции. Причиной тому послужила политика советского государства, которая была направлена на форсированный подъем тяжелой индустрии. Центральный Казахстан с богатейшими запасами природных недр являлся одним из крупных сырьевых баз Советского Союза. Отсутствие рабочего потенциала не позволяло достаточной мере освоить промышленный регион. Вследствие этого руководству было выгодно пополнить трудовые ресурсы за счет добровольной и принудительной миграций из других регионов Союза. Однако проведенный анализ показал, что движение населения в городах было направлено не только на приток, одновременно шел и обратный процесс. Это доказывает, что для приезжих не были созданы соответствующие благоприятные условия жизни. Отсутствие жилья, некачественное медицинское обслуживание, неблагоприятные санитарно-гигиенические и бытовые условия вынуждали возвращаться мигрантов. Тем не менее, за исследуемый период мы не констатировали отрицательного миграционного сальдо. Миграционный прирост, который был представлен в принудительной депортации, насильственный репрессии и т.д., а также в добровольной миграции оказал непосредственное влияние на формирование многонациональной структуры городского населения в послевоенный период.

Возрастная структура городского населения региона характеризовалась высоким удельным весом числа детей и подростков, а также лиц трудоспособного возраста. Это явилось следствием того, что, во-первых, на промышленное строительство в основном были направлены люди трудоспособного возраста, во-вторых, необходимо отметить положительный естественный прирост. Что касается половой структуры городского населения в исследуемый период по Центральному Казахстану, то преобладало количество представительниц женского пола трудоспособного возраста, что объясняется последствиями тяжелых военных лет.

---

1. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 387
2. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 299а
3. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 369
4. Административно–территориальное деление на 1 января 1945 г. Информационно-статистический отдел Президиума Верховного Совета Казахской ССР. – Алма–Ата: Изд-во КазОГИЗ, 1946. – 99 с.
5. СССР. Административно-территориальное деление Союзных республик. – М. : Изд-во Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1949. – 484 с.
6. СССР. Административно-территориальное деление Союзных республик. Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – М., 1954. – 488 с.
7. Подсчитано по ГАКО. Ф. 596. Оп.1/10. Д. 20. Л. 139-242; Д. 25. Л. 12-298; Д. 28. Л. 1-157; Д. 31. Л. 1-158; Д. 34. Л. 2-341; Д. 51. Л. 1-216; Д. 56. Л. 1-209
8. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР (1929 – 1941 годы) // Свободная мысль. – 1992. – №13. – С. 73-84
9. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов // Сост. Р. М. Жумашев и др. / Под. ред. Е. К. Кубеева. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. – 325 с.
10. Аудиозапись биографической беседы с Якушевой А. Е. (1922 г.р., записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.)
11. Индустриальная Караганда. – 1990. – 28 октября
12. Михеева Л. В. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века).: дис. … канд. ист. наук. – Караганда, 2007. – 183 с.

13. Сактаганова З.Г. История осуществления советского опыта экономической модернизации в Казахстане. 1946–1970 гг. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2004. – 300 с.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. – М. : Госиздат, 1962. – 202 с.
15. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.) – Алматы, 1991. – 191 с.
16. Козина В.В. Население Центрального Казахстана (40-е годы – конец XX века). – Алматы: Өркениет, 2001. – 183 с.

1.2. Этнодемографические характеристики горожан 1954 – 1960-е гг.

В 1950-х гг. в экономике Центрального Казахстана окончательно закрепилась тенденция его индустриального развития, в основном тяжелой промышленности, был заложен фундамент и стала развиваться сеть предприятий военно-промышленного комплекса. Это обусловило интенсивность урбанизационных процессов. Так, если в 1939 г. в Центральном Казахстане было три города и шесть рабочих поселков, то в 1959 г. в него входили 6 городов, (из них 5 республиканского, краевого и областного подчинения) и 15 поселков городского типа [1, с.12].

Основным градообразующим фактором в регионе была угольная и горнодобывающая промышленность, города возникали, как правило, у месторождений полезных ископаемых. Города-спутники угольной отрасли - Караганда, Абай, Сарань, Шахтинск. Джезказган и Балхаш возникли в связи с добычей и разработкой руд цветных металлов. Образование г. Темиртау было связано со строительством Карагандинского металлургического комбината. Таким образом, вокруг г. Караганды сформировалась самая крупная городская агломерация Казахстана.

Строительство новых крупных предприятий союзного значения осуществлялось, как правило, за счёт привлечения рабочих из-за пределов Республики, преимущественно из России и Украины. В результате бурных миграционных потоков абсолютная численность городского населения Центрального Казахстана, согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г. составила 797 392 чел. и увеличилась, по сравнению с 1939 г. в 3,4 раза, в том числе по городам: в Караганде – в 2,5 раза (383 тыс. чел.), в Темиртау – в 15 раз (77 тыс. чел.), в Балхаше – в 1,6 раз (53 тыс. чел.), в Сарани – в 8,6 раз (40 тыс. чел.), в Джезказгане - в 10 раз. (32 тыс. чел.) [2, с.17]. Для сравнения, в среднем по республике численность горожан возросла за этот же период в 2,5 раза. Урбанизационные процессы развивались настолько бурно, что доля городских жителей в составе населения региона составила 78%, что намного превысило среднереспубликанский (на 34%) и среднесоюзный (на 30%) показатели [2, 14]. Самым населенным городом была Караганда.

В этот период произошли значительные сдвиги в национальной структуре Центрального Казахстана. Это четко прослеживается при анализе данных Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. Так, численность казахов увеличилась всего на 58 371 чел., или в 1,4 раза и составила 194912 чел., в то время как русских – на 29718 чел., или в 2,5 раза и их стало 482735 чел. Увеличилась и абсолютная численность других этносов – украинцев (в 2,4 раза), татар (в 4,4 раза), корейцев (1,6 раза). Рост удельного веса в составе населения региона наблюдался почти для всех этнических групп, кроме казахов. Так, удельный вес казахов снизился с 32,6% в 1939 г. до 19,1% в 1959 г., или почти в два раза; русских, наоборот, увеличился с 45,5% в 1939 г. до 47,4% в 1959 г.; татар – с 1,4% до 2,5%. Значительно повысилась

доля немцев, абсолютная численность которых возросла в 7,4 раза, а удельный вес их в национальной структуре населения региона с 3,6% в 1939 г. до 10,9% в 1959 г. [1, с.168-174].

В городах Центрального Казахстана эта тенденция проявились более радикально, чем в других регионах Казахстана. Изменение этнической картины проходило очень быстро под воздействием заселения городских поселений восточнославянским этносом, преимущественно за счет промышленной миграции. Партийно-советские и хозяйственные органы активно занимались организационной работой по обеспечению предприятий рабочей силой, в том числе за счет контингента органов внутренних дел. Например, по состоянию на 1 января 1953 г., численность спецконтингента по Карагандинской области была следующей: состоящих на учете – 135075 чел., находившихся в наличии – 132 807 чел., численность арестованных – 2 149 чел., числилось в розыске – 119 чел. Национальный состав был таковым: немцы – 78 843 чел. (выселенные – 53477 чел., репатриированные – 15712 чел., местные – 8 754 чел., мобилизованные – 900 чел.); с Северного Кавказа – 44247 чел. (чеченцы – 38 699, ингуши – 5 226, балкарцы – 105, карачаевцы – 89) другие – 128 чел.; «ОУНовцы» – 7 423 чел; поляки – 2 424 чел.; из Краснодарского края и Ростовской области, – 1 434 чел.; «власовцы» – 433 чел.; калмыки – 73 чел.; из Крыма – 63чел. (татары – 55, болгары – 5, армяне – 3); из Молдавии – 47 чел.; из Прибалтики – 40 чел.; из Грузии в 1944 г. – 27 чел. (турки – 15, курды – 4, другие – 8); из западных областей Украины и Белоруссии в – 10 чел.; с Черноморского побережья – 6 чел. (греки); иранцы – 4 чел. [3, с.180]. В 1954-1958 гг. происходил интенсивный процесс освобождения со спецпоселения. В результате на 1 января 1959 г. в Карагандинской области их численность составила 2774 чел. Кроме того, отбывающих ссылку – 296 человек [3, с.192-193].

Степень урбанизированности двух основных этносов в регионе – казахов и русских имела противоположные тенденции. Как видно из таблицы 1, в 1959 г. в абсолютных цифрах количество проживающих в городских и сельских населенных пунктах казахов было почти одинаковым (101728 против 93184) с небольшой разницей в пользу первых. Вместе с тем, удельный вес их в составе городских и сельских жителей был далеко не равнозначен: их доля в населении городов стала составлять всего 12,7%, в то время как в сельской местности они составляли большинство – 42,1%. Напротив, русские составляли большую часть жителей городов – 52,3%, на селе их доля была равна 29,6%. Урбанизационные тенденции наблюдались у всех других этносов, населяющих центрально-казахстанский регион, кроме немцев, удельный вес которых среди жителей городских и сельских населенных пунктов составил 10,5% и 12,2% соответственно.

Таблица 1 - Национальный состав населения в городах Центрального Казахстана (1959 – 1970 гг.) [1, с.14]

Все национальности	1959 г.		1970 г.	
	Абс. численность	Уд.вес %	Абс. численность	Уд.вес. %
	797392	100	1259377	100
Казахи	101728	12,7	145800	11,58
Русские	417206	52,3	713210	56,63
Украинцы	82463	10,3	132470	10,52
Татары	22575	2,8	43542	3,46
Немцы	83726	10,5	115188	9,15
Корейцы	10978	1,4	12811	1,02
Другие	78713	9,9	96356	7,7

В 1950-х гг. в Центральном Казахстане, по сравнению с другими регионами страны, не было дисбаланса в соотношении полов. Это объясняется тем, что промышленность региона складывалась исключительно из тяжелых отраслей, таких как угольная, цветная металлургия и т.д., и была ориентирована в основном на мужскую занятость. Вместе с тем, в промышленности удельный вес женщин хотя и сокращался, но оставался еще высоким – 26,1% в 1950 г. всех работников промышленности. В некоторых отраслях народного хозяйства, таких как здравоохранение, процент женщин в общей численности работающих составлял более 85%; в организациях подготовки кадров и просвещении – свыше 50%; в торговле, общественном питании и заготовках – свыше 45% [4, с.91].

Половозрастной состав взрослого населения региона к началу десятилетия, можно установить по материалам итогов подсчета избирателей по выборам в Верховный Совет СССР на 12 марта 1950 г., из которого следует, что соотношение полов было следующим: женщины составляли 53,7%, мужчины – 46,3%. В городах это соотношение было более благоприятным: если женщины составляли 52,4%, то мужчины – 47,6%. Большая часть населения Центрального Казахстана в этот период – люди, находящиеся в трудоспособном возрасте от 21 до 50 лет, они составляли 71,6% населения (74% – в городах; 63,6% – в сельской местности). В возрасте от 56 до 60 лет (в городе –3,6%; на селе –6,9%); от 61 и старше – 10,6% (в городской местности – 10,6%; на селе – 23,9%). Эти пропорции сложились в основном за счет доли численности пожилых (от 79 лет и старше) которые составили в целом по региону 2,3% (из них женщины составляют большинство – 62,5%). В городах пожилых больше – 57,2% этой категории проживают здесь (42,8% – в сельской местности). В городах пожилых женщин больше, чем мужчин в 2 раза, на селе – в 1,3 раза [4, с.120].

Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала еще более благоприятное соотношение полов в регионе. Это было следствием того, что молодые люди устремлялись в Центральный Казахстан со всего Советского Союза на строительство и эксплуатацию промышленных предприятий, где им была гарантирована работа, достаточно высокая (по сравнению с областями России и Украины, и др.) заработная плата и жилье. Теперь соотношение полов в городах Центрального Казахстана стало: 49% мужчин и 51% женщин. Эти же причины определили относительно молодой (по сравнению с другими республиками СССР, а также областями Казахстана) возраст жителей региона. Так, в целом по Карагандинской области в 1959 г. в возрасте до 9 лет находилось 26,3% населения, в возрасте от 10 до 19 лет – 16%; 36,4% населения региона находилось в возрасте от 20 до 40 лет. Таким образом, 78,7% населения были людьми в возрасте до 40 лет. «Моложе» были жители городов: 79,8% находились в возрасте до 40 лет. Из них в возрасте до 19 лет – 41,1% [1, с.30-41].

Статистические документы и архивные материалы 1950-х гг. позволяют проанализировать трудовые ресурсы центрально-казахстанского региона и представительство в них коренного населения. Так, среднемесячная численность рабочих и служащих, занятых во всех отраслях Центрального Казахстана в сентябре 1955 г. составила 278818 чел., в том числе: в промышленности – 105454 чел.; в строительстве – 30228 чел.; транспорте – 34747 чел. (в том числе в железнодорожном – 15556 чел.; автомобильном – 18107 чел.); в сфере связи – 1920 чел.; в торговле и общественном питании – 11849 чел.; на заготовках – 1534 чел.; в сфере материально - технического снабжения – 2294 чел.; в прочих отраслях материального производства – 379 чел.; в жилищном хозяйстве – 2849 чел.; коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании – 1221 чел.; в здравоохранении – 12256 чел.; в народном просвещении – 13221 чел.; в науке

и научном обслуживании - 11028 чел.; в искусстве – 577 чел. Стремительный рост численности занятых в последующие годы наблюдался в автотранспорте, промышленности, здравоохранении [5, с.1-8].

Низкая степень урбанизированности казахов стала причиной их слабого представительства в отраслях экономики региона.

Таблица 2 – Численность казахов в отраслях экономики Центрального Казахстана [5, с.1-4]

Отрасли хозяйства	1948 г.		1949 г.		1950 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс	%
Все отрасли	22856	13,6	23516	13,4	25315	13,1
Промышленность	10915	13,6	10526	12,9	10671	12,1
Строительство	1664	7,0	1880	6,8	2412	7,5
Транспорт	1791	12,6	2951	20,3	1805	12,1
Торговля	780	16,1	1187	25,7	1313	25,3
ОРСы	1523	12,3	1465	11,8	1356	13,7
Подготовка кадров и др. учр-я просвещения	1279	17,2	1512	19,9	1611	20,5
Здравоохранение	60	1,1	120	2,1	121	1,8
Органы и учр-я республик. х/у	1633	36,0	1872	34,8	2089	36,2

Как видно из таблицы 2, к 1950-м гг. абсолютная численность казахов, занятых во всех отраслях народного хозяйства увеличилась, а удельный вес их в общей численности трудовых ресурсов снизился с 13,6% до 13,1%. В промышленности региона снижение произошло от 13,6% в 1948 г. до 12,1% в 1950 г. Это говорит о том, что в регионе рост работающих казахов отставал от общего роста трудовых ресурсов. Особенно мало казахов было занято в здравоохранении (около 2% от всех работающих) и на строительстве (7,5%). Вопрос вовлечения казахов в общественное производство и подготовка национальных кадров, был в то время очень актуален. Эта ситуация имела место и в последующие годы.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. дают возможность рассматривать социальную структуру населения городов региона комплексно. Результаты сравнительного анализа подтверждают в целом тенденции и характер ее формирования в предыдущий период: рабочие были самой многочисленной социальной группой общества, их доля в структуре населения области составляла 68,4%. Причем, численность рабочего класса в Карагандинской области была наибольшей в республике – в 1958 г. на предприятиях региона трудилось 142 тыс. чел., что составляло четвертую часть всех рабочих республики. Наблюдалось значительное повышение категории «служащие». Их удельный вес в составе населения увеличился до 22,5%. Возросла численность основных социально-профессиональных отрядов интеллигенции, особенно производственно-технической: а также медицинская и научная интеллигенция. Важной особенностью изменений в структуре интеллигенции было увеличение в ней удельного веса женщин, особенно казашек.

Пополнение состава промышленных предприятий происходило за счет выпускников ФЗО; возрожден был опыт вербовки, или оргнабора. Однако, та и другая формы обеспечения промышленности производственным персоналом, методы и условия в которых они осуществлялись, отнюдь не способствовали задержке на рабочих местах. Большая текучесть кадров и самовольный уход с работы, наблюдались особенно среди молодежи, выпускников ФЗО. После трехмесячной учебы они не могли быть определенное время полноценными рабочими. Низкая квалификация не позволяла им первые 3–5 месяцев выполнять дневную

норму, – следовательно, получаемая зарплата не обеспечивала их прожиточного минимума. Кроме того, в школы ФЗО набирались малолетки, распределения на работу проводились без учета климатических условий, поэтому, прибывшие из южных районов средней Азии тяжело переносили суровый зимний климат Центрального Казахстана. Самый высокий процент текучести дают предприятия и стройки угольной промышленности. Так, в 1950 г. текучесть рабочих кадров на предприятиях г. Караганды составила 22,8%. Наибольший процент составляют самовольные уходы, на предприятиях угольной промышленности 45,9% к общей текучести, а по Главшахтострою – 60,9% [6, с.19]. В архивных документах 1950-х гг. эта тема была неоднократно отражена. Основными причинами, вызывающими текучесть молодых рабочих, назывались:

1. Плохая организация труда молодых рабочих в промышленности и строительстве: переброска их с объекта на объект, неподготовленность рабочих мест; плохая обеспеченность строительными материалами, большие простои и в результате низкая заработная плата.

2. Использование не по специальности молодых рабочих, что не давало им возможности повышать свою квалификацию, дезорганизовывало, что в конечном итоге было причиной низких заработков. Так, в Сараньшахтострое 64 молодых рабочих использовались не по специальности; на шахте 19-бис – 84 чел. Заработная плата и аванс выдавались с большим опозданием, а так как большинство молодых рабочих были одинокими, то они оказались в тяжелом материальном положении.

3. Культурно – массовая работа с молодыми рабочими была поставлена неудовлетворительно. Мало газет, журналов, игр. Лекции и доклады и др. мероприятия проводились плохо и редко.

4. Бытовые условия на ряде предприятий также были неудовлетворительными. Так, из пяти общежитий Центрального УНШ только одно находилось в надлежащем порядке, а четыре в антисанитарном состоянии. В Майкудукском УНШ из 5 общежитий только в двух бытовые условия характеризовались, как удовлетворительные [7, с.19-21].

Оставлял желать лучшего результат подбора рабочей силы по оргнабору. Погоня вербовщиков за количеством, стала причиной низкого квалификационного уровня трудовых промышленных коллективов. Среди вновь принятых, преобладающую часть составляли чернорабочие, до этого не работающие по тем специальностям, для которых их вербовали. Часто людей подбирали прямо на станциях или просто на улице, не редко – из уголовно - преступного мира. Вербованные таким образом рабочие часто не проходили медицинского осмотра или же проходили его формально - для получения справки медосмотра при заключении договора и, как результат, на предприятиях городов Центрального Казахстана был большой процент больных разными заболеваниями (бруцеллез, туберкулез, венеретики и т.д.) и инвалидов [8, с.291-294].

Особенно большая потребность была в инженерно-технических работниках. Было приложено немало усилий для укомплектования ими предприятий: в ход шли и массированная агитационная работа, и формы экономической заинтересованности. На предприятия городов Центрального Казахстана прибывали специалисты из Украины, Ленинграда, Москвы, Кузбасса, Свердловска, Баку и других городов Советского Союза. Так, для развития железнодорожного транспорта на постоянную работу с других дорог страны на Карагандинскую железную дорогу в 1946-1951 гг., 1953, 1955-1956 гг. было переведено 4159 машинистов, паровозных и вагонных слесарей, вагонных мастеров и др. [9, с.231]. В результате в регионе значительно возросла доля ИТР, квалифицированных специалистов и рабочих. Анализ статистических данных показал многонациональность прибывших ИТР:

русские, украинцы, поляки, татары, болгары, немцы, греки, белорусы, латыши, венгры, ингуши, казахи, корейцы, эстонцы, евреи [10, с.39-41].

За межпереписной период 1959-1970 гг. численность населения Центрального Казахстана (Карагандинская и Джезказганская области) увеличилась более, чем в три раза и составила 1554 тыс. чел. В Карагандинской области проживало 1142 тыс. чел., в Джезказганской – 412 тыс. чел. Увеличение общей численности населения Центрального Казахстана в этот период происходило в большей мере за счет механического движения. В результате высоких темпов индустриального развития региона продолжались процессы урбанизации, росла численность городских жителей за счет прибывающих со всех концов Советского Союза специалистов народного хозяйства и переселением из сел в города.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г. городов в Центральном Казахстане уже девять, и в них проживало 978009 чел. Из них один город – с числом жителей свыше 5 тыс. человек; один – свыше 10 тыс. чел.; три – свыше 20 тыс. человек; свыше 50 тыс. человек – два города. Самыми крупными городами по числу жителей были Караганда (523271 чел.) и Темиртау (166479 чел.). Караганда был вторым по численности населения городом в республике после Алма-Аты. Таким образом, большинство населения региона проживало в городских поселениях с численностью от 20 до 50 тыс. жителей.

Поселков городского типа в регионе было 34, в них проживало 281368 чел. Из них: в восьми поселках с числом жителей менее трех тысяч – 13889 чел.; в 4-х поселках с числом жителей свыше трех тысяч – 15538 чел.; в 13-ти поселках с числом жителей свыше пяти тысяч – 91 498 чел.; в 6-ти поселках с числом жителей свыше десяти тысяч - 72 941 чел.; в 3-х поселках с числом жителей от 20 тысяч до 50 тысяч – 87 502 чел.

Таблица 3 - Численность населения в городах и поселках городского типа Центрального Казахстана [12, с.52]

Города	1959	1970	1970 в % к 1959 г.
Караганда	382927	523271	137
Темиртау	76725	166479	217
Балхаш	53031	75965	143
Джезказган	32442	62495	193
Сарань	39810	49053	123
Шахтинск	6589	40158	609
Абай	17867	34245	192
Каражал	10109	17702	175
Поселки городского типа:			
Джезказган	29576	34277	116
Никольский	11476	32862	286
Шахан	1055	20363	В 19 раз
Актас	10556	16673	158

Как видно из таблицы 3, количество населения в городах и рабочих поселках увеличилось в среднем в 2 раза, а в некоторых - в 6 раз (г. Шахтинск) и в 19 раз (р.п. Никольский), тогда как в среднем по СССР на 50%, по Казахстану – на 61%. Общая численность горожан достигла в 1970 г. 1259377 чел., а их доля в составе жителей региона 81%, что превысило среднереспубликанский показатель на 31% и среднесоюзный на 25%.

Половозрастная структура населения городов оставалась по-прежнему достаточно благоприятной. Вплоть до середины 1970-х гг. она четко сохраняла признаки потока промышленных мигрантов прежних лет. Это, прежде всего, объясняется тем, что промышленная экономика региона была ориентирована

в основном на мужскую занятость. Вместе с тем, в Центральном Казахстане в период 1959-1970 гг. тенденции формирования половой структуры населения несколько отличались от среднереспубликанских. Так, в целом по республике наблюдается увеличение доли мужского населения – на 0,6 пунктов (с 47,6% до 48,2) с пропорциональным уменьшением доли женщин (с 52,4% до 51,8%). Причем, среди городских жителей – на 0,9 пунктов (с 52,7 до 51,8%). В Центральном Казахстане, наоборот, происходит некоторое смещение соотношений полов в сторону увеличения женщин. Так, в целом по региону доля мужчин сократилась на 0,2 пункта (с 49,0% до 48,8%), женщин увеличилась пропорционально; среди городских жителей прослеживается аналогичная картина: сокращается доля мужчин (с 48,9% до 48,7%) и увеличивается доля женщин (51,5% до 51,3%). Возрастная структура населения региона также претерпела значительные изменения: если половозрастная пирамида в 1959 г. имела очертания расширяющегося основания, то в последующие годы за счет снижения рождаемости и сокращения количества детей в возрасте до 9 лет, основание ее сильно сузилось. Передвижка возрастов 20-24 и 25-29 лет переписи 1959 г. на 11 лет показывает, что в 1970 г. им было 31-35 и 36 и 40 лет [12, с.32-35].

Тенденции развития национальной структуры региона остались прежними, хотя темпы их значительно замедлились. Всесоюзная перепись населения 1970 г. зафиксировала самый низкий в республике показатель удельного веса коренных жителей в национальной структуре городского населения – 11,58% (сокращение на 1,1%), тогда как доля русских и других этносов была наибольшей - 88,42%. Удельный вес русских увеличился на 4,3%, других национальностей почти не изменился: корейцы – 1,0%; немцы – 9,1%; татары – 3,46; украинцы – 10,52%; другие – 7,7% [13, с.117-123].

Развитие народного хозяйства повлияло на социальную структуру населения городов Центрального Казахстана. Наибольшую категорию в 1970 г. составляли, как и в 1959 г. рабочие, и их доля в социальной структуре населения выросла на 3,4% и составила 71,8%.

На численность населения большое влияние оказали изменения, произошедшие в процессах естественного движения. Коэффициент естественного прироста населения был значительно выше в Джезказганской области. Разница этого показателя между двумя областями составила в 1970 г. – 6,4 пункта (19,3 и 12,9 промилле) и в 1980 г. – 4,1 пункта (15,8 и 11,7 промилле). Показатели естественного прироста населения Джезказганской области до 1980 г. были выше среднереспубликанских на 1,9 пункта. В Карагандинской области все годы коэффициент естественного прироста был гораздо ниже среднереспубликанского показателя. Так, если в 1970 г. среднереспубликанский показатель естественного прироста составил 17,4%, то в Карагандинской области – 12,9% (меньше на 4,5 пункта); в 1980 г. – 15,9 и 11,7 промилле соответственно (меньше на 4,2 пункта). В 1970 г. в среднем по региону родилось 20745 чел., умерло 5656 чел., естественный прирост составил 15093 чел.; в 1979 года родилось 23700 чел., умерло 9052 чел., естественный прирост составил 14672 чел., т.е. количество рождений увеличилось на 14,2%; смертей – на 60% [14, с.63-83].

Анализ численности семей и группировка их по размеру показывает, что в этот период население Центрально-Казахстанского региона в большинстве своем предпочитало иметь двоих и более детей. По этому показателю регион превысил среднереспубликанские показатели. Так, если в целом по республике семьи, имеющие двоих детей, составляли 22,6%, то в Центральном Казахстане – 25,7%. Особенно данная тенденция характерна для городов где, как известно, имел место наиболее молодой возрастной состав жителей. Так, если по республике этот

показатель у жителей городских поселений составлял 26%, то по Центральному Казахстану – 27,1%. Численность семей, состоящих из 10 и более человек, составляли небольшой процент жителей региона – 4,8% [12, с.228-230].

Таким образом, в 1950-е – 1970-е гг. формирование и развитие городского населения Центрального Казахстана шло в контексте нарастания индустриального потенциала центрально-казахстанского региона. Увеличилась общая численность населения городов. Высокие темпы роста численности горожан намного превышали этот показатель в других регионах республики вследствие бурных миграционных потоков на гигантские стройки социализма. И, хотя темпы прироста к концу исследуемого периода значительно снизились, по величине удельного веса горожан Центральный Казахстан занимал в эти годы одно из первых мест в СССР.

Особенности демографического развития городов Центрального Казахстана также были обусловлены индустриальным характером их развития. Так, высокая урбанизированность и особенности национальной структуры обусловили специфику процессов воспроизводства населения, в частности, показатели естественного прироста всегда были ниже, чем в других регионах республики вследствие низкой рождаемости. Привлечение рабочей силы со всех уголков Советского Союза стало причиной резкого падения удельного веса казахов в национальном составе городов и производственных коллективов. Доля коренного населения в этнической структуре городского населения была самой низкой в республике. Индустриальный характер развития экономики стал причиной доминирования в социальной структуре населения городов рабочего класса – самого многочисленного в республике. Прибытие в города большого количества людей, обострило жилищную проблему, дефицит дошкольных учреждений, школ, культурно-массовых, медицинских, бытовых учреждений.

---

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. – М. : Госстатиздат, 1962. – 284 с.
2. Численность и размещение населения в Республике Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 209 с.
3. Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. – М. : Институт российской истории РАН, 1994. – 164 с.
4. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/10. Д. 32
5. ГАКО Ф. 596. Оп.5. Д. 233
6. ГАКО.Ф. 596. Оп.5. Д. 96
7. ГАКО.Ф. 596, Оп.5. Д. 32
8. ГАКО.Ф. 596. Оп.1. Д. 30
9. Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970). Алма-Ата: Наука,1973. – 329 с.
10. Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект). – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 156 с.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Т. 1. – М: Статистика, – 1974. – 643 с.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Т. 2. – М: Статистика, – 1974. – 455 с.
13. Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 199 с.
14. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы: Госкомстат РК, 1996. – 199 с.

1.2. Население городов региона в 1970-е – 1991 гг.

За период между переписями населения (1970 и 1979 гг.) темпы прироста городского населения значительно снизились. Вместе с тем, основная часть населения региона (82,5%) были жителями городских поселений, их численность достигла 1 411 595 чел. в 1979 г., – это больше, чем в 1970 г. на 12%. В городах, относящихся к Карагандинской области, проживало 1 066 848 чел., или 84,6% всего населения области; в Джезказканской области – 344 747 чел., или 76,7%. Как и прежде, Карагандинская и Джезказганская области вошли в тройку наиболее урбанизированных областей Казахстана, и находились по этому показателю на втором и третьем месте соответственно [1, с.22].

Согласно административному статусу и степени людности населения города Центрального Казахстана можно разделить на три группы. Так, Караганда - столица региона, относится согласно классификации городов к крупным городам (572 318 чел.); Темиртау – большой город (213 551 чел.); Джезказган, Сарань – средние города с численностью населения 62,5 тыс. чел. 55 тыс. чел. Соответственно; малые – Шахтинск (50 тыс. чел.) и Абай (40 тыс. чел.). В приросте населения городов, как и в предыдущий период, значительную роль играл механический прирост, хотя к 1980-м гг. темпы его значительно снизились.

На численность населения большое влияние оказали изменения, произошедшие в процессах естественного движения. Коэффициент естественного прироста населения был, как и прежде, значительно выше в Джезказганской области. Разница этого показателя между двумя областями составила в 1980 г. – 4,1 пункта (15,8 и 11,7 промилле соответственно). Показатели естественного прироста населения Джезказганской области до 1980 г. были выше среднереспубликанский на 1,9 пункта; затем начали снижаться и уже в 1980 г. они были ниже среднереспубликанских на 0,1%. В Карагандинской области все годы коэффициент естественного прироста был гораздо ниже среднереспубликанского показателя. Так, если в 1980 г. среднереспубликанский показатель естественного прироста составил – 15,9, то в Карагандинской области – 11,7 промилле (меньше на 4,2 пункта). По международным стандартам уровень рождаемости в регионе (18,9%) оценивается, как средний, что явилось результатом низкого удельного веса коренного населения (13,87%) и высокого удельного веса русского (56,7%).

Причиной снижения рождаемости у жителей городов Центрального Казахстана в эти годы можно считать и саму семью, и условия ее существования. Происходящие в исследуемый период изменения дают основания говорить о качественных сдвигах в брачно-семейных отношениях, о переходе от традиционной патриархальной семьи с непререкаемым главенством мужа, к семье, в которой супруги более или менее равны, от большой многопоколенной семьи, нередко включающей и побочных родственников, к нуклеарной, состоящей только из родителей и детей; от четкого разделения ролей в семье между супругами: от семьи, где муж – работник, кормилец, а жена – домохозяйка и воспитательница, к семье, в которой разделение труда сильно «смазано»: жена – такая же работница и кормилица, как и муж; и от семьи, где детей столько, сколько «бог послал», к семье, в которой вопрос о числе детей решают сами супруги. Таким образом, снижение рождаемости детей третьей и более очередностей обуславливается развитием нового общественного мировоззрения, когда сложились известные противоречия между материнскими и производственными функциями женщины, и ценностные ориентации стали развиваться в ущерб первым, ради вторых. Прежний, традиционный взгляд на семью, как обязательно многодетную или среднедетную, изменился. Стали приемлемы варианты малодетных или бездетных

семей, при активной трудовой и общественной деятельности на производстве. Отказ от рождения перед необходимостью форсированного подъёма материального благосостояния и удовлетворения культурно- бытовых и образовательных, а также духовных потребностей отодвигало рождение первых детей, а затем утверждало одно- и двухдетную семьи. В целом по республике в 1979 г. семьи из трех человек составляли 24,7%, из 4-х человек – 23,5%, по Центральному Казахстану – соответственно 28,9% и 26,5%.

В этот период наметилась тенденция роста смертности населения. Снижение смертности наблюдалась до начала 1970-х гг. (до 5,0 промилле), а со второй половины начался небольшой рост этого коэффициента. Так, в 1979 г. этот показатель составил в городах региона Джезказганской области – 7,3, в Карагандинской – 7,2 промилле. По причинам смертности обозначилась следующая закономерность: на первом месте по причинам смерти стояли заболевания системы кровообращения, на втором - онкологические заболевания, на третьем - неестественные причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства и т.д.).

Показатели возрастного состава населения по международным стандартам находились «на пороге старости». Контингент женщин детородного возраста в Центральном Казахстане составлял 47,4% (у городских жителей Джезказганской области – 46,3, в Карагандинской – 50,2%), возрастная группа старше 65 лет - 5,5% (у городских жителей Джезказганской области – 5,1, в Карагандинской – 5,2%) [2, с.165].

Численность населения Центрального Казахстана в последующие 10 лет (1979-1989 гг.) выросла на 132 тыс. чел. и составила в 1989 г. 1 841 237 человек. Расстановка мест по удельному весу горожан в численности населения областей осталась прежней: Карагандинская (84,7%); Джезказганская (78%). Величина доли городского населения в регионе значительно превысила как средние показатели по Республике (59%), так и Советскому Союзу в целом (66%). Вместе с тем, доля городского населения региона за 10 лет сократилась на 0,3%, но, несмотря на некоторое снижение показателей, Центральный Казахстан остался одним из самых урбанизированных. Это объясняется тем, что регион продолжал оставаться промышленным центром Казахстана, удельный вес валовой продукции которого составлял 89% в народном хозяйстве республики и сюда, как и в предшествующий период ехали люди, особенно молодежь – молодые специалисты со всех уголков Советского Союза [3, с.393].

Численность городского населения Центрального Казахстана в 1989 г. составила 1 526 386 чел., в том числе, в Джезказганской области проживало 385 282 чел. городских жителей, или 78,2% населения области; в Карагандинской – 1 141 104 чел. и 84,9% соответственно. В составе региона было 10 городов, а такие города как Караганда, Темиртау, Джезказган, Балхаш, Сарань и Шахтинск вошли в число городов Казахстана с численностью населения более 50 тыс. чел. Город Караганда по количеству жителей была самым крупным городом республики после г. Алма-Аты. Численность жителей в нем составила 507 318 чел. В городе Темиртау проживало (213 551 чел.), в г. Джезказгане (107 053 чел.), в г. Балхаше (86 742 чел.), в г. Шахтинске (97 323 чел.) и в г. Сарани (78 283 чел.) [4, с.34, 38].

В эти годы люди из сельской местности региона начинают активно переселяться в города, где было больше возможностей для реализации своих потребностей у молодежи – получение образования, более высокая заработная плата и др. Этот процесс прекратился в конце 1980-х гг. Неблагоприятные тенденции социально-экономического развития в Республике в целом были тому причиной. Отрицательное миграционное сальдо в некоторых городах Центрального Казахстана сформировалось за счет оттока уже в сельскую местность. Причинами

выезда из городской местности мигранты называли неблагоприятные тенденции в экономике, тотальный дефицит продовольственных и промышленных товаров и ухудшение экологической ситуации. Так, например, за 10 лет (1979-1989 гг.) население г. Темиртау уменьшилось в абсолютных цифрах на 1 566 чел. Вместе с тем, по величине удельного веса городского населения Центральный Казахстан занимал в эти годы одно из первых мест в СССР [4, с.31].

На численность населения большое влияние оказали изменения, произошедшие в процессах естественного движения. Рассмотрим динамику этих процессов в Казахстане и его центральном регионе за период с 1970 по 1990 гг.

Таблица 1 – Динамика естественного движения Казахстана и Центрально-Казахстанского региона 1980-1990 гг. (в промилле)

Регион	1980	1985	1990
Казахстан	15,9	17,1	14,0
Карагандинская область	11,7	12,6	8,3
Джезказганская область	15,8	16,5	12,7

Как видно из таблицы 1, все годы коэффициент естественного прироста населения был значительно выше в Джезказганской области. Разница этого показателя между двумя областями составила в 1980 г. – 4,1 пункта; в 1985 г. – 3,9 пункта; в 1990 г. – 4,4 пункта. Показатели естественного прироста населения Джезказганской области до 1980 г. были выше среднереспубликанских на 1,9 пункта; затем начали снижаться и уже в 1980 г. они были ниже среднереспубликанских на 0,1%, в 1985 г. – на 0,6%, а в 1990 г. – на 1,3%.

В Карагандинской области все годы коэффициент естественного прироста был гораздо ниже среднереспубликанского показателя: в 1970 г. – на 4,5 пункта; в 1980 – на 4,2 пункта; в 1985 – на 4,5 пункта; в 1990 г. – на 5,7 пункта [5, с.63-83]. В 1970 г. в Карагандинской области родилось 20 745 чел., умерло 5 656 чел., естественный прирост составил 15 093 чел.; в 1979 года родилось 23700 чел., умерло 9 052 чел., естественный прирост составил 14 672 чел., т.е. количество рождений увеличилось на 14,2%; смертей – на 60%.

В начале 1980-х гг. естественный прирост населения региона еще имел тенденцию к увеличению, однако, уже к концу десятилетия естественный прирост населения стал стабильно снижаться и в 1989 г. он составил 18,7 (городского 18,3 и сельского населения 24,3). Необходимо отметить, что показатель естественного прироста населения Карагандинской области в 1989 г. был самым низким в Казахстане. В частности, меньше более чем в 2 раза, чем в Кзылординской (22,9), Атырауской (21,7), Южно-Казахстанской (24,2) более чем в 2 раза [6, с.18]. Если сравнивать средние данные естественного прироста по Казахстану с Карагандинской областью, то за 10 лет по республике произошло снижение этого показателя с 15,9 до 15,4, а по Карагандинской области с 11,7 до 9,9. В области этот процесс шёл быстрее, чем в целом по республике. Причиной этого является то, что естественный прирост происходил в основном за счет сельских жителей, а в Карагандинской области они составляли меньшую часть. Рассмотрим составляющие естественного прироста населения.

Таблица 2 – Естественный прирост населения в городах Центрального Казахстана

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост (на 1000 чел. населения)
1980	19,7	6,9	12,5
1984	22,1	8	14,1
1989	17,7	7,5	10,3
1990	16,3	7,8	8,4

Как видно из таблицы 2, в первой половине 1980-х гг. в регионе наблюдается некоторое увеличение числа рождений: в 1980 г. число родившихся составило 19,7 промилле, в 1984 г. – было наибольшее количество рождений – 22,1 промилле. Следует отметить, что процесс рождаемости отличается сравнительно высокой степенью эластичности по отношению к социально-политическим и экономическим изменениям. История свидетельствует, что кризис общества, чаще всего вызывает и кризис рождаемости. Так, Карагандинской области с 1988 г. (при обострении негативных явлений в экономике и других сферах жизни общества) демографическая ситуация серьёзно ухудшилась и особенно заметно это отразилось на показателях рождаемости. Так, с 1985 по 1988 гг. еще наблюдается некоторый рост рождаемости, можно сказать, что в эти годы произошел демографический мини-взрыв, что было связано с изменениями в общественно-политической жизни общества с началом перестройки, появлением в сознании людей надежд на улучшение социально-экономической ситуации и вступлением в детородный возраст детей первоцелинников. В эти же годы был осуществлен ряд мер, таких как предоставление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им одного года – с ноября 1985 г. и единовременных пособий при рождении детей.

С конца 1980-х гг. в результате углубления кризисных явлений в экономике и падением жизненного уровня населения, демографическая ситуация серьёзно ухудшилась. Начиная с 1988 г., идет снижение рождаемости. Так, в городе Караганде – административном центре области, при некотором росте рождаемости до 1988 г., заметно дальнейшее неуклонное снижение этого показателя. Если в 1985 г. было зарегистрировано 11 402 новорожденных, то в 1988 – 10 404, что на 8,6% меньше. Дальнейшее снижение рождаемости происходит всё большими темпами. Всего за 4 года (1988-1991 гг.) число рождений в городе уже снизилась до 7633, или на 37,5%. Примерно такая же ситуация прослеживается и по другим городам региона. При небольшом росте рождаемости до 1988 г. наблюдается общая тенденция сокращения рождаемости в городах Абай, Сарань, Шахтинск. Наиболее ярко отражает эти процессы изменение рождаемости в г. Темиртау: в 1985 г. здесь родилось 3 873 детей, в 1988 их число сократилось на 8,8% и составило 3561. Дальнейшее сокращение числа новорожденных происходило в три раза быстрее: с 1988 по 1991 гг. число родившихся сократилось до 2714 чел. (на 31,2%). Налицо неуклонное уменьшение рождаемости, причем, процесс этот с каждым годом усиливался.

Таким образом, к концу 1980-х гг., с ухудшением материального состояния большей части населения, среднестатистическая семья горожанина и вовсе перестала быть заинтересованной в детях, так как появление каждого следующего ребенка вело к снижению жизненного уровня. В целом по республике в 1979 г. семьи из трёх человек составляли 24,7%, из 4-х человек- 23,5%; по Центральному Казахстану – соответственно 28,9% и 26,5%. В 1989 г. семьи, состоящие из 3-х человек, составляли по Казахстану 22,3%; из 4-х человек – 25,4%. Изменения этих показателей в городах Центрального Казахстана развивались аналогично, что наглядно демонстрирует таблица 3.

Таблица 3 – Родившиеся в Центральном Казахстане в 1989 г. (в %)

Области	Население	Количество детей в семьях						
		1	2	3	4	5	6	7
Джезказганская	городское	26,4	30,7	12,6	5,1	1,5		0,9
	сельское	15,1	21,9	28,7	11	5,5	4,1	2,7
Карагандинская	городское	26,2	32,2	10,7	3,9	2,7	0,6	0,3
	сельское	19	15,5	22,5	17,3	13,1	4,8	1,8

Как видно из таблицы 3, в 1989 г. для жителей городов Центрально-казахстанского региона была характерна семья, состоящая из 4-х человек, то есть, имеющая двух детей. В Джезказганской области такие семьи составили в городах -30,7%, в Карагандинской –32,2%. Количество детей, третьей и более очередностей, относительно невелико. Так, в городах Джезказганской области семьи, имеющие трех детей, составляют 12,6%; четырех, пять – 0,9%; шестерых-семерых детей – 1,7%. В Карагандинской области процент городских семей, имеющих три ребенка, составляет 10,7%; четыре-пять детей – 6,6%; и небольшой процент составляют многодетные семьи – всего 0,9%. Показатели детности у городских жителей намного ниже, чем у сельских жителей. В начале 1980-х гг. разница между ними составила 1,5 промилле, в последующие годы разрыв между городскими и сельскими показателями увеличился от 7 промилле в 1990 г. до 6,6 промилле в 1993 г.

Семейно-брачные отношения оказывали непосредственное влияние на воспроизводство населения. В этой связи важно отметить положение в ней женщины. Несмотря на положительные факторы «равноправия», женщина оказалась чрезвычайно занята (на работе и дома). Мужья тратили на домашние дела в 2-3 раза меньше времени, чем их жены. Результаты социологического исследования в г. Караганде выявили, что суммарная трудовая нагрузка средней горожанки в простых семьях с детьми составляла 77 часов в неделю, в том числе дома – 36 часов. Иными словами, средний рабочий день женщины- матери, включая воскресенье, составлял 11 часов. Неравенство мужа и жены в быту – одна из причин повышения конфликтности и непрочности семьи. Конфликтность семей и очень высокий уровень разводимости сами по себе важные факторы малодетности. Кроме того, к снижению рождаемости приводит то, что интересы женщины вступали в известное противоречие с ее материальными обязанностями. Развитие новых рыночных отношений в конце 1980-х гг. непосредственно отразилось на семейных бюджетах. Так, опрос городских семей (500 семей, проживающих в Караганде) показал, что денежные доходы становились все менее предсказуемыми. На вопрос: «Считаете ли вы, что бюджет за данный месяц будет подобен следующему?», всего 63% респондентов ответили утвердительно. Исключительно на заработанную плату прожили менее 50% опрошенных, а на пенсии и пособия менее 6%. Каждая пятая семья не истратила за месяц ни одного рубля на развлечения. В такой ситуации, большинство респондентов считало, что легче выжить в одиночку, отказавшись от ответственности за других людей, которую предполагает семья, или имея бездетную или малодетную семью [7].

За период 1970-1980-х гг. количество браков в расчете на 1000 человек стабильно повышалось: с 9,5 в 1970 до 10,6 человек в 1980 г. [8, с.147]. Повышение брачности в этот период было связано с улучшением половозрастной структуры региона, так как в 1970-х гг. в активный брачный возраст вступили родившиеся в послевоенные годы люди (1946-1955 гг. рождения). В этот период в Казахстане наблюдалась некоторая стабилизация рождаемости, которая была более долговременной, чем в целом по СССР, так как с начала 1980-х в брак начали вступать и дети первоцелинников (1956-1961 гг. рождения).

В межпереписной период 1979-1989 гг. наблюдается тенденция снижения коэффициента брачности и неуклонное повышение разводимости. Если оперировать абсолютными цифрами, то в целом по Казахстану произошло увеличение числа браков – с 158585 в 1979, до 165300 в 1989 г, но в расчете на 1000 жителей произошло снижение с 10,6 до 10,0 соответственно. В Карагандинской области в 1979 г. было зарегистрировано 12610 браков, в 1989 – 12300, в расчете на 1000 жителей произошло снижение с 10,1 до 9,1 промилле. По Казахстану количество

заключенных браков выше у городских жителей: в 1979 г. было зарегистрировано в расчете на 1000 жителей у горожан 11,3 брака, а у сельских жителей - 10,8. В 1989 г. эти показатели выглядят следующим образом: 10,0 у горожан и 9,5 у сельчан. По Карагандинской области этой разницы не прослеживается: в 1979 г. в городах и на селе было 10,1 браков на 1000 жителей, а в 1989 – 9,1 и на селе, и в городской местности [9].

По разводам удалось обнаружить следующие данные. В Казахстане в 1979 г. было зарегистрировано 38 455 развода, в 1989 – 45 700. В расчете на 1000 человек произошло увеличение с 2,6 до 2,8. В Карагандинской области в 1979 г. было 3724 развода, в 1989 – 4700. В расчете на 1000 жителей произошло увеличение с 3,0 до 3,5 промилле. Как в республике, так и в регионе, больше разводов было у горожан: в Казахстане в 1979 г. в расчете на 1000 жителей – горожан было 4,0 развода; на селе – 0,8; в Карагандинской области - 3,5 и 0,01 соответственно. Коэффициент разводимости в 1989 г. в Казахстане у городского населения был 4,0 промилле; у сельского –1,1; в Центральном Казахстане - 4,2 и - 0,1 соответственно [9, с.129]. Из этого следует, что данные разводимости по городскому населению в регионе выше республиканских, по сельскому населению значительно ниже. При том, что чаще разводятся горожане, разводимость в бездетных семьях и семьях с одним ребенком значительно выше, чем с двумя и более детьми. Многочисленные примеры распада семей знакомых, соседей, родственников отрицательно влияют на решение родить еще одного ребенка. С другой стороны, «бездетность прямо стимулирует развод, а имея одного, двух детей легче решиться на него, чем при большем их количестве», считают респонденты. В целом по республике доля одиноких составила 7,4%; по региону – 5,4% [10, с.92].

Одной из главных проблем демографической ситуации городов Центрального Казахстана в 1980-х гг. был рост смертности. Тенденция снижения смертности наблюдалась до начала 1970-х гг. (до – 5,0 промилле), а со второй половины начался небольшой рост этого коэффициента. Так, в 1980 число умерших составило 7,0 промилле; в 1984 г. – уже 8 промилле. Во второй половине 1980-х гг. положение несколько стабилизировалось, а в период с 1985 по 1986 гг. наблюдалось даже некоторое снижение, когда число умерших по региону снизилось с 10 116 чел. до 9 310 чел. (в г. Караганде с 4640 чел. до 4275 чел. в 1986 г.). Дальнейшее изменение численности умерших происходило в сторону возрастания этого показателя. Так, с 1986 по 1989 гг. число умерших возросло на 9,7%. В 1989 г. коэффициент смертности составил 7,5 промилле (7,7 – для городского и 7,6 – для сельского). К началу 1990-х гг. показатели смертности вновь возрастают, и уже в 1991 смертность достигла уровня 1984 г.

По причинам смертности в целом по республике обозначилась следующая закономерность: на первом месте по причинам смерти стоят заболевания системы кровообращения, на втором – онкологические заболевания, на третьем – неестественные причины (убийства, самоубийства, несчастные случаи и т.д.). Эти же тенденции прослеживались и в городах Центрального Казахстана. От болезней системы кровообращения (в расчете на 1000 человек) в Джезказганской области умерло 300,4, в Карагандинской – 398,6 человек. Возникновение злокачественных новообразований в 1991 г. послужило причиной смерти у 133,5 человек в Джезказганской области и 146,3 человек в Карагандинской области. Ежегодно регион терял население в результате внешний воздействий, т.е. от убийств, несчастных случаев и т.д. Так, в 1991 г. число погибших от неестественных причин в Джезказганской области составило 120,5 промилле, в Карагандинской – 128,4 промилле. Значительное повышение смертности наблюдалось у населения в трудоспособном возрасте, причем смертность мужчин превышала смертность

женщин в четыре раза. Часто причиной несчастных случаев среди мужского населения являлось употребление алкоголя. Так, среди погибших от несчастных случаев - убийств, самоубийств в Казахстане, Молдове, Беларуси, Кыргызстане, России – от 4 до 16% человек находились в состоянии алкогольного опьянения [11, с.65].

Рост количества смертей усугублялся достаточно высокой младенческой смертностью. Неблагоприятная ситуация с охраной материнства и детства имела место по всему Казахстану, в том числе и в городах центрально-казахстанского региона. Общий коэффициент смертности детей до 1 года в период с 1970-1988 гг. в Казахстане возрос 25,9 до 29,8 промилле, превысив общесоюзный показатель на 5,8 пунктов. Для сравнения заметим, что в Венгрии и Польше в 1988 г., в возрасте до 1 года на 1000 человек населения умерло 16, в Болгарии –14, в США – 10, в Японии – 5 детей [12, с.170]. Коэффициент смертности детей до года по региону выглядит следующим образом: в 1985 г. – 25,5 промилле, в 1991 г. - 22,0 промилле [13, с.146]. По этому показателю регион занял второе место в республике после г. Алма-Аты. Медики утверждали, что каждый шестой ребенок, родившийся в области был больным. Причинами смертности детей были заболевания, вызванные неблагоприятной экологической обстановкой, а также недостаточным медицинским уходом. В эти годы перед республикой остро встали проблемы экологии и охраны окружающей среды.

Таким образом, в целом воспроизводство населения Центрального Казахстана, начиная с 1970-х гг., имело тенденцию к снижению за счёт сокращения рождаемости и увеличения смертности. Некоторый подъем естественного прироста во второй половине 1980-х гг. прервался резким спадом в 1990-х гг.

Рассмотрим изменение качественных показателей жителей городов Центрально-казахстанского региона за следующее межпереписное десятилетие 1979-1989 гг.

Таблица 4 – Половая структура населения Казахстана и центрально-казахстанского региона в 1979-1989 гг. (в %)

регион	1979 г.				1989 г.			
	Всего		Город		Всего		Город	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жег.	Муж.	Жен.
Весь Казахстан	48,2	51,8	47,5	52,5	48,4	51,6	47,5	52,5
Центральный Казахстан	48,4	51,6	48,1	51,9	48,4	51,6	48,1	51,9

В Казахстане с конца 1970-х гг. наблюдается снижение доли мужского населения. По сравнению с 1970 г., в 1979 в среднем – на 0,7%. В городских поселениях – на 0,3%; в сельских – доля мужчин увеличилась на 0,9%. В последующее десятилетие, к 1989 г. доля мужчин в составе населения Казахстана вновь увеличивается - в среднем на 0,9%; в сельской местности - на 0,6%; в городской этот процесс стабилизировался, доля мужского населения здесь, как и в 1979 г., остается равной 47,5%.

В исследуемом регионе тенденции изменений половой структуры населения претерпевают некоторые колебания. В 1979 г. снижение доли мужского населения продолжается в среднем среди населения городских поселений на 0,6%; сельских – увеличение на 0,1%. Более благоприятное соотношение полов в Джезказганской области, где на долю мужчин приходится 48,5%; в Карагандинской области – 48,4%. В последующее десятилетие, наметилась тенденция увеличения доли мужчин: в 1989 г., по сравнению с 1979 г., в целом, на 0,2%; в сельских населенных пунктах –

на 0,8%; в городских стабилизировалась на 48,1%. Значительный перевес женщин наблюдается лишь в возрастной группе от 0 до 14 лет. В следующей возрастной категории (от 15 до 28 лет) этот дисбаланс смягчается, а с 28-летнего возраста доля женщин начинает постепенно увеличиваться. В 1989 г. численность женщин от 70-летнего возраста и выше составила в Карагандинской области 11 824 чел., или 2%, в то время как мужчин – 4 885 чел., т.е. всего 0,9%; в Джезказганской области – 3 384 чел. или 1,7% и 1 406 чел., или 0,8% соответственно [9, с.107-109]. Возрастная структура населения региона в конце 1980-х гг. характеризуется низким удельным весом числа детей и лиц пенсионного возраста, вследствие чего возрос показатель трудовой или экономической нагрузки населения. Анализ половозрастной структуры населения региона дает основание полагать, что уже к концу 1980-х гг. продолжается тенденция «постарения» населения, причинами которой явились: колебания рождаемости, варьирующей под воздействием изменения интервалов между рождениями; специфика возрастной структуры населения прежних лет, а также активизация миграционных процессов, в потоке которых большую часть занимают лица молодого и среднего возраста.

Отраслевая структура занятости Центрального Казахстана отличалась высоким удельным весом (60%) занятых в промышленности, строительстве и на транспорте, что было обусловлено индустриальным характером его развития на них. В 1989 г. по удельному весу населения в трудоспособном возрасте Карагандинская область занимала 1-е место в республике – 59%, тогда как среднереспубликанский показатель составил – 55,1% [15, с.7]. Доля лиц моложе трудоспособного возраста в составе населения региона снизилась на 2% (в 1979 – 31,3%, в 1989 – 29,4%). Причем, этот показатель был один из самых низких по республике [16, л.1об.].

В 1970-е – 1980-е гг. национальный состав региона продолжал формироваться под воздействием миграционных процессов. В Центральный Казахстан прибывало население со всех республик СССР, национальный состав которых был неоднороден. Например, по данным Карагандинской области доля лиц казахской национальности среди прибывших составляла –2%, русских - 49%, украинцев – 16% и 28% – других национальностей.

Рассмотрим изменения, произошедшие в национальной структуре городского населения региона за период с 1979 по 1989 гг.

Таблица 5 - Национальный состав городского населения Центрального Казахстана в 1979-1989 гг. [17]

Национальность	1979 г.				1989 г.			
	Джезказганская		Карагандинская		Джезказганская		Карагандинская	
Все население	344747	100	1066848	100	385282	100	1347636	100
Казахи	97698	28,3	98111	9,2	136848	35,5	135821	11,9
Русские	164362	47,7	636082	59,6	163891	42,5	651874	57,1
Немцы	20672	6,0	103775	9,7	11761	3,1	112568	9,9
Украинцы	28741	8,3	100738	9,4	27504	7,1	96057	8,4
Татары	9303	2,7	39027	3,7	9474	2,5	42474	3,7
Белорусы	5937	1,7	25331	2,4	5899	1,5	26043	2,3
Узбеки	603	0,2	1475	0,1	848	0,2	3580	0,3
Азербайджанцы	765	0,2	1594	0,1	1336	0,3	3450	0,3
Корейцы	3773	1,1	10288	1,0	3977	1,0	11214	1,0
Другие	12893	3,7	50427	4,7	23744	6,3	58023	5,0

В 1989 г. доминирующими этносами в городах Центрального Казахстана, как и в 1979 г., были казахи и русские. За межпереписной период увеличилась их абсолютная численность в городах обеих областей. Вместе с тем, начавшийся

ранее процесс повышения удельного веса казахов и уменьшения русских в составе населения региона продолжился. Причем, этот процесс шёл более интенсивно в Джезказганской области. Так, если среди городского населения Джезказганской области доля казахов увеличилась за межпереписной период на 7,2 пункта, то в Карагандинской области на 2,7; доля русских уменьшилась в Джезказганской области на 5,2%, а в Карагандинской – на 2,5 пунктов.

С началом перестройки по Казахстану прокатилась целая волна эмиграций отдельных этнических групп на историческую Родину. В результате перепись населения 1989 г. зафиксировала новые тенденции в динамике этнического состава населения городов Центрального Казахстана: стала сокращаться численность и удельный вес в составе населения славянских этносов, увеличиваться численность и доля восточных. Так, сократилась численность и удельный вес в составе населения городов Центрального Казахстана украинцев, белорусов; увеличилась абсолютная численность узбеков и, особенно, азербайджанцев (в Джезказганской области в 1,7 раза; в Карагандинской – почти в 2 раза). Значительно сократилась численность немецкого населения (на 8911 чел.) и его доли (почти в 2 раза) в составе городского населения Джезказганской области, в Карагандинской области произошло сокращение абсолютной численности немцев, но это не повлияло на величину их удельного веса в составе населения городов.

Изменения в национальном составе городов Центрального Казахстана в межпереписной (1979-1989 гг.) период объясняются теми же причинами, что и в целом по республике: снижение темпов роста русской и других национальностей вследствие падения рождаемости и выезда их за пределы Казахстана; сохранение положительного естественного прироста у казахов.

Многонациональность региона обусловила и интернациональный состав трудовых коллективов, доля которых, например, в Карагандинской области составляла более половины. Так, коллектив Карагандинской городской больницы скорой помощи состоял из 1397 чел.: представителей 25-ти национальностей и народов, в том числе: русских – 639 чел. (45,8%); казахов – 258 чел. (18,4%); немцев – 180 чел. (12,9%); украинцев – 155 чел. (11,1%) и представителей других народов (корейцев, мордвы, армян, узбеков, болгар, евреев, белорусов, грузин, румын, чеченцев, азербайджанцев, литовцев, башкир) – 165 чел., или 14,8% [18].

За межпереписной период 1979-1989 гг. произошли некоторые изменения в социальной структуре населения. Социальный состав населения в статистических и официальных изданиях был представлен четырьмя категориями: рабочими, служащими, колхозниками и лицами, занятыми индивидуальной трудовой деятельностью.

Таблица 6 – Социальный состав населения Центрального Казахстана в 1979-1989 гг.

Социальная группа	Области	1979	Удельный вес (%)	1989	Удельный вес (%)
Рабочие	Джезказганская	318573	71,9	332562	67,4
	Карагандинская	819271	70,9	947439	70,3
Служащие	Джезказганская	127666	28,4	159272	32,3
	Карагандинская	359323	28,6	392726	29,2
Лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью служители культа и др. группы	Джезказганская	-	-	208	0,04
	Карагандинская	-	-	1567	0,1

Как видно из таблицы, и в 1979 и в 1989 гг. самой многочисленной социальной группой населения были рабочие. Вместе с тем, за 10 лет произошло сокращение доли этой категории населения в Джезказганской области на 3,5%, в Карагандинской – на 0,6 %. Снижение числа рабочих было обусловлено тем, что, начиная с 1987 г. начался постепенный отлив работающих из госпредприятий. Только за один год (1987/1988 гг.) сокращение рабочего контингента на госпредприятиях произошло на 2,2%. Сокращение удельного веса этой категории произошло в результате повышения их образовательного уровня и перехода в категорию «служащие», а также с появлением кооперативных предприятий и возможностью заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Особенно резко сократилась численность рабочих в конце межпереписного периода. Спад производства, закрытие больших промышленных предприятий вынудил людей покинуть свои рабочие места. Отток рабочих из промышленного производства усиливается с 1989 г., когда в результате первых забастовок шахтеров стало ясно, что правительство не способно остановить надвигающийся кризис в экономике и общественной жизни. Вместе с тем, Карагандинская область и в 1979 и в 1989 гг. занимала второе место по Казахстану по количеству рабочих.

Служащие по численности в социальной структуре населения региона занимают второе место. За межпереписное десятилетие, удельный вес этой социальной группы увеличился: в Джезказганской области на 3,9%, в Карагандинской – на 0,6%. В 1989 г. 9,6% всех служащих в Казахстане проживали в Карагандинской области. По этому показателю область заняла второе место после Чимкентской (10%). В Джезказганской области этот показатель был равен 3,4%. Увеличение количества и доли служащих, в составе населения региона, произошло за счет двух основных причин: перехода населения из разряда рабочих в служащие вследствие повышения образовательного уровня, а также за счет увеличения бюрократического аппарата. Таким образом, шло постепенное перераспределение занятых лиц между отраслями материального производства и непроизводственной сферой.

С 1987 г. статистические органы впервые вводят данные о населении, занятом в кооперативах, сфере производства, услуг и индивидуального труда. За период с 1987-1989 годы число лиц этой категории возросло в 3 раза, при этом около 50% работающих в них, перешли из государственных предприятий и организаций. В 1989 г. в сфере индивидуального труда работало 1775 человек, из них 1434 – в городской местности [10, с.119]. Удельный вес лиц этой категории в Джезказганской области составил – 0,04%, в Карагандинской – 0,1%. На 1 января 1990 г., в Карагандинской области 2242 человека были заняты индивидуальной трудовой деятельностью, что являлось весьма высоким показателем в целом по республике и составило 7,2% всех занятых этим видом деятельности в Казахстане. В Джезказганской области, напротив, предпринимательская деятельность не получила должного развития.

Таким образом, в исследуемый период произошли определенные изменения в численности и качественном составе населения в городах Центрального Казахстана. В регионе сложилась относительно стабильное пропорциональное соотношение мужчин и женщин. Анализ половозрастной структуры даёт основание полагать, что уже к концу 1980-х гг. наметилась тенденция «постарения» населения. Произошло увеличение удельного веса коренного населения в национальной структуре области в 2 раза. Сократился удельный вес русских и украинцев, что стало следствием низкого уровня рождаемости у этих этносов и отрицательного миграционного сальдо. В социальной структуре населения рабочие, как и прежде, были наиболее многочисленной категорией населения, хотя удельный вес их в составе населения снизился. Численность и удельный вес категории «служащие» практически не изменился. Появилась новая социальная прослойка – занятые

индивидуальной трудовой деятельностью в кооперативах, сферах производства и услуг.

---

1. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографические процессы современного Казахстана. – Алматы, 1995
2. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана: этнорегиональный аспект. – Усть-Каменогорск, 2010. – 190 с.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М.,1987. – 393 с.
4. Численность и размещение населения в Республике Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы, 2000
5. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы, 1996
6. Демографический ежегодник Казахской ССР. 1989. Алма-Ата, 1990 –18 с.
7. Индустриальная Караганда. – 1990. – 25 мая
8. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 191 с.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 1. – Алма-Ата, 1992
10 Статистический ежегодник Казахстана.1990. – Алма-Ата, 1991
11. Региональный статистический ежегодник Казахстана. – Алматы, 1992
12. Народонаселение стран мира. – Москва, 1978
13. Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников. – Алма-Ата, 1990
14. Индустриальная Караганда. – 1993. – 22 марта
15. Об основных показателях Всесоюзных переписей населения 1939,1959,1970,1989 гг. – Алма-Ата, 1991
16. ГАКО.Ф. 569. Оп.7. Д. 34
17. РГАЭ.Ф. 1562. Оп.69. Д. 233
18. Индустриальная Караганда. – 1990. – 25 мая

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

2.1. Медицинское обслуживание горожан в 1946-1953 гг.

Неотъемлемой частью повседневной жизни является состояние здоровья населения. От здоровья зависит уровень удовлетворения практически всех остальных потребностей человека. И наоборот, само здоровье формируется под воздействием условий жизни населения: питания, условий труда, заработной платы, жилища, санитарно-гигиенических условий и т.д. Несмотря на то, что в изучаемый период здравоохранение было бесплатным и доступным, оно было крайне неудовлетворительным. Основной причиной стал резкий приток населения из других регионов СССР: в связи со строительством новых промышленных объектов горнодобывающей промышленности, черной и цветной металлургии, насильственная депортация народов и др.

Функционировавшая местная сеть медицинских учреждений была слабо развита и не охватывала большую часть городского населения. Согласно данным ЦСУ Казахской ССР, городское население Центрального Казахстана на 1 января 1945 г. составляло 292400 чел. [1, л. 25].

На почти 300 тысячное городское население количество общих и специальных больниц, роддомов составило всего 12 единиц, то есть, на 1 больницу приходилось 25 тыс. чел. Для полноты картины, сопоставим статистические данные по

численности населения и по количеству медицинских учреждений в городах Центрального Казахстана в таблице 1.

Таблица 1 – Сеть больничных учреждений в городах Центрального Казахстана в 1945 – 1948 гг.

Годы	1946 г.	1948 г.
Общие и специальные больницы	14	13
Число коек в них	1480	1465
Поступило больных	19836	24016
Детские больницы	2	2
Число коек в них	170	170
Поступило больных	1450	2752
Туберкулезные больницы	1	2
Число коек в них	100	125
Поступило больных	388	623
Кожно-венерологические больницы	1	Нет сведений
Число коек в них	60	Нет сведений
Поступило больных	744	Нет сведений
Родильные дома	1	1
Число коек в них	100	120
Поступило больных	3470	4373
Инфекционные больницы	1	1
Число коек в них	100	100
Поступило больных	891	1253

В среднем по области в 1945 г. на каждую 1000 городских жителей приходилось 4,6 больничных коек. В 1946 г. лечебно-профилактическую помощь населению оказывало всего 20 общих и специальных больниц на 2010 коек. В 1948 г., когда численность городского населения составляла 377000 тыс. чел. [2, л. 56], на 1000 горожан приходилось 3,8 коек.

Крайне тяжелая ситуация сложилась для детского населения. По области функционировали всего 2 детские больницы на 170 коек. Тогда как численность детского населения резко возросла. Если в 1945 г. в Караганде численность населения в возрасте от 0 до 14 лет составила 31105 детей [3, л. 27], то в 1948 г. – 64254 детей [4, л. 283]. Следовательно, только в Караганде в 1945 г. на 1000 детского населения приходилось 5,4 коек, в 1948 г. – 2,6 коек. В связи с тем, что мы не имеем статистических данных по гг. Темиртау и Балхаш, трудно определить точное соответствие больничных коек по области, но имеющиеся сведения по Караганде позволяют предполагать крайне неблагоприятную обстановку о лечебно-профилактическом состоянии для детского населения, сложившуюся в вышеназванных городах.

Из-за недостаточного развития здравоохранения заболеваемость туберкулезными и инфекционными болезнями в городах Центрального Казахстана продолжала возрастать. Если в 1946 г. в туберкулезные больницы поступило 388 больных, то в 1948 г. – 623 чел. В инфекционную больницу, рассчитанную на 100 коек, в 1946 г. поступило 891 чел., в 1948 г. – 1253. Имеющееся количество больничных коек в родильном доме не соответствовало числу рожениц. В результате чего многие были вынуждены рожать дома, рискую жизнью и здоровьем ребенка.

В целом, показатели обслуживания населения коечной помощью среди городского населения области во второй половине 1940-х гг. были ниже по сравнению с общереспубликанскими. Если по нормам Министерства здравоохранения СССР коэффициент больничной коечной помощи по городам должен был составлять 8,6:1000 (т.е. 8,6 коек на 1000 чел.), то в городах Центрального Казахстана в среднем он составлял 6,4:1000 [4, л. 117]. Такое положение дел усложняло работу медицинских учреждений и намного снижало ее качество.

Имели место случаи массового отказа в госпитализации, так за 1948 г. по одной только хирургической больнице отказов было свыше 1300 [4, л.117]. Госпитализации подлежали тяжелобольные, и в первую очередь, люди, проживающие в общежитиях. Чрезвычайно тяжелое положение было с туберкулезными койками. Вследствие чего целые группы бациллярных больных не госпитализировались [4, л.118]. Отдаленность больниц друг от друга, отсутствие транспорта, антисанитария, нехватка хирургического и гинекологического инструмента, а также недостаток необходимой мебели и белья свидетельствовали о некачественном медицинском обслуживании городского населения.

Выше изложенное подтверждается статьей из местной газеты, где характеризуется работа Темиртауской больницы. В частности, отмечено: «… больница крайне переполнена. В палатах поставлено кроватей почти в два раза больше обычного. Заняты все коридоры и подсобные помещения. В больнице отсутствует канализация. Барак № 6, выделенный для размещения туберкулезных и кожно-венерических больных, абсолютно не годен для дальнейшей эксплуатации: перекрытия с наступлением оттепели рухнули, потолки не отштукатурены, полы цементные, нет водопровода, канализации и центрального отопления» [5].

Серьезные изменения система здравоохранения области претерпела в 1950 г. Из решения Исполкома Карагандинского городского Совета Депутатов трудящихся «О передислокации сети лечебно-профилактических учреждений Каргорздравотдела» от 4 апреля 1950 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 31.10.1949 г. за № 5036 «Об упорядочении сети установления единой номенклатуры учреждений здравоохранения» все больничные учреждения были объединены с небольничными, приведены к единой номенклатуре, произведена частичная передислокация и перепрофилизация коечной сети [6, л.15]. В Балхаше и Темиртау ранее существующие районные врачебные пункты при промышленных объектах были переименованы в городские больницы. Так, в 1950 г. в Балхаше функционировали следующие больницы: Горбольница № 1 на 250 коек; Горбольница №2 р. Коунрад на 100 коек; Больница № 3 Восточного Коунрада на 15 коек и Детская больница на 75 коек [7, л.7]. В Темиртау – Горбольница №1 на 200 коек; Горбольница № 2 на 75 коек; Детская больница на 75 коек и Туберкулезная больница на 30 коек [7, л.8].

В начале 1950-х гг. в системе городских медицинских учреждений Центрального Казахстана произошли количественные изменения, которые отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Медицинские учреждения в городах Карагандинской области в 1950-1953 гг.

Наименование	1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	Кол-во учрежд	Число коек	Кол-во учрежд	Число коек	Кол-во учрежд	Число коек	Кол-во учрежд	Число коек
Городских больничных учреждений, из них:	45	4150	59	4930	57	5380	57	5760
родильных домов	2	210	5	370	4	350	4	350
Диспансеров	3	225	9	355	9	395	9	420
Больниц	40	3715	45	4205	44	4635	44	4990
Здравпункты	180		194		336		318	
Городские детские ясли	51	3215	58	3540	62	3615	65	3810
Городские санэпидем-станции	19		12		16		16	
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 664. Оп.1. Д. 202. л.2; Д. 255. Л. 1-2; Д. 299. Л. 1.								

В 1951 г. в среднем по области на каждые 1000 городских жителей приходилось 8,5 больничных коек [9, л.4]. Обеспеченность населения койками в разрезе городов была следующая: в Караганде – 7 коек, в Балхаше –8,3, в Темиртау – 8,6 коек [9, л.4]. Незначительно изменилась ситуация в 1953 г. На 593,1 тыс. чел. [10, л. 4]. было развернуто 57 больниц на 5760 коек. В среднем по области на 1000 горожан приходилось 9,5 коек. В разрезе городов на каждую 1000 городских жителей приходилось: в Караганде – 7,9 коек; в Балхаше – 9,6; в Темиртау – 9,7 коек [11, л.3]. Этого было явно недостаточно, тем более, что в силу плохо развернутой системы здравоохранения по районам, городские больницы обслуживали большое количество жителей сельской местности. Для оказания первой медицинской помощи на местах была создана сеть здравпунктов. В частности, в 1950 г. их было 180, в 1953 – 318. За 1950 – 1953 гг. была развита система санитарно-профилактических учреждений, которые ранее отсутствовали. В 1950 г. функционировали 3 диспансера на 225 коек и 19 санитарно-эпидемиологических станций. Их численность значительно возросла к 1953 г. Это позволило улучшить качество медицинского обслуживания, снизить заболеваемость и смертность. Рассмотрим динамику развития сети медицинских учреждений в разрезе городов.

Таблица 3 – Сеть медицинских учреждений в Караганде, Балхаше, Темиртау в 1949 – 1952 гг.

Наименование	Годы	Караганда		Балхаш		Темиртау	
		Кол-во учрежд	Число коек	Кол-во учрежд	Число коек	Кол-во учрежд	Число коек
Больницы	1949	20	2146	4	450	2	185
	1952	24	3135	6	510	7	405
Здравпункты	1949	180		Нет свед		5	
	1952	128		12		16	
Городские детские ясли	1949	23	1734	Нет свед	Нет свед	2	Нет свед
	1952	32	2065	14	660	4	270
Городские санэпидемстанции	1949	16		-		1	
	1952	16		1		1	
Количество врачебных должностей	1949	703		Нет свед		34	
	1950	732		86		56	
	1952	676		99		88	
Примечание – Таблица составлена на основе материалов ГАКО.Ф. 664. Оп.1. Д. 152. Л. 3; Д. 202. Л. 3; Д. 255. Л. 4							

В 1951 г. в Темиртау дополнительно были открыты 2 больницы: Противовенерический диспансер на 25 коек, Инфекционная больница на 75 коек [12, л.8]. В 1952 г. стал работать родильный дом на 40 коек [9, л. 10]. В 1951 г. в Балхаше наряду с Горбольницей №1 на 250 коек, Горбольницей № 2 на 100 коек, Детской больницей на 75 коек, Больницей Восточного Коунрада на 15 коек стали работать Туберкулезный диспансер на 20 коек и Венерологический диспансер на 20 мест [9, л.10].

Как видно из таблиц, в 1953 г. открытие новых больниц в городах области не наблюдалось. Расширение происходило за счет увеличения числа больничных коек. Если в 1952 г. было 5330 коек, то в 1953 г. – 5760. В частности, из Годового статистического отчета Карагандинского облздравотдела за 1953 г. следует, что Городская больница №1 города Балхаша расширилась на 50 коек и число их было доведено до 300; в Караганде в связи с переездом в новое типовое здание райбольница п. Федоровка Ленинского района расширилась на 50 коек; Городская больница № 4 в Сталинском районе расширилась в приспособленном помещении на 50 коек. Городская туберкулезная больница расширилась на 50 коек за счет

здания бывшего Областного противотуберкулезного диспансера. В Шахтинском районе произошло расширение трех больниц на 140 коек /райбольница №№ 1, 3 и 4/. В Кировском районе г. Караганды расширилась Городская больница №3 п. Новая Тихоновка. Областной противотуберкулезный диспансер получил новое типовое здание, в котором дополнительно было развернуто 25 коек. Итого по Караганде дополнительно развернуто 340 коек [11, л.3]. В Темиртау детская больница расширилась на 25 коек, Городская больница № 1 на 50 коек [11, л.2].

Наихудшая ситуация сложилась в Каркаралинске, так как имеющаяся единственная городская больница не соответствовала требованиям по оказанию лечебно-профилактической помощи населению. В больнице были предусмотрены места всего на 50 коек, тогда как численность населения города превышала 5 тыс. человек. Здания городской больницы были разбросаны в четырех местах и не обеспечивали потребности отдельных палат. Зачастую пациенты хирургического, гинекологического, детского отделений размещались в одной палате [13, л. 5]. Рентген кабинет работал с большими перебоями, прививки против инфекционных болезней делались нерегулярно [14, л.108].

Несмотря на значительное расширение коечного фонда, в городах ощущался недостаток в родильных, костнотуберкулезных, гинекологических, ЛОР и глазных койках. Из-за недостаточного коечного фонда, особенно в областном центре больным отказывали в госпитализации. В 1951 г. зафиксировано 4386 отказов. В 1952 г. было зарегистрировано 3400 отказов, в том числе из-за отсутствия мест 2435, или 71,6 % [12, л.22]. В 1953 г. число больных, которым было отказано в госпитализации, составляло 6577, из них отказано из-за отсутствия мест 4830 больным, т.е. 73,5% [11, л.4]. Наибольшее число отказов в госпитализации отмечается в Караганде. Только по областной больнице за 1953 г. из-за отсутствия мест зарегистрировано 1882 отказов [11, л.3]. В Темиртау в 1953 г. зарегистрировано 521 отказ, в Балхаше – 163 [11, л.6].

Главной причиной наихудшей обеспеченности больничными койками населения являлось отсутствие достаточного количества зданий для больниц. К примеру, городская больница Каркаралинска размещалась в жилой постройке, построенной еще в XIX в. Это были дома бывших торговцев и купцов, которые не соответствовали назначению.

В течение 1953 г. Карагандинский горздравотдел получил в эксплуатацию всего 3 больничных помещения: больницу в пп. Новая Тихоновка, Федоровка и Майкудук. Карагандинскому Облздравотделу приходилось обеспечивать выполнение плана развертывания сети лечебных учреждений за счет уплотнения существующей сети.

Ситуация в области здравоохранения стала частично нормализоваться лишь в начале 1950-х гг., когда увеличились размеры финансовых поступлений на нужды здравоохранения Карагандинской области из Центра. Если в 1947 г. бюджет здравоохранения области составлял 54 818000 руб. [15, л.5], то в 1951 г. – 87 957000 руб. [9, л.2], в 1952 г. – 95 300000 руб. [12, л.2], в 1953 г. – 105 600000 руб. [11, л.1] В 1953 г. в разрезе городов исполнение бюджета по всем статьям расходов было следующее: Караганда – 48215000 руб.; Балхаш – 10140000; Темиртау – 8 669000 руб. [16, л.9]. В расчете на одного горожанина в 1953 г. приходилось: в Караганде – 124 руб., Балхаше – 246 руб., Темиртау – 198 руб.

Качество медицинского обслуживания зависело от укомплектованности квалифицированными кадрами медицинских учреждений. Во второй половине 1940-х гг. в городах Центрального Казахстана ощущалась количественная нехватка медицинских кадров. Больницы нуждались в хирургах, терапевтах, гинекологах, и особенно, фтизиатрах и инфекционистах. В частности, в 1949 г. неукомплектованность врачами по городам была следующей: в Караганде на

одного врача приходилось 2,2 должности, в Балхаше –1,5, в Темиртау – 1,8 [4, л.356]. Незначительно улучшилась картина в начале 1950-х гг. Согласно таблице 3, в 1949 г. кадровый состав в городах составлял свыше 700 чел. В 1950 г. – 874 чел.; в 1951 г. – 850; в 1952 г. – 863 чел. Причина тому – неудовлетворительные бытовые условия для врачей. Многие врачи из-за отсутствия жилья были вынуждены жить в лечебных учреждениях либо в бараках [4, л.357].

Во второй половине 1940-х гг. в неудовлетворительном состоянии находилась охрана женского и детского здоровья среди городского населения Центрального Казахстана. Лечебно-профилактическая помощь для женщин и детей оказывалась не только больничными учреждениями, но и женскими и детскими консультациями, которые функционировали в составе других лечебных учреждений. В Караганде в 1946 г. функционировало 11 женских и детских консультаций [17, л.172об.], а в 1949 г. 10 женских и 6 детских консультаций [17, л.158об.]. В 1949 г. на всю область имелось всего 50 гинекологических коек, поэтому госпитализировали только тяжелых больных с высокой температурой. Акушеров-гинекологов всего в области было 26 человек. Из них в городах –24, а в сельских районах – 2. [4, л. 353]. Отдельные сведения приводятся в таблице 4.

Таблица 4 – Женские и детские консультации в Караганде в 1946 – 1949 гг.

Женские консультации			Детские консультации		
	1946 г.	1949 г.		1946 г.	1949 г.
Посещение у врачей в консультациях	49539	54176	Посещение у врачей в консультациях	85051	117986
В том числе по беременности	9949	Нет свед.	В том числе здоровыми детьми в возрасте до 1 года	23165	Нет свед.
Посещение у среднего медперсонала	4209	20029	Посещение у среднего медперсонала	16738	18371
В том числе по беременности	2766	Нет свед.	В том числе здоровыми детьми в возрасте до 1 года	3830	Нет свед.
Посещение на дому врачами	221	650	Посещение на дому врачами	10090	29801
Посещением средним медперсоналом (без патронажа)	1489	3905	Посещение на дому средним медперсоналом (без патронажа)	40711	8704
Патронажных	17661	8042	Патронажных	66503	111222
Примечание – Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 30. Оп.2. Д. 12. Л. 158об.-172 об.					

Данные таблицы свидетельствуют о росте количества посещаемости женских и детских консультаций в 1949 г. по сравнению с 1946 г. Если в 1946 г. посещение женских консультаций составляло 49539, то в 1949 г. – 54176. Ограниченное количество женских консультаций не позволяло охватить все женское население городов, поэтому увеличиваются показатели по количеству посещений на дому врачами и средним медицинским персоналом. Напротив, уменьшился патронаж: с 17661 в 1946 г. на 8042 в 1949 г. Как отмечается в итоговом отчете бригады ЦК КП(б)К по обследованию состояния здравоохранения по Карагандинской области: «Вообще патронаж беременных женщин проводился неудовлетворительно вследствие малого количества патронажных сестер в штатах консультаций» [4, л.353]. Особую лечебно-профилактическую работу в 1946 – 1949 гг. выполняли детские консультации. Если в 1946 г. количество посещений только у врачей составило 85051, то в 1949 г. – 117986. Детские консультации охватывали не только больных, но и здоровых детей. Необходимо отметить возросшее количество посещений на дому и патронаж. Это связано с резким увеличением количества

инфекционных заболеваний. Имеющаяся сеть больничных коек не позволяла полной госпитализации детского населения.

В Темиртау в 1948 г. на весь город работала 1 детженконсультация со штатом 2 акушера-гинеколога. Консультация была расположена в помещении детских яслей в одной комнате, где проводились педиатрический и гинекологический приемы. За год совершено 11554 посещений. Из них по беременности – 1110. В 1948 г. в городе было зарегистрировано 1068 родов [18, л.56]. В неудовлетворительном состоянии находилась родильная больница Нового города, рассчитанная на 120 коек. Штаты родильного дома были укомплектованы из расчета на 100 коек, а нагрузка доходила до 140, что отрицательно повлияло на уровень ухода за родильницами и детьми. Кроме того, проблема усугублялась антисанитарией в медицинских учреждениях. В результате многие женщины умирали от инфекций, заразившись в больнице [4, л.75].

Существовал дефицит в твердом и мягком инвентаре. Из твердого инвентаря не хватало кроватных тумбочек, не было стульев. Имеющиеся мягкие диваны были непригодны и подлежали списанию. Не хватало матрацев, отсутствовали детские одеяла. Из положенных шести смен белья имелось только 3. Вместо полагающегося транспорта роддом имел три лошади, которые с трудом успевали выполнять хозяйственные нужды. Вследствие чего количество родов в домашних условиях с последующими осложнениями послеродового периода значительно участилось [4, л.75].

В результате активного проведения мероприятий по линии охраны здоровья женщины-матери к концу рассматриваемого периода расширилась сеть родильных домов. Если во второй половине 1940- х гг. функционировал 1 роддом на 120 коек, то в 1950 г. – 2 роддома на 210 коек [9, л.2]; в 1951 г. – 5 роддомов на 370 коек [12, л.1-2]; в 1952 и 1953 гг. – 4 роддома на 350 коек. [11, л.1]. Улучшилось и качество медицинского обслуживания в родильных домах. Стали производить обезболивание при родах. Младенцев стали содержать в отдельных детских комнатах под круглосуточным присмотром педиатров. Роддома обеспечивались столами, тумбочками, кроватями, а также бельем и одеялами [11, л.14]. Кроме детских консультаций в городах функционировали детские ясли. Например, если в Караганде в 1945 – 1946 гг. было 21 яслей на 1985 мест [19, л.3], 1947 г. – 24 яслей на 1829 мест [17, л.199], 1948 г. – 22 яслей на 1735 мест [4, л.54]. В 1949 г. было 23 детяслей на 1734 мест, где 480 – круглосуточные места [4, л.117]. Увеличение детского населения требовало расширение сети яслей. Поэтому в 1952 – 1953 гг. их количество по городу составляло 32 на 2065 мест [12, л.4]. Увеличение количества детяслей наблюдалось и в Балхаше. Если в 1945г. было зафиксировано 8 детяслей [3, л.17], в 1951 – 12 на 650 мест [12, л.2], то в 1952 г. – 14 на 660 мест [12, л.4].

В Темиртау количество яслей было значительно меньше. Если в 1949 г. – 2 [7, л.3], то в 1952 г. – 4 на 270 мест [12, л.4]. Поэтому имелись случаи массовых отказов в приеме детей из-за отсутствия мест [4, л.352]. В Каркаралинске функционировали один детский сад и детские ясли, располагавшиеся в четырех комнатах. Детям не хватало комнат для игры и отдыха, отсутствовало помещение для принятия пищи [13, л.6]. Содержание детей в яслях не соответствовало нормам санитарной гигиены: привозная питьевая вода, выгребная канализация. Питание было некачественным. Оснащенность твердым, мягким, кухонно-хозяйственным инвентарем было недостаточным. Ощущался недостаток в верхней одежде (летней и зимней), обуви, игрушек [18, л.55].

В послевоенное время количество детских больниц в городах Центрального Казахстана было незначительным. Из Итогового отчета бригады ЦК КП(б)К по обследованию состояния здравоохранения по Карагандинской области следует, что

в 1949 г. в Караганде на 300 тысячное население приходилось 2 детские больницы на 170 коек. В Темиртау на 30 тысячное население имелась 1 детская палата на 10 коек в общей больнице [4, л.352]. Во второй половине 1940-х гг. Карагандинским областным отделом здравоохранения были зафиксированы высокие показатели по детским инфекционным заболеваниям в регионе.

Таблица 5 – Сравнительная заболеваемость детскими инфекционными болезнями по Карагандинской области за 1945 – 1948 гг.

Заболевания	1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.	
	Кол-во случ.	На 10000 насел.	Кол-во случ.	На 10000 насел.	Кол-во случ.	На 10000 насел.	Кол-во случ.	На 10000 насел.
Корь	3018	60,3	2383	47,3	3573	71,4	1322	22,8
Скарлатина	522	10,4	899	18,0	640	13,4	700	12,1
Дифтерия	90	1,8	113	2,3	200	4,0	250	4,3
Коклюш	648	13,0	262	5,2	256	5,1	1840	30,7
Дизентерия	94	1,9	179	2,6	571	11,4	1007	17,4
Токсическая диспепсия	92	7,4	132	2,6	306	6,1	514	8,9
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 1473. Оп.4. Д. 73. Л. 5								

Из приведенных данных видно, что, начиная с 1946 г., отмечается рост заболеваемости детей желудочно-кишечными болезнями. В 1948 г. заболеваемость детей дизентерией и токсической диспепсией была особенно высокой. В частности, если в 1945 г. на 10000 населения приходилось 1,9 случаев дизентерии, то в 1948 г. – 17,4. Случаев скарлатины в 1948 г. по области было зафиксировано 700, т.е. на 25 случаев больше, чем в 1947 г. Но в переводе на 10000 населения случаев скарлатины стало меньше на 1,3 по сравнению с 1947 г. Рассмотрим ситуацию в разрезе городов в расчете на 10000 населения в таблице 6.

Таблица 6 – Показатели по инфекционным заболеваниям в разрезе городов Центрального Казахстана за 1945 – 1948 гг. (на 10000 населения)

Болезни	города	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
скарлатина	Караганда	23,4	29,0	20,2	18,2
	Балхаш	3,6	25,2	6,2	5,3
	Темиртау		11,0	7,0	20,0
дифтерия	Караганда	2,4	3,2	5,3	4,7
	Балхаш	4,8	8,0	8,8	9,6
	Темиртау	-	1,0	0,3	2,0
дизентерия	Караганда	3,2	7,6	16,1	28,8
	Балхаш	3,6	1,0	17,0	20,1
	Темиртау	-	нет	0,3	16,3
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 1473. Оп.4. Д. 73. Л. 10					

На 10000 населения г. Балхаша приходилось 5,3 случая скарлатины; в Караганде – 18,2; Темиртау – 20. Количество больных, заболевших скарлатиной, среди детей к 1948 г. снизилось, за исключением г. Темиртау. Особую опасность представляла дизентерия. Как видно из таблицы 6 количество больных детей росло из года в год. Воспоминает жительница г. Караганды, бывшая спецпереселенка А.Е. Якушева: «Недостаток сказывался на здоровье людей. Болели тогда тифом, дизентерией. Я сама переболела тифом. Конечно, не было чистой воды. Пили воду из колодцев. Очень много умирало людей, особенно детей. От эпидемии тифа в Тихоновке людей хоронили без гробов, просто в яму» [20]. Зачастую люди лечились традиционным способом. Из воспоминаний Р.Т. Капановой: «Мы все переболели корью и свинкой. Тогда вакцины не было и от этого очень много детей

умирало. Когда мы заболели корью, то бабушка нас сама лечила. Она повесила на окна красные шторы, дала нам красную подушку, одеяло и мы лежали так целый месяц. Мы очень сильно ослабли, в школу долго не ходили. Помню, что дети наших соседей не выжили и умерли». [21]

Причинами распространения инфекций являлись поздняя обращаемость родителей и, как следствие, несвоевременная госпитализация больных; ограниченное количество коек (например, больные корью не госпитализировались из-за отсутствия коревого отделения); слабая вакцинация детей из-за нехватки лекарств; отсутствие боксов, изоляторов, отдельных палат, а также некачественного питания (отсутствие молочных продуктов, фруктов, витаминов, овощей). Кроме того, ситуацию ухудшил и тот факт, что местными властями не были организованы мероприятия по осуществлению отдельного медицинского обслуживания для прибывших спецпереселенцев из других регионов Союза. Медицинское обследование проводилось общей медицинской сетью лечебно-профилактических учреждений лишь после расселения. А это имело чреватые последствия. К примеру, в 1948 г. из числа прибывших в область спецпереселенцев из Западной Украины большинство детей были больны дистрофией. В частности, из детей, поступивших в карагандинские и балхашскую детские больницы (3904 чел.), поступило в состоянии дистрофии 1650 детей (42 %) [22, л.18]. Для улучшения ситуации Исполкомом Областного Совета депутатов трудящихся было принято специальное решение по оздоровлению этих детей. При детских яслях г. Караганды были организованы специальные санаторные группы для дистрофиков, где лечение прошло 300 детей. Они находились в этих группах до 3-х месяцев. Аналогичные группы были также открыты при ведомственных детсадах на 300 мест [22, л.19]. В Балхашской детской больнице была открыта палата для больных дистрофией на 15 коек [22, л.20]. Однако значительная часть детей оставалась в не больницах, что приводило к резкому росту желудочно-кишечных заболеваний с летальным исходом в большинстве случаев.

В 1949 г. в числе спецпереселенцев из Северного Кавказа в момент прибытия в Караганду сотрудниками медицинского обслуживания были выявлены заболевания паразитарными тифами и малярией, т.к. значительная часть их была инфицирована еще в пути. Каждый пятый человек оказался больным малярией. Помимо этого, у спецпереселенцев наблюдалась высокая степень заболеваемости туберкулезом [23, с. 169].

Особенно высокой в исследуемый период была заболеваемость туберкулезом легких и костей. Главная причина высокой зараженности детского населения туберкулезом – нахождение в окружении взрослых, страдающих открытой формой туберкулеза. Кроме того, в 1948 г. противотуберкулезная работа в детских консультациях не велась, в Караганде не было детского фтизиатра [22, л.21].

Нехватка коечной сети была следующей: Кировская деттуббольница – 50 коек; туботделение при больнице шахты № 20 – 30 коек; туботделение при Балхашской больнице – 10 коек; туботделение при хирургической больнице для костнотуберкулезных детей в Большой Михайловке – 25 коек; тубгруппа в детских яслях на 30 коек в г. Темиртау; детсад для детей с тубинтоксикацией на 60 мест в Шахтинском районе и две тубгруппы в детсадах на 120 коек. [22, л.21]

Ситуация ухудшилась к 1953 г. Количество поступивших больных туберкулезом составило 1409 детей, а костным туберкулезом – 67 [11, л.13]. Высокая детская смертность по различным заболеваниям отражена в таблице 7.

Таблица 7 – Процент летального исхода среди детского населения по заболеваниям в городских больницах за 1949 – 1953 гг.

Заболевания	1949 г.		1950 г.		1951 г		1952 г.		1953 г.	
	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности
Детские инфекционные	8001	15,1	Нет свед	18,4	7484	12,8	8289	4,9	8070	3,7
Детские туберкулезные	418	19,3	438	14,1	863	8,3	101	Нет свед.	1409	Нет свед.
Детские костно-туберкулезные	Нет свед.	Нет свед.	29	Нет свед.	35	8,0	28	Нет свед.	67	Нет свед.
Таблица составлена на данных ГАКО. Ф. 664. Оп.1. Д. 114. Л. 12; Д. 202. Л. 28-29; Д. 299. Л. 12										

Анализ статистических источников показывает, что высокие показатели летальности по детским инфекционным заболеваниям приходятся на период с 1949 по 1951 гг., т.е. от 12,8 до 18,4 %. К 1952-1953 гг. этот показатель значительно снизился до 3,7%. Иначе сложилась обстановка в детских туберкулезных больницах. Как видно из таблицы, если в 1949 г. из 418 поступивших умерло 19,3%, то к 1951 г. из 863 поступивших – 8,3%. К сожалению, сведений о смертельном исходе за 1952 – 1953 гг. нами не было обнаружено. В общем списке имеются лишь сведения о количестве поступивших больных, а в графах летальность стоит прочерк. Известно, что в 1953 г. количество больных туберкулезом резко возросла. Только количество поступивших достигло 1409 детей. Вероятно, сведения по летальности не были указаны умышленно, чтобы не ухудшать показатели по области. Имеются отдельные сведения в разрезе городов. В частности, в Караганде наибольшая летальность наблюдается в детском туберкулезном отделении – 23,6 % и детском инфекционном отделении – 7,0 %. В Балхаше наибольшая летальность, так же, как и по Караганде, т.е. в детском туберкулезном отделении – 12,7 % и детском инфекционном отделении – 8,2 %. В Темиртау наибольшая летальность в детском инфекционном отделении – 5,8 % [9, л.30]. Несмотря на снижение смертности от целого ряда заболеваний, детская смертность до 1 года в 1953 г. продолжалась оставаться на высоком уровне. В Караганде – 7,9 %.; в Темиртау – 13,6; в Балхаше – 10,2 % [16, л.11].

Инфекционные заболевания охватили большой процент взрослого населения. Во второй половине 1940-х гг. широкое распространение получили такие заболевания, как дизентерия, брюшной тиф, сыпной тиф. Только в 1949 г. было зафиксировано 512 случаев брюшного тифа. Летальность составила 4,7 % [24, л.221]. Высокий процент заболеваемости приходился на возраст от 17 до 49 лет – 83,6% [24, л.221–222]. Немалую опасность представлял сыпной тиф. Среди рабочих он составил 20 %, шахтеров – 18,6 %, служащих – 9,3 %. По возрасту большой процент приходился на лиц от 15 до 39 лет [24, л.227]. Отсутствие медикаментов и необходимой вакцинации привело к распространению дизентерии. В 1949 г. было зарегистрировано 3181 случаев, или же на 10000 населения – 79,5. Тогда как в 1947 г. на 10000 населения приходилось 28,6 случаев [24, л.240].

Антисанитарная обстановка способствовала распространению малярии. Вспоминает врач А. Я. Быстревская: «В то время свирепствовала малярия. По борьбе с ней принимались самые решительные меры. Были организованы пункты во всех населенных местах, которые проводили лечебно-профилактические мероприятия среди населения. Во всех больницах и поликлиниках температурных

больных обязательно обследовали на малярию. Содержались специальные лица по борьбе с личинками комаров-переносчиков малярийного плазмодия. Благодаря таким комплексным мерам задача ликвидации малярии была решена». [25, л.42]

Проведение широких противомалярийных мероприятий, включая гидротехнические работы, авиаопыление, химическую профилактику, позволило снизить случаи заболевания малярией. Если в 1948 г. было зафиксировано 2120 случаев, то в 1949 г. – 1729. По возрастной группе из 1729 случаев на категорию лиц от 15 и выше приходилось 1606 случаев [24, л.130]. Ситуация незначительно изменилась в начале 1950-х гг.

Таблица 8 – Показатели инфекционных заболеваний по Карагандинской области

Наименование болезней	1952 г.	1953 г.
Сыпной тиф	27	17
Брюшной тиф	190	185
Паратиф	192	176
Дизентерия	8431	9864
Бруцеллез	583	867
Дифтерия	431	476
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 19. Л. 14		

Как видно из таблицы 8, произошло снижение показателей по отдельным видам заболеваний. В частности, по сыпному тифу, брюшному тифу, паратифу. Однако наметился резкий рост бруцеллезных больных. Поскольку данные в таблице общие, то высокий процент по таким заболеваниям как дизентерия и дифтерия сохранился за счет показателей у детского населения. Согласно отчетным данным областного отдела здравоохранения основными источниками заражения стали: антисанитарное состояние города, «скученность» и неудобства жилищных условий, нехватка дезинфекционных средств (особенно хлорaминола, хлорной извести, слабое развитие банно-прачечного хозяйства, а также контакт с зараженными. Кроме того, перебои с водоснабжением приводили к тому, что городское население для своих нужд пользовалось водой из случайных источников (озер, шахтными водами, колодцами).

Наблюдались высокие показатели и по онкологическим заболеваниям среди городского населения. К примеру, в 1948 г. рак желудка составлял 60 %, рак матки –73 %, рак полости рта – 54 % [26, л.36]. Среди венерических болезней в 1949 г. лидировали сифилис – 1278; гонорея – 2101. В 1950 г. сифилис – 1841; гонорея – 777 [26, л.37].

На страницах газеты Социалистическая Караганда в рубрике «Советы врача» регулярно публиковались профилактические рекомендации по выявлению данного заболевания на начальных стадиях [27]. О масштабах распространения различных форм заболеваний, а также степени летальности в городских больничных учреждениях среди городского населения Центрального Казахстана можно судить по данным таблицы 9.

Летальный исход за 1949 г. по городским больницам области был практически во всех взрослых инфекционных отделениях, где из поступивших 4469 больных умерло 5,5%; во взрослых туберкулезных отделениях из поступивших 1294 больных – 7,7%; от костного туберкулеза из 253 поступивших больных умерло 2,4 %. Из поступивших 423 больных летальность по онкологическим заболеваниям составила 5,9 %. Начиная с 1950-х гг., наблюдается снижение уровня летальности. Так, если смертность по инфекционным заболеваниям в 1950 г. составляла 4,8 %, то к 1953 г. – 0,9 %. Незначительно снизилась смертность по туберкулезу (с 8,1% в 1950 г. до 5,5% в 1953 г.) и онкологии (в 1952 г. – 7,8%; 1953 г. – 5,7%) и т.д.

Одновременно отмечается увеличение процента летальности по терапевтическим (в 1952 г. – 1,4%; 1953 г. – 1,9%) и травматологическим (1952 г. – 2,5%; 1953 г. – 4,8%) отделениям. Увеличение показателей в последнем случае объясняется тяжестью отдельных случаев госпитализированных больных с травмами, а также тем, что в 1953 г. в терапевтических отделениях городских больниц содержались онкологические больные.

Таблица 9 – Процент летальности среди взрослого населения по заболеваниям в городских больницах за 1949 – 1953 гг.

Заболевания	1949 г.		1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности	Поступило больных	% летальности
Терапевтические	22439	2,4	19662	2,2	15722	2,2	22029	1,4	23411	1,9
Хирургические	7400	2,6	11633	1,9	12410	1,6	12938	1,9	14381	1,3
Инфекционные среди взрослого населения	4469	5,5	34067 с стац.	4,8	7019 без стац.	2,3	5408	1,4	6798	0,9
Туберкулезные взрослые	1294	7,7	2118	8,1	2371	7,3	2739	5,7	3319	5,5
Костно-туберкулезные взрослые	253	2,4	Нет свед.	Нет свед	54	Нет свед	197	Нет свед	168	Нет свед
Травматолого-гические	2573	3,3	3094	1,5	1654	3,1	1010	2,5	654	4,8
Родильные	13740	0,16	17122	0,08	18302	0,1	17287	0,08	21002	0,07
Гинекологические	3684	3,8	4572	0,2	7194	0,4	7416	0,3	9539	0,2
Неврологические	362	8,3	403	6,4	507	5,0	740	4,5	726	2,8
Онкологические	423	5,9	392	Нет свед	338		317	7,8	485	5,7
Глазные	1746	0,05	1481	-	1470	-	1520	-	1897	0,05
Грибковые и кожно-венерологические	1436	0,2	1712	0,3	1566	0,2	2198	0,1	2898	0,1
Урологические	Нет свед.	Нет свед	Нет свед.	Нет свед	326	2,5	199	2,6	357	2,0
Стоматолого-гические	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед	140	3,0	183	-	270	-
Таблица составлена на основе данных ГАКО. Ф. 664. Оп.1. Д. 114. Л. 12; Д. 202. Л. 28-29; Д. 299. Л. 113										

В разрезе городов картина была следующей: в г. Караганде наибольшая летальность в туберкулезных отделениях – 5,8 % и инфекционных – 2,9%. Наименьший показатель летальности в кожно-венерологическом – 0,5 % и гинекологическом – 0,3%. В Балхаше во взрослых туберкулезных отделениях летальность составила 5,7%. Наименьший показатель летальности в гинекологическом – 0,5 % и родильном – 0,2%. В Темиртау наибольшая летальность во взрослых туберкулезных отделениях – 3,6%. Наименьшая летальность в роддоме – 0,1 % [9, л.30].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода городское население Центрального Казахстана испытывало большое число инфекционных заболеваний, среди которых ведущее место занимали следующие болезни: туберкулез, брюшной тиф, сыпной тиф, дизентерия, дифтерия, корь, малярия, скарлатина. В целях снижения заболеваемости органы здравоохранения области проводили следующие мероприятия: расширение больничных учреждений и коек, вакцинация взрослого и детского населения, организация круглосуточных стационаров для больных коклюшем и дневных стационаров для детей больных дизентерией; расширение сети пищевых станций, молочных кухонь и т.д. Однако имеющиеся цифры свидетельствуют о слабой организации мер по оказанию медицинской помощи. Причиной тому послужила неподготовленность региона к столь быстрому росту численности населения, прибывшего на строительство крупных промышленных объектов. Из-за этого возникали такие проблемы, как нехватка больничных коек, медицинских препаратов, а также слабая укомплектованность квалифицированными медицинскими кадрами. Последствия – высокая степень заболеваемости и смертности, особенно среди детского населения.

Следует отметить, что качество медицинского обслуживания в начале 1950-х гг. улучшилось незначительно. Статистические данные свидетельствуют, что количество поступивших больных в стационары, городские больницы, роддомы и диспансеры по сравнению с 1952 г. возросло. Так, если в 1952 г. было зафиксировано 91782 поступлений, то в 1953 г. – 106735, т.е. на 15000 больных больше [11, л.9-10]. Увеличение случаев госпитализации было достигнуто благодаря развертыванию дополнительных стационаров. В общем процент больничной смертности снизился на 0,1 %. Значительное снижение больничной смертности отмечается по детским стационарам – 3,7 %, по инфекционным - 0,9, по хирургическим – 1,3, по туберкулезным для взрослых – 5,5%. Начиная с 1951 г., увеличивается количество обращений за медицинской помощью на дому – 149432 вызовов; в 1952 г. – 200413 [11, л. 10]. К 1953 г. улучшилась транспортировка больных в лечебные учреждения. Если в 1945 г. было 2 станции скорой помощи, в 1948 г. – 7 станций и 7 санитарных машин [4, л. 117], то в начале 1950-х гг. – 12 станций и 11 машин [4, л.355].

В 1953 г. городскими больницами области была проведена работа по внедрению диспансерного метода обслуживания населения. В целях раннего выявления заболеваний непосредственно на промышленных предприятиях проводились профилактические осмотры рабочих и служащих по выявлению пневмонии, туберкулеза, язвенных болезней, онкозаболеваний, гипертонической и других болезней. За 1953 г. комплексными комиссиями было осмотрено более 20 тысяч шахтеров [11, л.15]. Выявленные больные были взяты на учет и прошли лечение. Велся учет остальных оздоровительных мероприятий: направление на санаторно-курортное лечение, дома отдыха, перевод на другие работы, инвалидность и т.д.

Следует отметить, что в целом, состояние лечебных учреждений в городах Центрального Казахстана за 1945–1953 гг. было неудовлетворительным. Большинство из них были расположены в неприспособленных помещениях. К примеру, больницы пп. Майкудук, Новая Тихоновка, Компанейск были размещены в ветхих саманных бараках, где отсутствовали канализация и центральное отопление. Больным приходилось мерзнуть из-за отсутствия топлива, а иногда больницы были вынуждены закрывать. Больницы Темиртау находились в деревянных корпусах, построенных в 1903 г. [18, л.42]. Практически не выделялось средств на ремонт больниц. Бывали случаи, когда штукатурка падала на операционный стол, где оказывалась экстренная помощь больному. Врачам приходилось натягивать над головой во время операций простыню [4, л.137].

В критическом состоянии находились туберкулезные больницы области. Не было специальных отделений для бациллярных больных и отделений для стационарного лечения [4, л.85]. В итоге все больные находились в одном здании, что создавало благоприятную обстановку для дальнейшего распространения туберкулеза. Оснащенность больниц твердым и мягким инвентарем, предметами ухода за больными была крайне недостаточной. Постельное и нательное белье, изношенное практически на 80 %, обеспечивало больницы в 1 – 1,5 смены. Хозяйственно-кухонный инвентарь требовал замены и пополнения. В больницах не хватало перевязочного материала, глюкозы, пенициллина, необходимых хирургических инструментов, рентген аппаратуры и т.д. Наличие гужевого и отсутствие автотранспорта приводило к ухудшению качества обслуживания населения участковыми врачами.

Таким образом, анализ системы здравоохранения и медицинского обслуживания городского населения Центрального Казахстана в 1946-1953 гг. свидетельствует о том, что в рассматриваемый период существующая сеть медицинских учреждений не удовлетворяла потребности резко возросшего населения. Города Центрального Казахстана нуждались в строительстве новых лечебно-профилактических учреждений, а также в развертывании дополнительных коек в существующих больницах. Остро стоял вопрос об увеличении медицинских кадров, особенно квалифицированных врачей. Больницы были слабо оснащены необходимым медицинским оборудованием, лекарственными препаратами, перевязочным материалом, а также мебелью и бельем. Практически все медицинские учреждения размещались в неприспособленных помещениях, т.е. в бараках или землянках. Во многих не было проведено водопровода и канализации. Ограниченное количество транспортных средств, а порой их отсутствие, не давало возможности вовремя оказать медицинскую помощь.

Антисанитарное состояние в городах, недостаточное использование дезинфицирующих средств, сбой в водоснабжении создали благоприятную обстановку для распространения инфекционных заболеваний. От сыпного тифа, дизентерии, дифтерии, кори, коклюша больше всего пострадало детское население. Особую опасность для городских жителей представлял туберкулез. Его показатели в 1953 г., по сравнению с другими инфекционными заболеваниями, возросли как среди детского, так и взрослого населения. Помимо инфекционных болезней, не мало жизней унесли венерические, онкологические и другие виды заболеваний в послевоенный период.

Несмотря на минусы в организационных вопросах медицинского обслуживания, его количество, по сравнению с 1945 г., значительно повысилось (открытие больниц, здравпунктов, диспансеров, санитарно-эпидемиологические станции). В медицинских учреждениях появилось новое оборудование, улучшилась материальная база, на промышленных предприятиях был внедрен диспансерный метод обслуживания. Наблюдалось значительное снижение смертности от инфекционных паразитарных болезней среди городского населения Карагандинской области, издавна считавшейся в этом отношении наиболее неблагополучной зоной из-за перенаселенности в жилищах и отсутствия санитарно-гигиенических навыков у большей части населения.

Таким образом, анализируя общую характеристику городов и населения Центрального Казахстана в послевоенный период можно заключить:

Города Центрального Казахстана стали наглядным примером крупно-масштабной политики советского государства, связанной с экстенсивными темпами промышленного освоения региона. В послевоенный период для изучаемого региона была характерна высокая степень урбанизации. Острая нехватка

квалифицированных рабочих рук стала главной причиной не только добровольной, но и принудительной миграции. Неподготовленность региона к столь быстрому росту городского населения создало массу бытовых проблем, с которыми столкнулись горожане: ухудшение санитарной обстановки, рост количества различных инфекционных заболеваний, увеличение детской смертности, нехватка больничных коек, дефицит питьевой воды, трудности с транспортом и многое другое. Положительные изменения в здравоохранении, качестве медицинского обслуживания, благоустройстве стали намечаться в начале 1950-х гг.

---

1. ЦГА РК, Ф. 698. Оп. 14. Д. 280
2. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 299а
3. ГАКО. Ф. 664. Оп 1. Д. 47
4. ГАКО. Ф. 30. Оп 2. Д. 15
5. Темиртауский рабочий. – 1949. – 27 февраля
6. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 49
7. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 152
8. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 340а
9. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 202
10. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 405
11. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 299
12. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 255
13. ГАКР. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16
14. ГАКР. Ф. 68. Оп. 1. Д. 9
15. ЦГА РК. Ф. 1473. Оп. 4. Д. 26
16. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19
17. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 12
18. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 111
19. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 14
20. Аудиозапись биографической беседы с Якушевой А.Е. (1922 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
21. Аудиозапись биографической беседы с Капановой Р.Т. (1938 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.)
22. ЦГА РК. Ф. 1473. Оп. 4. Д. 73
23. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов // Сост. Р.М. Жумашев и др. / Под. ред. Е.К. Кубеева. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. – 325 с.
24. ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51
25. ГАКО. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 1
26. ГАКО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 114
27. Социалистическая Караганда. – 1948. – 20 июня

2.2. Развитие городского здравоохранения Центрально-Казахстанского региона в 1954-1960-е гг.

Общей тенденцией развития советского здравоохранения в 1950-1960-е гг. было увеличение количества медицинских учреждений и специализированных отделений при больницах, здравпунктов на предприятиях и т.д. О поступательном росте медицинских учреждений свидетельствуют многочисленные архивные документы, статистические отчеты областного и городских отделов здравоохранения. В 1950-х гг. в системе Карагандинского областного здравотдела насчитывалось 80 поликлиник-амбулаторий и больниц на 4767 коек, медицинскую помощь оказывали 620 врачей и 2044 представителя среднего персонала [1].

1 декабря 1955 г. в г. Караганде была открыта городская инфекционная клиническая больница на 50 коек, которая занимала одноэтажное здание на базе городской клинической больницы № 1. В сентябре 1960 г. больница состояла из 5 лечебных корпусов на 560 коек и была известна жителям Караганды, как «больничный городок». В 1960-х гг. заработали отделения для больных тифо-паразитарной инфекцией, полиомиелитной патологией, дифтерией, гепатитом, 6 отделений для больных с кишечной патологией, 2 диагностических, реанимационное и параклиническое отделения. Больные с воздушно-капельной инфекцией, дифтерией, полиомиелитом ранее лечившиеся в старой, барачного типа больнице проходили лечение в типовых мельцеровских боксах. Карагандинская инфекционная клиническая больница имела бактериологическую лабораторию, дезкамерное отделение, детскую молочную кухню, прачечную и соответствовала всем требованиям функционирования специализированного медицинского учреждения [2, л.33].

В 1958 г. в Караганде было уже 24 больницы на 3615 коек, 5 родильных домов, на 460 коек, 11 поликлиник, 89 здравпунктов на предприятиях, в них работало 429 врачей и 2,5 тыс. среднего медицинского персонала. К началу 1970-х гг. уже насчитывалось больниц на 3,5 тыс. коек и поликлиник на 5 тыс. посещений [3]. В 1960-е гг. на станции Караганда-Сортировочная функционировал круглосуточный стационар на 75 коек, куда входили: родильное (15 коек), общехирургическое (30 коек), общесоматическое (30 коек) отделения. В больнице работало в то время 18 врачей [2, л.35]. С 1950 по 1955 гг. в г. Темиртау дополнительно открылись 5 больниц: детская, инфекционная, городская больница № 3 завода синтетического каучука (СК) и № 4 медико-санитарной части «КМЗ», а также кожно-венерологический диспансер. Заработали поликлиники при городской больнице № 1, заводе синтетического каучука и детской больнице [1].

В 1958 г. население г. Темиртау располагало новым больничным городком, состоявшим из трёх лечебных корпусов и поликлиники. Первая городская больница была преобразована в больничный городок. До середины 1960-х гг. в первой городской больнице работали терапевтическое и гастроэнтерологическое отделения. Долгое время больница была главным центром охраны здоровья горожан. В этот же период работали одни детские ясли, в которых также располагались детская и женская консультации. Профилактическая служба была представлена противомалярийной станцией со штатом в 5 человек [4, л.17].

За пять лет (1955-1960 гг.) в медицинских учреждениях г. Темиртау увеличилось общее количество больничных коек до 1050. В городе трудилось в это время 192 врача и 761 медсестра. На базе первой городской больницы в 1960 г. было открыто онкологическое отделение, где не только осуществлялись сложнейшие операции, но и проводились курсы радио- и химиотерапии [1]. Станция скорой медицинской помощи г. Темиртау была организована 15 июля 1958 г. при Первой

городской больнице. Первые бригады формировались фельдшерами, и было их всего 4 человека на весь город. В дневное время, по вызову, врачи добирались до пациентов пешком, а ночью выделялась повозка с лошадью. Позже появились 4 автомобиля – кареты скорой медицинской помощи. Станция скорой помощи находилась при различных учреждениях города вплоть до 1964 г. И лишь в 1964 г. было выделено здание по улице Фурманова [4, л.18].

12 апреля 1963 г. в г. Темиртау заработала медико-санитарная часть Карагандинского металлургического комбината (КМК) со стационаром на 520 коек. В 1970 г. из-за нехватки коек быта построена и открыта Детская больница №1. Стационар был рассчитан на 210 мест. Имелось отделение для детей младшего возраста на 40 коек. В 1975 г. население города располагало больницей на 140 коек, скорой медицинской помощью на 1 машину, 1 аптекой, 4 здравпунктами, 12 врачами, 48 медсестрами. В 1977 г. появилось отделение по выхаживанию новорожденных и недоношенных детей, маленьких детей первых 3 месяцев жизни [2, л.32].

В 1958 г. в г. Джезказгане была построена городская инфекционная больница. В документах отчетности тех лет говорится о том, что в целях повышения уровня здравоохранения постоянно проявлялась большая забота по отношению к молодому городу. Так, бюджет здравоохранения города в 1970 г. по сравнению с 1955 г. увеличился в 5,5 раза, число коек с 200 выросло до 450. К этому времени на территории города были открыты 4 диспансера, первый онкологический диспансер, образовались две станции «Скорой помощи» [3].

В списках учреждений здравоохранения г. Балхаша в 1961 г. числились 14 самостоятельных медицинских учреждений, 19 фельдшерско-сестринских здравпунктов на производстве, 14 фельдшерско-акушерских здравпунктов в населённых пунктах и 17 детских яслей на 920 мест [5, л.32]. Если для 1950-х гг. для г. Балхаша был характерен высокий уровень инфекционных заболеваний вследствие недостаточного уровня санитарного состояния города и недостатка питьевой воды, то к 1960-м гг. ситуация значительно стабилизировалась. На 1 ноября 1960 г. детская больница, городская объединённая больница вместе с диспансером г. Балхаша располагали 870 койками и отвечали существующим тогда нормам, численность всех работников составила 1478 чел., в том числе врачей –123, среднего медперсонала – 508 [6, с.343]. За период 1966-1970 гг. в г. Балхаше были открыты 3 специализированных отделения (ухо-горло-нос, урологическое, неврологическое) с общим количеством 100 мест, магазин «Оптика, аптека». Новые помещения были выделены для женской консультации, бактериологической лаборатории, построены типовые здания для противотуберкулёзного диспансера, стоматологической поликлиники. К 1970 г. количество коек больничного типа возросло до 1075, санаторного до 210 [6, с.340]. Бюджет лечебно-профилактических учреждений Балхаша в 1970 г. составил 3 334 500 руб. Количество врачей достигло 191 чел., среднего медицинского персонала – 875 чел. [6, с.346].

Отдел здравоохранения г. Шахтинска был образован 21 октября 1961 г. на первой сессии городского созыва. В здании скорой медицинской помощи был образован здравпункт. Через несколько месяцев в помещении старого родильного дома была развернута больница на 120 коек. В 1962 г. в городе была открыта поликлиника при больнице № 3, в 1963 г. – поликлиника № 1 на 600 посещений в день каждая. В 1965 г. приняла своих первых пациентов городская больница №1 на 30-м квартале. В 1977 г. было сдано в эксплуатацию здание медико- санитарной части на 240 коек с поликлиникой на 600 посещений, в котором расположились терапевтическое, травматологическое, кардиологическое, реанимационное, неврологическое и нейрохирургическое отделения [2].

Структура здравоохранения г. Абая начала формироваться ещё в 1950-х годах на базе рабочего поселка Чурубай-Нура. Для оказания быстрой медицинской помощи населению были открыты сестринские и врачебные здравпункты. При больнице № 4 действовали два фельдшерских здравпункта, в октябре и декабре 1955 г. были открыты здравпункты на станции Кызыл и на шахте № 6/7 [2, л.19]. В 1958 г. в поселке Чурубай-Нура было построено здание больницы по улице Гёте. Больница на 50 коек с поликлиникой на 100 посещений в смену. Вскоре там вырос целый больничный городок. И, улица соответственно, называлась Медицинская. В новом двухэтажном здании на первом этаже размещалась поликлиника, на втором больница, где лечили больных, делали операции. После получения статуса города в 1961 г., был создан Абайский городской отдел здравоохранения, которому была передана больница пос. Чурубай-Нуры №1. Условия работы первых медиков были тяжелые. Трудности были связаны с отсутствием транспорта, воды, приспособленных и оборудованных помещений стационара.

Специализированные отделения в городской больнице г. Абай были открыты в 1960-е гг. В 1962 г. заработали детское, родильное, общие отделения, поликлиника, амбулатория. В 1963 г. в больнице была открыта биохимическая лаборатория. В 1964 г. городская больница уже проводила лечение населения в стационарных отделениях: терапевтическом, хирургическом, гинекологическом, детском, родильном. Функционировали поликлиника и детская консультация [2, л.21]. В 1963-1966 гг. при городской больнице № 1 г. Абай были открыты 11 здравпунктов на шахтах, автобазе, деревообрабатывающем комбинате, заводе железобетонных изделий, рудоремонтном заводе. Приказом облздравотдела № 1205 от 30 ноября 1970 г. в составе горбольницы была организована медико-санитарная часть. В период 1972-1975 гг. были открыты травматологическое, инфекционное, урологическое и кардиоревматологическое отделения. Таким образом, в городе функционировало крупное лечебное учреждение, в составе которого были три поликлиники и стационар на 360 коек. Здесь работали 542 чел., в том числе 56 врачей и 229 среднего медицинского персонала [2, л.28]. Детская поликлиника в г. Абае в этот период была расположена на первом этаже 5-этажного жилого дома по ул. К. Маркса. Это просторное помещение она занимала до 1996 г. Здесь работало 115 медицинских работников, которые обслуживали 12 педиатрических участков города и рабочих поселков Карабас, Караган, Вольный, Кзыл. Поликлиника обслуживала 26 детских садов, яслей и 10 школ. Всего 12500 детей [2].

Динамика изменения количества медицинского персонала в городах Центрального Казахстана также была позитивной. В 1960 г. на каждые 10 тысяч жителей Карагандинской области приходилось 20 врачей, тогда как в 1950 г. – 14,6 врачей. Рост количества дипломированных врачей в регионе был связан с работой в Караганде Медицинского института. В 1950-1964 гг. институт подготовил и выпустил 3451 врача, из них специалистов коренной национальности – 839 человек (24,3%). Из общего числа выпускников: лечебников - 3376 (97,8), санитарных врачей - 75 (2,1%). В 1962 г. в г. Абае уже работали 10 молодых специалистов – выпускников Карагандинского медицинского института [5, л.129-133].

В 1966 г. для обеспечения лечебных учреждений региона средним медицинским персоналом по инициативе городского здравотдела в г. Абае был открыт филиал Карагандинского медицинского училища. За три года обучение в нём прошли 60 студентов, которые в последующие годы работали в системе здравоохранения городов Центрально-Казахстанского региона.

К началу 1970 г. медицинскую помощь населению городской промышленной агломерации Центрального Казахстана оказывали: областная клиническая больница (на 220 коек), 16 городских больниц (5870 коек), 9 детских городских

больниц (1710 коек), городская больница скорой медицинской помощи (1785 коек), 6 специализированных больниц (1750 коек), 17 диспансеров (3135 коек), 6 родильных домов (1195 коек). [2, л.35]

Целенаправленные государственные вложения в строительство больниц и обеспечение населения врачебными кадрами отвечали принципам советской системы здравоохранения и были главными показателем качества медицинских услуг. Вместе с тем, материально-техническая база учреждений здравоохранения региона оставалась в ряде случаев неудовлетворительной. В зданиях было печное отопление, вывозная канализация, ручная стирка белья с кипячением в котле, слабое оснащение медицинской аппаратурой в целом ряде больниц, поликлиник, родильных домов, диспансеров допускалось превышение количества больных

Охрана материнства была одним из центральных направлений советского здравоохранения. Специальное законодательство предусматривало охрану труда женщины, особенно в период беременности. С 23 ноября 1955 г. было отменено запрещение абортов, в результате чего резко сократились заболеваемость и смертность женщин от внебольничных, так называемых «криминальных» абортов [7]. Ширилась сеть родильных домов. Так, помимо имеющегося в Караганде Первый типового родильного дома на 60 коек (1938 г.), в 1955 г. открылся второй – на 60 коек, в 1957 г. третий – на 60 коек [6, л.3]. Вместе с тем, необходимо отметить, что не во всех городах региона имелись женские консультации, роддома и т.д. Так, старожил г. Джезказгана вспоминает, что в городе был всего один гинеколог. «Хорошо, что в 1959 году в городе начал работать родильный дом, - вспоминает женщина, - до этого очень были распространены криминальные аборты. Моя мама так и не смогла больше забеременеть после такого аборта, и я осталась единственным ребенком в семье» [8].

Статистика не дает сведений, какова была смертность женщин от криминальных абортов, лишь архивные документы свидетельствуют об озабоченности руководства области этим положением. Так, в годовом отчёте «О состоянии акушерско-гинекологической помощи в Карагандинской области за 1963 г.» говорится: «Уделяется внимание борьбе с абортами, везде проводятся лекции и беседы, имеются витрины противозачаточных средств» [8]. Облздравотдел проводил конкурсы на лучшую женскую консультацию. Во всех городах Центрального Казахстана учёт беременных вёлся по единой схеме, стала практиковаться ранняя диспансеризация беременных, в народе это называлось «ложиться на сохранение» [9]. Вместе с тем, смертность женщин во время родов была не редким явлением. Врачи рассказывали об этом часто в кругу семьи и друзей. Так, работница архива свидетельствует: «Жена моего брата так умерла. Ей было 30 лет, это был третий ребенок. Беременность протекала хорошо, но при родах начались проблемы. Плод был крупный – 6 кг. Вначале хотели сделать кесарево сечение, но потом решили, что она справится сама. Позже, операцию все же сделали, но и мать и дитя умерли. Я встречала эту историю болезни уже сданной в архив. Там было многое замазано корректором, поэтому, что случилось на самом деле, никто так и не узнал. Другой случай – у женщины были десятые роды, и она умерла – открылось кровотечение и его не удалось остановить» [10].

К сожалению, статистика смертности женщин во время родов в городах Центрального Казахстана нами не была обнаружена, но то, что ситуация эта была характерная для всего Советского Союза, свидетельствуют изменения в трудовом законодательстве и принятие ряда постановлений по охране материнства. Так, С 26 марта 1956 г. дополнительный оплачиваемый отпуск женщинам (работницам и служащим) в связи с родами был увеличен с 70 до 112 дней [4]. При рождении двух и более детей или при осложнённых родах послеродовой отпуск увеличивался

дополнительно еще на 70 дней. Государственным бюджетом были предусмотрены ассигнования на выплату пособий матерям и на лечение детей. Размеры этих ассигнований постоянно росли [9]. По советскому трудовому законодательству беременные женщины не привлекались к сверхурочным и ночным работам, а при необходимости переводились на более лёгкий труд. 13 июля 1957 г. правительством было принято постановление о прекращении применения женского труда на подземных работах в горнодобывающей и угольной промышленности и на строительстве подземных сооружений [11, л.2]. Вместе с тем, в Карагандинском угольном бассейне на начало 1959 г. на подземных работах оставалось более 4,8 тыс. женщин [4, л.119]. Только в начале 1960-х гг. прекратилось использование на этих участках женского труда.

В результате предпринятых шагов по улучшению женского здоровья, патронажа беременных, родовспоможения, гибель женщин в родильных домах региона сократилась. В отчете Карагандинского Облздравотдела говорится о том, что смертность женщин при родах «стала чрезвычайно редким явлением (0,07 случаев на 1000 родов)». В этом же документе названы и основные причины смертности: кровотечения, разрывы матки, эклампсия, сепсис. Каждый случай разбирался на медицинском совете города, анализировался в горздраве и облздраве [9]. Вместе с тем, именно в роддомах и женских консультациях процветала антисанитария, стафилококковые инфекции, грубость и бестактность персонала. При проведении интервью все женщины, кому приходилось рожать отмечали, что больничная одежда и белье часто были порваны (сорочки, халаты, тапочки), гигиенические прокладки были многократного пользования, их обрабатывали в санитарных баках, кипятили, и они выглядели ужасно, ни о какой белоснежности не могло быть и речи. Женщины часто жаловались на предродовую обработку: бритвы были тупые и часто оставляли порезы на теле [12].

Примечательно, что советские люди даже сейчас, спустя десятилетия, оправдывают низкую культуру медицинского обслуживания. Например, респондент рассказывает о своей знакомой, которая с надеждой пошла к гинекологу потому, что не могла забеременеть. Гинеколог, даже не осмотрев женщину сказала, что таких толстых она не принимает и лечить не будет. Похудеешь, мол, на 20 кг, приходи. Очень обиделась женщина, сказала: «Никогда больше не приду сюда». Потом она родила 2-х мальчиков, после того, как всё же похудела. Врач, значит, была права. Надо заметить, что многие отмечают, что гинекологи вообще «славились» своей грубостью, но до сих пор полагают, что таким образом они «скрывали свой профессионализм» [10].

В годовых отчётах, перспективных планах развития здравоохранения областей Центрального Казахстана, огромное значение уделялось детям. Охрана детства была выделена приоритетным направлением развития здравоохранения, что свидетельствовало о серьезной озабоченности государства демографической ситуацией в стране и регионе. Заботу о здоровье детей осуществляли детские лечебно-профилактические учреждения: больницы, поликлиники, детские отделения общих больниц, санатории, ясли-сады, отделения школьной гигиены санитарно-эпидемиологических станций.

Большое внимание уделялось развитию педиатрической службы, приближению ее не только к месту жительств, но и месту учебы. Жители городов Караганды вспоминают: «Охрана материнства и детства была на первом месте. Когда выписывали мать и дитя из роддома, в этот же день приходили врач и медсестра. В последствие ими осуществлялся постоянный патронаж – посещали 1-2 раза в неделю. Детские поликлиники и больницы существовали отдельно» [13]. «Профилактика заболеваемости (профосмотры, санаторное лечение, прививки и т

д. – всё было на высшим уровне. В детских садах профилактика была повсеместно распространена. В детский садик «Золотой Петушок» мы ходили круглосуточно. Забирали нас домой в пятницу вечером, в понедельник утром привозили. В саду нам давали рыбий жир, проводили закаливающие процедуры: летом обливали прохладной водой сначала ноги, потом тело, постепенно. Всех детей вывозили летом на 1-2 месяца к реке Нуре в летний оздоровительный детский сад. По четвергам всегда соблюдался «рыбный день», на обед или ужин готовили рыбные блюда» [14].

Несмотря на недостатки бытовых и жилищных условий и медицинского обслуживания в городах Центрального Казахстана, все дети в обязательном порядке были охвачены рентгенологическим обследованием, лабораторными исследованиями и осмотром врачей узких специальностей. В школах ученики проходили ежегодные медосмотры. Такие мероприятия проходили обычно в спортзалах, где «узкие» специалисты сидели в разных концах помещения и осматривали учеников поочередно: окулист, терапевт, лор-врач, хирург, дерматолог, стоматолог. Ежегодно проходили флюорографию. Это имело свои позитивные результаты. К 1960-м гг. резко сократилась младенческая смертность. Число умерших в расчете на 1000 детей в возрасте до 4 лет уменьшилось до 15 промилле, то есть, почти в 6 раз, по сравнению с 1939 г.; в возрасте 5-9 лет – до 1,6 промилле, или почти в 5 раз [15, с.33].

Относительно благоприятное положение с качеством медицинского обслуживания сохранилось недолго. Остаточный принцип финансирования здравоохранения не соответствовал масштабам новых задач, связанных с охраной и восстановлением здоровья. Совершенно упускались из виду загрязнение промышленными и радиоактивными отходами среды обитания, недостаточными были мероприятия, связанные с профилактикой заболеваемости. Поэтому процессы улучшения здоровья горожан Центрально-казахстанского региона при общей позитивной динамике, были неустойчивы и имели значительные колебания. Наиболее отчетливо эта тенденция проявила себя в отношении производственного травматизма и профессионально обусловленной заболеваемости, принципиального снижения которых в абсолютных показателях добиться не удалось. На промышленных предприятиях Центрального Казахстана они по-прежнему превышали допустимые нормы.

Несомненным переломом, определившим резкий подъем физиотерапии в области, послужила организация в 1962 г. Карагандинского научно-медицинского общества врачей терапевтов. Благодаря их деятельности шире стало использоваться санаторно-курортное лечение, стали активно использоваться в этих целях курортные ресурсы Центрального Казахстана – грязи озера Карасор, железистые воды источника Жосалы, радиоактивные источники Шалгия. Появилась возможность поправить здоровье у карагандинцев во всесоюзных здравницах. Так, только в 1965 г. на курортах Крыма, Кавказа, Прибалтики и Урала отдохнули и поправили здоровье 5580 карагандинцев, причём 2549 путёвок были предоставлены бесплатно [5, л.17].

Для выявления, диспансеризации и лечения больных туберкулёзом в 1963 г. был образован Карагандинский противотуберкулёзный диспансер. Онкологический областной диспансер в Караганде был открыт в 1964 г. на 320 коек. Карагандинский кожно-венерологический диспансер заработал с 1968 г. и был рассчитан на 165 коек.

В 1960-е гг. в Центральном Казахстане усилилась тенденция к устойчивому снижению уровня заболеваемости с временной утратой трудоспособности

рабочих. За 1964 – 1968 гг. производственный травматизм снизился на 40%, а в 1968 – 1970 гг. – еще на 35%.

Впечатляют и количественные показатели роста медицинских кадров. Так, если в 1940 г. в Центральном Казахстане насчитывалось всего 232 врача, то в 1970 г. – 4670 врачей. Количество врачей в Карагандинской области за 30 лет выросло более чем в 20 раз. В 1940 г. Центральный регион республики находился на последнем месте по количеству врачей, в 1970 г. он вышел на первое место по сравнению с другими регионами Казахстана [5, л.15]. Такого быстрого роста медицинских кадров не было ни в одном другом регионе Казахстана.

Улучшение материального положения населения и успехи советской медицины способствовали тому, что в 1950-1960-х гг. в Казахстане, согласно официальной статистики, заметно снизилась смертность населения – почти в 3 раза, коэффициент смертности стал равен 7,3 промилле. В 1965 г. смертность населения по сравнению с 1960 снизилась с 6,5 до 5,8 промилле. Среди союзных республик Казахстан имел самый низкий уровень смертности [10].

Внедрение в медицинскую практику антибиотиков позволило поставить под контроль многие экзогенные факторы и ускорить формирование новой структуры причин смерти, характерных для относительно поздних стадий эпидемиологического перехода. На первое место среди причин смерти вышли болезни кровообращения и новообразовании [15, с. 33]. Изменилась структура заболеваемости: инфекционные болезни отступили, на первый план вышли сердечно-сосудистые и онкологические заболевания: в структуре смертности сердечно-сосудистые заболевания составляли 65%, онкологические – 30%, туберкулез – 12,3%. Прослеживалась тенденция снижения заболеваемости населения брюшным тифом, скарлатиной, дифтерией, полиомиелитом, корью [5, л.9].

Таким образом, развитие системы здравоохранения в городах Центрального Казахстана в 50-60-е годы XX века шло в направлении укрепления материальной базы учреждений здравоохранения, профилактики заболеваний, развития детской медицины. Повысилось качество оказываемых медицинских услуг, как в результате углубления специализации, так и за счёт лучшего обеспечения больниц, здравпунктов и поликлиник современной медицинской аппаратурой и оборудованием. Сложился корпус высококвалифицированных врачей. Все это позволило сместить акценты в работе медицинских учреждений в сторону профилактики заболеваний. Вместе с тем, несмотря на внешне активную деятельность государства по расширению системы учреждений здравоохранения, сдвиги в общественном здоровье происходили очень медленно и именно в этот период были заложены основы тех негативных явлений, которые наиболее отчетливо проявились в последующий период.

---

1. ГАКО.Ф. 18. Оп. 1. Д. 5
2. ГАКО.Ф. 30. Оп. 1. Д. 8
3. ГАКО.Ф. 15. Оп. 3 Д. 115
4. ГАКО.Ф. 664. Оп. 1. Д. 6
5. Балхаш. Страницы истории. (1936- 2007 годы) // Сборник документов и материалов. -Караганда: ТОО «Арка и К», 2007 – 438 с.
6. ГАКО.Ф. 865 Оп.1 Д. 10
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1955 об отмене запрещения абортов // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – № 22– С. 425-432
8. ГАКО.Ф. 1467. Оп. 1. Д. 7

9. ГАКО.Ф. 30. Оп. 1. Д. 6
10. Интервью беседы с Медведевой О.Е. (1963 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Жезказгане в 2016 г.
11. ГАКО.Ф. 1233. Оп. 1. Д. 7
12. Интервью беседы с Ивановой С.В. (1962 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Темиртау в 2016 г.
13. Интервью беседы с Алимбаевым Т.А. (1945 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Караганде в 2016 г.
14. Интервью беседы с Макеновой Р.С. (1968 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Караганде в 2016 г.
15. Народное хозяйство в СССР в 1965 г. – Москва, 1966 – 360 с.

2.3. Качество медицинского обслуживания в городах в 1970-е- 1991 гг.

Успехи советской медицины способствовали тому, что к концу 1970-х гг., согласно официальной статистики, смертность населения в Центральном Казахстане снизилась почти в 3 раза, коэффициент смертности среди горожан стал равен 5 промилле. Необходимо добавить, что среди союзных республик Казахстан, как и в 1960-х гг. имел самый низкий уровень смертности [1, л.20].

Общей тенденцией развития здравоохранения оставался экстенсивный путь развития: увеличение количества медицинских учреждений и специализированных отделений при больницах, здравпунктов на предприятиях, коечной сети стационаров и т.д. О поступательном росте медицинских учреждений, коечной сети стационаров и численности медицинского персонала во всех городах Центрального Казахстана свидетельствуют архивные документы, статистические отчёты областного и городских отделов здравоохранения. В Караганде, Темиртау, Джезказгане, Балхаше, Абае, Шахтинске, увеличивалось число медицинских учреждений разного уровня, шло определенное нарастание материально-технической базы, действовала система централизованного обеспечения лекарственными препаратами, медицинским оборудованием, инвентарем; в плановом порядке повышалась квалификация медицинский работников.

К середине 1980-х гг. медицинскую помощь населению городской агломерации региона оказывали: областная клиническая больница на 720 коек, областная детская больница на 220 коек, 16 городских больниц, 9 детских городских больниц, городская больница скорой помощи, 6 специализированных больниц, 17 диспансеров, 6 родильных домов, институт гигиены труда и профессиональных заболеваний, 10 центральных районных больниц, 8 стоматологических поликлиник, 3 станции переливания крови, 16 станций скорой и неотложной помощи, 193 фельдшерско-акушерских пункта, 198 здравпунктов, 21 санитарно-эпидемилогическая станция. Из 17 имеющихся диспансеров – 7 областных и 10 городских. Всего в регионе медицинскую помощь населению оказывали 5751 врачей и 15627 среднего медицинского персонала. Обеспеченность населения врачами составляла 42,9 на 10 тыс. населения, средним медицинским персоналом – 116,5 соответственно. В регионе было создано 2 дистанционно-диагностических центра, кардиохирургический, нефро-урологический, ревматологический центры, организованы 14 отделений профилактики и 11 отделений восстановительного лечения [2, л.17].

Город Караганда стал центром медицинского обслуживания населения Центрально-казахстанского региона. Здесь были сосредоточены специализированные медицинские учреждения: кардиология, терапия, детская травматология, профессиональных заболеваний. Если вопрос с диагнозом

заболевания не решался по месту жительства, людей отправляли в областной центр – в Караганду. Сюда приезжали лечиться больные со всей области. В середине 1980- х гг. в городе было 10 больниц, 4 родильных дома, 3 диспансера, 28 поликлиник, 2 дома ребенка, 4 детских санатория, 5 станций скорой медицинской помощи. Многие операции делали только здесь, имелось много «узких» специалистов. В учреждениях здравоохранения трудились 21605 врачей и 5236 медицинских сестер. Обеспеченность врачами (в расчете на 10 000 чел.) составляла 34,8, средними медработниками – 84,9 [2, л.18]. К началу 1980-х гг. в Центральном Казахстане функционировала специализация терапевтической службы по профилям, были открыты терапевтические отделения в городских клинических больницах в Караганде, Темиртау, Джезказгане, Шахтинске, Сарани, Абае.

Вплоть до 1990 г. в общем количестве лечебно-профилактических учреждений в городах Центрального Казахстана наблюдалась тенденция увеличения. Так, если в 1985 г. их было 175, то в 1990 г. уже 190 (увеличение на 15 порядков). В 1979 г. центрально-казахстанский регион по количеству врачей в расчете на 10 000 населения (не считая г. Алма-Аты) вышел на первое место по сравнению с другими регионами Казахстана [3, л.15]. Такого быстрого роста медицинских кадров не было ни в одном другом регионе республики.

Необходимо признать, что статистические данные показывали зачастую деформированные показатели: численность врачей и больничных коек увеличивались, но это не сопровождалось улучшением показателей здоровья населения. Эффективность работы здравоохранения достигалась за счет мобилизации всех ресурсов этой отрасли, эффективной, зачастую самоотверженной работе медиков и постепенно улучшающейся социально-бытовой ситуации. На самом деле, в здравоохранении 1970-1980-х гг. накопилось множество нерешенных проблем экономического, культурно-бытового и социального плана. «Койкомания», отсутствие современного лечебно-диагностического оборудования –отрицательные характерные черты развития медицинского обслуживания в городской агломерации региона в этот период. Но как показал анализ интервью, довольно большое число горожан, поколение 70-80-х гг. XX в., выступают защитниками советского здравоохранения и дают качеству медицинского обслуживания высокую положительную оценку. Главные аргументы: медицинское обслуживание было бесплатным; советский человек чувствовал себя защищенным государством с момента рождения до «гробовой доски»; детская и взрослая медицина развивались отдельно. Жители городов Центрального Казахстана положительно оценивают профессиональный уровень медицинских кадров. В регионе успешно функционировал медицинский институт, который в СССР занимал 4 место по качеству подготовки медицинских кадров. Медики получали достойную заработную плату. Так, заработная плата кандидата наук приравнивалась к зарплате первого секретаря райкома партии – 300-320 рублей, доктор наук зарабатывал 500 рублей в месяц, как секретарь обкома партии.

К врачам относились с большим уважением. Врач, медицинская сестра всегда были чистые, ухоженные: белый халат, белый колпак. Они вели приём в поликлиниках в отдельных кабинетах в строго определенное время, каждый на своём участке. Участковый врач был ответственен за каждого человека, которого он обслуживал территориально. Врач осматривал больного, делал назначения и записи в медицинской карте, посещал больных на дому по вызовам. Многое в поликлиниках зависело от медицинских сестер. Они сидели на приёме вместе с врачом. На них был основной груз по обслуживанию пациента: они выписывали направления, рецепты, ходили домой к больным с проверкой их состояния

и т.д. Но с годами внимание к больным становилось меньше, а к медицинской документации – больше. Как отмечают все жители городов, «врачам порой было некогда внимательно осмотреть больного, они все время что-то писали».

В городах работало много поликлиник, в том числе специализированных, поэтому очередей на приём к врачу практически не было. Можно было записаться к участковому врачу или специалисту на приём по телефону. Скорая помощь работала слажено, приезжала к больному в течение 15-30 минут. Медицинский персонал имел все лекарства с собой.

В годовых отчётах, перспективных планах развития здравоохранения горздравотделов Центрального Казахстана, огромное значение уделялось детям. Охрана детства была выделена приоритетным направлением развития здравоохранения, как и в предыдущий период. Жительница города Джезказгана вспоминает, с какой ответственностью выполняли свою работу детские врачи. «Мама была педиатром в областной детской больнице. Она приходила домой и у нее из сумки всегда пахло больницей. Все разговоры вечером за столом были о маленьких пациентах. У нас дома есть целый альбом спасенных ею детей. Многие были недоношенными, рождались с маленьким весом, в отделении их выхаживали, пока они не вырастут до определенного веса. Были груднички без родителей. В основном, это были дети студентов, которые обучались в г. Караганде. Были случаи, что дедушки и бабушки приезжали и забирали их. Это было радостное событие для коллектива больницы и всей нашей семьи. Часто к детям так привязывался медицинский персонал, что оформляли усыновление» [4].

«Медики всегда держали под контролем состояние здоровья моих малышей, - рассказывала жительница г. Караганды, – врачи сами приходили домой, медсестра делала уколы на дому. Вызвать врача или записаться на приём к специалисту не составляло проблем – всегда можно было легко дозвониться в регистратуру. Очередей больших на приём к врачу не было, без очереди никто не проходил. Детям было чем заняться, пока подойдет очередь. Например, в детской поликлинике на 45 квартале был детский уголок, игровые настольные игры, кубики, карандаши и альбомы для рисования» [5].

Как и в предыдущий период, все дети в городах Центрального Казахстана в обязательном порядке были охвачены рентгенологическим обследованием, лабораторными исследованиями и осмотром врачей узких специальностей. В результате планового и регулярного проведения иммунизации с 1980 г. были ликвидированы случаи заболевания детей полиомиелитом, столбняком, коклюшем, дифтерией. Более чем в 10 раз снизилась заболеваемость корью и туберкулёзом по сравнению с 1937 г. [3, л.15].

В результате предпринятых шагов по улучшению женского здоровья, патронажа беременных, родовспоможения, гибель женщин в родильных домах региона сократилась. В отчете Карагандинского Облздравотдела говорится о том, что смертность женщин при родах «стала чрезвычайно редким явлением (0,07 на 1000 родов)». В этом же документе названы и основные причины смертности: кровотечения, разрывы матки, эклампсия, сепсис. Каждый случай разбирался на медицинском совете города, анализировался в горздраве и облздраве [6, л.15].

Вместе с тем, как и в предыдущий период, именно в роддомах и женских консультациях пациенты сталкивались и с антисанитарией, стафилококковыми инфекциями, грубостью и бестактностью персонала, и вновь респонденты оправдывали низкую культуру медицинского обслуживания, так как в советское время большое значение имел человеческий фактор. Жительница г. Караганды рассказала, что много лет назад она обратилась к врачу женской консультации по поводу уплотнения внизу живота. Ей поставили диагноз: беременность. Врач

была непреклонна, хотя женщина утверждала, что этого не может быть потому, что мужа не было в живых уже 10 лет. «Не знаю, как фамилия и отчество вашего «Ветрова», – парировала врач. После этого женщина вообще перестала ходить в женскую консультацию. Как оказалось, у неё была грыжа и просто надо было сделать операцию. Но время ушло, сейчас эта грыжа у женщины размером с голову младенца. «Так что я теперь «хронически беременна», – горько шутит она. И, хотя в те годы было в порядке вещей жаловаться на грубое обслуживание начальству – зав. поликлиникой или зав. больницей, женщина не стала этого делать. «Я не стала, так как ценю спокойствие, боюсь обидеть людей», – объяснила она [7].

«С медикаментами было плохо. Все лечились одним и тем же. Ассортимент в аптеках был небольшой: анальгин, уголь активированный, аспирин, пенициллин, цитрамон (по-советски «тройчатка») и пирамидон вместо парацетамола. Еще были йод, зелёнка и настойка боярышника. Лекарства в аптеках тогда были недорогими. Так, 10 таблеток левомицетина стоили, например, 65 коп., 10 таблеток «тройчатки» – 45 коп., 10 таблеток анальгина – 38 коп. Импортных лекарств было мало. Когда приоткрыли границы, люди по знакомству и за огромные деньги заказывали «счастливцам», выезжающим «за рубеж» в Болгарию, ГДР, лекарства. На месте приобрести импортные лекарства было очень трудно. Всё было по блату и с переплатой (в 2-3 раза дороже). Да и самих аптек было мало. В г. Караганде, например, было несколько аптек - по ул. Джамбула, по улице Фестивальной, 70-я аптека (у Дворца горняков) и в Михайловке» [7]. Вспоминая о дефиците лекарств, жительница г. Темиртау вспоминает: «После серьезной операции моей матери срочно понадобился препарат «Контрикол», нам «доставали» его с большим трудом, по блату. Нашли знакомого, который знал начальника Облаптекоуправления, и только после его звонка нам выдали его в г. Караганде в аптеке №70, где был сосредоточен весь дефицит области» [8].

Для детей существовали скидки на лекарства – государство осуществляло дотацию. Инвалиды получали медикаменты регулярно и бесплатно. Были лекарства, недоступные для простого человека, они шли по разнарядке для номенклатурных работников.

Для того, чтобы люди меньше болели, проводилась работа по профилактике заболеваемости (профосмотры, санаторное лечение, прививки и т д.). Вместе с тем, санаторное лечение могли получить только представители номенклатуры и рабочие больших предприятий. В городах Караганде, Джезказгане, Балхаше, Шахтинске, Сарани при крупных промышленных предприятиях и шахтах функционировали санатории – профилактории. В них отдыхали и лечились рабочие и шахтеры льготно: 80% стоимости путевок оплачивало предприятие. В профкомах промышленных предприятий и шахт можно было приобрести льготную санаторно-курортную путевку даже для членов семьи. Жительница шахтерской столицы рассказывает так о своём детстве: «Мой отец был шахтер (121 Актасская шахта, горный мастер) и ему оплачивали 25% стоимости любой путевки по Советскому Союзу для всех членов семьи. Поэтому я, мои две сестренки и мама объездили с ним почти весь СССР. Это мы себе могли позволить каждые 2-3 года. Мы были на курортах Грузии, всё побережье Чёрного моря объездили, в Башкирии, Москве, Ленинграде, Казани и др. Здесь, в Центральном Казахстане отец любил отдыхать в санатории Жартас. Шахтёру это можно было делать 2 раза в год с большой скидкой в оплате путёвки. Мама была инвалидом 1 группы (проблемы со зрением), ей один раз в год бесплатно выдавалась санаторная путевка. Шахтерская зарплата отца позволяла нам выезжать на море. Это было очень хорошо: мягкий климат, морская вода, благоприятно действовали на организм. А если ещё принимать процедуры

(они были платными, но недорогими, ингаляции, например), то здоровья хватало на весь год, чтобы не болеть ОРВИ» [6].

Профилактике заболеваемости уделялось большое значение. Жительница г. Караганды рассказывает, что, работая в детском саду, она и другие сотрудники, один раз в три месяца проходили медосмотр. Сдавали кровь на анализы, осматривались гинекологами, хирургами и только потом терапевт давал разрешение на работу. Один раз в год они были обязаны пройти проверку в Кожно-венерологическом диспансере и два раза в год – флюорографию. Но что все горожане вспоминали с сожалением, так это стоматологическую помощь. Да, она тоже была бесплатной. Самые яркие воспоминания – страх удаления зубов. Для удаления нерва в зуб закладывали на несколько дней мышьяк, который прикрывали временной пломбой. Предупреждали, что будет больно и советовали пить анальгин. Когда нерв «умирал», пломбу снимали, нерв удаляли. Не менее страшным было и лечение зубов: незабываемые бормашины, новокаин и советские пломбы. Это был, как правило, болезненный процесс, поэтому к зубным врачам старались обращалась редко, тянули, как говориться до последнего, и уже к 40 годам у многих во рту не было нескольких зубов. Протезирование тоже откладывали, оно было дефицитным. Качественные материалы для пломб и коронок были импортными и стоили дороже золотых зубов. И, наконец, если и решаешься на протезирование, то надо было вставать в очередь, которая могла длиться месяцами. Модно было вставлять золотые зубы – за это, конечно платили, хотя красоты от этого никакой не было. Кто-то вставлял железные зубы, но это считалось признаком бедности. Вот как вспоминает поход к стоматологу жительница г. Балхаша: «Помню этот день как сейчас: я, моя раздутая как футбольный мяч, щека, и врач утомленная предыдущими пациентами. У меня был периостит, в простонародье – флюс. Врач провела осмотр, и сообщила что нужно удалить зуб. Сделать это надо было как можно быстрей, и без анестезии. До сих пор не понимаю, почему. После этого, желание посещения зубных врачей у меня надолго отпало» [9].

Горожане с гордостью вспоминают 100% оплачиваемые больничные листы. Вместе с тем, необходимо уточнить, что для того, чтобы больничный лист оплачивался в полном объёме, необходимо было иметь восемь лет профсоюзного стажа, то есть восемь лет состоять в профсоюзе и платить взносы. Это был 1% от зарплаты в месяц. При высоких заработных платах на промышленных предприятиях Центрального Казахстана это были немалые деньги. Если произвести элементарные арифметические подсчеты таких взносов за год, восемь лет, всю жизнь, то набегает солидная сумма. Были и условия для получения больничного листа. При ОРЗ или ОРВИ, например, больничный давали только с температурой. Нет температуры – нет больничного листа, как бы ты себя не чувствовал! Каждые три дня больничный нужно было продлевать. Если болели больше 10 дней, созывалась врачебная комиссия, которая решала, можно ли продлить больничный еще на 10 дней. После инфаркта, ишемической болезни дома можно было находится 20 дней. Если больничный был по уходу за ребенком, его выписывали только на 7 дней. Потом – комиссия, и с больным ребенком нужно было каждые 3 дня ходить в больницу, отмечаться.

Детские поликлиники и больницы существовали отдельно. В обычных больницах в палатах было по 4-8 кроватей. Одежда разрешалась только больничная – халаты, нижнее белье, тапочки. Домашнюю одежду приносить в больницу не разрешалось. Больничная одежда и постельное белье часто были рваными и застиранными. В больницах тогда не было одноразовых шприцов, отсутствовали индивидуальные предметы гигиены и др. Кормили неплохо. Респонденты вспоминали: «Если к тебе даже никто не ходил, с голоду не умрешь:

ежедневно помимо завтрака, обеда и ужина, вечером давали кефир, яйцо, печенье. И, хотя медицина действительно была бесплатной, все знали, что с доктором надо рассчитаться. Врачей благодарили. Конфеты, коньяк или шаманское было в порядке вещей. Но другое дело – в больницах лекарств не было, причем самых простых. Бинты, системы – тоже дефицит. Представьте, Вашему близкому человеку нужны лекарства, а их нет совсем, причём ни за какие деньги. В ход опять шли связи, доставали, привозили из других городов. Но, в принципе, советский человек мог требовать и стучать кулаком по столу, чтобы его лечили, как надо. Иногда это помогало» [8].

Помимо официальной медицины все люди занимались самолечением. Рассказы жителей городов Центрального Казахстана свидетельствуют, что было в порядке вещей самим ставить банки, чистить печень клизмой и растительным маслом. Очень полюбился людям ипликатор Кузнецова, который использовался очень активно. Все от мала до велика знали, что при простуде и температуре надо принимать аспирин, при головной боли – цитрамон, при воспалении легких, бронхитах – пенициллин в инъекциях, тетрациклин; сердечных заболеваниях, нервных расстройствах и бессоннице – валидол, валокордин, корвалол, валерианка. Когда появилась в аптеках ношпа, многие стали лечить ею все болезни. В народе был популярен вьетнамский бальзам «Звездочка». Он применялся как универсальное средство почти при всех заболеваниях: его нюхали, мазали, делали растирание, ингаляции. Самолечение в городах было обычным делом. Широко применялось лечение пиявками. Они свободно продавались в каждой аптеке. Когда дефицитом стали горчичники, приспособились использовать просто горчичный порошок. Его заваривали, намазывали на тетрадный лист, складывали вдвое и накладывали на область груди и спины. Детям парили ноги в тазике с горячей водой с горчицей, полоскали горло с содой и солью, поили чаем с ромашкой, малиновым вареньем, мёдом. «Народные» средства использовалась даже при лечении серьезных заболеваний. Так, широко было распространено поверье, что желтуху (гепатит) нужно лечить вшами, которых закатывали в хлебный мякиш и глотали, запивая водой. При женских болезнях лечились так: в тазик ставили нагретый кирпич, лили в таз горячую воду или травяные отвары и закутывались одеялом. Обращались к народным целителям – «бабушкам». Они «заговаривали» пупочную грыжу, испуг, бородавки, чирьи, даже мастит груди. Диагноз был один – сглазили. Люди считали, что это лечение помогает. Эти услуги были платными, но недорогими, можно было просто бабушку угостить дефицитными продуктами. Знахари лечили людей заговорами, молитвами, травами. Люди посещали могилы предков или знаменитых людей, батыров, биев. Там ночевали, прямо в мазарах. Были случаи, после посещения святых мест, женщины беременели.

Во второй половине 1980-х гг. появились китайские «врачи». Жительница г. Караганды рассказывает: «Мой папа решил как-то попробовать китайскую медицину. Его лечили от полиартрита бамбуковыми палочками. Их поджигали и прикладывали к колену. Результат – ожоги и шрамы от них». В годы «перестройки» люди лечились по телевизору – у знаменитых в этот период экстрасенсов Кашпировского и Чумака [4].

Конечно, медицинское обслуживание было неодинаковым для всех. Номенклатурные работники лечились отдельно. Бывший работник обкома партии рассказывает, что в Караганде для партактива была специальная больница в Михайловке. Там условия были гораздо лучше, чем в обычных больницах. В больничной палате находилось, как правило, не больше двух человек. Кормили очень хорошо. Питание, как тогда говорили, было усиленное. В этой больнице разрешалось одевать домашнюю одежду – спортивный костюм для мужчин и

тапочки. Женщин в таких больницах было мало. Бельё было почти всегда новым, так же, как и постельные принадлежности. В коридорах, палатах лежали ковры. Всё было лучше, чем в простых больницах [5].

Относительно благоприятное положение в здравоохранении в городах Центрального Казахстана, сохранилось недолго. Остаточный принцип финансирования здравоохранения не соответствовал масштабам новых задач, связанных с охраной и восстановлением здоровья. Совершенно опускались из виду загрязнение промышленными и радиоактивными отходами среды обитания, недостаточными были мероприятия, связанные с профилактикой заболеваемости. И, как результат – уже в 1979 г. коэффициент смертности составил 7,3 промилле, в 1980 г. - 7,0 промилле, в 1984 – уже 8 промилле. Рост смертности в городах Центрального Казахстана в 1980-х гг. был одной из главных демографических проблем. Во второй половине 1980-х гг. положение несколько стабилизировалось, дальнейшее изменение численности коэффициента смертности происходило в сторону возрастания. Так, с 1986 по 1989 гг. число умерших в городах региона возросло на 9,7% и коэффициент смертности составил 7,7 промилле. К началу 1990-х гг. показатели смертности вновь возрастают, и уже в 1991 г. смертность достигла 8,0 промилле с дальнейшей стремительно возрастающей тенденцией.

По причинам смертности в целом по республике в этот период обозначилась следующая закономерность: на первом месте по причинам смерти стоят заболевания системы кровообращения, на втором – онкологические заболевания, на третьем – неестественные причины (убийства, самоубийства и т.д.) Эти же тенденции прослеживаются и в городах Центрального Казахстана. От болезней системы кровообращения (в расчете на 1000 чел.) в Джезказганской области умерло 300,4, в Карагандинской области – 398,6 человек. Возникновение злокачественных новообразований в 1991 г. послужило причиной смерти у 133,5 человек в Джезказганской области и 146,3 человек в Карагандинской области [10, с.65].

Несмотря на то, что предприятия объединения «Карагандауголь» располагали обширной сетью учебно-профилактических заведений, медико-санитарными частями, здравпунктами, профилакториями, санаториями проблема заболеваемости рабочих на шахтах бассейна стояла очень остро и, как показывает анализ, с середины 1970-х гг. имела тенденцию к постоянному росту. Так если в 1976 г. неявки рабочих на шахты и разрезы из-за болезни составляли 470 000 человеко-смен, то в 1984 – уже 624 000, то есть выросли на 33%. Численность рабочих же за это время увеличилась лишь на 27%. Увеличилась и средняя продолжительность болезни одного рабочего. О неблагополучном состоянии вопроса с заболеваемостью на шахтах свидетельствует и такой факт: на шахте им. Костенко, по тем временам образцово-показательном предприятии, в 1984 г. переболели почти все работники [11, с.4].

В период «перестройки» прошла широкая волна разоблачений и критики советского здравоохранения. Впервые за историю Советского государства было признано множество проблем в области медицины. Это хорошо прослеживается по печатным средствам массовой информации. Опубликованные в 1987 г. в областной газете для всенародного обсуждения тезисы доклада Карагандинского горисполкома на предстоящую вторую сессию городского Совета народных депутатов дают картину неблагополучного состояния охраны труда и гигиены на предприятиях г. Караганды. Так, в Карагандинском угольном бассейне, несмотря на комплексное обеспыливание в шахтах, высокой была запыленность подземных выработках. Из-за неэффективной работы вентиляции несвоевременной ее реконструкции запыленность на заводе отопительного оборудования в

объединении «Карагандагормаш», на заводах РГШО, РГТО, металлоконструкций, растворобетонных узлах КСМК, ЖБИ, ДСК, в объединениях «Карагандамебель», «Карагандабытмебель» намного превышали предельно допустимые концентрации. Из-за перебоев с тепло- и энергоснабжением, появились проблемы в поддерживания хорошего микроклимата в производственных и бытовых помещениях. Такая ситуация сложилась на заводе металлоконструкций, в производственном объединении стеновых материалов, на заводе им. Пархоменко объединения «Карагандагормаш», в подземных выработках шахт. Ни одно промышленное предприятие города не имело соответствующей нормативным требованиям освещенности. Это вело к снижению работоспособности, травматизму, возникновению патологий органов зрения. На ряде предприятий не проводились эффективные оздоровительные мероприятия по снижению шума и вибрации. На чулочно-носочной и обувной фабриках, предприятиях стройиндустрии, деревообрабатывающей промышленности, машиностроения, автотранспорта было недостаточно душевых, гардеробных, умывальных, комнат гигиены женщины. Не было централизованного обеспечения стирки и ремонта спецодежды. Существующая спецодежда была не качественной и быстро приходила в негодность, не хватало кислотоустойчивых костюмов, индивидуальных средств защиты и др. Результат этого – высокий уровень профессиональной заболеваемости промышленных рабочих. Это отрицательно сказывалось на уровне общей заболеваемости, на нет сводило усилия медицинских работников по ее предупреждению. Экономический ущерб от утраты трудоспособности за 1984-1986 гг. по промышленным предприятиям города Караганды составил около 30 млн. рублей. В тоже время экономический эффект от снижения заболеваемости за эти годы только по отдельным отраслям и предприятиям составил 9 млн. рублей.

Судя по публикациям в газетах того времени, в городах Центрального Казахстана лет десять практически было прекращено строительство новых больниц и поликлиник, несмотря на продолжающийся рост численности населения. Летом 1990 г. была обнародована государственная программа по строительству *«Жилье-91»*, но при планировании развернувшегося строительства по этой программе строительство больниц и поликлиник вообще не было запланировано. Вместе с тем, положение с размещением коечного фонда и амбулаторного приёма было крайне неудовлетворительно. Так, вместо положенных 7 кв. м на больного в стационарах городов Центрального Казахстана имелось не более 3-х кв. м. Практическая посещаемость в поликлиниках превышала плановую в 1,5-2 раза.

В аварийном состоянии находились многие медицинские учреждения региона. Так, только в г. Караганде капитального ремонта требовали: терапевтический корпус городской больницы №3, ревматологический корпус городской больницы №4, Кожвендиспансер, городской травмпункт, дом ребенка «Малютка», городская больница №2. С 1940- х гг. не ремонтировался городской тубдиспансер. Капитальный ремонт больницы «Скорой медицинской помощи» и инфекционной больницы затянулся более, чем на 4 года. Из 7 стационаров, обслуживающих взрослое население, 6 находились в плачевном состоянии, из 5 детских медучреждений – 1. Помимо капитальных ремонтов, в областном центре необходимо было построить 8 крупных типовых поликлиник, 1000 коечной больницы для обслуживания взрослого населения, 3 детские больницы и 1 роддом. Но эти планы не были реализованы.

В учреждениях здравоохранения городов Центрального Казахстана была крайне бедна диагностическая база. Такое элементарное обследование, как электрокардиография, зачастую проводилось на списанной аппаратуре, и была ограничена из-за отсутствия тепловой бумаги. Многие виды современных исследований, без которых затруднена диагностика заболеваний, были недоступны

из-за устаревшего оборудования и отсутствия необходимых реактивов. Неудовлетворительно были обеспечены лечебные учреждения физиоаппаратурой, медицинским инструментарием. Реанимационные отделения больниц, роддомов недостаточно были оснащены дыхательной аппаратурой. Значительно ограничен выбор медикаментов: не хватало антибиотиков, сердечно-сосудистых препаратов. Таким образом, анализ состояния материально-технической базы здравоохранения в конце 1980-х – 1991 гг. показывает, в сколь трудной ситуации оказались лечебно-профилактические учреждения городов Центрального Казахстана в этот период. Многочисленные архивные документы, публикации в СМИ, жалобы граждан свидетельствуют о том, что внимание к нуждам здравоохранения было явно снижено. И, как следствие такого отношения к отрасли здравоохранения, в лечебно-профилактических учреждениях региона была большая текучесть кадров. Так, за 1986 г. из медицинских учреждений г. Караганды выбыло 169 врачей, 382 медсестры. Кроме того, 76 врачей и 133 медсестры перешли из одного учреждения в другое. Плохо обстояли дела с укомплектованностью должностей среднего и младшего медицинского персонала. Особенно в детских и родовспомогательных учреждениях, где на 5 ставок медицинских сестер приходился 1 специалист [12, с.2].

В отчете Карагандинскому обкому КП Казахстана зав. облздравотдела Н.Д. Лапшин излагает картину состояния областной клинической больницы, в состав которой входили стационар на 720 коек, поликлиника № 2 на 100 посещений в день, и ряд вспомогательных отделений и кабинетов. консультативная поликлиника на 400 посещений. В консультативной поликлинике, расположенной в типовом двухэтажном здании, были размещены 25 кабинетов, аптека и патогистологическая лаборатория. Хирургические отделения расположены в двух корпусах. Хирургический корпус № 1 - в типовом здании, построенном в 1948 году, рассчитан на 80 коек, в нём развернуто 200 коек. Хирургический корпус № 2 расположен в типовом здании на 100 коек, там развернуто 170 хирургических коек. В хирургических корпусах было размещено реанимационное отделение, радиоизотопная диагностическая лаборатория, клинико-биохимическая лаборатория, клиническая физиология, отделение искусственной почки. В отчете также говориться о том, что администрация больницы получает нарекания со стороны больных, сотрудников на некачественную стирку белья городского прачечного комбината. Белье и халаты поступают порой грязные, не глаженные, бывают перебои в доставке белья. Надзор и текущий ремонт канализации, водопровода и отопления неудовлетворительны, прекратилось снабжение мебелью, особенно с гигиеническим покрытием, мягким инвентарем. Не хватало медикаментов, антибиотиков, шовного материала. Н.Д. Лапшин отмечает, что для полноценного функционирования больницы, необходимо развернуть отделение для хронического диализа на 20 коек, открыть гинекологическое отделение на 60 коек, аллергологическое отделение на 60 коек, проктологическое отделение на 40 коек, расширить пульмонологическое, нефрологическое, ревматологическое, неврологическое, гастроэнтерологическое отделения на 20 коек, урологическое отделение на 30 коек. Это было бы возможно, отмечает облздрав, если бы была построена новая типовая областная больница на 1000 коек и консультативная поликлиника на 500 посещений в смену [13, л.73-77].

Антиалкогольная кампания 1985-1987 гг. дала толчок широкой профилактической работе по проблемам, ранее умалчиваемым: пьянство, наркомания, токсикомания. В обществе стали открыто говорить и писать об огромном уроне, наносимом человеку и обществу этими асоциальными проявлениями: о разрушении личности и врожденном уродстве детей, потере здоровья, искалеченных судьбах. На диспансерный учёт в Караганде были поставлены сотни хронических алкоголиков,

зарегистрированы десятки наркоманов. При каждом предприятии, райисполкоме срочно создавались комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, общества борьбы за трезвость и др. общественные организации. Это дало временный эффект. Так, в годы проведения алкогольной кампании, в 1986 г. произошло некоторое снижение показателя смертности в городах Темиртау, Сарани, Шахтинске, Абае, и в 1988 г. в городах Сарани, Шахтинске. Ограничение продаж спиртосодержащих напитков, их дефицит привел к тому, что пьянство переселилось из общественных мест в квартиры, увеличилось самогоноварение. В 1989 г. наблюдается увеличение численности больных, состоящих на учёте в медицинских учреждениях с диагнозом (в расчете на 100 000 чел.) алкоголизм и алкогольный психоз – на 380, наркомания и токсикомания на 15,1 чел. Качественно изменились показатели смертности населения. Произошло значительное повышение смертности у населения в трудоспособном возрасте, причём смертность мужчин превышала смертность женщин в четыре раза. Часто причиной мужской смертности являлись несчастные случаи, а также убийства и самоубийства в состоянии алкогольного опьянения. Так, в 1991 г. число погибших от неестественных причин в Джезказганской области составило 120,5 промилле, в Карагандинской – 128,4 промилле [12, с.2].

В конце 1980-х гг. лидером по количеству наркоманов был город Темиртау. Горожане вспоминают, что так называемые «торчки» наблюдались на улицах города повсеместно. Жительница города Темиртау рассказывает: «Настоящей трагедией в моей жизни стало то, что я вышла замуж за наркомана. Заниматься этим он стал с 17 лет. В армию его взяли, но через полгода он оказался дома, его комиссовали. Тогда об этом заболевании никто толком ничего не знал. Мы считали, что такие юноши необычные, харизматичные, отчаянные. Многие юноши в нашем городе этим занимались. В аптеке в продаже свободно продавался ноксирон, кодеин, хоттерпин. Доставали подобные препараты и из ветслужбы – всё было доступно. Если ему было плохо, врачей не вызывали, было стыдно, да и навряд бы чем-то они могли помочь такому «больному». За кражу наркотиков из ветлечебницы, его посадили в тюрьму. Там он и умер от туберкулеза. Его друзья тоже все уже поумирали в молодом возрасте. И почти все от туберкулеза» [14].

Ситуация по заболеваемости туберкулезом в городах Центрального Казахстана была очень тревожной. В этой связи 24 января 1979 г. вышло специальное постановление ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР № 32 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с туберкулезом в республике». Был осуществлен ряд мер по улучшению материально-технической базы противотуберкулезных учреждений в городах региона. Были выведены за непригодность из эксплуатации помещения противотуберкулезных учреждений Сарани, Абая. Под эти цели приспособили пятиэтажное здание и помещения горбольницы №5. В результате удалось дополнительно развернуть 170 коек. Был произведен капитальный ремонт детских санаториев «Бригантина» и «Здоровье», флюорографического кабинета в городе Темиртау, выделено двухэтажное здание для санатория в г. Абае.

В 1980 г. противотуберкулезную помощь населению Центрального Казахстана оказывали 6 диспансеров, 2 больницы, 6 санаториев. Всего функционировали 1820 больничных и 680 санаторных коек, школа-интернат на 300 и дошкольные учреждения на 640 мест для детей с малыми формами туберкулеза. Была усилена профилактическая работа. В результате достигнуто снижение на 1,8% болезненности и смертности от туберкулеза.

Вместе с тем в работе по борьбе с туберкулезом имелись существенные недостатки. Материально-техническая база ряда тубдиспансеров не отвечала современным требованиям. Объём проводимых противотуберкулёзных

мероприятий не всегда соответствовал эпидемиологической обстановке. Массовыми обследованиями на туберкулёз было охвачено только 51,2% населения. Недостаточно эффективно использовался коечный фонд противотуберкулёзных учреждений [15, л.31-33]. В последующие годы заболеваемость туберкулезом не снизилась. В регионе находились тюрьмы, которые стали настоящим очагом этой инфекции. Противотуберкулёзные диспансеры были переполнены. По закону больным туберкулёзом обязаны были предоставлять отдельное жилье. Однако вопрос этот решить было очень трудно. Так, на 1 января 1987 г. 110 таких больных нуждались в предоставлении отдельной жилой площади, а получили квартиры только 6 человек [16, с.2]. Необходимо отметить, что лекарства, которыми лечилась эта болезнь были дорогостоящими, да еще и в большом дефиците. Поэтому, туберкулезом заболевали не только заключенные или наркоманы. Больницы были переполнены, туберкулез в городах Центрального Казахстана процветал. Анализ сведений об умерших по возрасту и другим причинам показал, что с 20-летнего возраста у населения Казахстана появилась тенденция к нарастанию смертности от туберкулеза органов дыхания. Так, если с 15 до 19 лет в 1985 г. зарегистрировано 7 случаев смерти от туберкулёза, то в 20-24 года уже 38, в 30-34 – 133, в 45-49 лет – 223 и т.д. [17].

В этот период врачи столкнулись со смертельной болезнью СПИД – синдромом приобретенного иммунодефицита. Первый случай заражения этой болезнью был зарегистрирован в 1987 г. в г. Темиртау.

Забота о здоровье матери и ребенка, как писали газеты, продолжала оставаться одним из важнейших звеньев советского здравоохранения. Так, в городах Центрального Казахстана в 1980-х гг. имелось 6 родильных домов и отделений на 1195 коек и 29 женских консультаций, при которых организовано 137 акушерско-гинекологических участков, 10 детских больниц и отделений на 1930 детских коек, причём около 70% из них были специализированные. В трёх родильных домах Караганды насчитывалось 490 коек для рожениц. Амбулаторно-поликлиническая помощь детям осуществляется 6 специализированными консультативно-диагностическими центрами, 55 детскими поликлиниками, в которых проводится приём по 21 специализации. В 19 детских поликлиниках региона приём больных детей проводился по 26 врачебным специальностям. Так, в Караганде находились 3 специализированные детские поликлиники. Работа детских поликлиник была построена по территориально-участковому принципу. На один участок приходилось в среднем 795 детей до 14 лет включительно. Обеспеченность педиатрами составляла 4,9 на 10 000 человек [3].

В основных направлениях «перестройки» было обнародовано: самыми запущенными сферами в здравоохранении являются детство и родовспоможение. Было решено 40% всех средств направлять в эти сферы. «Весь дефицит – детям!», «Все лучшее-детям!» – лозунги, украшавшие обветшавшие стены поликлиник и больниц в это время. На Всесоюзном съезде врачей прозвучала невеселая статистика: 40% детей, умерших на первом году жизни, приходятся на республики Средней Азии и Казахстан. В этих же регионах зарегистрирована самая высокая материнская смертность. Карагандинская область на этом фоне выглядела более благополучно. Уровень и квалификация врачей здесь был одним из самых высоких в республике. Вместе с тем, 99,9% детских лечебных учреждений региона были расположены в приспособленных помещениях, требующих ремонта, все больницы страдают от нехватки площадей, нет условий изолировать поступающих детей от выздоравливающих. Следствие – высокий процент рецидивов. На съезде врачей было рекомендовано центр тяжести перенести на амбулаторно-поликлиническую службу, но она была не готова к этому. Например, детская поликлиника №1 на

Юго-востоке – единственная на весь микрорайон, была расположена на первом этаже жилого дома, рассчитана на 150 посещений в день, ежедневно принимала до 1800 детей. В кабинетах вели приём 3-5 врачей. Не было и роддома на Юго-востоке, но несмотря на такую ситуацию, никакого нового строительства лечебных учреждений здесь не планировалось.

Больных маленьких пациентов, едва исполнился год, клали в больницы без матерей. Причина – некуда положить мать. Хронические ремонты и переуплотнения, наивные зайчики и котята, нарисованные руками медработников, чтобы как-то скрасить нищету и убогость детских отделений, огромные передачи, включающие первое, второе, третье и десерт, чтобы компенсировать скудный больничный рацион, очереди в поликлиниках – это всё из истории детской болезни здравоохранения. Из воспоминаний детства жительницы г. Балхаша: «Это было зимой. В палате было темно. Нянечка забыла снять с окон одеяла, навешанные на ночь для тепла, а может просто пожалела малышей: лучше в темноте, да в тепле, чем при свете, да в холоде. Но от одеял проку было мало. В палате было очень холодно. Больные дети, несмотря на то, что их было шестеро, не могли её согреть своим дыханием» [9].

В г. Темиртау проблемы детской поликлиники нашли широкое освещение в СМИ. Здание больницы ветхое. Это самая первая поликлиника города, она занимала первый этаж двухэтажного жилого дома: теснота, неудобства. На 15 участках – 1000-1200 детей до года. В среднем на 1 участок, а значит на одного врача, приходилось 100-120 детей до года. Для приёма было выделено всего 4 кабинета. Периодически не было холодной воды, не говоря уже о горячей. Заведующая отделения педиатрии г. Темиртау рассказывает корреспонденту: «Первая поликлиника, где я работаю, в своё время была одной из немногих в Темиртау, где были более или менее хорошие условия для работы. Пусть это было нетиповое здание, но приличное. Три года назад закрылся на ремонт стационар, его временно разместили в нашей поликлинике, а нас выселили в здание женской консультации. Ремонт больницы давно закончен, а мы по-прежнему ютимся в женской консультации. На бывшее здание поликлиники больно смотреть. Сначала хотели за счёт него расширить стационар. Потом по чьей-то воле все работы прекратились. И стоит оно уже третий год полуразрушенное, всеми забытое. На все наши просьбы и сигналы мы ответ получили весьма странный: нам предложили установить дежурство в разрушенном здании, чтобы его окончательно не разнесли». Из рассказа педиатра г. Шахтинска: «Здание детской больницы старое, холодное. Порой на приёме приходится сидеть в пальто. Как-то добились решения горсовета о проведении капитального ремонта, но на очередной сессии это решение было отменено. Решили, что ремонтировать не рентабельно, лучше построить новое. Уже прошли после того 3 сессии, а мы всё в старом здании и без ремонта, а о строительстве нового так ничего и не слышно». Из интервью заведующей отделения поликлиники детской больницы №1: «Наша поликлиника расположена в центре города на проспекте Бульвар Мира. На этом все преимущества кончаются. 26 лет без капитального ремонта. Все эти годы сами поддерживаем помещения в приглядном виде. Я сомневаюсь, что ситуация когда-нибудь изменится. Не так давно у нас была встреча с заместителем председателя горисполкома. Рассказали все, показали. А в ответ услышали: «Что вы меня атакуете, я ведь маленький человек…». Так, когда же нашими бедами займутся большие люди и всерьез?». Из интервью главного педиатра Горздравотдела: «Ситуация, которую обрисовали коллеги, скорее типичная, нежели неожиданная. В области 60 поликлиник. Положение каждой неблагополучно. Ремонты, как правило, носят затяжной, хронический характер. Много нареканий в адрес подрядчика. Строимся и ремонтируемся медленно, некачественно. За последние

2 года сделано: капремонт санатория «Чайка», «Березка», заканчивается ремонт в г. Сарани, выполнено половина работ в областной детской больнице. В г. Темиртау ремонт в детской больнице не кончается. Несмотря на многочисленные жалобы на строителей, результата нет. Сотни детей лежат в тяжелых условиях. Материальная база детского здравоохранения не выдерживает никакой критики. По всей области только одна детская больница построена по типовому проекту – 3 городская. Поликлиники держаться из последних сил и это не укладывается в сознании. Такая богатая промышленная область, дающая миллионные прибыли. Один наш Карметкомбинат имеет миллионные обороты, а в Темиртау детские врачи работают в условиях каменного века. 43 педиатра не хватает на сегодняшний день в Темиртау. Недавно мы потеряли прекрасного ревматолога. Не смогли для врача найти однокомнатную квартиру, а она уже устала каждый день ездить из Караганды». [18, с.4]

Удельный вес специализированной педиатрической помощи составлял в этот период 73%, терапевтической – 60,5%, хирургической – 72%. Дородовой патронаж составил 96,6%, охват ранним врачебным наблюдением – 94,3%, систематическим наблюдением врача на первом году жизни – 94,7%. В детских больницах на период 1986 г. работало 2368 медработников, 51 из них награждены орденами и медалями. В Центральном Казахстане действовало в это время 347 педиатрических участков, 56 детских молочных кухонь, 16 детских санаториев на 1915 мест [19, л.31].

В этот период изменилось и социальное положение врача, и отношение к медикам. Социально положение было убогим, общественный авторитет сведен к нулю. Да и какой самоотверженности можно ждать от врача, который ежедневно, ежечасно, находясь в зоне самого высокого морального риска – ведь от него зависит человеческая жизнь, несвободен от проблем, разрешить которые не в силах. У него нет лекарств, аппаратуры, нет новейших методик, он раздираем на части комиссиями, внутриколлективными склоками, он ежедневно строчит километры историй! Прибавьте к этому нищенского жалование, бытовые проблемы, квартирный кризис. Медсестер и санитарок в медучреждениях попросту нет по тем же причинам. Подчас некому сделать укол больному, принести судно, покормить с ложки. На эту работу желающих все меньше, причины – те же, отмечают очевидцы тех лет. [20]

Отсутствовала забота об условиях труда и отдыха врачей, не решались вопросы об организации преимущественной медицинской помощи работникам здравоохранения. Заболеваемость медработников была высокой. Плохо решался жилищный вопрос. В целом по отрасли 2316 нуждающихся семей. В 1987 г. получили квартиры 69 семей, из них 15 – за счет освободившихся. Ни одной квартиры не получили работники в Шахтинске, Абая. В Караганде из 574 нуждающихся семей необходимо в 1987 г. было обеспечить 115, а получено всего 8 квартир. Предложили им МЖК, но с условием внести 20 тыс. руб. взноса. Ни одно учреждение не имело таких денег на эти цели. Председатель союза обкома профсоюза медработников В. Суровцева предлагала не проектировать объекты здравоохранения без строительства жилых домов для медработников. [21]

В этот период население городов Центрального Казахстана располагало 132 хозрасчётными аптеками, в том числе 7 аптеками готовых лекарственных форм, 4 межбольничными и 4 больничными аптеками. В Караганде круглосуточно работали 5 дежурных аптек, 2 межбольничные, 4 больничных, 2 готовых лекарственных форм, 4 центральных районных аптеки. Общая численность работников аптечного хозяйства области составила 2189 человек, из них специалистов с высшей квалификацией 267 человек (12,2% от общего числа) и средней квалификации 814 человек (37,15%) [3, л.22]. Аптеки снабжали лекарствами больницы, санатории,

школы, детские сады, шахты и другие организации города. Для приближения лекарственной помощи населению в городах Карагандинской области была создана мелкорозничная сеть: аптечные пункты и аптечные киоски.

В редакцию Индустриальной Караганды написал карагандинец, поставив вопрос: «до каких пор в аптеках будет дефицит таких жизненно важных лекарств, как сердечные и гипотензивные. Полгода он ходил по аптекам в поисках лекарств, прописанных ему в кардиологическом диспансере – ритмилена, аспаркама, целанида, клофелина, адельфана, панангина. Справочное информационное бюро городской сети аптек, куда позвонила редакция, был нерадостный: действительно этих препаратов нет ни в одной из аптек города, причём давно. От чего же люди зачастую уходили из аптеки, с пустыми руками и тяжелым сердцем? Ладно уж, когда речь идет о простой простуде, на худой конец, малиновое варенье и мёд найдутся в каждом доме, а горчичники можно заменить банками и растираниями. А вот что было делать больным с более грозными диагнозами, когда непринятое вовремя лекарство ведет к серьезным последствиям?». Проведя журналистское расследование и опросив работников аптекоуправления было выявлено, что причин много. Одни – хронические, другие – авральные. К последним относят резкое сокращение поставок по импорту, именно поэтому стало так трудно с кардиостимуляторами, которые закупалась за рубежом. Отечественных аналогов было крайне мало. Вторая сторона проблемы – слабая информированность врачей об имеющихся лекарствах и неритмичность поставок. Заявки на медикаменты сделаны, значит сколько область заказала, столько и получит, вопрос только – когда? Так, за десять месяцев 1987 г. медицинские учреждения не получили и третьей части требуемого, а это значит, что в четвертом квартале, к концу года, в самые последние дни декабря поставщики завалят лекарствами. И, теперь назревала другая проблема: как все распродать, пока не истек срок годности лекарств. [22]

В ходе интервьюирования фармацевтов тех лет, мы пытались выяснить, в чём же было дело? Как они пояснили, на подавляющем большинстве фармацевтических заводов технологический процесс был поставлен таким образом, что одна линия выпускала несколько препаратов. Сначала прогоняют одно лекарство, затем линию останавливают, промывают, очищают и только после этого запускают новый препарат. Неудивительно, что заявки выполняются столь неритмично. Ещё сложнее дела обстояли с горчичниками. Их выпускал единственный завод в стране в Волгограде, мощность его была невелика, а оборудование ещё с довоенных лет. Чтобы удовлетворить потребность области нужно было выпускать их ежегодно 22 миллиона штук. На практике заказывали их аптеки почти в два раза меньше, потому что просить больше было бессмысленно. Поэтому горчичники в аптеке купить было сложно, они раскупались в считанные дни, люди покупали их сотнями и большинство пропадало в домашних аптечках, так как срок годности их очень небольшой, а ограничений при продаже не предусматривались.

Здания, в которых располагались аптеки, далеко не всегда соответствовали норме. Так, в городе Темиртау функционировало 18 аптек, и только 5 из них находились в более или менее благоприятных условиях, остальные ни по занимаемыми площадям, ни по санитарно-техническим нормам, ни по технической оснащенности не соответствовали своему назначению. В период бурного роста и развития города, под аптеки приспосабливали всё, что можно приспособить, в основном квартиры нижних этажей и жилых домов. Прошло время, но проектных аптек город так и не построил, а существующие остались в своих «времянках», и занимаемая ими площадь составляла 28-30% от нормативной. В аптеках не было оптимальных условий для ведения технологического процесса, для изготовления и хранения медикаментов. Материальная база требовала серьезной перестройки.

Сложной являлась и кадровая проблема, хронически не хватало специалистов, наблюдалась большая текучесть кадров. Ситуация усугублялась тем, что провизоров для республики готовили факультет Алма-Атинского мединститута и Чимкентский филиал. Молодые специалисты по направлению в нашу область в большинстве не доезжали, а те, кто приезжал, уезжали при первой возможности. В периодической печати изредка ставили вопрос о подготовке фармацевтических кадров на базе Карагандинского мединститута, но этот вопрос не решался. В карагандинском медучилище готовили фармацевтов среднетехнического уровня, но вопреки здравому смыслу приём сократили до одной группы. Не способствовало закреплению кадров в аптеках и отсутствие жилья и трудная маломеханизированная работа [23].

Таким образом, определенный рост экономического потенциала, увеличение бюджета, расширение материально-технической базы в здравоохранении, народном образовании, строительстве создал в Центральном Казахстане в 1970-начале 1980-х гг. некоторые условия для проведения в жизнь комплексных социальных программ. Расширение сети больниц, улучшение работы скорой помощи позволило в эти годы снизить общую заболеваемость, а Карагандинский Медицинский институт стал одним из ведущих в Советском Союзе. Вместе с тем, в здравоохранении наблюдалось значительное отставание от современных медико-биологических исследований по ведущим проблемам медицины. Особую тревогу стала вызывать охрана здоровья матери и ребенка. Со второй половины 1980-х гг. состояние системы здравоохранения стало резко ухудшаться, и проблемы стали очевидными. Можно выделить основные причины неудовлетворенности населения работой поликлиник: большие очереди на приём к врачу, отсутствие врачей нужной специальности, недостаток внимания к пациентам, трудности с записью на приём к врачу, отдаленность учреждения от дома, низкая квалификация медицинского персонала, отсутствие аптечного киоска в поликлинике. Попытки по-прежнему решить проблемы улучшения общественного здоровья путём наращивания числа коек, численности врачей и среднего медицинского персонала, отдавая предпочтение количеству, а не качеству, оказывались не очень успешными. Сектору здравоохранения традиционно уделялось меньше внимания по сравнению с другими отраслями экономики, которые считались более «производительными». В условиях недостаточного бюджетного финансирования предложение медицинских услуг перестало удовлетворять спрос на них, в результате чего медицинские организации были вынуждены перенести часть затрат на население в виде неформальных платежей. Социальное положение медицинских работников, как и их социальный статус резко снижался. Низкая зарплата, бытовые проблемы, квартирный кризис сделали профессию врача непрестижной. К концу советской эпохи, кризис советской системы здравоохранения явился следствием кризиса советского социализма. Остаточный принцип финансирования здравоохранения не соответствовал масштабам новых задач, связанных с охраной и восстановлением здоровья.

---

1. ГАКО.Ф. 15. Оп. 3. Д. 115
2. АП РК. Ф. 708. Оп. 103. Д. 72
3. ГАКО.Ф. 865 Оп.1 Д. 10
4. Интервью беседы с Медведевой О.Е. (1963 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Жезказгане в 2016 г.
5. Интервью беседы с Аужановой Т. (1953 г.р.), записано Козиной В.В. в г.Караганде в 2016 г.
6. ГАКО.Ф. 30. Оп. 1. Д. 6.

7. Интервью беседы с Ивановой С.В. (1962 г.р.), записано Козиной В.В. в г.Темиртау в 2016 г.
8. Интервью беседы с Руденко А.И. (1949 г.р.), записано Козиной В.В. в г. Балхаше в 2016 г.
9. Региональный статистический ежегодник Казахстана. - Алматы, 1992
10. Индустриальная Караганда. –- 1987. – 22. января
11. Индустриальная Караганда. – 1987. – 4 августа
12. ГАКО.Ф. 1п. Оп. 46. Д. 159
13. Интервью беседы с Хилиниченко Н.Н., записано Козиной В.В. в г. Темиртау в 2016 г.
14. ГАКО. Ф. 1п. Оп. 41. Д. 74
15. Индустриальная Караганда. – 1987. - 4 августа
16. Архив ЦСУ РК. Ф. 598. Оп. 14. Д. 1172
17. Индустриальная Караганда. – 1988. – 12 декабря
18. ГАКО.Ф. 30. Оп. 1. Д. 8
19. Индустриальная Караганда. – 1987. – 5 ноября
20. Индустриальная Караганда. – 1987. – 19 декабря
21. Индустриальная Караганда. – 1991. – 6 мая
22. Индустриальная Караганда. – 1998. – 15 декабря

ГЛАВА 3. ОБЛИК ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: БЛАГОУСТРОЙСТВО ПО-СОВЕТСКИ

3.1. Городская инфраструктура Центрального Казахстана во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х

История возникновения и развития городов Центрального Казахстана была связана с промышленным освоением региона. Резкий рост численности городского населения способствовал дальнейшему расширению городского пространства. В связи с этим, в послевоенный период города и городские поселения существенно преобразились как по своим производственным функциям, так и по внешнему виду, планировке, характеру архитектурных строений, благоустройству. Из всех городов Центрального Казахстана наиболее сложный городской комплекс имела Караганда. В частности, в пределах города на территории 65 тыс. га были разбросаны десятки населенных пунктов: от мелких пришахтных поселков до крупных новых построенных районов. К их числу относились: Новый город, Старый город, поселки Майкудук, Сарань, Компанейский, Старая и Новая Тихоновка, Караганда-Сортировочная, Углеразрезов, Пришахтинский и т.д. [1, с.12] Центром этой системы населенных пунктов, составлявших Караганду, был Новый город, строительство которого было начато в 1934 г. [2, с.164]. В целом, Караганду составляли более 50 населенных пунктов, расположенных друг от друга на расстоянии от 1 до 25 км, между которыми находились пустыри, занятые огородами и выгонами [3, л.57]. Аналогичным образом на базе рабочих поселков были образованы такие промышленные города как Балхаш и Темиртау.

В целом, города Центрального Казахстана относились к числу городов-новостроек сталинских пятилеток. По мнению Т.Я. Барага, для них не было присущей старым городам исторически сложившихся планировок и архитектурных традиций [1, с.12]. За самые короткие сроки города Центрального Казахстана из небольших пришахтных и рабочих поселков превратились в крупные центры угольной, металлургической промышленности с многоэтажными общественными и жилыми зданиями, с озелененными и благоустроенными улицами.

Наиболее благоустроенной частью г. Караганды считался Новый город. Его украшали монументальное здание облисполкома, новая площадь с памятником В.И. Ленину, зеленые скверы, сады. Центральными улицами города были

проспект им. Сталина, ул. им. Ленина, Джамбула, Индустриальная, Бульвар Мира. Параллельно им были расположены ул. им. Костенко, Кирова. В годы войны на территории города появилась улица им. Нуркена Абдирова – Героя Советского Союза, повторившего подвиг героя летчика Н. Гастелло [2, с.169].

На пересечении улиц им. Костенко и Ленина было построено здание Управления комбината «Карагандауголь». По проекту архитектора И.И. Бреннера и Я.А. Яноша в южной части Нового города был построен досуговый центр – Дворец культуры шахтеров объемом 70 тыс. куб м. и стоимостью около 24 млн. руб. [3, л.59]. Здание представляет собой симметричную композицию, состоящую из 3-х частей – зрительного зала на 1000 мест с вестибюлем, фойе с кулуарами и 2-х крыльев, в одном из них находился лекционный зал на 400 мест, в другом – спортивный зал и клубные помещения [3, л.59]. Вход в фойе был украшен ажурной гипсовой лепкой казахского орнамента. Главный фасад в центре имел мощный 6 – колонный портик из 8-гранных колонн, соединенных со стеной стрельчатыми арками, с резьбой по ганчу. Портик фасада был украшен художественными скульптурами шести фигур – шахтера, строителя, чабана, колхозницы, акына и воина [4, с.204]. Своеобразное архитектурное оформление имели здания Геологического управления Карагандашахтстроя, Казахуглеразведки, института Гипрошахтпроекта, Летнего театра, Дома Советов и т.д. По проекту архитектора Калмыкова за зданием Дома Советов был построен кинотеатр на 500 мест [1, с.21].

Помимо архитектурных сооружений город украшали зеленые насаждения. В частности, на проспекте Сталина перед зданием облисполкома находился большой сквер. В его центре находился памятник Ленину. Напротив кинотеатра «Октябрь» был расположен городской сад, который занимал площадь около 2 га. В том саду был поставлен памятник им. Г.К. Орджоникидзе [5, с.195]. Между Новым городом и поселком Большая Михайловка на реке Букпа был устроен городской пруд. На берегу пруда был расположен городской парк им. Комсомола, состоящий из березовых насаждений. В центре парка был расположен бюст Джамбулу Джабаеву [2, с.171].

В 1950 г. в Новом городе был построен Дом связи с автоматической телефонной станцией на 10000 номеров [3, л.59]. Также были построены здания главпочтамта, травматологическая больница, Туберкулезный санаторий и т.д.

В 1937 г. на базе целой группы рабочих промышленных поселков был образован г. Балхаш [6, с.80]. Город был застроен многоэтажными кварталами, асфальтированными улицами, парками и т.д. В двух и пятиэтажных кирпичных зданиях находились городские, учебные, культурно-просветительские учреждения. В 1952 г. согласно проекту архитекторов, Л. Мелега, Т.К. Басенова в центральной части города был открыт Дворец культуры металлургов Строительство было начато в 1946 г. японскими военнопленными. Скульптурный ансамбль был создан по эскизам Х. Наурызбаева, национальные орнаменты – по эскизам Туганбаева и народного художника А. Кастеева. Дворец был рассчитан 1000 мест, имелся лекционный зал, библиотека, комнаты для кружков [2, с.221].

Город Темиртау возник согласно Указу Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 1 октября 1945 г. [6, с.80]. В послевоенный период облик города представлял собой огромные дымящиеся трубы заводов, прямоугольные кварталы кирпичных и шлакобетонных многоэтажных зданий с ограниченным количеством зеленых насаждений [2, с.178].

Город Каркаралинск был расположен на значительном расстоянии от важнейших экономических центров. В городе не было крупных промышленных комплексов, большая часть населения занималась сельским хозяйством. Торговая площадь, церковь и мечеть, казармы, несколько десятков кварталов, застроенных

деревянными четырех или шестикомнатными домами в центре города, огороды и пустыри составляли облик Каркаралинска. В центральной части города были расположены братская могила и обелиск, погибшим за Советскую власть в годы гражданской войны. В послевоенный период облик города претерпел изменения: открыты начальная и средняя школы, ветеринарный техникум, клубы, читальни, интернат-пансионат, дом для престарелых и инвалидов, детский дом, библиотеки, кинотеатр, гостиница и столовая [7, л.5]. Каркаралинск, с его живописными окрестностями, стал оздоровительным центром. В городе были открыты больница, детский туберкулезный санаторий, а в его окрестностях – дома отдыха, лагеря для пионеров и т.д. В летнее время сюда на отдых приезжали шахтеры Караганды, горняки и металлурги Балхаша, Темиртау, студенты учебных заведений и т.д. [7, л.6].

Таким образом, города Центрального Казахстана, в основном, были молодыми. Несмотря на короткие сроки, города стали не только административными, но и экономическими центрами в регионе. Именно в послевоенные годы начала складываться городская инфраструктура: развитие коммунальной системы, строительство многоэтажных зданий, культурно-просветительских и общественных учреждений, установка памятников, проведение электрического освещения, открытие парков культуры и отдыха, скверов, бульваров и т.д.

Несмотря на положительные моменты, хотелось отметить, что благоустройство городов Центрального Казахстана проходило медленно. Во-первых, это было связано со слабым бюджетным финансированием; во-вторых, с нехваткой рабочих рук, так как большая часть населения была вовлечена в отрасли тяжелой индустрии. Вопрос о поднятии благоустройства городов Центрального Казахстана неоднократно обсуждался в Облисполкоме Карагандинского областного совета, неоднократно ставился перед Министерством коммунального хозяйства [8, л.15]. В связи с этим городскому населению пришлось столкнуться с массой нерешенных проблем.

Огромной проблемой для городского населения Центрального Казахстана в исследуемый период было слабое развитие водопроводной сети и системы канализации. Городская коммунальная система была не подготовлена к резкому увеличению численности населения. В результате горожане оказались в неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях. Во второй половине 1940-х гг. имеющаяся сеть водопроводов с трудом удовлетворяла потребности промышленных предприятий. Городским жителям приходилось довольствоваться водопроводными будками и общественными колодцами. Известно, что в 1947 г. в Караганде работало всего 37 водопроводных будок [9, л.21] и 26 колодцев общественного пользования [10, л.49], которые обслуживали большую часть населения города. Однако из-за роста количества инфекционных заболеваний колодцы часто подвергались хлорированию и ремонту. В основном воду набирали в соответствующую тару и развозили по домам. Вспоминает жительница г. Караганды Р.Т. Капанова: «Вода была привозная в бочках. 1 ведро воды мы покупали за 5 коп. Зимой приходилось топить снег и этой водой стираться и купаться. Летом собирали дождевую воду». Ситуация улучшилась в 1948 г., когда были проложены водопроводные магистрали и пробурены скважины. В 1948 г. основным водным источником для населения гг. Караганды и Темиртау являлось Нуринское водохранилище. На ее базе был проложен Нуринский водопровод протяженностью 40 км, который снабжал не только население, но и все промышленные предприятия. В 1948 г. одиночное протяжение водопроводной сети в Караганде составило 104,8 км, в 1950 г. – 320 км. [11, л.40]. В г. Темиртау в 1948 г. – 6 км, в 1950 г. – 15,7 км. [11, л.32].

В начале 1950-х гг. в связи с ростом промышленности водопотребление в г. Караганде резко возросло. В 1951 г. общая потребность в воде составила 45120 куб. м в сутки, мощность действующих водопроводов составляла всего 28984 куб. м в сутки. Следовательно, Караганда испытывала ежесуточный дефицит в воде 16000 куб. м. [12, л.77]. За период с 1951 –1953 гг. в Караганде было дополнительно построено и введено 94 км водопроводной сети [13, л.90].

Население г. Балхаша снабжалось двумя насосными станциями с оз. Балхаш [14, л.137]. Насосная станция «Рыбпром» была расположена в 5 км от города, а станция «Промвода» на территории завода [135, л.41]. Несмотря на наличие мощных насосов суммарной часовой производительностью около 1800 куб. м в час [15, л.41], состояние водоснабжения Балхаша (вместе с Коунрадским и Восточно-Коунрадским рудниками) было катастрофическим. В первую очередь это было вызвано несоответствием между производительностью насосных агрегатов и пропускной способностью сети, составлявшие всего около 700 куб. м в час [15, л.41]. В результате низкой пропускной способности водопроводной сети жители города и рабочих поселков Балхаша ощущали резкую нехватку воды, особенно в летнюю пору, когда в двух и трехэтажных жилых домах воды часто не было [15, л.42]. Особое внимание заслуживают вопросы, связанные со снабжением населения качественной питьевой водой. К примеру, вода в оз. Балхаш была сильно загрязнена сточными водами промышленных предприятий, которые в большинстве своем не имели хлорных установок для обезвреживания отработанных вод. Это приводило к негативным последствиям для городских жителей. В частности, среди детского населения были зафиксированы высокие показатели желудочно-кишечных заболеваний, а среди младших возрастных групп были выявлены случаи заболевания флюорозом, как результат хронического отравления фтором [14, л.139].

Острый недостаток в питьевой воде ощущали на себе жители города Каркаралинска. Из-за отсутствия водопровода, горожанам приходилось употреблять соленую воду из колодцев. Охрана водоисточников, а также ремонт и содержание колодцев находились в крайне неудовлетворительном состоянии [16, л.17]. Аналогичная ситуация была и в г. Караганде. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из жителей г. Караганды, шахтера И. Хайрулина: «В Караганде очень тяжело было с питьевой водой, воду возили цистернами из р. Нура, после развозили по столовым, предприятиям на подводах. На улицу за одну бочку воды стояла очередь до сотни человек с ведрами, кастрюлями».

Таким образом, водоснабжение городов осуществлялось по сетям, пропускная способность которых не удовлетворяла потребности как населения, так и промышленных объектов. Водоразбор питьевой воды осуществлялся из водоемов, в которые сбрасывались сточные воды промышленных предприятий городов. Питьевая вода, потребляемая населением, не соответствовала не только по своему химическому составу, но и по биологическим характеристикам.

Санитарную обстановку в городах усугубляло отсутствие канализации. В 1946 г. в Караганде и Балхаше существовало всего 3 конторы по очистки города, а в 1947 г. – 2. Ассенизационный обоз, основанный на конной тяге, из года в год сокращался. Так, если в 1946 г. ассобоз располагал 43 лошадьми, то в 1947 г. – 24, которые могли вывести только 25-30% от общего объема нечистот [9, л.23об.]. В целом, очистительных сооружений для хозфекальных вод в регионе не было. В основном функционировала канализационная сеть без коллекторов. Так, в 1948 г. в Караганде протяжение канализационной сети (без коллекторов) составляло 2,1 км, в 1950 г. – 2,7 км. [11, л. 40]. В Балхаше в 1948 г. – 6,8 км, в 1950 г. – 30 км. [131, л.15]. В Темиртау в 1948 и 1950 гг. – 2,1 км. [11, л.32].

В течение исследуемого периода сточные воды г. Караганды без очистки сбрасывались в р. Букпа, г. Темиртау – в поля орошения, г. Балхаша – в залив Сарычаган, который находился вблизи оз. Балхаш [12, л.77]. Строительство канализационных коллекторов в городах Центрального Казахстана находилось на стадии планирования. В годовом отчете Государственной санитарной инспекции Казахской ССР за 1952 г. отмечалось: «Для улучшения водоснабжения и канализации необходимо в течение 1953 – 1954 гг. канализировать Старый город и шахтные поселки г. Караганда (Майкудук, Тихоновка, Сарань и т.д.), а также форсировать строительство водопровода, так как здесь расположены основные объекты Министерства угольной промышленности» [14, л.139].

Плохо была поставлена и очистка территорий города от мусора. В 1950 г. в Караганде по очистке города работала одна контора, которая имела 3 автомашины и 49 рабочих лошадей [17, л.24], в Балхаше также одна контора, состоявшая из 1 машины и 24 рабочих лошадей [137, л.25]. В целом, очистка населенных пунктов от мусора проводилась нерегулярно, в основном только весной [18, л.112]. Свалки в заселенной части города стали обычным делом. В одной из местных газет о санитарном состоянии г. Темиртау было отмечено следующее: «Улицы города сильно загрязнены. У крыльца магазина облторга, около аптеки, чайной и горсберкассы свалены кучи мусора и золы. На улице производится свалка нечистот и строительных отходов рядом с жилыми домами рабочих» [19]. Переполненные мусорные и помойные ямы создавали благоприятные условия для вспышки инфекционных заболеваний.

О сложившейся ситуации руководство области не раз сообщало председателю Совета Министров Казахской ССР Н. Ундасынову. Например, из письма Секретаря Карагандинского обкома Галандина от 1947 г. следовало: «Развернутое промышленное и жилищное строительство Караганды влечет рост населения, коммунальное же строительство резко отстает. Это обстоятельство создает совершенно ненормальные условия обслуживания населения важнейшими коммунальными предприятиями. В итоге имеется диспропорция между огромным ростом промышленно-жилищного строительства и резким отставанием строительства важнейших коммунальных объектов и благоустройства Караганды [8, л.40].

Слабое развитие водопроводно-канализационной системы обусловило отсутствие во многих домах ванных комнат. Этот недостаток городские власти попытались компенсировать развитием банно-прачечного хозяйства.

В 1946 г. население г. Караганды обслуживала всего одна коммунальная баня Нового города пропускной способностью 50 чел. в час [20, л.84]. На территории Большой Михайловке с населением 15 тыс. чел. в 1947-1948 гг. не было ни одной бани [8, л.15об.]. В 1950 г. был организован банно-прачечный комбинат на балансе которого числилось 4 бани [21, л.3]: Баня № 1 Нового города на 74 мест, баня № 2 в Большой Михайловке на 56 мест, баня № 3 шахты 77 на 21 мест, баня № 4 в Майкудуке на 56 мест. Кроме коммунальных бань на промышленных предприятиях функционировали производственные бани или банно-душевые комбинаты, предназначенные исключительно только для рабочих данных предприятий.

В Балхаше помимо одной коммунальной бани для рабочих были организованы баня госрыбтреста на 40 мест и баня Коунрадского рудника на 63 места [22, л.32]. В 1948 г. в Темиртау на 23 тыс. население [23, л.143]. функционировало всего 3 бани на 148 мест [11, л.32].

Из-за недостаточного количества топлива, частого отсутствия горячей и холодной воды, отключения электроэнергии происходили перебои в работе банного хозяйства [24, л.30]. К примеру, баня № 4 г. Караганды была совершенно

не приспособлена работать в зимний период. Имеющиеся котлы не могли обеспечить баню необходимым теплом и горячей водой. Вследствие этого баню не раз закрывали на капитальный ремонт [25, л.39а]. Из-за отсутствия освещения и канализации с перебоями работали бани и душевые кабины шахты им. Кирова, №№ 18, 18-бис, 19, 20 [26, л.57]. Часто бани закрывались по указанию государственной санитарной инспекции в связи с выявлением случаев завшивленности и обнаружения сыпного тифа [9, л.16]. Некачественное обслуживание городского населения были связаны и со слабой обеспеченностью необходимым инвентарем. Люди часто жаловались на нехватку тазиков, шкафов, зеркал и т.д., отсутствие проката на полотенца и простыни и, конечно же, на большие очереди [24, л.23]. Городская баня Каркаралинска пропускной способностью на 20 мест практически не обслуживала жителей. Снабжение водой происходило вручную, т.е. черпанием воды из колодца ведрами и наливанием в котел. После подогрева вода ручным способом подавалась в мойку [7, л.7].

Недостаточно было организовано количество прачечных. Они были предназначены только для обслуживания рабочих промышленных предприятий, трестов, больниц, столовых и т.д. К примеру, у треста «Кирвоуголь» работала одна прачечная пропускной способностью 300 кг белья в смену [11, л.8], у треста «Балхашстрой» – 2 прачечные на 250 и 100 кг белья в смену [22, л.32].

В целом, городское банно-прачечное хозяйство совершенно не соответствовало общей численности городского населения и, как следствие, не удовлетворяло гигиенические потребности горожан. Из-за перебойной работы и низкой пропускной способности в банях и прачечных постоянно возникали большие очереди, особенно на выходные дни, что вызывало массу неудобств и недовольство со стороны горожан.

Для улучшения санитарного состояния городов большое значение имело озеленение улиц, скверов, парков и т.д. Однако из-за условий резко континентального климата озеленение городов проходило с огромными трудностями. По решению местных властей озеленение и благоустройство города являлись обязательным долгом каждого горожанина. Через средства массовой информации (радио и газеты) регулярно проводились подготовительные организационно-массовые работы с населением городов по вопросу их участия в озеленительных работах. В 1948 г. в Караганде были заложены крупные зеленые массивы общественного пользования, как например, парк шахтеров в Шахтинском районе площадью 3,32 га, сквер на ул. Танкистов в Новом городе площадью 1 га, сквер на Углеразрезах площадью 1 га, бульвар по ул. Н. Абдирова в Новом городе площадью 20 га и. т.д. [27].

Был произведен ремонт зеленых насаждений парка «Дальний» Старого города площадью 3 га, расширен сквер Ленинского района площадью 2,5 га. Всего за 1948 г. было высажено 29,7 тыс. шт. деревьев и 107,7 тыс. шт. кустарников [28, л.119]. Параллельно проводилось озеленение мелких объектов ведомственных организаций, учреждений и предприятий, а именно озеленение культурно-бытовых, детских оздоровительных зданий, общежитий, интернатов и т.д., где было высажено 33 тыс. шт. деревьев и 54 тыс. шт. кустарников [28, л.121]. В г. Балхаше в 1948 г. зелеными насаждениями было охвачено 26,2 га, где за счет ботанического сада и руками рабочих было высажено 42,0 тыс. шт. деревьев и 27,3 тыс. шт. кустарников [28, л.208].

В 1949 г. за весенний озеленительный период в Караганде, Темиртау, Балхаше и Каркаралинске на площади 82,4 га было посеяно и высажено 118,6 тыс. шт. деревьев, 252,3 тыс. шт. кустарников, 0,2 тыс. кв. м цветников и 2,0 тыс. кв. м

газонов. Из них в садах, парках, скверах и бульварах общественного пользования площадью 33,5 га было высажено 41,1 тыс. шт. деревьев, 91,8 тыс. шт. кустарников.

На мелких приусадебных садиках индивидуальных застройщиков, культурно-бытовых и лечебных учреждений площадью 23,9 га было высажено деревьев – 23,5 тыс. шт. и кустарников – 50,7 тыс. штук. По озеленению улиц работы проводились на протяжении 21 км, где было высажено деревьев – 3,3 тыс. шт. и кустарников – 11,2 тыс. шт. [28, л.108]. Такими же темпами озеленение городов проходило и в последующие годы. Однако, из-за климатических условий зеленые насаждения гибли. Известно, что в 1953 г. озеленение г. Темиртау было выполнено на 63,6%, г. Балхаша – 87% и т.д. [29, л.14].

Повседневную жизнь города характеризует также уровень развития общественного городского транспорта. Согласно архивным данным практически всю вторую половину 1940-х гг. – начало 1950-х гг. городское население Центрального Казахстана обслуживалось исключительно гужевым транспортом. Количество автомашин в городах было единичным. В частности, в Каркаралинске самая первая машина появилась в 1950 г. Автотранспорт использовался только на промышленных предприятиях, но не в перевозке населения.

Вспоминает И. Хайруллин: «На работу мы ходили пешком. Расстояние от поселка Новая Тихоновка до шахты 18-ая или 18-бис, или от поселка Старого Майкудука до шахты им. Кирова в среднем составляло 10 до 15 км. К 8 ч. без опоздания мы являлись на работу, получали наряд и по «людскому» ходу шли до лавы 1 – 2 км. Дойдя до места работы, приступали к выемке угля». В связи с дальнейшим промышленным освоением региона в городах возникла острая необходимость внедрения городского транспорта для осуществления перевозок людей.

Совет Министров СССР в Постановлении от 11 марта 1950 г. за № 364 «О мероприятиях по улучшению коммунального и культурно-бытового обслуживания населения г. Караганды» обязал Министерство угольной промышленности СССР построить к 1 октябрю 1951 г. и полностью ввести в эксплуатацию трамвайную линию протяженностью 10,65 км. На ее строительство было ассигновано 43825600 руб. [30, л.27]. 17 августа 1950 г. по решению Исполкома Карагандинского Горсовета депутатов трудящихся на условиях аренды всего трамвайного хозяйства у Карагандашахтстроя было создано Управление Карагандинского трамвая. [31, л.1]. Первоначально трамвайный парк состоял из 6 поездов, по одному моторному и одному прицепному вагону. Длина линии составляла всего 8,25 км. [17, л.13]. Первый трамвай был пущен в г. Караганде ко Дню Шахтера – 25 августа 1950 г. [17, л.13]. В 1951 г. в эксплуатацию было введено еще 12 пассажирских вагонов. Среднесуточный пробег 1 вагона составлял 248,8 км. [17, л.32]. В 1952 г. функционировало 19 пассажирских вагонов, которые включали 10 моторных и 9 прицепных. Среднесуточный пробег 1 вагона равнялся 236,2 км. [24, л.7]. В 1953 г. городское население обслуживало 21 вагон, которые состояли из 11 моторных и 10 прицепных вагонов [25, л.318]. В 1952 г. длина эксплуатационного пути по сравнению с 1951 г. увеличилась и равнялась 16,5 км, в 1953 г. – 21,5 км. [24, л.7].

В целом, трамвайные пассажирские перевозки осуществлялись с большими перебоями и трудностями. Из докладной записки «О благоустройстве областного центра г. Караганды и о развитии коммунального строительства» (под грифом секретно), адресованное Первому Секретарю ЦККП (б) Казахстана Ж. Шаяхметову, отмечалось, что «имеющаяся единичная городская железная дорога, которая соединяет Старый город с Новым, абсолютно не удовлетворяла растущую потребность в транспортировке населения. Так, например, рабочие поселки Майкудук и Новая Тихоновка с населением 10 – 15 тыс. человек находятся от

Старого города на расстоянии 8 км. Населению приходится пешком преодолевать путь до шахт и промышленных предприятий» [8, л.15].

Поскольку на первом месте для руководства было не качество, а количество, пуск трамвая был осуществлен преждевременно и при отсутствии акта Государственной комиссии «О приемке и передачи трамвайной линии в эксплуатацию» [17, л.13]. Совершенно не была подготовлена ремонтная база с соответствующими станками и инструментами, не хватало необходимых технических материалов и запасных деталей [32, л.372]. Из-за этого значительно увеличивались простои вагонов в ремонте. Кроме того, строительство трамвайной линии не было завершено в городской части Старого города, что значительно снижало эффективность в работе по обслуживанию населения [17, л.13].

9 октября 1951 г. распоряжением Исполкома Горсовета за № 135 «Об определении состояния Карагандинского трамвайного хозяйства и условий эксплуатации подвижного состава трамвая» была создана комиссия, которая установила, что путевое хозяйство находилось в весьма неудовлетворительном состоянии и отсутствии полной гарантии безопасности движения трамвайных поездов, так как при строительстве путей имели место большие отступления от технического проекта, предусмотренных допусков, норм и сертификатов [32, л.368]. В пути были уложены рельсы, бывшие в употреблении и произведенные еще в 1903 году. Кроме того, в результате действия подземных шахт, трамвайные пути испытывали деформацию из-за оседания поверхности. В итоге появлялись трещины, что нарушали непрерывность рельсовой нитки и угрожали безопасности движения поездов [30, л.27]. Рельсы в общей сложности были совершенно непригодны для дальнейшей эксплуатации. Количество перевезенных пассажиров в течение 1951-1953 гг. постоянно колебалось и не отличалась стабильностью, хотя при сравнении конечных показателей их число возросло с 6415 чел. в 1951 г. [24, л.7об.] до 8625 чел. в 1953 г. [33, л.29], т.е. на 2210 чел. В среднем ежедневно трамваи перевозили до 16 тыс. пассажиров, из них только 10-20% делали посадку и высадку на промежуточных станциях, расположенных в черте Старого города, а остальные двигались из Старого города в Новый и обратно [32, л.370]. Это дает нам основание полагать, что пассажирам приходилось испытывать существенные неудобства при переездах из-за большой тесноты и давки в составах. Поскольку состояние самих трамваев было довольно удручающим, трамвайный парк работал с большими убытками. В частности, только за первый квартал 1951 г. убытки составили 131905 руб. [32, л.370]. Убытки были связаны также и с тем, что конечная остановка трамвая в Старом городе находилась за 3 км от вокзала. Такое положение сильно затрудняло передвижение горожан, и поэтому трамвай терял ежедневно в среднем 50-60% пассажиропотоков, что естественно отрицательно сказывалось на его доходную часть [32, л.372]. Таким образом, трамвайное сообщение г. Караганды работало с большими перебоями и не соответствовало общему объему пассажирского потока.

Изложенный выше материал доказывает, что, несмотря на крупномасштабное строительство массивных жилых, административно-производственных и культурно-просветительских объектов, население городов Центрального Казахстана столкнулись с проблемами, связанными с недостаточным городским благоустройством. Отсутствие водопроводных и канализационных сетей вызывали массу неудобств среди городского населения и способствовали ухудшению санитарной обстановки в городах региона. Острая проблема была связана с дефицитом качественной питьевой водой. Имеющаяся сеть учреждений, т.е. больницы, общежития, магазины, столовые размещалась в неприспособленных помещениях. Во многих районах городов не было проведено водопровода и

канализации. Ситуацию усугубляло слабое развитие банно-прачечного хозяйства, дезкамер, сушилок. Ограниченное количество транспортных средств, а порой и отсутствие, не давало возможности вовремя очищать город от накопившегося мусора.

Антисанитарное состояние в городах, недостаточное использование дезинфицирующих средств, перебойное водоснабжение создали благоприятную обстановку для распространения различных форм инфекционных заболеваний.

Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов ежегодно осуществлялись мероприятия по озеленению городского пространства, т.е. улиц, парков, скверов, бульваров и т.д. Однако неблагоприятные природно-климатические условия не позволяли осуществлять крупномасштабную посадку необходимых растений. Многие из них не приживались и гибли, что вызывало массу затрат.

Анализ развития общественного городского транспорта показал, что трамвайное сообщение было единственным видом транспорта в городе Караганде в начале 1950-х. Во всех городах в основном преобладал лошадиный извоз. Вследствие резкого увеличения численности населения в городе, трамвайные пассажирские перевозки в начале 1950-х гг. осуществлялись с большими перебоями и трудностями. Работа трамвайного парка была слабо подготовлена в техническом плане: нехватка инструментов и запасных деталей, неготовность ремонтной базы, не завершенность трамвайной линии. Отступления от технического проекта при строительстве трамвайного пути не гарантировали полную безопасность движения трамвайных поездов. Имеющиеся недостатки значительно снижали эффективность в работе по обслуживанию населения города Караганды.

В целом следует отметить, что благоустройство городов Центрального Казахстана в послевоенный период было очень скромным. Наличие гужевого транспорта, слабое развитие водопроводных магистралей и канализационных сетей, банно-прачечного хозяйства, антисанитария на улице, в больницах, общежитиях, магазинах и т.д. – все это было типичными чертами послевоенных жизни советских городов, существовавших в условиях борьбы за высокие темпы развития промышленности.

---

1. Бараг Т.Я. Караганда. – М. : Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 84 с.
2. Конобрицкая Е.М. Карагандинская область (экономико-географическая характеристика). – Алма–Ата: издательство Академии наук Казахской ССР, 1954. – 253 с.
3. ГАКО.Ф. 661. Оп. Д. 18
4. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра. 2008. – 528 с.
4. Хавин А.Ф. Караганда – третья угольная база СССР. – М. : Углетехиздат, 1951. – 206 с.
5. Караганда. Справочник по истории административно – территориального устройства Карагандинской области (29.06. 1936 г. – 01.01.2006 г.). Отв. ред. У.А. Амантаев. Отдел архивов и документации Карагандинской области. – Караганда, 2006. – 170 с.
6. ГАКР.Ф. 68. Оп. 1. Д. 16
7. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 88
8. ГА РФ.Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 722
9. ГА РФ.Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 910
10. ГАКО.Ф. 596. Оп. 1/6. Д. 1102
11. ГА РФ.Ф. р-9226. Оп. 1. Д. 1175
12. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 123
13. ГА РФ.Ф. р-9226. Оп. 1. Д. 1172

14. ГАКО.Ф. 18. Оп. 1. Д. 1555
15. ГАКР.Ф. 67. Оп. 1. Д. 8
16. ГАКО.Ф. 596. Оп. 1/6. Д. 1116
17. ГА РФ. Ф Р-9226. Оп. 1. Д. 785
18. Темиртауский рабочий. – 1951. – 11 февраля.
19. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 91
20. ГАКО.Ф. 596. Оп. 1/6, Д. 1118
21. ГАКО.Ф. 691. Оп. 1. Д. 163
22. ЦГА РК.Ф. 698. Оп. 14, Д. 299а
23.ГАКО.Ф. 596. Оп. 1/6. Д. 1138
24. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 151
25. ГА РФ.Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 675
26. Социалистическая Караганда. – 1948. – 10 октября.
27. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 102
28. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 105
29. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 85
30. ГАКО.Ф. 596. Оп. 1/6. Д. 1117
31. ГАКО.Ф. 636. Оп. 1. Д. 133
32. ГАКО.Ф. 18. Оп. 1. Д. 1927

3.2. От сталинского стиля до хрущевского модернизма

Во второй половине 1950-х гг. во внешнем облике и благоустройстве городов Центрального Казахстана произошли кардинальные изменения. До середины 1950-х гг. в рамках сталинского «большого стиля» складывались как образцы административных и культурно-бытовых зданий, так и советского жилищного строительства, становившиеся «частью визуальной репрезентации эпохи сталинизма». Эти здания должны были продемонстрировать «величие сталинской эпохи, расцвет культуры, героику созидательного труда советского народа» – именно так писали в то время теоретики архитектуры [1, с.116].

Именно архитектура и строительство стали одной из первых областей, претерпевших значительные изменения с началом хрущевской оттепели. Практически сразу после прихода к власти, Н.С. Хрущев произвел коренную реформу архитектуры. Реформа архитектуры и строительства (она же – начало жилищной программы, она же – смена сталинского стиля на международный модернизм) указывает, в первую очередь, на политическую важность этой сферы, основанную на тяжелом жилищном кризисе в стране [2, с.79-80]. В феврале 1954 г. Н.С. Хрущев неожиданно и недвусмысленно, как отмечают исследователи, раскритиковал сталинскую архитектуру за ее дороговизну и помпезность – это было началом наступления на сталинскую архитектуру. Проявилось наступление в ряде принятых партийных и государственных постановлений, в частности, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [3]. Под запретом оказались не только арки, портики и башенные надстройки, но и прежняя практика фронтальной застройки улиц, так называемыми «укрупнёнными» кварталами. Простоту в оформлении зданий объясняли, как необходимостью экономить значительные материальные средства, так и важностью развенчать культ личности не только в политическом плане, но и в архитектуре – отойти от помпезного «сталинского ампира». Исследователи отмечают, что радикально новым в хрущевской реформе строительства и архитектуры было именно обращение к Западу и отказ от неоклассических форм сталинской архитектуры. В архитектуре,

с одной стороны, наблюдался жесткий разрыв со сталинским стилем, а с другой – преемственность в области типового строительства и архитектурного образования [4, с.137].

В связи с новой генеральной линией правительства была пересмотрена схема планировки Караганды. Застройка города в 1950-х гг. велась на основе генерального плана, разработанного ещё в 1937 г. институтом «Мособлпроект». Однако планы полностью не были осуществлены, так как война внесла в них свои коррективы. Это объяснялось слабостью материально-технической базы строительства и резким притоком эвакуированного населения. Чтобы в кратчайшие сроки обеспечить массу людей жильём, недалеко от шахт в посёлках, которые согласно проекту, подлежали ликвидации, наскоро строили дома без всякого плана. Разрастаясь, эти посёлки постепенно слились в единый жилой массив со Старым городом. Строительство Нового города фактически оказалось законсервированным [5, л.111]. С середины 1950-х гг. ситуация стала меняться, в 1955-1957 гг. проект планового строительства города был разработан институтом «Карагандагипрошахт». Руководителем проекта был назначен архитектор О.П. Кудрявцев. Приоритетное развитие в плане отводилось созданию наилучших условий жизни, труда, быта, отдыха горожан, рациональному размещению промышленности, жилых районов, правильной и удобной организации уличной сети, площадей зелёных насаждений, обновлению городского транспорта, решению комплекса мероприятий по реконструкции коммунального хозяйства города. Разбросанность территории Караганды значительно усложняло выполнение поставленных задач. Главной идеей генерального плана застройки Караганды было создание единого города, объединяющего исторически сложившиеся районы, причем развитие города Караганды предусматривалось на свободном юго-восточном направлении.

К середине 1950-х гг. Караганда протянулась с юго-запада на северо-восток на 40 км и с севера на юг – на 20 км, его площадь составляла 664 кв. км [6, с.109]. Город расширился за счёт включения в его состав более 50 рабочих посёлков, где были сосредоточены предприятия угольной промышленности, обогатительные фабрики, ТЭЦ, машиностроительный завод и др. Чёрные конусы терриконов, вышки шахт и корпуса промышленных предприятий создавали индустриальный облик Старого города [6, с.110].

Административным и общественно-политическим центром Караганды по-прежнему оставался Новый город с большим парком культуры и отдыха, расположенным по обе стороны р. Букпа. В этой части города проживало свыше 50% населения. Его главными магистралями были проспект Советский, Ленина, Бульвар Мира. Название центральных карагандинских улиц было типичным для абсолютного большинства советских городов, в том числе казахстанских. Центр Нового города сформировали: монументальное здание облисполкома, площадь с традиционным для советских центральных улиц памятником В.И. Ленину и большой сквер. Дом Союзов и Центрально-Казахстанское геологическое управление, построенные на главной площади города, сформировали пропилеи – оригинальный проход в Центральный парк города – парк имени 30-летия ВЛКСМ.

На стыке главной магистрали города проспекта Советского с проспектом Н. Абдирова был расположен ансамбль площади, построенный в 1959 г., состоящий из памятника Нуркену Абдирову и Дворца спорта имени Н. Абдирова. Архитектурно-композиционный узел был сформирован по Советскому проспекту и бульварному полукольцу: железнодорожный вокзал, Летний театр, Дворец культуры горняков, здание облисполкома, театр драмы имени С. Сейфулина. Они придали, как считали карагандинские архитекторы 1950-х гг, закономерность архитектурным характеристикам Нового города [5, л.160]. Строения были возведены

в разное время, но они соответствовали единому архитектурно-композиционному замыслу. В архитектуре были использованы самые разнообразные композиционные приёмы малыми архитектурными формами, декоративными вставками, лоджиями, солнцезащитными устройствами, офактуриванием панелей, введением цвета. В конце 1950-х гг. в Караганде насчитывалось около четырёх тысяч зданий культурно-бытового и производственного назначения [5, л.59].

В целом архитектура областного центра не отличалась от других советских городов такого уровня, но имелись некоторые фрагменты в архитектурном оформлении зданий, в которых был использован национальный колорит, они и стали брендами города. Одним из лучших архитектурных сооружений Караганды считался Дворец культуры горняков: в архитектурном образе этого здания прослеживались компоненты казахского национального декора. Вход в фойе здания был украшен ажурной гипсовой лепкой казахского орнамента. Главный фасад в центре имел мощный 6-колонный портик из 8-гранных колонн, портик фасада был украшен художественными скульптурами фигур, типичных для «хрущевского» декора – шахтера, строителя, чабана, колхозницы, акына и воина [7, с.204].

Нельзя сказать, что национальный орнамент присутствовал концептуально в архитектуре города, это более ярко проявлялось в столице Казахстана – Алма-Ате, но не было типичным для региональных центров. В некоторых зданиях (скорее в оформлении единичных) он присутствовал, например, в архитектуре интерьера областной музыкальной школы просматривалось влияние традиций казахского народного зодчества. В прорисовке плафонов и росписи потолков, в резьбе по ганчу вентиляционных решеток и ажурной алебастровой люстры концертного зала, в рисунке пола фойе, выложенного многоцветной метлахской плиткой, были использованы мотивы народного казахского орнамента [8, с.21]. Между окнами первого и второго этажей Травматологической больницы вмонтирован лепной орнамент [8, с.22], в рисунке которого были использованы элементы казахского народного искусства. Но в целом процесс «интернационализации» характерный для духовной составляющей советской ментальности, доминировал и в бытие, в частности, в архитектуре городов Центрального Казахстана. Поэтому, находясь в центрально-казахстанских городах, можно было не почувствовать, что находишься в национальной республике (в отличие, например, от республик Средней Азии).

Караганда, как культурный и промышленный центр области, застраивался и реконструировался быстрыми темпами, в 1959 г. вступил в строй домостроительный комбинат. Переход строительства на индустриальные методы сопровождался унификацией конструкций, расширением типового проектирования «хрущёвками», строительства и благоустройства. Монументальные композиции с использованием классических приёмов, предельно усложнённые декором фасады были заменены на строгие, лаконичные линии и формы, недорогие, легко изготовляемые в заводских условиях и быстро монтируемые на строительной площадке детали. Такой была основная линия советской архитектуры. Композицию жилых массивов теперь формировали «изнутри», исходя из архитектурно-пространственного развития; основой архитектурной среды Караганды послужила жилая застройка. Именно в 1950-х гг. стали вырисовываться контуры будущих кварталов большого города, проспектов, улиц, таких как проспект Ленина, Чкалова, Гоголя, Крылова, Бульвар Мира и других.

В период 1950-х-1960-х гг. появилось новые улицы: Акбастауская, Айвазовского, Бабушкина, Гарибальди, Газетная, Акмолинская, Болотникова, Давыдова, Жана-Аульская, Жана-Аркинская и др. В названиях улиц Караганды были отражены казахские фамилии известных борцов за установление Советской власти, деятелей партии, государства, Героев Советского Союза, науки и культуры. Так, улицам

города были присвоены названия: Джангильдина, Иманжанова, Джанибекова, Ержанова, Маметовой, Абдирова, Кашаубаева, Кошкарбаева, Байсеитовой, Курмангазы, Джамбула.

Темпы роста города отставали от быстрого увеличения численности населения из-за слабо развитой строительной индустрии. Из архивных материалов проверки выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о жилищном и культурно-бытовом строительстве и улучшений его качества в г. Караганде, Темиртау и Краснодаре в 1960 г.: «пространственная среда города представляла собой в подавляющем большинстве «землянки, саманные и одноэтажных деревянные, каркасно-засыпные здания» [9, с.98]. Они располагались в зонах санитарной вредности и на подрабатываемой территории.

В 1961-1962 гг. развернулись ожесточенные споры о будущем генеральном плане застройки г. Караганды. Докладные записки, письма-жалобы, проверки и отчёты свидетельствовали о серьезности сложившейся ситуации вокруг города. Государственная санитарная инспекция Карагандинской области в своем заключении по ТЭО районной планировки от 19 декабря 1961 года дала оценку территории старого города, половину которого отвели для жилья. Госсанинспекция установила: «По данным систематических обследований санитарно-гигиенических условий старого города Караганды выяснилось, что воздух на всей территории в сильной степени загрязнен пылью обогатительных фабрик, окисью углерода от шахт и сернистым газон. Так, концентрация окиси углерода в ряде случаев по всем точкам превышает предельно-допустимую разовую норму в м2/м3 в 10-20 раз, а тогда, когда над городом туман 50-60 раз. Содержание сернистого газа в атмосферном воздухе по всем точкам превышает в 3-4 раза предельно-допустимую норму. Территория имеет застойную воду (болота) в местах провалов от угольных разработок, отсутствует водоотвод и централизованное водоснабжение при общей хаотичной застройке вокруг шахт и предприятии, без требуемых санитарных разрывов – всё это требует прекращения застройки этого района и постепенного вывода из него населения» [10, с.8].

Жаркие дискуссии привели к изменению генерального плана застройки Караганды, изменению траектории ее будущего развития. Застройка территории города зависела не только от финансирования и комплектующих материалов, но и климатических условий (сильные морозы зимой, высокая температура летом и др.). Необходимо было снизить летнюю температуру, увлажнить воздух, создать искусственные водоёмы, но средств в бюджете не было, и эта практика не была реализована в полной мере. При городском строительстве имели место нарушения проектов детальной планировки, санитарных норм и архитектурных требований строений [9, с.27]. В 1960-х гг. основным принципом территориального развития Караганды было размещение массового строительства на безугольных территориях к юго-востоку, вдоль железной дороги. В это время застраивался район Майкудука, которому отводилась роль сложного промышленного и густонаселенного комплекса. Через год приступили к застройке Юго-Восточной части Караганды – планируемому в будущем центру города. Главные улицы и магистрали Караганды застраивались по типовым проектам, но индивидуально-оформленные фасады зданий и площадей улучшили их архитектурные характеристики. Дома планировались с полузамкнутыми дворовыми пространствами, с выделением специальных мест для занятий физкультурой и спортом, для хозяйственных нужд, для отдыха. К первым зданиям, построенным в Юго-Восточной части Караганды, относились объекты социально-культурного предназначения: детский сад, школа, жилой комплекс, аптека, магазины. Застраивались улицы Юго-Востока –

проспект Строителей и проспект Шахтеров, закладывались новые микрорайоны «Степной-1» – «Степной-4».

Актуальнейшим вопросом для Караганды изучаемого в этот период стали проблемы водоснабжения. В 1951-1955 гг. был построен Большой карагандинский водопровод, введено в действие 92,5 км магистральных водопроводных линий, построено 30,2 км канализационных коллекторов; закончена первая очередь канализации посёлков Новый Майкудук, Большая Михайловка, восьми кварталов Нового города. В строительство городских коммуникаций было вложено около 40 млн. рублей, но окончательно решить проблемы с водоснабжением и работой системы канализации не удалось [11, л.37]. Так, в летний период года воды было недостаточно, и городские власти могли обеспечить отдельно взятого горожанина всего 3-5 литрами воды [5, л.26]. Горожане в основном пользовались водой из уличных колонок и надворных колодцев [6, с.98]. Городская коммунальная система не справлялась с возросшей на неё нагрузкой; перебои в работе водопроводных сетей и системы канализации приводили к нарушению санитарно-гигиенических условий проживания.

В конце 1950-х гг. бюджетные ассигнования на коммунальное обслуживание и обустройство Караганды постоянно увеличивались, но осваивались неудовлетворительно. В 1959 г. на строительство водопроводных и канализационных сетей города было выделено 7,8 млн. рублей, а выполнение составило вдвое меньше – 3,8 млн. рублей. Так, обеспеченность города сетями инженерных коммуникаций была чрезвычайно низкая. Только 18% городского жилого фонда была обеспечена водопроводом и оборудована канализацией. Сброс фекальных вод осуществлялся в границах города без производства очистки. Например, в районе Дальнего парка города насосная станция не обеспечивала перекачку поступающих сточных вод, и нечистоты сбрасывались в районе посёлка автобазы [12, л.78]. По этой причине многие кварталы (№ 246, 248, 250, 252, 256, 260), имеющие внутренние разводки водопровода и канализации в домах, не были подключены к соответствующим сетям [9, с.99]. Отсутствие водопроводных и канализационных сетей вызывали рост количества инфекционных заболеваний и способствовали ухудшению санитарной обстановки в городе. Эту проблему городские власти пытались решить путём использования дезинфицирующих средств и ремонта коммуникаций.

Росту благоустройства Караганды способствовала массовая газификация города. В городах Центрального Казахстане газоснабжение началось в 1961 г., после сдачи в эксплуатацию первых газобаллонных установок в Караганде, создания городского управления газового хозяйства, в составе которого находилось 5 эксплуатационных районных служб, управление газового хозяйства в Темиртау, конторы в Сарани и Шахтинске, межрайонная контора газового хозяйства в Абае.

Большое значение для благоустройства Караганды имело решение проблемы уличного освещения. До 1966 г. освещались только улицы в центральной части города лампами накаливания. После модернизации сетей были установлены ртутные и натриевые лампы. Лампы были стандартные, их крепили на железобетонных столбах, декор и подсветки отсутствовали, так как «внимание уделялось практичности, а не красоте» [13]. Питание электроэнергией объектов городского хозяйства переводилось на подземную кабельную сеть. Увеличилась протяжённость электрических линий, но освещение улиц в городах было неравномерным. Так, на окраинах всех городов Центрального Казахстана, расстановка электрических фонарей была редкой и недостаточной.

Проведенные интервью с карагандинцами позволяют представить советскую коммунальную службу с ее достоинствами и проблемами. Считаем возможным привести воспоминания карагандинцев о городе Караганде образца 1950-1960-х гг.

Г.Т. Абдрахманова: «Жилищно-коммунальные службы работали по-разному, в нашем районе они работали неплохо. Выполняли все заявки, реагировали на них, мусор вывозили, дворы были чистыми. Тарифы за услуги были низкими и доступными для населения. Но на соседней улице ситуация была иная. Там в подъездах и во дворах было очень грязно, скапливалось много мусора. Трубы находились в очень плохом состоянии, заявки жильцов принимали, но никаких действий не происходило. В целом, чистыми улицы были только в центре города. За чистотой улиц и дворов следили дворники. Они были одеты в обычную одежду, которую «не жалко замарать» и в специальном фартуке. С раннего утра они очищали, подметали дворы от мусора, накопившегося за день. Наш двор выглядел очень хорошо, был тротуар у каждого подъезда, стояли скамьи, которые мы сами ставили. Во дворе было много свободного места, но не было игровой площадки. Но окраинам Караганды городские службы не уделяли достаточного внимания. Освещение в городе было на всех крупных дорогах и на некоторых улицах. Были специальные столбы и на них крепились светильники и фонари. Город был обеспечен питьевой водой на высоком уровне, ее всегда хватало, не было перебоев с водоснабжением в центральных районах, где было централизованное водоснабжение. Тепловые сети находились в удовлетворительном состоянии. В домах зимой всегда было тепло. Энергообеспечение города не вызывало нареканий со стороны жильцов. В редких случаях могли отключить свет на час, но серьезных проблем не было» [9, с.199-200].

Т.А. Алимбаев подтверждает информацию: «Жилищно-коммунальные службы города работали хорошо, их контролировали городские и партийные органы. Каждый житель Караганды имел возможность пожаловаться на работу коммунальщиков. Каждая письменная жалоба или звонок находили отклик в работе всех служб. Дежурные круглосуточно выезжали на место аварий. Центральные улицы Караганды были чистыми, за ними постоянно следили, убирали, но окраины города были запущенными, им не уделялось должного внимания. Дворники убирали улицы, следили за порядком во дворах. У дворников не было специальной одежды, но обязательным элементом были синие или чёрные фартуки и метла. Я жил на улице 40 лет Казахстану, которая относилась к Ленинскому району. Двор был благоустроен – была детская площадка с песочницей, качелями и лавочками. Жители дома высаживали деревья, регулярно убирали двор. Жильцы знали друг друга, сами организовывали уборку территории. Мусор во дворе не скапливался. Центральные районы города были освещены, но свет был тусклым. Лампы были стандартные, их крепили на железобетонных столбах. Декор и подсветки отсутствовали: внимание уделялось практичности, а не красоте. Со снабжением города водой проблем не стало после запуска канала «Иртыш-Караганда». Вода была постоянно, но она была грязной, мутной, жёлтой и ржавой, даже попадались камни. Воду отключали редко, только в случае крупной аварии или ремонта. Централизованная горячая вода отсутствовала, были газовые колонки и титаны, которые нужно было топить дровами. Горячая вода была подключена к микрорайонам города лишь в 1980-е гг. Тепловые сети были в удовлетворительном состоянии. В Новой части города домам было 15-25 лет и изношенности тепловых сетей не было. Во многих домах города сохранялось печное отопление. Энергообеспечение города было хорошее, постоянное. В 1970-х г. в домах горожан появилось много бытовой технике, на которую не были рассчитаны энергосети. Электропроводка не выдерживала, случались замыкания, выбивало пробки. Жители вынуждены были ставить два предохранителя. Счётчики электроэнергии стояли в каждой квартире, а не на лестничной площадке. Стоимость электроэнергии была низкой, доступной для всех, но всё равно много было умельцев, которые «химичили», делали так,

чтобы счётчик не накручивал киловатты, чтобы не оплачивать электроэнергию полностью» [9, с.201-202].

О.Н. Баранова: «Жилищно-коммунальные службы занимались уборкой и вывозом мусора, благоустройством двора, а также ремонтом и техническими работами. Их деятельность была на виду и находилась под контролем райкома партии. Ни одна жалоба не оставлялась без внимания. Заявки, поступающие от жильцов, всегда выполнялись. Благоустройство дворов было разное. Наш двор по Н. Абдирова был образцовый. Во дворе были не только лавочки и песочница-грибок, беседки, но и построен детский городок с деревянным теремом, сказочными героями, фонтаном и многочисленными качелями. Дом, в котором я раньше жила, принимал участие в социалистическом соревновании на лучший жилой двор. Специальная комиссия оценивала благоустройство и озеленение нашего двора. Двор у нас был дружный, люди инициативные и неравнодушные. Так мы оказались победителями, а на доме повесили табличку: «Дом образцового порядка». Я думаю, в этом тоже была моя заслуга. Чистотой улиц города мы были довольны. За неё отвечали дворники: они начинали свою работу рано – в 5-6 часов утра. Дворники занимались уборкой и сбором мусора, их утилизацией и уничтожением. Дворники не имели специальной формы, а работали в своей обычной старой одежде, поверх которой одевали синий или чёрный фартук. Все жильцы дома знали дворника в лицо, могли обратиться к нему с просьбой по какому-либо вопросу. Светильники закреплялись на железобетонных столбах и освещали дворы тротуары. Вдоль дорог было много деревянных столбов, на которых крепили лампы освещения. Освещение было в нашем дворе на игровой площадке, зимой на катке. Хорошо освещались аллеи городского парка. Город был обеспечен питьевой водой удовлетворительно, отключения от водоснабжения я не помню. Тепловые сети были в норме. В квартирах было тепло, зимой даже открывали форточки. Город круглосуточно был обеспечен электроэнергией. В городе были фонтаны, которые располагались возле Дворца культуры Горняков, у Летнего театра, у ЦУМа. Декоративные фонтаны были в парке им. 30-летия ВЛКСМ и в дальнем парке Старого города. Дно фонтана было покрыто керамической плиткой. В парках и центре города работали питьевые фонтанчики, что было удобно для отдыхающих. В городе работали киоски для продажи газированной воды, кваса, мороженного, газет и книг. Киоски изготавливали из дерева, а стены красили масленой краской в синий или в зелёный цвет. Летом и осенью работали цветочные павильоны и торговые павильоны по продаже свежих овощей» [9, с.205-206].

Высокие темпы жилищного и промышленного строительства Караганды в период 1950–1960-х гг. оказали влияние на дальнейшее развитие дорожного хозяйства. Такому выводу способствует анализ общей протяженности дорожного покрытия. Так, в 1955 г. протяжённость автодорог достигла 145 км. Асфальтобетонные магистрали соединили Новый город с городом – спутником Караганды – Саранью, посёлками Чурубай – Нуринского района, шахтами № 1, «Вертикальная», № 35 и др. Выявленный статистический материал показывает, что протяжённость автомобильных дорог, проложенных в 1959 г. в городах Центрального Казахстана, составила 1700 км, выросла длина улиц с твердым покрытием. С 1961 г. по 1965 г. протяжённость дорог в регионе составила уже 120 км, с 1966 г. по 1969 г. – 1021 км [14, л. 15-19]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что дорожная отрасль показывала лишь количественную положительную динамику, а не качественные показатели в строительстве дорог: не соблюдался профиль дорог, упрощалась технология укладки асфальта – двухслойное дорожное полотно заменяли однослойным покрытием. Дороги были некачественные, служили недолго.

Воспоминания карагандинцев о дорогах и городском транспорте подтверждают материалы архивных источников. Г.Т. Абдрахманова: «Хорошее качество дорог в Караганде было в самом центре города. Но дороги были заасфальтированы только на некоторых улицах. На окраинах города дороги были немощёные, весной и осенью они превращались в непроходимое месиво грязи. Жарким летом грязь превращалась в пыль. Тротуары и площади имели твердое покрытие» [9, с.199]. Т.А. Алимбаев: «Городские дороги были узкие, заасфальтированные только в центральной части города. Проезжую часть обрамляли крашеные известью бордюры. Пешеходных переходов не хватало. На окраинах дорожного покрытия не было» [9, с.201]. О.Н. Баранова: «Чем дальше от центра города, тем больше ухабов, ям и рытвин. Пешеходные зоны были отделены бордюрами, которые ежегодно красили известью, часто сами горожане. Для пешеходов были предназначены широкие тротуары. Некоторые площади города были покрыты плиткой. К окраинам города внимание было очень мало, казалось, что время здесь остановилось» [9, с.204-206].

Важной проблемой для Караганды были вопросы развития транспорта. Гужевой транспорт уже исчезает с центральных улиц Караганды, но еще использовался на окраинах города. В 1955 г. был создан областной автобусный трест, в который вошли несколько предприятий автотранспорта. По 18 автобусным маршрутам города курсировали 110 автобусов [15, л.7]. В 1955 г. на 30-километровую трамвайную трассу ежедневно выходили 37 вагонов. Только за 1953-1955 гг. они перевезли 30 млн. пассажиров. В 1957 г. был открыт новый трамвайный маршрут «Старый город – шахта № 70», который обслуживался 45 трамваями. Трамвайное движение в течение года обеспечивало перевозку 11 100 тыс. человек [15, л.7]. В начале 1960-х гг. были сданы в эксплуатацию две новые трамвайные линии по маршруту: шахта 33-34 – Новый Майкудук и далее до завода отопительного оборудования. Количество перевозимых в течение года пассажиров достигло 20 млн. человек. Интенсивные шахтные подработки ухудшили состояние трамвайных путей и к концу 1960-е гг. объём пассажирских перевозок данным видом транспорта снизился до 11 488 тыс. человек, часть маршрутов была закрыта.

С 1967 г. в Караганде было организовано троллейбусное движение. Его появление было связано с острой нехваткой автобусов и сравнительной дешевизной электроэнергии. Первый маршрут прошёл от железнодорожного вокзала до Трестуголь, позже на 32 квартале построили депо. На шести маршрутах, имеющих протяжённость пассажирских линий 58,1 км, работало 63 троллейбуса [5, л.123]. В 1968 г. после ввода в эксплуатацию троллейбусной линии протяжённостью 7,3 км, и организации нового маршрута «Вокзал – 32 квартал», объём пассажирооборота достиг 3866 тыс. человек, в 1969 г. – 8624,3 тыс. человек [5, л.124]. По воспоминаниям горожан, кондукторами работали только женщины. У них не было специальной одежды, но были сумки светло- коричневого цвета, в которых находились билеты и мелочь – оплата за проезд. Цена за проезд в общественном транспорте была доступной для всех, в том числе и для пенсионеров: проезд в трамвае и троллейбусе стоил 3 копейки, в автобусе – 5 копеек, в автобусе-экспрессе – 20-30 копеек [16].

Однако не все благополучно обстояло и в данной инфраструктуре, как отмечалось в большинстве отчетов в советский период. В работе городского транспорта имелись существенные недостатки, уровень транспортного обслуживания населения не отвечал требованиям и очень отставал от возрастающих потребностей населения города в пассажирских перевозках [17, л.10]. Протяженность трамвайных путей в Караганде составила 55 км, из которых 45 км по своему состоянию не были пригодны к дальнейшей эксплуатации, так как попали под горные подработки и своевременно не восстанавливались. Неудовлетворительно содержались

стрелочные переводы, отдельные участки пути были захламлены. Такое состояние путей приводило к снижению скорости движения и не обеспечивало безопасность движения трамваев. Ежедневно наблюдались случаи сходов поездов с рельс. Контактная сеть троллейбусных линий была выполнена со значительными отклонениями от технических норм, провисла и требовала перенатяжения, в результате чего происходили частые обрывы сети и произвольные отключения троллейбусов особенно на поворотах и перекрестках, создавая тем самым аварийную обстановку. Вследствие изложенных недостатков, зафиксировано в отчетах, городской электрический транспорт не пользовался популярностью у населения города, основным видом пассажирских перевозок являлся автобусный транспорт, который перевозил до 85% всех пассажиров [17, л.11]. Общая протяженность улиц и дорог, по которым следовали городские автобусные маршруты, составлял 180 км, причем 40 км не имели асфальтобетонного покрытия и также находились в неудовлетворительном состоянии. На отдельных автобусных маршрутах имелись трудно проходимые участки дорог, даже в летнее время, из-за чего ежедневно выходило из строя более десятка автобусов. Это приводило к накоплению людей на остановках, переполненности общественного транспорта. На маршруте №17 дорога на протяжении 4-5 км гравийная, выбитая, в ухабах и сильной пыли. Проверяющие писали: на день проверки этот участок дороги не поливался водой, автобус находился в облаках пыли, водители отказывались работать в таких условиях, пассажиры жаловались на сильную запыленность в салоне. Все эти недостатки, конечно же, вызывали нарекания со стороны карагандинцев [18, л.12]. На улицах города в начале 1970-х гг. размещено 446 автобусных остановок, половина из них не соответствовала техническим условиям: не было посадочных площадок, карманов, переходов или они находились в местах, опасных для движения транспорта и пешеходов. Из общего числа остановок только 30% были оборудованы павильонами ожидания, 35% освещены и 15% имели скамейки, на 35 остановках не было указателей. Большинство остановок, имевших павильоны ожидания, своевременно не убирались, в справках отмечено: «кругом разбросаны бумага и окурки, стены требуют покраски» [17, л.12]. Данные проблемы были типичными и характерными не только для Караганды или Казахской ССР, это были проблемы общесоюзного характера. На такие «мелочи» государство не тратило ни средств, ни даже внимания.

Проведённое интервьюирование по благоустройству городов Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. позволяет констатировать, что оценка работы городского пассажирского транспорта вызвала наибольший интерес и желание высказаться. Сгруппированные оценки респондентов, характеризующие ситуацию в целом по Караганде, показали, что расширение транспортной сети не соответствовало увеличению потребности в ней со стороны горожан. Так, опрошенные карагандинцы отнесли к главным недостаткам транспортного обслуживания того времени: несоблюдение графиков движения транспорта, продолжительные интервалы его ожидания, неудовлетворительное состояние внутригородских дорог [19]. В ответах респондентов указывалось на большую переполненность автобусов в часы «пик», недостаточный парк транспортных средств общего пользования, на неудовлетворительное и антисанитарное состояние транспортных салонов, случаи грубости со стороны кондукторов.

Выявленные архивные материалы совпадают с результатами интервью и свидетельствуют о том, что работа городского пассажирского транспорта Караганды вызывала нарекания горожан. Так, в архивных документах зафиксированы замечания контролирующих органов города: «Внешнее и внутреннее оформление городского пассажирского транспорта не всегда соответствует предъявляемым

требованиям. Во многих автобусах, троллейбусах и трамваях отсутствовали таблички с фамилиями водителей, информация о стоимости проезда, схемы маршрута, правила поведения пассажиров. Особенно неприглядно выглядели трамвайные вагоны: не окрашены, во многих вагонах не застеклены окна, в салонах грязно. Половина автобусных остановок в Караганде не соответствовали техническим условиям: не было посадочных площадок, павильонов ожидания, скамеек, урн, освещения, переходов» [9, с.175].

Но были и положительные изменения в работе общественного транспорта: значительно увеличился парк легковых и грузовых такси. Материальное положение большей части горожан и гостей шахтёрской столицы позволяло использовать услуги городских такси. В 1960 г. Карагандинский таксомоторный парк № 1 насчитывал 280 автомобилей. В это время таксопарк заменил автомобили «Победа» на более престижные автомобили «Волга». В такси работали водители только первого класса, которые выделялись кокардой с буквой «Т» на фуражке, галстуком «селёдка» и кожаной курткой.

Г.Т. Абдрахманова: «В городе работал общественный транспорт: трамваи, троллейбусы, автобусы. Надо сказать, что работал городской транспорт неплохо. В очень редких случаях транспорт выходил из строя. Правда, городского транспорта было мало, интервал между автобусами был достаточно большой. Билеты в общественном транспорте стоили 3-5 копеек, их стоимость была доступной для меня. Кондукторами работали женщины, как правило, немолодые. У них не было специальной формы, но имелась «кондукторская сумка» для билетов и денег» [9, с.199]. Т.А. Алимбаев: «Автобусы, троллейбусы, трамваи и такси – основные виды общественного транспорта Караганды. Курсировали автобусы «ПаЗИки», потом «ЛиАЗы», которые были всегда переполнены. Графики выхода на рейс общественного транспорта соблюдались, но частыми были поломки машин из-за высокой изношенности, нехватки запчастей и комплектующих. Общественные транспортные средства были переполнены в часы «пик». Автобусы были грязные из-за того, что многие горожане после работы не переодевались и ехали в грязной одежде. Профессия кондуктор была чисто женской. Кондукторы в общественном транспорте не имели специальной формы. Их обязательным атрибутом была сумка с билетами. Они никогда не объявляли остановки. На остановках стояли телефонные будки, которые, как правило, были не в рабочем состоянии» [9, с.200-201]. О.Н. Баранова: «Транспорта в городе не хватало. Главным недостатком транспортного обслуживания было несоблюдение графиков движения транспорта и продолжительные интервалы его ожидания. В часы «пик» автобусы были переполненные и становились «резиновыми». Люди старались жить ближе к тем предприятиям, где они работали, чтобы не опоздать на смену. Хорошими были автобусные остановки в плане практичности. Состояние автобусов и других видов транспорта было старым, но добротным, не было вандализма в виде разорванных кресел» [9, с.204]. Л.И. Зуева: «В городе работали автобусы и трамваи, а позже троллейбусы, которые связывали Новый город и Майкудук. На трамвае, например, мы всей семьей ездили на футбольные матчи, которые проходили на стадионе в Новом городе. Во время учёбы в школе и вузе я каждый день ездила на занятия на автобусе. Мне казалось, что транспорт работал нормально, во всяком случае, я не опаздывала. Автобусы ходили до ночи – до 24.00. Главным недостатком транспортного обслуживания были проблемы переполненности автобусов и троллейбусов в часы «пик». Пользовались такси в редких случаях. Билет на трамвай стоил 3 копейки, а на автобус – 5 копеек, троллейбус – 4 и 5 копеек. Стоимость транспорта была вполне доступной для всех и не обременительной для бюджета семьи. У кондукторов никакой формы не было. В основном эту должность

выполняли женщины, чаще всего немолодые, одетые довольно скромно, но обязательно с ядовито красным лаком на ногтях [9, с.207-208].

Железные дороги и авиалинии связывали Караганду с другими промышленными центрами республики и Советского Союза [18, л.115]. На авиатрассах Караганда – Балхаш, Караганда – Павлодар – Семипалатинск с июля 1964 г. начал курсировать комфортабельный турбовинтовой 48-местный АН-24. В этом же году воздушная авиатрасса связала шахтёрскую столицу с Кустанаем, Бишкеком и Дальним Востоком. В 1967 г. из Карагандинского аэропорта стал летать лайнер ИЛ-18 в Ригу. Беспосадочные рейсы связывали Караганду с многими городами Советского Союза – Москвой, Ленинградом, Киевом, Сочи, Ташкентом, Алма-Атой, Фрунзе, Новосибирском, Омском, Челябинском, Куйбышевым, Симферополем, Минеральными водами и т.д. Карагандинский аэропорт стал одним из крупнейших в Казахстане [18, л.123].

Если в жилищном строительстве Караганды в 1960-х гг. наметилась положительная динамика, то благоустройство города проходило значительно медленнее. Под благоустройством стали понимать в это время уборку улиц и вывоз мусора, озеленение, оформление фасадов домов, изготовление малых архитектурных форм, таких как лавочки, вазы в скверах и т. п. Причем к санитарным и эстетическим требованиям благоустройства подключался идеологический контекст – благоустроенный двор должен был соответствовать новому быту и новому советскому человеку. Так, руководство города призывало горожан содержать дворы, производственные территории в чистоте, регулярно проводить уборку улиц. Горожане, заботясь о чистоте и уюте Караганды, весной и летом участвовали в месячниках по благоустройству и озеленению города [5, л.59]. Вместо системной работы коммунальных служб практиковались воскресники, когда на работу по благоустройству выходили целые коллективы рабочих, служащих, студентов, школьников. Таким образом, городские органы власти переложили вопросы благоустройства на плечи предприятий и горожан.

Большая и целенаправленная работа проводилась по озеленению города. Её реализация была особенно необходима в условиях резко-континентального климата Караганды. В питомниках Зеленстроя и на опытных участках Ботанического сада города выращивались и ежегодно высаживались на улицах, скверах, в садах сотни саженцев деревьев и кустарников, рассада для клумб. Горкомхоз обеспечивал организации и горожан саженцами. При оформлении бульваров и скверов Караганды и других городов Центрального Казахстана были использованы традиции классического садово-паркового искусства, цветников – орнаменты казахского народного изобразительного искусства. В озеленении города активно участвовали все горожане. Об этом свидетельствуют воспоминания старожилов г. Караганды. Крупные массивы парков, садов, скверов, бульваров, уличные посадки положительно повлияли на микроклимат Караганды. Воздух Караганды становился несколько чище, судя по воспоминания старожил, горожане перестали дышать угольной пылью шахт, дымом и газами промышленных предприятий. Южный парк Зеленстроя и Берёзовая роща, парк им. Костенко Старого города, Дальний парк, скверы стали любимым местом отдыха жителей и гостей Караганды.

Г.Т. Абдрахманова: «Я, все мои друзья и знакомые участвовали в озеленение города. Мы затрачивали огромное количество времени и проводили большую работу, сажая семена, рассаду и саженцы. Затем мы ухаживали за молодыми деревьями. Было приятно видеть, как они растут» [9, с.199]. Воспоминания О.Н. Барановой: «Озеленению Караганды придавали большое значение не только руководители города, но и сами горожане: благоустройство города проводилось с активным участием горожан. Высаживали неприхотливые и пригодные для нашего

климата деревья – карагач и тополь, разбивали аллеи и клумбы. В Центральном парке была посажена берёзовая роща. На клумбах высаживали цветы несколько раз за весенне-летний сезон. Одни цветы отцветали, высаживали новые. Был организован регулярный полив. Парки и бульвары города закладывались руками самих горожан и были местом семейных прогулок. Самым большим парком был Парк 30-летия ВЛКСМ» [9, с.204-205]. Т.А. Алимбаев: «Озеленение Караганды все-таки было недостаточное. Деревья и цветы были высажены лишь на центральных улицах, бульварах и скверах города. Бульвар Мира был самым ухоженным и зелёным» [9, с.201]. Л.И. Зуева: «Караганда была на удивление зеленым городом: на улицах и в скверах было много тополей и акаций. Работники Зелентреста постоянно высаживали цветы весной и летом, тщательно за ними ухаживали. Бывало, что утром еще цвели одни цветы, а после обеда в этом же сквере были совсем другие. Много было цветов табака, львиного зева и анютиных глазок. В центре города высаживали розы, георгины и гладиолусы. В течение лета, как минимум три раза, высаживали разные цветы. Особенно красивы они были на фоне деревянного здания Летнего театра и при входе в Парк 30-летия ВЛКСМ. Парки и бульвары Караганды любили все горожане, они были уютными: скамеечки, зелень свисающих листьев, ларьки с мороженым и газированной водой. Каждый житель города вложил частичку своего труда в благоустройство города. Я ежегодно принимала участие в субботниках. В школе мы сажали на школьном участке деревья и различные растения, весной и летом поливали их» [9, с.208].

Наряду с зелёными насаждениями город украшали памятники. Архитектурно-пространственная среда Караганды складывалась под воздействием традиций советской монументальной скульптуры: в памятниках, посвящённых борцам за установление Советской власти, рабочему классу Караганды, деятелям партии и государства. Образы вождей были центральными в советском монументальном искусстве. Так, памятник В.И. Ленину символизировал незыблемость коммунистической власти, приверженность марксистско-ленинской идеологии, мощь советского государства, придавал особую идеологическую специфику центру советских городов. В Караганде были установлены памятники и другим деятелям советской эпохи: С.М. Кирову, Г.К. Орджоникидзе, которые представляли собой тиражированные гипсовые или бетонные копии. Они устанавливались на площадях и других открытых пространствах города, выполняли не столько градообразующую функцию, сколько, прежде всего, идеологическую и политическую. Открытие памятников начиналось с митинга, возле них проводились демонстрации или собрания, инициированные городскими органами власти.

Важную роль в формировании городского пространства Центрального Казахстана играли памятники и мемориалы, посвящённые памяти погибших в Великой Отечественной войны, установленные в рассматриваемый период. Так, в 1958 г. в центральной части Караганды был поставлен памятник Герою Советского Союза Нуркену Абдирову. Монумент был выполнен в виде постамента и чугунной скульптуры, изображающий героя за штурвалом самолёта и олицетворяющий его подвиг. В 1962 г. в парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ города Караганды был открыт памятник Герою Советского СоюзаЗое Космодемьянской, построенный на деньги, собранные пионерами и школьниками. Карагандинскими скульпторами, архитекторами и художниками были воздвигнуты монументы и мемориальные ансамбли в 1950-е – 1960-е гг. Так, характерной чертой памятников, созданных А.П. Билыком, Ю. Гуммелем и др., стало их ансамблевое решение. Скульптура выступала в единстве с элементами архитектуры, а весь ансамбль получал завершение, органично включаясь в природное окружение или городской ландшафт [20, с.377].

Проявление национальной специфики, мотивы казахской культуры, народного искусства в городской скульптуре рассмотренного периода было единичными. Так, в березовой роще Центрального парка культуры и отдыха был установлен бюст народного акына Казахстана – Джамбула [8, с.28]. Бюст был поставлен на монументальном постаменте, украшенном лепным народным орнаментом. Фактически это был в городе единственный памятник, посвященный деятелю казахской культуры.

Кроме больших монументальных сооружений и скульптур в архитектурный облик Караганды входили мемориальные доски, украшавшие фасады и стены общественных зданий. К ним относились памятные металлические, мраморные или гранитные плиты с надписью на казахском и русском языках, увековечивавшие значительные события и даты в истории города, память о деятелях партии, государства, науки, культуры и экономики. Причем, они были связаны с эпохальными событиями советской истории, так или иначе увязанными с центрально-казахстанским регионом. Одним из таких сюжетов была советская космонавтика, так как именно в этом регионе часто приземлялись космонавты. Так, на стенах здания гостиницы «Чайка» были установлены мемориальные доски с именами летчиков-космонавтов, которые провели здесь первые часы после приземления. Гостиница была названа в честь первой в мире женщине – космонавта В. Терешковой. В 1966 г. в карагандинском аэропорту были торжественно открыты мемориальные доски в честь героев-космонавтов. На светло-сером мраморе на казахском и русском языках были высечены слова: «Здесь карагандинцы встречали лётчиков-космонавтов Андриана Николаева, Павла Поповича и Валентину Терешкову». С темой космоса было связано и внешнее оформление некоторых общественных зданий города. Так, фриз голубого зала Дворца культуры горняков и стены автовокзала оформлены рельефами по мотивам «Караганда – космическая гавань».

Т.А. Алимбаев: «Были в Караганде и фонтаны: возле Дворца культуры Горняков, у Летнего театра, у ЦУМа, сквера им. Орджоникидзе (кинотеатр «Октябрь»). Декоративные фонтаны были в парке им. 30-летия ВЛКСМ, в дальнем парке Старого города. Декоративных бассейнов в городе не было. Работали киоски по продаже мороженого, газированной воды, пива, кваса. Популярны были автоматы по продаже газированной воды. Стоимость газированной воды без сиропа составляла 1 копейку. Газированная вода с яблочным или грушевым сиропом стоила 3 копейки. Мне нравился павильон национальных блюд, который располагался около кинотеатра «Октябрь». Повышенной популярностью пользовались сезонные палатки по продаже овощей и фруктов. Городское пространство города было заполнено советскими скульптурами, вазонами и агитационно-пропагандистскими плакатами. Вазоны были изготовлены из бетона, в виде тюльпана, побеленные известью. В достаточном количестве урны были расставлены на центральных улицах города. Они никогда не были переполнены. Лавочки были деревянные, покрашенные в три цвета – красный, синий и жёлтый. Городское коммунальное хозяйство следило за этим. Всё подчинялось функциональности, удобности и практичности. Тематика скульптур отражала советскую идеологию. Так, обязательным атрибутом города был памятник В.И. Ленину. Широко была представлена спортивная тематика: девушка с веслом, девушка с дискоболом, футболист, бегун. Ко второму направлению относится пионерско-комсомольская тематика: пионер с барабаном, пионер с горном, школьник, отдающий пионерский салют. Скульптуры изображали комсомольцев-героев: Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Ульяна Громова. Материалом для скульптур являлся гипс. В Караганде было много агитационно-пропагандистских

плакатов, которые содержали выдержки из выступлений руководителей коммунистической партии и правительства. На фасадах домов висели плакаты, отражающие идеалы социализма: «Мир! Труд! Май!», «Наша цель – коммунизм!», «Да здравствует КПСС!», «Вперёд к победе коммунизма!» и уважение к шахтёрскому труду: ««Слава шахтёрскому труду!». У кинотеатров города висели красочные афиши, которые показывали жанр фильма. У многолюдной остановки «ЦУМ» красовалась длиннейшая композиция из щитов и пирамид, но изображение понять было невозможно – краски давно облупились и не обновлялись. Здесь же стояли двенадцать гигантских металлических пирамид, покрашенных краской. На проспекте Н. Абдирова было много флагов неопределённого цвета. Витрины магазинов украшались теми товарами, на которых он специализировался. Так, витрина продуктового магазина украшалась пирамидами из консервных банок, особенно ярко выглядели башенки из сгущенки, тушёнки, кильки в томате. Иногда в витринах располагался товар, которого не было в наличии. В этом случае вывешивалась табличка «Образец». В ателье «Сары-Арка» значилось: «Женская одежда» и «пальто». Реклама магазина «Детский мир» предлагала «зимние изделия» и «детские изделия» [9, с.202-204]. О.Н. Баранова: «Мы любили ходить с семьёй в Центральный парк. Он полностью соответствовал своему названию – парк культуры и отдыха. Немаловажно, что здесь были бесплатные общественные уборные» [9, с.206-207].

Советские люди обладали огромным оптимизмом и жертвенным восприятием благоустройства «по-советски». Материалы интервьюирования свидетельствуют об огромной терпимости горожан ко многим бытовым проблемам, в том числе, в благоустройстве. Например, респондент О.Н. Баранова отмечает наличие «бесплатных общественных уборных», как несомненное достоинство и совершенно иначе воспринимают советскую действительность и благоустройство «по-советски» зарубежные гости СССР. В работе Г. Маркеса, побывавшего в СССР в 1957 г., есть фрагмент, который демонстрирует шок писателя от советской повседневности: «Нужда заставила нас искать туалет. Он представлял собой длинное деревянное возвышение с полудюжиной отверстий, над которыми, присев на корточки, полдюжины солидных уважаемых граждан делали то, что им нужно, оживленно переговариваясь, – такой коллективизм не предусматривала никакая доктрина» [21]. Для советских людей второй половины XX в. такое «благоустройство» считалось нормой жизни.

И далее О.Н. Баранова вспоминала о Караганде: «Скульптуры в городе были из гипса. Были фигуры коммунистических вождей, рабочих и работниц, разных атлетов, сказочные герои. В Центральном парке был установлен бюст Джамбула, а постамент украшен лепниной в национальном стиле. Вазоны, скамьи и урны по форме напоминали фужеры, изготавливались из железобетона и были расставлены по всему городу. Они были очень тяжёлые, может быть поэтому, их не крали. Скамьи в жилых дворах, детских садах были из дерева, их красили в три цвета - красный, жёлтый и синий». Слово «реклама мы раньше не знали и не употребляли. Витрины магазинов отражали его специализацию. По ним можно было узнать, что можно купить в магазине. Выставлялись, например, консервные банки или муляжи продуктов и товаров. К рекламе того времени можно отнести плакаты, которые висели около сберегательных касс: «Храните деньги в сберегательной кассе!». В городе можно было встретить плакаты «Аэрофлота». Были ещё круглые тумбы, на них помещали афиши о предстоящих концертах, спортивных соревнованиях, научных лекциях или политинформациях, наклеивали газеты. Такие тумбы устанавливали в самом центре города. Около кинотеатров, театров висели яркие и красочные афиши, которые рисовали художники. Афиши привлекали

зрителей, по ним можно было судить не только о жанре фильма, но и мастерстве художника. В городе было много портретов Ленина. На фасаде домов висели плакаты с коммунистическими лозунгами: «Слава КПСС!», «Народ и партия едины!», «Решения партии в жизнь!». Архитектурным элементом нашего города стала телевизионная башня. На боковой стороне магазина «Юбилейный» было выложено панно-мозаика с изображением Ю. Гагарина. Здания не лепили друг к другу, а строили так, чтобы было пространство. Хотя в Караганде, как и других городах того времени, были типовые постройки. Производственные территории были ограждены сплошными, непроницаемыми заборами, изготовленными из кирпича или бетона, побеленными известью. Школы, детские сады и больницы были ограждены невысокими решётчатыми оградами из железа» [9, с.206-207].

Таким образом, материалы интервью позволяют создать повседневный облик города шахтерской славы, почувствовать эпоху, в которой жили карагандинцы, пройти по центральным заасфальтированным и пыльным окраинным улицам Караганды.

Одной из значимых индустриальных точек Центрального Казахстана был город Балхаш. Строительство Балхаша с 1958 г. проводилось полносборными панельными конструкциями микрорайонах. В 1962 г. институтом ЛенНИИпроект был разработан генеральный план Балхаша с расчетом на 150 тысяч человек. Жилищное и культурно-бытовое строительства проводилось в соответствии с разработанным планом развития города со сроком на пять лет. Крупнейшим общественным зданием Балхаша являлся Дом культуры металлургов. Дворец был построен на главной городской магистрали – проспекте Ленина, одновременно замыкал с юга улицу Карла Маркса. Главный фасад его обращён в сторону проспекта. Здесь была создана окаймлённая зеленью своеобразная площадь с цветниками и фасадами, совершенно изолированная от транспорта территория для общегородских гуляний и праздников. В сквере, окружающем Дом культуры, были расположены летнее кафе и танцевальная площадка. Заасфальтированная эспланада вела от дворца к озеру и хорошо оборудованному городскому пляжу. Здание Дома культуры было монументальным, здесь использовались такие архитектурные стилистические черты как ордерная композиция фасада, обилие лепнины и позолота в интерьере [22, с.77].

Застройка Балхаша осуществлялась по двум основным направлениям. Одно из них, продольное – по проспекту Ленина, являлось главной транспортной магистралью. Она проходила через весь город и его крайнюю, восточную часть. Второе, перпендикулярное проспекту Ленину, направление – улица Карла Маркса – главная улица города и его общественно-торговый центр. Благоустройство и организация мест досуга считались главными признаками советских жилых кварталов, и именно они должны были превратить старые дворы в «новые». Вблизи домов, чаще всего среди зелени, располагались участки для отдыха взрослого населения. Типовые железобетонные столы и скамьи с мраморной крошкой, изготовленные на местном заводе, способствовали созданию завершённого облика кварталов и единству застройки. Чёткая дифференциация жилых кварталов по их назначению позволила в каждом из них оборудовать большое количество детских площадок и хозяйственных участков для сушки белья, построить гаражи для индивидуальных машин и мотоциклов. Вместе с тем, прогрессивный для того времени, принцип зонирования города по этажности не учитывал перспектив дальнейшего роста Балхаша. Такой неэкономичный подход к использованию городской территории, получивший широкое распространение в практике советского градостроительства, в условиях Балхаша проявился значительно ярче из-за сложности освоения территории. Так,

в несколько раз выросла протяжённость основных коммуникаций и площадь подлежащих благоустройству территорий. Сложилось напряжённое положение с водоснабжением, канализацией и теплофикацией, хотя 1959 г. вступила в строй первая очередь теплотрассы и канализационный коллектор. В период 1960-1965 гг. к новым сетям были подключены все районы жилых домов, в 1962 г. город получил горячее водоснабжение. Организованный с 1960 г. регулярный вывоз мусора позволил ликвидировать мусоросборники; одновременно проводились работы по асфальтированию подъездов и тротуаров, установке металлических ограждений, фонтанов, цветников и скамеек [22, с.82].

Важную роль в организации отдыха населения Балхаша играли места озеленения общественного пользования – парк имени 30- я ВЛКСМ, Парк Строителей, сквер у Дома культуры. В 1965 г. город имел два парка, две оранжереи и ботанический сад. В основу озеленения улиц Балхаша был положен приём создания вдоль тротуаров сплошного навеса – «зелёного шатра» из деревьев. С 1942 по 1959 гг. площадь озеленений в Балхаше увеличилась на 96,81 га, из них новая освоенная территория Ботанического сада составляла лишь 28 га, но со временем ботанический сад вырос до 140 га. Расположенный к 6 км к западу от города, он превратился в излюбленное место отдыха жителей Балхаша. Для местных условий это было немалое достижение, хотя цифра сама по себе была значительно ниже востребованных норм. Тенистые заросли деревьев, прекрасный песчаный пляж, необычная для этих мест трава, высокая и сочная, – всё это постоянно привлекало внимание балхашцев. Разросшиеся зелёные массивы резко изменили микроклимат города. Осуществлялись работы по асфальтированию подъездов и тротуаров, установке металлических ограждений, фонтанов, цветников и скамеек [22, с.82].

В первой половине 1960-х гг. Балхаш уже приобрёл черты настоящего города и продолжал развиваться вопреки словам голландского архитектора Марта Стамма, который работал над проектами городского планирования в СССР и наотрез отказался проектировать новый город у озера. Зодчий был убежден, что «в этом неподходящем для жизни месте каждый килограмм меди будет… получен ценой одной человеческой жизни» [22, с.87].

Воспоминания С.С. Маликова о Балхаше дополняют картину города: «Качество городских дорог в 1960-1970-е гг. было отличным. Покрытие дорог, тротуаров, площадей было в основном асфальтовым. Пешеходные зоны были отделены белёными бордюрами. В Балхаше были три вида общественного транспорта: трамваи, автобусы и троллейбусы. Марки автобусов были: «ЛиАЗ», «ПАЗ», позже «Икарус». В троллейбусах полы были деревянные, а кресла обшиты коричневым дерматином. Остекление салона было обширное и детям было интересно смотреть в окно. Городской транспорт работал исправно, изредка на остановках скапливались люди. В гололедицу транспортные линии давали сбои. Состояние автобусов, такси и других видов транспорта было старым, но добротным, не было вандализма в виде разорванных кресел. Билеты в общественном транспорте стоили 5 копеек. На эту сумму можно было купить 5 коробков спичек или половину стакана томатного сока. Стоимость проезда была доступной для населения. Внешний вид кондукторов в общественном транспорте был без униформы, но приличный. Обязательный атрибут – сумка, из которой выглядывали билеты. Озеленение города было хорошим. Был организован регулярный полив. В центре города, в скверах и бульварах были разбиты клумбы. Парки и бульвары города были ухоженными, стали местом для вечерних прогулок. Мы, горожане участвовали в благоустройстве города, выходили на субботники, ухаживали за деревьями около дома, я и соседи ремонтировали лавочки, вкапывали баллоны для игр детей. Соседи дружно убирали подъезд, раз в год очищали от мусора подвал. Общая работа сближала людей и заканчивалась

дружным чаепитием. Жилищно-коммунальные службы в городе работали так, что нареканий практически не было. Во всяком случае, на обращения горожан реагировали оперативно. Крыши домов исправно ремонтировались. Но дворы города были не совсем благоустроены, спортивных площадок не было. Хоккейный корт во дворе любители спорта содержали в порядке. Чистотой улиц города жители были довольны. Внешний вид дворников был приличен, но без униформы. Дворники содержали улицы в чистоте, помогали ребятишкам в ремонте игрушек. Освещение в городе было нормальным, но без нынешних подсветок. Город был обеспечен питьевой водой в достаточном количестве. В случае редких перебоев с водой организовывали её доставку «водовозками». Качество воды было хорошее за счет центрального водоснабжения. Тепловые сети города работали исправно, частный сектор отапливался углем и дровами. Энергообеспечение города было бесперебойным, контролеры ежемесячно ходили по домам и записывали показания. В городе были фонтаны и декоративные бассейны. Самый большой фонтан был расположен в центральном парке. Работали различные павильоны и киоски: «Газ-вода», «Мороженое», «Шашлычная», «Чебуречная». Они выполняли функцию утоления жажды, охлаждения и «перекуса». Перед сеансом в кинотеатр обязательно покупали мороженое «пломбир» или «сливочное». В городе были скульптуры, вазоны, урны, скамьи. Тематика скульптур – животные и растения: слон, лягушка, цветы. Запомнились статуи рабочего и сталевара. В Балхаше был установлен памятник танку. Балхашский металлургический комбинат в годы Великой Отечественной войны плавил броню для танков. Урны были изготовлены из железобетона в виде цветка и расставлены по всему городу. Деревянных скамеек тоже было предостаточно. Рекламных установок практически не было. Были специальные тумбы, на которых клеили театральные или концертные афиши. Витрины магазинов оформлялись в соответствии с его профилем. В витрине, например, рыбного магазина были выставлены консервные банки. На стекле мясного магазина был нарисован кусок мяса. Особым архитектурно-художественным стилем отличался в Балхаше Дом культуры: он был с колоннами, шикарной люстрой. Дом культуры был многофункциональным, там был ЗАГС, работали кружки и студии» [9, с.211-213].

Одним из городов-спутников Караганды стал Темиртау. В 1955 г. коллектив специальной организации Горстройпроекта г. Москвы разработал план строительства города Темиртау. В 1958 г. выходит книга главного архитектора города В. Уклеина «Город шагает в степь», в которой он писал: «Еще шумит ковыль в степи между восточным районом и Соцгородком, еще зеленеют тут индивидуальные огороды, а на чертежах и эскизах проектировщиков-градостроителей уже ясно обозначились черты будущего города. Недалеко то время, когда они воплотятся в реальную действительность» [23, с. 19]. Эти мечты градостроители воплощали в жизнь. Характерной чертой ландшафта Темиртау являлось наличие Самаркандского водохранилища, вокруг которого строился город. Проектировщики столкнулись с преградой для воплощения своих планов – неудачным прохождением линии железной дороги Темиртау – Караганда. Так, дорога, проходила вдоль берега Самаркандского водохранилища и ломала целостный городской архитектурный ансамбль, была препятствием для слияния жилых микрорайонов с прибрежной территорией, преградой для удобных подъездов и подходов к береговой части, для прямого выхода к берегу. Исходя из особенностей ландшафта Темиртау, в структуру застройки был положен принцип чёткого функционального зонирования территории города. В первую зону включили общегородской центр и берег водохранилища. Вторая селитебная зона распространялась от центральной части Темиртау в сторону юго-западного

направления. Сердцем города стала Казахстанская Магнитка, которая влияла на его внешний облик. В целом это был основной принцип строительства советских индустриальных городов: в центре завод с дымящими трубами, вокруг – городские жилищные застройки. Именно такой «идеальный город» тиражировали советские пропагандистские плакаты 1950-х гг.

Строительство города Темиртау осуществлялась в южном направлении по принципу микрорайонов, индустриальным методом, с применением заводских блоков, перекрытий, узлов. Сначала центром города являлся Старый город, в 1958 г. в нём проживало около 40% всех горожан Темиртау. Здесь были размещены все общегородские учреждения и образцы удивительной ленинградской архитектуры. Ядром Старого города была красиво оформленная площадь Энергетиков, на которую выходил Дворец культуры металлургов. На противоположной стороне был выстроен клуб энергетиков. В начале 1958 г. в центре площади был разбит сквер и установлен памятник В.И. Ленину, в его день рожденья здесь торжественно принимали в пионеры, повязывали красные галстуки школьникам.

Проектирование основных улиц проводилось с перспективой на будущее и с учётом многих факторов, влияющих на жизнеобеспечение темиртауцев: стоимость городского строительства и внутригородских перевозок, обеспечение жильём, комфорт горожан и их благоустройство. В 1957 г. на карте города появились проспекты Мира и Строителей, улицы героев революции и войн (Свердлова, Абдирова, Димитрова, Ушинского, Фурманова и Фрунзе) [24]. Проспект Строителей или, как его называли горожане, бульвар и действующие магистрали Темиртау были отнесены к улицам общегородского значения. Проспект стал самым красивым, зеленым и оживленным местом в городе. В 1960 г. улицам города были присвоены названия: Станиславского, Сейфулина, Тельмана, Герцена, Чернышевского. После полёта 12 июля 1962 г. Ю. Гагарина в космос, уже 15 апреля, было принято решение о присвоении площади перед вокзалом имени Ю. Гагарина. Космическая тематика в названиях улиц Темиртау этим не закончилась. Через два года в городе появились улица Юных космонавтов, переулки Полярный, Планетный, Солнечный, Ракетный, Марсовый, Звёздный, Зенитный и Лунный [24]. В жилых кварталах были построены для детей горки, лесенки, песочницы. Гораздо реже встречались волейбольные площадки и залитые зимой катки. Столики из дворов убрали, чтобы не провоцировать выпивку и не привлекать мужские компании с «неподходящими» формами досуга: большинство столиков в советских дворах по вечерам превращались в места для выпивки «работяг».

Градостроительство осуществлялось с комплексом мероприятий по благоустройству и озеленению улиц и площадей: 31 домоуправление и 230 домовых комитетов занимались «зелёным строительством» [25, л.220]. Планировалось, что общая площадь зеленых насаждений в Темиртау будет составлять 2500 гектаров. Наряду со скверами и бульварами создавались зеленые полосы между жильем и промышленными предприятиями, и этот широкий зеленый пояс вокруг города и водохранилища стал щитом для горожан от летней степной пыли и зимних буранов. Жители Темиртау, чьё детство и юность приходилось на середину 1950-1960 гг., с удовольствием вспоминают о многолюдье парка Старого города, о многочисленных гипсовых скульптурах в нём, о танцевальной площадке и эстраде, об аттракционах «Самолет» и «Лодочки», игровых павильонах.

Особое внимание городские органы власти уделяли жизнеобеспечению горожан. Так, в Темиртау были построены инженерные сети, включая, хозяйственно питьевые и поливочные водопроводы, канализации, теплоснабжение, электро- и газоснабжение. Прокладка водопровода и канализации была осуществлена в 1957 г. Благоустройство кварталов Комсомольского городка, расположенных

в «новой» части Темиртау, как правило, отставало от строительства домов. Так, введённые в эксплуатацию жилые дома в 1958 г., расположенные в квартале № 87, 90, 91, 84, 86, 76, 79, 93, 80, 81, 66, 67 были не благоустроенными. Коммунальные службы не провели работы по озеленению и ограждению дворов, прокладки тротуаров. В 1960 г. в кварталах № 87, 90 работы по благоустройству по-прежнему были не выполнены. Территории вокруг ряда общежитий города находились в антисанитарном состоянии, очистка наружных уборных и помойных ям производилась нерегулярно [9, с.108].

Генеральный план города предусматривал благоустройство дорог и тротуаров, их асфальтирование. К концу 1959 г. протяжённость дорог и тротуаров города увеличилась почти вдвое [25]. По воспоминаниям архитектора Темиртау В.К. Уклеина, запроектированная ширина центральной магистрали превосходила по своим параметрам Невский проспект в Ленинграде и улицы Горького в Москве и Крещатика в Киеве [24]. Магистрали города с его интенсивным движением постепенно соединили целую сеть улиц и жилых кварталов и микрорайонов Темиртау.

Под особым контролем городских органов власти было развитие транспорта. В 1958 г. была сформирована автобаза № 3, которая имела всего 13 автобусов и 9 такси, в следующем году – 19 автобусов марки ЗИЛ, 10 – ПАЗ и 14 такси. Автобусы были старые, требующие ремонта, и отсутствие запасных частей приводило к тому, что на маршрут выходило менее половины машин от существующего парка автомобилей. Транспорт перевозил около 7 тыс. пассажиров в день. До начала 1961 г. стоимость проезда в автобусе была различной в зависимости от дальности маршрута. В 1961 г. проезд стоил 4 копейки, через год – 5 копеек. В такси оплата взималась исходя из прейскуранта – 10 копеек за каждый километр.

Закладка трамвайной линии Темиртау произошла в 1958 г. и была важным событием для горожан. Трамвайная насыпь возвышалась над дорогой, препятствовала столкновению автотранспорта и возможности несчастных случаев. Трамвайная линия проходила через весь город, начиналась в старой части города и заканчивалась на остановке Карагандинского металлургического комбината. Такой путь составлял более часа. Трамваи были главным транспортным средством для населения, поэтому всегда были переполненные. Стоимость в них составляла 5 копеек. Трамваи имели преимущества в сравнении с троллейбусом или автобусом: более низкая стоимость проезда, хорошая вместимость пассажиров при перевозке. За эти качества горожане любили трамваи.

С.В. Сапунов вспоминает: «Дороги в центральной части Темиртау были построены широкие, асфальтированные. Дальше от центра не было дорожного полотна, много было ям и рытвин. Пешеходные зоны были отделены от дорог бордюрами. Центральные площади были вымощены бетонными плитами. В Темиртау было несколько видов общественного транспорта – автобус, трамвай и такси. Городской транспорт работал круглосуточно, но все равно общественного транспорта не хватало, часто график выхода на рейс не выполнялся. Автобусы были переполнены в часы «пик», не соблюдались нормы максимального числа пассажиров в транспорте. Зимой трамваи плохо отапливались, в них было холодно. Автобусы и трамваи работали без кондукторов. Пассажиры коммунального транспорта бросали монетку стоимостью проезда в специальный аппарат и отрывали билет. «Зайцев» (так называли безбилетников) было мало, изредка была проверка билетов контролёрами. Озеленение города было на высоком уровне. Уделялось большое внимание цветочному оформлению бульваров, площадей, парков и скверов. Высаживали самые разные цветы, в том числе петунии, астры, циннии. Проспект Металлургов, находившийся напротив магазина «Уют», стал

самым зелёным и красивым уголком города. Здесь были высажены клумбы, разбиты аллеи, поставлены скамейки для отдыхающих, фонтанчики для питья. На проспекте проходили различные культурные мероприятия, демонстрации, а зимой устанавливалась новогодняя ёлка. Красивые аллеи радовали жителей за кинотеатром «Восток». Парк трудовой славы был визитной карточкой металлургического комбината. Об этом говорила, установленная в то время заводская символика. Я принимал участие в субботниках: убирал мусор, сажал деревья, вскапывал клумбы, благоустраивал детскую площадку.

Жилищно-коммунальные службы в городе работали хорошо. Они находились под контролем государственных и партийных органов. На жалобы жильцов реагировали быстро. Летом проводились профилактические работы по подготовке к отопительному сезону. Двор моего дома, как и соседские дворы, были благоустроенны. Были высажены деревья и кустарники. На детской площадке были: карусель, горка, песочница. Имелась специальная площадка для игры в баскетбол и волейбол. Около каждого подъезда стояли лавочки. Я был доволен чистотой улиц города. Коммунальные службы следили за регулярным вывозом мусора, уборкой территории. Дворники убирали улицы и дворы с 6 часов утра, белили деревья и бордюры, поливали клумбы, вывозили сухую листву. Дворники были одеты в старую одежду, чтобы было не жалко испортить. В руках у них был рабочий инвентарь - метла или лопата, ведро для мусора. Освещение в городе было хорошее. Освещёнными были дворы, улицы, дороги, парки. Фонари крепились на железобетонные или деревянные столбы. Наш дом был оборудован водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением. Обеспечение водой было на хорошем уровне, перебоев с водоснабжением не было. С отоплением проблем не было, так как наш дом был построен в 1960-е гг. и был подключён к центральному отоплению. Энергообеспечение города находилось на хорошем уровне, аварии ликвидировали быстро. Стояли киоски «Союзпечати», в них можно было купить газеты, журналы. На остановках общественного транспорта были установлены телефонные будки. Летом работали павильоны по продаже овощей и цветов. Во многих местах города были установлены скульптуры вождя революции – Ленина – в скверах предприятий, на территориях школ, парков и аллей. К архитектурно-художественному оформлению города того времени можно отнести цветники, клумбы, живые изгороди из кустарника, аллеи, поставленные памятники, различного рода заграждения – решётки и бетонные стены, таблички с наименованием улиц. На фасаде Дворца имени 50-летия установили фигуру работницы, а стену здания украсили маски, на которых изображены металлург и строитель» [9, с.213-215].

К середине 1960-х гг. Темиртау стал крупнейшим железнодорожным транспортным узлом, соединённым железной дорогой с Карагандой, городами республики и СССР.

20 декабря 1954 г. бывший рабочий посёлок Большой Джезказган получает статус города и с этого времени именуется «Джезказган». Новый проект планировки г. Джезказгана был выполнен Казахским градостроительным проектным институтом в 1967 г. Проектировщики стремились к созданию целостного архитектурного стиля, сооружению зданий, дорог и инженерных коммуникаций, формированию материально-пространственной среды жилой застройки с учётом природных компонентов [26, с.5]. К 1955 г. были введены в строй первые коммуникации, обеспечивающие его жизнедеятельность: водопроводные и канализационные трубы, железные и бетонные дороги. В это время были построены улицы К. Сатпаева, Абая, Мира, Молодёжная, площадь Металлургов [9, с.27]. Во второй половине 1960-х гг. в Джезказгане появились постройки социально-культурной

направленности: административные, деловые, культурные, развлекательные, торговые, жилые здания, кинотеатры и гостиницы, мемориалы. Удачным пространственно-композиционным решением и архитектурной выразительностью считались в советское время отдельные жилые комплексы и уличные участки. Функциональным содержанием и пространственной организацией отличались бульвар С. Сейфуллина, ул. К. Сатпаева, площадь Металлургов, административный центр. Улицы Н. Некрасова, К. Сатпаева и Мира стали самыми оживлёнными – по ним проложили транспортную линию города. Проспекты Абая, С. Сейфуллина и В. Ленина приобрели общегородское значение, соединяли центральные участки города с его промышленной зоной, пос. Кенгир.

В 1955 г. состоялась первая посадка деревьев, были заложены первые скверы. За деревьями бережно ухаживали все жители города. Руководство Джезказганского горно-металлургического комбината отвечало за сохранность каждого дерева и их полив. В 1961-1965 гг. питомники ботанического сада реализовали более 70 тыс. саженцев для благоустройства города. В парке культуры и отдыха стояли киоски, в них горожане могли купить томатный и берёзовый соки, эскимо, взять в пункте проката детские автомобили и лошадки. Особенностью природного ландшафта Джезказгана стали незастроенные территории водного пространства Кенгира, городские парки и общественные места отдыха. Кенгирское водохранилище было любимым местом отдыха жителей города.

Ж. Бектуров в 1968 г. написал путевые заметки о Джезказгане, в них, в яркой форме показаны изменения, произошедшие в благоустройстве города. Ж. Бектуров делится воспоминаниями: «Джезказган – крупный современный город, административный центр, утопающий в зелени, с широкими асфальтированными улицами и проспектами, парком, дворцами культуры, красивыми скверами, заводскими трубами, десятитысячным стадионом, аэропортом, школами, электростанцией, гидросооружением – большим водным искусственным бассейном. Город Джезказган со своими окрестными поселками, старым рудником раскинулся почти на 40 километров. Удивительное обновление. Ведь не так давно эта голая земля была покрыта полынью, характерной только для этой местности растительностью – шаирами. Этот край в недавнем прошлом представлял собой почти безжизненную пустыню» [27]. В городе было множество мест, связанных с Байконуром и космонавтами: в честь полёта первого человека в космос создали панно, на котором изображён космонавт Юрий Гагарин. Космонавтам посвящены монументы «Авиация и космонавтика» и «Покорители космоса», стела «Космос».

Крупным городом-спутником Караганды стал Абай. Базой его формирования были посёлки, относящиеся к г. Сарани: Чурубай-Нуры, Топар, Карабас, Южного, Вольного и Кзыла. Статус города Абай приобрёл в 1961 г. Генеральный план строительства города, рассчитанный на население в 90 тыс. человек, разработал институт «Областной проект» в 1966 г., проект был утверждён исполком Карагандинского областного совета депутатов трудящихся в 1967 г. [28]. Индустриальное развитие г. Абай наложило отпечаток на характер застройки города. Горожане преимущественно работали на шахтах, промышленных предприятиях (деревообрабатывающий комбинат, хлебобулочном и ремонтно-механическом заводе). Название первых улиц города было простым и имело скорее функциональное, чем какое-либо идеологическое или политическое значение: Железнодорожная, Школьная, Строительная и т.п. В Абае обустроили два крупных микрорайона, с необходимой инфраструктурой [28, с.2]. Жилые кварталы города застраивались по прямоугольнику. По улицам Гете и Энгельса проложили две крупные дороги, соединившие практически весь город. Улицы Советская и Первомайская играли роль центральных улиц города, на улицу «Советскую»

можно было проехать по маршруту Карагандинского шоссе. Улица Карла Маркса соединяла кварталы города с его индустриальными частями. Предприятия, школы, магазины, аптека, поликлиника, парк, кинотеатры – все объекты жизнедеятельности горожан разместились в жилых массивах Абая.

Жители Абая проводили праздничные мероприятия на центральной площади, построенной на улице Ленина. Памятник В.И. Ленину, как обязательный атрибут и маркер советского города, был воздвигнут напротив Дома культуры горняков. Недалеко от здания располагались парк и стадион. В благоустройстве города, его озеленении принимали участие все жители г. Абая. И в больших областных центрах, и в малых городах благоустройство и озеленение, чистота и уборка мусора были не на коммунальных службах, а на плечах самих горожан. Горожане убирали мусор и листву, красили заборы, вскапывали газоны, ремонтировали лавочки, благоустраивали детские площадки. Это считалось не только совместным коллективным трудом на благо общества, но и трудовым воспитанием молодёжи, общением соседей по дому или в рабочем коллективе. Во многом это действительно способствовало выработке коллективистской психологии. Рабочие коллективы предприятий города брали шефство по уборке и благоустройству городских улиц и микрорайонов, такого рода работы носили принудительно-добровольный характер. Те из советских граждан, кто выражал недовольство бесплатным характером такого рода работы и массовыми субботниками, подвергали всеобщему осуждению и порицанию. Для советских людей в целом, и казахстанцев в частности, ответственность горожан за уборку и чистоту города казались вполне естественным состоянием. Результатом такого рода совместной работы были асфальтированные дороги и тротуары, освещенные улицы, высаженные деревья и кустарники, зеленые дворы и скверы.

Гордостью горожан стали высаженные их руками кусты, деревья и клумбы разнообразных цветов на аллеях, в парковой зоне города. Абай сами горожане называли оазисом в степи. Так, бывшая жительница города Абая С.К. Кубасова вспоминает: «Дворы города были благоустроенные. Я могу судить по своему и соседскому двору. У нас был очень хороший двор: угловой дом постройки 1950-х гг., разбиты цветники, обустроенные площадки для занятия спортом: турники, теннисный стол, турникеты. Стоял стол для игры в домино, за которым собирались все мужчины в выходные дни. Для маленьких детей имелись песочницы, куда ежегодно завозили свежий и чистый песок. Качели никогда не пустовали. Двор был заполнен детворой, которая играла, бегала, прыгала, смеялась от удовольствия. Стоял звон от детских голосов. Особые звуковые картины создавались жителями города. Люди того времени любили петь хором во дворах и на улицах, во время разного рода застолья и праздников. Бабушки мирно беседовали на лавочках, обсуждали все новости и присматривали за детьми» [29].

Организацию пассажирских перевозок общественным транспортом осуществляло автотранспортное предприятие г. Абая, которое обслуживало 28 автобусных маршрутов. Абай связан автомобильными дорогами с Карагандой, Шахтинском, Саранью. Актуальными для города были проблемы финансирования, текущего ремонта дорог и коммунальных сетей, переполненности автобусов в часы пик.

Среди малых городов Центрального Казахстана – г. Шахтинск, его официальная дата рождения – 15 августа 1961 г. Архитектор Л.Е. Воробьёв составил генеральный план строительства города, градостроительный документ был утверждён на следующий год [30, с.3]. Генеральный план предусматривал разделение территории Шахтинска на три отдельные зоны – промышленную, жилой застройки и зону обслуживания нужд города. В 60-е гг. XX в. закладывался

образ растущего промышленного города. Главным отличием Шахтинска от ряда городов Центрального Казахстана стал отказ от системы размещения горожан в непосредственном соседстве с вредным производством (что было редкостью в тот период). В конце 1960-х гг. были внесены изменения в план развития Шахтинска: было предложено строительство города по ленточному принципу. Первые квартирные дома заложили центр города. Появились улицы – Ленина и Торговая, на пересечении которых была создана площадь, где разместились магазины, кинотеатр, столовая, больничный городок и здания администрации. Постепенно решались проблемы с теплоснабжением, водоснабжением и транспортом. По воспоминаниям старожилов Шахтинска, для доставки на шахты рабочих из Караганды, Долинки или из Актаса, даже в морозные дни, использовали долгое время крытые брезентом автомобили [30, с 3]. В 1960-е гг. в полосе р. Тентек развивалась зона промышленности, у р. Шерубай-Нура – кварталы горожан [30, с.3]. К этому времени улица Ленина расширилась, стала центральной, добавились новые улицы, проспекты и кварталы. В центре города был разбит парк. Он был посажен руками горожан на проводимых субботниках. Например, из каркаралинскогогорно-лесного оазиса привезли и посадили сосны [31, л.76].

Таким образом, в рассматриваемый период в благоустройстве городов Центрального Казахстана произошли значительные изменения. Облик всех городов формировался под воздействием единой градостроительной политики советского государства, основанной на принципе регулярности и акцентировании фасада улиц и площадей. Проектирование промышленного и городского строительства проводилось лучшими советскими архитекторами гг. Ленинграда и Москвы в тесном сотрудничестве с местными проектными институтами. Массовая застройка сопровождалась формированием микрорайонов. Возводились не только новые районы, реконструкции подлежали старые части городов. Караганда, Абай, Шахтинск, Джезказган, Темиртау и другие города Центрального Казахстана формировались на основе существующих рабочих посёлков. Промышленные комплексы создавали базу для расселения и образования городов в регионе, сыграли решающее значение в организации облика городов.

Стремление в середине 1950-х гг. к максимальному удешевлению строительства, обусловило борьбу с направлением в архитектуре, названным исследователями «большим стилем», которое сформировалось в сталинское время и отличалось помпезностью. Решая чисто практические задачи – обеспечение населения жильём, государственные органы удешевили строительство, снизили эстетические требования к архитектуре, нанесли урон её образности. Архитектурное строительство воспринималось с рационалистических позиций и в условиях научно-технической революции выполняло социальный заказ. Первым шагом, ведущим к удовлетворению требований советского индустриального города, был переход на проектирование типовых строений. В оформлении фасадов зданий отсутствовали украшения (лепнина и другие декоративные элементы), характерные для зданий предыдущего, «сталинского» периода. Отсутствие на фасадах декора, предельная упрощенность формы создавали определённую монотонность, одинаковость городского архитектурного пространства. Важной составляющей в организации городского пространства было монументальное искусство, представленное скульптурами советских партийных и государственных деятелей. Их именами были названы улицы и площади городов Центрального Казахстана. Маркером всех советских городов были памятники В.И. Ленину. Однообразие в названиях улиц – свидетельство унификации и в годонимистических особенностях.

Имена известных людей, оказавших влияние на становление и развитие региона, практически не прослеживались; тем более практически не типичен для

центрально-казахстанских городов национальный казахский колорит республики ни в названиях улиц, ни в памятниках, ни в особенностях архитектуры. Архитектурное оформление зданий, памятников в национальном стиле было незначительным, проявлялось малым и фрагментарным включением казахских орнаментов и декоративных элементов. В формировании архитектурного образа городов Центрального Казахстана принимали участие люди таких творческих профессий как архитекторы, художники, оформители, скульпторы, озеленители, дизайнеры.

Благоустройство городов Центрального Казахстана отставало от высоких темпов роста численности городского населения, промышленного и жилищного строительства. Анализ материалов по благоустройству городов Центрального Казахстана в указанные годы позволяет выявить несколько причин нерешенных проблем в этой сфере. Благоустройство городов в середине 1950-х гг. осуществлялось на средства местных бюджетов и по остаточному принципу. В конце 1950-х гг. хотя бюджетные ассигнования на коммунальное обслуживание и обустройство городов постоянно увеличивались, но их все равно было недостаточно, и освоение средств было неполным. Все эти факторы создавали коммунальные, транспортные, инфраструктурные трудности, неблагоприятную санитарную обстановку для горожан. Наибольшие трудности в благоустройстве городов возникали в вопросах, связанных со слабым развитием водопроводных магистралей и канализационных сетей, транспортных услуг. Главными недостатками работы общественного транспорта были перегруженность линий из-за недостаточного числа машин, нерегулярность движения, отсутствие комфорта и чистоты.

Вместе с тем, масштабы работ и качественные изменения по благоустройству городов Центрального Казахстана в 1950-1960-е гг. по сравнению с довоенным периодом возросли. Местное руководство, партийные органы, в условиях недостаточного финансирования, поддерживали порядок и чистоту в городах с помощью административных ресурсов и привлечением горожан к общественным работам в форме субботников и воскресников по уборке мусора и проведения озеленения. Коммунальные службы находили поддержку и помощь у горожан в решении поставленных задач. С позиции местных органов власти благоустройство и работы по озеленению города являлись долгом каждого горожанина и соответствовали политике воспитания социалистического общества. Посадка древесных насаждений, разбивка скверов, очистка дворов, ремонт дворового оборудования и многое другое успешно выполнялись самими горожанами. «Зелёное» строительство сыграло важную роль в благоустройстве и формировании облика городов Центрального Казахстана, в проведении досуга горожан. Города Центрального Казахстана, расположенные в неблагоприятной климатической зоне, показали в рассматриваемый период достаточно высокую степень озеленения. Коренным образом были реконструированы многие улицы и площади, появились десятки новых благоустроенных улиц, площадей, скверов, бульваров. Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов осуществлялись мероприятия по реконструкции коммунального хозяйства, расширению сетей водопровода, канализации, тепло- и газопровода, обновлению городского транспорта, развитию всех служб коммунального хозяйства.

---

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
2. Якушенко О. Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция Западного опыта в Советской архитектуре конца 1950-х – 1960-х годов /Laboratorium, 2016. - № 8 (2). - С. 76–102 / http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article

3. Об устранении излишеств в проектировании и строительстве. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР // Правда. – 1955. – 10 ноября
4. Басс В. Формальный дискурс как последнее прибежище советского архитектора / Новое литературное обозрение, 2016. http://www. nlobooks.ru/node/6998
5. ГАКО.Ф. 661. Оп.1. Д. 715
6. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. –Алма–Ата: Наука, 1989. – 192 с.
7. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра. 2008. – 528 с.
Бараг Т.Я. Караганда. – М. : Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 84 с.
8. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
9. РГАЭ.Ф. 5. Оп.1. Д. 104
10. ГАКО.Ф. 15. Оп.1. Д. 243
11. ГА РФ.Ф. 9477. Оп.1. Д. 521. Л. 28
12. Интервью с Т.А. Алимбаевым (1945 г.р), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
13. ГАКО.Ф. 1233. Оп.1. Д. 6
14. ГАКО.Ф. 1158. Оп.1. Д. 101
15. Интервью с О.Н. Барановой (1945 г.р.), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
16. ГА РФ.Ф. 9527. Оп.1 Д. 4054
17. ГАКО.Ф. 15. Оп.1. Д. 243
18. Интервью с Г.Т. Абдрахмановой, записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2014. 480 с.
19. Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934-2014 годы. – Караганда, 2014. – 480 с.
20 Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj
21. Балхаш: планировка и застройка И.В. Иванова/Под. ред. С.О. Хан-Магомедова – М., 1962. – 114 с.
22. Могильницкий В.М. Темиртау: подвиг в степи. – Караганда: Глассир, 2015. – 268 с.
23. Бондарь А. Историю города предлагают отразить в названиях улиц // Вечерняя газета. – 2010. – 8 сентября
24. ГАКО.Ф. 687. Оп.1. Д. 393
25. Пинегина Л.А. Медный гигант (исторический очерк) / АН КазССР. Инс. истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова: отв. ред.А.Н. Нусупбеков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. –149 с.
26. Бектуров Ж. Далёкое и близкое // Индустриальная Караганда. — 1968. – 16 августа
27. Сардарбек К. Славой овеянный город // Балхашский рабочий. – 2015. – 10 октября
28. Интервью с С.К. Кубасовой (1967 г.р), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
29. Индустриальная Караганда. – 1982. – 10 декабря
30. ГАКО.Ф. 930.Оп.1. Д. 336

3.3. Особенности благоустройства городов в 1970-х – 1991 гг.

В 1970–1980-е гг. благоустройство городов Центрального Казахстана подчинялось потребностям промышленного строительства региона. В первостепенные задачи городов входило не только развитие производства, обеспечение горожан жильём, но и создание архитектурно-пространственной композиции населённых пунктов, реконструкция центральных городских мест, освоение территорий в градостроительной идеологии «микрорайона». Микрорайон

воспринимался как модель «нового быта», продукт научно-технического расчета необходимой жизненной среды, основа которой – предельный рационализм социальной эффективности. Он был главным действующим элементом формирования городской среды, где согласно системе градостроительного нормирования и правилам его застройки предусматривались, с одной стороны, определенная ёмкость комплекса жилых домов, с другой – многоступенчатость инфраструктуры их обслуживания: магазинов, детских и учебных заведений, соцкультбыта, отдыха, спорта, а также различных внутренних общественных пространств [1].

Развитие городов Центрального Казахстана в изучаемый период происходило под влиянием традиций архитектуры хрущёвского времени, увеличения объёмов промышленного строительства, роста численности населения, но в условиях принципиальной смены взглядов на градостроительство. Так, в брежневский период в строительстве и архитектуре, по мнению исследователей, произошло смещение акцентов профессионального сознания из области примата техники в формообразовании к культурно-историческому и средовому контексту. Решение важных, но частных задач, постепенно сменилось комплексным подходом к созданию гуманной среды обитания, обращённостью к конкретным потребностям людей [2, с.425]. Так, в партийных документах эпохи 1970-х гг. акцентировалось внимание на «повышение качества строительства жилых домов, улучшение их архитектуры и внешней отделки, осуществление постепенного перехода к строительству жилья по новым типовым проектам» [3, с.176]. В данной градостроительной политике были подготовлены генеральные планы застройки городов Центрального Казахстана, осуществляемые в рассматриваемый период. Застройка г. Караганды в 1970-1980-х гг. велась на основе Генерального плана, утверждённого ещё в 1968 г. (Центральный научно-исследовательский институт градостроительства (ЦНИИП), г. Москва, архитекторы В. Шквариков, А. Хохлов). Его главная идея – создание единого города, объединяющего исторически сложившиеся и теперь уже благоустроенные районы: Майкудук, Новый город, Пришахтинский. Концепция архитектурно-планировочной застройки г. Караганды базировалась на принципе размещения массового строительства за пределами угольных месторождений в районе юго-востока, создания здесь общегородского центра с комплексами административно-делового назначения, науки, культуры, торгово-бытового обслуживания, зоны отдыха в пойме р. Сакыр на базе искусственного водохранилища. Генеральный план, рассчитанный на 30 лет, вплоть до 1998 г., предусматривал формирование крупных жилых массивов численностью 25-36 тыс. человек, перенесение существующих предприятий за черту города, ликвидацию пришахтных посёлков старого города, реконструкцию, благоустройство и озеленение старых районов Караганды.

Важным градостроительным мероприятием 1970-1980-х гг. явилась реконструкция и обновление Нового города, являвшимся, как и в прежние годы, культурным и административным центром г. Караганды. Особенность данного периода заключается в том, что все работы по реконструкции Нового города велись на основе сложившейся планировочной структуры городского центра, создания градостроительных ансамблей (1978 г., архитекторы Э.Г. Меликов, М. Черкасов, С.И. Мордвинцев, М.О. Жандаулетов), улучшения архитектурного облика города, обеспечения целостности и качества пространственной среды. Архитектурно-пространственная композиция Нового города формировалась как линейно-узловая система, основанная на трёх взаимопересекающихся транспортных магистралях. Проспект Советский, улица «40-летия Казахстана», Бульвар Мира вместе с проспектом Н. Абдирова, образовали бульварное полукольцо. На пересечении

этих улиц и вдоль них были созданы архитектурно-композиционные узлы, представляющие собой системы общественных центров различного направления. Ядром городского центра являлся Советский проспект. Так, на пересечении его с улицей «40 лет Казахстана» в 1970-х гг. завершилось формирование главной административной площади г. Караганды – площади им. 50-летия Октября. Ансамбль застройки площади включал в себя памятник В.И. Ленину В.И. (1975 г., скульпторы Ю.В. Гуммель, Н.А. Лавинский, архитекторы Э.И. Ефанов, Н.И. Былинкин, Э.Г. Меликов, С.И. Мордвинцев), а также зданий Дома Союза и Центрально-Казахстанского геологического управления, расположенных на противоположной стороне проспекта Советского. Строения, решённые в единой градостроительной концепции, поставленные друг к другу зеркально, образовали вход в Центральный парк культуры и отдыха. На центральной площади проводились праздничные парады и демонстрации, массовые митинги, народные гулянья, спортивные выступления.

По проспекту Советскому и бульварному полукольцу были сформированы и другие важные архитектурно-композиционные узлы: центр торгово-бытового обслуживания и спортивно-зрелищного комплекса, привокзальной площади, Летнего театра, Дворца горняков, зданий облисполкома и обкома партии, драматического театра им. К.С. Станиславского и др., связанных бульварами, скверами, пешеходными аллеями. Здания центральной части Караганды, построенные в разные годы, характеризовались единой архитектурно-композиционной цельностью.

В 1970-е – 1980-е гг. в Центральном Казахстане отмечен пик строительной активности. Реализация Генерального плана г. Караганды предполагала массовую типовую жилую застройку её центральной части. Типовые дома, по воспоминаниям сторожил, создавали монотонный силуэт застройки и обезличивали город. Так, бывшая жительница г. Караганды А.С. Ахметжанова заметила: «Архитектурно-художественное оформление Караганды изменилось в связи с застройкой многоэтажными домами. Так, например, дома, построенные в 1960-е гг. по улице Ленина, улице Джамбула, отличались особым архитектурным стилем. Дома-новостройки периода 1970-1980-х гг. построены по типовым проектам, похожи друг на друга, как братья близнецы» [4, с.195]. Для повышения качества строительства и улучшения архитектурного облика города, для эстетического уровня застройка главных улиц и магистралей осуществлялась домами индивидуального проектирования или типовыми зданиями, но с индивидуальной переработкой фасадов [5, с.161]. Карагандинские архитекторы разработали и внедрили проекты жилых крупнопанельных домов самой разной конфигурации и высоты. Строительство велось индустриальным методом с применением готовых панелей, блоков и узлов. Так, первый в республике крупнопанельный 12-ти этажный жилой дом был построен в Караганде по проспекту Н. Абдирова (1976 г., архитекторы Г. Сидоренко, Э. Гуммель). Постройки девяти и двенадцатиэтажных домов изменили характер городского пространства. В 1970- х гг. удельный вес домов повышенной этажности возрос до 35% к годовому объёму вводимого жилья. Многоэтажные строения повысили плотность и компактность застройки, позволили более рационально использовать городские земли. В начале 1981 г. в г. Караганде принял новосёлов шестнадцатиэтажный дом. Высотные здания, выходящие на главные магистрали города, примыкающие к композиционным узлам, были подвергнуты доработке, их облику придали необходимый масштаб, силуэт, пластику. Массовая жилая застройка г. Караганды привела к формированию новых улиц: Гоголя, Герцена, Иманжанова, Гапеева и др. Произошли изменения в топонимике города: улица Силовая стала улицей Аманжолова, Мелькомбинатовская

– улицей Резника, Полигонная – улицей Кузембаева, Торговая – улицей Майлина, Горношахтная – улицей Дзержинского, Спасское шоссе – улицей Советской конституции, Гаражная – улицей Олимпийской. Об этом свидетельствовали таблички и указатели на фасадах жилых домов и общественных зданий. За планировку и застройку центральной части г. Караганды группа архитекторов и строителей (1978 г., Э.Г. Меликов, С.И. Мордвинцев, М.О. Жандаулетов, Н. Блищенко, А. Жигайло, А. Пятрин) была удостоена Государственной премии Казахской ССР имени Ч. Валиханова [6, с.11].

Из-за упадка градообразующих предприятий г. Караганды в конце 1980-х гг. снизились темпы ввода нового жилья, откладывалась на неопределенное время реконструкция намеченных объектов. Так, старая часть города, находящаяся в зоне шахтной подработке, сохранила облик шахтёрской слободки – застроена одноэтажными домами индивидуальной планировки с небольшими садово-огородными приусадебными участками.

В 1970-1980-х гг. площадь города г. Караганды составляла порядка 49 тыс. га. К концу этого периода территорию города сформировали четыре крупных жилых массива: Новогородской, Юго-Восточный, Майкудукский, Пришахтинский. В перспективе Новый город должен был соединиться с Юго-Востоком – прообразом шахтёрской столицы завтрашнего дня. В 1970 г. архитекторы Э. Гуммель, Р.Т. Смаилова, А.В. Ермолаев, С.И. Мордвинцев, В.В. Жерновский, А.А. Щеголихин разработали проект застройки основного градостроительного образования г. Караганды – Юго-Восточного планировочного района. В следующем году здесь были построены первые жилые дома. В 1970-1980-е гг. в Юго-Восточной части города были возведены микрорайоны №27, 28, 29, 30, Орбита-1», «Гульдер-1» и «Гульдер-2», жилой массив «Степной», состоявший из четырех микрорайонов, дома по улице Волочаевской. Микрорайоны были поделены на самостоятельные образования – мини микрорайоны по 8-10 тыс. жителей [7, л.57]. В этот период на Юго-востоке появились улицы: Муканова, Сатыбалдина, Карбышева, Язева, Спасское шоссе, Университетская, проспект Строителей и проспект Шахтёров.

Юго-Восток города был выбран в качестве экспериментальной площадки для внедрения новых архитектурно-строительных идей, учитывающих неблагоприятные природно-климатические условия Центрального Казахстана. Так, блок-комплектный метод проектирования и строительства позволил улучшить и разнообразить типовую панельную застройку домов с помощью лоджий, парапетов, ограждений, летних сушилок, стекла, сочетания зданий различной этажности, мелкой пластики наружных стеновых панелей, цветового оформления. В жилых домах микрорайона «Орбита» (1983 г.) стены поэтажно были окрашены в разные цвета, утемняющиеся книзу. Обводящая полоса и уступы глухого ограждения балконов выделены белым цветом [2, с. 578]. Архитектурным достоинством новых микрорайонов было присутствие цветного цемента, декоративной штукатурки и ярких облицовочных плит. Специфической пластикой фасадов отличались крупнопанельные жилые дома новой серии 97 с применением блок-комплектного метода строительства, созданные в 1981 г. группой архитекторов и инженеров отдела экспериментального проектирования института «Карагандагражданпроект» под руководством А. Гостева (архитектор С. Мордвинцев, инженеры Э. Гуммель, А. Мельников). Так, рисунок фасада зданий обогатили различные композиции – вертикальные, горизонтальные, смешанные и в «шахматном» порядке. Предлагаемая методика улучшения архитектурно-художественной выразительности крупнопанельных домов стала частью программы «Фасад», распространенной в 1980-е гг. по всей республике [8]. Новые городские микрорайоны, рапортовали руководители коммунальных

служб, строились с учётом накопленного опыта: сначала выполнялись работы по проведению коммуникаций – по сооружению водопровода и теплотрасс, только потом приступали к возведению домов [9, л.57].

В композиционном отношении застройка микрорайонов Юго-Востока осуществлялась замкнутыми и полузамкнутыми дворовыми пространствами, защищавшими от сильных ветров, пыльных бурь, снежных заносов и шума. В них выделялись специальные зоны: отдыха, занятий спортом и хозяйственная зона. Магазины – продовольственные и небольшие промтоварные разместились у основных входов в микрорайон, у остановок общественного транспорта. Детсады, ясли, школы были возведены внутри жилых кварталов. Для максимального удобства горожан были построены индивидуальные подземные гаражи, а у въездов в жилые кварталы были установлены дополнительные открытые автостоянки.

В 1970-х гг. впервые вопросы благоустройства советских городов были поставлены на государственном уровне. В «Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг.» указывалось на необходимость «расширить работы по благоустройству населенных пунктов и улучшению коммунального обслуживания населения» [10, с. 78-79]. В обозначенные годы на благоустройство г. Караганды было израсходовано более 25 млн. руб. Рост численности населения, индустриальное и городское развитие Караганды, возросшие потребности горожан, несмотря на существенные государственные вложения, опережали темпы строительства коммунальных систем. За период 1976-1979 гг. коллективом треста «Карагандажилстрой» было освоено строительно-монтажных работ на 300 млн. руб., запущено в эксплуатацию 19,5 км магистральных тепловых сетей [11, л.5]. При плане строительно-монтажных работ в 1980 г. – 52,8 тыс. рублей, фактически было освоено только 8,7 тыс. рублей [12, л.31]. Перегруженность инженерных сетей приводила к высокой аварийности и дискомфорту горожан. В течение только одного года – 1980 г. в адрес Городского комитета партии и исполкома городского Совета народных депутатов г. Караганды поступило 220 писем по вопросам обеспечения жилого сектора теплом, газом и водоснабжением [12, л.30]. Для эффективного решения вопросов теплоснабжения жилых домов при горисполкоме была создана оперативная группа. Критическая ситуация в коммунальном хозяйстве города вынуждала регулярно включать в повестку дня заседаний партийных и государственных органов Караганды вопросы, касающиеся коммунальных удобств горожан, принимать меры для их реализации. Так, Бюро обкома Компартии Казахстана и облисполкома 8 апреля 1980 г. приняло постановление: «О мерах по обеспечению горячего водоснабжения жилья и культурно- бытовых условий города Караганды в 1980-1982 гг.» [12, л.29]. Планировалось поэтапно подключить дома к системе горячего водоснабжения с установкой терморегуляторов: 1980 г. – в 148 домах, 1981 г. – в 290, 1982 г. – в 290 домах. Каждый дом был закреплён за отдельными промышленными предприятиями и организациями. Всего для перевода на горячее водоснабжение домов было привлечено 113 предприятий города. Большая часть из них не обеспечили выполнение решений исполкомов и показали безразличное отношение к существующей проблеме. Так, в Советском районе г. Караганды 33 организации из 38 предприятий не приступили к работе, в Ленинском районе – 32 организации из 37 предприятий и в Октябрьском районе – 31 организация из 39 предприятий не выполнили свои обязательства. Если в 1980 г. было переведено 167 домов на горячее водоснабжение, то в 1981 г. – всего 57 домов из 290 запланированных зданий. Невыполнение задания руководители предприятий мотивировали отсутствием материалов и внеплановостью работ. Так, в 1981 г. подрядные организации по реконструкции сетей, комбинат «Шахтастрой», трест «Карагандажилстрой» и

другие проигнорировали поручения руководства города, ссылаясь на отсутствие этих работ в плане [12, л.29]. В 1981 г. строительными организациями г. Караганды была запланирована и выполнена реконструкция 20 км внутриквартальных сетей, 18 локальных котельных, ликвидация 32 котельных. Теплоснабжением обеспечили жилые массивы Б. Михайловки, 22, 27, 31, 32, 270, 245, 120 кварталы за счёт прокладки дополнительных участков теплотрасс протяжённостью 8 км. Реновация значительно снизила количество жалоб, поступающих от жителей этих районов [12, л.30]. На следующий год объём запланированных работ по реконструкции внутриквартальных сетей составил 33,6 км, но ремонтные работы были выполнены только на участке в 1, 08 км. В 1984 г. в проектном плане города Караганды из-за недостатка финансирования предусматривалось проложить 1,0 км тепловых сетей [12, л.31]. Документы советских архивов фиксируют повсеместное нарушение правил, отсутствие необходимой документации при проведении капитальных ремонтов тепловых сетей. Например, тепловые сети по улице Кирова 270-го квартала местами были уложены без теплоизоляции и антикоррозийного покрытия, без заделки стыков плит перекрытия. Рабочие не провели химическую защиту и тепловую изоляцию на смонтированных четырёх аккумуляторных баках, не осуществили обвязку трубопроводов, монтаж электрического оборудования и баков герметиков на насосной №5 [12, л.31].

Положительным сдвигом в благоустройстве г. Караганды явилась организация в 1985 г. централизованного теплоснабжения от ТЭЦ-1 и ТЭЦ-3, котельных завода «Карагандасельмаш», локальных котельных различных ведомств. Ввод в эксплуатацию ТЭЦ-3 позволил ликвидировать 108 мелких котельных, переориентировать работу котельной шахты имени 50-летия Октябрьской революции на газовое топливо [12, л.33]. Большое количество индивидуальных жилых построек способствовало сохранению печного отопления. Так, в 1980 г. карагандинцам было продано 480 тонн угля. Реализация топлива инвалидам Великой Отечественной войны и ветеранам вооружённых сил СССР производилась со скидкой 50% и с доставкой на дом [13, л.6].

В годы перестройки тепловые сети, несущие тепло от станций, не пропускали достаточного количества сетевой воды, так как сроки реконструкции магистральных сетей и насосных станций давно прошли, но в бюджете города отсутствовали средства. Так, в 1986 г. на трассе ТЭЦ-3 в трубопроводе появились сквозные отверстия размером с копеечную монету. К 1988 г. процесс коррозии распространился на микрорайоны – Восток 1, 2, 3, в 1989 г. – на 19-й микрорайон и Степной 2 [14, л.23]. Для улучшения теплоснабжения Юго-Восточного района Караганды в 1989 г. были введены в эксплуатацию 4 насосные станции в 27, 28, 29- м микрорайонах [15, с.2]. В 1989 г. производственное объединение «Облтеплокоммэнерго» оформило акты готовности тепловых сетей к отопительному сезону только на 71,7% и систем теплопотребления – 78,2%. Отдельные коммунальные предприятия и организации своевременно не подготовили жилой фонд, объекты соцкультбыта, тепловые сети, котельные к работе в зимних условиях. По этой причине было допущено значительное количество аварий, связанные с этим потери тепла, излишний расход сетевой воды и повышение температуры обратной воды. Так, в период с 1989 г. по февраль 1990 г. в городе произошло 87 аварий на теплотрассах города. Источники теплоснабжения – ТЭЦ-1 и ТЭЦ-3 в 1990 г. не покрывали дефицит тепла по Караганде. До начала отопительного сезона планировали сдать шесть насосных станций для увеличения давления в тепловой сети. Ни одна станция не была готова к эксплуатации [13, л.38].

Повышению качества городской среды способствовали положительные сдвиги в 1970-е гг, по сравнению с предыдущим десятилетием, в газификации

и освещённости городских улиц в ночное время суток. Так, на начало 1986 г. в Центральном Казахстане протяжённость газопровода составила 306 км, что позволило газифицировать 275 тыс. квартир, [13, л.167]. Для улучшения газоснабжения жилых зданий г. Караганды установили 8 регазификаторов. Все газовые установки вновь строящихся домов выполнялись в утеплённом варианте. С 1975 по 1985 г. освещенность городских улиц Караганды выросла на 89,8 %. Протяжённость сетей наружного освещения составляла 190 км и 6900 световых точек [13, л.45].

Показателем степени благоустройства города являлось его санитарное состояние. Так, долгое время г. Караганда испытывала острый дефицит хозяйственной воды, связанный с малыми мощностями инженерных сооружений в системах водоснабжения и канализации. В справке от 20 мая 1975 г. «О неотложных мерах по улучшению санитарного состояния городов, городских посёлков и сельских населённых пунктов и предупреждению инфекционных заболеваний населения» отмечены недостаточные темпы реконструкции очистных сооружений завода отопительного оборудования, связанные с тем, что из 400 тыс. рублей было освоено лишь 127 тыс. рублей. Не было завершено строительство сооружений по биологической очистке сточных вод г. Караганды мощностью 233 тысяч кубометров [4, с.71]. К концу 1970-х гг. на шахтах г. Караганды были построены водоочистные комплексы, которые позволили повторно использовать воду для технических нужд, снизить расход питьевой воды и сброс, загрязняющий реки, водоёмы и грунтовые воды. В 1980 г. в городах Центрального Казахстана была внедрена схема санитарной очистки канализационных стоков дворов. В г. Караганде было построено 33 км магистральных отводящих коллекторов канализаций. Стоки Нового Майкудука были направлены на площадку очистных сооружений Нового города, стоки Пришахтинска – на очистные сооружения завода резиновых технических изделий. Для полной биологической очистки стоков в 1982 г. в г. Караганде были введены очистные сооружения мощностью 233 тыс. м³ воды в сутки. Протяжённость канализационных сетей города составила более 420 км [16, л.8]. Отсутствие финансирования коммунального хозяйства Караганды в перестроечное время привело к массовым авариям и загрязнению окружающей среды. Так, только в 1990 г. в городе произошло пять аварийных залповых сбросов производственной воды в природные водоёмы, материальный ущерб от которых составил 351,2 тысяч руб. Потери воды при транспортировке составили 125 млн. кубических метров. Продолжалось загрязнение водоёмов производственными и коммунальными сточными водами [13, л.38].

В 1970-е гг. в аварийном состоянии находились магистральные сети водоснабжения г. Караганды, обеспечивающие горожан питьевой водой. Так, Джартасский водовод по лимиту должен был давать 33,4 тысячи куб. метров воды, а фактически город получал только 24 тысячи куб. метров в сутки. После комплексной проверки деятельности Министерства коммунального хозяйства в 1982 г. были отремонтированы и восстановлены зоны санитарной охраны на 20 водопроводах, очищены и отремонтированы 172 водоколонки. В Центральном Казахстане в это время было промыто и прохлорировано 185,5 километров водопроводных сетей и 32 резервуара. Регулярная промывка и дезинфекция водопроводных сетей и сооружений улучшили санитарно-техническое состояние водопроводов и качество подаваемой горожанам питьевой воды [4, с.110-111]. В «горбачёвский период» водопроводные сети и резервуары г. Караганды находилось в плачевном состоянии. Типичные проблемы, с которыми столкнулись в это время горожане, отразило письмо ветерана труда З.И. Лобачевой, направленное в 1987 г. в газету «Индустриальная Караганда». Автор письма

обратилась с просьбой посодействовать в нормализации обеспечения жителей дома водой, которой периодически не бывало. Жительница отмечала, что подвал на протяжении ряда лет заливало водой, постоянно отключали электроэнергию и отопление [17, с.2].

Для обеспечения должного санитарного состояния городов Центрального Казахстана в те годы использовались съёмные мусоросборники – контейнеры с объёмом 0,75 кубометров. Так, за 1979 г. коммунальные службы отремонтировали и установили в регионе более 916 контейнеров для мусора, 50 надворных туалетов, ввели бригадно-кольцевой метод уборки мусора по скользящему графику [16, л.9]. В перестроечный период ухудшилось санитарное состояние дворов и улиц г. Караганды. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания, письма горожан в редакцию областных и городских газет, обращения к местным властям о существующих проблемах. Так, жители улицы Муканова писали, что «дворники утром и вечером усердно убирают мусор, а нерадивые жильцы будто и не замечают чужой работы. Сядешь вечером на скамейку и видишь, как с балконов вытряхивают половики, выбрасывают мусор» [18, с.2].

Сложности с финансированием работ по благоустройству микрорайонов г. Караганды, приводили к тому, что чистотой и озеленением дворов занимались сами жильцы. В городе формировались общественные комитеты, которые привлекали горожан к благоустройству дворов, организовывали «декады и месячники», субботники, воскресники по санитарной очистке территории, по её озеленению. Так, в 1988 г. при карагандинских УЖКХ были созданы 300 общественных комитетов, в том числе 135 домовых, 90 уличных, в работе которых принимали участие 100 активистов-общественников. Они отремонтировали в Советском районе города около 100 горок, качелей, каруселей на детских игровых площадках, посадили тысячи деревьев и кустарников [19, л.7].

Неприглядный вид имели некоторые центральные улицы и проспекты г. Караганды, на которых велись ремонтные работы. Неблагоустроенными были окраинные улицы города – Речная, Баженова, Новонижняя, Прогресса, Защитная, Доватора. Так, по улице Баженова через реку Букпу был построен мост, но старый в полуразрушенном состоянии остался рядом, русло речки замусорили, вместо неё образовалось болото. По улице Прогресса не было ни одного ливнеотвода, на месте снесённых домов образовывались свалки. В трёх километровом кольце вокруг Караганды не было гектара земли без свалок [20, с.2].

Проведённые интервью с карагандинцами позволяют проследить разное восприятие ими уровня советского благоустройства в 1970-1980-е гг. с обычных житейских позиций. Интервью наглядно показывают существенные детали советского коммунального хозяйства, которые обычно не отражались в официальной документации. Так, по воспоминаниям И.Н. Осиповой «в то время везде был порядок и коммунальные службы работали без сбоев. Службы уборки города работали на «ура», все было чисто, сами горожане не вели себя невежественно. Дворники были хранителями дыхания города. Улицы и тротуары обязательно чистились от снега, в гололедицу улицы с самого раннего утра посыпались песком. Владельцы частных домов и коммунальные дворники проводили уборку до выхода людей на работу. За этим строго следили городские власти. Дворниками работали мужчины и женщины, они не имели специальной одежды, но носили фартуки тёмного цвета. Коммунальные дворники получали служебные квартиры, многие по этой причине держались за эту работу. С благоустройством дворов были проблемы – мало детских площадок, но везде были поставлены деревянные лавочки, покрашенные в зелёный цвет. Освещение города было одной из немногих существовавших тогда проблем. Освещены были только центральные улицы, а

дворы оставались в темноте. С водой не было никаких проблем, я даже не помню, чтобы ее отключали. Качество воды было высшим, ее можно было пить прямо с крана, не боясь за свое здоровье. Дома отапливались настолько интенсивно, что без страха люди открывали окна в домах даже зимой. С подачей света тоже не было проблем. В советское время люди редко жаловались на качество услуг» [4, с.206-207].

По мнению В.С. Семёнова «жилищно-коммунальные службы работали ежедневно, в их обязанности входило: чистить дороги, закапывать ямы, заниматься благоустройством территории, ликвидировать аварии. Со своими задачами, как мне кажется, они справлялись и работали хорошо. В зимнее время в горкоме партии работал штаб, который следил, чтобы в квартирах было тепло. У каждого жителя был список телефонов, по которым он мог в любое время суток дозвониться до любого специалиста и решить возникающие вопросы. Дворы города были благоустроены. У каждого подъезда были лавочки, покрашенные масленой краской в зелёный цвет. Во дворах были разбиты клумбы, палисадники, огороженные деревянными штакетниками. Центром двора являлась детская площадка, на ней размещались песочницы, турники, качели. Дворы и улицы города регулярно убирались, но за чертой города, на окраинах были свалки. Мусор скапливался также у киосков по продаже пива. Здесь могли валяться битые кружки, окурки, шелуха от семечек, рыбная чешуя, раковые панцири. Каждый день любители пива оставляли за собой гору мусора, неприятный запах и рой мух. Во дворах было мало контейнеров для мусора, часто они были переполнены. Горожане старались не разбрасывать мусор, большую роль играло общественное порицание. Человеку, который мусорит, делали замечание. Все жители дома лично знали дворника, уважительно к нему относились. Были среди них и мужчины, и женщины. Одевались они довольно просто. Часто поверх одежды надевали черные или темно-синие халаты, как на уроках труда» [4, с.209].

По воспоминаниям А.С. Ахметжановой «жилищно-коммунальные службы работали слажено. Во всех дворах стояли контейнеры для мусора, которые ЖКХ рано утром вывозили. Специальные машины подметали и мыли тротуары, а зимой убирали снег. В каждом дворе был дворник, который работал с раннего утра до самого вечера. Дворники имели униформу, атрибутом их профессии была метла. В вечернее время город был освещён стандартными фонарями и светильниками, которые крепились на специальные столбы. Бульвар Мира был освещён яркими лампами, там было всегда светло. Караганда была полностью обеспечена водой. Качество воды находилось под постоянным контролем городской и партийной власти. Прорыв труб или другие аварии быстро устранялись. В общежитие, в котором я проживала, всегда было тепло. Поэтому, считаю, что тепловые сети города в 1970-1980-е годы находились в хорошем состоянии. Энергообеспечение города было хорошим, отключения света не помню» [4, с.195].

В 1970-1980-х с ростом численности населения, развития промышленности, строительства жилья особо остро проявилась проблема транспортировки пассажиров внутри городов Центрального Казахстана. Главными магистралями Караганды были проспекты Советский, Ленина, Абдирова, Бульвар Мира, улица Кирова, Гоголя, Дзержинского и Джамбула. Общественный транспорт в городе был разнообразный: автобусы, троллейбусы, трамваи и такси. Трамвайная эксплуатационная линия региона охватывала 79,2 км и обслуживалась 70 пассажирскими вагонами, троллейбусный путь в 68,4 км располагал 80 единицами машин [21, л.33]. Протяжённость действующей трамвайной линии уменьшилась на 10,2 км, подвижной состав – на 4 вагона. В Караганде трамвайное полотно находилось в крайне ветхом и аварийном состоянии вследствие горных шахтных

подработок. Трамвайный парк состоял из поездов, устаревшей марки «КТМ-1», снятой с производства. Их сменили на новые, более удобные для пассажиров, усовершенствованные по механизации управления марки машин «КТМ- 5М3» и «ЛМ-68» [21, л.34].

Протяжённость троллейбусных эксплуатационных путей к 1981 г. наоборот возросла на 11% и составила 68,4 км. Парк машин постоянно обновлялся более современными троллейбусами. Так, в 1973 г. на улицы Караганды вышли шесть новых троллейбусов «ЗИЛ-9». Их отличали бесшумность и повышенная надёжность в эксплуатации. В это время действовало уже восемь троллейбусных маршрутов. В 1980-х гг. троллейбусный парк пополнился троллейбусами марки «ЗИУ-9» в количестве 33 единиц. К 1985 г. на 6 троллейбусных маршрутах работало 63 троллейбуса на протяжённости линий 62,7 км. [21, л.34]. В новых троллейбусах уже не было мягких кресел, обшитых коричневым дерматином, их заменили разноцветными пластмассовыми сиденьями, прозванными горожанами «ракушками». Остекление салона стало обширное, детям было интересно смотреть в окно. В гололедицу транспортные линии давали сбои, увеличивался интервал движения транспорта.

Вопрос обслуживания пассажиров в регионе решался за счёт развития автобусных маршрутов и роста численности автобусного парка. С 1971 по 1980 гг. протяжённость автомобильных трасс увеличилась на 296 км. Услугами автобусного сообщения ежедневно пользовалось около 500 тыс. горожан [13]. Карагандинское автоуправление располагало парком из 6,4 тыс. автомобилей, 32% из них – морально и физически устарели. В 1980-х гг. автобусный парк города пополнили современными для того времени транспортными средствами, открыли 40 новых маршрутов. Автобусы были нескольких видов: ЛИАЗы, ЛАЗы, ПАЗы. ЛИАЗы – автобусы на 20 пассажиров, имеющие узкий и неудобный салон, отличающиеся серо-синей расцветкой. ПАЗы – малогабаритные автобусы, имеющие удобные сидения. В салоне двери открывались по типу «гармошки». Салоны ЛАЗов были оснащены мягкими сидениями, двумя дверьми – передней и задней [4, с.208]. К началу 1982 г. протяжённость автобусных маршрутов достигла 2688 км и обеспечивалась 2064 единицами машин. Долгое время автомобильная связь между центром города и Юго-Востоком осуществлялась по Фёдоровскому мосту и мосту на улице Гоголя. В феврале 1983 г. был запущен путепровод, соединивший Советский проспект с улицей Букпинской и далее – через улицу Волочаевскую – с проспектом Строителей. В честь открытия моста в г. Караганде состоялся митинг общественности города. Автобусный маршрут № 11 связал центр города с новостройками Юго-Востока и его автостанцией, построенной в 1986 г. Транспортная линия Юго-Востока проходила по проспектам Строителей и Шахтёров, улицам Советской конституции, Волочаевской и Муканова. Удельный вес перевозок пассажиров автобусами составлял 92% от общего их числа, только 8% приходилось на электротранспорт [21, л.33].

Строительство подземного перехода по проекту, разработанному институтом «Карагандагипрошахт» (1976 г., гл. инженер проекта А.Я. Снитовский), позволило упорядочить интенсивное движение автотранспорта на главной магистрали г. Караганды – проспекте Советском напротив Центрального универсального магазина. Новацией городского коммунального транспорта была его работа без кондуктора. Пассажир общественного транспорта опускал в ящик с прозрачной крышкой копейки и отрывал билет, соответственно: в троллейбусе – 4 коп., в автобусе – 5 коп. В каждом автобусе стоял автомат, в который нужно было бросить монетку и покрутить ручку, затем из специального окошка «выезжал» билетик. Особенно эта процедура нравилась малышам. Транспорт без кондукторов работал

длительный период времени. Дешевизна стоимости поездок толкала владельцев автомашин ездить на работу на автобусе. Автолюбители использовали свой транспорт в выходные дни и в отпуске [22]. В 1982 г. двадцать тысяч горожан Центрального Казахстана ездили на автомобилях «Жигули». Ежегодный прирост автомобилей составлял более 3 тысяч автомобилей [9, л.9].

В 1985 г. общая протяжённость автомобильных дорог в Центральном Казахстане составила 4684 км, в том числе – 2111 км с твёрдым покрытием. Для дорог г. Караганды были характерны виды покрытия: асфальтобетонное – 140 км, чёрное щебёночное – 360 км, щебёночное – 1402 км. Основными дефектами дорожного покрытия были выбоины, ямы, разрушение кромки чёрного покрытия, щебёночного полотна, размывки резервов и русел водопроводных труб [21, л.93]. На ряде улиц при их ремонтах были завышены обочины, многие колодцы и ливнеприёмники наоборот были занижены по уровню к дорожному покрытию, что быстро разрушало проезжую часть. Последствия шахтных подработок отражались на состоянии дорог города, но восстановительные работы предприятиями угольной промышленности не проводились. В г. Караганде постоянно происходили водопроводные аварии, которые влияли на разрушение дорожного покрытия. Особенно в запущенном состоянии находились автотрассы Карабас – Джартас – Долинка, Шахтинск, Молодёжное, Сарань – Шахтинск [21, л.93]. Водитель автобуса А. Сидоров жаловался: «Ездишь как каскадёр. Не успеваешь увернуться от одной ямы, как тут же попадаешь в другую» [18, с.2]. Водители сетовали не только на плохие дороги, но и на перебои с горючим и отсутствие запасных частей, комплектующих, частые поломки машин из-за высокой изношенности. Так, например, автоуправление на 1 квартал 1982 г. по фондам планировала выделить 2040 шин, из которых было получено всего 300. Только в апреле 1987 г. из-за неудовлетворительного состояния дорог был не выполнен 6531 рейс [21, л.17]. В г. Караганде долгое время не был организован транзит грузового транспорта, потоки автомобилей курсировали через жилые массивы Михайловки, Майкудука и Юго-Востока. Прирост объёма грузооборота в 1981 г. составил 5,5%, в 1982 г. увеличился на 8%, в том числе угля – 11% [7, л.120]. Кольцевые развязки приводили к образованию пробок в часы «пик». Караганда была одним из немногих крупных городов, где долгое время не было объездных магистралей. К середине 1980-х гг. для уменьшения выхлопных газов автомобилей было запрещено движение грузового транспорта по центральным магистралям городов Центрального Казахстана [7, л.123]. Объездные дороги были построены от аэропорта до Майкудука и Караганды-Сортировочной, в сторону г. Темиртау. Междугородние маршруты были выведены на автодорогу, проходящую по малонаселённым районам [23, л.123].

Во всех воспоминаниях карагандинцев встречаются сюжеты, связанные с состоянием дорог и транспортным обслуживанием. В.С. Семёнов: «Дороги были заасфальтированными только в центральной части Караганды, а на окраинах города было много ям и ухабов. Дороги строили узкие, по бокам их обрамляли бордюры. Дорожное полотно было некачественное, поэтому дороги часто ремонтировали. Площади перед партийными и общественными зданиями укладывали плиткой. Для пешеходов были предназначены широкие тротуары, но пешеходных зон было недостаточно. Кабины водителей автобусов были украшены фотографиями киноактрис. Многие шофёры брали в дорогу икону Николая Чудотворца – он считается покровителем водителей. В автобусах старались поддерживать чистоту: подметали и мыли пол, окна. На окнах висели ситцевые занавески. Зимой салон обогревали калориферами. Чем больше был двигатель, тем теплее было в автобусе. В холодное время года пассажиры старались занять задние места в салоне – это были самые тёплые места. Более комфортным транспортом был трамвай.

Например, моего брата сильно укачивало в автобусах, а в трамвае он чувствовал себя хорошо. Я бы сравнил трамвай с поездом – двигался по рельсам, салон широкий и окна большие. Трамваи были окрашены в красно-жёлтый цвет. Работал городской транспорт по графику, без кондуктора. В салонах были установлены аппараты с билетами, сам пассажир бросал монету и отрывал билет. Такой подход был рассчитан на сознательность и совесть горожан. Стоимость проезда была доступной для всех жителей города: трамвай, троллейбус – 3 копейки, автобус – 5 копеек, автобус-экспресс – 20 копеек» [4, с.208].

А.С. Ахметжанова: «Я оцениваю качество дорог в это время положительно. Не было ежегодных ремонтов дорог, так как их качество было очень хорошее. Дороги были сделаны прочно и покрыты асфальтом, но проезжая часть была узкой. Тротуары строили широкие. Транспорт в городе был разнообразный: автобусы, троллейбусы, трамваи – всё советского производства. Старые трамваи ходили в Майкудуке. Машин было очень мало, маршрутных газелей не было. Городской транспорт ходил исправно, не было пробок. Горожане всегда были довольны работой городского транспорта. На остановках висели таблички с номерами автобусов и маршрутом их движения, временем прибытия, пассажиры не стояли долго на остановках. Автобусы были чистые, сами пассажиры соблюдали порядок, не было давки и переполненных салонов автобуса. В троллейбусах и в некоторых автобусах кондукторов не было, а стояли кассовые аппараты. Пассажиры добросовестно оплачивали проезд. Стоимость проезда в троллейбусе и автобусах составляла 5 копеек. Она была доступной для всех, в том числе и для студентов. Кондукторы были всегда вежливы и аккуратно одеты. Автобусы всех маршрутов боролись за звание «лучший маршрут», старались завоевать знамя «социалистического труда»» [4, с.194].

И.Н. Осипова: «Дорог у нас было немного, но они были качественные, строились надолго. По бокам дорог строили бордюры, которые в весенне-летний период белили извёстью. На некоторых центральных улицах города имелись ливневые канализации. Дороги, тротуары, площади, пешеходные зоны были покрыты серым асфальтом. По городу курсировали автобусы «Икарусы», троллейбусы и трамваи. Работал общественный транспорт отменно, все маршруты были обеспечены автобусами, а главное персонал был приятный, вежливый. На тот момент состояние транспорта было хорошее. Транспорт работал до 12 часов ночи, обслуживая как дневные, так и ночные смены промышленных предприятий и шахт. Билеты были дешевые – 5 копеек за проезд, доступны они были абсолютно всем. Кондукторами были женщины, которые носили тёмно-синие костюмы и красили губы красной помадой. Элементом одежды водителей была тёмно-синяя фуражка и солнцезащитные очки. Парк такси был мал, стоимость проезда на такси – сущие копейки» [4, с.206].

Проблемы в работе городского транспорта отражены в официальном отчёте Карагандинского пассажирского производственного управления за 1987 г. для Карагандинского Обкома Компартии Казахстана. Так, в отчёте отмечено: «Регулярность движения автобусов на маршрутах общего пользования обеспечена в городском транспорте на 88,6 %; пригородном – на 92,4%, в международном – на 94,4%» [21, л. 7]. За сухими цифрами стояли реальные проблемы горожан. Так, житель микрорайона «Орбита» А. Исаев обратился в Исполком Карагандинского областного Совета народных депутатов с жалобой на срыв графиков движения автобусов: «Я работаю на 22 шахте. Езжу на работу на автобусах маршрутов № 29 и 49э. 3 января 1987 г. я простоял на остановке ровно 45 минут. Автобуса не было с 6 часов 45 минут до 7 часов 30 минут. Потом подошёл 49э, так его люди штурмом брали, очередь ведь накопилась больше, чем в вино - водочный

магазин. А я опоздал на работу. И кого винить – водителей? Или руководство?» [18, с.2]. Проблемы транспортного обслуживания г. Караганды были характерны в то время и для других рассматриваемых нами городов Центрального Казахстана. Так, аналогичную ситуацию описал житель г. Темиртау М.А. Кажигулов: «Утром автобусы были переполнены, а надо было вовремя успеть на смену на завод. Трамвай от остановки Старого города до остановки Карагандинского металлургического завода ехал больше часа. Когда я работал в первую смену, то вставал в пять часов утра. Лучше жить ближе к тем предприятиям, где работаешь, чтобы не опоздать на смену» [4, с.200]. Старожил Темиртау Л.И. Грекова добавила: «Автобусы нуждались в ремонте, их было недостаточно. В часы пик автобусы были буквально забиты пассажирами, находясь на маршрутах по 12-14 часов. Приходилось ждать автобус и трамвай по 15-20 и более минут» [4, с.196]. Немало было жалоб пассажиров из гг. Караганды, Темиртау, Абая, Джезказгана на неряшливый вид автобусов. Салоны были «украшены» портретами полуголых девиц, значками, вымпелами, сувенирами, играла музыка, которую любил водитель, но она не всегда была по душе пассажирам [18, с.2]. Нередко в салонах автобусов было грязно, стоял неприятный запах бензина или выхлопных газов. Во многих автобусах и трамваях отсутствовали таблички с фамилиями водителей, таблицы стоимости проезда, схемы маршрута, правила поведения пассажиров [4, с.196]. Инвалид войны П. Карташов из г. Балхаша сообщал в своей жалобе: «Трудно понять порой, в какой автобус садишься. Сбоку – один трафарет, сзади – другой. Пока гадаешь – двери закрываются. И ещё одно замечание. Почему в салонах убрали таблички с надписями: «Места для инвалидов», «Для пассажиров с детьми»? С такими табличками конфликтов было бы меньше» [18, с. 2]. Много жалоб поступало из г. Шахтинска. Так, местные жители – И. Иванов и В. Денисенко писали о скоплении громадных очередей на автовокзале: «В нашем городе больше ста тысяч жителей. А транспорт работает на уровне захудалой деревушки. Например, днём с огнём не найдёшь такси [18, с.2]. 59-летняя инвалид Т. Сутягина из г. Джезказгана сообщила о недостойном поведении контролёров. «Я почти оглохла, – пишет она – села в автобус, хотела попросить кого-нибудь пробить талон, а тут контролёры. Как они не унижали меня, чуть из автобуса не выкинули. Хорошо, пассажиры заступились. Было так обидно, слезами дома умывалась» [18, с.2]. Главным недостатком транспортного обслуживания в 1970-1980-е гг., как и в прошлые годы, отмечали жители городов Центрального Казахстана, было несоблюдение графиков движения транспорта, продолжительные интервалы его ожидания, переполненность в утреннее и вечернее время.

Под контролем городской власти находилось озеленение г. Караганды. В газетах того времени писали: «Наш город должен иметь много зелени. Это очень важно и необходимо для культурного отдыха трудящихся. Необходимо привлекать к зелёному строительству широкую общественность, прежде всего комсомольцев. Работы по озеленению проходили весной и осенью. Горожане стремились превратить Караганду в город – сад» [24, с.3]. Караганда уникальна тем, что весь ландшафт здесь создавали руками человека – в первую очередь это сотни тысяч высаженных деревьев. Так, в 1976-1980-е гг. на посадку и содержание зелёных массивов было израсходовано свыше 10 млн. руб. За эти годы было высажено более 600 тыс. деревьев, в том числе около 10 тыс. сосен и берёз. Рабочие, служащие, студенты и школьники поддерживали санитарный порядок, высаживали деревья и кустарники, убирали мусор в городе. Только в день Всесоюзного коммунистического субботника 19 апреля 1980 г. было посажено более 80 тыс. деревьев и кустарников. В 1984 г. из бюджета города выделили на проведение подобного мероприятия 1,452 млн. руб. [25, л.5].

Промышленные предприятия также выделяли значительные средства на озеленение дворов шахт, территорий фабрик и заводов. Так, например, на месте разобранных терриконов бывшей шахты № 86/87 и шахты имени Костенко были заложены газоны, охватывающие территорию в 5,5 га [25, л.25]. Вокруг города создавались зелёные зоны. Старые посадки реконструировались, в зелёных зонах малоценные породы деревьев постепенно заменялись сосной, лиственницей сибирской, берёзой. Эти декоративные породы деревьев более долговечны, их высаживали под защитой таких засухоустойчивых и приспособленных к местному климату деревьев, как вяз. Он оберегал сосны и берёзы от палящего солнца, играл роль кулис. В 1984 г. такие лесные полосы достигали 40 га [26, л.14]. Недовольство горожан вызывал тополиный пух, который являлся не только причиной аллергии, но и был источником пожаров в жаркие дни. Пожарные фиксировали в летний период до 150 таких случаев в день [14, л.17].

«Лёгкими» Караганды называли его парки, бульвары и скверы. К середине 1980-х гг. в городе насчитывалось 7 парков, 20 скверов и бульваров. Площадь зелёных насаждений в г. Караганде превысила 5 тыс. га, парки, скверы, бульвары занимали 453 га. Скверы формировались из декоративных деревьев, цветников и газонов. Ежегодно весной высаживали два миллиона астр, цинний и петуний [26, л.14]. Зелёное убранство города всё время пополнялось. В системе озеленения использовали три стиля: регулярный, ландшафтный или пейзажный и смешанный. Регулярный стиль применяли для цветочных растений в виде клумб. Количество используемых в озеленении г. Караганды видов растений увеличилось с 4 в 1933 г. до 153 в 1984 г. Вводилось вертикальное озеленение из вьющихся растений. Ландшафтную планировку имели парки «Победы», парк в Новом Майкудуке, сквер у Дворца пионеров, посадки на проспекте Советском и у ресторана «Орбита» [25, л.21]. Вот что рассказывал в своём интервью житель Караганды В.С. Семёнов: «В городе ежегодно высаживали много лиственных деревьев. Хвойные деревья высаживали у партийных зданий. Цветы были ухоженными только в центре города, на его бульварах и в парках. Много цветов выращивали у школ – дети разбивали клумбы и цветники» [4, с.208].

Своими воспоминаниями поделилась бывшая жительница г. Караганды А.С. Ахметжанова: «В годы моей учёбы г. Караганда была красивым и зелёным городом. Много зелёных насаждений было на бульварах и вдоль дорог города. Бульвар Мира, улица Ленина, улица Джамбула, улица Гоголя утопали в зелени. Вдоль общежитий по Бульвару Мира росли красивые и ухоженные деревья. В Центральном парке была высажена березовая рощу. Сюда горожане приходили подышать свежим воздухом» [4, с.194].

Жители дворов города вносили свою лепту в его озеленение. Это наглядно проиллюстрировала жительница г. Караганды И.Н. Осипова: «Город хорошел с каждым днем, все горожане принимали участие в его благоустройстве. Появлялось всё больше аллей, парк украшал город. Я принимала участие в субботниках нашего города: сажала деревья, цветы, убирала мусор» [4, с.206]. Информант В.С. Семёнов также заявил о своём личном участии в благоустройстве города: «Я всегда поддерживал санитарный порядок в городе, высаживал деревья и кустарники, убирал мусор, чинил лавочки в своём дворе» [4. с. 208]. А.С. Ахметжанова подтверждает: «Все жители города, в том числе и мы, в то время студенты, старались сделать свой город краше. Мы участвовали в субботниках, убирали скверы, высаживали и белили деревья» [4, с.194].

Традиционным местом отдыха горняков и шахтостроителей г. Караганды был Центральный парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ. Вход в парк со стороны площади им. 50-летия Октябрьской революции представляет собой

площадь – ансамбль, партер которой украшает водный каскад. Перепад рельефа создали террасы площадки, ступенчато подводящие к гранитной набережной. В 1976 г. по проекту института «Карагандагорсельпроект» была осуществлена вторая очередь строительства парка: построены детский плескательный бассейн, зелёный театр, новый тир, эстрада на танцевальной площадке, переоборудованы набережная, главная аллея, проложены новый водоотвод, поливочный водопровод, реконструированы кафе «Лето», ларьки и установлены новые торговые точки [25, л.24]. На Центральной аллее парка были оформлены портретные галереи «Карагандинцы – Герои Советского Союза» и «Герои Социалистического труда, кавалеры ордена Славы трёх ступеней». На аллее «Строителей» были установлены специальные конструкции с портретами членов ЦК КПСС, с советской символикой – серп и молот, плакатами: «Слава КПСС!», «Политика партии – политика мира!». Конструкции оформили вход в парк с улицы имени Чкалова. По центральным аллеям были выставлены 5-7 метровые стяги [25, л.24]. Зелёный массив центрального парка был обогащён сорока новыми видами растений, в их числе – клён, вяз, сосна, туя, можжевельник, черёмуха, шиповник. Широкие травяные газоны, цветники, декоративные плиты, водное зеркало водоёма композиционно были связаны с общей планировкой парка.

Центральный парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ г. Караганды отмечал знаменательные даты в жизни советских граждан – годовщины со дня рождения В.И. Ленина, День Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Традиционными стали дни трудовой славы районов и трудовых коллективов, чествования передовиков производства, ударников коммунистического труда, праздники профессий, посвящённые Дню шахтёра, строителя, железнодорожника и т.д. В 1989 г. впервые прошли торжества в честь праздника Наурыз. Творческие коллективы проводили театрализованные представления и шествия, литературные чтения, показывали спектакли. Детские объединения по интересам представляли тематические выставки и конкурсы. Особенно популярными были конкурсы пионерских песен и рисунков мелком на асфальте. Дети, отдыхавшие в летний период в пионерских и спортивных лагерях при школах, большую часть времени проводили в парках, принимали активное участие в показательных выступлениях по разным видам спорта. В парке работали спортивные площадки по баскетболу, волейболу, городкам, шашкам, шахматам, домино, бильярду, стрельбе, парашютному спорту и по настольным играм. В зимний период большим спросом пользовались лыжные трассы, хоккейные площадки и корты для катания на коньках [25, л.34]. Планы проведения праздников рассматривались в партийных комитетах, к их разработке и участию привлекался широкий круг агитационно-пропагандистского актива, коллективы художественной самодеятельности, профессиональные артисты [25, л.23].

Коллективы крупных предприятий, закрепленных за парками, участвовали в оформлении их наглядной агитацией, в озеленении, установке оборудования и проведении массовых мероприятий с горожанами в летний период. Так, в 1979 г. силами шахты «Михайловская» в центральном парке были оборудованы детский городок и спортивная площадка. На строящейся танцевальной площадке шахтёры засыпали 60 квадратных метров щебёнки, выкопали ямы, установили столбы и забор для ограждения. Работники шахты имени 50-летия Октябрьской революции вывезли из парка 500 высохших деревьев, взамен посадили 700 деревьев и 2000 кустарников. В парке ежегодно обновлялись кустарники, выкорчёвывались пни и белились деревья [25, л.25].

В 1980 г. в центре Нового города г. Караганды был открыт парк культуры и отдыха «Победа». Его общая площадь составила 8,5 га, тенистые аллеи, цветочные

клумбы и газоны заняли участок в размере 1,5 га [25, л.22]. Если в 1981 г. в городах Центрального Казахстана работало 10 парков культуры и отдыха, то в 1985 г. насчитывалось 14 парков, на их территории разместилось 100 аттракционов. Карагандинцы с любовью вспоминают о парках времён своей молодости. Этому сюжету особое внимание уделил в своём интервью В.С. Семёнов: «Местом отдыха был для меня Дальний парк в Старом городе. Там был каток, и интересно праздновали День шахтера. Позже любимым местом моей семьи в городе стал Парк 30-летия ВЛКСМ. Это было замечательное место, куда любили ходить все горожане [4, с.210]. Парки были огорожены ажурными решётками, встроенными в кирпичную кладку. Парки культуры и отдыха оправдывали своё название. Здесь было несколько зон – аллеи для прогулок и отдыха, тематические, танцевальные, спортивные площадки, аттракционы с качелями-каруселями для всех возрастов. Творческие коллективы проводили театрализованные представления и шествия, литературные чтения, показывали спектакли. Украшением парка были скульптуры атлетов, пионеров, фигуры сказочных героев, девушки с веслом, женщины с ребенком. Скульптуры прославляли советский образ жизни и выполняли воспитательную функцию. Парки были любимым местом встреч влюблённых, друзей и семейных прогулок. В конце 1980-х гг. прекратился уход за деревьями и клумбами. В парках появилось много больных деревьев, разрушенных скульптур, мусора и грязи» [4, с.209].

Парки были не только центром отдыха и развлечения для горожан, но и местом проведения физкультурно-оздоровительной, культурно-массовой и политико-воспитательной работы. Здесь проходили встречи молодёжи с ветеранами Коммунистической партии, Великой Отечественной войны, манифестации трудящихся, торжественные мероприятия по возложению цветов к памятникам В.И. Ленину, к мемориальным плитам, массовые народные гуляния, выступления лучших самодеятельных коллективов, акции по закладыванию аллей и цветников [25, л.4]. Так, годовщины В.И. Ленина отмечали специальной церемонией. С раннего утра у его памятника раздавались звуки пионерского горна и барабана. Это пионеры и комсомольцы занимали почётный караул у постамента. Затем звучали слова пионерской присяги: сотни школьников вступали в организацию, носящую имя В.И. Ленина. Пионеров сменяли рабочие и служащие. Представители всех организаций городов Центрального Казахстана возлагали цветы к памятнику «вождю революции».

К концу советской эпохи в г. Караганде было 6 парков, свыше 30 скверов и бульваров. В 1985 г. на каждого карагандинца приходилось по 8,3 квадратных метра зелёных насаждений. Эти показатели увеличились к 1989 г. и составили 8,5 квадратных метра. В республиканских конкурсах по озеленению и цветочному озеленению Караганда в год из года занимала второе место после Алма- Аты [25, л.14].

Элементом благоустройства г. Караганды были фонтаны, которые в сочетании с зелёными насаждениями, создавали не только эстетическую красоту, но и благоприятный микроклимат в городской среде. В 1985 г. в городе насчитывалось около 20 фонтанов, самые крупные из них располагались в парках «Победы» и имени 30-летия ВЛКСМ, у Дворца культуры горняков, гостиницы «Казахстан», кинотеатра «Юбилейный». Выделялся фонтан, построенный на площади торгового центра, состоящий из прямоугольного водоёма площадью 200 кв. м., из более 1000 вертикальных струй, достигавших высоты 6 м. У здания производственного объединения «Карагандауголь» был установлен многоструйный фонтан с площадью водоёма 360 кв. м. и высотой струи 10 м [25, л.3-18].

В 1970-1980-х гг. в визуальной среде г. Караганды, как и всех советских городов, особое символическое значение имели монументальные памятники и скульптуры. Доминантными ориентирами советского культурного пространства были памятники В.И. Ленину. Так, памятник «вождю пролетариата» стал центром архитектурного ансамбля площади им. 50-летия Октября, в её оформлении использованы серый гранит и чёрный мрамор. Монумент вождя высотой 12 метров, выполненный из красного гранита, фасадом обращён к проспекту Советскому в сторону Центрального парка имени 30-летия ВЛКСМ. В 1970-х гг. был реконструирован памятник Ленину, воздвигнутый в сквере перед зданием облисполкома на площади имени Конституции СССР. Пьедестал памятника выложили гранитной плиткой, сквер преобразовали в двух террасную площадь с сохранением больших деревьев. В 1985 г. на площади у Дворца пионеров установлен групповой памятник В.И. Ленину и А.М. Горькому. В 1987 г. в городах Центрального Казахстана были возведены 12 новых и реставрированы 25 памятников В.И. Ленину. На все памятники были составлены паспорта и научно-учётная документация. В 1989 г. монументальную скульптурную Лениниану региона представляли 61 статуя и 26 бюстов, 25 памятников нуждались в реставрации и замене [25, л.29].

Важное место в формировании городского пространства г. Караганды в те годы играли военные мемориалы, памятники, обелиски в память о героических подвигах в Великой Отечественной войне. Так, у Дома культуры Железнодорожного района (1970 г., архитектор Н. Потапов, скульптор С. Шкурацкий) в честь 25-летия победы была установлена стела высотой 8 метров. На мемориальном сооружении выполнено барельефное изображение воинов – солдата и матроса. В Парке Победы был сооружён архитектурно-мемориальный комплекс «Вечный огонь» (1978 г., архитектор Н. Койшибеков, скульптор Ж. Молдабаев) в честь воинов-карагандинцев, погибших в Великой Отечественной войне. Монумент выполнен в виде прямого параллелепипеда с барельефом на тему народного подвига. В изображениях полуфигур воинов – казаха и русского воплощён пафос и героизм советских людей. В центре комплекса запечатлена звезда, изготовленная из бронзы. В подиум из красного гранита заложили капсулы с землёй из городов-героев. Торцевые грани архитектурного комплекса, украшенные серым гранитом, пересекают литые цифры «1941-1945 гг.», выполненные методом чеканки [27, л.62]. В Центральном парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ был установлен обелиск боевой славы. Параллельно осуществлялись мероприятия по сохранению и реставрации мемориальных памятников. Так, в г. Караганде были отреставрированы и благоустроены Братская могила 17 воинам, памятник умершим во время войны в госпиталях г. Караганды, бюст Зои Космодемьянской и пилон Победы [25, л.28].

Визитной карточкой индустриального города стал монумент «Шахтёрская слава» (1974 г., архитектор А. Малков, скульптор А. Билык), установленный на Советском проспекте у входа в парк имени 30-летия ВЛКСМ. Он был отлит из бронзы и сооружён на постаменте из серого гранита. Монумент состоит из двух фигур, олицетворяющих образы шахтёров – казаха и русского, поднявших над головой глыбу добытого угля. Памятник стал одним из ярких маркеров культурного пространства шахтёрской «столицы» и олицетворением дружбы народов, отражением вклада карагандинских шахтёров в экономику страны. Изображение монумента воспроизводилось в газетных статьях, на открытках, почтовых марках и буклетах для гостей Караганды.

В рассматриваемые годы интерьеры жилых и общественных зданий города преобразила монументальная живопись – мозаичные и расписные панно. Так, фасад кинотеатра «Юбилейный» был украшен панно на тему: «Караганда –

космическая гавань» (1970 г., скульптор В.И. Крылов). На здании управления по эксплуатации канала Иртыш – Караганда было установлено рельефное панно «Вода, земля, жизнь» (1983 г., скульптор Ю.В. Гуммель) [25, л.27]. Весь торец девятиэтажного жилого дома по проспекту Н. Абдирова занимает многоцветное панно на тему покорения космоса. Декоративно-монументальная живопись придала зданию выгодное разнообразие и выразительность [28, с.75].

Достопримечательностью центра Караганды стало здание цирка (1982 г., архитекторы А.Г. Бойков, С.И. Мордвинцев, А.Н. Гостев, Л.В. Киселева, конструкторы Н.А. Кузьмин, В.А. Лоренгель), построенное в стиле «*советского модернизма*». Оригинальное сооружение выполнено на современном уровне градостроительства того времени. Для оформления было использовано более 3000 кв.м. мрамора, около 10 тыс. кв. м. анодированного алюминия, множество цветных керамических плиток. Здание декорировали лепниной из гипса [29], стеклянными витражами, металлическими конструкциями, газосветной рекламой. Диаметр манежа цирка равен 13 м., а высота купола – 18 м. В те годы проект вызвал нарекания своей дороговизной и помпезностью, контрастностью архитектурно-планировочной композиции в общем ансамбле спортивно-зрелищных зданий, расположенных на площади.

Архитектурно-художественный облик областного центра преобразило здание гостиницы «Чайка» (реконструкция 1981 г., архитекторы Е. Попов, В.В. Вюст, инженеры – строители Л.С. Тришина, А.А. Щеголихин), отличавшееся после реконструкции своеобразной эстетической уникальностью. Строительные конструкции и богатый декор – фронтоны, витражи, арочные ниши, проёмы, портики, наличники – сформировали выразительный образ строения. Необычное композиционно-пластическое и объёмно-планировочное решение здания вызвало в то время ряд критических замечаний. Так, карагандинских архитекторов обвинили в «определённых излишествах», «декоративизме». Была поставлена под сомнение обоснованность ряда архитектурных деталей: «Детали модерна и эклектики …не вполне уместны в Караганде, не имеющей дореволюционной истории» [2, с.240]. В целом архитектура г. Караганды в этот период соответствовала общим идеям советской градостроительной традиции, в которой проявился синтез традиций и новаторства. Региональное и национальное содержание в образной трактовке зданий города было единичным. Основным средством создания национального своеобразия в архитектуре Казахстана тех лет явилась имитация национального узора в рисунках железобетонных солнцезащитных решеток на фасадах зданий. В данной связи интересен пример проектной разработки высотного здания «Карагандинского Промстройпроекта» (1978 г., архитектор А. Бойков), расположенного на пересечении двух проспектов – Советского и Абдирова. Здесь была использована комбинация единого объёма, разделённого крупными окнами и солнцезащитными экранами. Так фасад здания подчеркнули решётчатые орнаментальные вставки, выполняющие не только эстетическую функцию, но и защиты от солнца. Поднимающаяся над карнизом орнаментная решётка имеется в зонах лестничных клеток у жилых девятиэтажных домов в микрорайоне №28 [2, с.540].

В 1970-1980-х гг. визуальными символами г. Караганды были типичные для этого времени маркеры советского города: советская патриотическая символика – герб, красные флаг, серп, молот и звезда, портреты Ленина, членов ЦК КПСС и советского правительства, плакаты с лозунгами, отражавшими официальную политику государства. Надписи на плакатах, как правило, были на русском языке. Так, старожил г. Караганды И.Н. Осипова рассказала: «Всё оформление города проходило жесткий идеологический отбор. Стены домов были украшены

портретами советских деятелей, которые «внесли неоценимый вклад в развитие и историю страны». На трёх зданиях привокзальной площади был вывешен лозунг: «Ленин. Партия. Народ!». На фасаде здания института «Карагандинского промстроя» гигантскими буквами из металла было написано: «Слава труду!», на карнизе строения была закреплена советская символика красного цвета – звезда, серп и молот. На лицевой части Спортивного комплекса им. Н. Абдирова располагался плакат с надписью: «Народ и партия – едины!». Плакат был выполнен в контрастном цвете: крупные буквы белого цвета, выведенные на красном фоне, были видны с дальнего расстояния. [4, с.207]. С перестройкой, по воспоминаниям жителей Караганды, перестали увешивать город многометровыми портретами основоположников марксизма-ленинизма, советских и партийных лидеров. Появились плакаты с новым конъюнктурным содержанием: «Решения XIX партконференции – в жизнь!» или «Перестройка. Гласность. Демократизация», «Перестройка – обновление социализма!» [30]. В дни государственных праздников в художественном оформлении г. Караганды использовались транспаранты, флаги, разноцветные воздушные шары, маленькие красные флажки, цветы. В новогодний праздник город подсвечивали маленькими лампочками, создавая радостное настроение. В установках иллюминации праздничного оформления города применяли более 20 тыс. ламп накаливания. Протяжённость сетей наружного освещения составляла 190 км и 6900 световыми точками [25, л.12].

Экономический кризис и снятие идеологических запретов сказались на оформлении г. Караганды. В годы перестройки на фасадах коммерческих видеосалонов, палаток, частных магазинов и многочисленных «забегаловок» появились примитивные витрины и вывески, выполненные и оформленные кустарным способом. Нелепости иной рекламной надписи, с которой отпали буквы, уродовали город. Так, на известном ателье «Сары-Арка» значилось: «Жеская одежда» и «плто». Реклама магазина «Детский мир» предлагала «зимие изделия» и «деские изделия». Элементом декора города были витрины магазинов, которые оформлялись теми товарами, на которых он специализировался. Витрина украшалась типовой пиктограммой магазина, например, «Овощи-фрукты», «Хлеб» или «Молоко». Архитектура малых форм – ларьки, павильоны, палатки, киоски выполнялись из современных для того времени материалов и технологий, обогатились разноцветной гаммой. Так, у магазинов г. Караганды «Айман», «Юбилейный» появились прилавки с навесами в модных цветах. В уличном оборудовании и мебели – вазонах, урнах, лавочках, фонтанах, оградах появились национальные орнаментированные узоры. У магазинов располагались дачники, которые продавали помидоры, огурцы, картофель, кабачки. Ежегодно в городе устраивали традиционные выставки цветов и плодов, в которых принимали участие предприятия, учебные заведения и садоводческие товарищества. Проводились вернисажи – продажи произведений карагандинских художников перед Летним театром.

Крупным промышленным городом Центрального Казахстан являлся г. Балхаш. В 1970-е гг. в соответствии с генеральным планом г. Балхаша, разработанном в 1962 г. институтом ЛенНИИпроект, архитектурно-планировочное пространство города развивалось в юго-восточном направлении, подчинялось потребностям промышленного роста региона. Здесь размещались четыре жилых района, промышленный район и зона отдыха. Композиционной осью города являлась основная магистраль проспекта Ленина, соединявшая центр г. Балхаша с промышленной зоной. Город сохранял градостроительную практику квартальной застройки с системой прямоугольной улиц, сосредоточения объектов социально-культурного назначения вдоль главной магистрали и прилегающих к ней улиц.

Город строился комплексно, со всеми удобствами для его жителей. Художник из Алматы Б.П. Пак оставил воспоминания о Балхаше: «Впервые посетил г. Балхаш в 1971 г. Впечатления от самоотверженного труда медеплавильщиков, от животворного озера, от чистого города помогли мне при создании нескольких листов из обширной незаконченной серии «Сары-Арка» [31].

В 1976 г. за строительство г. Балхаша Государственную Премию Совета Министров СССР получили: главный архитектор, проектировщики, строители, партийные и советские руководители города. В этом же году город был отмечен премией Совета Министров СССР «За архитектурную застройку и благоустройство [32]. Главный архитектор г. Балхаша – В.И. Зильберг по праву был назван первым в списке людей, удостоенных Премией Совета Министров СССР за осуществление проекта в области жилищного строительства, планировки и застройки города [33].

Одним из важнейших средств, снижающих уровень вредных выбросов Балхашского медеплавильного комбината, элементом благоустройства города, являлось зелёное строительство. Оно проводилось путём развития парков, озеленения кварталов, улиц, дворов, создания санитарных полос зелёных насаждений, скверов и клумб около крупных государственных и культурно-просветительных учреждений г. Балхаша. В скверах были установлены малые архитектурные формы – скульптуры в виде фигур детей, животных, растений, цветов. Фонтаны, установленные в 1, 2, 3, 4 кварталах, как правило, не работали, но являлись местом прогулок с детьми днем и местом встречи молодёжи в вечернее время. Результаты целенаправленной работы по озеленению и наведению уюта города были отмечены на республиканских и союзных конкурсах. Так, г. Балхашу было присвоено второе место в республиканском конкурсе по благоустройству городов за 1 квартал 1980 г.

Важным компонентом планировочной и ландшафтной архитектуры г. Балхаша были парки культуры и отдыха: парк имени 30-летия ВЛКСМ и Парк строителей. 3 июля 1980 г. вышло постановление ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР об открытии Государственного парка культуры и отдыха в Балхаше. Возведение парка было запланировано на 1981-1986 гг. Местом его расположения был обозначен район прибрежной зоны от улиц Комсомольской, имени 50-летия Октября до поселка ветеранов, включая Мемориал погибшим балхашцам в 1941-1945 гг. [25, л.21]. Построили Летний кинотеатр, шахматно-шашечной клуб, танцевальную площадку, павильоны для игровых автоматов, кафе, ресторан, провели полную реконструкцию пляжа, установили новые аттракционы [25, л.23].

Парк имени 30-летия ВЛКСМ, заложенный ещё первостроителями города, радовал своих посетителей фонтаном со статуей «Девушка с веслом», памятником Ленину. Парк славился буйством зелени деревьев, цветов, травы, прохладой аллей, журчанием арыков. Горожан привлекали беседки для отдыха и игр, павильоны для игры в шахматы, читальный зал с верандой, детская площадка, танцевальная площадка Летнего театра, павильон-кафе, кумысная, закусочная, ларьки с мороженым и напитками. В 1983 г. в композицию пейзажа центрального парка г. Балхаша влился деревянный городок, получивший название «Теремок». Его обнесли ажурной стеной из тесно вбитых кольев, декорировали камнем, поставили кованные из меди ворота. В парке проводились концерты коллективов художественной самодеятельности, лекции, беседы, встречи со знатными людьми, ветеранами труда, депутатами, трудовыми династиями, спортивные соревнования, тематические праздники и массовые гулянья горожан. Достопримечательностью Балхаша являлся благоустроенный пляж с лёгкими козырьками, зонтами, раздевалками, лавочками, туалетом. В 1988 г. здесь впервые провели морской праздник «День Нептуна», вылившийся в массовое гулянье горожан.

Много внимания в г. Балхаше уделялось реализации монументальной пропаганды. В городе был установлен памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1970 г., архитектор А. Исмайлов, скульптор Б. Мусат). Центром мемориала явилась пятиконечная звезда, внутри которой горит «Вечный огонь». На мемориальных досках высечены имена балхашцев, погибших и пропавших в годы войны. Рядом была разбита аллея Славы. В 1978 г. состоялось открытие стелы «Здесь начинался Балхаш», посвящённой тем, кто стоял у истоков строительства города (автор проекта – художник В.К. Кузьмин, проектировщик К. Маков). В 1980-х гг. художественный облик Балхаша преобразили два новых памятника, отразившие историю города. Так, в июле 1980 г. при въезде в город Балхаш был установлен монумент «Самолет – «МИГ», олицетворявший достижения Казахской ССР. На бетонном постаменте установлена мемориальная доска, воздвигнут памятник в виде самолёта-птицы, устремлённого вверх. На мемориальной доске была сделана надпись: «Сооружён в честь 60-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана». Официальное открытие монумента сопровождалось митингом, участием в нём ветеранов Великой Отечественной войны и Героев Социалистического труда. 7 августа 1981 г. на берегу озера Балхаш был открыт Монумент в честь 50-летия со дня организации треста «Прибалхашстрой» – ведущей строительной организации страны. «Промстрой», «Казмеханомонтаж», «Спецстрой» приняли непосредственное участие в сооружении монумента. Он представляет собой большое кольцо, из которого берут начало четыре серебряных крылья, символизирующие единство и сплоченность коллектива треста [34].

Промышленный потенциал Балхаша, масштабы развития города ставили новые задачи в области городского строительства и благоустройства. Так, в 1987 г. ГГПИ «Казгипроград» скорректировал генеральный план развития Балхаша, разработал проект планировки центральной части города, рассчитанные на 20-летнюю перспективу. Обновлённый генеральный план застройки Балхаша включал комплексы экономических, социальных, технических и эстетических задач, связанных с развитием города. Реализация генерального плана была связана с сохранением, сложившегося городского ядра и внедрением новых архитектурных идей в типовую застройку. Так, в этом же году силами народной стройки был сдан первый дом молодёжно-жилищного комплекса, отличающийся новым архитектурным решением. Архитектурный облик города улучшили благоустроенные *5-этажные* и 9-*этажные дома* и двух уровневые коттеджи с оригинальной отделкой, построенные на улице Горького [25, л.43]. С 1988 г. новые микрорайоны Балхаша застраивались домами улучшенной планировки серии «Мобиль».

В конце 1980-х гг. возникли проблемы с водоснабжением г. Балхаша, связанные с устаревшей системой насосной станции питьевого водопровода, значительным содержанием солей в воде Балхаша. Изношенные линии теплотрассы привели к перебоям горячего водоснабжения и отопления. В целях уменьшения гидравлического сопротивления было намечено провести на ТЭЦ реконструкцию водоподогревающей установки. В борьбе с коррозией тепловые сети вывели наружу, которые, словно паутина, обезобразили город. Был отмечен срыв плана по освоению средств на строительстве очистных сооружений. Сложная ситуация с благоустройством Балхаша, как и всех рассматриваемых городов Центрального Казахстана, остро проявилась в конце 1980-х гг.

Одним из крупных городов Центрального Казахстана в рассматриваемые годы был город Темиртау. В 1970-1980-е гг. социально-экономическое и территориальное развитие города осуществлялось на основе нового генерального плана, разработанного Центральным научно-исследовательским проектным

институтом градостроительства (1971 г., авторский коллектив под руководством В.Н. Шкварикова). В его основу была положена идея формирования архитектурно-пространственной композиции г. Темиртау с учётом особенностей ландшафта местности и сложившейся городской структуры. Отличительной чертой ландшафта города является Самаркандское водохранилище, на левобережной части которого расположился общегородской центр. Главная городская площадь сформировалась на пересечении проспекта Ленина и проспекта Металлургов. Центральным композиционным акцентом площади явился монумент В.И. Ленину. Главные улицы города – Димитрова, проспект Ленина, проспект Мира расположены параллельно берегу водохранилища. Пешеходные пути и районные улицы – проспект Металлургов, проспект Комсомольский, улица Свердлова, улица Чернышевского ведут к его берегу.

Градостроительство в тот период осуществлялось по принципу кварталов в перспективном южном направлении, одновременной реконструкции старой части города. В это время городское пространство г. Темиртау преобразили новые девятиэтажные дома серии 121, характеризующиеся улучшенными объемно-планировочными решениями. В 1971 г. г. Темиртау был награждён орденом «Трудового Красного Знамени» за трудовой вклад в развитие республики. В честь этого события на трёх девятиэтажных зданиях, расположенных в центре города, появился плакат, на котором большими буквами было написано — «Слава Орденоносному Темиртау!». Рост промышленного и жилищного строительства в г. Темиртау привёл к образованию в 1980 г. двух районов: Гагаринского и Металлургического. В 1984 г. в старой части города был построен 70 квартал, названный «Зеница», установлен мемориальный знак в честь породнённого югославского города Зеница. Горожане в повседневной жизни называли жилой комплекс – «70 квартал». В 1983 г. одна из улиц г. Темиртау была названа в честь имени первостроителя, почётного гражданина города У. Турмагамбетова. Через два года улицу Металлургов переименовали в честь казахского писателя и общественного деятеля Г. Мустафина. В мае 1987 г. улица имени 6-й пятилетки получила звучное название – улица «Победа». Так администрация города откликнулась на открытое письмо ветеранов Великой Отечественно войны с просьбой присвоить имя «Победа» одной из улиц города. 15 улиц города Темиртау носили имена Героев Советского Союза Великой Отечественной войны [35].

Важное место в формировании облика города занимали монументальные скульптуры. Так, в городе возвели памятник-обелиск воинам-темиртаусцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1974 г., скульптор С.Б. Назарян). Центральная фигура мемориала — воин в плащ-палатке, рядом расположены плиты с именами земляков, не вернувшихся с полей сражений. В 1980 г. ко Дню Победы – 9 мая в городе состоялось открытие мемориальных плит у монумента Славы, на которых были выбиты 175 фамилий горожан, погибших в годы Великой Отечественной войны. Средства на изготовление и установку памятных мемориальных плит были получены благодаря сбору металлолома школьниками, помощи промышленных организаций и неравнодушных горожан. В этом же году на перекрёстке улицы Димитрова и проспекта Строителей был установлен бронзовый памятник в честь болгарского революционера Г.М. Димитрова. На гранитном постаменте была высечена его цитата: «Для болгарского народа дружба с Советским Союзом также необходима как солнце и воздух для всякого живого существа». На обратной стороне гранитной плиты выгравировано: «От советских и болгарских строителей казахстанской Магнитки (1957-1960)». В середине 1980-х гг. в восьмом микрорайоне г. Темиртау благоустроили сквер в честь воинов- интернационалистов. На пересечении проспекта Ленина и Металлургов

на народные деньги был сооружён памятник В.И. Ленину (1985 г., скульпторы Ж.К. Молдабаев, Л.Т. Ядринцев, архитекторы В.В. Жерновский, Н. Койшибеков). Его открытие состоялось 30 октября 1985 г. в торжественной обстановке и было приурочено к 40-летию города Темиртау. Архитектурный комплекс композиционно был выстроен в горизонтальной плоскости. Он состоял из фигуры Ленина, установленного на высоком постаменте и стилобата с четырьмя мемориальными тумбами. Размеры памятника впечатляли: высота статуи из бронзы достигала 9,5 метров, постамента – 4 метра, длина стилобата – 38 метров, общая высота памятника достигала 15,9 метра. Памятник был облицован красным и чёрным гранитом, который создал ему величественность и торжественную строгость. Этот памятник стал самым большим в городе [36, с.6]. Всего в г. Темиртау было установлено 17 памятников и бюстов лидера большевиков, которые возвышались на площадях, в скверах, перед зданием управлений крупных предприятий, на территории школ города [25, л.29]. У памятников В.И. Ленину традиционно проводили пионерские сборы, приём в пионеры, вручение комсомольских билетов, паспортов, посвящение в рабочий класс, проводы в ряды Советской Армии, встречи с ветеранами партии, труда, участников Великой Отечественной войны, передовиками производства. В старой части города сохранились скульптуры, установленные ещё в 1950-е гг. В перестроечный период, по воспоминаниям горожан, они выглядели обветшалыми, а нового ничего не появлялось [4, с.199].

Актуальным вопросом для г. Темиртау в этот период был вопрос озеленения. Зелёное строительство для Темиртау было жизненно необходимо, так как в безветренную погоду на город опускался смог, исходящий от выбросов крупных промышленных предприятий. В начале 1985 г. 35 домоуправлений и 245 домовых комитетов занимались благоустройством и озеленением города. Площадь зелёных насаждений составила около 50 га [25, л.23]. Жительница г. Темиртау Л.И. Грекова вспоминает: «Каждый год появлялись новые аллеи и клумбы на его улицах. Жителей города обеспечивали саженцами, организовывали субботники, воскресники для посадки деревьев. Озеленение города было на должном уровне» [4, с.196].

Местом досуга жителей г. Темиртау были парки культуры и отдыха. В 1978 г. открылся парк культуры и отдыха «Восток». Территория парка «Восток» состояла из зоны активного отдыха, в которой располагались эстрада, танцевальная площадка, павильон игровых автоматов, движущиеся аттракционы, сооружения для развлечений и зоны тихого отдыха, благоустроенные и оформленные малыми архитектурными формами. В парковой зоне разместились: группа фонтанов, различные аттракционы, уникальный Зимний сад, аквариум, живой «Уголок природы», Дом юннатов, аллея юных героев – пионеров. Так, житель города М.А. Кажигулов рассказывает: «В городе было два парка. Первый парк находился в старой части города и располагался справа от театра юного зрителя. Там были качели, аллеи, различные аттракционы. Второй парк построили в восточной части города. Здесь появились новые игровые автоматы и аттракционы» [34]. Л.И. Грекова добавляет: «В Парке культуры и отдыха «Восток» работали карусели для малышей, аттракционы «Весёлые горки», «Ромашка», «Сюрприз». Здесь действовали эстрадные площадки и танцплощадки. В тире можно было пострелять по движущейся мишени и получить приз. Одна пулька стоила две копейки и равнялась стоимости звонка по городскому телефону. В парке было установлено кафе, где можно было поесть вкусного мороженого и попить сок или молочный коктейль. Парк был организован и обустроен с любовью. Были созданы тенистые аллеи для семейных прогулок, установлены скамейки и беседки. Повсюду были фонтаны и питьевые «фонтанчики», на территории парка существовала сцена для выступления различных артистов по праздникам. В парке были установлены

скульптуры сказочных персонажей: «Конёк-горбунок», «Емеля», «Три богатыря». Зимой в парке строили ледовые городки. Там устанавливали фигуры Емели, Снегурочки, Бабы Яги и другие сказочные персонажи, вылепленные из снега и красочно раскрашенные. Горки для катаний были выполнены в виде гигантских сказочных персонажей – Черномор или Трёхглавый Дракон» [4, с.197]. В 1980-е гг. в парке отремонтировали танцевальную площадку, реконструировали летнюю эстраду, изготовили металлическую ограду для аттракционов, парковую ограду, построили административный корпус. Были введены в эксплуатацию детское кафе, два павильона игровых автоматов, аквариум, дом юннатов. Профессиональные художники оформили аллею юных героев, поляны сказок, аквариум, бассейн «Сказка», павильоны игральных автоматов и детские качели, летнюю эстраду. Уход за зелёным массивом городского парка осуществляло коммунальное хозяйство города [25, л.22].

Парк культуры и отдыха «Восток» проводил разнообразную работу с детьми: конкурсы песни и рисунка, торжественные линейки, выступления лучших детских коллективов, спортивные игры и соревнования [25, л.23]. В парке можно было интересно отдохнуть летом и зимой. В зимнее время здесь заливали каток и горки, работал прокат коньков, лыж и санок, сказочный городок, продавали вкусную выпечку и горячие напитки. В городе работали киоски по продаже прохладительных напитков. Киоски изготавливали из фанерно-дощатого материала. В ассортименте были напитки: «Дюшес», «Крем-Сода», «Буратино», «Байкал», томатный, берёзовый, сливовый, абрикосовый и персиковый, виноградный и гранатовый соки, которые стоили 10-20 копеек. Были уличные автоматы по продаже газированной воды. В киоске «Союзпечати» можно было купить газеты, журналы, лотерейные билеты. На остановках общественного транспорта были установлены телефонные будки. Летом работали павильоны по продаже овощей и цветов. По воспоминаниям горожан «фонтаны устраивались на территориях домов культуры и спортивных сооружений, перед общественными зданиями. Так, фонтаны были установлены перед Дворцом культуры металлургов, в парках культуры и отдыха» [4, с.199].

Излюбленным местом активного досуга темиртаусцев был городской пляж. Территория пляжа была оборудована большими зонтами и навесами от солнца, кабинками для переодевания, скамьями, урнами для мусора, обеспечена буфетом и бесплатным туалетом. Действовали лодочная станция, причалы, парусный клуб, прокат лодок и катамаранов. Экономические трудности середины 1980-х гг. негативно отразились на местах массового отдыха горожан Темиртау. Так, пляж зарос камышом и кустарником, теневые навесы были разбиты, акватория зоны купания не ограждена, ведомственный спасательный мост не был предусмотрен. Отсутствовала наглядная агитация по правилам безопасности на воде, не были обозначены зоны купания плавучими знаками. Из-за антисанитарных условий дети и взрослые в течение купального сезона получали многочисленные порезы и травмы [25, л.24].

Внутригородское транспортное обслуживание г. Темиртау осуществлялось автобусами, трамваями и такси. Перевозка пассажиров с каждым годом увеличивалась. Так, если в 1958 г. пассажирский транспорт Темиртау перевёз 1 млн. 500 тыс. пассажиров, то в 1983 г. обслужил 19 млн. 700 тыс. человек. За один день рабочий день транспортное обслуживание охватывало 54 тыс. пассажиров. Городские маршруты с 1958 г. по 1983 г. возросли с 13 автобусов до 240 машин. С 1980 г. по 1982 г. увеличился эксплуатационный путь трамваев на 1 км, трамвайный парк пополнился 2 машинами. За это время полностью заменили старые вагоны. В 1988 г. регулярность трамвайного движения составила 87%, план перевозок пассажиров трамваями был выполнен на 105,6 % [21, л.33].

Обязательным условиям работы водителей всех видов транспорта был аккуратный внешний вид в одежде, причёске. Они не имели специальной формы одежды. Таксисты в 1980-е гг. были одеты с шиком и по моде того времени: в фирменные джинсы и импортные кроссовки. Они могли себе это позволить, получая, кроме основного заработка, «чаевые». Так, по таксометру стоимость 1 км составляла 1 рубль, посадка пассажира – 10 копеек. Многие пассажиры оставляли сдачу в 10-20 копеек. Если такой случай фиксировался официально или поступала жалоба, то водителя немедленно увольняли. В салоне машины была книга жалоб и предложений, а также рация, которая связывала водителя с диспетчерской. Поймать такси в советское время было делом большой удачи. Остались воспоминания о ненавистных табличках, которые находились за лобовым стеклом таксиста: «В парк», «конец смены», «на обед». С советских времён сохранились выражения из популярных советских фильмов: «Наши люди в булочную на такси не ездят!», «Не нравится – езжай на такси!», «Два счётчика, шеф!». Всё это говорило о некоторой элитарности этого вида транспортного средства для горожан Центрального Казахстана в рассматриваемый период.

Л.И. Грекова рассказывает: «Моя зарплата учителя не позволяла часто пользоваться такси. Я очень редко пользовалась такси. Основным транспортом такси был автомобиль «Волга». Стоимость одного километра составляла 20 копеек. Ездить приходилось в разных ситуациях, если опаздывала на самолет или поезд, но это был удобный вид транспорта, хотя и дорогой. На машинах ездили без ремней и подушек безопасности. В конце 80-х гг. появилось маршрутное такси. За проезд в такой маршрутке следовало заплатить 15 копеек, что в три раза превышало одну поездку на автобусе. Но за скорость приходилось доплачивать. Часто вместо положенных 11 пассажиров в салон набивалось более 20 человек. Такая поездка не отличалась комфортностью. Если в советские времена личный автомобиль в буквальном смысле был роскошью, то доступным и распространенным средством передвижения были мотоциклы. Особой популярностью пользовался у жителей Темиртау мотоцикл «Урал» [4, с.196-197].

Анализ архивных источников, проведённое интервью показывает, что к числу актуальных проблем горожан Темиртау относились бытовые условия. В 1980 г. в райком партии поступило 10 письменных жалоб на неудовлетворительное отопление квартир, в 1981 г. – 2 жалобы, которые оперативно были устранены. За 1981 г. отремонтировали 18,5 км теплотрассы, 8,4 км водопровода, 9,5 канализации. Город был оснащён бесперебойным снабжением водой из канала Иртыш - Караганда. Подача воды из канала составляла в 1984 г. около 600 млн. куб. м [13, л.47]. С 1985 г. Темиртау обеспечивался централизованным теплом от ТЭЦ-2 Карагандинского металлургического комбината. В Старой части города было много домов и землянок, которые отапливались углём. Их жители носили воду с водокачек, а всеми санитарными «удобствами» пользовались на улице. Владельцы домов частного сектора ежемесячно потребляли более 4 тыс. тонн твёрдого топлива. Газовое хозяйство г. Темиртау реализовывало ежегодно газ в размере 69500 т. промышленным предприятиям и жилым домам города [13, л.54]. Л.И. Грекова дополнила картину работы коммунального хозяйства г. Темиртау: «Жилищно-коммунальные службы в городе работали добросовестно. Жильцы делали заявку в ЖЭК, и работа выполнялась в порядке очереди. В 1970-е гг. во дворах города мусорные баки не устанавливали. Ежедневно приезжал автомобиль - мусоровоз синего или серого цвета, мы его называли «мусоркой». Около нашего дома он появлялся около 6-7 часов вечера. К этому времени все жители выходили во двор с мусорными ведрами, ждали мусоровоз. Народ собирал мусор в цинковые вёдра, а затем высыпал его содержимое в карман кузова «мусорки». Оператор

мусоровоза время от времени включал пресс, и отходы тут же уплотнялись. В середине 1980-х гг. стали ставить 3-4 мусорных бака на несколько домов. Баки были двух видов – для пищевых отходов и для бытового мусора. Весь мусор ежедневно вывозился. Так жилищно-коммунальные службы города приучали горожан к культуре и чистоте. Сами жители дома следили за чистотой, делали замечание тем, кто мусорит. Строгая дворничиха тетя Соня следила за порядком во дворе, чтобы мусор выбрасывали «правильно». Такая практика закончилась в годы перестройки, когда мусор стал скапливаться, его стали вывозить от случая к случаю. После приватизации жилья все проблемы переложили на плечи самих жильцов. Наш двор был благоустроен. Во дворе было всё необходимое для отдыха и прогулок: тротуар, лавочки, цветущие клумбы, детская площадка. На детской площадке стояли песочницы с грибами-мухоморами, качели, стол и несколько лавочек, для игры в домино, карты, шахматы, лото. Территория нашего двора, улицы убирались ежедневно, дворника я видела каждый день с самого раннего утра. Чистоту и порядок поддерживали все жильцы, этому учили своих детей. Я была довольна чистотой улиц города. У дворников не было специальной одежды, поверх обычной одежды они надевали фартуки чёрного или синего цвета. Дворники использовали такой рабочий инвентарь, как метлу, ведро, лопату. Летом они поливали из шлангов клумбы, деревья и сбивали пыль с асфальта. Дворники не только убирали наш двор, но и следили за порядком в целом. В темное время суток, освещение ограничивалось центральными улицами, в новых кварталах установка уличного освещения откладывалась. Фонари крепились на железобетонные или деревянные столбы. Появилась неоновые подсветки и иллюминации, вывески. Протяженность освещённых улиц увеличивалась, но к концу 1980-х гг. началось «веерное» отключение света, когда свет отключали постепенно от квартала к кварталу на 2-3 часа. Качество питьевой воды было хорошее, но летом воду часто отключали без предупреждения. Тепловые сети находились в аварийном состоянии, подвергались постоянному ремонту. Летом горячую воду отключали на всё лето, так как тепловые сети не выдерживали нагрузки из-за постоянного роста населения. В городе ощущался дефицит электроэнергии, регулярно происходили её отключения в жилых домах. В годы перестройки не было ни света, ни газа, приходилось готовить на костре во дворе» [4, с. 198-199]. Эти годы оставили негативный отпечаток на благоустройстве Темиртау. Вырабатывала свой ресурс городская инфраструктура, ветшали здания и сооружения. К началу 1991 г. в райком партии поступало уже сотни жалоб на работу коммунальных служб.

Крупнейшим центром металлургии Центрального Казахстана в рассматриваемый период был город Джезказган. В 1970-х гг. застройка и территориальное развитие города осуществлялось на основе генерального плана, разработанного в 1969 г., в северном и западном направлении. В 1978 г. Институт «Казгипроград» разработал новый Генеральный план г. Джезказгана, утверждённый через два года постановлением Совета Министров Казахской ССР. Генеральный план обозначил новый вектор развития города, его архитектурное оформление, задачи инженерно-технического обеспечения и обслуживания, благоустройства и транспорта. Микрорайоны северо-западной части Джезказгана, застраивавшиеся крупнопанельными и кирпичными пятиэтажными домами, сформировали архитектурную среду города. Архитектурно-планировочное развитие в северо-восточных микрорайонах города предусматривало строительство одно и двухэтажных жилых домов с приусадебными участками. Уровень архитектурной планировки Жезказгана не уступал таким городам, как Караганда, Балхаш и Темиртау. Так, новые композиционно-планировочные решения, отличающиеся архитектурной колоритностью, прослеживались в строительстве площади

Металлургов, административного центра, бульвара Сейфулина. Главная транспортная магистраль города пролегала по улицам Некрасова, Мира и Сатпаева. Проспекты общегородского значения – Абая, Сейфуллина и Ленина соединяли жилую зону с Южной промышленной зоной города. В середине 1980-х гг. на проспекте Ленина расположилась главная административная площадь, на которой проводились праздничные демонстрации и митинги, народные гулянья, фестивали народного творчества, спортивные выступления. В зелёном сквере площади был установлен памятник Ленину. В центральной части города, на главных композиционных осях были разбиты скверы и бульвары.

Важную роль в планировочной и пространственной композиции Джезказгана играли памятники, которые располагались на площадях города, возле государственных и общественных строений и в неформальных местах. За короткий период времени архитектурно-пространственный облик города украсили разные по форме, величине и содержанию памятники, которые вписались в окружающую среду. Так, в 1979 г. на улице 30-лет Победы был открыт Памятник 30-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Материалом памятника послужили гранит, титан, медь. Фигура воина, выполненная из тёмного металла, чётко выделяется на фоне светлого пилоны. Спокойные линии силуэта придают памятнику камерность. Он удачно вписался в сквер улицы. В этом же году в парке «30 лет Победы» был открыт монумент воинам, участвовавшим в Великой Отечественной войне. В следующем году на бульваре Космонавтов была возведена декоративно-художественная стела в честь советских космонавтов, их орбитальных полетов с космодрома «Байконур» [25, л.2]. Традиции советской монументальной скульптуры нашли своё отражение в памятниках, посвящённых революционной проблематике. В 1982 г. на трассе, ведущей в аэропорт, был построен первый такой памятник – Монумент повстанцам - сарбазам. В 1987 г. – памятник революционерам, открытый к 70-летней годовщине Октябрьской революции, был сооружён в районе железнодорожного вокзала.

К середине 1980-х гг. были построены одни из лучших зданий в республике – аэровокзал и автовокзал, новый аэропорт международного значения. Транспортные предприятия города обеспечили регулярные перевозки пассажиров и грузов. Горожане получили возможность пользоваться услугами транспорта, отправляясь в десятки городов Казахстана и Советского Союза. В это время была введена в эксплуатацию автотрасса Джезказган-Караганда. Сквозное движение электропоездов доставляло металлургов города с рудничной площадки до обогатительных фабрик № 1 и № 2 [37, с.6].

Элементы регионального искусства, национальных традиций казахов прослеживаются в двух зданиях города. Так, у одноэтажного кафе «Тюльпан» в г. Джезказгане над большими витражами, которые помещены между колонными простенками, наличествует узкий козырёк. Фриз над ним имеет мелкое вертикальное рифление. В Доме быта (1983 г., архитектор С. Космериди) между простеночными рёбрами помещены решётчатые панели в восемь рядов. В скошенных углах и зоне главного входа наличествуют узорчатые металлические решётки [2, с.636].

Улицы Джезказгана были названы в честь советских политических, общественных деятелей и писателей: Ленина, Дзержинского, Свердлова, Куйбышева, Жданова, Лазо, Горького, Маяковского и других. В 1970-х гг. космонавты, гостившие в Джезказгане, посадили деревья в центральной части города, в результате появилось название улицы – Космонавтов. Центральные улицы Джезказгана были в относительном порядке, а окраинные улицы и районы частной застройки были в основном грязные – зола, мусор, разбитые дороги, не видевшие асфальта. В городе практически не работали ливневые канализации.

Разнокалиберные киоски, автобусные остановки, кривые осветительные опоры – все эти объекты городского дизайна, хаотично громоздились на окраинах города. Из-за отсутствия рекламы нельзя было сориентироваться, где можно, с удовольствием провести время, отдохнуть, послушать музыку, выпить чай по-казахски или кофе по-восточному, полакомиться конфетами.

На постоянной основе в Джезказгане работал штаб по благоустройству и озеленению его территории, своевременной очистке города от грязи, мусора, содержанию и эксплуатации дорог. Итогом работы явилось создание зелёного коридора вдоль автотрассы, ведущей в сторону аэропорта Джезказгана, оборудованные зоны отдыха. В 1976-1977 гг. в Джезказгане проводилось озеленение прибрежной зоны, Южного парка, скверов, городских садов, ремонт ландшафтной архитектуры. Учащиеся городской школы № 22 внесли свой вклад в озеленение территории памятника воинам-джезказганцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Они проводили субботники и воскресники по санитарной очистке местности, участвовали в популяризации охраны природы. Ученики школы № 4 Джезказгана выступили инициаторами движения «зелёного патруля». Его участники принимали участие в посадке, поливе и охране зелёных насаждений на бульваре Космонавтов [25, л.75].

Местами массового отдыха горожан Джезказгана были парки – «30 лет Победы», «Южный» и «Городской», разместившиеся недалеко от Кенгирского водохранилища. Коллективы парков организовывали циклы лекций, общественно-политические чтения, тематические вечера, театрализованные праздники песни и танца, спортивные соревнования. Самым популярным и любимым парком города был парк «30 лет Победы». В 1983 г. здесь была построена детская железная дорога, работавшая до 1987 г. При её строительстве использовали рельсы, подвижной состав, 2 пассажирских вагона, снятые с эксплуатации узкоколейной железной дороги Джезказган – Джезды – Карсакпай. Здание вокзала было оборудовано перроном и громкоговорителем. Обслуживали железную дорогу ученики седьмых - восьмых классов школы №133 Джезказгана, носившие специальную форму и нагрудные значки. Проезд был бесплатным и обслуживал всех желающих [25, л.45]. В 1989 г. коллектив парка «30 лет Победы» принял активное участие в организации празднования 90-летия со дня рождения академика К.И. Сатпаева. В 1990 г. выступил инициатором проведения фестиваля «Голос Байконура».

Строительство объектов Джезказгана осуществлялось трестом «Казмедьстрой», его субподрядными организациями и домостроительным комбинатом. Так, в связи с ростом потребностей в электроэнергии в 1980 г. Джезказгане была построена тепловая магистраль №11, обеспечивающая теплом микрорайон № 6 и другие городские объекты. В 1985 г. были введены в эксплуатацию десятый котел ТЭЦ, юго-западная котельная. Передача электроэнергии в город осуществлялась Карагандинской ГРЭС-2 по линиям с напряжением 110 и 228 кВ [37, с.6]. В 1980 г. проблемы с обеспечением водой были частично решены сдачей в эксплуатацию первой очереди, в 1985 г. – второй очереди Эскулинского водовода и очистных сооружений. В этом же году запустили питьевой водовод «Жайрем-Каражал», его протяженность составила 60 км. Через два года провели водовод – «Джезказган – Рудник», снявший с повестки дня вопрос с водоснабжением города [37, с.6]. Финансовые трудности градообразующих предприятий Джезказгана в конце 1980-х гг. болезненно отразились на благоустройстве города.

Городом-спутником Караганды является г. Абай. В 1970-х гг. г. Абай застраивался в соответствии с Генеральным планом развития города, утверждённым в 1967 г. Корректировки в его развитие внёс новый Генеральный план, принятый в 1976 г., рассчитанный на численность населения в 80 тыс. человек, со сроком на 25 лет.

В нём были определены долгосрочные перспективы территориального развития города и формирования его архитектурно-планировочной структуры, решения по организации благоустройства, транспортного обслуживания и развития инженерной инфраструктуры. В основу плана строительства г. Абай был положен принцип формирования жилых кварталов, создание территориальных зон города, определение его главных магистралей. Промышленное развитие города Абай стимулировало строительство жилого сектора. Так, в рассматриваемые годы в городе продолжалось возведение четвёртого микрорайона, Школьной и Железнодорожной улиц. Городские микрорайоны формировались в едином архитектурно-планировочном ключе и гармонично вписались в общий ансамбль жилых и общественных зданий. Гордостью горожан было появление первого проспекта – проспекта Победы. Вдоль дорог, улиц на железобетонных столбах установили фонари. Освещение осуществлялось всю ночь, потому, что шахтеры работали в разные смены, в том числе и ночные [4, с.203].

На центральной площади г. Абая был установлен памятник Абаю Кунанбаеву (1974 г., архитектор С.И. Мордвинцев, скульптор Б.И. Мусат), ставший брендом города. Памятник Абаю, общей высотой 4,5 м., отлит из чугуна и представляет собой фигуру на постаменте в образе человека - мыслителя с книгой в руках и с задумчивым взглядом. Скульптура служит организационным ядром площади, формирует её визуальное и архитектурное пространство [38]. За площадью администрации города возвели здания торгово-бытового обслуживания, такие как гостиница «Караганда», ресторан «Орбита», ЦУМ, Дом быта. Фонтаны, газоны, цветники завершили этот архитектурный комплекс.

Особое место в формировании облика города Абай занимало зелёное строительство. Улицы и бульвары города были тенистые и уютные, засаженные тополями и карагачем. В 1977 г. между 1-м и 3-м микрорайонами был заложен сквер имени 60-летия Великого Октября. Сквер представлял собой зелёный массив площадью 6,5 га, в котором высадили около 6000 деревьев и 20000 кустарников. В сквере заасфальтировали аллею и пешеходные дорожки общей площадью 3,5 тысяч квадратных метров. Ежегодно в весенний период высаживали цветы на площади в 600 квадратных метров. Сквер был предназначен для массовых гуляний в дневное время, имел торговые павильоны, летнюю эстраду и скамейки. В 1983 в городе Абай функционировало 2 сквера: им. 40-летия Ленинского комсомола Казахстана и имени 60-летия Великого Октября. Общая площадь зелёных насаждений составила 10,5 га [25, л.13]. На следующий год в сквере имени 40-летия Ленинского комсомола Казахстана высадили деревья и кустарники, заасфальтировали центральную алею, построили теннисно-хоккейный корт, шахматно-шашечный павильон, восстановили электрическое освещение. Здесь же был сформирован детский городок, в котором установили 20 детских электрических аттракционов, построили 4 игровых павильона, детское кафе «Мороженое», фонтан [25, л.13].

По всему городу были расставлены вазоны и урны в виде цветков, изготовленные из железобетона и покрашенные известью. Скамьи были деревянные со спинками – тяжелые и удобные. Всё – добротное, основательное, функциональное, сделанное на десятилетия. Центр города Абай украшали фонтаны и декоративные бассейны, построенные из железобетона. Дно фонтанов декорировали керамическими плитами, бассейнов – разноцветной мозаикой. Композицией фонтанов послужили декоративно-архитектурные формы в виде чаши и раковины. Около остановок располагались киоски «Союзпечать», которые занимались продажей газет, журналов, конвертов, ручек, карандашей, блокнотов и открыток. В киосках «Союзпечать» можно было приобрести проездные билеты стоимостью 4 рубля 50 копеек. Вдоль тротуаров работали ларьки по реализации табачных изделий,

сока, воды и мороженного. Функционировали павильоны, где продавали овощи и фрукты. Неизменным спросом пользовались у горожан ларьки «Пиво-воды», которые исчезли в период антиалкогольной компании М.С. Горбачёва. Основным материалом изготовления киосков и ларьков было дерево. Конструкции стен окрашивали масляной краской в синий цвет. Организовывались выставки цветов и книжные базары. Ежемесячно проводились общегородские зарядки. На спортивных площадках города ребята из дворовых клубов под руководством тренеров и спортивных инструкторов выполняли спортивные упражнения [25, л.14].

Город Абай обслуживали два вида общественного транспорта – автобусы и такси. Все социальные, культурные и промышленные объекты города находились в пределах пешеходной доступности. Рейсовые автобусы возили шахтеров и курсировали по городу. Таксисты возили пассажиров на легковых автомобилях «ГАЗ-Победа», а затем на «ГАЗ 21-Волга» [4, с.202]. Увеличилась длина внутригородских дорог с твёрдым покрытие, которая достигла 29 км.

Магистральные и внутриквартальные тепловые сети г. Абая составляли 76 км. Город отапливался в зимнее время 45 котельными. Проблемы с отоплением жилых домов г. Абая подтверждает его бывшая жительница С.К. Кубасова: «Наша бывшая квартира, расположенная в двухэтажном старом доме, где были высокие потолки, прогревалась плохо. Какое-то время в кухне стояла печь, которую зимой топили углем» [4, с. 203]. В зимнее время в горкоме партии работал штаб, который следил, чтобы в квартирах было тепло. У каждого жителя был список телефонов, по которым он мог в любое время суток дозвониться до любого специалиста и решить возникающие вопросы. С 1986 г. город перешел на централизованное теплоснабжение котельной Карагандинской ГРЭС-2 и проблемы с отоплением отпали [23, л.231]. Абай был признан одним из самых экологически чистых городов Центрального Казахстана. Стремясь избежать преждевременного выхода из строя труб теплотрасс от коррозии, их стали выносить на поверхность. Но, удлинив срок службы труб, эксплуатационные службы увеличили потери тепла и ухудшили внешний вид города. В конце 1980-х гг. жилищно-коммунальное хозяйство города Абай находилось в глубоком кризисе. К этому времени произошло изнашивание и устаревание городской инфраструктуры, она требовала дополнительных капиталовложений.

В 1970-х гг. изменился облик г. Шахтинска – города-спутника Караганды. Центральная часть города, расположившаяся у подножия сопки Конур-Тюбе, выполняла административную функцию, была застроена общественными и административными зданиями, имела площадь для проведения митингов, демонстраций и культурных мероприятий. Улица Ленина была главной магистралью Шахтинска, соединила центральные микрорайоны города. В средней части города находился культурно-зрелищный район, отличавшийся наличием фонтанов, бассейна и газонов. Рядом с автостанцией расположилась торгово-бытовая часть Шахтинска, на которой разместились магазины, ресторан, Дом быта, крытый рынок. Типовые здания сформировали пространственную композицию Шахтинска. Так, в период 1979-1983 гг. строились новые дома на 29, 30 кварталах. 26 квартал и микрорайон Центр-3 создали улицу имени 40-летия Победы. В течение 1982 г. общий объём подрядных работ в строительстве достиг 50,3 млн. рублей [39, с.2].

В 1979-1982 гг. резко возросло количество жалоб, писем, заявлений горожан на неудовлетворительное благоустройство Шахтинска. Только в редакцию газеты «Индустриальная Караганда» в 1981 г. пришло свыше двухсот таких писем, их поток не прекращался. Управление жилищно-коммунального хозяйства города

плохо подготовилось к зиме 1981-1982 гг. Так, на 1 октября 1982 г. из 639 объектов Шахтинска к приёму тепла были готовы лишь 220 коммуникаций. Не в полном объёме были проведены подготовительные работы. С наступлением холодов, сразу выявивших пробелы и недостатки, в УЖКХ составили и передали ЖЭКам всевозможные планы - графики, но наверстать упущенное время не удалось. Коммунальные службы не сумели равномерно распределить тепло по районам города [39, с.1]. Если такого рода проблемы были нетипичными для 1970-1980-х гг., ухудшение ситуации стало проявляться к концу 1980-х – началу 1990х гг.

23 января 1982 г. редакция газеты «Индустриальная Караганда» совместно с Шахтинским горкомом Компартии Казахстана и исполкомом горсовета народных депутатов в Доме культуры горняков города Шахтинска провела день открытого письма по вопросам работы и перспектив развития жилищно-коммунальных и энергетических служб города. Письма и вопросы направлялись в отдел коммунального хозяйства исполкома горсовета народных депутатов Шахтинска, в партийные комитеты предприятий и шахт, по месту работы. На встречу были приглашены не только горожане, но и руководители всех жилищно-коммунальных служб города [40, с.4]. В ходе встречи выяснилось, что для жителей Шахтинска большой проблемой было снабжение газом. Перебои с газоснабжением объяснялись плохим теплоснабжением. Так, в город только в январе 1982 г. было завезено сверх нормы 60 тонн [39, с.2].

Горожане жаловались на плохое освещение улиц. В сетях часто было низкое напряжение и дворы, улицы погружались во тьму. При усиленном ветре нередкими были разрывы на линиях электропередач, целые кварталы оставались вовсе без электроэнергии. Между руководителями управления «Шахтинскэнергоуголь» и Шахтинского УЖКХ долгое время шла тяжба, кому из них эксплуатировать электролинии, заниматься освещением кварталов и улиц. «Шахтинскэнергоуголь» не занималось объектами, которые находились на балансе УЖКХ, а у последнего не было базы и возможностей содержать это хозяйство в надлежащем виде. 29-й квартал остался без освещения, так как здесь с самого начало не была предусмотрена электролиния для освещения. Неблагополучная ситуация с освещением улиц причиняла много неудобств водителям и пешеходам, а порой приводило к гибели людей [41, с.2].

Не менее жгучей для города была проблема с водоснабжением. Так, жительница города И.Н. Рыжая, проживающая по адресу Мичурина 94 жаловалась: «Сколько живём в нашем доме, столько и мучаемся без воды. Возле дома всё перерыто, невозможно пройти. Одни бугры и ямы. Постоянные аварии на теплотрассах. Неоднократно обращались в ЖКХ-3, горисполком, Министерство жилищно-коммунального хозяйства республики – сдвигов нет. Ответственный работник горисполкома предупредил, что будет ещё хуже. Куда же – ещё хуже?» [41, с.3]. Трудности с водоснабжением сложились в результате снижения производительности качества скважин Котурского водозабора. Добыча воды из скважины за 1978-1982 гг. снизилась с 74 тысяч кубических метров в сутки до 52, хотя скважины работали без остановки. К концу 1982 г. дефицит воды по городу составил 10-12 тысяч кубических метров. Её потери были связаны также с многочисленными авариями. Из-за высокой аварийности в отопительный период из 5 котлов работало только 3. Не выдерживались температурные и гидравлические режимы. Несмотря на принимаемые меры, начало строительства и поставки энергетического котла № 5, оборудования химической водоочистки и проектирования котла № 6, ввод в эксплуатацию второй нитки теплотрассы неоправданно затянулось [19, л.12]. Некоторые шахты пользовались питьевой водой для пылеподавления и не заботились о строительстве очистных сооружений. Многие предприятия

транжирили воду с преступной беспечностью, не устанавливали приборы учёта её расхода [13, л.12].

Состояние благоустройства Шахтинска и меры по улучшению санитарного состояния города служили предметом обсуждения на заседаниях бюро обкома Компартии Казахстана и исполкома областного Совета народных депутатов. В принятом постановлении в 1981 г. был намечен ряд мер по упорядочению и улучшению теплоснабжения жилищного фонда и объектов социально-культурного назначения. В 1983 г. в отчёте председателя городского Совета народных депутатов Шахтинска прозвучали позитивные изменения, произошедшие в сфере благоустройства города. В 1982 г. на капитальный и текущий ремонт жилья, расширение и реконструкцию объектов коммунального назначения было израсходовано 2 млн. 116 тысяч рублей. За счет перевыполнения доходов в 1982 г. на развитие местного хозяйства сверх бюджетных ассигнований дополнительно было направлено 30 тысяч рублей. На ремонт основного и вспомогательного оборудования на ТЭЦ направили 837 тысяч рублей, на сооружение оборотного водоснабжения – 205 тысяч рублей. Построена и задействована теплотрасса между 26 и 31 микрорайонами протяженностью 3,2 км, сметной стоимостью около 1 млн. рублей, что позволило значительно улучшить теплоснабжение 31 и 28 микрорайонов. На реконструкцию внутриквартальных тепловых сетей, на замену труб 4,9 км было израсходовано 108 тысяч рублей [39, с.2].

Для улучшения теплоснабжения Шахтинска в 1985 г. на Тентекской ТЭЦ построили энергетический шестой котёл, новую групповую котельную с тремя котлами для теплоснабжения шахт имени В.И. Ленина и «Казахстанская» сметной стоимостью 11 млн. рублей. Одновременно сократилась подача излишней тепловой энергии на промышленные предприятия. Были введены в эксплуатацию очистные сооружения мощностью 55 тысяч кубометров сточных вод в сутки. В Шахтинске и прилегающих поселках было газифицировано 26535 установок [39, с.2-3].

Дальнейшее развитие получила транспортная система города. План грузооборота автотранспортными предприятиями за 1982 г. был выполнен на 101%, перевезено 25,6 млн. пассажиров. В начале 1991 г. общая протяженность внутригородских автомобильных асфальтированных дорог составила 85 километров. На протяжении ряда лет ремонтными организациями большая часть тротуаров была доведена до плачевного положения, оставались проблемы с состоянием дорожного полотна [40, с.2].

В бюджете Шахтинска недоставало средств на благоустройство города, к таким работам широко привлекали его жителей. Так, проводились двухмесячники по уборке территории. Горожане сами утепляли входные двери, прибивали к дверям пружины, закрывали на замки двери, ведущие в подвальное помещение, окна, чердачные люки и слуховые окна. Вместе с работниками ЖЭК они чистили и белили бордюры, приводили в порядок газоны. В благоустройство Шахтинска внесла свой вклад шахта им. Ленина. В 1984 г. коллективами промышленных предприятий и организаций, службами коммунального хозяйства было посажено 5847 деревьев, 4800 кустарников, отремонтировано дорог и тротуаров в объёме 9783 кв. м [39, с.2]. В начале 1991 г. площадь зеленых насаждений города составила 37 гектаров.

Газета «Шахтёрский маяк» написала в 1982 г. о выдвинутом пионерами дружины имени Ф. Дзержинского средней школы № 6 почине – «кварталам – образцовый порядок», вылившийся в движение: «Адрес работы – школа, двор, дом». Её участники занимались посадкой деревьев и кустарников в парке Победы, в микрорайонах города [42, с.2]. Н. Дрокин, почетный шахтер, полный кавалер знака «Шахтерская слава» рассказал: Мне помнится, как в былые времена, приезжавшие

сюда гости с удовольствием отмечали чистоту и ухоженность нашего общего дома – Шахтинска, радовались обилию зеленых насаждений в городе – деревьев, цветов и уютных скверов, двух парков, лесопосадок, озеру, в котором в те времена водилось немало рыбы. А мы, шахтинцы, очень гордились своим городом [43, с.4]. Почётного шахтёра поддержал старожил города Шахтинска Г.Г. Макашов: «Город был чистый и ухоженный. В городе процветало два парка – парк имени Победы и городской центральный парк. Парки утопали в зелени, а в парке Победы работал фонтан, он был единственный в нашем городе. Вечерами вокруг него собиралось много детей и взрослых». В поддержании чистоты принимали участие все жители нашего города. Все были довольны чистотой и порядком. Мы, как подрастающее поколение, тоже вносили свой вклад в общее дело. Начиная со школьных времен, мы принимали участие в городских и школьных субботниках. Сборы макулатуры, металлолома для нас были как праздники, потому что вносили дух соперничества и соревнования – кто больше принесёт, кто больше сдаст. Победители всегда награждались. Так как в уборке города принимали участие все поголовно, то никому в голову не приходило – сорить, кидать, ломать… [4, с.205].

На центральной улице города был установлен памятник, посвящённый 40-летию Победы в Великой Отечественной войне (1985 г., архитектор Ланин, скульптор Л. Смаглюк). Он состоит из Доски героев, украшенной барельефом – орденом Отечественной войны, стелой в виде развёрнутого знамени. Стелу опоясывает звезда. На лицевой стороне обелиска располагается восьми фигурный горельеф «Солдатская слава», изображающий воинов-победителей и людей, встречающих их. Высота основного обелиска, выполненного из искусственного красного камня, составляет 9 метров, стелы – 4,6 метра. В Шахтинске было четыре скульптурных памятника В.И. Ленину. На конференции городского общества охраны памятников истории и культуры города, состоявшейся в 1984 г., было отмечено, что они находились в неудовлетворительном техническом состоянии [13, л.12].

Ежегодно Шахтинск получал награды за благоустройство города. Так, по итогам социалистического соревнования между городами Центрального Казахстана по благоустройству за 1 квартал 1982 г. Шахтинск был награждён переходящим Красным знаменем обкома партии, исполкома областного Совета народных депутатов, областного советам профсоюзов и обкома комсомола с вручением Диплома I степени. За III квартал 1983 г. городу было присуждено 2-е место с вручением диплома II степени [39, с.3]. В 1990 г. Шахтинск участвовал во Всесоюзном конкурсе на лучшее благоустройство среди шахтерских городов и заслуженно получил первое место. На следующий год в аналогичном конкурсе в областном масштабе завоевал первое место с поощрением в двадцать пять тысяч рублей и трёх автомашин [44, с.1].

Итак, в 1970-1980-е гг. архитектурное пространство городов Центрального Казахстана формировалось под воздействием промышленного развития региона. Градостроительная практика предусматривала типовую застройку кварталов и микрорайонов, постепенную реконструкцию существующих городских районов. Освоение производством новых строительных конструкций, оформление фасадов, активное введение в архитектуру жилой застройки цвета позволило строить дома любой протяжённости и конфигурации, создать индивидуальный облик застройки микрорайонов и отдельных зданий. В архитектуре городов практически отсутствовали элементы национального колорита.

В 197-е – 1980-е гг. осуществлялась определенная и системная работа по благоустройству городов Центрального Казахстана. Существенно увеличилась протяжённость дорог с твёрдым покрытием, улучшилось санитарная уборка и освещение территории городов. Возросло число парков культуры и отдыха,

бульваров, скверов, зелёных зон, украшенных малыми архитектурными формами и советской символикой, оборудованных дворов, площадок, площадей и других мест массового отдыха, доступных для всех горожан. Вместе с тем, благоустройство городов Центрального Казахстана отставало от роста его населения и жилищного строительства. Во всех городах региона существовали проблемы с работой транспорта и коммунального хозяйства, связанные с недостаточным финансированием. Анализ проведённого интервью, архивных документов, материалов городской периодической печати 1970-1980-х гг. показал, что советские горожане Центрального Казахстана, как и в прежние годы, проявляли терпимость к бытовым проблемам, непритязательность и оптимизм в восприятии серьёзных проблем в городском благоустройстве. В этих условиях местное руководство использовало апробированные методы вовлечения горожан в благоустройство городов, перекладывало решение большой части проблем на градообразующие предприятия региона. Такой подход мог существовать только в условиях плановой экономики и сознательности горожан, воспитанных на советской идеологии. Кардинальные изменения в СССР в годы перестройки, переход на рыночные отношения и разгосударствление собственности предприятий разрушили сложившуюся систему благоустройства городов Центрального Казахстана.

---

1. Бочаров Ю.К. К проблеме «оптимального города» // Архитектура СССР. – 1960. – №5. – С. 16-18
2. Самойлов К.И. Архитектура Казахстана XX века (Развитие архитектурно-художественных форм). – Москва-Алматы: Издательство «М-АРи» дизайн, 2004. – 930 с.
3. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. // Материалы XXIV съезда КПСС. – М., 1971. – 316 с.
4. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960-1991 годы: сборник архивных документов и материалов. Часть 2 / Отв. Ред.З.Г. Сактаганова. – Караганда: Гласир, 2017. – 320 с.
5. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 192 с.
6. Меликов Э. Города не строятся, они создаются. Этапы архитектурно-планировочного развития города Караганды (1930-1980-е гг.). – Караганда, ГРК ПО «Полиграфия», 1997 – 97 с.
7. ГАКО.Ф. 713. Оп. 1. Д. 570
8. Маликов С. Новые микрорайоны // Индустриальная Караганда. – 1975 – 2 апреля
9. ГАКО.Ф. 1. Оп. 41. Д. 83
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1986. – Т. 12 : 1971–1975. – 356 с.
11. ГАКО.Ф. 930. Оп. 1. Д. 336
12. ГАКО.Ф. 1. Оп. 46. Д. 170
13. ГАКО.Ф. 1. Оп. 49. Д. 56
14. ГАКО.Ф. 636, Оп. 1. Д. 15
15. О социально-экономическом развитии Карагандинской области в 1989 г. // Индустриальная Караганда. – 1990. – 16 февраля
16. ГАКО.Ф. 1. Оп. 41. Д. 85
17. Лащухина Н. По старой привычке // Индустриальная Караганда. – 1987. – 11 июня
18. Муратов С. Автобус – для пассажиров // Индустриальная Караганда. –1987. – 11 июня
19. ГАКО.Ф. 1. Оп. 49. Д. 133
20. Горбенко А. Кладоискатели: о свалках Караганды, Сарани, Темиртау // Индустриальная Караганда. – 1986. –7 сентября

21. ГАКО.Ф. 1. Оп. 49. Д. 134
22. Интервью с Макашовым Г.Г. (1967 г.р), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
23. ГАКО.Ф. 1233. Оп. 1. Д. 6
24. Стефашин О. Зазеленеют городские рощи//Индустриальная Караганда. – 1985. – 18 февраля
25. ГАКО.Ф. 1. Оп. 39. Д. 136
26. ГАКО.Ф. 713. Оп. 1. Д. 570
27. ГАКО.Ф. 661. Оп. 1. Д. 18
28. Глаутдинов Б. Архитектура советского Казахстана – М: Стройиздат, 1974. – 133 с.
29. Маликов С. Новизна украсит город // Индустриальная Караганда. – 1983. – 5 января
30. Интервью с Барановой О.Н. (1945 г. р), записано С.В. Елеухановой в Караганде в 2016 г.
31. Сардарбек К. Славой овеянный город // Балхашский рабочий. – 2015. – 10 октября
32. ГАКО.Ф. 661. Оп. 1. Д. 715
33. Григорьева Т. Балхаш-Ленинград: встречи // Балхашский рабочий. – 2017. – 31 марта
34. Шмелёва В. Символы советской эпохи // Балхашский рабочий. – 2015. – 17 апреля
35. Бондарь А. История Темиртау отражена в названиях улиц // Вечерняя газета. – 2003. – 3 сентября
36. Фролова Л. Герои войны на улицах Темиртау // Вечерняя газета. – 2012. – 9 мая
37. Жезказганская газета. – 2004. – 19 марта
38. ГАКО.Ф. 15. Оп. 1. Д. 243
39. Шахтёрский маяк. – 1983. – 22 апреля
40. Дяченко Л.Н. День открытого окна // Шахтёрский маяк. – 1982. – 15 января
41. Шахтёрский маяк. – 1982. – 25 февраля
42. Мирошниченко Л. Встречая День пионерии // Шахтёрский маяк. – 1982. – 14 мая
43. Дрокин Н. Мне дорог город мой //Карагандинские вести - 2006. - 10 августа
44. Воленберг А. Растёт город – растут люди //Индустриальная Караганда. – 1991. – 23 августа

ГЛАВА 4. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И БЫТ ГОРОЖАН

4.1. Жилищные условия горожан в послевоенное время

Изучение целого комплекса жилищных проблем, с которыми столкнулось городское населения Центрального Казахстана в тяжелое послевоенное десятилетие, не случайно, так как уровень, характер и формы удовлетворения жилищной потребности оказывают существенное влияние на формирование и образ жизни семьи, ее воспроизводство, возможности удовлетворения многих культурных потребностей. Жилье – это «одна из главных потребностей человека, играющая важную роль в жизни и деятельности людей» [1, с.205]. Центральный Казахстан в послевоенный период был одним из крупных центров угольной промышленности Советского Союза. Кроме того, в это время в регионе началось строительство Карагандинского металлургического завода, воздвигался комплекс объектов медеплавильного комбината в Джезказгане, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода. Форсированный подъем тяжелой индустрии повлек за собой глубинные изменения в демографической структуре населения Центрального Казахстана. Резкое увеличение численности городского населения в Центральном Казахстане в послевоенный период стало главной причиной возникновения одной из острейших социальных проблем – необходимостью обеспечения людей жильем. Главным критерием оценки обеспечения населения жильем являются нормы среднего размера жилой площади

на одного человека, полученные в результате сопоставления общей площади жилищного фонда с численностью населения. Рассмотрим данные показатели в таблице 23.

Таблица 1 – Обеспеченность жильем городского населения Центрального Казахстана в 1948 – 1953 гг.

	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Городской жилищный фонд (кв. м)	888094	1058725	1123839	1238030	1382880	1441786
Численность городского населения (тыс. чел.)	384,7	416,9	484,3	531,3	560,7	593,1
Обеспеченность жильем в расчете на одного городского жителя, кв. м общей площади	2,3	2,5	2,3	2,3	2,4	2,4
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 299а. Л. 59; Д. 340а. Л. 35; Д. 369, Л. 27,109; Д. 387. Л. 15; Д. 405. Л. 23; ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1114. Л. 78; Д. 1124. Л. 21. В данные по городскому жилищному фонду включены сведения рабочих поселков городского типа: Моинты, Коунрад, Джезды, Джезказган, Большой Джезказган и т.д.						

Как видно из таблицы 1, за период с 1948 по 1953 гг. городской жилищный фонд Центрального Казахстана увеличился с 888094 кв. м до 1441786 кв. м, т.е. в 1,6 раза. Среднегодовой прирост составлял 9%. Согласно материалам годовых отчетов, увеличение городского жилищного фонда в основном происходило за счет строительства новых зданий, а также реставрации старого жилья (временных бараков и общежитий). Однако резкий рост численности городского населения, связанный с промышленной миграцией вызвал острый жилищный дефицит в регионе. Данные таблицы показывают, что имеющийся жилищный фонд не соответствовал общей численности городского населения. В городах и поселках городского типа обеспеченность жильем в расчете на душу населения в среднем составляла в 1948 г. – 2,3 кв. м, в 1949 – 2,5, в 1953 г. – 2,4 кв. м.

Рассмотрим ситуацию в разрезе городов. В частности, в Караганде в 1945 г. жилая площадь на одного человека составляла всего 2,8 кв. м [2, л.15]; в 1948 г. – 3,3 кв. м [3, л.21]; в 1951 г. – 3,7 кв. м [4, л. 20]; в 1952 г. – 3,8 кв. м. [4, л.20] В Балхаше в 1951 г. средняя норма жилой площади на одного человека составляла 3 – 3,2 кв. м [4, л.20]; в 1952 г. – 4,3 кв. м. [4, л.32].

В городе Темиртау в 1951 г. на одного человека в среднем приходилось 2,7 кв. м [4, л. 20]; в 1952 г. – 3-3,5 кв. м [4, л.37]. Интересные сведения мы находим в материалах переписи городского жилищного фонда Карагандинской области, где отмечается, что в 1950 г. в однокомнатной квартире, площадью 12-14 кв. м, в среднем проживало 5-6 человек. На каждого из них в среднем приходилось 2,3 кв. м жилой площади. В двухкомнатной квартире, площадью 30-31 кв. м, в среднем проживало 7-8 человек, где на одного человека приходилось 3,7 кв м. Семья, состоящая из 9-10 человек, проживала в трехкомнатной квартире, площадью 42-43 кв м, где на одного человека в среднем приходилось 4,5 кв м жилой площади [5, л.47].

Жилищный фонд Каркаралинска в 1953 г. состоял из 800 домов, из них коммунальных строений было 156 с общей жилищной площадью 9280 кв м., где проживало 1793 чел. [6, л. 1]. Следует отметить, что жилищный фонд города находились в ветхом состоянии и был практически непригоден для жизни, так как большинство построек были деревянными и неблагоустроенными и по времени относились к XIX в.

В целом, в послевоенный период жилищный дефицит возник во всех населенных пунктах Советского Союза. Справка Центрального статистического управления «О состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг. в СССР» от 18 августа 1953 г. поясняет, что средний размер жилой площади на одного человека в городах и рабочих поселках составлял всего 5,6 кв м. [7, с.176].

В городах Центрального Казахстана, согласно данным таблицы 23, в 1940-1950-е гг. средний размер жилой площади в расчете на одного городского жителя не превышал 4,3 кв м, тогда как по санитарным нормам он равнялся 8 кв м. [4, л.18]. В исследуемый период для жилищного фонда Советского Союза была характерна ведомственная принадлежность. Строительство жилья вели десятки, а нередко сотни строительных организаций различных министерств и ведомств. [8, с.56]. Жилищный фонд Центрального Казахстана принадлежал следующим организациям: комбинатам «Карагандауголь» и «Карагандашахстрой», трестам «Карагандапрожилстрой», «Прибалхашстрой», «Казметаллургстрой» и «Казмедьстрой» и т. д. [9, л.47]. Сведения в разрезе городов приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Ведомственная принадлежность городского обобществленного жилищного фонда в городах Центрального Казахстана в 1949-1953 гг. (кв м).

Города	Ведомственная принадлежность	Жилищный фонд					
		1949 г.	%	1950 г.	%	1953 г.	%
Караганда	Местные Советы	10815	1	11370	1	11766	0,8
	Министерства и ведомства	727043	64	790432	64	964088	66
	Всего	737858	65	801802	65	975854	67
Темиртау	Местные Советы	-	-	-	-	-	-
	Министерства и ведомства	86589	8	96478	8	105348	7
	Всего	86589	8	96478	8	105348	7
Балхаш	Местные Советы	-	-	-	-	-	-
	Министерства и ведомства	105379	9	124627	10	151639	11
	Всего	105379	9	124627	10	151639	11
Итого	Местные Советы	10815	1	11370	1	11766	0,8
	Министерства и ведомства	919011	81	1011537	82	1221075	85
	Всего	929826	82	1022907	83	1232841	86
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1114. Л. 82; Д. 1141. Л. 3, 5							

Согласно данным таблицы 2, жилищный фонд министерств и ведомств составлял 83% от всего городского жилищного фонда Центрального Казахстана. Жилищный фонд местных Советов имел незначительную долю в общем жилищном фонде и составил всего 1%. Следует отметить, что отраслевая система в строительстве жилищ, сложившаяся в годы индустриализации, к началу 1950-х гг. стала своеобразным тормозом дальнейшего развития жилищного строительства. Строительные организации различных министерств и ведомств из-за слабого технического оснащения, отсутствия денежных средств и профессиональных кадров систематически не справлялись с государственными заданиями по вводу новой жилой площади. И, как следствие, работали с убытками. Для решения жилищного кризиса в СССР 26 августа 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных и жилых домов». Каждый гражданин СССР получил право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и за городской чертой. Земельные участки для этих целей отводились в бессрочное пользование. Размер

участков в каждом отдельном случае определялся исполкомами областных, городских и районных советов депутатов, трудящихся в зависимости от размера дома и местных условий, в пределах следующих норм: в городах – от 300 до 600 кв.м.; вне города – от 700 до 1200 кв. м. За пользование земельными участками взималась земельная рента в установленном законе размере [10].

В городах региона государство предоставляло шахтерам ссуду в размере 10 тыс. рублей, а также обязывала руководство шахт обеспечить их строительным материалом и транспортом [11, с.16]. Одновременно городским жителям руководство предоставляло государственный кредит с целью приобретения жилья. Так, в 1948 г. карагандинским шахтерам в кредит было предоставлено 1365 домов. Стоимость жилья они выплачивали на льготных условиях в течение 10 лет. Ежемесячный взнос для погашения не превышал обычной квартирной платы [11, с.18]. За период с 1951-1953 гг. городским населением Центрального Казахстана за свой счет и с помощью государственного кредита было построено и введено в эксплуатацию 120 тыс. кв м жилой площади [12, с.228], т.е. 13% от общего количества введенного в эксплуатацию жилья. Конечно же, индивидуальное строительство не смогло кардинально решить жилищную проблему в регионе, но тем не менее, для каждой семьи имело решающее значение, так как давало возможность иметь в личной собственности дом, свой угол, а также обзавестись небольшим подсобным хозяйством. Существенным тормозом для решения жилищного вопроса в условиях ежегодно увеличивавшегося населения была нехватка необходимых для этого денежных средств (таблица 3).

Таблица 3 – Финансирование жилищного строительства в городах Центрального Казахстана за 1946-1952 гг. (в млн. руб.).

Города	Капиталовложения за 1946 – 1950 гг.		Капиталовложения за 1951 г.		Капиталовложения за 1952г.	
	Всего	В т.ч. жилстрой	Всего	В т.ч. жилстрой	Всего	В т.ч. жилстрой
Караганда	477,9	104,2	168,0	140,0	212,0	117,0
Темиртау	53,4	24,0	17,6	11,5	46,1	24,7
Балхаш	45,8	36,7	33,8	21,6	35,5	22,1
Итого	577,1	164,9	219,4	173,1	293,6	163,8
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 163. Л. 29						

Материалы таблицы показывают, что в 1946-1950 гг. объем капиталовложений в жилищное, культурно-бытовое, коммунальное строительство в городах Центрального Казахстана составлял 577,1 млн. руб. В том числе на жилищное строительство за 4 года было выделено и израсходовано 164,9 млн. руб., или всего 28%. В 1951 г. из общей суммы 219,4 млн. руб. на жилищное строительство было выделено 173,1 млн. руб. (79 %). Незначительное уменьшение наблюдалось в 1952 г., когда на жилищное строительство из общей суммы 293,6 млн. руб. было затрачено 163,8 млн. руб. (55 %). Суммы, затраченные на строительные нужды в рассматриваемый период, нельзя было считать достаточными в условиях существовавшего в те годы жилищного дефицита. Однако нельзя не отметить, что большую часть денежных средств вкладывали именно в жилье, чем тратили на остальные мероприятия. Таким образом, главные причины дефицита жилья в городах Центрального Казахстана были связаны, во-первых, с высоким промышленным притоком населения из других регионов СССР, во-вторых, со слабым развитием жилищного строительства из-за отсутствия достаточных средств и дефицитности материалов в послевоенное время.

Нормой повседневной жизни для горожан становились общежития, условия проживания в которых были неудовлетворительными. В 1945 г. в Караганде функционировало 616 общежитий [13, л.55], в Темиртау – 50 [13, л.56], в Балхаше – 69 общежитий [13, л.56]. В 1948 г. в Караганде в эксплуатацию было сдано 340 зданий площадью 63483 кв. м, в том числе 107 общежитий, общей площадью 40184 кв. м. [3, л.21]. В общежитиях наблюдалась высокая «скученность». Жилая площадь на одного человека в общежитиях шахт №№ 33, 34, 44, 45 г. Караганды составляла 2,5-2,8 кв. м. [14, л.10об.]. В общежитиях Металлургического завода и КарГРЭС жилая площадь не превышала 3 кв. м на одного человека [3, л.23]. Большинство общежитий не были обеспечены ни мягким, ни твердым инвентарем. Рабочим приходилось спать на топчанах, так как железными кроватями их обеспечили только в 1947-1948 гг. [15]. Острый дефицит испытывали люди в питьевой воде, которую привозили нерегулярно из-за отсутствия баков [13, л.57]. Не во всех общежитиях функционировали прачечные и бани. В результате была отмечена высокая степень завшивленности среди рабочих [14, л.10]. Общим недостатком являлась плохая обеспеченность топливом, что вызывало ухудшение санитарного состояния общежитий [14, л.11].

В 1949 г. ситуация в общежитиях значительно улучшилась. В г. Караганде были сданы в эксплуатацию 107 благоустроенных общежитий с площадью 40184 кв. м. [3, л. 21]. Общежития были электрифицированы и радиофицированы. К 72 общежитиям был подведен водопровод, в 10 общежитиях было введено поровое отопление. Значительно улучшилась оснащенность общежитий мягким и твердым инвентарем [3, л.21]. Во всех общежитиях были выделены специальные комнаты для сушки специальной одежды и белья, а также умывальные комнаты и душевые кабины. Чаще стали проводить санобработку помещений [3, л.23].

Несоответствующим жилищным условиям в общежитиях уделялось много внимания и в периодической печати. По содержанию публикуемых статей можно судить об остроте жилищной проблемы. Корреспондент газеты «Темиртауский рабочий» так охарактеризовал ситуацию: «На участке № 2 в Соцгородке (Темиртау) работают около 2000 рабочих, для которых руководство треста «Казметаллургстрой» не создало условий. Здесь нет ни бани, ни санпропускников, отсутствует нормальное водоснабжение и электроосвещение. В общежитиях рабочих неуютно и грязно, не хватает жесткого и мягкого инвентаря. В секциях 1 и 2 общежитии № 2, где живут 48 человек, имеется всего 36 кроватей. Рабочие вынуждены спать на полу» [16]. В очередном номере газеты «Балхашский рабочий» в статье под заголовком «Нет повседневной заботы о людях» описывалось следующее: «В комнате общежития № 1, площадь которой составляет 15 кв. м проживают 6 девушек, у которых нет ни стола, ни тумбочек. В этом общежитии вместе с одинокими живут семейные. Из-за тесноты люди вынуждены спать даже в комнатах, предназначенных для кухни и сушки одежды» [17].

Жилищное строительство не входило в приоритетные направления индустриализации. Постоянным местопребыванием тысяч рабочих семей в 1945-1953 гг. стали бараки, построенные в виде временных пристанищ вокруг шахт и заводов. Из справки ЦСУ «О состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг.» от 18 августа 1953 г. следует, что в Караганде жилая площадь в помещениях барачного типа составляла в 1940 г. – 2 тыс. кв м; в 1945 г. – 69 тыс. кв м; в 1950 г. – 121 тыс. кв м; 1952 г. – 155 тыс. кв м. [7, с.178], т. е. увеличилась в 77,5 раз. В Балхаше площадь помещений барачного типа на 1950 г. составляла 46210 кв. м. В 1951 г. было зарегистрировано 245 бараков, общей площадью 53697 кв. м. [18, л.17]. В Темиртау наблюдалось сокращение жилой площади в помещениях барачного типа. Если в 1950 г. жилая площадь

бараков равнялась 26633 кв. м, то в 1951 г. – 18918 кв. м. [18, л.26]. Сокращение было связано со сносом барачных зданий, пришедших в непригодность. Из докладной записки по учету городского обобществленного жилищного фонда приведены следующие данные (таблица 4).

Таблица 4 – Жилищный фонд помещений барачного типа в городах Центрального Казахстана в 1948-1951 гг. (кв. м).

	1948 г.		1949 г.		1950 г.		1951 г.	
	кв. м	%	кв. м	%	кв. М	%	кв. м	%
Общий жилищный фонд	888094	100	1058725	100	1123839	100	1238030	100
Жилищный фонд в бараках	202961	22,8	247297	23,3	230921	20,5	243298	19,6
Таблица составлена на основе данных ГАК.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1114. Л. 78								

Показатели таблицы свидетельствуют, что в 1948-1951 гг. удельный вес помещений барачного типа в среднем составлял 21,5%, или более 1/5 части от всего жилищного фонда в послевоенные годы. Их наличие объяснялось тем, что на первоначальном этапе промышленного освоения Центрального Казахстана бараки были выгодными для руководства. Поскольку на их строительство уходило наименьшее количество денежных затрат и незначительное время. В начале 1950-х гг. жилищный фонд барачных построек сократился по отношению к общему городскому жилищному фонду. Если в 1948 г. он составлял 22,8%, в 1950 г. – 20,5%, то в 1951 г. – 19,6%. Снижение удельного веса барачных построек произошло за счет увеличения строительства более благоустроенного жилья с соответствующими условиями, а также сноса временных жилых зданий, построенных в начале 1930-х.

В 1940-е гг. городской жилищный фонд Центрального Казахстана состоял на 90% из неблагоустроенных деревянных, саманных и глинобитных строений. [19, с.47]. Не улучшилось положение и в начале 1950-х гг. Конкретные данные приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Распределение жилищного фонда министерств и ведомств, местных Советов по строительному материалу в городах Центрального Казахстана в 1953 г.

Жилые здания по материалу стен	Караганда		Темиртау		Балхаш		Итого	
	Число жилых строе ний	Жилая пло щадь в них (кв. м.)	Число жилых строе-ний	Жилая пло щадь в них (кв. м.)	Число жилых строений	Жилая площадь в них (кв. м.)	Число жилых строе ний	Жилая пло щадь в них (кв. м.)
Каменные и кирпичные	1707	307251	265	64554	203	79582	2175	451387
Деревянные, рубленные и брусчатые	1777	147042	31	6663	65	5928	1873	159633
Щитовые и каркасно-засыпные	2619	249850	172	19023	80	16362	2871	285235
Смешанные: каменные и деревянные	119	11489	-	-	62	7047	181	18536
Прочие: саманные и глинобитные	3973	260090	299	15108	285	42720	4557	317918
Итого	10195	975854	767	105348	695	151639	11657	1232841
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1134. Л. 2, 23-24. Л. 31об								

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что в 1953 г. ведомственный жилищный фонд составлял в Караганде 10195 жилых зданий, общей жилой площадью 975854 кв м; в Темиртау 767 жилых зданий, общей площадью 105348 кв м; в Балхаше 695 жилых зданий, общей площадью 151639 кв м. Из общего числа ведомственных жилых зданий постройки глинобитного и саманного типа составляли 40%. Деревянные постройки составляли 16%, щитовые и каркасно-засыпные – 24, смешанные (каменные и деревянные) – 2%. Всего 18% приходилось на долю каменных и кирпичных жилищных строений. Индивидуальные постройки, возведенные в 1930-1940-е гг., относились к числу саманных и глинобитных строений. Находясь в трудных условиях, людям приходилось самостоятельно воздвигать себе жилища, используя любые подручные строительные материалы. Строительство каменного и кирпичного жилья в регионе было развернуто в конце 1940 – 1950-х гг. Под государственный контроль был взят вопрос о строительстве более благоустроенного жилья для рабочих и служащих в промышленных регионах. На промышленные предприятия была возложена большая ответственность по строительству новых жилых зданий. Но ограниченность ресурсов в первые послевоенные годы не позволяла кардинально решить этот вопрос.

Жилищное строительство в Караганде, Балхаше, Темиртау продвигалось медленно, оно не успевало за быстрым ростом городского населения. Приведем архивные материалы об этажности ведомственных жилых строений и занимаемой ими площади по отдельным городам в 1953 г. (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение жилых зданий по этажности в городах Центрального Казахстана в 1953 г.

Жилые здания по этажности	Караганда		Темиртау		Балхаш		Итого	
	число жилых строений	жилая площадь в них (кв. м)	число жилых строений	жилая площадь в них (кв. м)	число жилых строений	жилая площадь в них (кв. м)	число жилых строений	жилая площадь в них (кв. м)
Одно-этажные	9699	768201	676	68632	572	70880	10947	907713
Двухэтажные	401	136376	87	32530	97	36862	585	205768
Трехэтажные	80	49502	4	4186	5	5047	89	58735
Четырех-этажные	15	21775	-	-	16	26215	31	47990
Пятиэтажные	-	-	-	-	5	12635	5	12635
Итого	10195	975854	767	105348	695	151639	11657	1232841
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1134. Л. 2, 23-24. Л. 31об								

Данные таблицы свидетельствуют, что в 1953 г. одноэтажные и двухэтажные дома составляли 98% по числу строений и 90% по объему жилой площади в них. На долю трехэтажных домов по числу строений приходилось всего 0,8%, по объему жилой площади – 5% от общего ведомственного жилищного фонда. Из-за отсутствия необходимых строительных материалов, транспортных и денежных средств в основном строились малоэтажные дома. Строительство четырех и пятиэтажных домов в городах было незначительным.

Слабое развитие коммунальных предприятий повлияло на благоустройство жилья. Имеющееся жилье было без элементарных бытовых условий. Из воспоминаний Р.Т. Капановой: «Дома были без коммунальных услуг, не было ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Помню, как все люди города, в основном дети и женщины собирали угольные породы около шахты. Мы тоже часто ходили. Брали с собой маленькие сани и укладывали туда уголь. Нас

никто не ругал, наверно работники шахты понимали, что нам тоже надо было, как-то жить, чтоб не замерзнуть. Собирали уголь и в бураны, и в морозы. Руки так замерзали, что мы их не чувствовали. Лишний уголь мы продавали: одну санки угля за 2-3 руб.» Приведем статистические данные в разрезе городов в таблице 7.

Таблица 7 – Благоустроенность ведомственного жилищного фонда в городах Центрального Казахстана на 1 января 1953 г. (кв. м).

	Караганда		Темиртау		Балхаш	
	(тыс. кв. м)	%	(тыс. кв. м)	%	(тыс. кв. м)	%
Общая площадь жилого фонда (тыс. кв. м), оборудованная	975854		105348		151639	
Водопроводом	106560	11	14335	14	74784	49
Канализацией	72717	7	5230	5	71629	47
Центральным отоплением	81713	8	22180	21	9630	6
Теплофикацией	360	0,03	12208	12	66534	44
Горячей водой	4877	0,4	2540	2,4	не было	-
Наличием ванн	54159	5,5	4273	4	38765	26
Газом	не было	-	не было	-	не было	-
Электроосвещением	960974	98	105348	100	151639	100
Печным отоплением	809958	83	78876	75	96605	64
Таблица составлена на основе данных: ГАКО. Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1124. Л. 21-72; Д. 1134. Л. 1-31об						

Данные таблицы свидетельствуют, что жилищный фонд Караганды на 1 января 1953 г. был оборудован водопроводом на 11%; канализацией – на 7%, центральным отоплением на 8%. Говорить о наличии таких удобств, как горячее водоснабжение, газификация вообще не приходилось. Центральное отопление во многих домах по-прежнему заменяло печное отопление. Более улучшенная обстановка была в городе Балхаше, где наличие водопровода составляло 49%; канализации – 47; теплофикации – 44%. Из всех городов наибольший процент обеспеченности жилых домов центральным отоплением был зафиксирован в Темиртау, который составил 21%, в отличие от Караганды (8%) и Балхаша (6%). Из всех домашних благ наибольшая обеспеченность приходилась на электроосвещение, которое составляло 98%.

Внутренняя обстановка жилища городского населения Центрального Казахстана была скромной. Жительница г. Караганды говорит: «Мебели у нас в доме практически не было. В углу комнаты стоял шкаф, а по бокам железные кровати. Семья была большая, поэтому нам приходилось спать на полу. Уроки учили там, где приходилось. Дома было очень тесно. Стола не было. Поэтому я ставила сумку на колени, и делала уроки прямо на сумке». В целом во всех домах присутствовала однотипная мебель: столы, стулья, буфет, шкафы, диваны, кровати и тумбочки. Стены в домах белились. На них горожане вешали агитационные плакаты, картинки и портреты вождей: Ленина, Сталина и др.

Недостаток в оборудовании мебелью наблюдался и в коллективных жилищах (общежитиях и бараках). Так, в общежитии № 2 г. Темиртау не хватало табуреток, тумбочек и столов. Рабочие, придя с работы, были вынуждены садиться на кровать. Столы ничем не накрывались. В общежитии не работала водопроводная сеть, что вынуждало жильцов пить воду из систем отопительного водоснабжения [20]. В общежитиях треста «Карагандажилстрой» на одного рабочего приходился 1 топчан, на двух рабочих – 1 табуретка, на трех рабочих – 1 ведро, на 15 рабочих – 1 кадка и т. д. [2, л.33]. В общежитии восточной стройконторы на 40 человек имелось всего 3 табуретки. Для жильцов общежитий Деревообрабатывающего комбината

не были установлены умывальники, а имеющаяся мебель была не пригодна для пользования [2, л.34].

Таким образом, проанализировав жилищные условия городского населения Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг., можно сделать ряд выводов.

Резкий рост численности городского населения стал главной причиной жилищного кризиса. Слабое техническое оснащение, недостаток профессиональных кадров, а также отсутствие денежных средств, строительных материалов не позволяло решить жилищную проблему в регионе. Недостаточность жилищного фонда отрицательно повлияла на средний размер жилой площади, приходящийся на душу населения. Люди жили в коммунальных квартирах, где одна семья, как правило, занимала одну комнату. Многие люди были вынуждены устраиваться в коридорах и «углах» чужих квартир. Приходилось спать на полу в местах общего пользования. Жилищная теснота усугубляла социально-экономическое положение горожан.

В исследуемый период жилищное строительство осуществляли многочисленные неспециализированные строительные организации различных министерств и ведомств. В силу этого строительные организации систематически не справлялись с государственными заданиями по вводу новой жилой площади и, следовательно, не могли удовлетворять возрастающую потребность населения в жилье. Государственное строительство обнаружило свою маломощность в обеспечении населения необходимым количеством жилплощади. Горожане, чтоб хоть как-то решить сложившуюся ситуацию, были вынуждены развернуть индивидуальное строительство. Наличие одноэтажных деревянных, саманных и глинобитных построек вынуждало население жить в полуразрушенных помещениях. Отсутствие денежных средств не позволяло не только обустроить, но и сделать капитальный ремонт.

Для городского жилья был характерен низкий уровень благоустроенности. Оснащенность жилья водопроводом и канализацией было незначительной. Вследствие этого во многих домах не было ванных комнат. Из-за слабого развития системы центрального отопления в домах доминировало печное отопление. Прочие виды санитарно-технических мероприятий (наличие газопровода, горячей воды) вообще не получили распространение в рассматриваемый период. Значительные позитивные сдвиги произошли в снабжении горожан электроэнергией, однако и она подавалась с перебоями. Как видим, показатели коммунального обслуживания в Центральном Казахстане сильно отставали. Причины заключались в недостаточном финансировании жилищно-коммунального хозяйства региона из центра.

Дефицит мебели испытывали все городские общежития, дома, квартиры. Слабая оснащенность населения в предметах комнатной обстановки была связана с ограниченным ассортиментом продукций отраслей легкой промышленности.

Жилищная политика с ее коммунальным бытом отучала людей от индивидуальной психологии, оказывала решающее влияние на приватную жизнь советского гражданина. Самые потаенные стороны быта становились достоянием всей квартиры. Коммунальные неудобства изматывали большинство жильцов психически. Комплекс перспективных ожиданий – наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла государству направлять и контролировать массовое сознание, а народу надеяться, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее. Жилищная теснота и нехватка были одними из насущных проблем в повседневной жизни горожан. Недостаточность денежных средств, слабое жилищное строительство не позволяли решить назревшую проблему. Многим приходилось жить в коллективных жилищах: бараках, общежитиях.

1. Мстиславский П.С. Народное потребление при социализме. – М. : «Госиздат», 1961. – 311 с.
2. ГАКО.Ф. 634. Оп.1. Д. 2
3. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 910
4. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 163
5. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1111
6. ГАКР.Ф. 68. Оп.1. Д. 12
7. Советская жизнь. 1945-1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
8. Харитонова А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1965. – № 5. – С. 50 – 64
9. ГАКО.Ф. 18. Оп.1.Д. 1727
10 Советтік Қарағанды. – 1948. – 31 августа
11. Хавин А.Ф. Знатные люди Караганды. – М. : Углетехиздат, 1947. – 40 с.
12. Народное хозяйство КазССР. Статист. сборник. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 381с.
13. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 675
14. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 722
15. Социалистическая Караганда. – 1948. – 18 июня
16. Темиртауский рабочий. – 1949. – 19 января
17. Балхашский рабочий. – 1950. – 12 июня.
18. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/6. Д. 1114
19. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия / Гл. ред. Р.Н. Нургалиев. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской Советской энциклопедии, 1986. – 608 с.
20. Темиртауский рабочий. – 1949. – 7 января

4.2. Жилище и быт в 1954 – 1960-е гг.

Проблема жилищного строительства в Советском Союзе продолжала оставаться значительной и 1950-е, и в 1960-е гг. В развитии строительства жилых домов оставляли свои следы смена власти, важнейшие события в социально-экономическом, общественно-политической жизни страны в целом. Размах жилищного строительства, в исследуемый период имел решающее значение в изменении социально-бытового уклада советского общества. Высокие темпы градостроительства, предоставление гражданам индивидуальных квартир отразили не только известные изменения в государственной идеологии, но и повлекли за собой перемены в общественном сознании. В послевоенные годы в связи с ростом механизации труда, произошла быстрая ликвидация тяжелых последствий войны в жилищном хозяйстве. В этот период среднегодовые темпы прироста жилой площади в СССР составили 25,4 млн. кв. м, то есть были 2,5 раза выше, чем в 1940-е гг. В результате активного участия масс в жилищном строительстве и развитии его производственной базы в стране за эти годы было построено 254,5 млн. кв м нового жилья. Городское население за свой счет и с помощью государства в этот период построило и ввело в эксплутацию 69,2 млн. кв м жилья. [1, с.56]

Но жилищное строительство не успевало за ростом городского населения. Количество жилой площади, приходящейся на одного жителя, не превышала 2,7 – 4,3 кв м. В 1955 г. количество жилой площади на 1 человека доводилось: по г. Караганде до 3,93 кв м при 3,68 кв м в 1951 г.; по г. Балхашу до 6,68 кв м при 4,35 кв м в 1951; по г. Темиртау – 4,58 кв м и 2,7 кв м соответственно [2, л.20]. Поэтому в каждом пятилетнем плане развития народного хозяйства по

Карагандинской области главной задачей для местных органов власти было жилищное строительство. Для увеличения жилых фондов выделяли значительные денежные средства (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Объём и финансирование жилищного строительства городов Центрального Казахстана в 1953-1955 гг. [2, л.23-29.]

Города (тыс. кв. метр)	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Итого 1953-1955 гг.	Капвлож. на 1953-1955 гг.	
					всего	В т. ч. жилстроит.
Караганда	150	170	175	495	1172,0	762,0
Балхаш	36,7	40,0	40,0	116,7	196,3	125,0
Темиртау	69,0	92,0	95,0	256	452,2	173,4
Джезказган	40,8	45,0	50,0	135,8	239,8	190,1
Итого	296,5	347	360	1003,5	2060,3	1250,5

Как видно, из данных таблицы 1 планируемый объём жилищного строительства составил на 1953-1955 гг. – 1003,5 тыс. кв. метров. Однако, несмотря на такой значительный прирост жилой площади, только в г. Балхаше жилая норма в 1955 г. достигла 6,7 квадратных метров на человека, а в остальных городах, в связи с большим приростом населения в крайне низкой обеспеченности жилой площадью, в 1955 г. – еще не была достигнута минимальная норма в 6 кв м на человека и составила в г. Караганде 4 кв м, в г. Темиртау 4,6 кв м на человека, даже с учетом индивидуального жилищного строительства [2, л.24]. Чтобы довести жилую площадь на душу населения, хотя бы до 6,5 кв. м. в 1950-е гг. и поселить трудящихся в благоустроенные квартиры, необходимо было построить и сдать в эксплуатацию за 4 года 137 тыс. кв. метров и вложить средств на 175,029 тыс. рублей [2, л.32].

Жилищное строительство в г. Караганде за 1954-1955 гг. составило в объеме 472,8 млн. рублей, с вводом в действие 256,7 тыс. кв м жилой площади. В Караганде в целом средняя норма жилой площади, приходящейся на одного человека, составила в 1957 г. 5,5 кв м, а в некоторых районах города была несколько выше. Например, на шахтах № 1, 35, 18, 18-бис, 86, 19-бис, 121, 4, 106, 107, 120, 3 – в среднем 8 кв м, на шахтах № 47 – 11 кв м, на шахте № 104 – 12 кв м [3, с.121].

В 1950-х гг. одними из первых в стране освоили крупноблочное строительство пятиэтажных жилых зданий балхашцы. Так, за 1951-1955 гг. в Балхаше было введено в эксплуатацию 80 тыс. кв м жилой площади или только 78% плана. Если в 1946 г. балхашцы получили около 900 кв м жилой площади, то в 1958 г. – 13 тыс. кв м, и стали сооружаться многоквартирные дома с ваннами, водопроводом, канализацией. В 1958 г. в среднем на одного человека приходилось 6 кв м жилой площади в благоустроенных домах [2, л.142]. К 1 января 1952 г. население города Темиртау достигло 50 тыс. человек. Жилищный фонд по состоянию на 1 января 1952 г. составил 175 тыс. кв м, в том числе, ведомственный – 97 тыс. кв м. В 1955 г. численность населения увеличилась вдвое, жилищный фонд города составил 175 тыс. кв м. Принимая за минимальную норму 6 кв м на человека, жилищный фонд должен был быть доведен до 600 тыс. кв м, но он почти был в 4 раза меньше [2, л.41]. В 1955 г. в г. Джезказган с населением в 80 тыс. человек ощущался недостаток в жилой площади, поэтому в 1951-1955 года планировалось строительство жилой площади 160800 кв. м., что обеспечило бы по 7 кв м на душу человека [2, л.45].

В целом, в исследуемый период в стране в целом, и в регионе в частности, существовало три основных вида жилищного строительства: государственное,

кооперативное, индивидуальное за счет личных средств застройщиков и с помощью государственного займа.

В связи с развитием промышленности в городах Центрального Казахстана потребность в жилье росла, а строительство благоустроенных домов не успевало за этой потребностью. Выход был найден в быстром возведении дешевых домов барачного и саманного типа, которые в последующие годы стали заменяться на капитальные жилые дома. Дома барачного типа в Караганде были в районах Старого города, Тихоновки, Михайловки. Один из таких бараков находился на улице Федорова 52 в г. Караганде. Это был одноэтажный дом, обращенный фасадом на улицу. Стены бревенчатые, оштукатуренные сложным раствором. Кровля дома состояла из несущих деревянных щитов, позднее была покрыта шифером. Полы дощатые, настланы по лагам, уложенным на деревянных столбиках. Перегородки деревянные, оштукатурены. Оконные переплеты двойные, глухие. Филенчатые двери и оконные рамы были выкрашены светлой масляной краской. Отопление печное, печь-плита из жженого кирпича. Проведено электрическое освещение с открытой проводкой. Водопровода и санитарного узла не было. Из надворных построек имелся сарай для хранения угля. Барак был многоквартирным с коридорной системой. В каждой квартире имелась комната с передней, служащая одновременно и кухней, площадь комнат была различной [4, с.198].

Жилище барачного типа для государства обходилось дешевле и давало возможность за короткое время разрешить проблему обеспечения жильем население. Жители Караганды воспоминают, что барачные дома в городе существовали до 1970-х гг. В бараках комнаты располагались на одной линии с длинным коридором. Было печное отопление, туалет был на улице. Жительница Караганды Абильмажинова Ш.Р. вспоминает: «В детстве с семьей жили в Кировском районе (Пришахтинск) с 1961 по 1971 гг. Кировский район получил свое название от транспортного цеха, который располагался в этом районе. Отец работал шахтером в шахте им. Кирова. Мама работала продавцом в магазине. Жили в бараке, он состоял из 8-ми квартир, расположенных по одной линии. Каждая квартира состояла из 3-х комнат. Квадратура квартиры примерно 45 кв м, телефона не было. Входная дверь у каждой квартиры была отдельная, с улицы. У входа квартиры была постройка, потом вход на кухню, через кухню дальше зал, потом – спальня, то есть, все комнаты были проходными. Между ними были межкомнатные двери. Кладовки не было, вместо нее был сарай. За бараком был огород, наша семья жила в крайнем углу барака, наш участок был больше, чем у соседей. В огороде сажали картошку, морковь и др. овощи. Напротив барака находился сарай для каждой квартиры, между бараком и сараями находился двор. В холодное время топили печку. Центрального отопления, горячего водоснабжения, канализации не было. Раз в неделю семья ходила мыться в баню, за которую дети платили 10 копеек, а взрослые 1 рубль. В течение недели мылись в большом корыте, которую использовали вместо ванной. Деревянный туалет находился на улице за сараем. Белье вывешивали во дворе на веревках, натянутые между домом и сараем. Ремонт делали каждый год за свой счет, при этом стены белили известкой, полы красили в оранжевый цвет.

На кухне стоял столик со стульями, кровать, на которой могли спать гости или кто-то из детей, рукомойник, печка. Холодильника и телевизора в доме не было, так как не было возможности их приобрести. В зале располагались этажерка с книгами, стол, две кровати, на которой спали дети. В семье было пятеро детей: две девочки и три мальчика. Девочки спали на кровати, а мальчики – на полу. Гостей размещали в спальне или в зале. В спальне была кровать, трюмо. Из ковров была только самотканая дорожка (алаша). Ее для нашей семьи соткали наши

родственники из Кокчетавской области. Наша стиральная машина называлась «Киргизия». Из дорогой мебели ничего не было. До того момента, когда родители купили гардины (кстати, на них была очередь), шторы вешали на веревку. Когда приобрели гардину с кольцами, мы с братьями и сестрой каждое утро спорили, кто первым будет открывать шторы. Гардина для нас являлась чем-то новым, интересным». [5]

По данным отечественных исследователей В.В. Вострова и Х.А. Кауановой, некоторая часть жителей Караганды проживали в саманных домах, расположенного на улицах Атбасарской, им. Федорова, Трамвайной. Авторы, как пример, описывают один из таких домов по улице Атбасарской, принадлежавший семье Кабдуловых. Семья Кабдуловых, состоявшая из родителей и семей трех сыновей, приобрела дом в 1953 г. Бывший хозяин построил дом из саманного кирпича в 1930 г и в 1950-1960-е гг. проживали в нем. «Фактический дом представлял собою объединение трех однокамерных типично казахских жилищ. Условно каждую комнату обозначим номерами 1, 2, 3. Жилая комната №1 удлиненной формы являлась жилищем стариков-родителей. Площадь ее 5,90 на 2 м., окно размером 88 на 58 см. Обращено на юго-восток, рамы двойные, глухие. Пол в комнате земляной. Помещение разделено на две половины печью из жженого кирпича. Обогреватель печи образовывал третью стену в передней половине жилья, где семья принимала пищу, отдыхала. Вход в помещение перпендикулярен к этой стенке. Вторая половина жилища, куда обращена плита, использовалось как кухня. Жилище родителей называют ас-үй (столовая). Напротив входа, параллельно помещению стариков комната старшего женатого сына – отау-үй (комната молодых). Комната широкая, общей площадью 4,50 на 3 м, два окна такого же размера, как и в комнате родителей, обращены на юго-восток. Пол деревянный, из широких (в 30 см) досок, покоящихся на деревянных столбиках. Дверь напротив входа в помещение стариков. Прямо у входа – казахская печь с дымоходной трубой (мойынды пеш). Печь не делила помещение на две камеры, она располагалась в левом углу от входа, на 20-25 см от стены, в промежутке между печью и стеной размещалась кухонная утварь. Ас-үй и отау-үй, расположенные параллельно друг другу, объединены между собой третьей жилой комнатой үлкен-үй (гостиная), предназначенной для приема гостей. Здесь жили средний женатый сын и младший, холостой. Помещение разделено на две камеры (переднюю и зал) обширным обогревателем плиты и легкой деревянной переборкой. Высота перегородки почти до потолка – 1 м 74 см, ширина– 67 см. Двери деревянные, высота – 1 м 50 см, ширина – 60 см. Площадь зала – 3,30 на 3 м, передней – 2,90 на 3 м» [4, с.195-196]. Конструкция описанного дома, как и планировка, типична для архитектуры жилища казахов. В частности, для жилища казахов характерен дом без фундамента. Дома такого типа были характерными постройками для городских казахов. Жилище барачного и саманного типа на время решило остро стоящую проблему обеспечения жильем население региона. Барачные и саманные постройки были часто без централизованного водоснабжения, без санузлов, с печным отоплением. Начиная с конца 1960-х и в 1970-е гг. такое неблагоустроенное жилье стало сноситься и на их месте появились многоквартирные дома современного типа.

Для советских людей эпохи 1940-1970-х гг. такие жилищные условия казались нормой и не вызывали никаких негативов. Наличие крыши над головой и отдельного угла (даже не комнаты) казалось счастьем для семьи. В одной небольшой комнате за ситцевыми занавесками, отделявшими их друг от друга, жили десятилетиями несколько семей одновременно. В таких домах рождались, женились и старели советские люди. И их не пугали отсутствие туалетов в доме или ванн, горячей воды, необходимость топить печь, поскольку именно так и жило

абсолютное большинство советских людей. Многие иностранцы, побывавшие в СССР в середине 1950-х гг., отмечали, что советский человек «привык жить плохо». Финские журналисты, побывавшие в СССР в середине 1950-х гг., отмечали в своих статьях, что «советский рабочий живет хуже, чем финский», «советский человек привык жить плохо» [6, л.6]. Российские исследователи считают, этот социальный феномен – «историческая привычка к бедности» – оказывал негативное влияние на всю советскую социальную политику, в том числе и жилищную [7]. Власть злоупотребляла терпением народа и его неприхотливостью, а аскетизм и излишний «коллективизм» в быту часто вызывал недоумение зарубежных гостей СССР [8]; их реакция уже описывалась в предыдущей главе.

Кроме бараков и одноэтажных саманных домов наиболее распространенным видом жилья в городах являлись «коммуналки» – квартиры, в которых жило по несколько семей: каждая семья в 1 комнате с общими для всех жильцов коммуналки кухней, санузлом и коридором. Т.А. Алимбаев, рассказывая про коммунальные квартиры, вспоминает, что общими в таких квартирах были кухня, телефон, санузел. На кухне по очереди готовили еду на общей газовой плите. Позже у каждого жителя коммунальной квартиры появляется холодильник, в основном, марки «Зил» с ключом. Ключ предназначался для предотвращения воровства продуктов питания с холодильника. В одной коммуналке проживало от четырех до восьми семей. Центрального водоснабжения горячей водой не было. Площадь комнат составляла от 20 кв м и более. Традиционно, посередине комнаты, располагался стол, накрытый матерчатой скатертью. В комнате находился шкаф для посуды, платяной шкаф, кровати с железными или деревянными спинками. Коммунальные квартиры были более благоустроенными, нежели бараки. [9]

Некоторая часть городских жителей Центрального Казахстана решало свои жилищные проблемы самостоятельно с помощью государства, которое выделяло им ссуды. Например, опишем самостоятельно построенный дом в Караганде в 1947 г. «Строение стоит на каменном фундаменте. Стены у него деревянные, оштукатурены глино-саманным раствором, побелены известью. Крыша двускатная глино-рассыпная. Потолок подбит фанерой. Дом 4-х комнатный, общей площадью 55 кв м, размеры первой комнаты – 4 на 3,05 м, в ней одно окно, обращенное на север; размеры второй – 3,95 на 3,65 м, из двух окон одно обращено на север, другое – на восток, размеры третьей комнаты – 4,00 на 3,00 м, одно окно обращено на запад; размеры четвертой комнаты – 4,00 на 2,25 м, окно обращено на восток. Все комнаты отапливаются одной печью «голландкой» (это печь голландского образца с прямоугольной конструкцией с толстыми стенками из кирпича и многоканальным дымоходом (от 3 до 12 каналов), сложенной из жженого кирпича, топка которой находится в четвертой комнате. Размеры кухни – 3,08 на 2,09 м, окно обращено на юг. В кухне плита из жженого кирпича. Размеры коридора – 3,00 на 2,02 м, кладовой – 2,09 на 1,00 м, двор окружен невысокой деревянной оградой, во дворе деревянный же сарай для хранения угля» [4, с.200].

В промышленных городах Центрального Казахстана десятки тысяч молодых людей жили в общежитиях. В таких быстро развивающихся городах, как Караганда, Темиртау, Шахтинск, Абай, Балхаш, Джезказган существовали целые молодежные городки. Так, в 1965 г. в Джезказгане насчитывалось 49 рабочих общежитий, в которых жили более 5,5 тыс. человек. Для общежитий строились капитальные, нередко многоэтажные дома со всеми бытовыми удобствами [10, л.127]. Там, где не хватало общежитий, проблемы жилья решались достаточно просто. Например, в г. Темиртау при строительстве казахстанской Магнитки из-за нехватки общежитий и бараков рабочих расселяли в палаточном городке.

Многие коммунальные и другие квартиры были без элементарных бытовых удобств. Низок был процент теплофикации и радиофикации квартир. Жилищно-коммунальные хозяйства были очень слабы и не могли полностью удовлетворить запросы трудящихся. Так, на начало 1960 г. жилищный фонд городов и рабочих поселков был оборудован водопроводом на 31%, канализацией – на 26, центральным отоплением – на 35, газом – на 3, горячим водоснабжением – на 3%. Все это затрудняло решение жилищной проблемы. [3, с.121]

Итак, жилищную проблему в 1950-е гг. решить так и не удалось, и в городах значительную часть жилого фонда составляли коммунальные квартиры, неблагоустроенные дома и бараки. Ввиду того, что часть населения города была пришлой, свою востребованность на протяжении рассматриваемого периода сохраняли общежития (рабочие и студенческие).

Для увеличения темпов жилищного строительства было принято решение строить менее затратное жилье. Старт новым методам жилищного строительства дал хрущевский период, была поставлена задача «серьезно улучшить и значительно расширить жилищное строительство» в стране в целом. Главным путем ускорения темпов и увеличения объёмов жилищного строительства стала широкая индустриализация всех производственных процессов и строительство жилья укрупненными специализированными строительными организациями [11, с.57]. В результате, в 1957 г. был разработан план городского развития, который предусматривал увеличение темпов жилищного строительства и его удешевления. Главная концепция плана заключалась в том, чтобы начать строительство целой серии домов по единому типовому проекту, предусматривавшему моделирование трех-четырех вариантов конкретного дома со стандартной внутренней планировкой. Типичным жильем стали так называемые «хрущевки»: 1-комнатные квартиры жилой площадью 18-20 кв м, 2-комнатные – 30 кв м и 3-комнатные – 36-40 кв м. В каждой квартире имелись кухня площадью 6 кв м, под окном которого находился «зимний холодильник» (шкаф под окном, выполнявший роль холодильника), совмещенный санитарный узел, прихожая. «Все «дополнительные площади»: коридор, ванная комната, кухня были сокращены до физиологического минимума. Потолки были опущены до 2,7 м, лестничные пролеты сужены, кладовки, мусоропроводы и лифты ликвидированы. Все это в конечном итоге позволяло снизить трудоемкость возведения жилья, уменьшить стоимость каждой квартиры на 30-40%, сократить сроки сдачи, а главное отказаться от планирования коммуналок [3, с.96].

В начале 1957 г. ЦСУ СССР провело крупномасштабное обследование жилищных условий рабочих и служащих. Было изучено положение около 20 тыс. семей, всего более 64 тыс. человек. Обследование показало, что 16% семей имели до 3 кв м на человека и 42% семей – от 3 до 5 кв м. В более стесненных условиях жили многодетные семьи: 23% детей, имевшихся в обследованных семьях, проживали на площади до 3 кв м на 1 чел., а 48% – от 3 до 5 кв. метров. [12, л.177].

В Российском государственном архиве экономики имеются материалы по характеристике жилищных условий обследованных семей рабочих и служащих на 1 февраля 1957 г. по Казахской ССР и Карагандинской области. Сравним имеющиеся статданные с общесоюзными показателями. Обследования охватили различные категории населения, мы рассмотрим показатели семейных групп: 368 семей рабочих (средний состав семьи – 4,3 чел.), 68 семей ИТР (средний состав семьи – 4,8 чел.), 36 семей служащих (средний состав семьи – 3,6 чел.), и 16 семей учителей (средний состав семьи – 3,6 чел.). [13]

Таблица 2 – Жилищные условия 368 семей рабочих Казахской ССР в 1957 г. в % [13, л.1]

Государ. жилье	Собств. жилье	Арендов. жилье	В новом доме, постр. после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
61	36,4	2,4	50,5	24	33,6	42	59,8
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радио-точка	с кухней
0,5	6,8	11,7	19,5	1,1	1,1	29	64
водо-провод	канали-зац.	централ. отоплен.	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
15,5	12,5	12,2	87,8	0,8	0	3	94,8

Данные таблицы 2 демонстрируют, что более половины рабочих (61%) имели государственное жилье, причем 50% проживали в относительно новых домах, построенных в послевоенное время. Но значительная часть из них (42%) все еще проживала в саманных, щитовых или глинобитных домах. Почти 60% жили в отдельных домах или квартирах, но незначительная часть семей (0,8%) ютилась в подвальных или полуподвальных помещениях. Жилье у многих обследованных казахстанцев-рабочих не имело удобств: почти у 85% не было водопровода, у 87% – канализации и центрального отопления, у 99,2% – горячего водоснабжения, ни у кого не было газа, 97% не имели ванны или душа, 5,2% жили без электроосвещения. Средняя жилплощадь на 1 человека составляла всего 4,6 кв м, что в целом соответствует общесоюзным показателям.

Сравним общеказахстанские данные с карагандинскими условиями проживания аналогичной группы. Было обследовано 138 семей рабочих-карагандинцев, аналогичен общеказахстанским средний состав семьи – 4,4 чел.

Таблица 3 – Жилищные условия 138 семей рабочих г. Караганды в 1957 г. в % [13, л.20]

Государ. жилье	Собств. жилье	Арендов. жилье	В новом доме, постр.после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
63	35,5	1,4	40,6	10	50,7	39	77,5
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
0	0	6,5	14,5	1,4	1,4	23	77
водопро вод	канали зац.	централ. отоплен.	печное отоплен.	горячее водоснаб	газ	ванна или душ	электр. освещен.
8,7	1,4	2,2	97,8	0	0	1,4	100

Также, как и в целом по республике, более половины рабочих (63%) имели государственное жилье, но чуть больше (на 2%), чем по КССР. 40,6% проживали в относительно новых домах, построенных после 1946 г. (на 10% меньше, чем в целом по республике). Абсолютное большинство рабочих (почти 90%) проживали в смешанных, саманных, щитовых или глинобитных домах, хотя это преимущественно (77,5%) были отдельные дома или квартиры, в подвальных или полуподвальных помещениях не жил никто из обследованных карагандинцев. Но почти все жилища не имели удобства – почти у 92% не было водопровода, 98,6% – канализации и 97,8% – центрального отопления, 100% не имели дома горячего

водоснабжения, ни у кого не было газа, 98,6% не имели ванны, зато все жили с электрическим освещением. Средняя жилплощадь на 1 человека составляла всего 4,7 кв м, что в целом было очень близко к республиканским и общесоюзным показателям.

Несколько лучше в Казахской ССР были жилищные условия у ИТР (средний состав семьи – 4,8 чел.) (таблица 4).

Таблица 4 – Жилищные условия 68 семей ИТР в Казахской ССР в 1957 г. в % [13, л.11]

Государ. жилье	Собств. жилье	Арендов. жилье	В новом доме, постр. после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
58,8	42,6	0	54,4	29,4	29,4	41,2	78
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радиоточка	с кухней
4,4	7,4	7,3	4,4	0	23,5	29,4	82,3
водопровод	канализ.	централ. отоплен.	печное отоплен.	горячее водоснаб	газ	ванна или душ	электр. освещен.
19	16	17	83	1,5	0	11,7	100

По таблице 4 можно отметить, что больший процент ИТР (78%) проживали в отдельных домах или квартирах, которые были на четверть телефонизированы в отличие от рабочих, у которых телефоны были большой редкостью; от 16 до 19% имели водопровод, центральную канализацию и централизованное отопление. Никто из ИТР не проживал в подвальных помещениях. Незначительный процент ИТР (1,5%) имели в квартирах горячее водоснабжение и 11,7% – ванну. Выше была и средняя жилая площадь на 1 чел., она составила 5,8 кв м.

Жилье служащих и учителей (средний состав их семей – 3,6 чел.) не имело особенных отличий, и повседневность их жилищного бытия принципиально не отличалась от условий рабочих (таблица 5 и 6).

Таблица 5 – Жилищные условия 36 семей служащих в КазССР в 1957 г. в % [13, л.13]

Государ. жилье	Собств. жилье	Арендов. жилье	В новом доме, постр. после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
55,5	36,1	8,3	44,4	22,2	33,3	44,;2	61,1
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радио-точка	с кухней
0	2,7	19,4	13,8	2,7	8,3	38,8	69,4
водопровод	канализац.	централ. отоплен.	печное отоплен.	горячее водоснаб	газ	ванна или душ	электр. освещен.
5,5	2,8	2,7	97,3	0	0	0	100

Таким образом, сравнивая данные таблиц 2, 4, 5 и 6 можно говорить о незначительных отличиях в жилищных условиях таких категорий, как рабочие и служащие. В более выгодном положении оказались ИТР, а в наименее выгодном – советские учителя. Хуже всех обследованных категорий государственным жильем были снабжены учителя, и именно в этой категории выше процент арендованного

жилья. 6,3% семей учителей проживали в подвальных помещениях, меньший процент учителей были и домовладельцами. Единственное преимущество у учителей – по количеству радиоточек в их квартирах, составившее почти 70% учительских квартир, считаем, что это объясняется большим стремлением данной категории к знаниям и информации, чем, например, у рабочих (где радиофикация составила 29%). Несколько выше и средняя жилплощадь на 1 чел. у служащих (5,9 кв м) и учителей (6,1 кв м), незначительно, но даже выше чем у ИТР.

Таблица 6 – Жилищные условия 16 семей учителей в КазССР в 1957 г. в % [13, л.14]

Государ. жилье	Собств. жилье	Арендов. жилье	В новом доме, постр. после 1946 г.	В кирпич. доме	В смешан. доме	В щитов., саман., глиноб. доме	Отдельн. дом или квартир
37,5	37,5	25	31,3	25	31,3	43,7	43,8
3-комнат и более	2-комнат	1-комнат	комната-кухня	часть комнаты	телефон	радио-точка	с кухней
0	12,5	25	18,8	0	0	68,75	50
водо-провод	канализац.	централ. отоплен	печное отопление	горячее водоснабж.	газ	ванна или душ	электр. освещен.
19	12,5	18,8	81,25	0	0	6,25	100

Размах жилищного строительства с 1956 по 1963 гг. принял поистине грандиозные размеры, в итоге которого национальный жилищный фонд вырос почти в два раза. Необходимо сказать, что качество возводимого жилья было низким, но острая необходимость требовала спешить. Хотя высокие темпы жилищного строительства в исследуемый период все же не смогли преодолеть жилищный кризис. Житель г. Караганды Т.А. Алимбаев вспоминает, что в хрущевских домах туалет с ванной были совмещены, коридор была маленьким и узким. Туалет, ванна находилось рядом с кухней. На кухне под окном, прямо на стене находился шкафчик. А также были антресоли, в основном возле входной двери, у входа на кухню [9].

Централизованные домостроительные предприятия, используя сборный железобетон, в короткие сроки увеличили количество вводимого жилья в стране. Полносборное домостроение стало основным направлением развития индустриального жилищного и культурно-бытового строительства. В 1963 г. домостроительный конвейер СССР состоял из трехсот предприятий крупнопанельного домостроения. Развитие этого вида жилищного строительства обеспечило снижение трудовых затрат по сравнению с затратами на постройку кирпичных домов на 35-40% и позволило сократить сроки возведения домов в 1,5-2 раза. Себестоимость жилой площади в крупнопанельных домах в 1959-1962 гг. была на 15% ниже, чем в кирпичных [11, с.59].

Массовое жилищное строительство во многом определило жилищно-бытовые условия и материально-вещную среду горожан. Улучшение жилищно-бытовых условий, переезд людей на новое место жительства, вселение в новую отдельную квартиру всегда были связаны с решением определенных задач по обустройству своего жилища: приобретение и расстановка вещей, мебели и прочее. В конце 1950-х-начале 1960-х гг. происходил рост городского населения за счет притока сельских жителей, городское жилье в значительной степени отличалось от сельских домов. И сами горожане в своем домашнем обустройстве были менее консервативными прежде всего в силу возможности смены обстановки в жилище

(наличие в магазинах какой-то мебели, пусть ограниченная в условиях дефицита, но все же возможность выбора в магазинах каких-то бытовых вещей, у горожан был выше уровень жизни и т.п.). К началу 1960-х гг. стало очевидным, что несомненные достоинства жилищной реформы грозят превратиться в недостатки. Прежде всего, быстро строящиеся экономные малометражки оказались крайне тесными. Пришлось срочно изобретать разного рода дизайнерские приемы хотя бы для зрительного увеличения пространства. На смену громоздкой мебели коммунальных квартир пришла трансформирующаяся, складная мебель. На страницах газет и журналов публиковались всевозможные советы для домохозяек по благоустройству квартиры. Чтобы квартира считалась современной и красивой, ее стены должны были быть оклеены обоями или окрашены в спокойные тона, на окнах – строгие портьеры без ламбрекенов, оборок и кружев, в комнатах – комплекты малогабаритной мебели, в которых кровать заменена диваном или тахтой, а стол – секретером, на полу – ковер, на стенах – эстампы и гравюры, несколько вышивок с правильным геометрическим рисунком, а также книжные полки. В доме нужны были только те вещи, которые удобны, а уют заключался в чувстве меры и отсутствии излишеств во всем, касавшегося быта. Истинный уют – скромность в предметах интерьера, когда обстановка квартиры удобна, целесообразна, экономична и гигиенична, вызывает ощущение теплоты, внушает бодрость, успокаивает, радует. [14]

Так советовали жить советские дизайнеры и советская пропаганда. И активно в массовое создание внедряли и средства массовой информации (преимущественно газеты и журналы, так как телевидение еще не стало средством массовой информации из-за недоступности для большинства горожан), и различная литература для массового чтения. Учитывая, что в СССР жило самые читающее население, эти ценности тиражировались достаточно активно. Такого рода популистской литературой стали различные книги, типа «Домоводство», «Полезные советы», «Энциклопедии домашнего хозяйства» и т.п., изданные в конце 1950-х-1960-е гг. [15]. Такие издания представляли собой не только сборники общехозяйственных рекомендаций, но и собрание разнообразных сведений о домашней, хозяйственной и культурной жизни середины XX века. С учетом тотального дефицита во многих предметах первой необходимости, в том числе, и для обустройства квартир, такие книги рекомендовали горожанам обходиться вещами, имеющимися в наличии в свободной продаже, убеждая их в том, что именно в определенном аскетизме, эклектичности, ограниченности и есть ценность советского жилья. Неслучайно такие книги содержали разнообразную информацию по обустройству жилья, в том числе, городских квартир.

В частности, в справочнике казахстанского издательства 1960 г. составители советовали горожанам следующее: «Квартира, в которой мы живем, работаем и отдыхаем, должна быть удобной, уютной и, конечно, красивой. Заботясь о подборе обстановки, надо думать прежде всего о том, чтобы отдельные ее элементы гармонично сочетались. Для меблировки необходимо подбирать те вещи, которые нужны и удобны. Необязательно, чтобы мебель была одного гарнитура. Достаточно, если все предметы соответствуют друг другу хотя бы по цвету. Большое значение имеет расстановка мебели в квартире. Не загромождать квартиру – вот одно из обязательных требований удобного и гигиенического жилья». [16]

Так, одна из популярных в 1960-х гг. книга «Полезные советы» на первых страницах дает рекомендации по благоустройству жилища, в том числе и тем хозяйкам, у которых семейный бюджет сравнительно небольшой. Книга дает наставления, как сделать квартиру удобной, уютной и красивой, «чтобы достигнуть этого, вовсе нет необходимости затрачивать большие средства на мебель,

ковры и люстры, в том числе на дорогие гарнитуры из орехового или красного дерева... Скромно меблированная комната обнаруживает хороший вкус хозяйки. Для меблировки необходимо приобретать те вещи, которые нужны и удобны. Совсем необязательно приобретать гарнитуры. Достаточно, если все предметы соответствуют друг другу хотя бы по цвету. Если бюджет семьи позволяет сделать единовременные затраты на обивку дивана, кресел, сидений у стульев, то следует приобрести одинаковую ткань для всей мебели» [17, с.8].

В период 50-60-х гг. XX в. при массовом жилищном строительстве возводились хрущёвские 5-этажки с малогабаритными квартирами, поэтому давались рекомендации по размещению мебели в малогабаритных квартирах. «Теперь даже в достаточно просторных квартирах, как правило, не отводят отдельной комнаты под столовую. Большой обеденный стол, стоявший обычно посреди комнаты и отнимавший много места, заменяется раздвижным и устанавливается близ стены. Низкие серванты заменили громоздкие, неуклюжие буфеты. Стульям с высокими спинками хозяйки предпочитают с низкими спинками. При этом вся комната кажется более просторной и уютной. Удобный диван у стены, одно-два кресла и небольшой столик образуют угол гостиной, где приятно посидеть» [17, с.26].

В СССР производство мебели не соответствовало повышенному спросу населения и темпам жилищного строительства. Многие горожане не могли свободно приобрести не только дефицитную малогабаритную мебель для новых отдельных квартир (стулья, столы, шкафы, табуретки, этажерки и др.), но и посуду, кухонные принадлежности, прищепки для белья и т.п. В условиях острого дефицита люди пользовались старой мебелью, а для того чтобы продлить срок ее эксплуатации, давались советы, как обновить мебель и как самим осуществить ремонт мягкой мебели (старого дивана, кресла или стула). «Многие вещи в обиходе утрачивают свой внешний вид: поверхность тускнеет, краска местами отстает, появляются царапины и пятна. Особенно быстро стареют стулья, сундуки, комоды. Мебель можно обновить. Любую старую мебель с порванной обивкой или вылезшими пружинами можно легко отремонтировать самим. Все необходимые для ремонта материалы (льняная пакля, суровая мешочная и мебельная ткань, лак, краска, обойные гвозди и проч.) можно приобрести в любом хозяйственном магазине». В книгах даются подробные советы, как самостоятельно осуществить ремонт мебели и ликвидировать царапины, трещины, вздутие фанеры и другие повреждения. [18]

Для того чтобы восполнить недостаток в предметах первой необходимости, в книгах и журналах давались советы о том, как их сделать своими руками. В книгах имелись специальные разделы «Сделайте сами». Так, для освещения комнат не рекомендовалось «приобретать претенциозные люстры, обильно украшенные стеклянными подвесками, или шелковые абажуры, которые освещают часть комнаты. На этих абажурах скапливается пыль, а чистить их трудно. Гармонируют с любой обстановкой деревянные люстры с матовыми стеклянными тюльпанами. Очень декоративно выглядят настольные лампы с абажурами из шелка или плотной фактурной бумаги. Такую лампу хозяйка может сделать сама, подобрав для подставки фарфоровую или керамическую вазу с красивым узором». Предлагались чертежи для самостоятельного изготовления люстры и бра из фанеры, настольной лампы «Гриб». Ножка гриба вытачивается на станке из дерева с отверстием для патрона. Шляпка гриба или абажур делается из тонкой луженой или оцинкованной жести. Например, также горожан учили изготавливать специальную вешалку для шляп из проволоки и вешать вместе со шляпой на гвоздь, для хранения обуви – удобные подставки, которые помещаются внутри шкафа или же в коридоре под вешалкой; некоторые необходимые в быту предметы (тумбочку, столик, детский

стул и др.). Так, например, писалось, что красивую тумбочку для книг или столик к кровати можно сделать из простой табуретки, из корзины для бумаг и точеной ножки – удобный рабочий столик-корзинку, полочку для ванной комнаты, вешалку для полотенца и мыльницу из проволоки. Давались наставления о том, как и из какого материала можно сделать различные кухонные принадлежности: из проволоки сделать подставку для кастрюли, из фанеры – подставку для чайника и сковородки, кухонные доски для резки овощей, разделки мяса и для теста, из фанеры и брусков – сушилку для тарелок. [18]

В конце 1950-х гг. было налажено промышленное производство новых моющих средств и порошков «Новость», «Универсал». Эти более дорогие средства были еще и дефицитом, поэтому многие женщины для стирки и уборки по-прежнему использовали хозяйственное мыло. Им для получения мыльной стружки предлагалось сделать тёрку для мыла: «На дощечке укрепить несколько колпачков от бутылок. К одному краю дощечки прибить крючки. С их помощью терку можно повесить на край стирального бака или корыта. Мыльная стружка будет падать в бак или корыто». [18]

В начале 1960-х гг. стиральные машины, холодильники, телевизоры были предметами роскоши. На обеспечение населения товарами культурно-бытового назначения в то время существенным образом влияло то, что их производство, за исключением мебельного, не являлось самостоятельным отраслевым производством. Но уже в первой половине 1960-х гг. началось массовое промышленное производство домашних холодильников, стиральных машин и телевизоров. Первые советские телевизоры своей конструкцией отличались от современных. Телевизор «Беларусь» выпускался вместе с проигрывателем. Также первые телевизоры имели очень маленькие экраны, и перед ними ставились увеличительные линзы. В книге «Полезные советы» были приведены очень подробные рекомендации относительно домашнего телевизора. Особого внимания заслуживают советы по уходу за линзой телевизора. «Линза телевизора требует аккуратного и бережного обращения. Линза заполняется дистиллированной водой с помощью резиновой или полихлорвиниловой трубочки (оболочки от провода, который можно приобрести в магазинах Электросбыта). Диаметр трубочки подбирается несколько меньший диаметра наливного отверстия 27 линзы. Один конец трубочки опускается в сосуд с дистиллированной водой, из другого конца трубочки ртом засасывается воздух до тех пор, пока вода не заполнит трубочку, а затем этот конец вставляется в наливное отверстие линзы и вода самотеком перельется из сосуда в линзу. При этом необходимо следить, чтобы уровень воды в сосуде был выше самой линзы. Заполнять линзу водой надо с таким расчетом, чтобы оставалось небольшое незаполненное пространство на случай увеличения объема налитой воды при нагревании. Количество воды, наливаемой в линзу, различно, в зависимости от ее размеров. Удалить воду из линзы можно резиновой грушей с надетой на конце трубочкой» [18]. Такого рода советы хозяевам квартир позволяли понять, в каких сферах домашнего хозяйства проблемы дефицита не будут решены на промышленном уровне, и их решение требует самостоятельных действий. Автор статьи о советской повседневности Е.В. Дианова считает, такого рода книги и советские энциклопедии являются своеобразным источником по истории повседневности и быта советских людей.

В городах Центрального Казахстана осуществлялось крупноблочное строительство домов с малометражными квартирами, но спустя некоторое время эти типовые проекты, как уже отмечалось, обнаружили ряд недостатков архитектурно-планировочного порядка: малые размеры кухонь, совмещенные санузлы, узкие комнаты и т.д., вызывающих неудобства в жизни людей. Поэтому

уже в середине 1960-х гг., когда был ликвидирован острый жилищный дефицит и отпала необходимость в строительстве домов с малогабаритными квартирами, стали строиться улучшенные серии домов. Изменилось планировка квартир: была увеличена передняя, разделен санитарный узел, расширена площадь кухонь, изолированы комнаты и т.д., что позволило улучшить жилищные условия населения. В 1963-1964 гг. совершенствуются типовые проекты жилых домов. Появляются 4-комнатные квартиры для больших семей, к тому же предусматривается два типа двухкомнатных квартир – малая и обычная. Комнаты оборудуются встроенными шкафами, появились балконы и на первых этажах. К 1960 г. улучшились жилищные условия: отдельная квартира или отдельный дом превратились в преобладающий тип городского жилья, коммунальная теснота, бараки, трущобное жилье стали уделом не основной массы, а меньшей части горожан.

«Брежневские дома», которые начали появляться с середины 1960-х, были оборудованы центральным отоплением, центральным холодным и горячим водоснабжением и канализацией. В некоторых домах имелись газовые колонки. Они отличалось от хрущевских домов тем, что были многоэтажными и многоквартирными (больше 2 комнат), имели вахту, лифт, мусоропровод и большую площадь. В кирпичных домах от «хрущевок» таким домам достался в наследство шкаф-чулан на кухне под окном, получивший название «хрущевского холодильника». В Казахстане в обустройстве городских квартир отражалась своя национальная специфика, особенно ярко это проявлялось в оформлении жилья казахов. Предлагаем пример описания казахстанских квартир 1960-х гг.: «Из декоративных вещей фабричного производства в каждой квартире имеются ворсовые ковры и детские коврики с изображением зверей. Обычно ковры висят на стенах над кроватями, диваном. Кровати покрываются пикейными одеялами (легкие одеяла, обычно служащее для покрывания постели днем), атласными китайскими и шелковыми узбекскими покрывалами, тюлем. На окнах тюлевые и белые тканевые, вышитые «ришелье» занавески. Столы покрываются скатертями фабричного изделия. На дверях висят гардины, бархатные или из декоративной ткани. На полу ворсовые или простые ковровые дорожки. При наличии современной мебели, декоративных вещей в квартирах сохраняются низкие круглые столики, сундуки казахского типа, детские качки (бесік), различной выработки кошмы (текемет-кошма с аппликацией из той же шерсти, но окрашенной в другой цвет; киіз (простая кошма); сырмақ (хорошо выделенная кошма с матерчатой аппликацией), различные безворсовые (алаша) и ворсовые ковры» [4, с.206].

По рассказам старожил в 1960-е гг. в быту появляются такие предметы как этажерка, тумбочки и радиола. Старую посуду для ежедневного использования держали на кухне, а новую, для гостей, в зале внутри серванта. Во многих домах, особенно у казахов, имелись раскладушки, так как к ним часто приезжали родственники из аула. На стенах комнат часто вешали покрывала с рисунками оленей, лебедей, медведей. У более обеспеченных жителей на стенах висели шерстяные ковры. Низким качеством отличалась белорусская мебель, более качественная была рижская и литовская мебель. В 1960-е гг. в основном была распространена лакированная мебель. Более зажиточные горожане (преимущественно из партийно-советского руководства) имели возможность купить румынскую или югославскую мебель. На кухне и в ванной комнате отсутствовал кафель, так как он у горожан появляется только в 70-х гг. Поэтому стены кухни, ванной комнаты и туалетов красили краской, чаще синего цвета. [9]

Из современной мебели фабричного производства в квартире горожан имелись никелированные, полуникелированные или деревянные кровати, обычно с панцирной сеткой, детские железные кровати с сеткой и без нее; шкафы

полированные и неполированные, зеркальные и без зеркал, с декоративным стеклом; большие трюмо, диваны, оттоманки (широкий диван без спинки или с одной спинкой у изголовья, реже с двумя подлокотниками), кушетки, диваны-кровати; буфеты (шкаф для хранения посуды, столового белья, закусок, напитков) и серванты; книжные шкафы, этажерки для книг, тумбочки под телевизоры и приемники; столы (в большинстве круглые) раздвижные, полированные, стулья.

Ж.Б. Касенова вспоминает: «В 1956 г. вышла замуж и переехала жить в город. Семья мужа тогда жила на окраине города. У них был свой дом. Семья мужа держала скот, разводила огород. В 1964 г. мы с мужем приобрели в Михайловке 4-х комнатный (вместе с кухней) частный дом. Это был кирпичный дом с огородом и сараем. Туалет был на улице, ванны и бани не было. Квадратура дома была примерно 60-65 кв м. Площадь кухни позволяла разместить там только самодельные шкафы для посуды, печку, стол со стульями и холодильник марки «Бирюса». К кухне примыкала узкая комната, в которой располагался рукомойник. В спальне размешались кровати, шифоньер, тумбочка. В зал мы приобрели стол со стульями, гарнитур производства ГДР. Из села в городской дом привезли алаша (казахский ковер с пестрыми узорами и орнаментами из цветных войлоков со вкатанным орнаментом), текемет (войлочный казахский ковер с вваленным цветным узором), корпешки (лоскутное одеяло ручной работы). На стены комнаты мы вешали тонкий ковер (как покрывало) с рисунком оленей или сюжетов из русских народных сказок. Все нужные вещи складывали на детской кровати (она находилось во второй спальне). Кровати накрывали одеялом или покрывалом, а подушки – красивым специальным платком (жапкыш). Когда звали гостей, старались украсить кровати специально купленными новыми покрывалами. Постельные принадлежности, в основном шили в домашних условиях. В доме не было телевизора и телефона». [19]

При распределении государственного жилья иногда имели место злоупотребления со стороны чиновников, имевших отношение к такому распределению. Среди сотен тысяч писем, поступавших в ЦК КПСС в связи с тяжелыми жилищными условиями, было немало и таких, в которых рабочие указывали на многочисленные случаи всевозможных злоупотреблений со стороны партийных чиновников при распределении квартир во вновь построенных домах. Авторы писем требовали гласности в вопросах распределения жилья, предлагали сделать жилищное строительство «общенародным делом», выражали желание принять трудовое участие в строительстве домов и т.д. [7]

По социологическим данным было выявлено, что в исследуемый период в городах Караганда, Темиртау, Джезказган квартиры от государства, в первую очередь, получали шахтеры, энергетики, строители и партийные чиновники. К примеру, вспоминает работник металлургического комбината в г. Темиртау Т.Р. Егинбаев: «Как работник комбината, я получил квартиру через 3 года после того как поставили в очередь. Квартира была 3-комнатная, позже поменяли на 4-комнатную. В доме в основном проживали металлурги, рабочие, врачи и представители других профессий со средним достатком. Примерно в 4-х квартирах жили казахи, а в остальных русские, немцы и представители других национальностей» [20].

Исследователи отмечают особенности в планировке казахских квартир: «Внутренняя планировка жилищ шахтеров-казахов в основном трех-и двухкомнатная, как в индивидуальных домах, так и в государственных квартирах. Назначение жилых комнат у всех шахтеров одинаково, однако в терминологии имеются различия: одни сохраняли казахские наименования комнат, другие называли их по-русски. Так, в двухкомнатной квартире с кухней первая ауыз

үй служит одновременно столовой, спальней родителей, вторая комната (төр үй) является спальней для детей, в ней же принимают гостей. Готовят пищу и едят на кухне–ас үй (комната приема пищи), в которой обычно спят старики». В трехкомнатной квартире с кухней семья свой день проводит на кухне (ас үй), первая комната (ауыз үй) служит спальней для родителей, вторая (қонақ үй) – специально для гостей, третья (төр үй) –спальня взрослых детей, старшей дочери или сына [4, с.205].

В 1959 г., благодаря строительству шахты №1/2 в местности Тентек, началось строительство города, таким образом, Тентекский рабочий поселок превратился в город Шахтинск. Первыми хозяевами новых многоэтажных домов стали сами строители. За 60-е гг. в городе были сданы в эксплутацию 230 тысяч кв м жилых домов. [21, с.54] Первоначально в поселке Тентек насчитывалось 26 четырех квартирных сборно-щитовых особняков. Жилья не хватало. Рабочие шахтного строительного управления 1 своими силами построили 102 домика на 24-м квартале, которые были распределены еще до начала строительства. Чтобы быстрее построить для себя квартиры, люди в свободное от работы время рыли траншеи под фундаменты, погреба и выполняли другие работы вместе с семьями. В 1961 г. уже были построены первые «хрущевки», открылась первая библиотека и образован Городской отдел народного образования, открылись кинотеатр «Восток-2», Дом пионеров и школьников со станцией юных техников. Выросли микрорайоны с пятиэтажными застройками: 28, 29, 30 кв. В 1960 г. начался строиться домостроительный комбинат, который должен был выпускать крупные панели на 70 тысяч кв м жилья в год. [10, л.141] В Балхаше в 1950-1960-е гг. старых, коммунальных домов было много, в основном центральной части города, которые были построены еще до войны. В городе Абай в 1960-е гг. шло бурное строительство жилых домов. Первые строители города жили в трудных жизненных обстоятельствах, они не имели своих квартир. Позже, когда промышленные предприятия начали строить крупнопанельные дома, в первую очередь жилую площадь получили строители и энергетики города [21]. Таким образом, со второй половины 1950-х и до начала 1970-х гг. значительно расширились социальные возможности рабочих и служащих в области жилья.

В 1961 г. в Караганде было запрещено строить одноэтажные дома, поэтому возводились в основном 5-9 этажные здания [22, л.127]. Жители Караганды с радостью переселялись в новые благоустроенные квартиры из ветхого жилья. Один из первых новоселов Юго-Востока Н.И. Павлова поделилась воспоминаниями: в районе Юго-Восточного массива в 1969-1970 гг. была красивая зеленая степь. Мы проезжали мимо строящихся жилых домов в направлении 30 микрорайона. Представить не могли, что в этих местах поднимается жилой массив и, тем более что я здесь буду жить в числе первых жителей. Но дома строились. После пятиэтажных домов 28 микрорайона построили садик, одновременно были заложены две первые школы, построили первый продовольственный магазин. [23, л.114].

Предметом особой гордости советских руководителей была низкая квартирная плата, ставки которой были установлены правительством 4 июня 1926 г. Они дифференцировались в зависимости от заработной платы нанимателя и не зависели от качества и благоустройства жилья. Доля всех расходов на оплату жилища, топлива и коммунальных услуг составляла в семейном бюджете промышленных рабочих в 1954 г. в среднем 4,5% [7]. Но это только в том случае, если речь шла о государственном жилищном фонде. Те рабочие и служащие, которые не имели государственной жилплощади, были вынуждены снимать помещения (комнату или часть комнаты) у частных лиц. В этом случае квартплата была до 6 раз выше,

и у многих нанимателей на оплату единственной комнаты могло уходить до 50% семейного бюджета (но сумма квартплаты зависела еще и от города, района и условий снимаемого жилья). Примерно 4% семей рабочих и служащих не имели вообще отдельной комнаты, а занимали «угол», то есть делили комнату еще с одной или двумя семьями. [7]

В Советском Союзе оплата за коммунальные услуги горожане рассчитывались следующим образом. Оплата собственно жилища, без стоимости обслуживания, составляла около 2-5% среднего заработка рабочих и служащих. Со стоимостью коммунальных услуг (уборка лестниц, удаление мусора, отопление, снабжение водой, газом и электричеством) общая плата за жилище составляла около 4-5%. Пользование одним квадратным метром жилой площади в домах, принадлежащих государству, стоила в небольших городах с населением менее 40 тыс. человек от 3-3,5 копеек. В остальных городах – от 3,5-4,4 коп. Наивысшей предельной платой при условии наибольшего комфорта квартиры и ее расположения в центральной части столичного города – 16 коп. за 1 кв м. Предусматривались скидки для социально уязвимых слоев населения. Такие скидки на коммунальные услуги предоставляли местные Советы депутатов или местные органы власти. К таким категориям относились многодетные семьи, инвалиды, люди с хроническими болезнями. Например, в семье, где имелось 4 человека, находящихся на иждивении главы семьи, устанавливали скидки 5%, 5 иждивенцев – скидка 10%, а большее количество – 15%. При подсчете суммы квартирной платы за всю жилую площадь указанные выше ставки распространялись до нормы 9 кв м на 1 человека. Жилая площадь сверх этой нормы и дополнительной добавки до 4,5 кв м подлежит оплате в тройном размере. Но в этом правиле были исключения: хронически больные люди могли иметь дополнительную площадь 10-20 кв м и оплачивать ее по нормальному тарифу. Члены творческих союзов – художники, писатели, журналисты, архитекторы и научные работники оплачивали по льготному тарифу – 20 кв м дополнительной площади. Расходы на содержание и ремонт жилища в домах, принадлежащих городским или поселковым Советам, несло государство; дорогостоящий капитальный ремонт и текущий ремонт также оплачивался государством. За счет жителей выполнялся лишь такой мелкий ремонт, как замена разбитых стекол, покраска стен или оклейка их обоями. Например, в 1960-е гг. средняя оплата коммунальных услуг в месяц достигала 2-4 рублей, при средней зарплате 50-60 рублей. [24, с.83]

В своем развитии все города региона имели много общих черт. Со второй половины 1950-х до начала1960-х гг. строились жилые дома по типовым проектам, предусматривающим снижение площади жилых и подсобных помещений, уменьшение высоты стен до 2,5 м., что удешевило среднюю стоимость квартир на 30-40% и позволило быстро улучшить бытовые условия множества рабочих семей. Так в 1958 г. по типовым проектам строилось 86% общего объема жилищного строительства в республике. Дома имели все удобства: центральное отопление, электричество, газ, ванные, балконы и стенные шкафы. [25, с.119].

Таким образом, 1950-1960-е гг. можно назвать самыми благоприятными для жилищного строительства, как в стране, так и в республике. В городах Центрального Казахстана было построено огромное количество многоэтажных квартир и индивидуальных домов, которые несколько снизили острый дефицит жилья среди населения. Причем основной массив жилья для горожан Центрального Казахстана был построен именно в исследуемый период. С середины 50-х гг. XX в. в повседневной жизни советских горожан произошли значительные изменения, связанные с прежде всего развернувшимся широкомасштабным жилищным строительством и массовым переселением людей из «коммуналок» и бараков в

отдельные квартиры. Стремление к максимальному удешевлению строительства обусловило борьбу с «излишествами в архитектуре», что привело к монотонности застройки и сокращению размеров жилых и подсобных помещений. Конечно, пятиэтажные дома без лифтов, мусоропроводов, иногда и без балконов, быстро и в большом количестве строящиеся по стране, не слишком украшали города. Однако, при всех недостатках «хрущёвок», они позволили в какой-то мере смягчить жилищный кризис и обеспечить благоустроенным жильем миллионы людей. В 1960-е гг. начинается многоэтажное строительство индустриальными методами, формируются микрорайоны с комплексом социально-бытового обслуживания. Широкое распространение получают жилищные кооперативы. Обладание квартирой в кооперативном доме для советского человека стало в некотором смысле знаком промежуточного социального положения – между привилегированной элитой, которой кооперативы не были нужны, и простыми трудящимися, которые в смысле жилья зависели от работодателей и местных советов. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. В то же время, качество возводимого жилья было низким, и лишь острая необходимость ослабления жилищного кризиса в какой-то мере оправдывала это.

Жилище превратилось в социальный институт, в котором нормы поведения во многом определялись санитарными и жилищными стандартами. Идеология, стержень всей советской действительности, и ее материализованная реальность (санитарные, жилищные, коммунально-финансовые нормы) позволяли использовать квартиру, комнату как механизм формирования советского образа жизни, важной составляющей частью которого было содержание досуга.

---

1. Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – М., 2003. – 206 с.
2. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 163
3. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 192 с.
4. Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. – Алма-Ата: «Наука», 1972. – 236 с.
5. Интервью с Ш.Р. Абильмажиновой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
6. РГАНИ.Ф. 5. Оп.30. Д. 130
7. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: 8. Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1007373
9. Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj-reklamy
10. Интервью с Т.А. Алимбаевым, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
11. ГАКО.Ф. 1233. Оп.1. Д. 6
12. Харитонова А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. – 1965. – № 5. – С. 50-64
13. РГАНИ.Ф. 5. Оп.30. Д. 222
14. РГАЭ.Ф. 1562.Оп.26. Д. 580
15. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области Диссер… к.и.н. - Самара, 2007. – 260 с. /http://www.dissercat.com
16. Блинов Л.Ф. Домоводство. – М. : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1957. – 570 с.; Справочное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. Демезер

А.А. Дзюба М.Л. – М. : Сельхозгиз, 1959. – 776 с.; Справочник. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. – 191 с.; Ус А. Полезные советы. – М. : Легкая индустрия, 1965. – 169 с.; Полезные советы / Составитель Федорова Н.В. – Л. : Лениздат, 1961. – 482 с. и др.
17. Справочник. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. –191с.
18. Полезные советы / Составитель Федорова Н.В. – Л. : Лениздат, 1961. – 482 с.
19. Дианова Е.В. Повседневность и советский быт начала 1960-х гг. Альманах современной науки и образования. -Тамбов: Грамота, 2007. -№ 2(2). -С. 25-27/www.gramota.net/materials
20. Интервью с Ж.Б. Касеновой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
21. Интервью с Т.Р. Егинбаевым, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2016 г.
22. Қанаттас қалалар. – Алматы: Қазақстан баспасы, 1968. –159 б.
23. ГАКО.Ф. 713. Оп.1. Д. 570
24. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1790
25. Жуков К. Рассказ о нашем жилище. – М. : Стройиздат, 1970. –112 с.
26. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). – Алма-Ата: Наука, 1982. –166 с.

4.3. Жилищно-бытовые условия и материальная-вещная среда городского населения 1970-е – 1991 гг.

Наличие комфортабельного жилья является важнейшим условием эффективной трудовой деятельности рабочих, позволяющего использовать его для полноценного отдыха и восстановления сил после трудового дня. Благоприятные жилищные условия оказывают положительное влияние на возможность удовлетворения многих культурных потребностей населения, всестороннее развитие личности. В связи с бурным ростом промышленности и количества населения в городах Центрального Казахстана, в первой половине 1970-х гг. основные показатели развития жилищного строительство выглядело следующим образом:

Таблица 1 – Основные показатели капитального строительства на 1971-1975 гг. по городам Центрального Казахстана [1, л.62-73.]

	Караганда	Темиртау	Джезказган	Балхаш	Абай	Шахтинск
Жилищное строительство						
Обьем капвложении (тыс. руб.)	47630	1012	873	1681	655	1102
Ввод мощностей (кв.м.)	301414	8820	7129	14366	4900	9848
Жилищно-кооперативное строительство						
Обьем капвложении (тыс. руб.)	9760					
Ввод мощностей (кв.м.)	67,7					
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 961. Оп.1. Д. 1790. Л. 62-68, 71-73						

По данным архивных материалов, в городе Караганде с 1971 по 1975 гг. было построено 580 млн кв.м. общей площади жилья. Это превышает показатель построенных домов в 1966-1970 гг. на 61,5 млн. кв.м., а в первой половине 1970-х гг. дополнительно было построено свыше 1 млн. кв. м. общей площади жилья. Причем более 100 тыс. кв.м. использовано под переселение жителей из аварийного ветхого жилья, зоны шахтной подработки, газовыделения [2, л.47]. Несмотря на это, обеспеченность жильем населения оставалось все еще крайне неудовлетворительной. Значительная часть жилого фонда, находящегося на балансе местных советов подлежало сносу по ветхости. Только по г. Караганда

жилье, подлежащее сносу, составляло около 900 тыс. кв.м., землянок, непригодных для жилья 74 тыс. кв.м. и бараков – 72 тыс. кв. м. Такое же положение было и в других городах области [3, л.8-14].

Благоустройство жилого фонда осуществлялось за счет сноса ветхих, неблагоустроенных жилищ. Тем не менее жилищная проблема оставалось наиболее острой. Очередь на получение жилья не только не уменьшалось, а увеличивалась. Так если в 1972 г. в ней стояло 8720 чел., то в 1976 – 9810. К 1976 г. 13 тыс. семей горняков остро нуждались в жилье, в 1987 г. в очереди на получение жилья стоял уже каждый четвертый горняк, или 22 тыс. человек. Одна из основных причин создавшегося положения заключалась в том, что начиная с 1960- х гг. «Карагандауголь» ежегодно выделяло значительное количество строящегося жилья (до 50 %) на нужды переселения граждан из зон подработки горными выработками жилых массивов. Только в Караганде с этой целью с 1975 г. было передано 600 тыс. кв. м. жилья. В условиях дефицита жилья и обьектов социально-культурного назначения ни экономически, ни технически было нецелесообразно вести подработку нового города.

Острота жилищной проблемы сказывалась на текучести рабочих кадров: в 1970-е гг. из 31047 рабочих, уволившихся по собственному желанию, 4213 (13,3%), мотивировали свой уход отсутствием жилья. Дефицит жилья вел к увеличению диспропорции между ростом производства и обеспечением его трудовыми ресурсами. Так, в г. Шахтинске за 1975-1980 гг. обьем промышленного производства возрос на 34,7%, население же на 5 тыс. человек.

Одним из путей решения жилищной проблемы являлось развертывание кооперативного и индивидуального строительства. Государство установило для шахтеров серьезные льготы: половину стоимости личного жилого фонда оплачивало предприятие, но в целом индивидуальное строительство в бассейне поощрялось недостаточно. Так в 1983 г. обьединение «Карагандауголь» для индивидуального строительства выделило ссуду в размере 270,8 тыс. руб. [4, с.75-76].

В 1985 г. Карагандинским облисполкомом были введены в действие жилые дома общей площадью 179,93 тыс. кв. м., за счет кооперативного жилищного строительства - 17,6 тыс. кв. м. индивидуального жилищного строительства - 10 тыс. кв. м. [5, л. 12].

Несмотря на то, что по уровню заработной платы в течение многих лет шахтеры занимали ведущее место среди трудящихся других отраслей промышленности, несмотря на наращивание обьема капитальных вложений на строительство жилья, дошкольных учреждений, других социальных обьектов, существовавший в стране, и в отрасли остаточный принцип выделения средств на развитие социальной сферы, преобладавший в 1970-1980-е годы, не мог удовлетворить растущие потребности шахтеров и их семьи. Принимаемые меры тонули в систематическом невыполнении жилищной и социально-культурных программ [4, с.76].

В новом генеральном плане г. Джезказган, утвержденном Советом Министров Казахской ССР 3 августа 1969 г., в основу планировочной структуры был принят жилой микрорайон, он включал три района, объединенные общегородским центром. Строительство пятиэтажных и повышенной этажности зданий составляло 85%, двухэтажных – 5%, одноэтажных – 10% [7, с.26]. В городе шло большое жилищное строительство. Жителям было сдано более 400 тысяч кв. метров жилой площади и более одной тысячи индивидуальных домов. Многие дома в городе имели паровое отопление, водопровод, канализацию [8, с.34]. В Джезказгане в 1973-1986 гг. было построено 669063 кв. м. жилья.

Одним из важных характеристик социального развития городов являлось улучшение жилищных условий населения. В 1970 г. в среднем на одного городского

жителя приходилось 11 кв.м., в 1975 – 11,9 кв.м., в 1983 – 13,7 кв.м., 1985 – 14,1 кв.м. Уже в 1981 г. почти 80% городского населения СССР проживало в отдельных квартирах. Прирост жилья на одного городского жителя составил к 1990 г. 4-5 кв.м. [9, с.32].

В 1970-е гг. расселение жилых домов происходило по мере очередности. Распределение гражданам жилой площади проводилось следующим образом: предусматривалась передача для инвалидов ВОВ и семей погибших войнов – 10%, из которых 6% – отчислялось местным структурам для переселения из районов в застройки города, 2% отчислялось эксплуатирующим жилье организациям. Остальное количество жилья равными долями передавалось предприятиям и организациям, имеющим фонд жилья согласно плана распределения [2, л.48]. Почти 50% строящегося жилья в городе получал комбинат «Каруголь». Так, например, в 1973 г. из 175,6 тыс. кв.м. общей площади жилья было передано комбинату горисполкома 92700 кв.м., а в 1974 г. было выделено 109,7 тыс. кв.м., причем 60% своего жилья комбинат использовал на переселение рабочих из районов шахтной подработки, газовыделения, терриконов и породных отвалов [2, л.48]. В многих предприятиях города Караганды (обьеднинение «Каргормаш», завод отопительного оборудования, Карэнерго, мебельное объединение, Управление связи, Мясокомбинат и других) ежегодно имелись фонды на жилплощадь.

Все трудящиеся по вопросу получения жилой площади должны были обращаться по месту работы и в администрацию. После соответствующей проверки жилищно-бытовой комиссии с учетом нуждаемости в получении жилой площади устанавливалась очередность. Квартиры распределялись строго по очереди.

В райисполкомах велся учет нуждающихся работников просвещения, медицинских работников, ветеранов труда и ветеранов партии, реабилитированных, пенсионеров, инвалидов войны и семей погибших войнов в тех случаях, если по месту их работы нет жилого фонда в получении жилья. Если там имелся жилой фонд, эти категории трудящихся так же обеспечивались жильем по месту работы. Например, в Шахтинске в 1974 г. 2 инвалида Великой Отечественной войны и 3 семьи погибших войнов получили квартиру от государства, а в 1975 – еще 3 инвалида войны получили жилье [10, л.20.].

Документами, необходимыми для получения жилой площади, являлись: заявление, справка с места жительства с указанием занимаемой жилой площади, справка о составе семьи, справка с места работы, заключение медучреждения, если жилой площадь должна быть предоставлена по состоянию здоровья, решение местного комитета и администрации о предоставлении квартиры.

Право состоять на учет для получения жилой площади сохранялось у граждан, направленных на работу за границу, направленные в районы Крайнего Севера (на срок, указанный в договоре), за семьями, потерявших кормильца, состоявших на учете для получения жилой площади, при переходе на пенсию по старости и инвалидности, при призыве в ряды Советской армии и Военно-Морского флота. На учет не должны были приниматься граждане, обеспеченные пригодной для жилья площадью, либо в домах государственных, кооперативных, не ниже в размере средней обеспеченностью по городу. При решении вопроса о предоставлении жилой площади, жилищно-бытовая комиссия была обязана вторично проверить жилищные условия и убедиться в нуждаемости в получении жилья. На заселяемую жилую площадь по решениям райисполкомом давался ордер единого образца. Граждане, самоуправно занимающие жилую площадь, на основании ст. 321 Гражданского кодекса КазССР подлежали выселению в административном порядке без предоставления другого жилого помещения. Освобождавшаясь жилая площадь закреплялась в таком же порядке, согласно очередности, сохраняя

преемственность на той организации, которая ранее получила эту квартиру [2, л.47-51].

Воспоминания жительницы г.Караганды, М.М. Сергеевой (1982 г.р.): «Родители получили квартиру в 1973 г. Квартира досталась отцу от завода НКМЗ (Каргормаш. Эта квартира находилась в Майкудуке. По рассказу отца, он до этого жил на Камчатке, в начале 1970-х гг. переехал в Караганду, женился. Позже на его работе молодой семье выдали эту квартиру. Но мои родители поменяли ее на квартиру на Юго-Востоке, по улице Сатыбалдина 5, на 2-х комнатную квартиру. Это квартира принадлежала родителям моей мамы. Примерно, этот жилой дом был построен в начале 1970-х г.». Планировка квартиры: зал – 15,8 кв.м., спальня – 17,4 кв.м., коридор – 5,3 кв.м., кухня – 5,8 кв.м., ванная – 2,0 кв.м., туалет – 0,9, балкон – 0,8 кв.м. Общая полезная площадь – 48,0 кв.м. [11].

В распределении новых жилых домов в некоторых городах были свои особенности. В 1970-х гг. в Джезказган переселились металлурги из Карсакпая в связи с закрытием там металлургического завода. В городе многие новые дома были заселены карсакпайцами, поэтому район их заселения получил в народе название «карсакпайского», это было связано с компактным расселением выходцев из одной местности [12, с.122]. Такой же пример можно привести и по г. Караганде. В ходе проведения нами интервью во многих сведениях информантов встречаются материал о том, что со второй половины 1980-х гг. в связи с социально-экономическими трудностями в стране, с закрытием рабочих мест по месту жительства, начался переезд из аулов в город. Именно в Майкудуке, в нескольких микрорайонах заселились выходцы из аулов нынешнего Каркаралинского и бывшего Егиндибулакского района. Причем переселялись они туда неслучайно, одна или две обустроившиеся казахские семьи «подтягивали» родственников, те – соседей и т.д. Например, по данным информанта Г.Ж. Шамбуловой многие ее знакомые семьи с Каркаралинского района и по сей день живут в 13 и 15 микрорайонах Майкудука [13].

В 1970-1980-е гг. в республике имели место немало случаев сознательного отступления от советских жилищных законов со стороны ряда руководителей, которые злоупотребляли служебным положением, грубо нарушали порядок предоставления жилья в обход очередности и без учета реальной нуждаемости обеспечивали квартирами свои семьи, родственников. В сфере распределения жилья встречались проявление коррупции, это в свою очередь замедлило сроки предоставления жилья нуждающимся гражданам, много лет стоявших в очередях, а также подорвало авторитет советских органов власти. Поэтому в 1970-1980-е гг. советские органы ужесточили требования, порядок предоставления жилья. К примеру, о нарушениях в распределении жилья встречаются данные в архивных материалах. В отчетах о работе жилищно-коммунальной комиссии имеются сведения о том, что депутатские группы горисполкома г. Караганды еженедельно вели дежурства по приему избирателей, где в основном поступили жалобы с вопросами о жилье. Например, в 1973 г. по Кировскому району г. Караганды выделили квартиры по фиктивным документам, в Ленинском районе отдали их не туберкулезному больному, а лицу, не имевшему никаких прав на данную квартиру. В 1974 г. Кировской автобазе была выделена 3-хкомнатная квартира, и ее отдали тем жильцам, которые не стояли в очереди [14, л.17-18.]. В отчетах коммунально-жилищной комиссии в разные годы таких примеров приведено много.

Также имеются материалы о работе домовых и уличных комитетов, которые занимались содержанием порядка в жилых домах, ремонтными вопросами, разрешением жилищных-бытовых проблем среди населения и др. При домовых и уличных комитетах имелись товарищеский суд в количестве 5 человек,

которые помогали в разьяснении положении и обязанности квартиросьемщиков или в выявлении фактов недостойного поведения отдельных жителей, подростков. В 1974 г. в горжилуправлении г. Караганды было 920 жилых домов, 4 райжилуправления и 19 домуправлении [14, л.18.]. Они также в какой-то мере участвовали в распределении жилья среди населения. Домовые и уличные комитеты также отвечали за ремонт жилых домов. В 1974 г. на капитальный ремонт жилья было израсходовано 801 тысяч рублей, отремонтировано 28 жилых домов, 438 тысяч рублей использовано на текущий ремонт жилья [15, л.23.].

С 1970-х г. в городах Центрального Казахстана строились в основном пятиэтажные дома и более повышенной этажности. Это дало возможность в какой то мере улучшить обеспечение жильем население городов исследуемого региона. А также в принятых в новых генеральных планах городов предусматривались: удобное движение транспорта, озеленение и т.п., другими словами была развита инфраструктура городов для удобства местных жителей. В 1970-х гг. удельный вес домов повышенной этажности по городу Караганда возрос до 35% к годовому обьему вводимого жилья. Были построены девяти и двенадцатиэтажные дома. В начале 1981 г. в Караганде был сдан в эксплутацию шестнадцатиэтажный дом с полезной площадью, превышающий 7500 кв.м. [16, с.161].

В 1970-е гг. было широко распространено индивидуальное строительство жилых домов на собственные сбережения рабочих. К примеру, по рассказам жительницы г.Караганды А.Ш. Горанской: «В начале 1970-х гг. родители купили землю и построили дом за свой счет. Это был дом с пятью комнатами. Высота комнат была 2,8-3 метра. Спальня – около 20 кв.м. Комната для гостей (зал) была самой большой комнатой в доме и составляла 25-30 кв.м. Детская комната около 20 кв.м., имелась еще одна комната – кладовая, кухня, ванная комната» [17].

По рассказам жительницы г. Караганды Г.Ж. Шамбуловой: «В студенческие годы (училась в Саранском педагогическом колледже), жила в общежитии. После окончания учебы мне предложили коммунальную комнату в жилом доме в городе Сарань. Но мы с мужем отказались и переехали жить в Майкудук. Там мы снимали однокомнатную квартиру. Это был жилой дом на улице Магнитагорской, сталинского времени. Высота потолка была выше чем в хрущевских домах, примерно 3 метра, стены в доме были толще. В одном секции были три квартиры и общий коридор, балкона не было, хотя жили на пятом этаже. Горячей воды тоже не было. Туалет и ванная комната были отдельные, но они были очень узкими, коридор тоже был маленьким. Стены в квартире были покрашены краской» [13].

По рассказам жительницы г. Караганды Г.А. Жакишевой: «Отец работал в редакции газеты «Орталық Казахстан», а мама в издательстве. 3-х комнатную квартиру нам дали с работы отца в 1969 г. Она была расположена на 26 квартале. Квартира «хрущевских» времен: имелась кухня маленького размера, совместный туалет и ванная комната. Коридоры были узкие, маленькие. Из зала выходило 2 комнаты. Эти комнаты были большие, просторные. Телефон установили в 1975 г., долго ждали очереди. У родителей зарплата была примерно 60 рублей. Коммуслуги платили мало, денег хватало. Новую мебель для продажи привозили на машине в парк (ныне центральный парк). Там люди в порядке очереди покупали мебель. Мы купили сервант из настоящего дуба, тяжелый был. Этот сервант у меня дома до сих пор стоит. Палас мама покупала через очередь на работе за 84 рубля, тогда ковры тоже были дефицитом. Телевизор был черно-белый с маленьким экраном. Магнитофон «Маяк» приобрели в 1976 г. Дома был пылесос, выглядел он как ракета. Стиральная машинка – полуавтомат «Алматинка», потом с 1980-х г. «Малютка». В ванной комнате стоял чугунный титан, внизу печка, его меняли 3 раза, сгорал. Ремонт дома делали сами: обычная побелка и покраска. Обои

появились позже, кафеля не было. Эта квартира позже досталось брату, а мне родители купили отдельное жилье в Майкудуке, подешевле у немцев, которые переезжали в Германию. Это было в конце 1980-х гг.» [18].

У жителей крупных городов условия были несколько лучше, чем в средних и малых городах. Дорогостоящие вещи (цветные телевизоры, ковры, новая мебель) были у средних слоев, автомашины имелись лишь у каждого шестого из опрошенных, а 60% вообще не хотели приобретать автомобиль [9, с. 257].

В 1980-е г. развитие жилищного строительства оставалось также особо важной задачей в развитии республики. В Программе «Жилье-91» принятой в 1987 г., предусматривалось в течение пяти лет обеспечить жильем все семьи в городах, стоящие на очереди жилья на 1 января 1987 га. Были сделаны попытки улучшить темп жилищного строительства, но социально-экономический, политический кризис в стране не давал возможности завершить задачу данной программы.

По рассказам жительницы г.Караганды М.М. Сергеевой: «Стены в жилых комнатах были побелены в белый цвет, на стенах висели ковры. В зале стоял коричневый шкаф-сервант, диван, 2 кресла, обеденный стол, стулья. На потолке висела люстра, на окнах – тюль. Ценностью в доме считался цветной телевизор «Горизонт». В спальне стояли 3 кровати (взрослая и 2 детсткие, где спали я и моя сестра), 2 плательных шкафа. На кухне – кухонный стол с выдвигающимися ящиками, табуретки, шкаф-пенал белого цвета и подвесной шкафчик. Шкаф-пенал был почти во всех квартирах. В углу холодильник «Бирюса» и раковина. Ванная комната была обычная. Стены были окрашены светло-зеленой краской. У стенки стояла ванная белого цвета. На стене шкафчик с полочками для ванных принадлежностей. Стиральная машинка «Алма-Ата» стояла в углу ванной комнаты. В ванной было очень тесно. Стены туалета также были окрашены светло-зеленой краской. В коридоре стояла вешалка и обувной ящик. На стене висело зеркало. Зимой было прохладно, отопление общее, но были перебои. Иногда были перебои с горячей водой. Летом, когда душно, открывались форточки, балкон, т.к. нагревалась крыша. Все ремонтные работы проводились за свой счет: побелка, покраска, застилались полы крагисом. Телефона не было, его установили только в начале 1990-х гг. Гости бывли часто и на ночлег, в основном, размещались в гостинной комнате» [19].

По рассказам жительницы г.Караганды, Горанской Анфисы Шевхатовны: «В спальне находился гарнитур советского производства. Тумба и трюмо. Стены были белые. В зале находилась стенка, черно-белый телевизор, диван, стол со стулями. На стене висел ковер. На полу палас. Гости были часто. Поэтому в другой комнате были раскладушки. В детской комнате (около 20 кв.м.) стояли 3 кровати и 1 письменный стол. А также была парта (маленькая складная) и шкаф. Имелась еще одна комната, где находился шкаф (можно сказать для постельней принадлежности), кровать (когда приходили гости, их размещали в эту комнату). Кухня находилась при входе в дом, рядом ванная комната. Ремонт делали за свой счет. Стены в основном белили, пол красили. Межкомнатные двери тоже красили белым цветом. Возле дома был огород и сарай, в нем вырашивали домашних животных кур, уток, крупный рогатый скот» [17].

Несмотря на высокие темпы прироста городского населения, грандиозный размах жилищного строительства в 1970-е гг. имел решаюшее значение в изменении социально бытового уклада советского общества. Изменения в жилищном стрроительстве отразились не только в государственной идеологии, но и в общественном сознании. Сталинские «коммуналки», хрущевские «малосемейки», брежневские дома в свою очередь демонстрировалипредставления о коллективных формах жизни советских людей. Реформы перестройки также повлияли на

обеспечение жилья людей. С 1980-х гг. замечалось стремление к индивидуальному строительству жилья по своему желанию, с более благоприятными условиями планировки комнат, с комфортом. Хоть и проблема обеспечения жильем населения оставалась не до конца разрешенной, были и положительные тенденции в застройке жилых домов по городам.

Таким образом, в 1970-1980-е годы в целом значительно расширились социальные возможности людей в области жилья, только в Караганде возникло 12 районов, построенных в соответствии с современными градостроительными требованиями. Была проведена ликвидация ветхих строений в старых местах расселения, и переселение жителей в благоустроенные районы. В городе было построено около 2 млн. кв м. многоэтажных благоустроенных домов [7, с.24].

Застройка Караганды обогатилась за счет высотного строительства. К 1985 г. весь городской жилищный фонд электрифицирован на 100%. Городской жилищный фонд области оборудован водопроводом на 92%, канализацией, центральным отоплением, газом – на 86%, ваннами – на 81%, горячим водоснабжением – на 45%. Вместе с тем оборудование жилищного фонда лифтовым хозяйством и мусоропроводом было обеспечено всего лишь на 9%. Процент оборудования жилищного фонда газом в городской местности составлял 86% [22, л.102-108.]. Приведенные выше статистические данные говорят об улучшении благосостояния, однако нерешенных вопросов оставалась много, хотя и принимались меры по их ликвидации. Экономический кризис, негативные тенденции в общественно-политической сфере советского общества оставили свой след в жилищном строительстве.

---

1. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1790
2. ГАКО.Ф. 15. Оп.1. Д. 1400
3. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1996
4. Алтаев А.Ш. Социальное развитие рабочих Карагандинского угольного бассейна в 1970-1980-е годы. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 135 с.
5. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 2399
6. Кунаев Д.С. Джезказган – город меди. –Алма-Ата: Казахское государственное издание, 1960.
7. Глаудинов Б., Сейдалин М., Карпыков А. Архитектура Советского Казахстана. – М. : Стройиздат, 1987. – 319 с.
8. Қожамсейітов С. Қазақ елінің кіндік мекені-Жезқазған. (Ұлытаудың бас қаласы). – Алматы: «Классика», 2014. – 256 б.
9. Народное хозяйство Казахстана в 1988 г. Статистический ежегодник. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 392 с.
10. ГАКО.Ф. 1. Оп.25. Д. 184
11. Интервью с М.М. Сергеевой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2017 г.
12. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). –Алма-Ата: Наука, 1982. –166 с.
13. Интервью с Г.Ж. Шамбуловой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в.2017 г.
14. ГАКО.Ф. 15. Оп.1. Д. 1398
15. ГАКО.Ф. 15. Оп.1. Д. 2377
16. ГАКО.Ф. 1. Оп.25. Д. 184
17. Интервью с А.Ш. Горанской, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2017 г.
18. Интервью с Г.А. Жакишевой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 2017 г.
19. Интервью с М.М. Сергеевой, записано Ж.А. Карсыбаевой в Караганде в 15.01.2017г.
20. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3608

ЧАСТЬ II. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА 5. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ГОРОЖАН

5.1. Потребление, доходы и расходы городского населения в 1946 – 1953 гг.

Одним из показателей социально-экономического развития государства является уровень жизни населения. Под уровнем жизни понимается обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, а также достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей. Так как основная масса потребительских благ и оказываемых населению услуг принимает стоимостную форму, их переходу в сферу потребления предшествует формирование личных доходов, т. е. свою долю в общественном продукте население получает первоначально в виде доходов, в обмен на которые приобретаются необходимые материальные блага и предоставляются платные услуги. В социально-экономической жизни общества, где элементарной потребительской ячейкой является семья, материальное положение каждого члена общества определяется не его индивидуальным, а семейным доходом. Доход семьи – это тот единый источник, за счет которого покрываются нужды домашнего хозяйства, равно как и индивидуальные потребности всех членов семьи. В этом непрерывно возобновляемом процессе приходно-расходных операций семей, естественно, должно существовать определенное равновесие между доходами и расходами семей. Сбалансированное равновесие доходов и расходов семей за определенные промежутки времени (месяц, квартал, год) называется бюджетом семьи [1, с.25].

В статистической интерпретации бюджет семьи представляет собой балансовую таблицу, где на одной части (доходной) записываются источники поступления средств, а на другой (расходной) – конкретное использование этих средств на потребительские нужды. В целом, семейные бюджеты (потребительские бюджеты) являются незаменимыми источниками статистической информации относительно условий жизни различных слоев и групп населения. Они позволяют проникнуть в суть экономических процессов, которые протекают в сфере народного потребления. Анализируя историю бюджетной статистики, следует отметить, что в 1940-е – 1950-е гг. Центральным статистическим управлением СССР и органами статистических управлений в бывших союзных республиках бюджетные обследования проводились выборочно по отраслевому принципу, где доминирующее положение занимали лишь отдельные отрасли тяжелой промышленности (угольная, металлургическая, нефтяная и т.д.). В частности, по Карагандинской области, согласно материалам областного архива, местные органы статистического управления проводили обследования бюджетов рабочих и служащих семей, относящихся исключительно к угольной промышленности. Это подтверждается тем, что в архивах отсутствуют данные по бюджетной статистике рабочих и служащих городов Темиртау и Балхаша, являвшихся крупными промышленными центрами черной и цветной металлургии (союзного) республиканского значения.

Как свидетельствует Б.Н. Казанцев, в 1940-е – 1950-е гг. Центральное статистическое управление СССР и курирующие их партийно-государственные органы не раз откладывали решение, связанное с расширением и реорганизацией программ обследований бюджетов основных социальных слоев и групп населения [2, с.3]. По нашему мнению, это было связано с тем, что руководству государства было невыгодно показывать фактическую бюджетную статистику, поскольку именно в ней отражалась действительная картина уровня жизни населения. Этим и объясняется, что длительное время в стране, в том числе и в

Казахстане, не обследовались семейные бюджеты рабочих и служащих, занятых в пищевой, легкой, железнодорожной отраслях промышленности, а также в торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве. Не велось исследование и в семейных бюджетах работников системы здравоохранения, образования, научных и культурных учреждений, аппарата органов управления [3, л.7]. Бюджетные сведения номенклатурных кадров ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии не являлись объектом специального исследования статистических органов вплоть до начала 1970-х гг. Подобные сведения статистическим органам разрешалось собирать, но только в исключительных случаях с согласия ЦК партии [2, с.4]. Безусловно, отсутствие необходимых статистических сведений, характеризующих семейные бюджеты рабочих и служащих всех отраслей промышленности, а также бюджеты учителей, врачей и т.д., не дали возможности исследователям проводить комплексный анализ уровня жизни населения в первые послевоенные годы.

В начале 1950-х гг. бюджетная сеть обследования претерпела значительные изменения. В 1952 г. органами Центрального статистического управления СССР были приняты новые указания и инструкции по обследованию семейного бюджета рабочих и служащих, которые позволили существенно расширить категории обследуемых. Согласно новым указаниям Центрального статистического управления СССР, бюджетные обследования охватили следующие отрасли промышленности: черную и цветную металлургию, угольную, нефтяную, химическую, резиноасбестовую, машиностроительную и металлообрабатывающую сферы, промышленность строительных материалов, бумажную, стекольную и фарфорофаянсовую, деревообрабатывающую, текстильную, швейную, кожевенную, пищевкусовую, полиграфическую, меховую и обувную [4, л.1]. Статистическому анализу подверглись и семейные бюджеты учителей, врачей, научных сотрудников и т.д. Новшеством являлось и то, что сводные ведомости стали составлять отдельно по каждой категории – рабочие, инженерно-технические работники, служащие, учителя, медперсонал и т.д. В них четко стали фиксировать следующие показатели: доходы по источникам поступлений и расходы по их назначению; личное потребление; источники и размеры приобретаемых ими продовольственных и промышленных товаров [4, л.31-32].

В работе были использованы месячные, полугодовые и годовые бюджеты рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Общее число обследуемых бюджетов составило 1591 семей. Средний состав семьи составлял: у рабочих – 4,2 чел., служащих – 4, инженерно-технические работники – 4,6 чел. Лица трудоспособного возраста (мужчины от 14 до 59 лет и женщины от 14 до 54 лет) составляли 56%, лица несовершенного возраста (от 0 до 13 лет) – 41, лица пенсионного возраста – 3%. Важным показателем уровня жизни той или другой группы промышленных рабочих является среднемесячный денежный доход на одного члена семьи. Размеры денежных доходов среди обследуемых семей были различны. 3% (46 семей) [5] имели доход на одного члена семьи менее 350 руб. в месяц. Наиболее многочисленной была группа среднеоплачиваемых со среднедушевым доходом от 351 до 500 руб. в месяц – 47% (745 семей) [6] Душевой доход в размере 501 – 750 руб. в месяц был у 24% обследуемых, или у 377 семей [7]. Среднемесячный доход в размере от 751 до 1000 руб. на человека был у 23% обследованных (369 семей) [8]. Наиболее высокий денежный доход от 1001 руб. и выше на человека имели всего лишь 3% или 54 семьи [9].

Применявшиеся критерии отбора обследуемых (по уровню квалификации, половозрастному составу семей) обеспечивали довольно высокую представительность данных о динамике денежных доходов и других показателях уровня жизни

рабочих семей угольной промышленности Центрального Казахстана. Так, из архивных материалов Областного статистического управления следует, что совокупный денежный доход среднестатистической семьи, занятой в угольной промышленности, увеличился: у карагандинских рабочих с 1587,87 руб. в 1945 г. до 2534,23 руб. в 1953 г., т.е. за 8 лет на 60% [10], у служащих с 1405,06 руб. в 1945 г. до 2724,12 руб. в 1953 г., т. е. на 93% [11], у инженерно-технических работников с 3967,03 руб. в 1945 г. до 6343,15 руб. в 1953 г., т.е. на 60% [12].

Увеличение денежного дохода было связано с ростом среднемесячного размера заработной платы. Для советской рабочей семьи заработная плата была одним из главных источников денежного дохода. Согласно годовым отчетам сектора статистики труда и заработной платы Областного статистического управления, размер среднемесячной заработной платы в целом по угольной промышленности Центрального Казахстана составлял: в 1945 г. у служащих – 492 руб., у рабочих – 575, у инженерно-технических работников – 1278 руб. [13, л.3]. В 1947 г. у служащих – 596 руб., рабочих – 683, у инженерно-технических работников – 1350 руб. [14, л.1]. В 1949 г. у служащих – 644 руб. рабочих – 720, и инженерно-технических работников – 1475 руб. [15, л.53].

В целом, за период с 1945-1949 гг. среднемесячный размер заработной платы у рабочих повысился на 25%, у служащих – на 30, у инженерно-технических работников на 15%. Однако диспропорция в размерах заработной платы между обследуемыми категориями сохранилась, и в среднем составила: заработная плата у служащих была в 1,2 раза ниже заработной платы рабочих и в 2,3 раза ниже заработной платы инженерно-технических работников.

В начале 1950-х гг. произошло выравнивание уровня заработной платы у рабочих и служащих. В частности, в 1953 г. среднемесячная заработная плата у рабочих составляла 800 руб., у служащих – 850 [16, л.1]. Наиболее высокой, по-прежнему, оставалась заработная плата у инженерно-технических работников, которая в 1953 г. была в 2 раза выше заработной платы рабочих и служащих, и в среднем составила 1650 руб. По отношению к 1949 г. среднемесячный уровень заработной платы у рабочих поднялся на 11%, у инженерно-технических работников – на 13, у служащих на 38%. Однако, несмотря на положительную тенденцию, рост уровня заработной платы в послевоенный период определялся в большей степени не экономическими, а административными факторами. Как свидетельствуют архивные материалы, повышение размера заработной платы происходило за счет введения выплат-вознаграждений за выслугу лет, перевыполнения заниженных норм выработки, выдачи премий и других доплат к основному заработку. К примеру, в 1950 г. у карагандинских шахтеров доплата за выслугу лет составила 8% в структуре фонда заработной платы, а премии за выполнение плана – 13,4%. Шахтерам, занятым на добыче коксующих углей, были на 10% увеличены тарифные ставки [17, с.350]. Кроме того, нельзя не отметить, что определенное влияние на повышение среднего уровня заработной платы в регионе оказывали структурные сдвиги в общей численности рабочих и служащих, обусловленные интенсивным развитием отраслей тяжелой индустрии и соответственно ростом численности работников с более высокой оплатой. Так, в 1950-1953 гг. Карагандинская область занимала первое место по численности рабочих среди других областей. Ее удельный вес по Казахской ССР составлял: в 1950 г. – 24,3%, в 1951 – 23,2, в 1952 – 22,8, в 1953 г. – 23,0% [18, с.17]. Согласно общереспубликанским данным, заработная плата работников угольной промышленности, черной и цветной металлургии была выше, чем у работников промышленности республики в среднем на 13 – 39%. [18, с.17]. Таким образом, приведенные выше обстоятельства явились главными причинами роста показателя

уровня среднемесячного размера заработной платы среди рабочих угольной промышленности Центрального Казахстана в послевоенные годы.

Для выяснения основных источников и размеров денежных доходов у рабочих, служащих и инженерно-технических работников (ИТР) угольной промышленности рассмотрим основные приходные статьи семейного бюджета в таблице 1.

Таблица 1 – Денежный доход рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг. (в среднем на одного члена семьи за месяц, в руб.).

Годы	Категории	Заработная плата		Пенсии, пособия, стипендии		Поступления из личного подсобного хозяйства		Прочие поступления		Итого
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	
1945	Рабочие	374,1	83	0,86	0,2	54,02	12	18,31	4	447,29
	Служащие	248,89	80	5,09	2	41,28	13	16,98	6	312,24
	ИТР	899,77	93	-	-	67,80	7	-	-	967,57
1946	Рабочие	397,03	80	23,86	5	65,74	13	7,89	2	494,52
	Служащие	276,49	80	22,70	6	43,31	12	6,67	2	349,17
	ИТР	493,91	82	-	-	108,87	18	1,17	0,2	603,95
1947	Рабочие	742,01	86	7,00	0,8	97,98	11	18,10	2	865,09
	Служащие	354,80	75	2,25	0,5	115,78	24	0,56	0,1	473,39
	ИТР	665,52	80	6,60	0,7	124,13	14	42,92	5	839,17
1948	Рабочие	519,74	92	11,01	2	21,09	4	10,35	2	562,19
	Служащие	461,70	94	24,17	5	1,14	0,2	6,59	1	493,60
	ИТР	552,72	97	5,59	1	7,75	1	1,08	0,4	567,14
1949	Рабочие	873,47	96	5,96	0,6	4,57	0,4	20,84	2	904,84
	Служащие	488,05	92	13,65	3	10,43	2	20,00	6	532,13
	ИТР	1248,18	95	-	-	-	-	60,05	5	1308,23
1950	Рабочие	400,99	95	5,25	1	9,84	3	4,06	1	420,14
	Служащие	590,15	95	10,25	2	10,25	2	7,77	1	618,42
	ИТР	1455,91	99	8,13	0,5	5,81	0,3	4,60	0,3	1474,45
1951	Рабочие	434,98	90	19,10	4	19,21	4	6,93	1	480,22
	Служащие	503,43	98	4,90	1	7,14	1	0,05	0	515,52
	ИТР	640,07	95	9,74	1	20,65	3	0,038	0	670,50
1952	Рабочие	397,20	91	29,45	7	0,71	0,1	7,80	1	435,16
	Служащие	662,84	98	4,86	0,7	-	-	8,13	1	675,83
	ИТР	1240,93	93	49,05	4	29,74	3	17,44	1	1337,15
1953	Рабочие	507,11	92	26,46	5	0,25	0,04	17,04	3	550,86
	Служащие	669,03	91	6,68	0,8	40,54	6	19,93	2	736,25
	ИТР	1200,00	95	30,00	2	19,84	0,1	18,79	2	1268,63

Таблица составлена на основе данных ГАКО. Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6,59,77; Д. 13. Л. 1,24,49; Д. 26. Л. 3,54; Д. 28. Л. 1; Д. 33. Л. 137,143,187,250; Д. 38. Л. 13,71,103,109,148,149; Д. 70. Л. 3,9,42, 48; Д. 180. Л. 20; Д. 181. Л. 151; Д. 193. Л. 142,145

Данные таблицы показывают, что основным источником денежных доходов обследуемых категорий лиц являлась заработная плата. В 1945-1947 гг. на ее долю в среднем на одного члена семьи приходилось: у рабочих 83% (504,38 руб.), у служащих – 78 (293,39), у инженерно-технических работников – 85% (686, 40 руб.). Значение заработной платы как решающего источника денежного дохода в обследуемых категориях увеличилось после проведения в декабре 1947 г. денежной реформы и отмены карточной системы. В течение недели (с 16 по 22 декабря) гражданам предстояло обменять свои наличные деньги из расчета 10:1, т.е. 10 руб. старого образца на 1 руб. нового. При этом ставки заработной платы и иных трудовых доходов были оставлены на прежнем номинальном уровне.

Из Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) № 4004 от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» следует, что «при проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, а также другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагиваются реформой и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах» [19]. Согласно архивным материалам, в 1948-1953 гг. на долю заработной платы в среднем приходилось: у рабочих 93% (522,24) от дохода на одного члена семьи, у служащих – 95% (562, 53 руб.), у инженерно-технических работников – 96% (953,12 руб.). В течение исследуемого периода в семейном бюджете обследуемых удельный вес социальных пособий, пенсий и стипендий был незначительный. Данные таблицы 1 показывают, что в 1945-1953 гг. среднедушевой размер данного дохода составлял: у рабочих 3%, у служащих – 2, у инженерно-технических работников всего 1%. Резкий рост произошел в 1946 г., когда увеличили размер выплат пособий демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих, многосемейным и одиноким матерям [20, л.4-5]. В результате в 1946 г. доля данного дохода в среднем на одного члена семьи составляла: у рабочих – 5% (23,80 руб.), у служащих – 6% (22,70 руб.).

В начале 1950-х гг. государство стало оказывать широкую социальную помощь городскому населению. Предприятия и учреждения выделяли своим сотрудникам денежные дотации на приобретение путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и т.д. Кроме того, на промышленных предприятиях были увеличены премии за изобретения и техническое усовершенствование трудового процесса, за выполнение и перевыполнение плана, кроме того, осуществлялись выплаты единовременных вознаграждений за выслугу лет [21, л.54]. Проводимые мероприятия оказали положительное влияние на увеличение доли доходов по данной статье, прежде всего, в рабочих семьях с низким размером заработной платы, чем в семьях с более относительным высоким уровнем среднемесячного оклада (инженерно-технические работники, высококвалифицированные рабочие).

В тяжелые послевоенные годы существенным дополнением реальных доходов в определенной части семей рабочих и служащих являлись приусадебные участки и личное подсобное хозяйство, которые давали необходимые продукты питания (молоко, мясо, яйца, овощи, картофель), рассчитанные не только для личного потребления, но и для продажи. Согласно данным таблицы 1, в 1945-1947 гг. доля доходов по данной статье в среднем на одного члена семьи составляла: у рабочих – 12%, у служащих – 16, у инженерно-технических работников – 13%. Однако после отмены карточной системы на продовольственные и промышленные товары и перехода к развернутой торговле по единым государственным ценам в семейном бюджете доля данной статьи дохода резко сократилась. Удельный вес поступлений от продажи продуктов и вещей своего подсобного хозяйства сократился соответственно в 1947 г. и по сравнению с 1953 г.: у рабочих с 11 до 0,04%, у служащих с 24 до 6%, у инженерно-технических работников с 14 до 0,5%. Резкое понижение было обусловлено тем, что продажа продуктов подсобного хозяйства по очень низким ценам была невыгодной для населения. Доля статьи «прочие поступления», включавшая в себя помощь родственников, поступления от государственных и общественных организаций (за сдачу комнат в наем, за патронирование детей и т.д.), а также поступления от облигаций государственных займов, была незначительна. У карагандинских рабочих на протяжении рассматриваемого периода эта статья дохода составляла от 1 до 4 %, у служащих от 0,1 до 6, у инженерно-технических работников от 0,2 до 5%.

В целом, данная статья дохода в начале 1950-х гг. имела общую тенденцию к снижению: если во второй половине 1940-х гг. удельный вес данной статьи дохода колебался от 4 до 7%, то в начале 1950-х гг. он равнялся – 1-3 %. Сокращение удельного веса данной статьи дохода свидетельствует о начале улучшения материального благосостояния карагандинский рабочих и служащих угольной промышленности.

Таблица 2 – Структура потребительских бюджетов рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана в 1945 – 1953 гг. (в среднем на одного члена семьи за месяц, в руб.).

Расходные статьи		1945 – 1947 гг.			1948 – 1950 гг.			1951 – 1953 гг.		
		рабочие	служ.	ИТР	рабочие	служ.	ИТР	рабочие	служ.	ИТР
Весь денежный расход	руб	504,43	416,53	719,14	592,92	479,08	962,01	510,37	608,11	735,47
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе										
Питание	руб	273,01	242,49	337,86	291,91	247,56	325,72	214,51	210,70	220,27
	%	54	58	47	49	52	34	42	35	30
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб	67,82	53,09	87,12	91,70	70,60	210,94	106,52	156,90	182,39
	%	13	13	12	15	14	22	21	26	25
Хозяйственные вещи и мебель	руб	8,23	1,41	5,17	31,83	21,93	43,17	23,67	20,19	48,04
	%	2	0,3	0,7	6	5	4	5	3	7
Топливо и строительные материалы	руб	1,97	1,32	5,51	3,34	3,28	9,77	13,88	10,69	12,89
	%	0,5	0,3	0,7	0,6	0,7	1	3	2	2
Культтовары, предметы гигиены и косметики	руб	5,17	2,55	3,99	7,65	5,46	35,09	13,51	17,66	25,44
	%	1	0,6	0,5	2	1	4	3	3	3
Нетоварные расходы на культурно-просветительские нужды, лечение	руб	5,47	3,78	5,91	3,22	2,95	6,92	8,87	8,86	9,68
	%	1	1	1	0,5	0,6	0,7	2	1	1
Виноводочные изделия и табак	руб	31,24	20,34	95,24	32,49	27,11	50,61	26,39	35,50	29,85
	%	6	5	13	5	6	5	5	6	4
Товарные расходы на свое подсобное хозяйство	руб	16,13	24,79	25,94	35,39	19,72	113,85	13,38	19,65	41,58
	%	3	6	4	6	4	12	3	3	6
Оплата за жилье и коммунальные услуги	руб	5,29	3,66	6,13	5,90	6,22	8,49	7,43	12,30	11,66
	%	1	1	1	1	1	1	1	2	2
Расход на транспорт и связь	руб	0,12	0,86	0,98	1,48	0,91	3,98	4,51	7,48	7,14
	%	0,02	0,2	0,1	0,3	0,2	0,4	0,8	1	1
Налоги, сборы и платежи	руб	55,83	27,15	81,83	54,10	41,43	89,47	42,94	73,27	91,95
	%	11	7	11	9	9	9	8	12	12
Государственный заем	руб	19,47	25,35	35,95	30,48	24,94	45,82	25,91	27,74	45,45
	%	4	6	5	5	5	5	5	5	6
Прочие расходы	руб.	14,68	9,74	27,51	3,43	6,97	18,18	8,85	7,17	9,13
	%	3	2	4	0,6	1	2	2	1	1
Таблица составлена на основе данных ГАКО. Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6,59,77; Д. 13. Л. 1,24,49; Д. 26, Л. 3,54; Д. 28. Л. 1; Д. 33. Л. 137,143,187,250; Д. 38. Л. 13,71,103,109,148,149; Д. 70. Л. 3,9,42,48; Д. 180. Л. 20; Д. 181. Л. 151; Д. 193. Л. 142,145										

Для полного анализа семейного бюджета городского населения необходимо рассмотреть также и его расходную часть, которая в условиях жесткой планово-распределительной системы хозяйствования предопределялась размерами доходов рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Структура потребления является важным показателем семейного бюджета. Именно в ней отражается целевое назначение денежных средств отдельных семей в зависимости от уровня среднедушевого дохода. О расходах городских семей рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности региона на различные цели можно судить по данным таблицы 1, где приводятся сведения о среднемесячных расходах по следующим пунктам: покупка продуктов питания, одежды, хозяйственных вещей, мебели, топлива, строительных материалов, виноводочных изделий, табака, оплата за жилье и коммунальные услуги, налоги и платежи, государственный заем, расходы на культурно-просветительские нужды, лечение и т.д.

Положение усугублялось тяжелейшими последствиями войны и стихией, обрушившейся на сельское хозяйство в 1946 г. В результате засухи и неурожаев в СССР разразился продовольственный кризис, который затронул большую часть населения. Карточная система, введенная в годы Великой Отечественной войны, стала своеобразным спасением для руководства страны, но среди населения вызывала повсеместно общественное недовольство. Нормированное распределение продуктов первой необходимости (хлеб, крупы, масло) не удовлетворяло потребности населения. Дневная норма отпуска хлеба по рабочей карточке I категории составляла всего 800 г. [23, л.113], а по карточке II категории – 600 г. [23, л.114]. Нормы для служащих, иждивенцев и детей были еще ниже и составляли всего 400-450 г. [23, л. 125]. Цены на продукты, распределяемые по карточкам, были существенно ниже цен на те же продукты, приобретаемые на рынке или в специальных магазинах. Так, пайковая цена пшеничного хлеба из обойной муки в апреле 1946 г. составляла 3,60 руб. за 1 кг, тогда как цена на колхозном рынке была 11,24 руб. [24, л.86]. Однако нормированное снабжение продовольственными товарами было настолько скудным по ассортименту и мизерным по размеру, что вынуждало людей приобретать необходимые продукты на рынке по значительно высоким ценам. Согласно статистическим данным, в 1945-1947 гг. доля продуктов питания, приобретенная на колхозном рынке, в среднем составляла: у рабочих – 53% [25], у служащих – 50 [26], у инженерно-технических работников – 59% [27].

После отмены карточной системы и установления единых цен на продовольственные товары доля расходов на питание у городских жителей незначительно сократилась. Если в 1948 г. у рабочих она составляла 50% [28, л.109], в 1951 – 46 [29, л. 187], то в 1953 г. – 42% [30, л.151]. Размер средств, потраченных на питание, в бюджете служащих в 1953 г. сократился до 33% [31, л. 142], что на 19% ниже показателей 1948 г. У инженерно-технических работников доля данной статьи расхода в 1953 г. снизилась до 34% [31, л.145], что на 8% ниже уровня показателей 1948 г. Уменьшение доли денежных расходов на питание при одновременном росте потребления позволило увеличить долю денежных расходов на культурные нужды и приобретение непродовольственных товаров. Это свидетельствовало об улучшении материального благополучия городских рабочих Центрального Казахстана. В этой связи необходимо выяснить размеры таких расходных статей, как приобретение одежды, обуви, мебели, хозяйственных вещей.

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что второй по значению расходной строкой семейного бюджета карагандинских рабочих и служащих были расходы, связанные с приобретением одежды и обуви. В 1945-1947 гг. у рабочих, служащих

и инженерно-технических работников на приобретение одежды и обуви уходило 13% всех израсходованных за месяц средств, или 69,91 руб. в среднем на человека. В 1948-1950 гг. незначительное повышение наблюдалось в семейном бюджете рабочих и служащих, где расходы по данной статье в среднем составляли 14,5%, или 81,15 руб., на одного человека. На приобретение готовой одежды и обуви больше денежных средств тратили инженерно-технические работники. Если в 1945-1947 гг. на эту цель в среднем расходовалось 87,12 руб., или 12% всех средств, то в 1948-1950 гг. – 210,94 руб., или 22% на одного члена семьи. В 1951-1953 гг. среднедушевой расход по этой статье в семейном бюджете рабочих увеличился до 21% и в абсолютном выражении составил 106,52 руб.; у служащих до 26%, или 156,90 руб.; у инженерно-технических работников до 25%, или 182,39 руб.

Таким образом, если в 1945-1947 гг. расходы на одежду и обувь у обследуемых категорий практически были равными, то, начиная с 1948 г., ситуация изменилась. Уровень расходов по этой статье у служащих и инженерно-технических работников начал превышать уровень расходов рабочих. В целом, данная статья расхода имела общую положительную динамику во всех обследуемых категориях. Материалы таблицы 2 свидетельствуют, что расходы на приобретение мебели и хозяйственных вещей были достаточно скромными. В 1945-1947 гг. среднемесячный душевой расход по данной статье во всех обследуемых категориях был минимальный и в среднем составил: у служащих – 0,3% (1, 41 руб.), у инженерно-технических работников – 0,7 (5,17 руб.), у рабочих – 2% (8,23 руб.). В 1951 – 1953 гг., по сравнению с 1945-1947 гг., доля данной статьи расхода увеличилась и в среднем на человека составила: у служащих 3%, или 20,19 руб., у рабочих 5, или 23,67, у инженерно-технических работников – 7%, или 48,04 руб.

Незначительны были денежные расходы карагандинских рабочих и служащих и в сфере культуры и быта (таблица 2). Данный расход включал в себя затраты на приобретение книг, газет, журналов, канцелярских принадлежностей, музыкальных инструментов, спортивного инвентаря, фото и радио, детские игрушки, ювелирные изделия, а также предметы гигиены и косметики, лекарства [3, л. 64]. В абсолютном выражении затраты по данной статье в первой половине 1950-х гг. возросли. Если в 1945-1947 гг. на одного члена семьи в среднем за месяц приходилось: у рабочих – 5,17 руб. (1%), у служащих – 2,55 руб. (0,6), у инженерно-технических работников – 3,99 руб. (0,5%), то в 1951 – 1953 гг. расход по этой статье составил: у рабочих 13,51 руб. (3%), у служащих – 17,66 руб. (3), у инженерно-технических работников – 25,44 руб. (3%).

Расходы, связанные с посещением культурно-просветительских и оздоровительных учреждений, в исследуемый период были незначительными и в среднем не превышали 2 %. Однако здесь необходимо принять во внимание, что посещение культурных учреждений и оказание медицинской помощи было бесплатным. Бюджетная статистика свидетельствует, что употребление алкогольных напитков и табака было привычным атрибутом повседневной жизни многих рабочих и служащих. В 1945-1947 гг. среднемесячный расход на одного члена семьи по данной статье составлял: у рабочих – 31,24 руб., или 6%, у служащих – 20,34 руб., или 5%. У инженерно-технических работников расход по данной статье был значительно выше, чем у рабочих и служащих, и в среднем составлял 95,24 руб., или 13%. В 1951-1953 гг. в бюджете рабочих и служащих доля этой статьи расхода не изменилась, но у инженерно-технических работников снизилась на 9 % и в среднем составила 29,85 руб., или 4%. Причинами для злоупотребления спиртным были разочарование, ощущение социальной нестабильности, острая неудовлетворенность бытовыми условиями жизни, прежде всего, издержками жилищной политики советского государства. Последние были связаны со всеобщей

коллективизацией быта, с устойчивой ориентацией на расширение контингента лиц, проживающих в общежитиях, что влекло за собой явную деградацию моральных устоев. Теснота, неблагоустроенность жилья, антисанитария способствовали росту употребления спиртных напитков.

Следующей расходной статьей семейного бюджета была оплата жилплощади и коммунальных услуг (таблица 2). В 1945-1947 гг. среднедушевой месячный расход по данной статье не превышал 1 % и в абсолютном выражении составлял: у рабочих – 5,29 руб., у служащих – 3,66, у инженерно-технических работников – 6,13 руб. В 1951-1953 гг. данная статья расхода увеличилась: у рабочих в 1,4 раза, у инженерно-технических работников в 2, у служащих в 3 раза. Определенная часть расхода была связана с приобретением топлива, так как из-за слабого развития центрального отопления в домах доминировало печное отопление. В 1945-1947 гг. расход на приобретение топлива в среднем на одного члена семьи у рабочих составлял 1,97 руб. (0,5%), у служащих – 1,32 руб. (0,3%), у инженерно-технических работников – 5,51 руб. (0,7%). В 1951 – 1953 гг. доля по этой статье расходов увеличилась у рабочих до 3%, у служащих и инженерно-технических работников до 2%. При этом в абсолютных цифрах среднемесячный расход составлял: у рабочих – 13,88 руб., у служащих – 10,69, у инженерно-технических работников – 12,89 руб. В связи со слабым развитием городского транспорта и почтово-телеграфной сети расходы по данным статьям были незначительными. Согласно данным таблицы 18, в 1945-1953 гг. удельный вес данной статьи расхода в семейном бюджете не превышал 1%.

Определенную долю расхода в бюджете обследуемых категорий составляли затраты на ведение подсобного хозяйства (таблица 2). Подобные затраты включали покупку скота, птицы, а также кормов (сена, отруби, комбикорма, овса и т.д.), семян, рассады и сельскохозяйственного инвентаря [3, л. 66]. За исследуемый период данная статья расхода в среднем за месяц составляла: у рабочих и служащих – 4%, у инженерно-технических работников – 7%.

Обязательной (принудительной) статьей расхода в семейном бюджете карагандинских рабочих и служащих являлась покупка облигаций государственных займов, поскольку они были важной статьей доходов государственного бюджета. В СССР 1948 г. на долю займов приходилось 24% доходов госбюджета, в 1952 г. – 42% [32, с. 539]. В послевоенные годы были выпущены так называемые государственные займы восстановления и развития народного хозяйства – первого (1946), второго (1947) и третьего (1948) выпусков; с 1949 г. – Государственные займы развития народного хозяйства [32, с. 553]. В периодической печати публиковались массы агитационных призывов на подписку на госзаем под лозунгом «Трех-четырех недельный заработок – взаймы государству» и т.д. [207]. Само мероприятие было организовано как социалистическое соревнование в предельно сжатые сроки.

Займы распространялись среди населения по специальной подписке, которая, несмотря на декларацию ее добровольного характера, являлась по сути обязательной. Правилом становились случаи вызова работников «для беседы» в местные парткомы, после чего оформлялась «добровольная» подписка на заем. С теми, кто отказывался от подписки на заем вообще или подписывался на меньшую сумму, ответственные за размещение займа партийные и советские активисты работали индивидуально. После уговоров и угроз им удавалось добиваться 100% подписки [33, с. 79]. В частности, вспоминает старожил г. Караганды А.Е. Якушева: «Заработная плата учителей была очень маленькая и ни на что не хватала. Тем более нас постоянно заставляли подписываться на государственные займы. Я как учительница не могла не участвовать в госзайме. Тех, кто отказывался, вызывали на «ковер», т.е. на беседу с соответствующими органами». [34].

В семейном бюджете карагандинских рабочих и служащих среднемесячный расход на государственные займы был в 2 раза больше расходов, связанных с приобретением мебели, хозяйственных вещей, культтоваров и т.д. Согласно статистическим данным таблицы 2, в 1946-1947 гг. удельный вес данного расхода в семейном бюджете рабочих в среднем составлял 4%, или 19,47 руб. на одного члена семьи. Тогда как доход от поступлений государственных займов (выигрыши по облигациям) в среднем составлял всего 0,2%, или 1,50 руб. [35]. У служащих данная статья расхода в среднем составляла 6%, или 25,35 руб., а доход от облигаций не превышал 2 руб. на человека и составлял всего 0,5%. [36]. В семейном бюджете инженерно-технических работников расход по государственным займам был в 1,5 раза больше в абсолютном размере, чем у рабочих и служащих, и в среднем составлял 35,95 руб., или 5%. Однако доход от выигрышей по облигациям составлял всего 1,6 руб. (0,2%) [37].

Аналогичная диспропорция сохранилась и в последующие годы. Согласно данным таблицы 2, в 1948-1953 гг. доля среднемесячного расхода у рабочих и служащих составлял 5%, или 27,26 руб. на одного члена семьи, а доход – всего 0,5% (2,5 руб.) [38]. У инженерно-технических работников доля расхода увеличилась до 6% (45,63 руб.), тогда как доход составлял всего 0,3%, или 3,70 руб. на одного члена семьи [39]. В действительности государственные займы являлись одним из способов изъятия денежных средств у населения государством. Если человек отказывался приобретать облигации государственных займов, то его действия считались антисоветскими. Несмотря на жесткое идеологическое давление, в обществе сложилось отрицательное отношение к госзаймам.

Автор анонимного письма, которое было адресовано в Совет Министров СССР в 1950 г., так описал общую ситуацию: «Я осмеливаюсь выразить слова справедливости и мнения многих сотен тысяч граждан СССР о том, чтобы займы нашей страны были более популярными. Когда проходит подписка на заем, то по радио услышать можно, что там и там подписываются единодушно. На деле же это не так: 50% подписываются с сознанием долга перед родиной, 20% с проведенной с ними агитационной работы, а 30% это уже с нажимом организации и высшей администрации, к которым применяют даже кой-какие запугивания. С одной стороны, происходит это из-за неосознания граждан, а с другой – для большинства займы являются одним из всех существующих налогов, потому что облигации займов выплачиваем, выплачиваем, а что от них? Я на каждый заем подписываюсь добровольно, а облигации лежат и лежат, не выигрывают, видимо, такова судьба несчастная» [32, с.535- 545].

Основную часть расхода в семейном бюджете составляли налоги, платежи и различные сборы. В перечень данного расхода входили налоги с холостяков, налоги от доходов со строений, скота; взносы по страхованию от несчастных случаев, страхованию имущества; плата за сохранение облигаций госзаймов в сберкассе, за регистрацию браков, разводов, рождения и т.д. [3, л. 67]. Согласно данным таблицы 18, в 1945-1953 гг. доля данной статьи расхода в семейном бюджете обследуемых была значительной и в среднем за месяц на одну душу составляла у рабочих и служащих 9% (49,12 руб.), у инженерно-технических работников – 11% (87,75 руб.).

За исследуемый период доля статьи «прочие расходы» в семейном бюджете, включавшая непредвиденные расходы, денежную помощь родственников, различные членские взносы, была незначительна и в среднем за месяц не превышала 2%.

В целом, охарактеризовав доходную и расходную части семейного бюджета, следует отметить, что константой повседневной жизни карагандинских рабочих и

служащих была дефицитность семейного бюджета. Таблица 3 позволяет отследить разницу между среднемесячным размером заработной платы и общим семейным расходом, рассчитанную на одного человека в среднем за месяц.

Таблица 3 – Уровень бюджетного дефицита у рабочих, служащих и инженерно-технических работников в 1946 –1953 гг. (в среднем на одного члена семьи за месяц, в руб.).

Годы	Категории	Размер заработной платы	Среднемесячный расход	Бюджетный дефицит
1946	Рабочие	397,03	495,46	– 98,43
	Служащие	276,49	372,24	– 95,75
	ИТР	493,91	598,24	– 104,33
1948	Рабочие	519,74	584	– 64,26
	Служащие	461,70	467,07	– 5,37
	ИТР	552,72	651,98	– 99,26
1951	Рабочие	434,98	491,02	– 56,04
	Служащие	503,43	507,41	– 3,98
	ИТР	640,07	695,91	– 55,84
1953	Рабочие	507,11	503,08	+ 4,03
	Служащие	669,03	633,79	+ 35,24
	ИТР	1200,00	1175,61	+ 24,39
Таблица составлена на основе данных ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13. Л. 1, 24, 49; Д. 33. Л. 187; Д. 70. Л. 3, 9; Д. 181. Л. 151; Д. 193. Л. 142,145				

Данные таблицы 3 показывают, что, несмотря на ежегодное увеличение уровня заработной платы, бюджетный дефицит сохранялся на протяжении всего исследуемого периода. В 1946 г. у рабочих бюджетный дефицит на одного члена семьи составлял 98,43 руб., у служащих – 95,75, у инженерно-технических работников – 104,33 руб. Незначительное снижение мы наблюдаем в 1951 г.: у рабочих до 56,04 руб., у служащих до 3,98, у инженерно-технических работников до 55,84 руб. Совершенно очевидно, что данные показатели бюджетного дефицита свидетельствовали о крайне неудовлетворительном состоянии уровня жизни обследуемых категорий. Заработная плата не покрывала все расходы, в связи с этим большая часть затрат у населения была связана приобретением продовольственных товаров и одежды.

В целом, характеризуя бюджетную статистику рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана в послевоенное десятилетие, можно сделать ряд выводов.

Уровень жизни карагандинских рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности при существовавшей системе оплаты труда были крайне низкими. И это, несмотря на то, что рабочие данной отрасли промышленности считались наиболее высокооплачиваемыми категориями в системе народного хозяйства Советского Союза. Как показывают статистические данные, уровень дохода обследуемых категорий в большей степени зависел от размера заработной платы. Однако постоянное увеличение среднемесячного размера заработной платы не покрывало общие семейные расходы и, следовательно, не соответствовало общим потребностям обследуемых семей. Основные причины были связаны, прежде всего, с колоссальной инфляцией рубля. Кроме того, следует отметить, что рост заработной платы происходил на фоне изъятия у населения значительной денежной массы в виде принудительной покупки государственных займов и высоких налогов.

Денежный недостаток вынуждал людей искать дополнительные виды доходов. Сдача комнат и особенно «углов» в наем, патронирование детей, сдача грудного молока матерями, уборка помещений, стирка белья и т.д. являлись повседневными элементами жизни горожан в послевоенный период. Чтобы хоть как-то прокормить семью, состоящую как минимум из 4-5 человек, членам семей приходилось продавать продукты и вещи своего подсобного хозяйства на рынке. В 1945-1947 гг. в бюджете обследуемых на данный источник дохода в среднем приходилось 14% денежных поступлений. И это было связано с тем, что в условиях продовольственного кризиса, товарного дефицита продукты подсобного хозяйства, несмотря на их высокую стоимость, пользовались большим спросом среди населения в тяжелые годы послевоенного десятилетия.

Таким образом, размер имеющегося дохода в семейном бюджете был недостаточным для нормального обеспечения рабочей семьи всеми необходимыми продовольственными и непродовольственными товарами. Внутренняя структура семейного бюджета показала, что большая часть расхода отводилась на питание. Затраты на непродовольственные товары (одежду, обувь, мебель, хозяйственные вещи и т.д.), а также культурно-массовые мероприятия были настолько мизерными, что не позволяли дать бюджету более высокую оценку. Бюджетный дефицит свидетельствовал о низком уровне жизни населения. Основные денежные средства затрачивались, прежде всего, на предметы первой необходимости, т.е. на питание и одежду. И это был минимум, который представлялся необходимым для человеческой жизни. В целом, можно говорить о том, что дефицит средств и экономия на всем были существенными компонентами в повседневной жизни не только карагандинских шахтеров, но и всех советских людей в послевоенные годы.

---

1. Карапетян А.Х. Доходы и потребление населения СССР. Избранные труды / под ред. проф. Н.М. Римашевской. – М. : Статистика, 1980. – 272 с.
2. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социологическое исследование. –1993. – № 4. – С. 3 – 14
3. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 66
4. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 39
5. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 77; Д. 13. Л. 1
6. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6; Д. 13. Л. 48; Д. 28. Л. 1; Д. 38. Л. 103; Д. 33. Л. 143, 187; Д. 180. Л. 20
7. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13. Л. 24; Д. 33. Л. 137; Д. 38. Л. 13-109; Д. 70. Л. 3-48; Д. 181, Л. 51; Д. 193. Л. 142-14.
8. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 59; Д. 26. Л. 3-54; Д. 38. Л. 149
9. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 38. Л. 148; Д. 33. Л. 250; Д. 70. Л. 42
10. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6.; Д. 181. Л. 151
11. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 77; Д. 193. Л. 142
12. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 59; Д. 193. Л. 145
13. ГАКО.Ф. 596. Оп.5. Д. 33
14. ГАКО.Ф. 596. Оп.5. Д. 39
15. ГАКО.Ф. 596. Оп.5. Д. 52
16. ГАКО.Ф. 596. Оп.5. Д. 113
17. Карагандинский угольный бассейн: Справочник. – М., 1962. – 350 с.
18. Народное хозяйство КазССР. Статистический сборник. – Алма–Ата: Казгосиздат, 1957. – 381 с.
19. Известия. – 1947. – 13 декабря
20. ГАКО.Ф. 713. Оп.1. Д. 8

21. ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 1555
22. ТГА.Ф. 73. Оп.1. Д. 12. Л. 1-5
23. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/8. Д. 79
24. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13
25. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6; Д. 13. Л. 49; Д. 26. Л. 3
26. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 77; Д. 13. Л. 1; Д. 28. Л. 1
27. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 59; Д. 13. Л. 24; Д. 26. Л. 4
28. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 38
29. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 33
30. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 181
31. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 193
32. Советская жизнь. 1945–1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
33. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945 – 1953 гг.) / Е.Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 229 с.
34. Аудиозапись биографической беседы с Якушевой А.Е. (1922 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
35. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3. Л. 49; Д. 26. Л. 3
36. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13. Л. 1; Д. 28. Л. 1
37. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13. Л. 24; Д. 26. Л. 54
38. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 33. Л. 137-187; Д. 38. Л. 71-149; Д. 70. Л. 9-48; Д. 180 Л. 20; Д. 181. Л. 151; Д. 193. Л. 142
39. Подсчитано по ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 33. Л. 250; Д. 38. Л. 13-148; Д. 70. Л. 3-42; Д. 193.Л. 145

5.2. Городской семейный бюджет (1954 – 1960-е гг.)

В 1950-е – 1960-е гг. при анализе бюджетной статистики населения органами Центрального статистического правления имели те же тенденции, что и в предыдущем периоде. К сожалению, отраслевой принцип не позволял исследовать бюджеты семей других категорий. Однако были и свои положительные стороны, связанные с тем, что постепенно стали изучать бюджетную статистику учителей, врачей, строителей, научных работников и т.д. Поскольку более детально изучались бюджеты работников угольной промышленности, мы использовали годовые семейные бюджеты рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности. В частности, за 1954 г. нами были взяты материалы бюджеты семей следующего состава: 90 семей квалифицированных рабочих, 51 семей малоквалифицированных рабочих, 21 семей инженерно-технических рабочих. Кроме того, мы проанализировали бюджеты 10 семей служащих и 15 семей учителей, врачей и среднего медперсонала. Средний состав семьи составил от 4 до 5 человек. Лица трудоспособного возраста (мужчины от 14 до 59 лет и женщины от 14 до 54 лет) составляли 55%, лица несовершенного возраста (от 0 до 13 лет) – 40, лица пенсионного возраста – 5%.

За 1956 г. органами статистического управления были изучены бюджеты 100 семей (543 человека) угольной промышленности Караганды [1, л. 3]. В 1964 г. Областным статистическим управлением было проведено обследование бюджетов 145 семей (650 человек) рабочих промышленности [2, л.26]. В 1967-1968 гг. было изучено семейное финансовое положение 100 семей (514 человек) рабочих угольной промышленности [3, л. 1]. Средний состав обследуемых семей в разные годы варьировался. В частности, при изучении семейных бюджетов за 1950-1960-е годы средний состав семьи составлял: в семьях ИТР и квалифицированных рабочих

от 5 и более (56%), в семьях малоквалифицированных рабочих и служащих до 4 человек (44%). Объясняется это тем, что в семьях с хорошим заработком помимо кровных родственников жили шурины, тещи, а также внуки и племянники, не достигшие 16 лет [4, л.2].

Важным показателем уровня жизни той или другой группы промышленных рабочих является среднемесячный денежный доход на одну семью, который состоял из следующих компонентов: заработная плата обследуемого, заработная плата других членов семьи, пособий, пенсий и стипендий, дотации, прочих поступлений [5, л.7]. Наиболее высокая заработная плата была характерна для инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, у которых удельный вес по материалам за 1954 г. составил 82,3% и 82,7% от общего дохода. Тогда как у малоквалифицированных – 65,7%; служащих – 47% [5, л.7]. Однако в семьях, где размер заработной платы был высокий (ИТР и квалифицированные рабочие) вторые члены семьи практически не работали. Удельный вес их дохода не превышал в среднем 8%. Следовательно, значительная часть женщин в трудоспособном возрасте находилась на иждивении вследствие их материальной обеспеченности. Особенно это было характерно для семей, где средний состав составлял 5 более человек. Однако не стоит забывать, что из-за недостаточности детских учреждений, сети предприятий бытового обслуживания и общественного питания многие женщины были вынуждены сидеть дома, занимаясь домашним хозяйством и уходом детей. Иная картина наблюдается в семьях служащих и малоквалифицированных рабочих. К примеру, если в семье служащих удельный вес заработной платы хозяина дома составлял 47%, то второго члена – 47,3%. В семье малоквалифицированных рабочих удельный вес зарплаты главы семьи составлял 65,7%, то второго члена семьи – 17% [5, л.7]. В 1956-1957 гг. удельный вес заработной платы у квалифицированных рабочих снизился до 78%, а малоквалифицированных рабочих до 61%. Однако, по сравнению с 1954 г. увеличился доход от второго члена, который составил у квалифицированных рабочих – 11%, у малоквалифицированных – 25% [1, л.3].

В целом за 1950-е гг. основным доходом для всех семей являлась заработная плата, удельный вес которой составил: в семьях квалифицированных рабочих – 90,4%, малоквалифицированных – 82,2%, ИТР – 85,8%, служащих – 94,3%. Семьи малоквалифицированных рабочих и ИТР помимо заработной платы имели доход от пособий (7-8%), пенсий (3-4%), дотаций (1%) и прочих поступлений (1-2%) [4, л.4].

В 1967 г. удельный вес заработной платы рабочих угольной промышленности составил 85%, в 1968 г. – 86%. [3, л.2] Как видно, заработная плата обследуемых семей являлась основным источником дохода. Доход по статье пенсии, стипендии и пособия составлял в среднем 7,5% от общего дохода. Удельный вес денежных дотаций в среднем на одну семью составил в 1967 г. – 1,8%, в 1968 г. – 2%. Рост был связан с увеличением количества приобретенных путевок в санатории, дома отдыха и пионерские лагеря. [3, л.3]

С начало 1950-х гг. государство стало оказывать широкую социальную помощь городскому населению. Предприятия и учреждения выделяли своим сотрудникам денежные дотации на приобретение путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и т.д. Кроме того, на промышленных предприятиях были увеличены премии за изобретения и техническое усовершенствование трудового процесса, за выполнение и перевыполнение плана, кроме того, осуществлялись выплаты единовременных вознаграждений за выслугу лет [6, л.54].

Проводимые мероприятия оказали положительное влияние на увеличение доли доходов по данной статье, прежде всего, в рабочих семьях с низким

размером заработной платы, чем в семьях с более относительным высоким уровнем среднемесячного оклада (инженерно-технические работники, высококвалифицированные рабочие). Статья дохода прочие поступления включала в себя поступления от продажи продуктов, скота и птицы из личного хозяйства, от продажи других товаров и вещей, поступления от родственников и знакомых в подарок и т.д. [4, л.25]. В казахских семьях являлась традицией помощь родственников из сельской местности городским. Родственники из села в основном помогали продуктами питания, в частности, мясом, картошкой, молочными продуктами и т.д.

Структура потребления является важным показателем семейного бюджета. Именно в ней отражается целевое назначение денежных средств отдельных семей в зависимости от уровня среднедушевого дохода. О расходах городских семей рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности региона на различные цели можно судить по данным таблицы 1, где приводятся удельный вес среднемесячных расходов по следующим пунктам: покупка продуктов питания, одежды, хозяйственных вещей, мебели, топлива, строительных материалов, виноводочных изделий, табака, оплата за жилье и коммунальные услуги, налоги и платежи, государственный заем, расходы на культурно-просветительские нужды, лечение и т.д.

В бюджете семей рабочих и служащих доля расхода на покупку продуктов питания составляла от 26 до 43%. Так, в бюджете квалифицированных рабочих удельный вес на питание от общего дохода составлял 40,7%, у малоквалифицированных рабочих – 42,6%. У инженерно-технических работников среднемесячный расход на питание был выше и составлял 38,9%, или 1091 руб. Относительно низкое процентное соотношение было характерно для служащих, которое составляло 26,5% в месяц от общего дохода. В целом, преобладание данной статьи расхода в семейном бюджете обследуемых свидетельствовало о низком уровне жизни.

Расход на приобретение одежды, обуви и ткани составлял от 18 до 23%. Согласно официальным отчетным документам невысокий удельный вес данной статьи расхода был связан с плохой работой государственной торговли в городах Центрального Казахстана. Однако сюда следует отнести и другие причины: низкий общий уровень жизни населения, слабое развитие легкой индустрии в целом в стране. По инерции послевоенного времени люди приобретали, прежде всего, товары первой необходимости, то есть продукты питания, а лишь потом «если что останется» на другое довольствие (одежду и обувь). Недостаточное развитие легкой промышленности, отсутствие выбора также оказывало влияние на низкий спрос населения по данной статье расхода. Психология людей оставалась, как и послевоенное десятилетие – «лишь бы было что одеть».

Таблица 1 – Структура потребительских бюджетов рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана в 1950-х гг. (среднемесячный расход на 1 семью, в %). [7]

Расходные статьи		1954 гг.				1957		1959
		квал. рабочие	Мл. рабоч	служ.	ИТР	квал. рабоч.	Мл. рабоч	В общем рабочие и служащие
Весь денежный расход	руб.	2651	1628	2789	2802	3124	2018	2710
	%	100	100	100	100	100	100	100
Питание	руб.	1080	693	740	1091	1190	833	1039
	%	40,7	42,6	26,5	38,9	38	42	43
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	441	357	623	392	523	419	572
	%	16,6	21,9	22,3	14,0	16,7	20,8	21

Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	441	357	623	392	523	419	572
	%	16,6	21,9	22,3	14,0	16,7	20,8	21
Хозяйственные вещи и мебель	руб.	57	33	99	86	87	36	124
	%	2,2	2,0	3,5	3,1	2,8	1,8	2
Культтовары, предметы гигиены и косметики	руб.	57	25	124	63	105	85	122
	%	2,2	1,5	4,4	2,2	3,4	4,2	5
На лечение, на отдых	руб.	62	47	39	45	36	37	57
	%	2,3	2,9	1,4	1,6	1,2	1,8	2
Виноводочные изделия и табак	руб.	125	47	155	138	142	69	156
	%	4,6	3,1	5,6	5,0	4,5	3,4	6
Оплата за жилье и коммунальные услуги	руб.	70	58	70	98	75	62	54
	%	2,6	3,6	2,5	3,5	2,4	3,1	2
Налоги, сборы и платежи	руб.	327	145	373	350	387	223	223
	%	12,3	8,9	13,4	12,5	12,4	11	8
Государственный заем	руб.	85	37	75	99	186	106	-
	%	3,2	2,3	2,7	3,5	6	5,3	-
Стройматериалы и дома	руб.	-	-	-	-	-	-	81
	%	-	-	-	-	-	-	3
Прочие расходы	руб.	303	160	396	409	276	140	282
	%	11,4	9,8	14,2	14,6	8,8	6,9	11

Материалы таблицы 1 свидетельствуют, что расходы на приобретение мебели и хозяйственных вещей были достаточно скромными. В 1954 г. среднемесячный расход по данной статье во всех обследуемых категориях был минимальный и в среднем составил: у служащих – 3,5%, у инженерно-технических работников – 3,1, у рабочих – 2%.

Незначительными были денежные расходы карагандинских рабочих и служащих и в сфере культуры и быта. Данный расход включал в себя затраты на приобретение книг, газет, журналов, канцелярских принадлежностей, музыкальных инструментов, спортивного инвентаря, фото и радио, детские игрушки, ювелирные изделия, а также предметы гигиены и косметики, лекарства. Расход по этим категориям составил от 2 до 4%. Расходы, связанные с посещением культурно-просветительских и оздоровительных учреждений, в исследуемый период были также незначительными и в среднем не превышали 2%. Однако здесь необходимо принять во внимание, что посещение многих культурных учреждений и оказание медицинской помощи было бесплатным.

Бюджетная статистика свидетельствует, что употребление алкогольных напитков и табака было привычным атрибутом повседневной жизни многих рабочих и служащих. Доля данной статьи расхода варьировалась от 4 до 6% (что в 1,5-2 раза больше расходов на культурные мероприятия). Причинами для злоупотребления спиртным были разочарование, ощущение социальной нестабильности, острая неудовлетворенность бытовыми условиями жизни, прежде всего, издержками жилищной политики советского государства. Последние были связаны со всеобщей коллективизацией быта, с устойчивой ориентацией на расширение контингента лиц, проживающих в общежитиях, что влекло за собой явную деградацию моральных устоев. Теснота, неблагоустроенность жилья, антисанитария способствовали росту употребления спиртных напитков.

Следующей расходной статьей семейного бюджета была оплата жилплощади и коммунальных услуг (таблица 1). В 1954 г. среднемесячный расход по данной статье составил от 2 до 4%. Основную часть расхода в семейном бюджете составляли налоги, платежи и различные сборы. В перечень данного расхода входили налоги с холостяков, налоги от доходов со строений, скота; взносы по

страхованию от несчастных случаев, страхованию имущества; плата за сохранение облигаций госзаймов в сберкассе, за регистрацию браков, разводов, рождения и т.д. [8, л.67]. Согласно данным таблицы 1, в 1954 г. доля данной статьи расхода в семейном бюджете обследуемых была значительной и в среднем за месяц на одну семью составляла у рабочих и инженерно-технических работников до 12%, служащих – 13%.

Обязательной (принудительной) статьей расхода в семейном бюджете карагандинских рабочих и служащих по-прежнему оставалась покупка облигаций государственных займов. На их долю уходило до 4% от общего расхода.

Больше 10% расхода составляла доля статьи «прочие расходы» в семейном бюджете, включавшая непредвиденные расходы, денежную помощь родственникам, различные членские взносы, а также расходы на транспорт, охрана огорода, лечение и пастьба скота. Кроме того, в аналитической записке за 1959 г. по Карагандинской области, к числу прочих расходов была отнесена и уплату взятки, которая среди обследуемых семьях называлась как «плата за услуги» и т.д. Получение платы за услуги больше всего встречалась среди работников госторговли за отпуск дефицитных ходовых товаров – ковров, телевизоров, шифоньеров, стиральных и швейных машин, шерстяных тканей и т.д. В документе дается объяснение, что поскольку органами статистического управления ставилась главная цель – получение достоверных данных обо всех доходах семей по источникам поступления и о всех расходах по их назначению, они не имеют права сообщать в соответствующие органы факты о взятках, перекупки и т.д. Все полученные в ходе опроса материалы представлялись в Центральное статистическое управление в сводном виде. Использование материалов обследования бюджетов для каких-либо других целей строго запрещалось, так как бюджетные исследования осуществлялись на добровольных началах семей. Сохранность тайны индивидуальных бюджетов гарантировалось Постановлениями правительства [4, л.27]. Наличие такого факта свидетельствовало о том, что, несмотря на существующий тоталитарный жесткий режим, присутствие спекуляций и взяток в повседневной жизни людей являлось нормой. Причина этого явления – низкий уровень жизни вследствие систематического дефицита на товары первой необходимости.

Проанализируем расходные статьи рабочих угольной промышленности в 1960-е гг.

Таблица 2 – Структура потребительских бюджетов рабочих промышленности Центрального Казахстана в 1960- е гг. (среднегодовой расход на 1 семью, в %). [10]

Расходные статьи		1963 г.	1967	1970
Весь денежный расход	руб.	3265	3905	4448
	%	100	100	100
Питание	руб.	1394	1644	1822
	%	42,7	42	40,9
Одежда, обувь, в том числе шитье и починка	руб.	532	673	790
	%	16,3	17,2	17,7
Хозяйственные вещи и мебель	руб.	127	126	170
	%	3,9	3,2	3,8
Культтовары, предметы гигиены и косметики	руб.	79	86	187
	%	2,4	2,2	4,2
На лечение, на отдых	руб.	73	30	-
	%	2,2	0,7	-
Оплата за жилье и коммунальные услуги	руб.	125	136	153
	%	3,8	3,4	3,4
Налоги, сборы и платежи	руб.	-	323	389
	%		8,2	8,7

Материалы таблицы показывают, что по сравнению с 1950-ми гг. изменения несущественные. В частности, по-прежнему среднегодовой расход на питание составил более 40%. Расход на приобретение одежды, обуви и ткани незначительно снизился по отношению к 1950-м гг. и составлял и от 16 до 18%. Основной причиной снижения данного расхода в отчетных документах называют слабое развитие торговли. На 1% возрос расход по статье приобретение мебели и хозяйственных вещей. Не претерпели изменения по сравнению с 1950-ми гг. такие статьи расхода как «культтовары, предметы гигиены и косметики», «лечение и отдых», «оплата за жилье и коммунальные услуги»; до 9% снизилась статья расхода «налоги, сборы и платежи».

Весьма интересны для нас результаты обследования на наличие предметов домашнего обихода и культурного назначения в семьях инженерно-технических рабочих, квалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Данное исследование было проведено в 1961 г. органами статистического управления. Респондентам были заданы вопросы: сколько и какая мебель имеется у вас дома (шкафы, стулья, кресло, столы, кровати, диваны, буфеты и т.д.), наличие бытовой техники (радиоприемники, радиолы, телевизоры, магнитофоны, электропроигрыватели, патефоны, холодильники, стиральные и швейные машины, электропылесосы и т.д.), использование и наличие музыкальных инструментов (аккордеоны, пианино и др.), наличие транспорта (легковые автомобили, мотоциклы, велосипеды). Из категории инженерно-технические рабочие были опрошены главы 25 семей. Общее количество людей, учитывая остальных членов, составило 127 человек. Средний состав семьи ИТР – 5 человек. Результаты показали, что практически в каждой семье имелись шкафы, кровати, столы, стулья, диваны. Однако были предметы, которые считались практически редкостью, в частности, на 25 семей имелось всего 2 комода, 6 книжных шкафов, 3 трельяжа. Из бытовой техники на 25 семей ИТР приходилось 18 телевизоров, всего 1 магнитофон, 3 электропроигрователя, 7 фотоаппаратов, 5 холодильников, 5 электропылесосов, 13 стиральных и 22 швейных машин. Предметы культурного назначения, в частности музыкальные инструменты являлись редкостью. Всего было подсчитано 4 аккордеона и 6 других музыкальных инструментов. Из транспорта на 25 семей приходилось 11 велосипедов и всего 2 легковых автомобиля [11, л.5].

Анализ 15 семей из категории малоквалифицированные рабочие показал их низкий уровень жизни по сравнению с рабочими ИТР. В частности, на 15 семей приходилось всего 5 телевизоров, 2 холодильника, 1 электропроигрователь, 8 стиральных машин, 2 фотоаппарата, 1 велосипед, 1 легковой автомобиль. Вообще отсутствовали магнитофон, патефон, музыкальные инструменты, электропылесосы [11, л.3].

Также были проанализированы 110 семей из категории квалифицированные рабочие промышленности. Общее количество людей вместе с другими членами составило 552 человек. Из предметов домашнего обихода в достаточно количестве были представлены мебель (шкафы, кровати, диваны, кушетки, столы, трельяжи). Из бытовой техники на 110 семей приходилось 68 телевизоров, 51 стиральных и 103 швейных машин, 99 радиоприемников, и всего 7 электропроигрователей, 1 патефон, 13 холодильников, 6 электропылесосов, 12 фотоаппаратов. Из видов транспорта на 110 семей приходилось 24 велосипеда и всего 3 мотоцикла и 5 легковых автомашин [11, л.8].

Таким образом, анализ на предметы домашнего обихода и культурного назначения показал, что люди были относительно удовлетворительно оснащены мебелью. Но ограничено количество или вообще отсутствуют предметы бытовой техники (холодильники, электропроигрователи, электропылесосы, магнитофоны),

что свидетельствует о неспособности многих позволить приобрести их на свою заработную плату. Ограниченное количество легковых автомобилей во всех исследованных категориях подтверждают, что иметь автомобиль в 1960-х гг. было роскошью. Из всех трех обследованных категорий лучший уровень жизни был у квалифицированных рабочих и инженерно-технических рабочих, имевших более высокую заработную плату и способных приобретать бытовую технику и предметы культурного назначения.

Из всего вышесказанного следует, что размер имеющегося дохода в семейном бюджете был недостаточным для нормального обеспечения рабочей семьи всеми необходимыми продовольственными и, особенно, непродовольственными товарами. Этим и объясняется неоднократное откладывание специализированными органами проведения развернутого бюджетного исследования рабочих и служащих всех отраслей промышленности, а также сфер образования, здравоохранения и т.д. Государственным органам было крайне невыгодно показывать реальную бюджетную статистику населения, так как именно в ней отражалась общая картина уровня жизни. В основном объектами исследования становились наиболее высокооплачиваемые категории, в нашем случаи, рабочие угольной промышленности. Тем не менее, имеющиеся статистические данные позволили получить следующие результаты. Внутренняя структура семейного бюджета показала, что большая часть расхода отводилась на питание. Затраты на непродовольственные товары (одежду, обувь, мебель, хозяйственные вещи и т.д.), а также культурно-массовые мероприятия были настолько незначительными, что не позволяют дать бюджету более высокую оценку. Заработная плата ограничивала возможности многим семьям приобретать бытовую технику, автомобиль. В целом, бюджетный дефицит свидетельствовал о невысоком уровне жизни населения региона в 1950-1960-е гг. Основные денежные средства затрачивались, прежде всего, на предметы первой необходимости, т.е. на питание и одежду. И это был минимум, который представлялся необходимым для человеческой жизни. В целом, можно говорить о том, что дефицит средств и экономия на всем были существенными компонентами в повседневной жизни советских людей в 1950-е – 1960-е гг.

---

1. ГАКО.Ф. 596. Оп.7.Д. 558
2. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 804
3. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 891
4. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 661
5. ГАКО.Ф. 596. Оп.7.Д. 349
6. ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 1555.
7. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 349. Л. 13-14; Д. 661. Л. 63-64
8. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 66
9. Советская жизнь. 1945–1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
10. Подсчитано по ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 804. Л. 25; Д. 891. Л. 22; Д. 1256. Л. 18.
11. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 720

5.3. Потребительские характеристики населения в 1970-е – 1991 гг.

Происходящие социально-экономические, политические и культурные преобразования в 1970-х – 1980-х гг. оказали кардинальное влияние на уровень жизни всего общества. Появляются новые ценностные ориентировки, потребности и расходы. При исследовании всех этих тенденций нами были использованы материалы из сборников и бюджетных обследований Карагандинского

статистического управления. Так же, как и в предыдущие периоды, статистические органы осуществляли сбор и обследование семейных бюджетов по выборочному принципу. Рабочие шахт и предприятий составляли значительную часть горожан центрально-казахстанского региона, и основной контингент обследований по-прежнему составляли рабочие промышленности, исследование семейных бюджетов других категорий, то есть врачей, учителей, рабочих других отраслей промышленности представлен в архивах и документах статистических органов достаточно скудно.

Одним из главных показателей роста благосостояния советских людей считалось систематическое повышение зарплаты, что было характерно для всего брежневского периода. Рассмотрим общесоюзные данные в таблице 1.

Таблица 1 – Среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР (в рублях) [2, с.133-135]

Год	Рабочих и служащих СССР	Рабочих промышленности	Рабочих строительства
1970	122	130,6	148,5
1975	145,8	160,9	180,3
1980	168,9	186	208
1985	190,1	233,2	240

Из таблицы 1 видно, что за 15 лет (1970-1985 гг.) среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР увеличилась в 1,5, рабочих промышленности – почти в 1,8, строительства – в 1,6 раза. В 1971 г. было определено, что малообеспеченная считается та семья, имеющая доход на одного человека в месяц не более 50 рублей. К середине 1970-х гг. семья рабочих из четырех человек, состоявшая из двух работающих и двух иждивенцев, имела в среднем доход на человека по 75 рублей в месяц. Тогда как в 1965 г. только 4% семей рабочих и служащих СССР получали среднемесячный доход на одного члена 100 и более рублей, то есть приближались к уровню рационального потребительского бюджета. [3, с.118]

В 1985 г. номинальная среднемесячная зарплата рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве СССР, была 190 рублей. На каждого из двух членов семьи при одном работающем и одном иждивенце приходилось по 95 рублей в месяц. Итак, к середине 1980-х гг. можно констатировать улучшение материального состояния городского населения не только по среднестатистическим данным, но и по материалам интервью.

По мере повышения доходов среднестатистическая семья промышленного рабочего получала возможность выделять больше средств на покупку непродовольственных и промышленных товаров (одежду, бытовую технику, культтовары и т.д.). Кроме того, в 1970-е и первой половине 1980-х гг. цены на продукты питания были относительно невысокие. Вспоминает К. Сембеков: «Помимо продуктов на зарплату мы могли себе позволить приобрести одежду, бытовую технику и куда-нибудь сходить отдохнуть. Я спокойно мог поехать отдыхать в Крым. Все стоило копейки. Народ был более здоровым, продукты были натуральные. Бытовая техника у нас была вся. Можно было позволить себе купить автомобиль. Даже молодая семья могла накопить деньги на машину. Но из 100% людей только примерно 20% населения стремились к этому, потому что транспортная структура тогда работала очень хорошо, да и новых машин в свободной продаже не было. В любое время можно было добраться в любую точку, билеты (и автобусные, и на поезд, и на самолет) стоили недорого» [4].

Но к середине 1980-х гг. усилились кризисные явления в социально-экономической системе СССР. Советская экономика окончательно утратила динамизм, произошло

падение темпов роста в промышленности и производительности труда. Кризисная ситуация сложилась в сфере потребительского рынка и финансов (в том числе в связи с понижением мировых цен на нефть в начале 1980-х гг.), в последние десятилетия СССР резко отстала по мировым показателям продуктивности сельского хозяйства; практиковался остаточный принцип финансирования социальной сферы, науки и культуры. Застой в экономике сочетался с большим удельным весом военных затрат в бюджете (45% средств расходовалось на ВПК), падением жизненного уровня советских людей. Стала расти инфляция, экономический коллапс стал влиять на качество жизни людей.

В годы перестройки в условиях повышения цен на товары и услуги, стал резко снижаться общий уровень жизни: люди жили «от зарплаты до зарплаты». Этот факт подтверждается многими участниками интервью. В частности, Б. Куртбаева отмечает: «Мой семейный доход, когда я училась, состоял из стипендии, после из зарплаты. Моя зарплата меня не всегда устраивала, я работала библиотекарем. Во многом себе приходилось отказывать, но в принципе на жизнь хватало. Отказывать приходилось в одежде и в отдыхе. С одеждой было тяжело, а в отдыхе никогда себе не позволяла куда-нибудь поехать по путевке. В общем, хватало лишь на мое существование: на еду и на проживание» [5]. Кроме того, стали нормой многомесячные задержки заработных плат на предприятиях, шахтах и учреждениях. Уровень жизни горожан стал резко снижаться во второй половине 1980-х гг.

Рассмотрим бюджетную статистику рабочих промышленности Карагандинской области. За 1971 г. был изучена бюджетная статистика 198 рабочих промышленности. Средний состав семьи составил 5 человек. 59% составили семьи с двумя работающими, 26% – с одним работающим членом, 15% – с тремя и более работающими. [6, л.12]. За 1975 г. были проанализированы бюджетные данные 181 семей рабочих промышленности (430 человек): средний состав семьи 4 – 5 человека, 74% составили семьи с двумя и более работающими, 26% – с одним работающим [7, л.21]. В 1985 г. областным статистическим управлением было проведено обследование бюджетов 100 семей (334 человек) рабочих промышленности. Средний состав семьи составил 3,5 человека. Из числа наличных членов семьи, в среднем на 100 семей приходилось работающих – 54,7%, в том числе работающих пенсионеров – 4,3%, стипендиатов – 2,7%, пенсионеров неработающих – 3,0%, членов семьи, находящихся на иждивении – 39,6% [8, л.103]. За 1990 г. были изучены статистические материалы бюджетов 100 семей (325 человек) рабочих промышленности. Средний состав семьи Карагандинской области в 1990 г. составил – 3,3 чел., из них дети до 16 лет – 36,2%, мужчины трудоспособного возраста – 27,0%, женщины трудоспособного возраста – 33,4%. По занятости члены семьи распределились следующим образом: рабочие – 36,0%, служащие – 13,9%, работающие пенсионеры – 1,0%, пенсионеры неработающие – 4,2%, стипендиаты – 1,7%, прочие члены семьи – 43,2% [9, л.4]. В целом, за изучаемый период времени процентное соотношение количества работающих в семьях в среднем составила 55-58%, работающих пенсионеров – 4-6%, стипендиатов – 3-5%, неработающих пенсионеров – 3-4%, членов семьи, находящихся на иждивении – 39-42%.

Рассмотрим доходные и расходные статьи изучаемых семей. Денежный доход на одну семью состоял из следующих статей: заработная плата, пособия, пенсии и стипендия, дотации, прочие поступления от государства, от продажи скота и продуктов личного подсобного хозяйства.

Таблица 2 – Денежный доход рабочих угольной промышленности Центрального Казахстана с 1971 по 1990 гг. (в среднем на семью за месяц, в руб.). [10].

	1971 г.	1975 г.	1985 г.	1990 г.
Весь денежный доход. В том числе:	4690	5060	6425,3	7942
Заработная плата	4030	4348	5563,8	6627
Пенсии, стипендии, пособия	282	377	513,5	262
Денежные дотации на приобретение путевок в санатории, дома отдыха (на содержание детей в детских учреждениях и др.)	69	74	86	111
Другие поступления от государства	66	72	252,1	486
От продажи скота и продуктов личного подсобного хозяйства	8	14	9,8	158

Несмотря на рост количественных показателей (денежный доход в семье рабочих увеличился с 1971 по 1990 г. в 1, 7 раза), реальные доходы на душу населения в начале 1990-х гг. (по сравнению с 1970 г.) уменьшились в 2,8 раза, соответственно ухудшился и уровень материального благосостояния людей, особенно сильно это проявилось к концу 1980-х – началу 1990-х гг.

Данные таблицы 2 показывают, что основным источником денежных доходов у рабочих являлась заработная плата. За период 1971-1985 гг. ее удельный вес составлял 86-87%. Причем в 1970-х гг. зарплаты, как отмечалось выше, росли, в пояснениях к статистическому бюджетному отчету, основная причина роста заработной платы в 1970-х годы связывалась с перевыполнением плана добычи угля всеми обследуемыми шахтами и т.п. [6, л.24]. В 1990 г. показатель доли зарплаты снизился до 83%, но реальная ситуация по снижению зарплат и доходов была более плачевная (инфляция, рост цен на товары и услуги, хронические задержки и невыплаты зарплат, отпускных и т.д.). Не случайно в 1989 г. в регионе появляются очаги социальной напряженности, прокатилась волна шахтерских забастовок из-за резкого ухудшения уровня жизни рабочих всех отраслей, и угольной промышленности в первую очередь. В течение исследуемого периода в семейном бюджете обследуемых удельный вес социальных пособий, пенсий и стипендий не был значительным и варьировался от 6 до 8%. Однако в 1990 г. его удельный вес снизился в 2-2,5 раза – до 3%, что было связано с общим экономическим кризисом (развал предприятий, системы социальных защит, отсутствие и задержка пособий и прочих выплат из-за отсутствия денег и т.д.). Неизменный удельный вес имела доходная статья «денежные дотации», которая составляла 1,3-1,5%. Значительно возросла статья дохода «другие поступления от государства» (помощь родственников, поступления от государственных и общественных организаций и т.д.) – с 1,6% в 1970-х гг. до 6% в 1980-х. Наблюдается тенденция роста статьи дохода «продажи скота и продуктов личного подсобного хозяйства». Если в 1970-е – начале 1980-х гг. на нее приходилось 0,3%, то середины 1980-х – 2,5%, рост этих показателей более чем в 8,3 раза свидетельствует о том, что люди обратились к поиску других источников доходов кроме зарплаты (хотя удельный вес этой статьи в семейном доходе в целом не стал значительным). Именно в этот период возросла роль подсобных хозяйств во многих городских семьях. Наличие хозяйства или приусадебного участка как-то решало продовольственный дефицит и обеспечивало людей домашними продуктами питания (молоко, мясо, овощи, картофель и т.д.). Причем не только для внутреннего потребления, но и для продажи на колхозных рынках с целью получения дополнительной прибыли.

Главной особенностью качества внутреннего потребления и статей расхода советского человека в 1960-е – 1980 гг. было то, что цены на основные продукты питания не менялись долгие годы. В государственной торговле мясо с 1961 г. неизменно стоило 2 руб. за 1 кг, сливочное масло – 3,5-3,6 руб. за 1 кг, вареная колбаса – 2,2- 2,9 руб., буханка черного хлеба – 18-20 коп., батон белого хлеба (300-400 г) – от 13 до 25 коп., литр молока – 20-30 коп., сахар-рафинад – 1,04 руб. за 1 кг, яйца – 9-10 коп за 1 шт. Но в большинстве регионов страны мясо, масло, рыбу, овощи, фрукты и многое другое можно было приобрести лишь по ценам кооперативной торговли или колхозного рынка, превышавшим государственные цены в 2 раза и более. Но с 1980-х гг. поднимались и государственные цены на некоторые продукты питания (особенно, например, в несколько раз подорожал кофе), непродовольственные товары и услуги. Дешевая продукция исчезала из ассортимента и заменялась другой, незначительно изменившейся, но гораздо более дорогой. По оценке ученых среднегодовая инфляция в 1970-1985 гг. составила 4%, а поэтому реальная зарплата не только не выросла, но даже сократилась на 20%. [11] Возможности легальных дополнительных заработков были крайне ограничены.

По данным некоторых российских авторов городская семья из 2-х работающих супругов, получающих среднюю зарплату, и двух несовершеннолетних детей в конце 1970-х гг. расходовала на питание примерно 60% своего бюджета (расходы на питание такой же средней американской семьи составляли 15-16%). По официальным данным, калорийность питания в СССР и США была практически одинакова, но его структура резко различалась. В рационе советских граждан хлеб и картофель занимали 46%, а мясо и рыба – 8%. У американцев соответственно – 22% и 20%. Советская статистика утверждала, что душевое потребление мяса в СССР составило в 1970 г. 47,5 кг, в 1980 г.– 57,6 кг, а в 1985 г. – почти 62 кг. Средний американец потреблял в год 120 кг мяса. Если же подсчет потребления мяса вести по американским стандартам (без сала, субпродуктов и т.п.), то на долю среднего советского потребителя его приходилось в 1985 г. не более 40 кг [11]. Но не всегда качество продуктов было высоким.

Состояние «сытости» и продовольственного обеспечения в советских семьях достаточно точно обозначил Буровский А.М. в своей книге «Брежнев без лжи»: «…часто считают, что в России в «годы застоя» царил настоящий голод. Почти так же думает и часть молодёжи, не успевшей застать «годов застоя» и знающей о них только понаслышке – вопрос, какие именно и какой ценой. Кто получал качественные продукты в спецраспределителе, кто покупал не очень качественные продукты «для населения» в магазинах, отстаивая громадные очереди, переплачивая в «кооперативных» магазинах. Кто покупал такие же продукты «по блату» и выносил с чёрного хода. А кто ломился в очередях других городов, приезжая в зелёных, пахнущих колбасой электричках» [12]. Ситуация в Казахской ССР с продовольственным обеспечением была более благополучной, чем, например, в регионах Центральной России (без столиц). Приезжавшие в Казахстан в гости к родственникам россияне отмечали, что продовольственное обеспечение, уровень жизни в регионе было на порядок выше. После событий в Темиртау в 1959 г. центр отслеживал продовольственное обеспечение и др. в Караганде, Темиртау и в области в 1970-е – 1985 гг.

С промышленными товарами ситуация была несколько иная. Если же цены на продукты питания были занижены, то одежда, обувь, электроприборы стоили дорого. Мужской костюм можно было купить за 120-250 руб., пару приличных туфель – за 30-60 руб., женские сапоги – за 150-250 руб., черно-белый телевизор – за 230-260 руб., цветной – примерно за 750 руб., автомобиль «Жигули» – за 6-7 тыс. руб. [11] Рост денежных доходов населения отставал от инфляции, но всё же

позволял людям покупать не только товары повседневного спроса, но и бытовую технику. Гораздо чаще, однако, встречался дефицит потребительских товаров. Для того чтобы приобрести мебель, стиральную машину, холодильник, не говоря уж об автомобиле, приходилось записываться в очередь в магазине, а чаще – на предприятии, и ждать несколько месяцев, иногда лет. Отечественная легкая промышленность, скованная многочисленными ведомственными инструкциями, не успевала реагировать на изменения спроса, а потому систематически предлагала потребителю товары, давно вышедшие из моды. Покупка качественной, удобной и модной одежды и обуви для большинства советских людей превращалась в трудноразрешимую проблему. Если где-то на прилавок «выкидывали» импортные сапоги или кофточки, за ними сразу выстраивались многочасовые очереди.

Нехватка потребительских товаров привела к быстрому росту вкладов населения в сберкассах. В первой половине 1970-х гг. они росли в 2,6 раза, во второй половине 1970-х – в 3 раза быстрее, чем реализация товаров народного потребления [11]. Значительные средства люди хранили также дома. Большей частью это были «горячие деньги», которые их владельцы были готовы потратить, как только представится возможность купить нужный товар. Дефицит порождал ажиотажный спрос, которым умело пользовались многие работники торговли и дельцы «черного рынка».

В бюджете семей рабочих промышленности доля расхода на покупку продуктов питания в указанные годы имела тенденцию к сокращению. Если в 1971 г. расход по данной статье составил 38%, то в 1990 г. – 27%. Причем необходимо иметь виду, что эти проценты не всегда демонстрируют полную степень изменения ситуации. Расход на приобретение одежды, белья и обуви был небольшой, хотя имел тенденцию к росту от 18 до 22%. Согласно официальным отчетным документам невысокий удельный вес данной статьи расхода был связан с плохой работой государственной торговли и всеобщим товарным дефицитом. Как отмечается в отчетных документах: «определенное количество товаров остается нереализованным по причине неудовлетворительности спроса населения по качеству, ассортименту и несвоевременности товара. К числу труднореализуемых товаров относились одежда и белье, ткани и трикотажи, обувь и галантерея» [8, л.125]. В 1989-1990 гг. из-за общей нестабильности в экономке, резкого повышения цен и дефицита наблюдался ажиотажный спрос на данные товары. Это в свою очередь вызвало широкое распространение «черных» рынков, «барахолок», «спекуляции» через так называемых в народе «толкачей», «снабженцев», «леваков», «дельцов» и др., вместо денег действовали связи, блат и дефицит.

Рассмотрим состав денежных расходов семей рабочих промышленности в регионе в обозначенные годы (Таблица 3).

Таблица 3 – Состав денежных расходов семей рабочих промышленности 1971-1990 г. [13].

	1971	%	1975	%	1985	%	1990	%
Весь денежный расход В том числе:	4448	100	4803	100	5809	100	7416	100
На покупку продуктов питания	1700	38	1866	38,8	1843	31	1999	26,9
На общественное питание в столовых, буфетах и т.д.	122	2,7	147	3,0	167	2,8	173	2,3
Плата за пользование детскими учреждениями	37	0,8	61	1,2	74,6	1,2	-	-
На приобретение тканей, одежды, белья, обуви и т.д.	790	17,7	1084	22,5	1786	30	2171	29,2

На приобретение мебели, хозяйственных товаров и электроприборов	170	0,4	280	5,8	300	5	380	5
На театры, кино и другие культурно-просветительные нужды	42	0,9	49	1,0	42,7	0,7	48	0,6
На покупку культтоваров	145	3,3	151	3,1	150	2,5	155	2
Оплата жилище и коммунальных услуг (включая покупку топлива, осветительных материалов, покупку домов и оплату труда по ремонту и строительству)	153	3,4	144	3,0	194,3	3,3	180	2,4
Налоги	389	8,7	420	8,7	702	12	864	11,7
На алкогольные напитки	–	–	–	–	174	3,0	244	3,3

Незначительную долю составляли расходы по приобретению мебели, хозяйственных товаров и электроприборов – 5%, но по сравнению с 1971 г. он возрос в последующие годы в 12 раз. Увеличение расходов объясняется большим количеством купленных телевизоров и радиоприемников [6, л.18]. Но следует учесть, что товары длительного пользования в СССР более чем где бы то ни было соответствовали своему названию, так как служили своим хозяевам десятилетиями, даже если технический уровень многих из них уже не соответствовал эпохе. Поэтому, потратившись на мебель, электро- или бытовые приборы, советские люди пользовались этими вещами десятилетиями, не тратясь повторно на приобретение аналогичных товаров.

Существенную долю расхода составляли налоги. Их повышение объяснялось ежегодным ростом заработной платы. Возможно, что на сокращение расходов на питание повлиял рост удельного веса налогов. Если в начале 1970-х гг. он составлял 8,7%, то в 1990 г. – 11,7%.

Отдельную статью расхода составляла покупка алкогольных напитков – 3%. В сравнении с 1950-ми гг. ее удельный вес сократился в 2 раза. Основная причина – «сухой закон», введенный М.С. Горбачевым. В конце 1980-х водка выдавалась строго по талонам, на этот товар был колоссальный спрос, приведший к развитию «теневой экономики». Люди стали «гнать» самогон и продавать по двойной цене. Эта тенденция привела к дефициту сахара и дрожжей. Вспоминает З. Ахметова: «В те годы многие «гнали» самогон. Для брожения использовали сахар и дрожжи. Из-за этого трудно было купить сахар, приходилось по блату просить своих знакомых-продавцов. Для усиления эффекта и поднятия градуса некоторые добавляли ацетон. Из-за водочного дефицита люди умудрялись взамен водки пить тройной одеколон, денатурат и т.д.» [14]. Вспоминает А. Оспанова: «Спиртоводочные изделия мы особо не употребляли. Просто, когда приглашали гостей, старались приобрести хорошее вино. Тогда можно было приобрести вино по блату. А шампанское было тогда в дефиците» [15]. Респондент Т.Е. Жунусов отмечает: «Еще люди тратились на вино-водочные изделия и табак. Это был «больной» вопрос, потому что в то время процветало пьянство. Это был бич советского общества. В любой столовой или забегаловке, в магазине водка была доступна до горбачевского правления. Водка, вино – все было в изобилии. Пьянство процветало, люди пили ежедневно, кто-то спивался, непьющих людей можно было по пальцам пересчитать. В горбачевское время начались бешеные очереди за водкой, за вином, люди давились в очередях и калечили друг друга, лезли «на головы», чтобы взять бутылку водки. Сначала продавали алкоголь по талонам. Потом появилось дешевое разливное вино. А очереди привели к самогоноварению и продаже водки «из-под полы» на улице.

Самодельный алкоголь начал процветать, то есть все только усугубило положение. Табак в горбачевское время тоже был в дефиците, он пропал из открытой продажи. Даже помню такие времена, когда на работе выдавали сигареты под зарплату, в магазине их не было. В 1980-е гг. пропала водка и сигареты. Начали гнать самогон и курить махорку. Начали завозить с юга мешками махорку как во время войны» [16].

В перестроечные годы, особенно с 1987 по 1990 гг., приобретение необходимого для жизни, будь то квартира, машина, мебель, бытовая техника, обувь, одежда либо еда, превращалось в «титанический труд». Многим приходилось брать с собой детей в магазины, так как товары продавались по количеству людей, стоявших в очереди (это называлось в «одни руки»). Из-за тотального дефицита, экономического спада, задержек заработных плат на 3-6 месяцев на предприятиях и учреждениях резко упал уровень жизни людей. Участник интервью Т. Жунусов вспоминает: «Я работал на шахте имени Костенко, по профессии подземный электрослесарь. Из-за жуткого дефицита в конце 1980-х гг. нам шахтерам было нелегко. Мы месяцами не видели зарплату. Даже на «тормозок» из продуктов брать было нечего, а мы ведь работали под землей. Все что мы требовали тогда на забастовки – это улучшить наши условия, увеличить заработную плату и дать нормальное и стабильное продовольственное обеспечение». [16]

Проблемы резкого снижения уровня жизни горожан, доходов работающих людей, особенно шахтеров, неудовлетворение социально-экономическими условиями жизни создавали очаги социальной напряженности. Бесконечный дефицит на все, очереди, отсутствие и несвоевременная выплата заработной платы стали причинами забастовок карагандинских шахтеров летом 1989 г.

Исходя из вышесказанного следует заключить, что, если в период «застоя» 1970-х – первой половины 1980-х гг. состояние горожан центрально-казахстанского региона было непросто стабильным, а даже демонстрировало рост уровня жизни и благосостояния общества, то во второй половине 1980-х гг., точнее после 1987-1988 гг., экономический развал СССР негативно сказался на уровне жизни населения. Зарплата стала расти быстрее, чем производство высококачественных продуктов питания и промышленных товаров народного потребления (одежда, обувь, бытовая техника, мебель). Политика перестройки по улучшению уровня жизни в СССР путем ускорения ее развития через научно-технический прогресс не смогла реализоваться за короткие сроки, попытки внедрения в советскую систему элементов рыночной экономики через экономическую и финансовую самостоятельность промышленных предприятий, кооперативы и индивидуальную трудовую деятельность еще больше обострили ситуацию на потребительском рынке. Уровень и качество жизни советских людей стало резко снижаться.

---

1. Шубин А. СССР в апогее: как мы жили // http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/sh2.html
2. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. – М. : Наука, 1979. – 580 с.
3. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945 – 1991 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.
4. Аудиозапись биографической беседы с Сембековым К.К. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
5. Аудиозапись биографической беседы с Куртбаевой Б.Ш. (1955 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
6. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 1256
7. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 1915
8. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3608
9. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3690

10. Составлено по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 1256. Л. 16; Ф. 596. Оп.7. Д. 1915. Л. 24; ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3608. Л. 103; ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3690. Л. 2
11. Кацва Л. Советское общество второй половины 1960-х — начала 1980-х гг. История, 2001. № 35/ http://his.1september.ru/article.php?ID=200103501
12. Буровский, А.М. Брежнев без лжи. Да здравствует «Застой!». – М. : Эксмо, 2013. – 348 с./ https://topwar.ru/48706-pravda-o-deficite-v-sssr.html
13. Составлено по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 1256. Л. 17; Ф. 596. Оп.7. Д. 1915. Л. 25; ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3608. Л. 104; ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3690. Л. 2
14. Аудиозапись биографической беседы с Ахметовой З. (1941 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
15. Аудиозапись биографической беседы с Оспановой А. (1952 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
16. Аудиозапись биографической беседы с Жунусовым Т.Е. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

ГЛАВА 6. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ И ТОРГОВЛЯ

6.1. Продовольственные трудности. Развитие городской торговой сети и общественного питания в 1946 – 1953 гг.

Питание является неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Изучение степени удовлетворения городского населения Центрального Казахстана в потреблении основных продуктов питания позволит определить основной пищевой рацион, а также показать уровень развития торговой сети и системы общественного питания в послевоенный период. Несмотря на победу в Великой Отечественной войне, послевоенное общество оказалось в крайне тяжелом социально-экономическом положении. Способность советских людей выжить в экстремальной ситуации первых послевоенных лет поддерживалась как послевоенным оптимизмом, так и необходимостью противостоять послевоенным трудностям. В 1920-е – 1940-е гг. в период кризиса снабжения государство принимало меры по регуляции потребления продовольствия на внутреннем рынке путем искусственного или принудительного снижения спроса на продовольственные товары. В условиях общего обеднения населения питание рабочих и колхозных семей было недостаточным как по ценности пищи, так и по количественным параметрам потребления. Из-за дефицита на многие виды продовольствия для населения были введены нормы отпуска некоторых товаров в одни руки, ограничена продажа из торговой сети предприятиям и учреждениям. В 1939 г. была введена закрытая форма торговли для работников некоторых стратегических отраслей (цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, электроэнергетики, ряда отраслей машиностроения и металлообработки и др.).

В качестве наиболее острых проблем послевоенной повседневности в Советском Союзе выступал продовольственный вопрос. По мнению историка В.Ф. Зимы, исследовавшего причины и последствия голода 1946-1947 гг. в СССР, людям пришлось пережить не только продовольственные трудности, но и голод. В 1946 г. крупные зерновые районы СССР – Украина, Молдавия, Центральная Россия, Среднее и Нижнее Поволжье были охвачены засухой. Однако, как отмечает исследователь, в ряде районов воздействие засухи было преувеличено, чтобы списать на нее организационные просчеты и недопустимо низкий уровень агротехники [1, с.19]. Из-за несвоевременной уборки урожая в Сибири, на Кубани, в Казахстане, вследствие нехватки людей, неудовлетворительной работы техники, отсутствия горючего и т.д., уборочные работы затянулись до зимы. По данным

В.Ф. Зимы, только в 21 области России площадь неубранных и не полностью убранных полей составила 166,4 тыс. га, в Казахстане пошли под снег 68,4 тыс. га зерновых полей [1, с. 19]. Согласно данным Ж.Б. Абылхожина, в целом по СССР погибло 4,3 млн. га зерновых посевов, а средняя урожайность едва превышала 4 ц/га, т.е. всходы не возместили даже семенной материал, затраченный на посевы [2, с.227]. В результате валовой сбор зерна в 1946 г. составил 39,6 млн. т, что было на 7,7 млн. т. меньше, чем в 1945 г. и в 2,4 раза меньше, чем в предвоенном 1940 г. [1, с.20]. Потерянный урожай государство решило компенсировать за счет организации дополнительных хлебозаготовительных компаний. Большинство колхозов и совхозов были вынуждены отдать государству до последнего зерна. Так, по подсчетам Ж.Б. Абылхожина, только в Казахстане у сельского населения было изъято около 56% валового сбора зерна [2, с.227]. Подобная насильственная компания со стороны властей привела сельское население к голоду.

Продовольственные трудности охватили и городское население. Как и в годы Великой Отечественной войны, распределение хлеба и продовольствия по-прежнему осуществлялось через государственное централизованное нормированное снабжение, которым обеспечивалось три большие группы потребителей: 1) население городов и рабочих поселков; 2) работники предприятий основных отраслей промышленности (военной, топливной, металлургической, энергетической, железнодорожного и водного транспорта), находящихся в сельской местности; 3) часть сельского населения, несвязанного с сельским хозяйством (учителя, врачи и другие специалисты). Среди городского населения существовало деление по следующим категориям: к первой категории относились рабочие тяжелой отрасли промышленности и транспорта (группа «А»), ко второй категории снабжения относились прочие рабочие и лица физического труда, незанятые на фабрично-заводском производстве, т.е. группа «Б». Дети и иждивенцы составляли отдельные группы снабжения [3, с.90-91].

На каждом промышленном предприятии и транспорте функционировали закрытые распределители, которые именовались отделами рабочего снабжения (ОРСы), сформированные еще в феврале 1942 г. В их распоряжении находились закрытые столовые, магазины, буфеты, обслуживавшие только те категории людей, которые работали на данном предприятии.

Основным продуктом снабжения являлся хлеб. Рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий черной металлургии и угольной промышленности снабжались по первой категории и получали в день по 800 г. хлеба, по второй – 600 г. Норма снабжения иждивенцев и детей не превышала в день 400-450 грамм хлеба. В конце 1945 г. рабочим и инженерно-техническим работникам угольной промышленности, занятым на подземных работах, была повышена норма хлеба с 1000 до 1200 грамм. [4, л. 116]. Хлебные карточки выдавались населению ежемесячно, а продажа хлеба по ним производилась по соответствующим талонам на каждый день в пределах установленной нормы. Разрешалась продажа хлеба на один день вперед, но по просроченным талонам хлеб не отпускался. Поскольку большинство пользовавшихся услугами столовых брало хлеб, то в хлебных карточках (как и для карточек на мясо, рыбу, жиры и крупу) вводились дробные талоны. Так, при норме отпуска на день 600 г хлеба имелось три талона: на 300, 200 и 100 г. [5].

В целом, снабжение хлебом по сравнению с другими продуктами имело существенные особенности. Во-первых, хлебом по карточкам снабжалось все население всех без исключения городов и рабочих поселков, тогда как на мясо, рыбу, крупу и макаронные изделия карточная система была введена не во всех городах. Во-вторых, в отличие от всех остальных продуктов хлебная норма была

не месячной, а дневной. В-третьих, хлеб не заменялся другими продуктами. В этом отношении снабжение хлебом отличалось от снабжения другими продуктами питания, которые нередко выдавались некоторым категориям городского населения в виде заменителей.

В сентябре 1946 г., в связи с неурожаем, Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) начали компанию за экономию хлеба, первым шагом которой стало решение о повышении пайковых цен. 6 сентября 1946 г. по этому вопросу под грифом «секретно, не для печати» было принято Постановление Политбюро. «Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б)\», – говорилось в этом документе, – учитывают трудности повышения пайковых цен и понимают, что здесь потребуются жертвы со стороны рабочих, служащих и крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое последствие войны» [6, л.12-13]. Решение о повышении пайковых цен было официально опубликовано 16 сентября в форме короткой информации «В Совете Министров СССР». Однако в нем ничего не говорилось ни о «жертвах», ни о сложностях в связи с засухой и неурожаем, а само решение цен было представлено как мероприятие, проводимое в целях подготовки условий для отмены карточной системы в 1947 г. [7].

Согласно официальным сообщениям, основная масса населения страны встретила известие о повышении цен «с пониманием». Из докладной записки Н.С. Патоличева И.В. Сталину «О собраниях рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях по разъяснению сообщения СМ СССР об изменении цен на продукты питания и промышленные товары от 21 сентября 1946 г. следовало, что «понимание» народа основывалось даже не столько на осознании реальных причин реформы пайковых цен, сколько на вере и убеждении, что «партия и товарищ Сталин не желают зла народу» [8, л. 24]. «Это мероприятие, – говорил завалоотбойщик шахты № 31 г. Караганды, – направлено на увеличение благосостояния нашего народа, и я его одобряю и со своей стороны обязуюсь выполнить норму не менее чем на 130 %» [8, л.34]. Аналогичное высказывание десятника, шахты № 31 товарищ С. Пущина: «Мы понимаем, что новые цены направлены не только на улучшение нашего жизненного уровня, но и на укрепление обороноспособности Родины, поэтому будем работать еще лучше» [8, л. 35]. Некоторые считали, что «повышение цен приведет к упорядочиванию торговли, усилению борьбы со спекуляцией и улучшению жизненных условий рабочих» [8, л. 36].

Но были некоторые мнения, резко отличавшиеся от высказываний общей массы населения. В частности, домохозяйка горняка шахты им. Кирова г. Караганды заявила, что «и хорошо, что цены на хлеб повысили, теперь коров хлебом кормить не будут» [8, л.36]. Другие были настроены менее оптимистично. Говорили о неурожае, сложной внутренней социально-экономической и политической ситуации, последствиях войны. Повышение цен даже зародило среди людей предположение о приближении новой войны. Были отмечены такие высказывания как: «Это подготовка к войне, перед войной всегда так бывает», «Раз продукты подорожали – значит скоро война» [8, л.36].

Для компенсации потерь населения одновременно с повышением пайковых цен предполагалось осуществить ряд экономических мероприятий. Во-первых, были снижены коммерческие цены на продукты питания. Однако если пайковые цены выросли в целом в 2,5-3 раза (по разным группам продуктов), то коммерческие цены были снижены не так существенно – в среднем на 10-20% [6, л.16]. Во-вторых, Советом Министров СССР было принято решение установить систему надбавок к заработной плате категориям населения с низким и средним уровнем доходов: получающим до 300 руб. в месяц была установлена надбавка 110 руб.,

до 500 руб. – 100 руб., до 900 руб. – 80 руб. в месяц. Надбавку в 60 руб. получили неработающие пенсионеры и 80 руб. – студенты [7].

После повышения пайковых цен, 27 сентября 1946 г. правительство и ЦК партии приняло Постановление «Об экономии в расходовании хлебом». Согласно данному Постановлению с 1 октября 1946 г. предусматривалось существенное сокращение контингента населения, находящегося на нормированном снабжении. С пайкового снабжения хлебом было снято сельское население, а также взрослые иждивенцы и дети. Не подлежали снятию с пайкового снабжения учащиеся и лица, связанные с уходом за малолетними детьми. По подсчетам историка В.Ф. Зимы, государство отказало в хлебе примерно 28 млн. человек, где половину из них составляли иждивенцы и дети. В целом по СССР не обеспечивалось хлебом около 100 млн. человек, т.е. 58% населения страны» [1, с. 42]. Кроме того, согласно данному Постановлению правительство приняло решение на 50% сократить торговлю хлебом в коммерческих магазинах. Одновременно ухудшилось и качество выпекаемого хлеба. Другое Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О дополнительных мерах по экономии в расходовании хлеба и усилению контроля за работой Министерства торговли и его органов» от 18 октября 1946 г. официально установило норму примеси овса, ячменя, кукурузы при хлебопечении до 40 % [9, с.75].

Скудность архивных материалов не позволяет выявить фактический контингент городского населения Центрального Казахстана, находившегося на централизованном снабжении в 1945-1946 гг. Нами были обнаружены только лишь данные ЦСУ Карагандинской области о численности населения, находившегося на снабжении хлебными карточками по состоянию на 1 января 1947 г. Однако эти данные не учитывают контингент населения, который снабжался продовольствием без карточек (по спискам, заборным книжкам, разовым талонам и т.д.), но, тем не менее, позволяют судить о дифференциации нормированного снабжения по отдельным категориям.

Весь снабжаемый контингент населения городов и рабочих поселков Центрального Казахстана исчислялся в 269923 чел. [4, л.110], тогда как общая численность городского населения региона, включая население рабочих поселков, на тот период составляла 318400 чел. [10, л. 2], т.е. на государственном снабжении находилось 84% населения. В том числе 160328 рабочих (59%), 10544 служащих (4%), 30542 иждивенцев (12%), 68509 детей рабочих и служащих (25%) [4, л. 110]. Рассмотрим общий контингент, а также выясним процентное соотношение отдельных категорий снабжения по хлебным карточкам в разрезе городов Центрального Казахстана в таблице 1.

Из данных таблицы 1 ясно, что по состоянию на 1 января 1947 г. на государственном снабжении находилось: в городе Караганде – 85 % населения, в Балхаше – 80, в Темиртау – 81, в Каркаралинске – 63%. Наиболее высокую норму в размере 1200 г. в день получали карагандинские шахтеры, которых составляла 20000 чел., или 12% от общего контингента снабженцев. По норме 1000 г. – 6725 рабочих, или 4%. Отдельные категории рабочих гг. Балхаша и Темиртау также находились на снабжении по повышенным нормам: в г. Балхаше – 4796 человек (14%), в Темиртау – всего 900 чел. (6%). На минимальном снабжении хлебными карточками находилось население г. Каркаралинска – 63%, причем большую часть из снабжаемых составляли иждивенцы и дети. Остальная часть приходилась на рабочих и на городскую интеллигенцию – учителя, медработники, педагогический персонал детских внешкольных учреждений, фельдшеры и т.д.

Таблица 1 – Контингент городского населения Центрального Казахстана, обеспеченный хлебными карточками, по состоянию на 1 января 1947 г. (в тыс.).

Города	Контингент населения		Нормы распределения										
	Общая численность городского населения	Общий контингент снабжения	Повышенная норма		1-я категория			2- я категория				Иждивенцы	дети
			1200	1000	800	700	650	600	500	450	400		
Караганда	197000	167262	20000	6725	13580	4550	2550	9896	20326	2867	3098	27420	56250
%	100	85	12	4	8	3	1	6	12	2	2	16	34
Балхаш	43500	35051	-	4796	-	6043	450	2063	4412	599	745	4300	11643
%	100	80	-	14	-	17	1	5	10	1	2	12	33
Темиртау	18500	15071	-	900	782	2300	340	1054	1548	253	291	2483	5120
%	100	81	-	6	5	15	2	7	10	2	2	16	34
Каркаралинск	4100	2587	-	-	-	-	-	72	756	-	67	318	1374
%	100	63	-	-	-	-	-	3	29	-	3	12	53
Итого	263100	219971	20000	12421	14362	12893	3340	13085	27042	3719	4201	34521	74387
Таблица составлена на основе данных ЦГА РК. Ф. 698. Оп.14. Д. 299а. Л. 6; ГАКО. Ф. 596. Оп.1/8. Д. 79. Л. 137													

Таким образом, из 85% городского населения Центрального Казахстана по состоянию на 1 января 1947 г., находившегося на государственном снабжении, 50% находились от второй до повышенной категории, 14% снабжались по повышенным нормам, 14 – по первой категории, 22% – по второй категории; остальные 50% приходилось на снабжение иждивенцев и детей (16 и 34 % соответственно). В целом, существующее нормированное распределение не только хлеба, но и других необходимых продуктов не обеспечивало городское население даже прожиточным минимумом. Из бюджетной статистики рабочих, служащих и ИТР угольной промышленности следует, что за период с 1945 по 1947 гг. в среднем на одного человека в день приходилось 50 г. хлеба, 22 г. крупы, 17 г. макаронных изделий, 2 г. растительного масла и жиров, 5 г. сахара, 36 г. мясопродуктов [11]. И это притом, что рабочие угольной промышленности считались одной из привилегированной категорией в Советском Союзе.

Существующее нормированное распределение продуктов питания (по карточной системе) обрекало людей на полуголодное существование. В письме Востокова председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому от 1 июня 1945 г. приводится анекдот об иждивенческой карточке, который имел широкую популярность в 1940-х гг. Содержание анекдота заключалось в следующем: «На Крымской конференции между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным возник вопрос,

какой казни подвергнуть Гитлера. Рузвельт предложил электростул, Черчилль – виселицу, а Сталин предложил посадить его на русскую иждивенческую продовольственную карточку. После ознакомления, что эта за карточка, все трое пришли к единому решению, что более суровой казни не придумать» [12, с. 67].

Нормированное распределение вызывало массу недовольства среди населения. Справедливо отметить мнение российской исследовательницы Е.Ю. Зубковой, которая указывает, что «не зря в обыденном сознании советского народа война и карточки оказались слиты таким тесным образом, что сохранение карточек рассматривалось как чуть ли не главная причина продовольственных трудностей военных лет» [9, с.81]. Отмена карточек планировалась на 1946 г., но продовольственный кризис, возникший в результате засухи и голода, не позволил властям реализовать это решение. Провести резкую отмену карточной системы властям было невыгодно, поскольку это упиралось в такие проблемы, как скудность товарных запасов, проблемы ценообразования, слабое развитие торговых сетей и т.д. Государство начало проводить постепенную ценовую политику, направленную на усреднение цен между товарами и продуктами коммерческой и государственной торговли.

В целом, следует отметить, что принудительные заготовки, сокращение контингента населения на паек, повышение пайковых цен, уменьшение объемов продажи хлеба привели к голоду и недоеданию. Ситуация на потребительском рынке изменилась к лучшему после отмены карточной системы. Хотя само Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» для трудящихся было неожиданным, поскольку им обещали нормированное снабжение по низким ценам до преодоления дефицита. Несмотря на мероприятия правительства по снижению цен, дефицит на продукты первой необходимости – хлеб, картофель и крупы по-прежнему оставался. В условиях низкой заработной платы, обязательных выплат государственных займов большая часть населения страны была не готова к отмене карточек и обмену денег. В Преамбуле текста Постановления была исторически обоснована экономическая и политическая необходимость данной меры, чтобы ликвидировать последствия второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный рубль и облегчить переход к единым ценам без карточек. «Денежная реформа» и отмена карточек должны были усилить значение денег в народном хозяйстве, ожидалось повышение заработной платы рабочих и служащих, возрастание ценности денежных доходов сельского населения. В Постановлении подчеркивалось, что, в отличие от капиталистических государств, в «СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа. Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот – увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более, что это будет последняя жертва» [13]. Но как покажет история, это была далеко не последняя жертва народа.

С 16 декабря по 22 декабря вся денежная масса была обменена на новые деньги по соотношению 10 рублей в деньгах старого образца на 1 рубль в деньгах образца 1947 г. После обмена денег и «стабилизации» цен ранее забронированные товары из государственного резерва на сумму 1,7 млрд. рублей были выброшены на рынок.

Как отмечает В.Ф. Зима, сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. После проведения денежной реформы люди приходили в магазины как на «экскурсию» – посмотреть, приценяться. Поскольку переход к открытой торговле сопровождался установлением единых государственных розничных цен, когда пайковые цены были приближены к коммерческим (т.е. были повышены в среднем в 3 раза) [1, с.58]. В целом, денежная реформа в СССР носила в большей степени пропагандистский характер, чем экономический. За счет неэквивалентного обмена правительству удалось на короткое время поднять курс рубля. Под давлением массовой пропаганды народ воспринял данную реформу с большим ожиданием, надеясь на то, что вместе с отменой карточек «всего будет много» и наступит новая жизнь. Несмотря на то, что реформа 1947 г. способствовала стабилизации финансовой ситуации, массовое сознание отреагировало на итоги реформы с чувством полного разочарования. Так как неэквивалентный обмен денег вывернул карманы трудящихся, и большая часть населения потеряла свои сбережения. В результате зародился комплекс недоверия населения к денежным реформам вообще.

Тяжелые послевоенные годы отразились на структуре потребления пищевых продуктов в СССР. Среди городского населения Центрального Казахстана не было голода как на Украине или в других регионах страны, однако домашнее питание было достаточно однообразным. Материалы таблицы 2 позволяют отследить объем и структуру основных потребляемых продуктов питания у рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности Центрального Казахстана.

Из данных таблицы видно, что относительно высоким оставалось душевое потребление пшеничных хлебопродуктов и картофеля (уменьшение их потребления в отдельные годы было незначительно). В частности, в общей структуре потребления у рабочих наиболее избыточным являлась доля потребления хлебопродуктов: в 1945-1947 гг. – 59% (или 20,982 кг на душу), в 1948-1950 гг. – 57% (или 24,887 кг), в 1951-1953 гг. – 46% (17,377 кг). Потребление хлебопродуктов в семьях служащих на одного человека в среднем за месяц в 1945-1947 гг. составляло 18,145 кг, или 52% от общего рациона питания. В 1948-1950 гг. потребление хлеба увеличилось до 21,386 кг на одного человека, тогда как в общем объеме его доля не изменилась и по сравнению с 1945-1947 гг. составила 52%, а в 1951-1953 гг. снизилась до 50%. Наиболее благоприятная ситуация сложилась у инженерно-технических работников, поскольку на протяжении исследуемого периода мы наблюдаем сокращение доли потребления хлебопродуктов в общем объеме питания: с 62% в 1945-1947 гг. до 44 % в 1951-1953 гг. Если в 1945-1947 гг. на одного человека в среднем приходилось 32,912 кг хлеба, то в 1950-1953 гг. – 14,655 кг. Это способствовало увеличению потребления других продуктов питания – мяса, овощей, фруктов и т.д.

Таблица 2 – Потребление основных продуктов питания (в среднем на одного члена семьи за месяц, в кг).

Наименование	Категории	1945 – 1947 гг.		1948 –1950 гг.		1951 –1953 гг.	
		кг	%	кг	%	кг	%
Хлеб и хлебобулочные изделия	Рабочие	20,982	59	24,887	57	17,377	46
	служащие	18,145	52	21,386	52	20,132	50
	ИТР	32,912	62	21,164	51	14,655	44
В том числе пшеничный из обойной муки	Рабочие	18,596	89	24,033	96	16,249	92
	служащие	17,831	98	18,634	87	15,964	80
	ИТР	32,895	72	20,185	79	14,083	95

Крупа и бобовые	Рабочие	0,839	2	0,520	1,2	0,370	1
	служащие	0,643	2	0,739	2	1,022	3
	ИТР	0,901	2	0,304	0,8	0,276	0,8
Макаронные изделия	Рабочие	0,578	2	0,609	1,4	0,627	2
	служащие	0,473	1,4	0,633	1,5	0,564	1,4
	ИТР	0,380	0,8	0,558	1	0,835	2,5
Картофель	Рабочие	7,536	21	7,211	18	6,620	18
	служащие	7,478	22	7,409	18	6,653	16
	ИТР	6,009	12	6,020	15	5,652	17
Овощи и бахчевые	Рабочие	0,169	0,5	0,427	1	0,572	2
	служащие	0,416	1	0,520	1	0,962	2
	ИТР	3,243	6	2,102	4	1,448	4
Фрукты и ягоды	Рабочие	0,004	0,01	0,071	0,2	0,047	0,1
	служащие	0,030	0,08	0,070	0,02	0,077	0,2
	ИТР	0,109	0,2	0,175	0,4	0,324	1
Молоко и молочные продукты	Рабочие	2,267	6	3,838	9	3,904	10
	служащие	3,199	9	4,367	11	3,984	10
	ИТР	4,348	8	3,774	9	2,495	8
Жиры и масло	Рабочие	0,502	1,4	0,499	1	0,843	2
	служащие	0,625	1,8	0,501	1	1,008	3
	ИТР	0,608	1	0,511	1	0,921	3
Яйца	Рабочие	0,045	0,1	0,036	0,08	0,057	0,1
	служащие	0,045	0,1	0,057	0,2	0,087	0,2
	ИТР	0,132	0,3	0,097	0,2	0,117	0,3
Мясо и мясопродукты	Рабочие	2,007	6	2,914	7	3,574	10
	служащие	2,640	7	2,303	6	2,831	7
	ИТР	2,458	5	3,600	9	3,308	10
Сахар	Рабочие	0,495	1	1,089	3	1,999	5
	служащие	0,471	1,3	0,964	3	1,696	4
	ИТР	0,417	1	1,319	3	1,942	6
Кондитерские изделия	Рабочие	0,105	0,3	0,476	1	0,861	2
	служащие	0,214	0,6	0,591	2	0,755	2
	ИТР	0,104	0,2	0,790	2	0,874	3
Рыба и рыбопродукты	Рабочие	0,061	0,2	0,233	0,5	0,488	1,5
	служащие	0,342	1	0,537	1,3	0,363	1
	ИТР	0,480	1	0,332	1	0,308	1
Итого	Рабочие	35,594	100	42,814	100	37,344	100
	служащие	34,726	100	40,080	100	40,137	100
	ИТР	52,105	100	40,751	100	33,160	100
Таблица составлена на основе данных ГАКО. Ф. 596. Оп.7. Д. 7. Л. 6об, 59об.,78; Д. 13. Л. 1об.,24об., 49об.; Д. 26. Л. 3об.,54об.; Д. 28. Л. 2об.; Д. 33. Л. 140об.,250,147,188; Д. 38. Л. 13об., 71об.,103об.,109об.,148об.,149об.; Д. 70. Л. 6,12,45,51; Д. 180. Л. 22; Д. 181. Л. 150; Д. 193. Л. 141,144.							

Душевое потребление картофеля занимало второе место после хлебопродуктов в общем объеме потребления продуктов среди горожан в послевоенный период. Так, в семьях рабочих угольной промышленности ежемесячно одним человеком в среднем потреблялось: в 1945-1947 гг. – 7,536 кг, или 21 %, в 1948-1950 гг. – 7,211, или 18% и в 1950-1953 гг. – 6,620 кг, или 18%. За исследуемый период стабильным оставалось душевое потребление картофеля в семьях инженерно-технических рабочих и служащих. Если у инженерно-технических рабочих на протяжении с 1945-1950 гг. количество потребленного картофеля в среднем составляло 6,009 кг. на душу, то в 1951-1953 гг. сократилось незначительно и в среднем составило 5 кг. В семьях служащих мы наблюдаем постепенное сокращение доли потребления картофеля в последующие годы. Если в 1945-1947 гг. доля в общем объеме потребления составляла 22%, то в 1951-1953 гг. она снизилась до 16%, хотя в количественном размере не произошло существенных изменений. Потребление мяса и мясопродуктов в обследуемых семьях было низким. В семье рабочих

угольной промышленности в 1945-1953 гг. душевое потребление в среднем за месяц составляло 2,8 кг, или 8% в общем объеме потребления. В семьях служащих было незначительно меньше – 2,5 кг, или 7%. Большое потребление мясной продукции позволяли семьи, имеющую более высокую заработную плату. Их среднедушевая норма потребления составляла 3,2 кг, или 8%. Потребление рыбы составляло незначительную долю в питании: у рабочих среднемесячная душевая норма не превышала 0,260 г, у служащих – 0,414, у инженерно-технических работников – 0,373 г. Потребление молочных продуктов в общем объеме потребления составляло в среднем за месяц 7-9%, или соответственно по 3,5 л на душу. Потребление сметаны, сыра, масла, творога было настолько мизерным, что считалось роскошью.

В число основных продуктов питания входили крупы и макаронные изделия. В частности, за 1945-1953 гг. в рационе питания рабочих семей на душу приходилось 0,576 г крупы и 0,604 г макаронных изделий. У служащих соответственно – 0,801 г крупы и 0,556, у инженерно-технических работников – 0,493 г крупы и 0,591 г макаронных изделий. Из овощей помимо картофеля большую распространенность имели капуста и лук, остальные овощи занимали весьма скромное место. Потребление огурцов, помидоров, баклажанов, а также бахчевых культур в среднем составили: у рабочих 0,389 г, у служащих – 0,632 г. Более высокие показатели были характерны инженерно-техническим работникам, где на 1 душу в среднем приходилось 2,2 кг овощей и бахчевых культур. Доля потребления фруктов и ягод в общем рационе питания в среднем на одного человека за месяц была на столько мизерна, что не превышало: у рабочих 0,040 г, у служащих – 0,059, у инженерно-технических работников – 0,200 г.

Данные таблицы 2 свидетельствуют об увеличении потребления сахара и кондитерских изделий. Так, если в 1945-1947 гг. у рабочих количество потребления сахара в среднем на одного человека за месяц составляло 0,495г, а кондитерских изделий – 0,105, то в 1950-1953 гг. сахара – 2 кг, кондитерских изделий – 0,861 г. У инженерно-технических работников в 1945-1947 гг. потребление сахара составляло всего 0,417 г в месяц на едока, а кондитерских изделий – 0,104 г. Тогда как в 1950-1953 гг. их норма возросла и составила: сахара – 1,942 кг, кондитерских изделий – 0,874 г.

Анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что из всех потребляемых продуктов питания наибольшая доля приходилась на хлеб и хлебопродукты, а также картофель и крупы. Ограниченное количество в рационе питания мясомолочных продуктов, овощей и фруктов, являющихся основными источниками поступления белка, витаминов и минеральных веществ в организм оказывало неблагоприятные воздействия на здоровье населения. В то же время дефицитными продуктами являлись хлеб, мука, макаронные изделия, масло растительное и сливочное, сахар и чай.

Положение в области потребления продовольственных товаров улучшилось незначительно лишь в начале 1950-х гг. Отмена карточной системы, стабилизация цен должны были бы способствовать увеличению потребления более питательных продуктов – мясо, молока, яиц, овощей, фруктов и т.д. на душу населения, однако статистические данные свидетельствуют, что по региону хлеб и картофель являлись основными продуктами питания на протяжении исследуемого периода. Продолжала сохраняться дифференциация в потреблении основных продуктов питания у отдельных групп семей, имевших отличительный друг от друга среднедушевой доход. В частности, в семьях инженерно-технических работников со среднедушевым доходом в 1000 рублей и выше в месяц более калорийной пищи потреблялось больше, чем в группах семей рабочих и служащих с доходом менее 1000 рублей. В частности, мясо и мясопродуктов в 1,2 раза, рыбы и

рыбопродуктов – 1,4, яиц – в 2,5, овощей – в 4, фруктов и ягод – в 4,2, сахара – в 1,2, кондитерских изделий в 1,2 раза.

В целом, анализируя рацион питания горожан Центрального Казахстана в 1945-1953 гг., следует заключить, что в среднем он состоял: 53% хлеба и хлебопродуктов, 17 – картофеля, 9 – молока и молочных продуктов, 7 – мяса и мясопродуктов (включая мясные консервы), 3 – сахара, 2,3 – овощей и бахчевых, 1,7 – жиров и масел, 1,6 – круп и бобовых, 1,5 – макаронных изделий, 1,4 – кондитерских изделий, 0,8 – рыбопродуктов, 0,2 – яиц, 0,2% фруктов и ягод.

Возможности рационально питаться, как видно из приведенных данных, были для основной массы горожан крайне ограниченными. Аналогичная ситуация была характерна не только для городского населения региона, но и всего Советского Союза в целом. Сравним нормы фактического потребления продуктов питания населением СССР в 1953 г. с научными нормами, разработанными в 1954 г. Институтом питания Академии медицинских наук СССР (в среднем на душу в год, в кг).

Таблица 3 – Сопоставление научных норм с фактическим потреблением населения СССР, КазССР и городов Центрального Казахстана в 1953 г.

Продукты	Научные нормы	Фактическое потребление по СССР в 1953 гг.	Фактическое потребление по КазССР в 1953 г.	Фактическое потребление по городам региона
Хлеб и хлебобулочные изделия	121	180	178	175
Картофель	114	153	77	75
Овощи и бахчевые	141	66	-	12
Фрукты и ягоды	98	13	-	1,7
Мясо и мясопродукты	65	32	31	38
Рыба и рыбопродукты	18,6	8,9	-	4,8
Молоко и молочные продукты	540	175	162	41
Яйца (штук)	350	84	76	15
Сахар	31,4	21	17	21
Таблица составлена на основе данных: Советская жизнь. 1945 – 1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с. – С. 127; Г.Ф. 596. Оп.7. Д. 181. Л. 150; Д. 193. Л. 141,144				

Сравнительный анализ фактических норм питания городского населения Центрального Казахстана с данными по СССР и Казахской ССР с научными нормами в таблице 3 показал, что действительное потребление основных продуктов питания резко отставало от научных норм за исключением норм потребления хлеба. Норма потребления, которого была в 1,5 раза выше установленных норм. Потребление картофеля в городах Центрального Казахстана было в 1,5 раза ниже нормы, но в целом по СССР фактическое потребление зашкаливало допустимую норму в 1,3 раза. Фактическое потребление молока и молочных продуктов в городах Центрального Казахстана было в 13 раз ниже нормы, в 4 раза ниже в целом по СССР и в 3,5 раза ниже по Казахской ССР. Ситуация по потреблению мяса и мясных продуктов в целом по СССР, Казахской ССР и городам Центрального Казахстана была практически одинаковой, но по отношению к установленной Академией питания норме ниже в 1,7 раза. Аналогичные низкие показатели были характерны и по остальным продуктам питания: потребление рыбы и рыбных продуктов было в 3,8 раза ниже допустимой нормы, яиц – в 23, сахара – в 1,4 раза. Ограниченное количество потребления молочных, мясных, рыбных продуктов, яиц, сахара приводило к большому недостатку в пищевом рационе полноценного

животного белка, жиров, витаминов группы А и В. Потребление овощей в городах Центрального Казахстана было в 17,5 раз ниже установленной нормы, а фруктов и ягод – ниже в 65 раз. Низкое потребление овощей и фруктов явилось причиной значительного дефицита витамина С. Согласно заключению Академии питания СССР, недостаток белка и витаминов А, В, С способствует уменьшению сопротивляемости человеческого организма к различным формам заболеваний.

В целом, по заключению Академии питания СССР, проанализировавшей рацион питания населения по союзным республикам, Казахская ССР по суммарной калорийности всех продуктов питания в 1954 г. занимала 9 место – 2721 калорий (после Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Грузинской ССР, РСФСР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Украинской ССР) [12, с.129]. Однако калорийность продуктов питания среднестатистического промышленного рабочего оставалась тогда значительно ниже физиологической нормы, определенной Институтом питания АМН СССР в 3053 калорий в сутки на человека [14, с. 13]. По уровню, составу и структуре питания Казахская ССР из трех существующих групп была отнесена ко 2 группе, которая характеризовалась следующим: «В пищевом рационе имеются все продукты, однако продуктов животноводства потребляется явно недостаточно и калорийность их составляет 22-23% от калорийности всех продуктов» [12, с.129]. Таким образом, за исследуемый период структура питания продолжала оставаться однообразной и низкокалорийной. Мизерное душевое потребление мясных, молочных, овощных и фруктовых продуктов оказывало существенное влияние на здоровье населения, так как именно в эти годы замечен высокий рост желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний в городах Центрального Казахстана.

Существующая сеть общественного питания в городах Центрального Казахстана была представлена столовыми, ресторанами, буфетами, лавками, чайными, закусочными, которые находились в подчинении Карагандинского треста столовых и ресторанов, при медеплавильном заводе, рудоуправлениях, ОРСе треста «Прибалхашстрой», отделений Облторга [15, л.124]. Наиболее крупной сетью общественного питания был Карагандинский трест столовых и ресторанов, который был образован на основании Постановления Совета Народных комиссаров Казахской ССР № 773 от 13 мая 1937 г. и приказа Народного Комиссариата внутренней торговли Казахской ССР № 109 от 15 мая 1937 г. С 1937 г. по март 1948 г. трест находился в подчинении Народного Комиссариата внутренней торговли Казахской ССР [16, л. 11]. На основании Постановления Совета Министров СССР от 29 ноября 1947 г. №3908 и Приказа Министерства торговли ССР от 3 декабря 1947 г. № 556 трест столовых и ресторанов был передан Главному управлению торговли и трестами столовых и ресторанов Министерства торговли Казахской ССР [16, л.12].

Сеть предприятий общественного питания Карагандинского треста столовых и ресторанов делилась на: 1) столовые, обслуживающие учащихся школ ФЗО и рабочих обувной фабрики, Мелькомбината, хлебозавода и т.д.; 2) столовые, обслуживающие студентов медицинского и учительского институтов, а также педагогического училища; 3) рестораны, чайные, закусочные, обслуживающие все группы населения; 4) учащиеся начальных и средних классов обслуживались через буфеты при школе, чайных и ресторанов [17, л.138].

В 1947 г. в ведении Карагандинского треста столовых и ресторанов находилось 6 столовых на 336 посадочных мест, 9 чайных на 357 посадочных мест, 1 закусочная на 6 мест, 4 буфета, 2 киоска [18, л.278]. В 1949 г. при тресте был открыт ресторан на 100 посадочных мест, количество чайных возросло до 13 (на 656 посадочных мест), столовых до 7 (на 336 мест), закусочных до 58 (на 81 посадочных мест),

буфетов на 21 точек, киосков до 15 [18, л.192]. В 1952-1953 гг. в Караганде функционировало 365 точек общественного питания, в Балхаше – 66 точек, в Темиртау – 34 [19, л.14]. В 1953 г. количество ресторанов и столовых при тресте не претерпело существенных изменений: 2 ресторана на 152 посадочных мест, 4 столовые на 156 мест, 12 чайных на 529 мест, 4 закусочных на 66 посадочных мест, 39 буфетов на 161 мест [20, л. 134]. Главным недостатком сети общественного питания была очень низкая пропускная способность. В 1950 г. она составляла всего 3527 блюда в год, или в среднем за месяц 293 блюда [18, л. 152]; в 1953 г. пропускная способность возросла до 5926 блюд в год (493 в месяц) [20, л.134].

Однако этого было очень мало, чтобы охватить контингент рабочих. Согласно записям в книгах жалоб и предложений к оценке блюд в бракеражных журналах качество блюд в столовых и ресторанах треста было крайне неудовлетворительным. Посетители жаловались на некачественную еду, однообразное меню и т.д. [20, л. 138]. Нередки были случаи, когда в ресторанах и чайных отсутствовали в наличии блюда, указанные в меню. Из докладной записки «О результатах проверки предприятий общественного питания Карагандинского треста столовых и ресторанов» следует, что в чайной № 11 редко имелись в наличие первые блюда (супы, рассольники и т.д.), из вторых блюд отсутствовали в продаже цыпленок с гарниром, сельдь с гарниром, крупяные блюда, мясная солянка, беляши и т.д. Национальное блюдо – «бешбармак» в течение 1951 г. в чайной имелось в продаже лишь один раз в День шахтера [19, л.4].

Неудовлетворительно работали столовые ОРСа Темиртауского КарГРЭСа. Блюда готовились в узком ассортименте, были однообразные и низкого качества. В столовые редко завозили овощи и фрукты [46, л.36].

Однообразный ассортимент являлся характерной чертой сети общественного питания. Причиной того являлось систематическое недоснабжение столовых продуктами, т.е. в связи с острым дефицитом. Об этом неоднократно свидетельствовали многочисленные отчеты и доклады работников общественного питания, местной исполнительной власти и самих столующихся.

Сеть общественного питания в городах Центрального Казахстана не соответствовала санитарно-гигиеническим нормам. Например, в отчетах фиксировалось: в столовой № 1 от ресторана «Центральный» обеденный зал и кухня находились в антисанитарном состоянии: стены были не выбелены, на полу была грязь; в углах за шкафами беспорядочно были сложены поломанные стулья, тюлевые шторы на двух окнах столовой были изорванные, пришедшие в негодность. В кухне чайной № 11 вследствие неисправности плиты стены были закопчены. Приготовленные пельмени от копоти потемнели и потеряли свой товарный вид. Из отчета Госсанинспекции Казахской ССР следовало, что в системе общественного питания большинство столовых пользовались неглазурованной посудой, отсутствовала горячая вода для мойки посуды, не хватало мягкого инвентаря, посуды и моющих средств. В зимний период в помещениях было холодно, так как они редко отапливались. Сложившиеся условия оказали влияние на низкую посещаемость столовых. Из-за отсутствия контингента столовые часто закрывали [19, л.38].

Острый дефицит сеть общественного питания испытывала в инвентаре и оборудовании: не хватало столов, стульев, столовых приборов, специальной одежды и т.д. В частности, в столовой №1 от ресторана «Центральный» на 22 посадочных места имелось всего 17 стульев, 3 перечницы, 3 пепельницы и 5 ножей. В чайной № 6 на 20 посадочных мест имелось всего 4 вилки, 10 тарелок и 5 чайных ложек [19, л.7].

Посетители сети общественного питания нередко жаловались на халатное и небрежное отношение обслуживающего персонала к своим обязанностям. Документальных подтверждений этому много. К примеру, в 1952 г. из имеющихся в области 1798 предприятий торговли и общественного питания было проверено 428 предприятий. В ходе проверки было зафиксировано нарушение принципов торговли в 251 торговой точке. Наиболее распространенным нарушение являлся обман покупателей. В частности, обвес и обсчет был зарегистрирован в 130 торговых точках, или 51,4 %, нарушение цен в 60 торговых точках, или 23,5 %, нарушение нормы отпуска в одни руки в 61 точке, или 23,8 % [19, л.46].

Если рассматривать наиболее частные ситуации, то в отчетах Карагандинского треста столовых и ресторанов были обнаружены следующие случаи. К примеру, официантка столовой № 2 ОРСа треста «Сталинуголь» при расчете за отпущенные покупателям блюда на сумму 36 руб. 95 коп. произвела обсчет на 18 руб. 85 коп. [15, л. 112]. Продавец магазина № 8 ОРСа треста «Сталинуголь» при отпуске хлеба обвешивала покупателей на 150 г. [22, л.48]. Продавец продовольственного отдела магазина № 8 ОРСа треста «Сталинуголь» консервный паштет в томате реализовывала по цене 8 руб. 40 коп. вместо цены по прейскуранту 5 руб. 65 коп., т.е. с завышением на 2 руб. 75 коп. за каждую банку [21, л.47].

Таким образом, имеющаяся сеть общепита в регионе не пользовалась широкой популярностью среди горожан, поскольку не соответствовала санитарно-гигиеническим нормам, характеризовалась однообразием блюд, низким уровнем обслуживания.

Обслуживание городского населения продовольственными и непродовольственными товарами осуществлялось через розничную торговую сеть – магазины, рынки, лавки и общественное питание. Торговая сеть в городах находилась в крайне удручающем положении. После проведения денежной реформы и отмены карточной системы были введены единые розничные цены. Это, в свою очередь, привело к необходимости введения новых форм торговли, а значит, и к расширению сети торговых предприятий и общественного питания. Учитывая данное обстоятельство, правительство СССР за период с 1946 по 1948 гг. приняло ряд постановлений: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9 ноября 1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21 июля 1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20 ноября 1948 г.) [23, с.350-362, 505-511, 549-561]. Суть этих документов сводилась к следующим положениям: правительство требовало значительно увеличить товарооборот, расширить объем торговли между городом и деревней, пересмотреть роль потребительской кооперации (которая не располагала тогда устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства), разрешить торговлю в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого народного потребления, повсеместно расширить сеть магазинов и лавок.

На страницах местной периодической печати «Темиртауский рабочий», «Балхашский рабочий», «Социалистическая Караганда» под заголовками «Новый магазин», «Увеличилось поступление товаров», «Больше заботы о рабочих» и т.д. регулярно оповещалось о ходе развертывания и увеличения торговой сети в городах. Архивные материалы свидетельствуют, что если в 1946 г. численность торговых точек в городах Центрального Казахстана не превышала 549 единиц (из них 422 – продовольственные магазины) [24, л.17], то в 1950 г. количество объектов увеличилось в 2 раза и составило 1072 единиц, где численность продовольственных

магазинов увеличилась в 1,75 раза и составила 738 единиц [24, л.17]. Согласно статистическим данным сборника «Народное хозяйство Казахской ССР», в 1953 г. в городах Центрального Казахстана функционировало 1383 торговых точек [25, с.277]. Однако если учесть резкое увеличение численности городского населения, то имеющаяся торговая сеть в исследуемый период практически не охватывала большую часть городских жителей.

За период с 1945 по 1950 гг. во всех городах Центрального Казахстана отсутствовали крупные и специализированные магазины по реализации продовольственных и непродовольственных товаров. Имеющиеся продовольственные магазины были мелкими и размещались в ветхих и неприспособленных помещениях, т.е. в подвалах, в жилых домах, которые явно не отвечали предъявляемым санитарно-гигиеническим нормам. Зачастую продуктовые отделы находились вместе с промышленными товарами. В частности, в ежегодных отчетах областного торгового отдела отмечалось, что торговые помещения, предназначенные для продажи продуктов питания, были оснащены крайне примитивными холодильными установками (например, льдосоляные шкафы, ванны и т.д.), нуждались в необходимом инвентаре [26, л.60]. Подобные факты приводили к порче мясных, колбасных, молочных, рыбных и иных продуктов питания, особенно в летние периоды. Не раз санитарной инспекцией были выявлены случаи продажи просроченной продукции. Ларьки, торговавшие мясомолочными продуктами, были без специального покрытия и соответствующего оборудования [26, л.60]. В 1945 г. государственной санитарной инспекцией было изъято из продажи 18710 кг мяса и 1300 кг рыбы [26, л.61]. В целях улучшения торговли мясом в 1946 г. был построен и сдан в эксплуатацию мясной павильон [21, л.46об.]. В 1948 г. был открыт отдельный молочный павильон [27, л.228]. Строительства более новых и крупных продовольственных магазинов практически не было, так как это требовало существенных денежных вложений.

Товарный ассортимент во всех магазинах был достаточно однообразным и скудным. В городских магазинах реализовывалось только то, что являлось товаром первой необходимости, т.е. в продовольствии – хлеб, масло, соль и т.д., в непродовольственных товарах – ткани, обувь, бытовые предметы. Однако, как свидетельствуют архивные данные, постоянно в снабжении населения и даже в этих товарах ощущалась острая необходимость. К примеру, крупные перебои были связаны с распределением хлеба и хлебобулочных изделий по магазинам. Торговым отделом ежемесячно составлялись графики завоза хлеба. Но из-за несвоевременной выпечки, отсутствия необходимого приспособленного транспорта и ряда других причин, происходили частые нарушения установленных графиков, и хлеб население получало с большими перебоями [28, л.71]. В подтверждении приведем некоторые воспоминания старожил города. Почетный шахтер г. Караганды М.Р. Иманкулов вспоминает: «Хлеб мы покупали в магазине №15. Чтоб успеть его купить нам приходилось вставать в очереди с 5 утра. Когда уже было невозможно стоять, ребята меня закидывали на толпу прямо в очередь. Приходилось ходить буквально по головам. Зато оттуда выбирался ползком между ног с двумя буханками хлеба» [29]. Нередко хлеб отпускался выше положенной нормы. Люди за день по несколько раз вставали в очередь, и на одни руки приходилось по 5-6 булок. «Излишки» хлеба люди перепродавали по завышенным ценам на рынках Старого города, на трамвайной остановке города Караганды. В частности, круглая булка по цене 3 руб. перепродавалась на рынке от 100 до 300 руб. Один из старожил г. Темиртау П.В. Звенягин по этому поводу вспоминает следующее: «После войны тоже пришлось многое пережить. Отец за работу извозчика получал тогда 700 руб., буханка хлеба стоила 300 руб. В очереди за хлебом стояли с 6 часов вечера до утра.

Простою всю ночь в очереди, потом, когда несу домой за пазухой эту буханку, она так ароматно пахнет, и так мне хочется отщипнуть кусочек. Но нельзя, несу домой» [30, л. 8]. Из воспоминаний Р.Т. Капановой: «Когда я приходила со школы, мы с девочками ездили из Старого города в Новый и покупали здесь хлеб. Стояли в больших очередях. На руки давали только одну булку. Мне приходилось вставать в очередь по нескольку раз, чтоб набрать хлеба, который мы потом перепродавали в Старом городе на «чеченском» базаре. Вырученные деньги мы несли домой, а иногда удавалось их немного потратить на леденцы или карамельки, которые мы любили покупать у корейцев» [31]. В 1946 г. была проведена большая работа по паспортизации хлебного транспорта. Все будки были отремонтированы, покрашены в голубой цвет и подписаны надписью «Хлеб» [21, л.45].

Из-за санитарного состояния в хлебозаводах Караганды и Балхаша не лучшим было и качество хлеба. Сотрудники санитарно-эпидемиологических станций отмечали: «Цеха заводов нуждались в капитальном ремонте. Здесь было грязно, много мух. Вследствие чего в продукции не раз попадались инородные тела. Помещения не проветривались. Санспецодеждой работники были оснащены неполностью» [26, л. 59]. В одной из местных газет в статье под названием «Бороться за качество хлеба» отмечалось, что «иногда в хлебе попадаются куски шпагата, нитки от мешков и т.д. Бывают случаи, когда вследствие некачественного замеса в хлебе запекают комки муки, нередко хлеб недопекается и поступает в магазины сырым. Зачастую хлеб поступает в магазины измятый и изломанный. Это зависит от того, что его возят на простых санях без будок, в кузов автомашины кладут горячий хлеб большими ярусами» [32].

Соль также пользовалась повышенным спросом. В 1952 г. в ходе проверке сети Карагандинского областного торгового отдела было отмечено, что из проверенных 30 магазинов в 15 совершенно отсутствовала соль. Из проверенных 14 магазинов ОРСа комбината «Карагандауголь» соли не было – в 7. Заведующие многих магазинов и продавцы вообще не помнили, когда в их магазинах была в продаже соль [19, л. 42]. В исследуемый период горожане гг. Балхаша и Темиртау испытывали существенный недостаток в таких продуктах, как мясо, молоко, колбасы, крупы и т.д. Редко были в продаже мясные, овощные и фруктовые консервы [33, л. 149]. В летние периоды в ограниченном количестве продавались прохладительные напитки и мороженое. В 1950 г. в Караганде было открыто всего 112 точек по продаже мороженого и 121 точка по продаже прохладительных напитков. В частности, ОРС «Карагандауголь» торговал только квасом и газированной водой, облторг – квасом и морсом [34, л.123].

Первые попытки создания специализированных магазинов были предприняты в начале 1950-х гг. В связи с тем, что Караганда являлась одним из главных центров угольной промышленности, в 1951 г. согласно приказу Министерства пищевой промышленности Таджикской ССР от 22 августа 1951 г. № 337 здесь был открыт магазин № 3 «Таджиквино» по реализации лучших вино-водочных изделий и других дефицитных товаров «для определенной категории людей» [35, л.77]. Следует отметить, что аналогичные магазины были созданы только в Москве и Алма-Ате. Магазин был предназначен исключительно для парткомовских работников, руководителей шахт и т.д. Товары в магазин завозились только по прямой поставке из Пенджикентского винзавода, Ура-Тюбинского винзавода, «Таджикконсервтреста». Поставляемый товар должен был быть только хорошего качества, в широком ассортименте, в соответствующей упаковке, расфасовке и с должным внешним оформлением. В магазин поставляли вино-водочные изделия (вино, водка, коньяк), сухофрукты, фруктовые и овощные консервы, свежие фрукты по очень высоким ценам. В частности, вино крепленое стоило 266 руб., вино

десертное – 300, водка и водочные изделия – 460 – 500, сухофрукты – 150 руб. [35, л.6]. Однако, в силу ряда объективных причин, связанных с отсутствием денежных средств на организацию и оборудование фирменного магазина, недостатка оборотных средств, несвоевременной поставки товаров, а также отсутствия спроса на дорогостоящий товар магазин работал убыточно. К примеру, если на 1952 г. план был утвержден на сумму 6 млн. руб., то выполнен на сумму 2 млн. 580 тыс. руб., т.е. план был выполнен на 43 % [35, л.149].

В целом, повышенный спрос на основные продукты питания сохранялся в начале 1950-х гг. В годовом отчете торгово-хозяйственной и финансовой деятельности Карагандинского областного торгового отдела, датируемом 1953 г., были определены следующие дефицитные товары: белый хлеб, сахар, мясные, колбасные и макаронные изделия, растительные жиры, консервы, фрукты, овощи, кондитерские товары [36, л.202].

В тяжелые послевоенные годы положение спасали колхозные рынки, где можно было приобрести необходимый товар. В частности, из воспоминаний А.Е. Якушевой: «Горожане часто приобретали продукты питания на колхозном рынке. В Майкудуке был дальний парк, где находился Центральный базар. Там каждую осень организовывали выставку продуктов народного хозяйства. Здесь продавали мясо, молоко, масло и т.д.» [5]. Однако существовавшие рыночные цены были крайне неприемлемы для горожан. Дефицит продовольственных товаров первой необходимости (хлеба, мясо, чая, сахара, соли и т.д.) способствовал повышению цен на колхозных рынках, а также росту спекуляции. Особенно та категория людей, которая не входила в систему государственного снабжения. Продуктов из собственного подсобного хозяйства не всегда хватало на семейные нужды. В условиях повышенного спроса на продукты питания цены на колхозных рынках были высокими. Из отчетов о регистрации базарных цен и реализации сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках следует, что в 1946-1947 гг. на колхозных рынках Караганды и Темиртау мука пшеничная стоила от 15 до 18 рублей за 1 кг, говядина от 52 рублей 50 коп. до 62 руб. 50 коп., баранина от 65 до 72 руб., свинина от 86 до 90 руб., топленое масло от 150 до 180 руб., 1 л молока – 15 руб., картофель от 3 до 4 руб., лук репчатый от 15 до 17 руб., 10 шт. яиц от 43 до 50 руб. [37, л. 4, 8об, 65, 69]. Значительно выше цены были на колхозных рынках г. Балхаша: мука пшеничная – 28 руб., говядина – 67 руб., баранина – 77 руб., свинина – 115 руб., топленое масло – 160 руб., 1 л молока – 22,50 руб., лук репчатый – 27,50 руб., картофель – 11,50 руб., 10 шт. яиц – 40 руб. [37, л. 5, 65]. Значительно дешевле стоили некоторые продукты на колхозных рынках г. Каркаралинска. Это объясняется тем, что большая часть населения имели свое домашнее хозяйство. В частности, 1 кг говядины можно было приобрести за 40 руб., баранины – 30 руб., 1 л молока – 10 руб., 10 шт. яиц – 25 руб., топленое масло – 102 руб. Высокие цены были отмечены на картофель – 10 руб. и лук репчатый – 12 руб. за 1 кг. [37, л.6, 65].

В целом, средняя рыночная цена на колхозных рынках в городах Центрального Казахстана в 1946-1947 гг. на основные продукты питания составляла: мука пшеничная – 19 руб. (по карточкам цена составляла 6,50 руб.), говядина – 55 руб. (по карточкам – 27,50 руб.), баранина – 61 руб., свинина – 99 руб., топленое масло – 153 руб. (по карточкам – 70 руб.), 1 л молока – 14 руб., картофель – 8 руб., репчатый лук – 17 руб., 10 шт. яиц – 45,50 руб. [37, л.16, 66].

После отмены карточной системы и установления единых цен на продовольственные и непродовольственные товары цены на колхозных рынках в городах Центрального Казахстана снизились. Например, стоимость пшеничной муки снизилась до 7 руб. в 1948-1950 гг. и до 3 руб. в 1951-1953 гг. Упали цены на молоко и картофель. Если при карточной системе 1 л молока на рынке стоил

14 – 15 руб., то в 1951-1953 гг. – 3,40 руб. Стоимость картофеля в 1951-1953 гг., по сравнению с 1946-1948 гг., снизилась в 4 раза и в среднем составила 2,15 руб. [38]. Цены на продукты, имевшие большой спрос снизились незначительно. В частности, стоимость на говядину в 1948-1950 гг. составляла 21 руб., в 1951-1953 гг. – 18 руб. Значительно дороже стоила баранина (25 руб. в 1948 – 1950 гг. и 19 руб. в 1950 – 1953 гг.) и свинина (34 руб. в 1948-1950 гг., 28 руб. в 1951-1953 гг.). Особым спросом пользовалось топленое масло, которое было дороже чем мясные продукты. Его цена составляла 51 руб. в 1948-1950 гг. и 35 руб. в 1951-1953 гг. [38].

Если сравнить цены на колхозных рынках с ценами государственной торговли по состоянию на 1952 г., то можно выявить существенные различия. В частности, городское население покупало говядину и баранину на колхозном рынке за 18 – 19 руб. за 1 кг, тогда как в государственной торговле цена составляла 13,70 руб. за говядину и 13 руб. за баранину. В 1,2 раза дороже на колхозном рынке стоила свинина и в среднем составляла 22 руб. за 1 кг, тогда как в государственной торговле – 18,60 руб. [39, л. 39]. Несмотря на то, что государство проводило целый комплекс экономических мероприятий, направленных на снижение цен на продовольственные товары, люди по-прежнему закупали необходимые продукты на колхозных рынках. Статистические данные свидетельствуют, что доля продуктов питания, приобретенных на колхозном рынке, в среднем составляла в 1945-1947 гг. – 55%, в 1948-1950 гг. – 39, в 1951-1953 гг. – 33%.

В послевоенные годы напряженная ситуация сложилась и с обеспечением населения непродовольственными товарами. Острый недостаток люди испытывали в одежде и в обуви. Приобрести готовые изделия было крайне тяжело. Так как товар либо отсутствовал в продаже, либо был не по карману. В основном горожанам приходилось покупать поношенную одежду «с рук», носить вещи собственного производства или шить на заказ. Вспоминает А.Е. Якушева: «Одевались мы очень бедно. Я одевала белые валенки, которые прохудились и мне пришлось подшивать подошву. А пальто у меня уже изорвалось и в 1946 г. мне пришлось на базаре купить фуфайку» [5]. Из воспоминаний жительницы г. Караганды Р.Т. Капановой: «Школьную форму мы не носили. Все дети были одеты кто в чем. Ходили в латаной одежде. В большинстве одежду нам не покупали, а мамы шили сами. Учителя одевались очень скромно. Мужчины носили в основном военную форму, пальто. Женщины одевались в платья, костюмы с большими плечиками и на голову платок. Из верхней одежды люди носили фуфайки, на голову малахаи, валенки с галошами, кирзовые сапоги. Модно было носить пальто с каракулевым или цигейковым воротником и муфтой. В основном такое пальто можно было купить у корейцев на базаре» [31].

В связи с этим был отмечен высокий спрос на текстильные товары: шерстяные, трикотажные, камвольные, тонкосуконные ткани [36, л. 204]. Хлопчатобумажные ткани в большинстве поступали однородные по расцветке или не по сезону. Например, фланель и байка поступали летом, когда материал не пользовался широким спросом. В ограниченном количестве завозили лен, сатин, батист. Широкий спрос имели детский трикотаж, верхняя одежда, головные уборы, чулочно-носочные изделия [33, л. 150]. Из обуви постоянный дефицит был на женскую обувь 35-37 размеров и мужскую обувь 39-40 размеров. Реализация модельной детской и женской обуви осуществлялась очень редко [15, л.126]. В редких случаях обувь горожане заказывали в сапожных мастерских. Однако это удовольствие стоило немалых денег, в частности, пошив мужских хромовых сапог стоил 79 руб., женских – 57 руб., детских – 37 руб. Стоимость пошива мужских ботинок колебалась от 40 до 70 руб., женских туфлей (простые на высоком каблуке, туфли-лодочка на низком каблуке и т.д.) от 53 до 76 руб., сандалий и босоножек от

65 до 86 руб., дешевле стоил пошив мужских, женских и детских чувяков от 10 до 13 руб. [40, л.143].

В целом следует отметить, что городское население, располагавшее скромными материальными средствами, одевалось просто, скромно и однообразно. В целом, послевоенный стиль одежды состоял из драповых, бостоновых, суконных, прорезиненных мужских и женских пальто, ватных телогреек, вельветовых костюмов, толстовок, курток, гимнастерок, брюк, ватных шаровар, головных уборов, шалевых и шерстяных платков, хромовых и резиновых сапог, галош, валенок. Фронтовики носили военную одежду [41, л. 250].

Что касается мебели, то в послевоенные годы ассортимент был очень ограниченный. Трудно было приобрести по приемлемым ценам нужную мебель для обустройства жилья. В частности, местные артели «Металлист» и «Мебельщик» Карагандинского облпромсоюза отпускали потребителям товар по следующим розничным ценам: стулья (полумягкие, полужесткие) от 91 руб. до 110 руб.; табуретки крашенные по 18 руб.; казахский полукруглый стол за 72 руб.; диваны 3-х местные (полумягкие и жесткие) от 163 до 236 руб.; мягкие диваны по 974 руб.; шкафы для одежды по 497 руб.; шифоньер по 685 руб.; комод буковый 497 руб., буфет буковый 1060 руб., этажерка с тумбой по 197 руб., кухонный стол по 120 руб., тумбочки от 73 до 110 руб. и т.д. [42, л.53-54].

В Постановлении Совета Министров Казахской ССР и ЦК КП Казахской ССР от 10 октября 1953 г. «О расширении производства товаров широкого потребления и улучшении качества мебели» отмечалось, что «несмотря на достигнутое за последние годы увеличение объема производства продукции местной и кооперативной промышленности, уровень производства товаров широкого потребления на предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации в Карагандинской области, в частности гг. Балхаше, Темиртау и Караганде, и в целом республики, не соответствует возросшим потребностям населения в этих товарах. Исключительно мало выпускается мебели высшего и первого классов, книжных шкафов, детской мебели. Не выпускаются мебельные гарнитуры для обстановки двухкомнатных и трехкомнатных квартир, крайне мал выпуск плетеной мебели» [41, л.245]. Неудовлетворительно в системе местной промышленности и промысловой кооперации производилась железная, оцинкованная, алюминиевая, чугунная, эмалированная, стеклянная, фарфорофаянсовая посуда, керамические изделия и т.д. [41, л.258]. Требовалось расширить ассортимент кожгалантереи, детских игрушек [43, л.70], жаккардовых и байковых одеял, махровых и льняных полотенец и т.д. [41, л.246]. Особый спрос имели вещи, необходимые в обыденной повседневной жизни: стиральные баки, гладильные доски, утюги, хозяйственные ведра, зубные щетки, обувной крем, ручные игла, пуговицы, кухонные доски, ложки, ножи, вилки, клеенки, иголки, прищепки, совки, подставки для сушки посуды, шинковки для овощей, соковыжималки, лапшерезки, хлебницы, сита, кадки для теста и т.д. [44, л.143].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода городские жители испытывали острый недостаток в товарах широкого потребления: в одежде, обуви, мебели, а также в сельскохозяйственном и бытовом инвентаре. В 1953 г. в целях улучшения обслуживания покупателей, а также повышения культуры в торговле, в регионе были открыты первые специализированные магазины по продаже промышленных товаров: в Балхаше по продаже галантереи, трикотажа и парфюмерии, в Большой Михайловке – магазин «Ткани», в Новом городе магазин по продаже мебели [45, л.196]. В целом, существующая сеть розничной торговли была развита слабо. Причины этого были связаны с общей послевоенной ситуацией, с низким уровнем социально-экономического развития региона, отсутствием

должного внимания руководства страны на решение бытовых проблем и бытовой обустроенности людей.

Из всего сказанного выше следует, что качество питания в городах Центрального Казахстана в послевоенный период не соответствовало установленным научным нормам. Это было обусловлено крайне низким уровнем жизни не только в Казахской ССР, но и в целом в Советском Союзе. В послевоенное время реальный жизненный уровень определялся не размером заработной платы, а нормой снабжения по карточкам. Нормированное централизованное снабжение порождало не только социальную иерархию, зависящую от производственного статуса человека, но и географическую, поскольку городское население имело больше преимуществ перед сельским, а население крупных индустриальных городов – перед жителями малых и неиндустриальных.

Отмена карточной системы частично стабилизировала ситуацию в обществе, так как само существование карточек в сознании советского человека ассоциировалось с войной. Данное мероприятие вселило в людей надежду на улучшение народного благосостояния. Однако с отменой карточек проблемы продовольственного снабжения не только не решились, более того, усугубились. Остро стояли вопросы, связанные с дефицитом продовольственных товаров, нестабильностью цен, продовольственным распределением и т.д.

Существующая система торговли и общественного питания были развиты слабо. Если в 1945-1947 гг. основное распределение происходило исключительно централизованно, через специальные распределители, ОРСы, спецмагазины и т.д., то с проведением денежной реформы и отменой карточной системы, широкое распространение получила «свободная торговля», требовавшая расширения уже имеющейся сети предприятий торговли и общественного питания. Однако в городах Центрального Казахстана эта форма торговли развивалась гораздо медленнее, поскольку отсутствовали необходимые помещения. Причем большая часть из них не соответствовала установленным санитарно-гигиеническим нормам, так как располагалась в неприспособленных помещениях (подвалах, полуразрушенных зданиях и т.д.). Помимо этого, имеющаяся сеть торговли и общественного питания испытывала острый недостаток в необходимом инвентаре (посуде, мебели, холодильных оборудованиях, моющих средствах т.д.). Аналогично можно охарактеризовать сферу розничной торговли товарами широкого потребления, представленную однообразным и скудным ассортиментом товаров, перебойным снабжением и большими очередями. Горожане остро нуждались в одежде, обуви, а также товарах, используемых в быту. Создание более специализированных магазинов носило половинчатый характер. Местные органы не уделяли должного внимания на строительство новых магазинов.

Важнейшую функцию в регионе в условиях товарного дефицита выполнял колхозный рынок. Он закрывал слабые стороны централизованной системы распределения, предоставлял городскому населению товары, которые не распределялись по карточкам или отсутствовали в государственной торговле. Несмотря на высокие цены, рынок обеспечивал группы населения, которые плохо или вообще не снабжались пайками, поглощал избыточный покупательский спрос в городе. Многим семьям предоставлял дополнительный заработок в виде доходов от продаж товара на рынке.

Постоянные заверения о заботе партии и правительства о благосостоянии народа, развитии сферы торговли и общественного питания в течение исследуемого периода не соответствовали действительности, традиционно относились к разряду второстепенных дел. Всегда находились более «важные» задачи, отодвигавшие решение жизненных интересов на второй план. Ускоренная индустриализация,

форсированное возведение промышленных комплексов и новых городов привели к большому притоку населения. А это отрицательно сказалось на резком увеличение нагрузки на имеющуюся систему общественного питания и торговую сеть в регионе.

---

1. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М. : Ин-т Российской истории РАН, 1996. – 265 с.
2. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Ун-т «Туран», 1997. – 360 с.
3. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 гг. – М., 1997. – 345 с.
4. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/8. Д. 79.
5. Аудиозапись биографической беседы с Якушевой А.Е. (1922 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.)
6. РГАСПИ.Ф. 17. Оп.3. Д. 1061
7. Правда. – 1946. – 16 сентября
8. РГАСПИ.Ф. 17. Оп.88. Д. 705
9. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945-1953 гг.) / Е.Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 229 с.
10. ЦГА РК.Ф. 698. Оп.14. Д. 299а
11. Подсчитано по ГАКО.Ф. 596. Оп.7.Д. 7.Л. 6,59,77.; Д. 13.Л. 1об, 13, 49 об.; Д. 26. Л. 1об., 3об., 54
12. Советская жизнь. 1945-1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
13. Известия. – 1947. – 13 декабря
14. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социологическое исследование. –1993. – № 4. – С. 3-14
15. ГАКО.Ф. 555. Оп.1.Д. 44
16. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 35
17. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 151
18. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 11
19. ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 1725
20. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 15
21. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 722
22. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 50
23. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов за 50 лет. – Т. 3. (1941-1952 гг.). – М. : Изд-во политической литературы, 1968. – 751 с.
24. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 17.
25. Народное хозяйство КазССР. Статистический сборник. – Алма–Ата: Казгосиздат, 1957. – 381 с.
26. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 675
27. ГА РФ.Ф. 9226. Оп.1. Д. 910
28. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 7
29. Аудиозапись биографической беседы с Иманкуловым М.Р. (1937 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
30. ТГА.Ф. 73. Оп.1. Д. 11
31. Аудиозапись биографической беседы с Капановой Р.Т. (1938 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
32. Темиртауский рабочий. – 1949. – 5 января.
33. ЦГА РК.Ф. 1611. Оп.11. Д. 473

34. ЦГА РК.Ф. 1611. Оп.11. Д. 472
35. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 39
36. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 89
37. ГАКО.Ф. 596. Оп.1/8. Д. 89
38. Подсчитано по ГАКО.Ф. 596. Оп.1/8. Д. 89. Л. 16; Д. 120. Л. 109; Д. 129, Л. 100,104, Д. 149, Л. 64
39. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 40
40. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 182
41. ГАКО.Ф. 203. Оп.1. Д. 116
42. ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 1724
43. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 181
44. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 32
45.ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 89

6.2. Общественное питание и домашняя кухня и в 1954 – 1970-е гг.

Изменение общественно-политической ситуации и экономический рост со второй половины 1950-х гг. оказали существенное влияние на развитие всей сферы торгового обслуживания, в том числе, и советского общепита. До середины 1950-х гг., до «хрущевской оттепели», обсуждение проблемы питания считалось мещанством, проявлением бездуховности советского человека. Но уже в условиях нарождающегося экономического благополучия жесткое директивное регулирование заменялось мягким регламентированием потребления. На смену «синдрому жертвенности» [1], столь характерному для сталинского периода пришла «оттепель», и в потреблении: советские и партийные органы наконец-то признали советского человека полноценным потребителем, который должен был получать разнообразную, вкусную и обильную пищу.

Культура еды в центрально-казахстанских городах, складывалась по общему союзному сценарию с некоторыми поправками на национальные особенности республики. Основные признаки городской культуры еды соответствовали мирному времени, без всякой «чрезвычайщины». Н. Лебина в своей монографии отмечает основные признаки городской культуры еды в России. Следует отметить, что они оказались в целом типичными для культуры еды советских горожан Казахстана в 1950-1970-х гг.: «Во-первых, горожане, в отличие от сельского населения, приобретали продукты в магазинах и на рынках», находясь в полной зависимости от организации торговли» [2, с.15]. Одно отличие от больших российских городов в данном признаке: многие городские жители казахстанского региона либо имели придомные огородные участки, либо дачи, либо тесную связь с родственниками-сельчанами, в любом случае зависимость не была столь полной, и позволяла решить проблемы продовольственного снабжения не только через систему торговли. «Во-вторых, основная масса горожан питались дома, насыщение обеспечивалось за счет индивидуального приготовления пищи в домашних условиях. В-третьих, в крупных городах начала формироваться сеть общественного питания…» [2, с.15]. В повседневности казахстанских горожан 1950-х – 1960-х гг. еще не теряла значимость домашняя кухня, рационалистический стиль еды не стал доминирующим. Из-за неразвитости системы общепита, его относительной дороговизны и низкого уровня жизни обращение к общепиту было возможным лишь в обеденные перерывы и, как правило, если рабочее место было в определенной удаленности от дома или же если существовали определенные льготы в оплате общественного питания.

Директивные партийные документы пестрели планами, где предусматривалось увеличение сети общественного питания за 5 лет не менее на 50% [3]. Начиная с 1950-х гг., главным принципом организации системы общественного питания стало активное использование научных теорий. Обращение к науке как основному источнику знаний о «правильном» и «здоровом» питании можно наблюдать везде: от постановлений ЦК КПСС до кулинарных книг, где цитировались высказывания академика Павлова: «Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением» [4]. Основным принципом в советском общественном питании становиться соблюдение гигиены и санитарии. Велась активная пропаганда культуры организации и приема пищи: «Мыть руки перед едой, есть на белых скатертях, мыть посуду» или «Безукоризненная чистота и опрятность в кухне – важнейшее условие, от выполнения которого в значительной мере зависит качество приготовляемой пищи» [5, с.16]. В целом, следует отметить, что в 1950-е гг. происходит новое осмысление значений слов «здоровье» и «качество пищи». Если ранее под здоровьем понимали только отсутствие болезни, то теперь – это гармоничное, сбалансированное, правильное развитие организма. Как подчеркивается в книге «Кулинария» за 1955 г.: «Чтобы быть здоровой, пища должна содержать в должной пропорции все питательные вещества, необходимые человеку для его жизнедеятельности и нормального развития» [6, с.29].

Все сферы жизни человека по-прежнему регламентировались, но в более мягкой форме («оттепель» все-таки!), и с 1950-х гг. в партийных документах стали обозначаться стандарты повседневного общественного питания, рассчитанные на «нового потребителя». Эти тенденции стали отражаться в структуре выпускаемых блюд. В частности, в ресторанах Карагандинской области на первом месте находились мясные блюда (21%), затем овощные (7%) и рыбные (6%). Крупяные и мучные изделия составляли 10%, сладкие изделия 11%, холодные закуски – 15% [7, л.417-418]. Однако провозглашенные принципы нередко оказывались чрезвычайно далекими от повседневной жизни. Безусловно, разнообразие питания можно было отследить в меню, но реально выбор блюд был ограничен двумя-тремя стандартными видами, например, из воспоминаний карагандинцев: «в меню одно, а подают другое...» [8, л.230]. Поэтому изменения в советском общепите в конце 1950-х гг. были, скорее, идеологическим проектом, в то время как «новый советский потребитель», во всяком случае казахстанец, в реальной жизни по-прежнему сталкивался как со значительным дефицитом мест общественного питания, так и низким качеством еды и обслуживания.

К концу 1950-х гг. питание трудящихся возлагалась на разнообразные учреждения общепита: столовые, закусочные, кафе и рестораны. Государство четко регламентировало функции каждого заведения общепита. Столовые и закусочные были призваны «обеспечить нормальную работу социалистической промышленности и сельского хозяйства» [9], предоставляя работникам возможность перекусить в обеденный перерыв. Кафе предназначались для отдыха после работы, «чтения газет и журналов, легкого ужина и чашечки кофе» [6, с.88], а рестораны – для дегустации изысканных блюд, а также для «развлечений и празднований знаменательных дат или семейных событий» [6, с.87].

Города Центрального Казахстана не были исключением из общего правила. В основном сеть общественного питания находилось в ведении Карагандинского треста столовых и ресторанов. В 1957 г. в системе треста столовых и ресторанов состояло 10 хозрасчетных предприятий, из которых с 1 января 1958 г. предприятия общественного питания города Темиртау в связи с реорганизацией были передан системе Темиртауского горсмешторга [10, л.82]. В 1958 г. в Темиртау был открыт ресторан № 4 и столовая на 100 посадочных мест, павильон -пельменная на 24

посадочных мест, столовая на вещевом рынке на 80 посадочных мест [10, л. 83]. В целом по городам и рабочим поселкам области в 1957 г. было открыто 70 буфетов и 10 павильон-закусочных, трестом столовых и ресторанов – 4 столовые, в г. Темиртау – 2 столовые, 4 буфета, 2 столовые открыты были в г. Балхаше и 2 столовых в г. Джезказган [11, л. 105].

В 1959 г. в городе Караганда функционировали 22 ресторана и столовых, тогда как в конце 1960 г. – 26 на 1494 посадочных мест [7, л.416]. Однако такое количество заведений общепита на город численностью более 300 тысяч человек было более чем недостаточным. Естественно, что попасть в праздничные или выходные дни в рестораны было не просто проблемой, а огромной проблемой. Закусочные и буфеты работали при промышленных организациях и их количество в 1960 г. составило 66 точек на 586 мест. В г. Караганде была 1 чайная на 80 мест [7, л.417]. С 1959 г. при диетической столовой (единственной на весь город) была организована продажа кондитерских изделий и полуфабрикатов. Эта же столовая являлось базовой для школьных буфетов [7, л.17].

Согласно архивным данным аналогичная тенденция прироста наблюдалась и по другим городам региона. В частности, в городе Джезказган в 1959 г. функционировало 25 столовых и ресторанов на 1920 посадочных мест, тогда как в 1961 – 35 на 2938 мест. В городе Темиртау в 1959 г. работали 22 столовые и рестораны на 2078 посадочных мест, в 1961 – 41 на 4296 посадочных мест [12, л.160]. Во втором полугодии 1961 г. в городе Караганде было открыто 2 столовых: столовая при школе №53 на 124 посадочных мест и столовая при артели «Ткач» на 20 посадочных мест. Помимо этого, при шахтах №42 и № 33 было открыто 2 буфета [13, л.71].

С 1957 г. некоторые предприятия Карагандинского треста столовых и ресторанов были переведены на самообслуживание [14, л.3]. Вспоминает М.В. Фролова: «Обслуживание было хорошим. В столовых было самообслуживание. Брали что хотели покушать, на кассе оплачивали, потом поели, убрали все за собой и пошли. Всегда было чисто, столы убраны. Вкусно пахло едой, продавцы были вежливые. И продукты всегда привозили в столовую свежие. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь отравился в столовых. За этим в то время очень строго следили. Просроченные продукты никогда не привозили в столовую. В общежитии мы тоже питались в столовых. Так же ходили и в пельменные. Помимо пельменей там были разные салаты, и сладости к чаю» [15].

Новые объекты системы общественного питания вводились согласно плановому графику, однако, как сообщают источники, этот процесс не всегда проходил своевременно. Из докладной записки за 1959 г.: «Из-за плохой работы строительных организаций Совнархоза, такие крупные объекты как диетическая столовая, столовая на 32 квартале и кафе-автомат из года в год срываются строительные работы, а наши неоднократные требования и ходатайства через партийные и советские органы ни к каким результатам не привели» [10, л.83].

Самыми распространенными и часто посещаемыми учреждениями общепита начиная с 1950-х гг. являлись столовые, которые в основном были закреплены за «заводами, учреждениями, совхозами, машинно-тракторными станциями для обеспечения нормальной работы социалистической промышленности и сельского хозяйства» [16]. Как отмечает респондент Н.А. Потапова, проработавшая всю жизнь на заводе ЖБИ: «где работаешь, там и питаешься» [17].

Выполняя свою основную задачу – накормить желающих, они становились совершенными механизмами массового воплощения советских идеологем в повседневность. Партийные директивы, да и сама практика пространственного размещения столовых, предельно четко обозначали желаемый социальный состав

их посетителей. Рабочие, служащие и учащиеся в директивных документах объявлялись основными клиентами общепита. Таким образом, к концу 1950-х-начале 1960-х гг. и в идеологическом дискурсе, и в повседневной практике усиливается связь общественного питания и производства. Питание вне дома, зачастую приобретает оттенок «добровольно-принудительного», выступая своего рода производственной необходимостью. Столовые, которые располагались при заводах и промышленных учреждений в большинстве оказывались малодоступными для неработающих на данных предприятиях горожан или приезжих. Ограниченный доступ превращался в «неприступность» общепита. Таким образом, известный социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», из метафоры превращался в неотъемлемую часть советской повседневности. Перекусить во внерабочее время или неработающим (помимо дома) в городах региона городе было весьма непростым делом.

Несмотря на внесение общественного питания в список наиболее значимых направлений социальной политики и тщательный контроль партийных органов различных уровней, положение в городах Центрального Казахстана в конце 1950-х не претерпело значительных изменений. Как отмечал в 1958 г. начальник областного управления торговли А. Головин, сеть общественного питания недостаточна, и развивается крайне медленно. Существующая сеть общепита крайне не справляется в виду с быстрым темпом увеличения численности населения в городах области» [12, л.234].

Довольна обычным в повседневной практике была и антисанитария в системе общепита. Типичный для заводских столовых пример: столовая № 1 ОРСа треста Сталинуголь содержалась очень грязно. Согласно отчету, такие неисправности как задымление плит, отсутствие или плохая работа водопроводной системы, отсутствие горячей воды, разрушение стен и потолков и т.д. являлись нормой [11, л.3].

Проблемы общепита также были связаны и с «человеческим фактором»: «обсчет» клиента, хамство, грубость, недобросовестное обслуживание и т.п. Достаточно интересный сюжет о такого рода прецеденте был обнаружен нами в архивных документах, датируемых 30 марта 1958 г. В редакцию газеты «Советская торговля» поступила жалоба от работника вагона-ресторана Алексея Белова, который находился в командировке в г. Караганде. Письмо было следующего содержания: «Мы всей бригадой вагона 131 пошли в город и решили пообедать хотя бы в одну из столовых по центральной улице. Зашли в три столовые, но они все были закрыты на обеденный перерыв. Кто-то из прохожих нам порекомендовали пройти в Центральный ресторан. Мы зашли в ресторан, заняли стол, посмотрели меню – меню правда обширное. Подошла к нам официант и спросила заказ. Наш заказ был скромный из 4 блюд. Заказ был принят, одновременно она предложила купить водки. Мы отказались, так как зашли только пообедать. В ответ она отказала нам в обеде, мол, обеды только с водкой. Мы пригласили выйти администратору, фамилия ее Никитина, однако и она также нам ответила и еще надерзила. С трудом пообедали, заставила купить 9 бутылок водки. Хочется отметить, качество обедов было низкое, куда хуже простой столовой, выбора никакого не было. Холодные щи, винегрет из капусты, на второе блюдо подали печенку вареную вместо жареной. Бесконтрольность и безответственность, принудительно вводят алкоголизм. Прошу редакцию об этом рассказать, чтоб другим неповадно было» [11, л.26]. Содержание жалобы позволяет отметить ряд моментов. Во-первых, парадоксально, что столовые, функционирование которых должно быть рассчитано для «обедов» карагандинцев, в обеденное время закрывались (невозможно попасть в них, они «закрыты на обед» для самих работников общепита)! Во-вторых, в ситуации, когда посетители

ограничены в выборе не только блюд, но и «обеденного» места, каждый работник общепита в силу отсутствия конкуренции и собственной заинтересованности мог диктовать свои условия (например, обязательное приобретение спиртного, причем диктуется не только ассортимент обязательных для приобретения напитков, но и их количество), правила и др. Вряд ли официант мог заставить купить 9 бутылок водки посетителей, но что мог отказать в обслуживании, судя по воспоминаниям горожан, мог действительно. Жаловались люди редко, конкуренция в системе общепита отсутствовала, жалобы ситуацию не меняли, меры не принимались.

Были типичны для общепита комплексные обеды, в них должны были входить рыбные, мясные, овощные, крупяные, молочные и другие блюда. Однако, скудность ассортимента и сомнительное качество блюд нередко являлись объектом обсуждения во многих годовых отчетах. К примеру, из докладной записки Карагандинского облторга за 1959 г.: «На протяжении нескольких дней в столовых при шахтах нет мяса, овощей, сельди. Плохо снабжают птицей, нет творогу, нет фруктов, а народ просит» [18, л.230].

Власть ориентировалась в ситуации: проблемы общепита поднимались на уровне и республики, и Союза: в частности, на заседаниях секретариата ЦК КП Казахстана в 1957 г., где рассматриваемый вопрос так и формулировался: «О неудовлетворительном состоянии общественного питания в республике». При его рассмотрении выступавший Журин говорил: «Где бы я ни побывал в областях исключительный беспорядок в общественном питании… нормально можно покушать только в столовой обкома партии». Констатировалось, что лишь «23% предприятий общественного питания являлись общедоступными, остальные 77% – это закрытые столовые на предприятиях», недоступных основному населению. Катастрофически не хватало поваров, еще обучалось в учебных заведениях 500 поваров. Отмечалось, что «от работы поваров зависит качество приготовления пищи и ассортимент блюд, а у нас многие повара знают столько же, сколько домохозяйки. В потребкооперации с поварским составом и кадрами очень тяжелое положение. Ни в одном районе нет ни одного кулинара с высшим образованием». [19, л.2-3]

В отчетах фиксировалось: «Многие чайные, закусочные, а также рестораны находятся в запущенном состоянии, не обеспечены инвентарем, посудой, вилками, ножами, чайными ложками, отсутствуют солонки, горчичницы, перечницы. Обслуживание потребителей организовано плохо, ассортимент блюд однообразен, пища готовится невкусная и низкого качества, санитарное состояние многих столовых и буфетов неудовлетворительное. В крайне неудовлетворительном состоянии находятся рестораны и буфеты на станциях железных дорог и аэропортах. Все еще не налажено первоочередное и бесперебойное снабжение предприятий общественного питания продуктами, особенно овощами, рыбой и молоком. Плохо используются местные продовольственные ресурсы. В результате этого во многих рабочих столовых Караганды, Атасу, Темиртау… отсутствуют в продаже рыбные, овощные, молочные блюда». [20, л.8-9]

В 1959 г. принято постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания», обозначившее целью организовать централизованное производство полуфабрикатов для комплексного снабжения столовых, кафе, закусочных и других предприятий общественного питания» [21, с. 34]. Но изменения произошли лишь в худшую сторону: в 1959 по сравнению с 1953 г. сократилась доля важнейших продуктов, используемых для приготовления пищи: птицы и мяса с 35 до 31%, рыбной продукции – с 16 до 11%, овощей с 30 до 17 %, картофеля с 36 до 22%, растительного масла с 25 до 12%. Параллельно возрос удельный вес реализации в системе общественного питания продуктов,

не требующих кулинарной обработки: консервов с 10 до 15%, алкогольных и безалкогольных напитков с 12 до 29%, колбасных изделий с 13 до 31%, кондитерских изделий с 10 до 20% [22]. Именно начиная с этого периода реализация указанных товаров в буфетах, закусочных и палатках стала основным видом. К началу 1960-х гг. удельный вес продукции собственного производства снизился до 30%, тогда как удельный вес покупных товаров увеличился до 70% [13, л.25]. Однако, как показывают архивные материалы, эта тенденция дала негативные последствия. Централизованное производство полуфабрикатов не оказало ожидаемого воздействия на увеличение производительности труда в общественном питании, а сопровождалось нерегулярным снабжением «доготовочных» предприятий. К 1975 г. только 10% предприятий общественного питания системы государственной торговли СССР комплексно снабжались тремя видами полуфабрикатов – мясными, рыбными, очищенным картофелем [21, с.51].

В начале 1960-х гг. резко намечается тенденция улучшения культуры общепита, и в Центральном Казахстане это, на наш взгляд, было следствием Темиртауских событий 1959 г., когда власть взяла под особый контроль и продовольственное обеспечение городов региона (отличавшеся, например, от региональной рабочей периферии других республик), и систему общепита. С целью популяризации и расширения ассортимента национальных блюд, а также повышения культуры обслуживания в ресторанах и кафе в каждый квартал стали проводить дни национальных кухонь: русской, казахской, украинской, литовской, белорусской, грузинской, узбекской и т.д. В магазинах и кулинариях, столовых при промышленных предприятий были организованы «столы предварительных заказов» от населения [23, л.200]. В меню столовых и ресторанах появились свои фирменные блюда, как с национальным колоритом, так и региональным. Например, в столовой № 2 по ул. Джамбула, в кафе «Весна», в ресторане «Караганда» – суп лапша домашняя, оладьи, курица по-карагандински, салат по-шахтерски, котлеты по-шахтерски, филе по-карагандински, кофе с мороженым и т.д. [24, л. 563]. В кафе «Отдых» стали популярными рулет «юбилейный», блинчики «аппетитные», в ресторане «Встреча» – фирменное блюдо «бризоль», в ресторане «Айгуль» – котлета «Айгуль». [25, л.117]. В кафе «Ласточка», «Салтанат», «Отдых» четыре раза в неделю проходили вечера с эстрадной музыкой. В ресторанах «Майкудук», «Казахстан» и «Айгуль» – играл «меломан» [25, л.118]. Такими увеселениями и новым ассортиментом карагандинский общепит «заманивал» клиента в кафе и рестораны.

В августе 1968 г. в кафе «Ласточка» проходил месячник по национальной кухне, что для Караганды было своеобразным «ноу-хау». Зал был украшен в украинском стиле, на стенах висели шитые украинским орнаментом полотенца (рушники), официантки были одеты в национальную украинскую одежду. У входа на тумбочке были поставлены каравай «хлеб-соль». Меню блюд состояло только из украинской кухни: борщ украинский, вареники с картофелем, капустой, творогом, крученики волынские, пампушки с чесноком, галушки полтавские и т.д. Это мероприятие впервые транслировалось по местному телевидению [26, л.15-16]. Вспоминает М.В. Фролова: «Кафе было очень хорошее, большое. Много людей всегда посещало его, вкусно всегда готовили. А самое главное все всегда свежее было. Я иногда и с детьми ездила. Им очень нравилась там обедать. Так же покупали и домой что-то. Пироги духовые всегда вкусные были. И с варением, и с повидлом, и с капустой, и с картошкой, и с мясом, и со свеклой, и с морковью. Детям я покупала пюре с котлетой, себе брала суп или борщ. Запивали все компотом или киселем» [15].

В 1970 г. в честь 50-летия КазССР успешно прошел месячник казахской кухни в ресторанах «Старт», «Майкудук», «Казахстан» и кафе «Салтанат». Залы были оформлены в национальном стиле, официантам были сшиты формы с вышитым казахским орнаментом. Были приготовлены национальные блюда: куйрык-баур (печень с курдюком), манты жаренные, баурсаки (круглые шарики из теста, обжаренные в масле), кеспе (лапша), кабырга (ребрышки), балкаймак («медовая сметана» – домашняя подслащенная сметана, доведенная до кипения), куырдак (тушеные вместе мясо и субпродукты – печень, сердце и легкие), чай по-казахски (с молоком) и т.д. [25, л.118-119].

С особой теплотой вспоминают карагандинцы свое посещение столовых и кафе. Но в 1950-е-1970-е гг. большинство советских людей предпочитало обедать в столовых, это было значительно дешевле, чем в кафе или ресторанах. Высказывания респондентов подтверждают это. В частности, М.Ф. Михайлова отмечает: «Вся еда уже стояла на прилавках, мы брали подносы, и выбирали, что хотели. Брали обычно первое. На первое были и супы, и борщи, и лапша-суп. На второе мы обычно брали или рыбу, или котлету с пюре. Всегда в столовой были компоты свежие, кисели варили. Можно было или чай, или кофе выбрать. Меню было очень разнообразным. Потом мы подходили на кассу, нам кассир считал все, мы расплачивались. Все это стоило очень дешево. А кушать и находиться в столовой было приятно. Всегда было чисто, убрано. Все были вежливые, всегда улыбались» [27]. Сторожил Т.Е. Жунусов вспоминал: «Мы чаще посещали столовые, реже рестораны, кафе. Столовые были очень доступные, зайти можно было любому человеку, заказать первое второе, третье. Раньше, в то время, мы критиковали столовые. А сейчас, когда вспоминаешь, сравниваешь с нынешним качеством, все кажется было очень вкусным. У нас в столовой на шахте питались и директора шахты. Даже руководство не стеснялось зайти и покушать в столовых. Были пельменные, пельмени готовились у тебя на виду. Или блинные, тоже сразу при тебе пекли блины и клали на тарелку. Все было очень вкусно. Пирожки стоили 5-10 копеек, газированные автоматы стояли на улице по 3 копейки. Были бочки с холодным квасом, стакан стоил 6 копеек, литр – 12 копеек. Квас был очень вкусный, и люди стояли в очереди за квасом и набирали домой 2-х или 3-х литровые банки. В ресторан ходили очень редко, только по большим событиям. Но в ресторанах все было гораздо дороже: брали лишь небольшой салатик, а в основном там были в изобилии алкогольные напитки. В ресторанах только отмечали какое-либо событие, ходили, чтобы потанцевать. В ресторан ходили очень редко, обычно собирались дома друг у друга...» [28].

Участник интервьюирования Ш. Кудайбергенов: «Посещали мы в основном рабочие столовые, кафе на 55-м квартале, так называемая «Весна» и кафе по Советской улице. По обслуживанию всякое бывало. Особо там не засиживались, дорогих обедов, изысков не заказывали. Поэтому так… слегка поесть, червячка заморить, так сказать. Это устраивало. Ну, в советское время было самообслуживание в столовых. Сам берешь блюда с подноса, а в ресторанах обслуживали официанты. Цены не были высокими, как сейчас. На 5 рублей можно было полностью наесться. Можно и даже выпить хорошо» [29]. Респондент А. Оспанова вспоминает: «Когда я работала, мы ходили обедать в столовую завода имени Пархоменко. Там были комплексные обеды. Готовили очень вкусно. На 50 копеек мы могли спокойно пообедать: за 50 копеек покупали и первое, и второе. И все это было очень дешево. Это было в 1968 – 1970 гг.» [30].

Несмотря на то, что профессиональные издания объявляли рестораны и кафе местом, где можно «развлечься, встретиться с друзьями, отметить праздник,

знаменательную дату» [6, с.87], партийные документы убеждали в обратном. Общепит был, прежде всего, местом питания. Советские рестораны подчинялись общему правилу «работать, чтобы накормить»: «Посетитель приходит в ресторан, прежде всего потому, что он хочет получить вкусное, изысканное, деликатесное блюдо, такое кулинарное изделие, которое ему нигде в другом месте и, особенно, в домашних условиях, не приготовят» [6, с.87]. По воспоминаниям карагандинцев: «Ресторан от столовой внешне ничем не отличался… единственное, может быть, тем, что занавески немножко посимпатичней, но так чтобы я зашел и почувствовал разницу – нет, такого не было» [31, л.301]. Люди любили посещать рестораны, правда не всегда и не все могли себе это позволить. Горожане, доход которых был высоким, становились завсегдатаями, постоянными клиентами. Вспоминает респондент А. Оспанова: «В рестораны мы ходили много. Могли себе позволить. Знакомые, друзья справляли там дни рождения. То есть, в основном по праздникам» [30].

Любили горожане посещать кафе и при различных культучреждениях (кинотеатрах, театрах, парках и т.д.). Как вспоминает респондент А. Оспанова: «Мы с мужем обязательно в воскресенье ходили в кафе при кинотеатрах. В городе были кинотеатры Ленина, Юбилейный, которые только открылись. Мы специально ходили туда пораньше и обязательно сидели в кафе. Там и сладким лакомились, и могли позволить себе пиво взять, мороженое. А потом начинался фильм, и мы уходили смотреть его. Пирожное, и лимонад попить в.кафе мы ходили каждую неделю. Когда дети были маленькие, мы ездили в парк, где было кафе «Парус» с их фирменным корейским блюдом «кукси», которое подавалось в горячем виде. Очередь была большая, но мы все равно стояли и дожидались» [30].

К 1970-м гг. мы наблюдаем существенное расширение системы общественного питания в городах Центрального Казахстана. Но несмотря на существующую и развивающуюся сеть общественного питания в повседневной практике горожан Центрального Казахстана, выбор все же оставался за домашним питанием. Но прежде чем заглянуть в семейную кухню карагандинцев, рассмотрим структуру и рацион питания советского человека в целом и в Центральном Казахстане, в частности, в обозначенные хронологические рамки.

Как отмечалось в предыдущем разделе. по уровню, составу и структуре питания Казахская ССР была отнесена ко 2 группе, в которой в пищевом рационе имелись все продукты, однако продуктов животноводства потреблялось недостаточно. Однако ситуация значительно начинает изменяться к 1960-м гг. Рассмотрим общесоюзные данные.

Таблица 1 – Потребление основных продуктов питания в СССР (в среднем на члена семьи за год, в килограммах). [32]

Продукты	1961 г.	1965 г.	1970 г.
Мука, крупа и макаронные изделия	138,6	135,2	124,7
Картофель	119,9	123,1	116,4
Овощи и бахчевые	86,3	93,6	93,7
Фрукты и ягоды	22,5	36,3	45,7
Молоко и молочные продукты	318,9	327,9	367,5
Мясо и мясопродукты	54,9	57,9	70,0
Рыба и рыбопродукты	13,1	15,3	17,6
Масло растительное	5,8	6,6	6,3
Яйца (шт)	147	159	212
Сахар и кондитерские изделия	37,4	32,2	32,8

Таким образом, мы наблюдаем снижение потребления муки, круп, макаронных изделий и картофеля. Одновременно в среднестатистической семье увеличилось

душевое потребление более питательных продуктов – мясных и молочных, овощей, яиц, фруктов и т.д.

Специальному обследованию подвергалось питание рабочих градообразующей отрасли промышленности – угольной. Согласно материалам статистического управления Карагандинской области, потребление основных продуктов питания среди рабочих угольной промышленности выглядело следующим образом (таблица 2).

Таблица 2 – Потребление основных продуктов питания рабочих угольной промышленности в Карагандинской области в 1960-е гг. (в среднем на члена семьи за год/месяц, в кг). [33]

Наименование Продуктов	1963 г.		1967 г.		1969 г.	
	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц
Мука и хлеба в переводе в муку	126,1	10,5	147,3	12,3	139,4	12
Крупы, бобовые и макароны	14,3	1,19	15,0	1,25	15,1	1,3
Картофель	67,1	5,59	86,2	7,18	86,4	7,2
Овощи и бахчевые	69,7	5,81	77,5	6,46	64,6	5,4
Фрукты и ягоды	7,2	0,6	15,2	1,27	15	1,3
Мясо и мясопродукты	54,3	4,53	62,1	5,18	64,7	5,4
Рыба и рыбопродукты	7,8	0,650	8,1	0,680	9,5	0,800
Молоко и молочные продукты (включая масло животных)	297	24,8	313,8	26,2	324	27
Масло растительное и другие жиры	5,5	0,46	5,6	0,47	6,7	0,6
Яйца – штук	129	10,8	150	12,5	152	13
Сахар	21,3	1,78	23,4	1,95	22,5	1,9
Кондитерские изделия	15,5	1,29	15,8	1,32	16,1	1,3

Душевое потребление пшеничных хлебопродуктов и картофеля, несмотря на процентное снижение, находилось практически на первом месте. В частности, в общей структуре потребления в 1960-е гг. на одного рабочего угольной промышленности в среднем за месяц приходилось от 10 до 12 кг хлебопродуктов. Тогда как в 1948-1950 гг. – 24 кг [34, л. 24об.], в 1951 – 1953 гг. – 17 кг. [35, л.140]. Сокращение данного вида питания по сравнению с 1950-ми гг. позволяла людям со временем увеличить потребление более ценных продуктов питания, содержащих белки и другие витамины – молочные продукты, мясо, фрукты, овощи и т.д. В частности, потребление молока и молочных продуктов существенно увеличилось по сравнению с 1940-1950-ми гг. Если в 1948-1950-е гг. их потребление не превышало 4 кг [34, л. 24об.], в 1951-1953 гг. в среднем за месяц на одного человека – 5 кг [35, л. 140], то к концу 1960-х достигло 27 кг.

Однако здесь необходимо учитывать, что органами статистического управления в структуру питания за 1960-е гг. в эту категорию были включены такие продукты, как масло животное, различные виды сыров, кефир и творог, так что представленная в статуправлении цифра явно завышена. Но динамика была, и рост данной категории продуктов свидетельствует не только о некотором расширении рациона питания населения, но и о существенном его улучшении. Анализируя и сравнивая потребление продуктов питания по статистическим данным и материалам интервью, надо иметь ввиду, что архивные статданные

не отражают в полной степени реальную картину по ряду причин. Во-первых, в целом советская статистика несколько искажала цифры в угоду конъюнктуре момента, как правилов сторону преувеличения (это свойственно для всех цифровых параметров социальной сферы и советской экономики), во-вторых, в такие статобзоры не попадали некоторые специфические особенности повседневной жизни казахстанцев, в том числе, горожан. Мы далее будем подробно анализировать эти цифры из архивных фондов и статуправления, однако считаем нужным заметить, что в этот анализ не входили и не подвергалось никакому учету статорганами, например, потребление мяса в казахских семьях (преимущественно конины и баранины), которое не приобреталось через систему торговли (рынки, продмагазины и др.), а мясо заготавливалось из сельской местности (иногда закупалось, но часто поставлялось родственниками-сельчанами бесплатно). И если в 1950-е 1960-е гг. это было нередким явлением, то в 1970-е – 1980-е гг. практически все казахские семьи имели подобную практику (это будет отражено в материалах интервьюирования).

Душевое потребление картофеля в 1950-1960-е гг. практически осталось неизменным по отношению к 1940-1950 гг. Оно в среднем на одного человека в месяц сохранялось на уровне 7-8 кг. Наблюдается увеличение удельного веса потребления мяса и мясопродуктов среди горожан Центрального Казахстана. Если в начале 1950-х в среднем потребление составляло 3,5 кг на человека [34, л.24об.], в конце 1960-х – 5,4 кг.

Из списка овощей и бахчевых наиболее востребованными стали помидоры, огурцы, бахчевые культуры. Если в начале 1950-х гг. душевое потребление овощей и бахчевых культур на одну душу составляло среди горожан от 1-2 кг [36, л.3об.], то к концу 1960-х возросло до 6-7 кг. Существенно возросла доля потребления фруктов и ягод в общем рационе питания в среднем на одного человека: вместо 200-300 грамм [36, л. 3об.] в начале 1950-х – до 1,5-2 кг в конце 1960-х гг. Существенное увеличение наблюдается в употребление яиц. Если в начале 1950-х гг. их употребление в среднем за месяц на одного человека не превышало 1 штуки [34, л.24об.], то к концу 1960-х дошло до 13 штук. Незначительно повысилось потребление рыбных продуктов и достигло к концу 1960-х гг. до 800 грамм вместо 250-300 грамм в 1950-е.

Но в целом питание в регионе по-прежнему оставалось еще низкокалорийным в сравнении с усредненными союзными нормами и мировыми тенденциями. Достаточно интересные факты были нами обнаружены в документах органов статистического управления за 1963 г., где проводился анализ химического состава потребленных продуктов питания в семьях рабочих угольной промышленности Карагандинской области. Оказалось, что фактическое содержание жиров, белков, углеводов и калорий в продуктах потребления было ниже физиологических норм: белков на 25%, в том числе животного происхождения на 40%, жиров на 28%, в том числе животного происхождения на 33%, общая калорийность питания на 17%, в том числе калорий животного происхождения на 35%. Согласно установленным нормам калорийность продуктов питания должна была составлять 3210 калорий, то в действительности среди рабочих угольной промышленности Центрального Казахстана она не превышала 2662 калорий [37, л.28].

Для полного анализа сравним медицинские нормы питания, разработанных в 1970-е гг. Согласно этим данным суточная потребность лиц, занимающихся с незначительными физическими затратами – 2880 ккал, легкий механизированный физический труд требовал 3000 ккал в сутки, немеханизированный труд со

значительными физическими затратами – 3200 ккал, немеханизированный труд со средними и большими нагрузками – 3700 ккал [38, с.578]

Таблица 3 – Калорийность и качество питания советского человека в 1961-1970 гг. (калл. в день). [21, с.579]

Год	1961 г.	1965 г.	1970 г.
Всего килокалорий	3095,3	3213,6	3354,8
Из них растительной пищи	2446,3	2541,9	2541,4

За 1961-1970 гг. калорийность среднестатистического рациона выросла на 8,5%. Наблюдается качественное улучшение рациона жителей СССР: возросла доля животной пищи с 21% до 24 %. Таким образом, среднестатистический рацион питания в СССР приблизился к рекомендуемому уровню потребления для легкого немеханизированного труда.

Таблица 4 – Калорийность и качество питания рабочих угольной промышленности Карагандинской области в 1960-е гг. (калл. в день). [39]

Год	1963 г.	1966 г.	1967 г.	1970 г.
Всего килокалорий	2662	2967	3053	3052
В том числе калории в продуктах животноводческого происхождения	710	725	780,9	771
Физиологическая норма потребления				
Всего килокалорий	3210	3088	3088	3180
В том числе калории в продуктах животноводческого происхождения	1095	1027	1027	1011

С 1963 по 1970 гг. калорийность среднестатистического рациона рабочих угольной промышленности Карагандинской области выросла на 14,6%. Незначительно в абсолютном выражении увеличилось потребление продуктов животноводческого происхождения на 9,5%. Но несмотря на это, доля животной пищи осталась на уровне 26%, тогда как в норме доля животной пищи в общей калорийности должна составлять от 31 до 35%. Далеки от нормы были показатели общих килокалорий. В 1963 г. при норме 3210 килокалорий среди рабочих угольной промышленности они составляли 2662. Ситуация улучшается к рубежу 1960-1970-х гг., когда мы наблюдаем приближение потребляемых килокалорий к физиологическим нормам.

Для выяснения уровня питания жителей СССР сравним калорийность и качество рациона питания с международными данными за аналогичный период.

Таблица 5 – Сопоставление рациона питания и калорийности в СССР с зарубежными странами. [40]

	1961 г.		1971 г.	
	Ккал.	%	Ккал.	%
СССР	3095,3	79	3354,8	75,7
США	2883,7	64,9	3025,8	67,8
Великобритания	3240,7	61,7	3277,5	61,6
Австрия	3190,2	68	3232,1	67,7
Швеция	2834,7	63,6	2903,5	68,6
Япония	2467,6	90,4	2704	83,2

Анализ данных показал, что СССР по калорийности питания занимал первое место среди развитых стран Запада и США. Однако качество питания уступало развитым странам из-за высокой доли растительной пищи в рационе советских людей. Подобный дисбаланс был связан с более низким уровнем потребления в

Союзе молочных продуктов, мяса и фруктов, причем значительно: в 2-4 раза по отдельным видам (таблица 6).

Таблица 6 – Уровень потребления фруктов, мясных и молочных продуктов в СССР и зарубежных странах (килограммов в год) [32]

Страны	1961 г.			1971 г.		
	мясо	молоко	фрукты	мясо	молоко	фрукты
СССР	39,6	157,5	18,4	48,6	194,4	36
США	88,8	266,1	76,9	108,3	243,5	93,4
Великобритания	69,4	228,7	54,8	72,5	231,5	62,2
Австрия	65,7	219,2	134,1	78,4	219,4	109,4
Швеция	50,6	298,8	61	51,9	311	84,2
Япония	7,4	18,1	29,2	19,6	45,4	52,9

Потребление мяса и мясных продуктов СССР за 1961 по 1971 гг. возросло, однако уровень потребления молока и молочных продуктов, мяса и фруктов по сравнению с другими странами все еще оставался очень низким; качественный уровень питания оставлял желать лучшего.

Как выше уже отмечалось, горожане Карагандинской области предпочитали питаться дома. По нашему мнению, причины в первую очередь были связаны с относительной дороговизной общепита для определенной категории людей, а также ориентированностью на массового потребителя при игнорировании индивидуальных вкусов. Домашнее (семейное) питание в Центральном Казахстане имело ряд отличий от общесоюзных тенденций. Во-первых, в значительной степени на разнообразии блюд сказывалась полиэтничность казахстанского общества. Поэтому и ассортимент семейной кухни был достаточно широким. Причем отличия были характерны для семей различных, как по уровню жизни, социальной принадлежности и стратификации, материальному достатку, так и этническим признакам. В казахских семьях в структуре питания мясо, как правило, было не просто частым, а обязательным, ежедневным элементом (но это также зависело от доходов семьи). Традиционные казахские блюда (бешбармак, куырдак и др.), где основным продуктом приготовления является мясо (конина или баранина), были постоянными в национальной домашней кухне. Многие семьи казахов-горожан закупали на зиму в сельской местности (это называлось «согым») одну четвертую часть, или одну вторую (более зажиточные семьи), или даже целую тушу лошади (как правило, казахская партийная, советская элита), Мясо, как правило, зимой хранили целиком замороженным или разделанным на большие части на балконах в деревянных ящиках. Заготовленный «согым» не только демонстрировал степень достатка в семье, это еще и позволяло решить проблему дефицита в продаже мяса. Причем казахские блюда стали со временем «визитной карточкой» для неказахов-карагандинцев при приеме гостей. Казахские национальные блюда готовили в русских, немецких и других семьях, так же, как и лепили русские пельмени или узбекские манты, делали узбекский плов, готовили корейские блюда (хе, кукси, пигоди и др.), крутили немецкие штрудели, варили украинские борщи, вареники, пекли татарский пирог-балиш и т.д. Во-вторых, заметно отличалось в 1960-е гг. продовольственное снабжение в городах Карагандинской области (Караганда, Темиртау и др.). После событий 1959 г. в Темиртау, когда социально-бытовая неустроенность рабочих казахстанской Магнитки вызвала волнения, подавленные с применением оружия, внимание партийных и советских органов к проблемам снабжения и быта региона стало более пристальным, резко улучшилось снабжение, прежде всего, продовольственными товарами, что позволяло экономить и готовить преимущественно дома.

Как вспоминают опрошенные респонденты (М.Р. Иманкулов, 1939 г.р.) мясо, колбаса в магазинах достаточно регулярно были в свободной продаже, ассортимент был небогатым, но в отличие от российских городов имелся. 1 кг баранины стоил 1,20 руб., говядины – 1,40 руб.; наиболее популярной была дешевая чайная колбаса, стоившая за 1 кг – 80 коп. Копченая колбаса была очень дорогая, цена за 1 кг доходила до 5,4 руб. На «колхозных» рынках мясо (говядина, свинина и др.) более высокого качества и лучшего ассортимента и продавались 1 кг от 4 руб. М.Р. Иманкулов вспоминает: «Хорошо помню, как в магазинах стояли бочки с черной икрой, она не была такой популярной. Икра продавалась на вес, 1 баночка грамм в 100-120 стоила 80 коп. Люди не покупали икру, она не ценилась, считалась дорогой. Вместо нее предпочитали взять 1 кг чайной колбасы. Дефицитными продуктами считались шпроты, печень трески. Еда в семье зависела от зарплат. В первые годы семейной жизни (1-3 года) при маленьких зарплатах бедствовали: мясо 1 раз в неделю, иногда и в месяц, жили на картошке, 1 кг картофеля стоил 7-10 коп., иногда брали банки с тушеной кониной, это было дешевле свежего мяса: 1 банка (200-250 грамм) стоила 27 коп. Крупы были дефицитом: гречку не продавали вообще в магазинах, на прилавках – рисовая сечка, пшено. Хороший рис также был недоступен. Макаронные изделия низкого качества, серо-коричневого цвета из муки низких сортов. При варке они «расползались», потом их промывали в холодной воде, чтобы смыть крахмал. Пили преимущественно чай, кофе был большой редкостью. Если удавалось достать баночку индийского кофе или цейлонского чая, в семье был праздник. Ассортимент овощей и фруктов в магазинах был небольшой: лук, картофель, морковь, яблоки. Апельсины или мандарины с огромным трудом «доставали» только на Новый год или же привозили из Москвы, Ленинграда. Более разнообразным было меню у дачников: они занимались заготовками, солили огурцы, помидоры, капусту, варили варенье из ягод и др. Основным лакомством и взрослых, и детей было мороженое, достаточно доступное по цене – 7 коп. порция. Очень сильно у горняков отличались «тормозки» (так карагандинские шахтеры называли взятый с собой обед – от слова «тормоз», остановка на обед): если мы ели хлеб, яйца, картошку, чайную колбасу, то у некоторых (чаще всего у много пьющих шахтеров) весь обед ограничивался кожурой от свиного сала, хлебом и парой луковиц. Но в целом мы жили неплохо, шахтеры хорошо зарабатывали, особенно те, кто имел хороший стаж работы и мало пил. Шахтеры пили, из спиртных напитков тоже по-разному: многопьющие работяги пили дешевые портвейны «Солнцедар» и др., их цена была от 70 коп. за 1 бутылку (0,7 л). Водка была недешевой, за 1 бутылку «Московской» отдавали 2 руб. 60 коп. Коньяки пили только очень зажиточные люди (чиновники, торговые работники и др.). Хорошие коньяки (КВ, КВК, армянские 3-х, 4-х и 5-ти «звездочные») были дефицитными, стоили дорого, в 2 и более раз дороже водки – от 5,2 руб. и больше» [41].

В своих воспоминаниях респонденты приводят свой рацион питания за 1950-1960-е гг. К примеру, участник опроса Айгуль Оспанова говорит: «У нас казахов основное блюдо – бешбармак. Поэтому мы часто брали мясо за 1,20 рублей. Также покупали колбасу. Любили пить сладкий чай с молоком. В те годы можно было многое купить за 1 рубль. Бабушка отправляла меня в магазин, дав 3 рубля. Я покупала 300 грамм масла, хлеб или сайку, мясо. В детстве у нас была сладость – это монпансье. Стоило оно 1 рубль за килограмм. В детстве мы любили еще одну сладость, которая у нас в городе была очень популярна. В Старом городе жило очень много переселенцев. Рядом с нами по соседству жили китайцы, корейцы, чеченцы и татары. Помню дедушку-китайца, который продавал нам сделанную им вручную сладость – петушки на палочках, почти как нынешние «чупа-чупсы». Петушки стоили 5 коп., но в основном он их менял на пустые бутылки. За одну

бутылку он нам отдавал по 5 петушков. Когда он ходил по улицам, то всегда кричал «Петушкиииии!», и мы все бежали к нему» [30]. Достаточно простой рацион питания был в семье Айгуль. В частности, она вспоминает: «Рацион питания был у нас обыденный. По утрам, когда собирались в школу, бабушка всегда вставала с нами и готовила чай. Мы ели хлеб с маслом и чай с комковым сахаром. В школу нам давали 10 коп., на которые мы могли купить пирожок и кисель, или чай. На обед у нас обязательно была жаренная картошка на большой сковородке и чай. Жарили картошку на бараньем курдюке» [30].

Жительница г. Караганды Ж. Джашибекова отмечает: «В нашей семье мясо всегда было в достатке, так как мы резали «согым» по казахской традиции. Запасы круп у нас всегда были. Мука, сахар – все было доступно и не считались дефицитом. Единственное, какие-то виды конфет были дефицитом и не всегда лежали на прилавках магазина. В целом мы жили в достатке. Мы ели и копченную колбасу, и сыр, и масло. Рыбы было вдоволь, она была очень качественная, жирная: селедка и другое, мы могли себе это позволить» [42]. Характеризуя свой семейный рацион питания, Жакия Жетписбаевна рассказывает: «Наш рацион, возможно, не был таким сильно разнообразным, обильным какими-то экзотическими или заморскими продуктами, но обязательно в нашем рационе питания всегда присутствовало мясо, оно могло быть вареное, тушеное, жаренное, или котлеты, или пельмени. Обязательно были крупы, картофель, макаронные изделия, овощи, часто капуста и свекла. Из сладостей были конфеты, печенья, мармелады и что-то мы сами пекли» [42]. Но частота употребления блюд из мясных продуктов в семейном меню, как отмечалось, зависела от доходов. В семье Куртбаевых в продовольственной корзине в основном были продукты растительного происхождения. Основная причина – отсутствие материальной возможности себе позволить эти виды продуктов. Вспоминает Б. Куртбаева: «В основном мы ели морковь, свеклу, картошку, немного мяса и рыбы. Ели в основном овощные салаты, мы всегда предпочтение отдавали растительной пище, а также обязательно каша, супы, борщ, окрошка. Очень редко делали пельмени и всегда по праздникам национальное блюдо – бешбармак. Мы ели мясо редко, оно было доступным, но моей зарплаты не хватало на покупку мясо на каждый день» [43].

В шахтерской семье Жунусовых основными продуктами питания были рожки, яйца, все молочное. Респондент о торговле продуктами питания вспоминает: «Мясо в основном брали в магазине. На базаре домашнее мясо брали редко. Не каждый день, потому что у нас в семье не принято было на базарах отовариваться часто, тем более в Караганде их было не очень много. Овощной продукции было много, овощные магазины были полны картошкой и морковью, но фруктов было недостаточно» [28]. Характеризуя свой семейный рацион питания и торговлю Тлеухан Елеукенович отмечает: «По утрам в основном ели яичницу, потому что яйца были в избытке, так как у нас в Караганде была своя птицефабрика. Яйца, а также рожки и консервы всегда были в изобилии. Ну и раз в день может быть какой-нибудь суп из мяса, к примеру, из баранины. К тому же в то время неплохо кормили нас на шахтах: давали горячее питание и «тормозки». Шахтеров в целом очень хорошо кормили. Можно было зайти в столовую или кулинарию и набрать там рыбу. Самой распространенной была жаренная рыба минтай. Дешевыми были всевозможные пирожки, везде продавались чебуреки. Насчет питания все было очень хорошо, голодными никто не ходил» [28].

Обычный для славянских казахстанских семей рацион питания был в семье Потаповых. Вспоминает Надежда Александровна: «Рацион был обыкновенный – борщ, пельмени, манты. Кстати, баурсаки пекли тоже. На Урале, где я раньше жила, помню, было подобное блюдо, называлось «кольца». Просто делали из теста кольца,

а здесь – баурсаки – «шарики». И мы тоже стали их печь. Мы не знали, что такое манты, корейские салаты. Приехав в Казахстан, познакомились с национальными блюдами разных народов. Салаты сначала мы пробовали у корейцев, потому что их нигде не продавали. А потом сами научились все это готовить» [17]. Из воспоминаний М.В. Фроловой: «В основном мы ели рис, гречку, масло, сметану, молоко, огурцы, помидоры, свеклу, макаронные изделия, сахар, чай, яйца, муку, конфеты, пряники, печенье, колбасы. В то время продукты были очень вкусные. Все продукты были свежие». Мария Васильевна вспоминала: «Любили лепить манты, вареники, пельмени и галушки. Так же покупали компоты и лимонады. Сладкое к чаю или сами пекли, или в магазине покупали, но в основном покупали. Детям я всегда варила молочные каши» [15].

Несколько лучше рацион питания был у горожан, имеющих свое подсобное хозяйство. Вспоминает Мария Федоровна Михайлова: «Все свое было – домашнее. В основном мы ели картофель, помидоры, морковь, картофель, кабачки, баклажаны, мясо, молоко, творог, сметана, яйца. На первое, как и в каждой семье, мы готовили разные супы, борщ и солянку. На второе мы готовили плов, толчёную картошку, пельмени, манты, жарили котлеты, запекали уток и кур. В холодильнике всегда было сало, вареные яйца, зеленый лук. Соленья разные доставали на стол. Моя старшая дочь не любила обедать в школьной столовой и бегала на большой перемене домой. Пожарит яйца с салом, хлеб, лук порежет. Поест и назад в школу на уроки шла: мы жили рядом со школой. Когда дети были маленькие, я им готовила каши, молочные супы, варила какао. Молока у нас было много... Для гостей мы всегда готовили бешбармак. Это было обязательное блюдо на нашем столе в любой праздник. Когда приезжал в гости кто-нибудь, то резали уток или гусей. Запекали в духовке, жарили котлеты. Рыбы у нас всегда много было. Мы заказывали пласты хека, его тушили: пережарим, добавим лук, сметану и тушим в казанке. А летом всегда рыба была: карп, сазан, карась. Рыбаки ловили и сдавали в столовую рыбу, мы там рыбу и покупали. Можно было купить столько, сколько надо. Лишь бы деньги были, если нет денег, то нам давали рыбу под ведомость, потом из зарплаты вычитали. Рыбу мы и коптили, и сушили. Мужчины всегда ели рыбу с пивом. Каждый четверг считался рыбным днем. И всем они нравились, особенно детям. Говорили они: вот бы рыбный был бы каждый день!» [27].

Как видим, несколько отличалась от казахской домашняя кухня у русских, украинцев, немцев и др. В их рационе питания доминировала, как правило, славянская или европейская кухня. В отличии от казахов, которые питались в основном кониной или бараниной, мясо в славянских семьях – преимущественно говядина или свинина. Больше в рационе питания у неказахских семей было овощей и овощных блюд, рыбы. Но независимо от этнической принадлежности интернациональная кухня – это особенность семейной кухни казахстанцев. Многонациональный состав населения Центрального Казахстана, сформировавшийся за годы депортаций, репрессий, аграрной и промышленной миграции и т.д., оказал огромное влияние на повседневный рацион питания. Домашняя кухня не только по праздникам, но и в повседневной жизни включала в себя национальные блюда разных народностей. Вспоминает Айгуль Оспанова «Из казахских национальных блюд в семье готовили бешбармак, когда приглашали гостей. Часто готовили плов в казане. Нельзя не сказать о наших фирменных баурсаках и казахских лепешках – шелпеки. У нас были друзья русские, которые всегда готовили казахские национальные блюда. Моя соседка Света любила готовить бешбармак, которому она научилась у меня» [30].

Богатый ассортимент блюд разных национальностей был представлен в семье Михайловых. Хозяйка дома Мария Федоровна с удовольствием вспоминает: «На

новый год мы всегда готовили бешбармак. Утку или гуся запекали в духовке. Это было обязательным блюдом. Брали гуся, начиняли яблоками и рисом, зашивали его и запекали. Всегда старались салатов побольше сделать: хе, зимний, сельдь под шубой и другие. Пекли разные торты, пирожные. На праздники жарили котлеты, запекали мясо, картошку тушили, плов варили, окрошку делали, голубцы, перец фаршировали, доставали дачные соленья» [27]. Мария Васильевна Фролова делится своими воспоминаниями: «На Пасху мы обязательно красили яйца, пекли булочки, куличи, пасхи. Всегда приходили гости к нам на все праздники. Бешбармак тоже готовили из конины, свинины или говядины. Так же жарили котлеты и рыбу, варили манты, пельмени и вареники. Всегда готовили салаты. Ингредиенты на салаты в магазине были доступны. Можно было приготовить, что угодно лишь бы деньги были. На праздники старались побольше пельменей налепить. На зиму мы всегда солили и огурцы, и помидоры» [15]. Бахыт Куртбаева вспоминает: «В основном готовили манты, бешбармак, плов. Из других национальных блюд мы обожали борщ, окрошку и манты» [43]. Тлеухан Елеукенович оценивал семейную кухню в советское время: «В семейном кругу по праздникам в основном готовили бешбармак, винегреты, салат-оливье, но широкого ассортимента, как такого не было. В основном рацион был одинаковый. Винегрет или оливье, манты или бешбармак» [28].

Своими впечатлениями поделилась респондент Надежда Александровна Потапова: «В моей семье центральным блюдом было на любой праздник – это манты, оливье, винегрет, мясо в духовке, салаты» [17]. Жакия Джашибекова отмечает советскую казахстанскую традиционность в домашнем меню: «Традиционно это манты, бешбармак, оливье – без них никак, потом появились селедка под шубой, хе (морковча), салат из свеклы, огурцы и помидоры консервированные. Кухня была интернациональная» [42].

Результаты опроса подтвердили, что домашняя кухня в советских семьях в Центральном Казахстане была представлена разными национальными блюдами: и казахская, и украинская, и русская, и корейская, и узбекская и т.д. Но были и свои «коронные», фирменные блюда во всех карагандинских семьях, независимо от национальности – бешбармак и манты, плов и оливье. За время хрущевской оттепели видоизменилась продовольственная корзина советского потребителя: была ликвидирована нехватка хлеба, увеличилось количество потребляемой животной пищи, произошло качественное улучшение рациона жителей СССР в целом, и Центрального Казахстана, в частности.

Таким образом, резюмируя состояние питания в исследуемый период, следует отметить, что анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что к концу 1960-м гг. люди в повседневной практике все чаще стали употреблять продукты, насыщенные белками, витаминами и минеральными веществами; изменилась структура питания горожан в сторону более здоровой и разнообразной пищи; структура питания в 1950-1960-е гг. улучшилась по сравнению с 1940-ми. Наблюдается увеличение мясных, молочных, овощных и фруктовых продуктов, которые стали оказывать существенное влияние на здоровье населения городах Центрального Казахстана. В целом, за 1950-1960-е гг. наблюдается улучшение структуры питания городского населения Казахстана.

---

1. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг. – Караганда, 2012. – 365 с.

2. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

3. О мероприятиях по дальнейшему развитию советской торговли // Правда. – 1953. – 23 октября; О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания // Правда. – 1956. – 13 марта.
4. Правда. – 1957. – 15 сентября.
5. О вкусной и здоровой пище. – М., 1954. – 447 с.
6. Кулинария // Под ред. Лившица М.О. – М. : Госторгиздат, 1955. – 564 с.
7. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1488
8. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1945
9. Правда. – 1956. – 13 марта
10. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 202
11. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 201
12. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 279
13. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 343а
14. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 35
15. Интервью с М.В. Фроловой (1943 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
16. Правда. – 1956. – 13 марта
19. Интервью с Н.А. Потаповой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
18. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 344
19. АП РК.Ф. 708. Оп.30. Д. 254
20. АП РК.Ф. 708. Оп.30. Д. 289
21. Басков Л.П. Системность в планировании общественного питания. – М. : Экономика, 1983. – 120 с.
22. Посчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.1/10. Д. 20. Л. 139-242; Д. 25. Л. 12-298; Д. 28. Л. 1-157; Д. 31. Л. 1-158; Д. 34. Л. 2-341; Д. 51. Л. 1-216; Д. 56. Л. 1-209
23. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 407
24. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 489
25. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 997
26. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 814
27. Интервью с М.Ф. Михайловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
28. Интервью с Т.Е. Жунусовым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
29. Интервью с Ш.К. Кудайбергеновым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
30. Интервью с А. Оспановой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
31. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 455
32. Таблица составлена на основе данных: Советская жизнь. 1945 – 1953 / Составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с. – С. 127; ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 181. Л. 150; Д. 193. Л. 141-144
33. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 804. Л. 27; Ф. 596. Оп.7. Д. 891. Л. 10-11; Ф. 596. Оп.7. Д. 989. Л. 8.; Ф. 596. Оп.7. Д. 1034. Л. 40; Ф. 596. Оп.7. Д. 1256. Л. 13-14
34. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 13
35. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 33
36. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 26
37. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 804
38. Большая Советская Энциклопедия. – Т. 19. – М., 1975.
39. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 804. Л. 28; Ф. 596. Оп.7. Д. 891. Л. 22
40. http://rusmirzp.com/wp-content/uploads/2013/10/131018003n_tabl-2.jpg
41. Интервью с М.Р. Иманкуловым, записано З.Г. Сактагановой в Караганде в 2016 г.
42. Интервью с Ж.Ж. Джашибековой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
43. Интервью с Б.Ш. Куртбаевой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

6.3. Торговля и дефицит в 1954 – 1960-е гг.

Становление городского образа жизни неразрывно было связано с изменением потребительской сферы. С середины 1950-х гг. в советском обществе начался процесс структурных изменений, направленных на повышение качества жизни граждан. Коснулось это как общепита, сферы обслуживания, так и советской торговли. Нельзя не согласиться с мнением Ю.В. Аксютина, что социальная политика в этот период носила эгалитарную, уравнительную ориентацию: то, что прежде составляло привилегии номенклатуры и передовиков производства (в том числе доступ к более ценным продуктам питания и предметам домашнего обихода) становилось возможным для широких слоев населения [1, с.431].

Именно в это хрущевское десятилетие «культура советской торговли» стала обретать новый смысл, точнее «обрастать» новыми признаками. С одной стороны, это позитивные перемены, когда «в обновленный концепт «культура советской торговли» входили: рациональная организация процесса продаж (предполагавшая усовершенствование товаропродвижения и организации торговой сети, максимальное внедрение в практику работы прогрессивных форм торговли и дополнительных услуг, механизацию); широкий ассортимент товаров для удовлетворения спроса; высокое качество отделки торговых залов, с удобным, красивым и дешевым оборудованием из современных материалов; наличие рекламы и информирования покупателей». [2, с.152]. К прогрессивным формам торговли относились продажа товаров по методу самообслуживания, с открытой выкладкой и по образцам. В магазине самообслуживания посетитель имел свободный доступ ко всем товарам или подавляющей их части, отбирал сам нужные ему вещи, а денежные расчеты и (при необходимости) упаковку производил кассир-контролер. В магазинах, работавших по образцам, покупатель прибегал к помощи продавца для получения товара после предварительного ознакомления с моделями, представленными в торговом зале или в каталоге. Открытая выкладка предполагала свободный доступ к выложенным на рабочем месте продавца товарам, покупатель самостоятельно производил выбор, после чего обращался к продавцу-консультанту, который подсчитывал стоимость покупки, получал деньги, упаковывал и выдавал товар. Одни магазины полностью переводились на прогрессивные формы торговли, другие – имели лишь соответствующие отделы и секции. В 1950-е гг. появляются гастрономы – крупные продовольственные магазины с несколькими отделами; ранее такие магазины назывались просто «продукты» или «продовольственный». В 1970-е гг. стало распространяться название «универсам» [3]

Но, с другой стороны, в этой культуре проявились негативные стороны: «дефицит», «блат», «продажа из-под полы», советские очереди, обвес, обмер, жульничество и т.п. стали неотъемлемой чертой советской торговли.

Ситуацию со снабжением в СССР с 1960-х по 1980-е гг. можно назвать ситуацией постоянного, тотального и всеобъемлющего дефицита. Под термином «дефицит» понимали вещи (продовольственные или промтовары), которые невозможно было найти в свободной продаже, чаще всего, импортного производства или советские, но хорошего качества. Сотрудник магазина или склада, который имел доступ к дефицитным товарам, автоматически возводился в ранг «нужного» человека. Быть знакомым с таким человеком считалось очень удачным и называлось «блатом». Блат, таким образом, являлся практикой обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления. Когда нужной вещи не было в магазине, можно было попытаться задействовать свои знакомства для поисков нужного товара, приобрести искомое из-под полы,

на базарах и барахолках, с рук и т.п. И, наконец, если гражданин занимал какой-нибудь видный пост (партийный, государственный, в силовых структурах или в торговле), он мог претендовать на получение желаемых товаров вне общей системы распределения. Одной из специфично-советских стратегий потребления в советском обществе в условиях дефицита, как известно, был блат. Исследователь А. Леденева называет блатом использование неформальных контактов (родных, друзей, случайных знакомых) для получения товаров и услуг, отсутствующих в магазинах или лучшего, чем в магазинах, качества, а также для влияния на принятие решений. Леденева подчеркивает: использование неформальных каналов не было вопросом выбора, это также была вынужденная мера в условиях постоянного дефицита [4]

Вспоминают карагандинцы: «В советское время торговые работники, продавцы очень хорошо себя чувствовали, потому что все пытались завести с ними знакомства. Если знакомый продавец – он тебе оставит по блату и хорошее мясо без костей, и какие-нибудь консервы, например, красную икру завозили, но редко, и можно было попросить «оставить» баночку. Мы не пользовались блатом, потому что нас родители так приучили, ни у кого ничего не просить. А кто с продавцами в хороших отношениях были, они всегда по блату что-нибудь покупали. Особенно, если завмаг твой приятель или друг, это вообще было очень хорошо. Можно было набрать дефицитные продукты и одежду. А мы покупали в магазине то, что продавалось» [5]. Для большинства блат был обыденностью, повседневной практикой. «Это для нас было нормальным явлением, что по блату можно было достать какие-то завозные или импортные продукты. Часто это было болгарские консервированные изделия, которые не всегда были в продаже. По блату люди могли через знакомых брать такие товары как одежда, обувь и т.д.» [6]. «Лично я по блату ничего не покупал. Ну, так был наслышан, что люди по блату берут мебель и ковры. На импортные ковры и мебель записывались в очередь. Потому что в магазинах стояла мебель Карагандинской фабрики, которая была однотипная, ведь ассортимент был небольшой. Чтобы взять спальный гарнитур или ковер нужно было иметь знакомых или доплачивать» [7]. Основными причинами распространения блата простые люди считали: «Советский блат был распространен, так как не было богатого ассортимента одежды и мебели, поэтому многие доставали все через блат. У кого в торговле не было знакомых, обходились простыми вещами. Но очень хотелось заграничных товаров» [8].

Классический пример – хорошо известные советским людям монологи-миниатюры народного артиста СССР Аркадия Райкина о значимости торговых работников, о роли блата и дефицита в советском обществе. Одна из миниатюр «Дефицит», снятая в 1972 г. – колоритная пародия на тех работников торговли 1960-х-1970-х гг., кто готов был искусственно создавать дефицит, лишь бы чувствовать свою исключительность. Там герой Райкина, сидя в салоне самолета, обслуживаемый симпатичной стюардессой, намазывая на белый батон красную икру, говорит: «Все идет к тому, что всюду все будет. Изобилие будет… Но хорошо ли это будет?». И сам отвечает на свой вопрос: «Нет, не торопись… Я прихожу к тебе и через завсклад, через директора магазина, через товароведа достал дефицит. Ни у кого нет, а у тебя есть! Попробовал, во рту тает! Вкус специфический! ...Я тебя уважаю! Нам другой день ты идешь ко мне… Я через завсклад, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал другой дефицит. ...Ты меня уважаешь, и я тебя уважаю! Мы с тобой уважаемые люди... Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит!» [9]. Эта миниатюра, хотя и была записана в 1972 г., отражала и реалии, и повседневные практики, и мышление советского человека не только

70-х, но и предыдущего десятилетия – 60-х- гг. А мыслил и говорил такой человек с гордостью о себе, как обладателе презумпции абсолютного превосходства над другими: «Мы с тобой уважаемые люди». К сожалению, это был не единичный пример мышления, и даже те из советских, кто так не мыслил, также жил в реалиях дефицита, блата, спекуляции и жульничества и т.п.

Формируется особый сленг, связанный со спецификой советской торговли, который понимали только советские люди. Давно и хорошо знакомые слова в условиях тотального дефицита обретали другой смысл. Например, продукты или промтовары уже не покупали, а «доставали», имелось в виду их отсутствие в свободной продаже и необходимость буквально «достать» их из советского небытия на прилавках. Дефицитные вещи в магазине уже не продавали, их «выбрасывали», и это было действительно так, потому что, во-первых, они уже не продавались какое-то время, а сразу, одномоментно исчезали в покупательских руках, как выброшенные вещи исчезали в мусорном ведре. И, во-вторых, их было такое ничтожное количество по сравнению с количеством желающих их приобрести, что про эти вещи вновь говорили не купили, а «расхватали». Часто вместо «купить» говорили «отовариться», то есть приобрести товар. В очередях не задавали вопрос: «Кто последний?», спрашивали: «Кто крайний?», хотя очевидно, что края в очереди не было. В повседневной жизни, когда каждый день 2-3 часа (а в общей совокупности иногда и больше) советский человек, как минимум проводил в очереди (в магазине, в больнице, в обустройстве ребенка в садик, за квартирой, машиной и т.п.), никто не хотел чувствовать себя последним! Специфический смыл появления таких слов, как блат и дефицит, мы уже выше объясняли. Из-за отсутствия вещей в продаже в магазинах, дефицит перепродавался на вещевых рынках. Рынки, на которых продают или «толкают» одежду или «барахло» называли толкучкой или барахолкой и эти названия сохранились и в 1950-1960-е гг.

Таким образом, блат стал нормой в повседневной жизни советских людей. Большая часть продовольственных или промышленных товаров, необходимых в быту, не доходила до прилавка магазинов, а разбиралась «по своим» еще на складах. Позже такой товар распродавался на «барахолках» в десятки раз дороже. Тотальный дефицит в торговле проявлялся еще и наличием огромных очередей «везде и за всем». Но у советских людей отношение к очередям было своеобразным и разным. Кто-то возмущался, а кто-то относился с терпением. Вспоминает Э. Кудайбергенова: «Это было почти нормой, потому что за всем надо было стоять в очереди, особенно в 1970-е гг. Если копченную или докторскую колбасу «выбросили» в магазине, то надо было стоять 2 часа в очереди. Конечно, это раздражало, в очереди ругались постоянно. Но за всем надо было стоять, если не будешь стоять, останешься без колбасы или без мяса». [5]. Воспоминания Потаповой Н.А. : «К советским очередям никак нельзя относиться, кроме как негативно. Кто хочет отработать смену и потом стоять 3-4 часа в очереди за килограммом колбасы? Если у тебя нет с собой ребенка, тебе дадут только 1 килограмм. Если у тебя есть ребенок, ты радуешься, потому что тогда дадут 2 килограмма. Как к очередям можно относиться?! Если у тебя праздник и тебе нельзя купить водки, не отстояв в очереди. Как к ним можно относиться! Конечно, плохо. Там, кстати, и скандалили. Даже драки были: люди же разные. Скандалы были всегда, без этого очередь не простоишь» [10]. Об очередях говорит и М. Фролова, но с иным настроением: «Да, очереди были, особенно перед праздниками. Зато в очереди общались друг с другом. Так видеться времени не было. Целыми днями мы были на работе, а еще и подрабатывали. Вот в очереди в магазине увидимся, поговорим. Говорят, люди за мебелью, за машинами в очереди стояли. На рынке очереди часто были. Пытались купить что-то подешевле, сторговаться». [11].

Таким образом, очереди в советское время считались также нормой повседневной жизни. Людям не нравились очереди, но иной возможности «отовариться» без блата не было. Для некоторых советских женщин очередь выполняла функцию социальной сети: все новости узнавали в очередях, встречали знакомых, рассказывали о своих проблемах, обсуждали чужие. Люди, либо теряли внерабочее (иногда и рабочее) время в очередях, либо через блат, если таковой имелся, доставали необходимые для себя продовольственные и непродовольственные товары. Нахождение в очереди напрямую сказывалось на удовлетворении потребностей людей, в том числе базовых (например, в питании) и, стало быть, затрагивало самые основы жизни. Стоять или не стоять в очередях не было вопросом выбора, это была вынужденная мера в условиях постоянного дефицита. Причем очереди горожане занимали, не зная, что продают, что «выбросили» в магазине. Тема очередей часто являлась объектом шуток и острот; очереди занимали с ночи, в очередях записывали номера ручкой на руке, составляли списки очередников и вывешивали на закрытых дверях магазинов, в очередь посылали в рабочее время «представителя», который отстаивал часами за свой коллектив и т.д. В повседневных практиках, связанных с очередями, отражались и специфика советской ментальности, и мучительный характер самого процесса, и покупок «про запас», и покупки любого товара, за которым стоит очередь, пусть и не очень нужного или совсем не нужного. [4]

В целом система торговли в Центральном Казахстане в 1950-е-1960-е гг. получила значительное развитие в сравнении с послевоенным десятилетием. При управлении торговли города Караганды функционировали: Ленинский, Октябрьский, Кировский, Советский пищеторги, облплодовощторг, горпромторги, «Гастроном», «Одежда», «Хозтовары», универмаг, «Продтовары»; в ведении Темиртауского управления торговли находились первый и второй пищеторг и горпромторг [12, л.27-28]. В г. Балхаше –горпромторг и горпищторг; в Абае и Шахтинске функционировали горторги; в Джезказгане в системе торговли – горпищторг, горпромторг [12, л.27-29]. В городах Центрального Казахстана, начиная со второй половины 1950-х гг., была создана широкая сеть продовольственных и промтоварных магазинов. Повсеместно стали открываться магазины, которые носили однотипные и простые названия: «Хлеб», «Молоко», «Мясо», «Рыба», «Гастрономический магазин», магазин «промышленных товаров» и т.д.

Согласно объяснительной записке к отчету Областного торгового управления в 1959 г. по облторгуправлению насчитывалось 220 магазинов, киосков и палаток – 71. Всего торговая сеть области составляла 291 единицу с количеством 590 рабочих мест. Из общего количества специализированных продовольственных магазинов насчитывалось 49, из них 19 хлебных, 7 мясных и мясорыбных, 6 овощных, 13 молочных, 1 вино-водочный, 3 бакалейно-гастрономических. Специализированных непродовольственных магазинов насчитывалось 47, в том числе: по продаже тканей – 6, по продаже швейных товаров – 5, галантерейно-парфюмерных товаров – 5, посудо-хозяйственных – 14, по продаже обуви – 2, спорттоваров – 3, детских товаров – 3, электротоваров – 1, культтоваров – 2, мебельных – 3. [13, л.3]. В 1959 годы был открыт магазин №7 по продаже автомашин, спорттоваров и электротоваров [13, л.107]. В 1960 г. в городе Темиртау функционировало 46 магазинов, из них: 9 продовольственных (2 хлебных, 2 мясорыбных, 2 плодоовощных, 1 винно-водочный, 2 молочных) и 11 промтоварных (1 спорттоваров, 1 детский, 4 хозяйственных, 1 мебельный, 1 уцененный, 2 комиссионных, 1 парфюмерный) [14, л.222]. В начале 1970-х гг. в городах области функционировали 308 продовольственных и промтоварных магазинов, из них 174 – продовольственных, (из них с универсальным ассортиментом – 54, хлебные – 30,

молочные – 8, овощные – 37, прочие – 45). А также 134 непродовольственных магазина: в том числе, 17 швейных, 23 посудо-хозяйственных, 19 обувных, 75 прочих. [15, л.289]

Как отмечает респонденты, товары карагандинцы преимущественно приобретали в магазинах. Вспоминает Т. Жунусов: «В основном все покупали в магазинах. На колхозных рынках продукты и товары покупали очень редко, как-то не принято было на рынках отовариваться. Помню, был рынок в Михайловке и, по-моему, в старом городе. На рынках даже была выше цена, чем в магазинах [7]. Остальные респонденты подтверждают информацию: «Базаров было мало и поэтому туда мы редко ездили. В Михайловском базаре изредка мы докупали продукты по более приемлемым ценам» [8]. О достаточном количестве магазинов и товаров в них в Темиртау вспоминает М.Ф. Михайлова [16].

Несмотря на рост сети магазинов, торговля в городах имела свои особенности. Регулярно возникал дефицит на продовольственные товары и товары широкого потребления. Из докладной записки за 1959 г.: «Гормолзавод г. Караганды крайне недостаточно производил завоз цельного молока и молочной продукции, изготовленной из цельной продукции. Не хватало кефира, творога. На хлебзаводах постоянно отсутствовал полный ассортимент хлеба и хлебобулочных изделий. Часто хлебзаводы выпускали некачественный хлеб, который был непригоден к реализации» [17, л.111].

Из материалов отчета Госторга города Караганды за 1959 г. следует, что товарооборот возрос на 13,8% [13, л.108]. Фонды продовольственных товаров были освоены почти полностью. Но в отчетах зафиксирован в магазинах недобор продуктов: рыбы, сельди, консерв, растительного масла из-за скудного ассортимента на базе «Казмясорыбторга». Широким спросом среди населения пользовались овощные и фруктово-ягодные консервы: вишневые и сливовые варенья, джемы клубничный, ежевичный, малиновый, а также томаты и огурцы маринованные, баклажаны нарезные, перец фаршированный, однако именно эта категория продуктов постоянно имела ограниченный ассортимент, что вызывало частные возмущения со стороны населения [13, л.110]. Свежая рыба также продавалась нечасто, дефицит создавали магазины: из-за отсутствия холодильного оборудования, они просто не хотели принимать скоропортящийся продукт [13, л.6].

Дефицит продовольственных товаров людям приходилось восполнять на колхозных рынках. Мясо, молоко, зерно, муку, картофель и другие овощи население приобретало на колхозных рынках городов Караганды, Балхаша, Сарани, Джезказгана, Темиртау. [18, л.3] Воспоминания об ассортименте на рынках: «Обычные повседневные продукты мы покупали в магазине, а вот мясо родители покупали всегда на рынке, потому что домашнее – и вкуснее, и жирнее» [19]. «На базаре мы покупали фрукты и овощи. В магазин почему-то часто не привозили овощи и фрукты. А на базаре этого было море: и мандарины, и апельсины, и персики. На базаре можно было сторговаться, что-то купить дороже, что-то дешевле» [16]. «Мы помимо магазина, который был рядом с домом, закупались и на базаре. На базаре казахи всегда брали мясо по низкой цене» [20].

Многие респонденты, например, отмечали дефицитность хороших фруктов и острую нехватку цитрусовых. Вспоминает А. Оспанова: «Фрукты мы видели мало. В основном ели ранетки, ягоды. Насобираем этих сладких ягод и наедимся. И в магазин идти не надо. Мандарины, бананы – это все было в дефиците, поэтому их ели очень редко. Такого продовольствия как сейчас – это нам во сне снилось. Денег хватало, но не было этой продукции» [20]. Участник интервью Ш. Кудайбергенов отмечает: «Хотелось цитрусовых, но их не возили, а деньги

были» [5]. Бахыт Куртбаева к числу дефицитных товаров отнесла мандарины, лимоны, апельсины: «Но этих продуктов не было в продаже в магазине» [8]. Респондент Жакия Джашибекова прокомментировала: «Конечно, как в нынешнее время не было такого ассортимента фруктов, мы их как бы ели, но привозили их сезонно. Например, апельсины у нас связывались только с Новым годом, потому что они появлялись на прилавках только ближе к концу декабря. Раньше, в детстве вкус и запах апельсина, аромат цитрусовых будоражил и сразу напоминали елку и Новый год» [19].

Весьма интересным для нас является степень удовлетворенности населения ценами на продукты питания. Вспоминает респондент Эльмира Шакерхановна: «Как раз цены нас в советское время устраивали. Раньше вообще все копейки стоило. Литр молока стоил 24 коп., а бутылка от молока – 20 коп. Ржаной хлеб стоил 16 коп., белый – 24 коп., батон – 25 коп., шоколадное мороженое стоило 15 коп., сливочное 13 коп., пломбир 22 коп., а чебурек – 14 коп., проезд на автобусе 5 коп. Арбузы были 25 коп. за килограмм, если берешь арбуз тяжелый 6 – 7 килограмм, он стоит 1 рубль 50 коп. Стакан семечек 10 коп. Очень дешево все было, поэтому зарплаты маленькие были, но на продукты хватало» [5]. А. Оспанова «В целом дорогих продуктов не было. Вот только фруктов было немного. На базарах они хоть и были, а в магазинах – очень мало. В достатке в магазинах имелись сгущенка, тушенка и варенье. Очень вкусная была халва, стоила 1 рубль за килограмм. В те годы карагандинские конфеты ценились очень высоко, не уступали московским или импортным, такие как «Красная шапочка», «Мишка косолапый». Иногда мы могли себе позволить их купить. Они стоили килограмм – 5 рублей 50 копеек. Мы даже знали, сколько штук выйдет на сто грамм» [20]. Вспоминает Б. Куртбаева: «На то время цены устраивали. Мы были молодые, если на мясо не хватало денег, то брали консервы. У нас у молодежи хорошо шла килька в масле. Очень был популярный продукт» [8]. Ю.Д. Охонько, отметила: «Цены тогда устраивали, было все тогда намного дешевле. Только нужно была главное достать, а не купить» [6]. Респондент Т. Жунусов: «Цены устраивали. В то время все было дешево. В 1960-1980-е гг. хлеб и различные булочные изделия стоили очень дешево. Булка хлеба стоила 16 коп., а белый хлеб – 24 коп. Были даже булочки по 3 коп. очень вкусные. Цены были приемлемые на продукты питания. В середине 1980-х начались проблемы с ценами, и стали магазины пустеть» [7]. Респондент Жакия Джашибекова: «Цены были приемлемые. Такие продукты как хлеб, кефир, творог были дешевые и доступные. Широкий ассортимент был представлен в хлебобулочных изделиях: сайки, горчичный хлеб, булочки, пряники, печенья. Все эти продукты были настолько доступны, что на 1 рубль мы могли себе позволить купить хлеб, мороженное, пирожное и стакан сока» [19].

Таким образом, материалы интервьюирования подтверждают, что стоимость продуктов питания вполне удовлетворяла карагандинцев. Несмотря на дефицитность некоторых продуктов, они были по цене они были доступны каждому работающему советскому гражданину.

Для сравнения материалов интервьюирования горожан сопоставим с данными архивных документов. В начале 1960-х гг. эксперименты хрущевских реформ в области сельского хозяйства зашли в тупик. Нехватка продуктов стала настолько явной, что летом 1962 г. власти вынуждены были повысить цены на мясо, молоко, масло, яйца и сахар на 25-30%. [21]. Дефицит продовольственных товаров зачастую объяснялся в материалах отчетов тем, что «многие торгующие организации неумело организуют торговлю, плохо маневрируют имеющимися товарными ресурсами, допускают перебои в торговле достаточными товарами». Государственная инспекция по торговле при Совете Министров Казахской ССР

при проверке в декабре 1961 г. установила случаи длительных перебоев в торговле достаточными товарами в городах Караганде, Сарани и Темиртау. Например, зафиксировано, что в филиале № 2 гастронома г. Сарани не было яблочного и виноградного соков, соусов всех наименований, концентратов каш, бараньего жира, советского и голландского сыров, килек соленого и пряного посолов, субпродуктов, детской смеси, соды пищевой, соли, овощных консервов, хотя эти товары имелись на оптовых базах и в подсобных помещениях магазина. В хозрасчетном магазине №11 Карагандинского горпищеторга не было в продаже мяса фасованного и субпродуктов при наличии их на мясокомбинате; томатов, яблочного сока, свежемороженой рыбы, концентратов каш, пшена, джема и др. товаров, хотя они также имелись в подсобном помещении магазина. Аналогичные факты вскрыты и в других магазинах горпищеторга и ОРСа: в магазине №3 горпищеторга г. Темиртау в декабре не было в продаже макарон, крупы, перца, повидла, джема, жиров животных, хлопкового масла и др. Перебои в торговле выявлены и в магазине №78 этого же торга. Особенно серьезные недостатки в организации торговли вскрыты в сельской торговой сети» [17, л.11]. Эти частные примеры – типичны для всей системы советской торговли.

Тысячи граждан из всех регионов страны писали в высшие органы власти, и в первую очередь в ЦК КПСС, о неудовлетворительном снабжении городов, рабочих поселков хлебом, сахаром, жирами, мясом и другими продовольственными товарами, просили помощи, выражали недовольство. Кто-то предлагал ввести продуктовые карточки, кто-то советовал руководителям страны «чаще бывать там, где плохо, чтобы своими глазами увидеть жизнь страны». [22]. Некоторые просили «оказать воздействие на торгующие организации», другие предлагали «потрясти» секретаря обкома партии за плохую работу, встречались в письмах и такие просьбы: «Если можно, сообщите по радио и правдиво расскажите все трудности». [23, л.93].

Но карагандинцы и жители региона были в более благополучном положении в смысле снабжения продовольственными товарами, хотя и очереди, и дефицит не стали исключением повседневной жизни. Данные из конъюнктурных обзоров и сообщений торговых корреспондентов союзглавторга о состоянии розничной торговли по СССР за 1960-1962 гг. позволяют отследить продовольственное снабжение по Караганде: «Постоянно подсолнечное и хлопковое масло. В продаже постоянно широкий ассортимент круп и макарон изделий. Достаточно картофеля. Мало моркови, чеснока, соленых помидоров и огурцов. Не было фруктов, помимо лимонов. Сахара достаточно, кондитерские изделия, в основном, местного производства. Мало кондитерских изделий в обертке. Перебои в продаже водки, вина в узком ассортименте» [24].

Питание горожан Центрального Казахстана напрямую было связано с продовольственным снабжением в торговой сети и, как уже отмечалось, было значительно лучше, чем в ряде регионов СССР. Для сопоставления снабжения в разных городах разных союзных республик приведем краткие выводы обзоров (по 24 учтенным городам СССР) по отдельным видам продовольственного снабжения. Торговля мясопродуктами в данные годы ухудшилась: нормально торговали мясопродуктами в 7 городах (г. Целинограде, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте, Ашхабаде), в остальных 17 спрос не удовлетворялся. В большинстве городов не хватало и колбасных изделий, они были в узком ассортименте. Молока и молочных продуктов в большинстве учтенных городов не хватало. Торговля молочными продуктами во многих городах проходила неудовлетворительно: из 24 учтенных городов постоянно в продаже молоко в 11 городах; не удовлетворялся спрос на молочнокислую продукцию и животное масло, было недостаточно

маргарина, в ряде городов не было твердого сыра. В 14 городах не хватало сливочного масла. Яиц не было или не хватало почти всюду: спрос на яйца не удовлетворялся в 22 городах, из них в 7 городах яиц вовсе не было в продаже. Постоянно в продаже сельдь и рыбные консервы, но в узком ассортименте. В ряде городов не хватало консервов в масле, рыбных деликатесов и гастрономии, жирных сельдей. Рыбы, особенно свежемороженой и копченой, недостаточно, ассортимент ее был ограничен. Из 24 учтенных городов в 20 масло растительное продавалось постоянно, в остальных городах его не хватало. Макаронные изделия в продаже были бесперебойно, в отдельных городах не хватает макарон высших сортов. Крупы в недостаточном количестве и узком ассортименте. Торговля овощами в основном проходила удовлетворительно (в продаже были лук, свекла, огурцы), но в ряде городов не хватало свежей капусты, моркови, чеснока, овощных консервов. Во многих учтенных городах мало было фруктов и цитрусовых. Спрос на картофель по-прежнему не удовлетворялся в ряде городов, в 6-10 городах не хватало картофеля. Постоянно в продаже сахар в ассортименте. Чая достаточно, но ассортимент его в ряде мест был ограничен. Не хватало кондитерских изделий в расфасовке и коробках, шоколада и шоколадных конфет, карамели в завертке, халвы, пастилы, зефира, вафель и конфет в подарочном оформлении. С перебоями продавалась водка в 8 городах, не хватало шампанского, коньяка, марочные вина в узком ассортименте. В отдельных городах не удовлетворялся спрос на ликеры, настойки, наливки [25].

Из конъюнктурного обзора о состоянии торговли Карагандинской области в 1959 г. следует, что торговля хлебом и хлебобулочными изделиями осуществлялась в относительно широком (для советской эпохи и провинциальных городов) ассортименте. Имелся в продаже хлеб из пшеничной муки, а также 4-6 наименований булочных изделий. Постоянно были в продаже крупы: пшено, манка, с перебоями – рис и горох. Макаронные изделия были представлены 4-5 наименованиями. Периодические недопоставки были в продаже круп перловой, ячменной, гречневой и риса. Постоянно имелись в продаже капуста, огурцы, соленые помидоры, свекла, лук репчатый. Не было в продаже картофеля, моркови, чеснока, свежих фруктов [24, л.1]. Постоянно имелось в продаже мясо свиное, говяжье, баранина, субпродукты первой и второй категории, консервы мясорастительные, колбасные изделия 5-7 наименований. Незначительные перебои были по доставки молока и молочной продукции. Не хватало в продаже консервов, кулинарных изделий и мясных полуфабрикатов [14, л.2]. Перебоев с поставкой рыбы не было, она всегда имела широкий ассортимент, за исключением рыб осетровых пород и красной рыбы [14, л.61].

В 1964 г. ассортимент продовольственных товаров был более широк. Увеличились виды кисломолочной продукции, например, плавленые и твердые сыры, творог и т.д. Значительно расширился ассортимент кондитерских изделий. Постоянно имелись в продаже карамель в завертке, шоколадные и глазированные конфеты, мармелады, зефир, пастила [26, л.92-93]. Широким спросом среди населения городов пользовался высокосортные грузинский, индийский и цейлонский чаи. [26, л.94]. Систематически ощущался дефицит детских продуктов питания: молочных смесей, каш, отваров, молочных концентратов, супов, сухих завтраков и кофейных напитков [26, л.94]. Из консервной продукции ощущался недостаток закусочных консервов – фаршированных (перец, кабачки), маринадов (огурцы, помидоры), обеденных блюд (рассольников, борщей, щей). Расширился ассортимент соков, компотов, киселей. [15, л.96]. Таким образом, мы видим существенные изменения в расширении ассортимента продовольственных товаров.

Структура товарооборота и соотношения продовольственных и промышленных товаров претерпела изменения к концу 1950-х гг. Удельный вес промышленных товаров в 1959 г. составил 60,1% против 50,3% в 1956 г. [13, л. 3] и 43% в 1976 г. [17, л.290].

Одной из причин роста спроса на промышленные товары было улучшение материального состояния населения. У людей появилась возможность свои «излишние» деньги потратить на покупку товаров широкого потребления. В первой половине 1950-х гг. властями было проведено массовое снижение цен на товары широкого потребления. В итоге возросла покупательная способность советского рубля. Но чрезмерно высокие темпы снижения цен нарушали нередко экономически необходимое соотношение между ценой и себестоимостью товара. Производство потребительских товаров росло, не только медленнее промышленного производства, но и значительно ниже намеченных планом уровней. Ассортимент товаров расширялся, но их хронически не хватало: магазины были в запущенном состоянии, с длинными очередями, которые охотились на дефицитные товары, неожиданно появляющимися в продаже. Исследователи отмечают, что в обиход вошло понятие «достать», вытеснившее понятие «купить» [27, с.14]. Проблема потребления разрасталась в обществе до невероятных масштабов, и важнейшей частью повседневности советских людей было «доставание» необходимых вещей. В 1956-1958 гг. были снижены цены на детскую одежду, штапельные ткани, алюминиевую посуду, радиотовары, телевизоры и фотоаппараты. С 1 июля 1959 г. были снижены цены на часы, велосипеды, радиолы, детские игрушки, виноградные и плодово-ягодные вина. С 1 марта и 1 апреля 1960 г. снижены цены на электрические швейные машины, шелковые ткани радиоприемники медикаменты. В 1961 г. проводилось снижение цен на галантерейные и хозяйственные товары, на некоторые швейные изделия и культтовары.

Узкий ассортимент промышленных товаров в городах Центрального Казахстана так же являлся неотъемлемой частью повседневной жизни. Это можно отследить по материалам проверочных отчетов. Из конъюнктурного обзора за 1959 г.: «В течении года резко ощущался недостаток полотенчатой ткани, полотенец штучных, сатинов, ситцев, головных и носовых платков, мебельно-декоративной ткани и т.д. На протяжении всего года в продаже отсутствовали штапельные полушерстяные ткани, на которые имелся повышенный интерес среди населения [28, л.4]. Несмотря на то, что в 1959 г. ассортимент швейных изделий был значительно расширен по сравнению с 1957-1958 гг., розничные предприятия продолжали испытывать недостаток в зимних одежде, особенно улучшенного качества: к примеру, мужских и женских костюмов, мужские и подростковые брюки отечественного производства. Слабый спрос имелся на детские и женские пальто светлых тонов [28, л.4]. В большом спросе были трикотажные и меховые изделия. Отмечалось, что несмотря на повышенный спрос, торговое управление в основном отоваривалось шапками ушанками с матерчатым верхом. Шапки с кожаным верхом в продаже имелись очень редко, цельно-меховые изделия в течение нескольких лет совершенно отсутствовали. Резко ощущался недостаток мужской и женской кожаной обуви, как модельных, так и массового пошива [28, л.4].

Из конъюнктурного обзора Карагандинских торговых сетей за 1960-1963 г. следует, что в продаже имелись хлопчатобумажные ткани (саржа, бельевые ткани, полотенчатые), полушерстяные костюмы, драпы, мужские и женские полушерстяные пальто. Не хватало в продаже – мебельно-декоративных тканей, ситцевых, ворсовых, сатинов, байковых [29, л.118]. Периодически отсутствовали в продаже мужские и женские плащи из натурального и искусственного шелка, хлопчатобумажных мужских сорочек. Совершенно не было в продаже мужских

фетровых и велюровых шляп, скудный ассортимент женских шляп. Из группы детской одежды не полностью удовлетворялся спрос на платья школьного, дошкольного и особенно ясельного возрастов; недостаточно шерстяных брюк для мальчиков дошкольного и школьного возрастов, детских пальто [30, л.18об.]. Перебои в торговле майками, детскими комбинациями, мужскими и детскими теннисками, мужскими сорочками. В недостаточном ассортименте обувь: систематически отсутствуют мужская обувь 41-42 размеров, женская 37-38 размеров, для девочек-подростков – 36, детская – 30 размеров, школьная – 34, дошкольная – 22-25 размеров. [31, л.51].

Об ассортименте и качестве промтоваров остались воспоминания старожил городов. «Денег на одежду уходило немного. На одну зарплату можно было детей одеть с ног до головы. Самое главное вещи были очень качественные. Например, у моей старшей дочери была шуба, так эту шубу носила и моя младшая дочь, и сын старшей дочери, и ее дочь. И до сих пор эта шуба целая. Вот сколько поколений проносило, только реставрировали манжеты и воротник» [11]. «С вещами было очень проблематично. В магазинах одежды было много, но она была однообразная, не модная. По блату можно было купить какой-нибудь польский костюм или туфли. А наша советская одежда была одинаковой, немодной. Но люди носили, потому что она была качественная. Драповое пальто можно было носить несколько лет, оно было не изнашиваемое. Была своя обувная Карагандинская фабрика. Обувь была красивая, и ее было много. А вот в дефиците были меховые шапки, их покупали на базаре. Там кто-то занимался индивидуальным пошивом: шили и продавали там же и сразу. Молодежи, особенно нам, молодым парням, с модной одеждой было тяжело. Она была неразнообразная» [7].

Парадокс советской торговли заключался в том, что востребованные изделия были дефицитом, зато товарами, которые не пользовались спросом, были завалены все магазины. В избытке в магазинах были предоставлены валяная обувь всех размеров и кирзовые сапоги, тогда как утепленной кожаной обувью для мужчин, женщин и детей никогда не удовлетворялся спрос населения. Из детской обуви не было в продаже с 22 по 25 размер, хотя это были самые «ходовые» размеры. В ограниченных объемах поступали детские туфли и ботинки [32, л.20]. Анализируя отчет о потребительском спросе на непродовольственные товары за 1965-1966 гг., выявляется нехватка шерстяных и полушерстяных мужских костюмов, курток, пальто, детскую обувь и т.д. [32, л.47]. Из мебели не хватало в продаже стульев, табуреток, книжных, плательных и бельевых шкафов, кухонных, обеденных и письменных столов, тумбочек, столовых и спальных гарнитуров. Из посуды в продаже была ограничена железо-оцинкованная посуда, в том числе, ведра; не поступали регулярно в продажу тарелки фарфоровых и фаянсовых. Из электротоваров не было в продаже электрочайников, электрокофейников, нагревательных элементов, электроутюгов. Ограничено поступали светильники всех видов, не удовлетворялся спрос населения на холодильники и стиральные машины [33, л.21].

Большой спрос среди населения был на товары следующих марок: часы марки «Заря», «Мечта», «Весна», «Чайка» (по цене 23-28 руб.), фотоаппараты марки «Зенит», телевизоры марки «Рекорд-12», «Беларусь», «Волхов», «Радий», «Сигнал» [33, л.48]. Появление первых телевизоров в повседневной жизни для людей было уникальным событием, но и они стали дефицитом, несмотря на дороговизну.

Недостаток товаров широкого потребления вызывал массовое недовольство населения. Спрос на них в лучшем случае удовлетворялся на 40-50%. Низкое качество продукции легкой промышленности, однообразие и унификация в моделях и цветовой гамме одежды, крайне ограниченный ассортимент потребительских

товаров способствовал восприятию советских людей сторонними наблюдателями, как плохо и безвкусно одетой в серо -коричнево-черные цвета однородной массы. Оценку внешнего облика советских людей и советских магазинов сторонними наблюдателями, например, зарубежными туристами, очень точно передал латиноамериканский писатель Г. Маркес, находившийся в 1957 г. на фестивале в Москве: «все одинаковы, все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви», «пижамы выше качеством, чем обыкновенная верхняя одежда», «редкие витрины государственных магазинов – скудные и незамысловатые», «в Советском Союзе нет рекламы, поскольку нет ни частного производства, ни конкуренции». [34]

В 1950-1960-е гг. во всех городах Центрального Казахстана стали открываться специализированные магазины по реализации продовольственных и непродовольственных товаров. Однако, несмотря на незначительное увеличение ассортимента предлагаемых товаров городское население также остро нуждалось в промышленных и бытовых товарах первой необходимости. Дефицит тех или иных товаров не ставил казахстанское население на грань бедности, но по понятным причинам воспринимался достаточно болезненно и в воспоминаниях порой представляется большим, чем был в действительности. Проблема также усугублялась несбалансированной системой сбыта и распределения продуктов, которая порой приводила к некоторым перебоям особенно в малых городах и в большей степени в 1950-е гг. Однако еще раз подчеркиваем, что центрально-казахстанский регион после Темиртауских событий 1959 г. находился под особым контролем центра и местной власти и продовольственное снабжение, и снабжение промышленными товарами было гораздо лучше, чем во многих других (например, российских) регионах СССР. Интервьированные горожане часто вспоминали, как были поражены «изобилием» продуктов питания и вещей в карагандинских и темиртауских магазинах их гости-родственники, приехавшие из глубинок российской периферии. Разумеется, что речь шла об «изобилии» в рамках тотального советского дефицита.

В целом анализ состояния торговли в 1950-е гг. свидетельствует о неразвитости торговой сети, дефиците в снабжении населения товарами первой необходимости, и именно эти сбои в продовольственном и промышленном обеспечении населения приводили к неудовлетворенности и обострению конфликтов, в некоторых случаях создавая очаги напряженности и девиантного поведения. Одним из таких очагов стал развивающийся город Темиртау в августе 1959 г. После этих событий система снабжения и торговли стала работать значительно лучше, снабжение Караганды и Темиртау стало под особым прицельным вниманием партийных и советских органов. В 1960-1970-е гг. система снабжения городов Центрального Казахстана значительно улучшилась.

Эгалитарные процессы в обществе неизбежно влияли на изменение ее организационных форм, сказывались на новых тенденциях пространственного размещения торговых объектов, в составе реализуемой потребителям продукции и, самое главное, во взаимоотношениях продавцов и покупателей. Таким образом, торговля оказывалась значимым фактором социокультурной модернизации советского города 1950-1960-х гг. Но в целом приоритеты советского государства в развитии экономики не способствовали развитию производства предметов потребления. Это порождало в практике повседневности горожан дефицит, однообразность в потреблении, блат и другие негативные тенденции.

---

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. 2-е изд. - М., 2010. - 431 с.

2. Твердюкова Е.Д. Contradictio in adjecto: буржуазные ценности советской торговли 1950-1960-х гг. //Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации: сб. ст. - СПб.: Северная звезда, 2014. - С. 152-187 / http://rushistory.org/stati/contradictio-in-adjecto-burzhuaznye-tsennosti-sovetskoj-torgovli-1950-1960-kh-gg.html
3.Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. – М. : Новое литературное обозрение, 2015 / https://books.google.kz/books
4. Иванова А. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960- х – первой половины 1980-х годов / Неприкосновенный запас. – 2011. – №3 (77) /http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/iv18.html
5. Интервью с Э.Ш. Кудайбергеновой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
6. Интервью с Ю.Д. Охонько, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
7. Интервью с Т.Е. Жунусовым, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
8. Интервью с Б.Ш. Куртбаевой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
9. Миниатюра Аркадия Райкина «Дефицит» (1972 г.) http://moscvichka.ru/moscvichka/2013/12/16/7-luchshih-miniatyur-arkadiya-rajkina
10. Интервью с Н.А. Потаповой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
11. Интервью с М.В. Фроловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
12. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1945
13. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 279
14. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 339
15. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 1734
16. Интервью с М.Ф. Михайловой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016г.
17. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 216
18. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 234
19. Интервью с Ж.Ж. Джашибековой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
20. Интервью с А. Оспановой, записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
21. http://www.nlobooks.ru/node/2690#sthash.kX6tLuuP. dpuf
22. Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди: Документы РГАНИ о социальном кризисе в СССР в середине 1950-х гг. / Альманах Россия. XX век. / http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1007373
23. РГАНИ.Ф. 5. Оп.30. Д. 135
24. РГАЭ.Ф. 81. Оп.1. Д. 55
25. РГАЭ.Ф. 81. Оп.1. Д. 186
26. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 499
27.Виниченко И.В. Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» // Омский научный вестник. – 2011. – № 3(98). – С. 13-16
28. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 201
29. РГАЭ.Ф. 81. Оп.1. Д. 187
30. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 311
31. РГАЭ.Ф. 81. Оп.1. Д. 658
32. ГАКО.Ф. 555. Оп. 1. Д. 311.
33. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 544а
34.Маркес Г.Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // https://www.livelib.ru/quote/296620-sssr-22-400-000-kvadratnyh-kilometrov-bez-edinoj-reklamy-kokakoly-gabriel-garsiya-markes

6.4. Питание горожан и «нормированный сервис» в 1970-е – 1991 гг.

Эпоха «брежневского застоя» по отношению к предыдущим периодам для Советского Союза характеризовалась относительной стабильностью во всех

сферах жизни страны, ростом материального благополучия граждан, временным улучшением уровня жизни и отсутствием серьезных потрясений. Однако, экономические предпочтения властей в пользу тяжелой индустрии в ущерб легкой промышленности, со временем вызвали невосполнимую диспропорцию, приведшей к необратимому кризису в 1970-х – 1980-х гг. В Центральном Казахстане 1970-е и первая половина 1980-х гг. были достаточно благополучными и в плане подовольственного снабжения (причины объяснялись в предыдущем разделе), ухудшение ситуации стало проявляться в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг. Кризис 1980-х гг., прежде всего, ударил по народу, а в повседневной жизни повсеместно проявлялись такие явления как дефицит на непродовольственные товары широкого потребления и дефицит на продукты питания. Наиболее четкую характеристику этого периода дает профессор Н. Лебина, которая отмечает, что основными чертами советского быта в эти годы являлись «потребительская революция» и «вещизм», обретшие уродливые формы в условиях плановой экономики, резкого расслоения общества, роста дефицита и «двойной морали» [1, с. 13].

В 1970-1985 гг. по количеству и структуре питания в расчете на душу населения в целом по СССР наблюдалось улучшение, несмотря на то, что темпы прироста продукции сельского хозяйства СССР в 1971-1985 гг. по сравнению с 1966-1970 гг. стали заметно снижаться. Из пяти лет (1971-1975 гг.) только 1973 г. был благоприятным для сельского хозяйства в природно-климатическом отношении, а два года (1972 и 1975 гг.) отличались небывалой засухой. Если в 1966-1970 гг. среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился на 21 %, то в 1971-1975 – лишь на 13 % [2, с. 439-440]. В 1970-е – в первой половине 1980-х гг. СССР в значительно большей мере стал импортировать продукты питания.

В 1982 г. власть «признала» существующий в стране экономический застой и была вынуждена на майском пленуме ЦК КПСС принять решение о разработке «Продовольственной программы СССР на период до 1990 года». Программа должна была определить новую стратегию партии в области сельского хозяйства, решить проблему с товарным дефицитом, а также улучшить рацион питания советского человека [3]. В программе были четко прописаны нормы потребления для здорового сбалансированного рациона питания (таблица 1).

Таблица 1 – Планирование потребления продуктов питания в СССР на 1980-1990 гг. (на душу населения в год, кг) [4, с. 404.]

Наименование продуктов	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Мясо и мясопродукты	58	62	70
Рыба и рыбопродукты	17,6	18,7	19
Молоко и молочные продукты	314	318	330-340
Яйцо (шт.)	239	253	260-266
Растительное масло	8,8	10,4	13,2
Овощи и бахчевые	97	110	126-135
Фрукты и ягоды	38	49	66-70
Картофель	109	115	110
Сахар	44,4	44,9	45,5
Хлебопродукты	138	137	135

Согласно материалам таблицы 1 программа ставила задачу увеличить потребление мяса на душу населения с 58 кг в 1980 г. до 70 кг в 1990, молока и молочных продуктов – с 314 до 340 кг, яиц – с 239 до 266 штук. Планировалось увеличить среднее потребление овощей и бахчевых культур – с 97 до 135 кг,

а также фруктов и ягод – с 38 до 70 кг на душу населения за год. Для анализа степени реализации программы рассмотрим официальные общесоюзные данные по потреблению основных продуктов питания в СССР за указанные годы.

Таблица 2 – Потребление основных продуктов питания в СССР (в среднем на члена семьи за год, в кг.) [5]

Продукты	Нормы питания ИПАМН СССР, кг	Годы			
		1975	1980	1985	1990
Мясо и мясопродукты	86	57	58	62	75
Рыба и рыбопродукты	23,7	16,8	17,6	18	20,4
Молоко и молочные продукты	404	316	314	325	387
Яйца (шт)	298	216	239	260	297
Овощи и бахчевые	145	89	97	102	89
Фрукты и ягоды	71	39	38	48	35
Картофель	97	120	109	104	106
Сахар и кондитерские изделия	40,7	40,9	44,4	42,2	47
Хлебные продукты	121	141	138	133	120

Сравнивая материалы таблиц 1 и 2, следует отметить, что установленные продовольственной программой нормы питания, за исключением потребления овощей и фруктов, были выполнены. Кроме того, отмечается тенденция роста потребления продуктов питания в расчете на душу населения в целом по Союзу. По сравнению с 1975 г. в 1980-е гг. увеличилось потребление рыбных, мясных, молочных продуктов, сахара. Резкое отставание имелось по потреблению овощей и бахчевых, фруктов и ягод. Установленная научная норма потребления составила: овощей и бахчевых – 145 кг на душу населения, фруктов и ягод – 71 кг. Несмотря на положительную динамику, норма потребления мясных и молочных продуктов не соответствовала положенной научной норме. При норме 86 кг мясной продукции на душу населения за год приходилось от 62 до 75 кг; вместо 404 кг молока и молочной продукции употреблялось за год 387 кг. Превышал норму потребления картофель – вместо положенных 97 кг употреблялось 106 кг.

Насколько была реализована программа на местах, можно судить по статистическим данным Карагандинской области. Рассмотрим потребление основных продуктов питания среди рабочих угольной промышленности нашего региона.

Таблица 3 – Потребление основных продуктов питания рабочих угольной промышленности в Карагандинской области в 1970 по 1987 гг. (в среднем на члена семьи за год, в кг) [6]

Наименование продуктов	1970 г.	1975	1983	1987
Мука и хлеба в переводе в муку	136,2	131,2	130,6	125,6
Картофель	101,3	99,5	85,4	78,6
Овощи и бахчевые	99,8	97,5	91,2	90,3
Фрукты и ягоды	25,2	22,5	22,4	27
Мясо и мясопродукты	66,5	78,3	84,4	87,4
Рыба и рыбопродукты	9,5	9,5	9,5	9,3
Молоко и молочные продукты (включая масло животных)	411,8	412	398,8	392,3
Масло растительное и другие жиры	8,6	8,8	8,8	8,2
Яйца – штук	269,1	232	232	229
Сахар	22,6	21,1	19,1	18,2

Материалы таблицы 3 свидетельствуют о тенденции постепенного снижения количества потребления ряда продуктов питания. Основная причина, которая фиксируется во всех отчетных документах – недостаточное продовольственное снабжение через государственную и кооперативную торговлю. Практически неизменным по сравнению с 1960-ми гг. осталось потребление хлебопродуктов от 10-11 кг на 1 человека в среднем за месяц. В 1987 г. снизилось душевое потребление молочных продуктов по сравнению с 1970 г. Существенная разница от установленных норм была в потреблении овощей и фруктов. При общей установленной всесоюзной норме 146 кг на одну душу за год, среди рабочих угольной промышленности Карагандинской области она не превышала 100 кг. Недостаток употребления фруктов был в 4 раза ниже установленной нормы.

К середине 1980-х гг. все «успехи развитого социализма» дали существенную «трещину». Низкая эффективность экономики, колоссально затратная гонка вооружений, огромные расходы на содержание атомного арсенала, война в Афганистане и т.д. – привели к стагнации во всех сферах общества. В стране начинается повальный товарный дефицит, из-за которого местное самоуправление практически во всех регионах было вынуждено принять меры по контролю за распределением продуктов питания в государственных магазинах – в одних городах вводятся карточки и нормы потребления на широкий ряд потребительских товаров – от спичек, табачных изделий, водки – до мыла, масла и сахара; в других – специальные удостоверения, открывающие доступ к покупке определенного набора товаров. Суть талонной системы, внедренной как вынужденная мера в СССР в 1987 г., заключалась в обеспечении населения минимально гарантированным набором товаров. Причем за товар надо было не только заплатить, но и иметь на руках талон, разрешающий покупку данного товара. Парадокс заключался в том, что людям не всегда удавалось использовать талон, так как товаров часто не было в продаже.

Нами были обнаружены архивные материалы о структуре продовольственного потребления населения Карагандинской области за 1989 и 1990 гг. (таблица 4)

Таблица 4 – Потребление продуктов питания в Карагандинской области в сопоставлении с пищевыми рационом, рекомендуемый для населения КазССР институтом питания Академии Наук СССР (на члена семьи в год) [7, л. 4]

Наименование продуктов	Пищевой рацион, рекомендуемый институтом	Фактически потреблено (кг) в Карагандинской области		Предусмотрено по талонной системе на 1 чел. в 1991 г.
		1989 г.	1990 г.	
Хлебные продукты	124,0	96,2	98,6	-
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	67,0	82,4	79,1	18,0
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	352,0	342,6	337,4	-
Яиц (штук)	224,0	199	194	120
Рыба и рыбопродукты	9,1	8,7	8,1	-
Сахар	32,0	17,6	19,4	12,0
Масло растительное	16,0	3,3	3,7	2,4
Картофель	67,0	83,5	83,7	-
Фрукты, ягоды и виноград в пересчете на свежие	65,0	31,1	35,2	-

Материалы таблицы 4 свидетельствуют о резком снижении потребления основных продуктов не только от установленных академией питания норм, но и в целом в сравнении с данными таблици 3. В частности, сократилось потребление таких важных социальных продуктов как хлеб – со 125,6 кг в 1987 г. до 96,2 кг в 1989 г.; мясной продукции с 87,4 кг в 1987 г. до 79,1 кг в 1990 г. Горожане стали недоедать молочную, рыбную, плодоовощную продукцию, сахар и т.д. Талонная система была предусмотрена только на мясо и мясную продукцию – всего 18 кг на 1 человека за год, или 1,5 кг на месяц; яйца – 120 штук (или 10 штук на одного человека в месяц); сахар – 12 кг (или 1 кг в месяц) и растительное масло 2,4 кг (или 200 грамм в месяц). Таким образом, следует отметить, что разнообразие в питании в 1980-х гг. имело резкую тенденцию к сокращению в употреблении основных продуктов питания и существенно отличалось от ситуации в 1960-1970-е гг.

Вспоминает о талонах, продуктовом дефиците жительница Караганды З. Ахметова: «В конце 1980-х гг. я работала фасовщицей в гастрономе. Дефицит был на все, прилавки пустые, мне просто нечего было расфасовывать. Любой товар, который мы получали, люди сметали за считанные минуты. Тогда были талоны на масло, сахар, чай, мясо и мясные консервы, макаронные и кондитерские изделия. Строго по талонам, часто со скандалом, люди получали табак и алкоголь. Те, кто особенно не пил, обменивался талонами на мыло и стиральный порошок. Сами по себе талоны выглядели просто – были отпечатаны на простой бумаге с серийным номером, где подписывался товар и месяц с годом. К продуктам первой необходимости доступ имели все категории населения, а вот к деликатесам – избранные. К избранным относились «нужные люди» – это могли быть начальство и их родственники, работники торговых, партийных и силовых органов, санэпидстанций, народные контролеры, которые отоваривались «из-под прилавка». Особенно влиятельные были те люди, которые по блату могли «достать» деликатесную рыбу, лучшие сорта кофе, чая, коньяков, конфет и т.д.» [8]. Участник интервьюирования И.И. Тротно (1969 г.р.): «С талонами я впервые столкнулась в 1990 г., когда после окончания училища начала работать. На работе профком выдавал нам ежемесячно талоны на продукты, на водку, на сигареты. Так как я не курила и не пила, я обменивалась с соседями на продукты, в общем выживали, как могли» [9]. Вспоминает Н.Е. Витюк: «Имея те же самые талоны не всегда можно было прийти в магазин и отовариться. Не было товаров в свободной продаже. Брали то, что было. Например, дали палку вареной колбасы, о копченой даже и речи не было» [10].

В шахтерской семье Жунусовых основными продуктами питания были рожки, яйца, все молочное. Респондент вспоминает: «Мясо в основном брали в магазине. На базаре домашнее мясо брали очень редко. Не каждый день, потому что не принято было на базарах отовариваться часто. Тем более в Караганде их было не очень много. Овощной продукции было много. Насчет фруктов: я бы не сказал, что их было много. Но, овощные магазины были полные картошкой, морковью. В 1970-е годы было можно приобрести и халву, и сладкое. Ну и конфеты, хотя они тоже были в дефиците. В 1980-е вообще во всем начался дефицит» [11].

Вспоминает Л.А. Буркина (1971 г.р.): «В годы перестройки жилось, конечно, очень тяжело. У нас была скромная семья, хотя папа был шахтером. Рацион был обычный. Утром всегда молочная каша. Молочные продуты мы употребляли постоянно, хотя приходилось выстаивать большие очереди. Мама меня посылала в магазин, чтобы купить молоко, которое тогда продавали в бутылках. На обед у нас обязательно был суп и второе какое-нибудь. В целом я очень любила сырокопченые колбасы, но мы их покупали только на праздники. Не всегда могли себе позволить

купить фрукты. К примеру, апельсины – это было только лакомство на Новый Год. Сыры тоже не покупали, так как это было дорого. Красную икру – тем более» [12]

Хотелось бы отметить, что в 1980-е гг. очереди стали массовыми, это отмечается и респондентами. В частности, Тлеухан Жунусов вспоминает: «Очереди были всегда. Но наиболее трудно с этой проблемой, то есть самые жестокие очереди появились в 1980-х гг., когда было невозможно что-то купить. Люди с утра занимали, ждали привоза продуктов. К вечеру их привозили. Все в этих очередях давились, в основном не было сосисок, колбасных изделий, мяса. Мясо тогда вообще не было в современном понимании каждодневно, были супнаборы. И люди с работы до закрытия магазинов стояли в очередях. Если кто-либо смог набрать на несколько дней, или они там вставали всей семьей, набирали по пять, по шесть человек, можно было и не каждый день стоять в очередях. В нашей семье у кого был выходной, тот и занимал очередь по возможности [11].

Респондент Куртбаева Бахыт отмечает: «Очереди были ужасные, продукты выдавали только после пяти. Масло, помню, выдавали по пол килограмма на руки, это буквально ничего для большой семьи. В общем, приходилось стоять в очереди всей семьей по 2-3 часа за пол килограмма мяса, за килограмм колбасы и т.д. Особенно тяжко с очередями было в 1990-е гг. Длинные и бесконечные очереди, нехватка продуктов – это было тяжело. Когда некому было стоять в очередях, приходили после работы, и, если доставалось что-то, было очень радостно. Магазины работали до 8 вечера, если я успевала после работы что-то взять, считалось, что этот день был удачный. Если не успевали, приходилось питаться другими продуктами, какие были дома: овощные супы или каши. Но чаще всего мы старались закупить продукты в субботу или в воскресенье» [13]. Аналогичное мнение было дано другим респондентом О. Потаповой: «Большие очереди были к 1980-м гг. Конечно, всем не нравилось стоять в очереди за курицей или за уткой после работы. Как-то я ночью 1 мая заняла очередь. Ночь простояла и в итоге мне ничего не досталось» [14].

Об острой нехватке продуктов питания свидетельствуют различные отчетные материалы, сводки и выступления. В 1984 г. в министерство торговли КазССР поступила информация о выполнении плана экономического и социального развития Карагандинской области от начальника управления торговли Л. А. Кима. В своем отчете он констатирует причины невыполнения плана розничного товарооборота: во-первых – недостаточность товарных ресурсов, во-вторых – высокие розничные цены, в-третьих – низкая покупательская способность населения из-за отсутствия заработной платы [15, л.123]. Кроме того, в отчете отмечается, что круглый год ощущался недостаток кондитерских изделий, мясопродуктов, водки, шампанского, молочных продуктов, муки высшего сорта, крупы, бобовых. В июле 1988 г. на активе в обкоме партии говорили о дефиците государственных продовольственных ресурсов, снижении поставок мяса и птицы, молокопродуктов, масла животного, овощей и картофеля, рыбы. Выступающим была названа причины этой проблемы – недостаточность развития материальной базы пищевых предприятий. В силу этого не удовлетворялся спрос на отдельные товары местного производства: хлеб ржаной на 70%, хлеб бородинский на 50%, бараночные изделия на 75%, колбасные изделия на 60%, фасованное молоко на 65%, кисломолочная продукция на 70%, пиво – на 89% и т.д. [16, л.109]

Для улучшения продовольственной ситуации принимались всевозможные меры на местах. К примеру, в целях рационального использования мясных и молочных продуктов был увеличен выпуск нежирной продукции, как кефир 1% жирности, молоко белковое, сметана 10%, колбасные изделия из нефондового сырья. Было увеличено производство мяса в подсобных хозяйствах, работающих

на пищевых отходах. В магазинах госторговли были организованы специальные отделы по торговле комиссионным мясом и мясопродуктами. Планировалось открытие 2 цехов по производству полуфабрикатов, кондитерских и кулинарных изделий [16, л.108-109]. Но эти полумеры не решали проблемы, так как не носили системный характер.

Снабжение городского населения области продовольственными и непродовольственными товарами осуществлялось через сеть магазинов. В 1975 г. в городах области функционировали 174 продовольственных магазина, из них: с универсальным ассортиментом – 54, хлебные – 30, молочные – 8, овощные – 37, прочие – 45; а также 134 непродовольственных магазина, в том числе: 17 швейных, 23 посудохозяйственных, 19 обувных, 75 прочих (всего – 308) [17, л. 289]. В 1976 г. было 177 продовольственных магазина, из них: с универсальным ассортиментом – 56, хлебные – 30, молочные – 8, овощные – 37, прочие – 46; 135 непродовольственных магазина, в их числе: 17 швейных, 23 посудохозяйственных, 19 обувных, 76 прочих (всего – 312) [17, л. 107]. В 1976 г. комиссионную торговлю автомобилей и мотоциклов с колясками осуществляли 5 магазинов: хозрастчетные магазины – №52 г. Караганды, №22 г. Темиртау, №7 г. Абай, №7/2 г. Сарани, №9 г. Шахтинска. [17, л. 108]. Согласно данным Управления торговли в 1978 г. функционировало: 181 продовольственных магазина, из них: с универсальным ассортиментом – 57, хлебные – 30, молочные – 8, овощные – 38, прочие – 48; 137 непродовольственных магазина, в том числе: 18 швейных, 22 посудохозяйственных, 19 обувных, 79 прочих (всего – 318) [17, л. 98].

Покупка продуктов питания большей частью, производилась в государственных и кооперативных магазинах. Доля покупок продуктов питания у частных лиц составила –14,4% из которых наибольший процент приходится на овощи, бахчевые – 31,2%, картофель – 30,9%, фрукты и ягоды – 30,2%, мясо – 30,2% [18, л. 18]. Средние цены государственной и кооперативной торговли на продукты питания (мясо, сало, масло и др.) отличались от рыночных цен. Например, цены на мясо, сало, масло, колбасные изделия заметно повысились в связи с тем, что, государственная торговля не удовлетворяла потребности населения, поэтому люди были вынуждены покупать их в кооперативной торговле, где продажа производилась по более высоким ценам, например, в 1987 г. средняя цена 1 кг. мяса говядины составила 3 рубля 34 коп., на рынке 4 руб. 84 коп. (разница почти 50%) [18, л. 19]. Существенные изменения произошли в 1989 г., когда цены на колхозном рынке в сентябре месяце возросли – на морковь на 50%, чеснок – на 75%, яблоки – в 3 раза, на баранину – на 11,1%, по сравнению с сентябрем предыдущего года [19, л.61]. В 1990 г. средние цены колхозного рынка выросли по сравнению с 1989 по: картофелю – на 25,5%, говядине – на 12,2%, свинине – на 11,7%, баранине – на 7,3%, сметане – на 13,1% [7, л.4].

Опрос среди респондентов показал, что в основном товары приобретали в магазинах. Вспоминает Т. Жунусов: «В основном покупали в магазинах. В колхозных рынках брали очень редко, потому что туда надо было ехать. И как-то не принято было на рынках отовариваться. Тогда базары работали не так как сейчас. Это не было распространено. Помню, был рынок в Михайловке и, по-моему, в старом городе. Больше рынков не помню. На рынках цена была выше, чем в магазинах [11]. Респондент Б. Куртбаева отмечает, что закупались «в основном в магазинах, базарами пользовались, но редко, потому что базаров было мало. В Михайловке был базар, но на базар мы не ездили. Цены и там, и там были приемлемые» [13].

К сожалению, большая часть продуктовых товаров первой необходимости постоянно поступала с перебоями, либо вообще отсутствовала. Если такие товары

поступали, то их вмиг «разбирали». К примеру, из годового отчета Областного управления торговли за 1988 г. следует, что в ходе проверки 7 магазинов Кировского пищеторга было установлено отсутствие товаров достаточного ассортимента от 3 до 7 наименований. [16, л.80]

Так, в магазине №55 на момент проверки отсутствовали в продаже шоколад двух наименований, кисели плодоягодные двух наименований, кофе-напитки 2-х наименований, булочные изделия, минеральная вода, мыло туалетное 4-х наименований, сухие молочные смеси 2-х наименований [16, л. 81]. Аналогично в магазине №41 отсутствовали в продаже консервы плодоягодные 2-х наименований, кофейные напитки 2-х наименований, крахмал, рыба 1 наименования. В большинстве проверенных магазинах нарушался график завоза хлебобулочных изделий и молока [16, л. 81]

Из-за периодического отсутствия необходимых продуктов питания людям приходилось докупать продукты на колхозных рынках по значительно высокой цене. В Караганде, Шахтинске, Абае, Темиртау, Балхаше функционировали крытые рынки. Колхозные рынки периодически заключали договора с совхозами области на привоз и продажу сельхозпродуктов на рынки. С целью повышения товарооборота на рынках проводились всевозможные ярмарки [20, л. 7]. К примеру, в 1985 г. удельный вес поступления продуктов питания с рынка ко всем купленным продуктам в среднем на семью рабочего промышленности составлял: картофеля – 16,5%, овощей, бахчевых – 12,5%, фруктов, ягод – 10,4, мяса и мясопродуктов – 19,3%, молока и молочных продуктов – 1,6 %, яиц – 8,1% [21, л.102-108]. Резко изменилась ситуация в 1989 г. из-за всеобщего дефицита. Из расходов на покупку продуктов питания, доля расхода на покупку у частных лиц, в среднем одной семьей, составила: по хлебным продуктам – 4,2%, картофеля – 41,7%, овощей и бахчевых – 45,3%, фруктов, ягод – 39,9%, мяса и мясопродуктов – 16,5%, яиц – 5,6%, молока и молочных продуктов – 5,7%, сахара и кондитерских изделий – 2,4%. [19, л. 59-62]. В 1990 г. доля колхозного рынка в покупках населением овощей и бахчевых составляет – 45,4%, фруктов и ягод – 34,2%, картофеля – 46,3%, мяса и мясопродуктов – 15,2%. [7, л.4].

Не устраивало население и качество продуктов. В 1988 г. в городе Караганде областным управлением статистики было проведено единовременное анкетное обследование «О спросе населения на хлеб, хлебобулочные и макаронные изделия». Результаты обследования показали, что из 351 опрошенных семей – 53% качество хлеба и хлебобулочных изделий не удовлетворяло; кроме качества 53, 2% семей не удовлетворял также ассортимент. На вопрос «есть ли необходимость в повышении цен на хлеб и хлебобулочные изделия?» – 93,7% семей ответили «нет» и 6,3% семей на повышение цен были согласны, при условии улучшения качества; у 49,4% семей были случаи порчи хлеба: из них по причине плохого качества хлеба у 93,7% семей, по причине излишества у 6,3% семей. 47,9% семей считали необходимым увеличить число дежурных хлебных магазинов (с хлебом). Аналогичное анкетирование было проведено по макаронным изделиям. Из числа опрошенных семей – 64,1% не удовлетворял ассортимент макаронных изделий, качество – 49,6%, расфасовка – 32,5%. Качество не удовлетворяло по причине развариваемости и низкого сорта муки. [19, л. 29.]

Хотелось бы отметить, что дефицит товаров был не только среди продовольственных товаров. В годовом отчете за 1984 г. отмечается резкое снижение реализации мебели, ковровых, хрустальных изделий [15, л. 123]. В течение 1984 г. в торговле возникали периодические сбои в поставке отдельных марок магнитофонов, телевизоров, холодильников. Из одежды – сорочки, школьные костюмы, спортивки, костюмы, обувь, пальто и т.д. На объем реализации товаров

оказывало влияние отсутствие всякого разнообразия и однотипность фасонов текстильных товаров [15, л. 123]. В 1988 г. в ходе проверок непродовольственных магазинов были выявлены такие факты как недостаточный ассортимент товаров, нарушение графиков завоза товаров первой необходимости. Так, в магазине №72 х/р дирекции «Детские товары» по состоянию на 12 июля 1988 года отсутствовали товары 9 наименований – халаты х/б, пеленки, пододеяльники детские, коляски и т.д. В магазине «Сауле» О.Д. «Одежда» в отделе хлопчатобумажные платья отсутствовали в продаже 15 наименований товаров, в том числе платья х/б (производства Горис, Ереван, Джамбул, Тбилиси, Усть-Каменогорска), юбки и платья производства Алма-Аты, и другие товары. В отделе «моющие средства – сувениры» этого же магазина отсутствовали 5 наименований товаров. [16, л.81]

В отделе «Текстильно-галантерейный» магазина «Сауле» О.Д. «Одежда» отсутствовало в продаже 31 наименование товаров. В магазине №10 в отделе Кожгалантерея Карагандинского Гормпромторга отсутствовали в продаже 9 наименовании товаров, в связи с тем, что на длительное время т.е. 1-6 июля склад был закрыт на ревизию. В магазине №10 «1000 мелочей» О.Д. «Хозтовары» отсутствовали в продаже 12 наименований товаров. [16, л. 81]

Несмотря на то, что степень удовлетворения потребностей в продукции легкой промышленности заметно повысилась, она все же оставалась низкой и к концу 1980-х гг. По-прежнему сохранялся дефицит на более дорогие и качественные ткани (шелковые и шерстяные). Вспоминает сторожил город Караганды З. Ахметова: «В конце 1980-х гг. наблюдался острый дефицит на модную, высококачественную одежду и обувь. Магазины оставались переполненными немодной и некачественной одеждой и обувью, а за импортными изделиями выстраивались огромные очереди. Низкий был ассортимент на детскую одежду и обувь. Было тяжело найти и купить детские колготки, шубу или пальто, зимнюю обувь и сандалики. Практически отсутствовали в продаже мужские меховые шапки. Их можно было приобрести только на блату или на вещевых рынках по очень высокой цене» [8]. Респондент Тротно Ирина вспоминает: «В те годы я была студенткой. Родители как могли старались мне покупать вещи по блату, ведь в магазине этого не было. К примеру, те же модные джинсы, хорошие куртки, кофты, обувь» [9].

По данным единовременного обследования цен в декабре 1990 г. на так называемом «черном рынке»: сапоги зимние девичьи (государственная цена) 95 рублей, спекулятивная – 370 рублей. Сапоги мужские зимние – 85 рублей, спекулятивная – 200 рублей, туфли нарядные – 65 рублей, спекулятивная цена – 220 рублей. [7, л. 8.]

Вспоминает Б. Куртбаева: «В те годы считалось модным носить югославские, чехословакские сапоги. Редко, когда можно было их купить в магазинах. В основном из-под прилавка по знакомству. Дефицитом считались польские и румынские мужские костюмы. Среди молодежи большую популярность имели джинсы, они стали чуть ли не эталоном моды. Если у тебя были джинсы «Montana», то ты был на пике моды. И девчонки засматривались на тебя больше, да и сам себя ты чувствовал красивее и удачливее. Однако власть считала, что джинсы –это западная и негативная культура, и поэтому их не было в продаже. Джинсы можно было купить только у фарцовщиков на рынках за очень большие деньги – 200 руб.» [13].

Система общественного питания в 1970 г. существенно расширилась. В частности, при управлении торговли города Караганды функционировали: Ленинский, Октябрьский, Кировский, Советский пищеторги, облплодовощторг, горпромторги, «Гастроном», «Одежда», «Хозтовары», универмаг, «Продтовары», а также два треста столовых [22, л.27]. В ведении Темиртауского управления торговли находились: Первый трест столовых, спецтрест столовых, первый и

второй пищеторг и горпромторг [22, л. 28]. В городе Балхаше – трест столовых, горпромторг и горпищторг [22, л. 28]. В городе Абай был создан только горторг, тогда как в Шахтинске функционировали – горторг и трест столовых [22, л.28об]. В городе Джезказган – горпищторг, горпромторг и трест столовых [22, л.29]. В 1979 г. система общепита города Караганды состояла из 312 объектов. Среди них столовые (132), рестораны (5), кафе (15), закусочные (12), буфеты (143), 1 пивной бар [23, л.194]. Любили горожане посещать и кафе.

В 1981 г. Карагандинским трестом столовых и ресторанов была проведена работа по улучшению организации обслуживания в предприятиях общественного питания, повышению качества выпускаемой продукции, внедрение прогрессивных форм обслуживания, диетического питания. В тресте была проведена работа на перевод всех предприятий на комплексное снабжение полуфабрикатами, которых ежедневно завозили с мясокомбината, рыбзаводва и плодовощторга. [24, л.5]

Популярным считалось проведение при столовых и ресторанов выставок на разную тематику с красочным оформлением и подбором праздничных костюмов. Для популяризации блюд национальной кухни проводились декады и дни национальной кухни. В дни проведения декад интерьеры залов оформлялись в национальном стиле. Специально выпускали бюллетень «Особенности национальной кухни», где составляли специальное меню с национальными блюдами [24, л.5]. Наряду с этим в ресторанах и кафе проводились дискотеки, тематические вечера, а также принимались заказы на проведение торжеств и свадеб. Практиковалось обслуживание различных торжеств на дому, для чего выезжала бригада по обслуживанию с заказными блюдами, скатертями, посудой для сервировки праздничного стола. В ресторанах и кафе проводились вечера «Проводы зимы», «Встреча весны», «Весенний бал» и т.д. [25, л.2].

В 1983 г. ресторан «Казахстан» принимал иностранных туристов, приехавших из ЧССР, ГДР, Канады, Польши, Румынии и ФРГ. С этой целью был подготовлен специальный персонал и повара 6 разряда. Зал ресторана был оформлен в национальном стиле. Весь витраж зала был оформлен огромным панно из цветного объемного стекла с тематикой Казахстана, полы застланы ковровыми дорожками. В зале для туристов была установлена барная стойка, снабженная зеркальной витриной, светомузыкой и цветными телевизорами. Туристам из меню было предложено: чай по-казахски, баурсаки, кофе по-турецки, горячий шоколад, прохладительные напитки, соки в ассортименте, казахские национальные деликатесы из конины (казы, шужук) и т.д. [25, л.8].

Начиная со второй половины 1980-х гг. все больше встречаешь в отчетной документации информацию о некачественной работе треста столовых и ресторанов. Проблемы те же – общий продовольственный недостаток. В частности, из отчета начальника отдела Областного управления торговли Кима Л.А. следует, что «сеть общественного пиания за последнее время дает сбой», «периодический недопостовляются продукты», «нет разнообразия блюд» и т.д. В частности, в столовой №58 второго треста столовых и ресторанов проверкой было установлено отсутствие 10 наименований блюд указанных в меню. Проверкой кафе «Ласточка» было установлено отсутствие 5 наименований блюд, числящихся по меню, в т.ч. кофе натуральный на молоке, чай с молоком, салат из рыбы и др. блюда. Несоответствие фактически приготовленных блюд с меню установлено в кафе «Восток» и «Ботагоз». В кафе «Восток» в обеденное время отсутствовали 6 наименований блюд и напитков (лапша по-восточному с курицей, салат из свежей капусты, чай без сахара, кофе черный растворимый), в кафе «Ботагоз» не было 10 наименований блюд, указанных в меню, в т.ч. цыплята табака, казакша-чай, чай с

сахаром, кофе черный, куш-тили, балкаймак, бауырсаки и др. Салат из огурцов и помидоров был приготовлен из некачественных овощей. [16, л.82.]

Статистическими органами в анализе за 1986 г. был обозначен основной круг наболевших проблем и прописаны способы их ликвидации. Для решения этой проблемы было разработано 400 рекомендаций промышленным предприятиям по улучшению качества ассортимента товаров, из них 59 на замену и 79 на снятие с производства [7, л.108]. Для повышения благосостояния рабочих промышленности Карагандинской области рекомендовалось увеличить производство продуктов питания, таких как мясо и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых, фруктов. По непродовольственным товарам – выпускать больше товаров повышенного спроса, хорошего качества. По жилищно-бытовым вопросам: улучшить качество жилищного строительства; предусмотреть в каждом микрорайоне компактный торгово-бытовой центр; дать возможность хозяйке пользоваться бытовыми услугами учитывая при этом не только качество, но и цены услуг, этим освобождая ее от домашнего труда, так как время на ведение домашнего хозяйства в суточном фонде времени семей рабочих промышленности у женщин в рабочий день составляет 13,4%, в выходной день 29,7% [7, л.109].

В августе 1989 г. Карагандинским областным управлением статистики на основании анкетного единовременного выборочного обследования был проведен опрос мнения среди населения о ходе перестройки социально-культурной сферы. Результат оказался следующим: 56,9 % опрошенных высказались за неудовлетворительную работу предприятий торговли, общественного питания – 26,1%. На вопрос «Что на Ваш взгляд требует улучшения в первую очередь?» были названы все сферы обслуживания, но небольшой процент людей высказали мнению о необходимости улучшения, в первую очередь, снабжения продовольственными товарами – 96,9% опрошенных, промышленными товаров – 77,2% [19, л.13.]

Из всей массы проблем самые острые проблемы, которые волновали больше всего и вызывали беспокойство, и неудовлетворенность обследуемые назвали – обеспечение продуктами питания и рост цен на товары и услуги, а затем были названы жилищные условия, загрязнение окружающей среды, недостаток промышленных товаров и их качество, нарушение социальной несправедливости, состояние морали и нравственности в обществе, социальная напряженность в обществе. На вопрос «Ожидаете ли вы в ближайшие 2-3 года улучшение положения с ассортиментом, качеством товаров и услуг, бытовым и медицинским обслуживанием?» респонденты ответили: «да, заметного» – 3,3%, «да, некоторого» – 32,6%, «нет» – 33,5%, «затрудняюсь ответить» – 28,6%. [19, л.14]

Несмотря на имеющуюся сеть общественного питания в повседневной жизни люди предпочитали домашнее питание. Популярным было готовить заготовки на зиму: соленные огурцы и помидоры, квашенная капуста, различные зимние салаты, варенья, компоты и т.д. Вспоминает респондент З. Ахметова: «Осенью мы солили капусту в деревянной бочке. Варили много варенья – по 30-40 литров из разных ягод (вишня, ранетки, смородина, малина). Любили сушить ягоду и зимой из нее варить компот. Обычным делом была и засолка огурцов, помидоров. Хоть они и были в продаже, но многие предпочитали домашние, так как было вкуснее и выгодней» [8].

Таким образом, проблемы потребления, развития торговли и общественного питания в 1970-1980-е гг. имели большие проблемы. Если в 1960-е – 1970- е гг. источники констатируют положительную картину, то начиная с 1980-х – отрицательную. Причем эта тенденция отражается не только в официальной информации, но и в воспоминаниях самих людей. Психологическое состояние общества, ментальность советских людей отражают мнение В. Карпова, который

в журнале «Огонек» за 1988 г. охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Два мира уживались в нашем сознании. Мир повседневных реальностей давал практические ориентиры, мир показного благополучия – надежду на улучшения, на более достойную жизнь в будущем. Сочетанием двух миров усугублялось двоемыслие» [26, с.15.]. Дефицит продуктов и непродовольственных товаров, бесконечные очереди, блат, отсутствие заработной платы и прочие негативные тенденции существенно оказывали влияние не только на структуру потребления, но и загоняли людей в психологический тупик.

---

1. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985 / Под редакцией Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 376 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 560 с.
3. Продовольственная программа: проблемы разработки и реализации / Отв. ред. В.А. Тихонов. – М. : Наука, 1983. – 340 с.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 14. Апр. 1981 г. – дек. 1982 г. – М: Политиздат, 1983. – 720 с.
5. Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. – М. : Финансы и статистика, 1981. – 583 с. – С. 405; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 377 с. – С. 264; http://sci-article.ru/stat.php?i=1488144433
6. Подсчитано по: ГАКО.Ф. 596. Оп 7. Д. 1034. Л. 40; Ф. 596. Оп 7. Д. 1915. Л. 21-22; Ф. 596. О. 7. Д. 3645. Л. 61; Ф. 596. Оп 7. Д. 3628. Л. 18
7. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3690
8. Аудиозапись биографической беседы с Ахметовой З. (1941 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
9. Аудиозапись биографической беседы с Тротно И.И. (1969 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
10. Аудиозапись биографической беседы с Витюк Н.Н. (1946 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
11. Аудиозапись биографической беседы с Жунусовым Т.Е. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
12. Аудиозапись биографической беседы с Буркиной Л.А. (1971 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
13. Аудиозапись биографической беседы с Куртбаевой Б.Ш. (1955 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
14. Аудиозапись биографической беседы с Потаповой Н.А. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
15. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 2078
16. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 2280
17. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 1734
18. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3628
19. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3645
20. ГАКО.Ф. 555. Оп.1. Д. 1721
21. ГАКО.Ф. 596. Оп.7. Д. 3608
22. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 1945
23.ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 35
24. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 436
25. ГАКО.Ф. 613. Оп.1. Д. 461
26. Огонек. – 1988. – № 31. – С. 14-15

ЧАСТЬ III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 7. ОБРАЗОВАНИЕ

7.1. Особенности развития системы образования в 1946-1953 гг.

Значительное влияние на повседневную жизнь Центрального Казахстана оказывали такие социокультурные характеристики, например, как уровень образования горожан; он определял их дальнейшую занятость, доход, влиял на формирование мировоззренческих установок, ментальность. После окончания Великой Отечественной войны государство стало уделять особое внимание системе среднего и высшего образования. Основные мероприятия были направлены на увеличение количества начальных и средних школ, открытие вечерних школ, фабрично-заводского обучения, профессионально-технических училищ, высших учебных заведений. В связи с этим от местных властей требовалось скорейшее решение ряда насущных проблем: отсутствие специализированных для школ помещений, учебных принадлежностей, учебно-методической литературы, и, конечно же, педагогических кадров.

В 1946-1953 гг. интенсивное развитие получило школьное образование. Согласно статистическому сборнику Народное хозяйство Казахской ССР в 1945-1946 гг. в городах Центрального Казахстана функционировало 94 школы с охватом 30698 учеников. Из них 44 были начальные школы, 21 – семилетние и 29 средние школы [1, с.302-303]. В 1950-1951 гг. по данным Центрального статистического управления Карагандинской области количество городских школ увеличилось до 131, где обучалось 62948 учеников, из них количество казахских школ составило 16, смешанных – 26 [2, л.3]. В 1951-1952 учебном году общее количество городских школ, включая начальные, семилетние, средние составило 138, где обучалось 63485 детей, из них 17 – казахские школы, 28 – смешанные [3, л.5]. В 1952-1953 учебном году количество школ увеличилось до 173, из них 24 – казахские и 25 – смешанные; количество учеников – 123920 [4, л.8].

В разрезе городов ситуация выглядела следующим образом. Согласно годовому отчету отдела образования в г. Балхаше, включая рабочие поселки, насчитывалось 26 школ. За период с 1947-1952 гг. число детей школьного возраста возросло с 3270 до 7200 человек. Из них только 60% обучалось в специальных школьных зданиях. Остальным детям приходилось учиться в три смены в зданиях барачного типа, которые не соответствовали предъявляемым требованиям [5, л.14]. В школах, где занятия проходили в две смены уроки начинались с 8 ч. утра и с 14.00 ч. В школах с тремя сменами с 8.00 ч., с 11.30 ч. и 15.00 ч. соответственно [6, л. 13а.]. В 1952 г. в г. Темиртау действовало 10 школ с общей вместимостью 3280 учеников в одну смену, из них только 4 школы на 950 мест были расположены в приспособленных помещениях [5, л.21].

Аналогичная ситуация была характерна и для школ г. Караганды. Из письма председателя облплана Г. Мешкова секретарю обкома КП(б)К Бейсеновой следовало, что значительная часть школ и прочих детских учреждений были размещены в непригодных для работы помещениях. Большое количество школ работало в 3 смены. Количество детей в одном классе колебалось от 30 до 40 человек [5, л.47]. В связи с этим требовалось немедленное строительство новых школ. Эта задача была возложена на промышленные тресты «Карагандауголь», «Карагандинская ЦЭС», «Казметаллургстрой» и т.д. [5, л.47]. В 1953 г. общее количество школ в г. Караганде составило 108, в г. Балхаше – 29, в г. Темиртау – 13 [7, л.30].

В городах Центрального Казахстана помимо русских школ функционировали и казахские школы, количество которых было сравнительно малочисленно. Согласно отчетной справки Карагандинского отдела образования в 1951-1952 учебном году в области насчитывалось 17 казахских школ, из них 12 школ работало в две смены и 5 школ в три смены. В 1951 г. в казахской средней школе № 7 им. Джамбула г. Караганды насчитывалось 34 класса, где обучалось 1200 детей; в казахской средней школе №2 г. Караганды – 23 класса с 695 учениками, в СШ №26 г. Караганды – 28 классов с общим количеством 951 учеников. В г. Балхаше в СШ №2 было 24 класса, количество учеников составило 809, в СШ №1 г. Каркаралинска обучалось 915 учеников [8, л. 109]. Казахские школы испытывали острый дефицит в педагогических кадрах. В частности, в некоторых школах отсутствовали учителя по физике и математике, биологии и химии, казахскому языку и литературе, русскому языку и литературе. Количество учебных пособий и школьной художественной литературы на казахском языке было в ограниченном количестве. В ряде школ отсутствовали учебники по русской литературе, немецкому языку, географии, чтению. Например, в библиотеке СШ № 26 г. Караганды имелось всего 800 книг, в том числе 400 книг 1936-1939 годов издания, написанные на латинице, которые по указанию Министерства просвещения Казахской ССР были изъяты [9, л. 54]. Во всех школах остро ощущался недостаток тетрадей, учащимся приходилось писать на газетах, старых книгах или на клочках бумаги [6, л.269].

В городских казахских школах обучались дети не только с городской местности, но и с отдаленных сельских населенных пунктов. В связи с этим при школах г. Караганды за счет местных бюджетных средств были открыты 3 пансионата и 8 интернатов. Это способствовало увеличению количества обучающихся в казахских школах, так как ранее многие не могли себе позволить учиться в городе из-за отсутствия жилья. Если в 1950-1951 гг. в 8-10 классах обучалось 795 учеников, из них 149 девушек-казашек или 19%, то в 1951-1952 учебном году количество учеников возросло до 1342 учеников, где количество девушек-казашек составило 401, или 30% [8, л.179].

Во всех городских школах были организованы кружки. В частности, в школах №№1, 6, 7, 8, 25 г. Караганды, в СШ № 1, 7 г. Балхаша, СШ №7 г. Темиртау функционировали литературные кружки, где учащиеся организовывали литературные встречи, диспуты, круглые столы и т.д. В физических и математических кружках учащиеся ремонтировали и изготовляли различные приборы. В СШ №1 г. Караганды на базе кружка было открыто «Общество физиков», которое состояло из 4 секций: радио, кино, фото и моделирование. Каждая секция проводила практическую работу. Например, секция радио – устанавливала в школах линию, по которой можно было транслировать радиопередачи. В исторических кружках ученики глубже изучали историю страны, своего края. В химико-биологических кружках ученики проводили лабораторные работы по получению химических растворов дистиллированной воды, аммиака, выращиванию кристаллов и т.д. Кружки «Юннатов» занимались вегетативной гибридизацией, подготовкой почвы, выращиванием семян, цветов, а также разведением рыб, птиц и т.д. [8, л.180].

Согласно Постановлению СНК СССР от 15 июля 1943 г. «Об обучении подростков, работающих на предприятиях» для молодежи, которая в годы Великой Отечественной войны не смогла получить образование, были открыты вечерние школы [10]. В Караганде первая школа рабочей молодежи была открыта в октябре 1945 г. В середине 1945-1946 гг. в 6 школах рабочей молодежи обучалось 426 чел., в 1946-1947 гг. функционировало 12 вечерних школ с общим количеством обучающихся 1102 человек [11, с.124]. Вечерние школы размещались вблизи промышленных предприятий, так как многие учились без отрыва от производства.

В начале 1950-х гг. средняя укомплектованность в классах городских вечерних школ составила: в г. Караганде – 21,3 учеников, в г. Балхаше – 15,5, в г. Темиртау – 16,8. Из-за отсутствия помещений занятия в вечерних школах проходили в школах всеобуча в четвертую смену с 19.00 ч. или 21.00 ч. В вечерних школах недоставало мебели, учебных наглядностей, пособий по «Ботанике», «Зоологии», «Литературе» и т.д. [9, л.67]. Из-за слабой укомплектованности педагогическими кадрами в вечерних школах не хватало учителей по литературе, биологии, химии, математике [9, л.195]. Поэтому учителям начальных и средних школ всеобуча приходилось дополнительно работать в вечерних школах.

Большой вклад в развитие школьного образования в городах Центрального Казахстана внесли дипломированные педагоги. В школах г. Темиртау преподавали такие учителя как В.А. Макарова, В.И. Штоль, В.Т. Цой, Н.Н. Решетникова и т.д. [12, с. 154]. О некоторых из них вспоминает Н.И. Киселева «Как сейчас вижу нашего учителя по физике Феликса Феликсовича Шмидта, его супругу Татьяну Федоровну – учителя по истории, Нину Николаевну Решетникову – учителя литературы, ее мужа учителя математики Ким Данила Борисовича. Обо всем нас расспрашивали, что-то советовали. Преподаватель географии Владимиром Трофимовичем Цой требовал не только знать предмет, но и его интересовали склонности каждого ученика, помогал обрести свою дорогу». Известными педагогами г. Караганды были – Г.Ф. Гофман, К. Комкенов, Г.Н. Алелекова, Л.Ф. Потапенко, М.П. Маликова, А.Я. Плотникова, И.С. Бубнова, Н.А. Спасская, Т. Нуралиева, А.А. Кобзева, В.А. Сейпульник, А.П. Орлеанская, Р. Хасенова, З. Дакибаева, Т. Тлеубекова и т.д. [13, с.114].

С военных лет широкое распространение получила сеть фабрично-заводского обучения, которая готовила рабочих массовых профессий средней квалификации для металлургической, угольной промышленности и строительства. В 1941-1949 гг. ремесленные училища и школы ФЗО области подготовили и выпустили 21389 квалифицированных рабочих и рабочих массовых профессий по десяткам специальностей, что составило более 20% всех выпускников учебных заведений трудовых ресурсов республики [14, с.58].

В связи с дефицитом квалифицированных специалистов в регионе были открыты средне-специальные и высшие учебные заведения. Самым первым средне-специальным учебным заведением в регионе по подготовке педагогических кадров был Каркаралинский педагогический техникум, реорганизованный в 1937 г. в Каркаралинское педагогическое училище им. Абая. В 1952 г. училище было объединено с Карагандинским педагогическим училищем [14, с.59]. Карагандинский горный техникум, основанный в 1931 г., готовил мастеров угольного производства по четырем специальностям: подземная разработка угольных месторождений, открытая разработка угольных месторождений, геология и разведка угольных месторождений и горная электромеханика [11, с.127]. В годы Великой Отечественной войны в Караганду были эвакуированы Московский и Днепропетровский горные институты [15, л. 179]. Это сыграло значимую роль в организации учебного процесса, подготовке специалистов, а также повышении учебно-методической и научной работы в техникуме.

В г. Балхаше функционировал Балхашский химико-металлургический техникум, образованный на базе эвакуированного в 1942 г. Кольчугинского техникума по переработке цветных металлов [14, с.160]. Выпускники данного техникума составляли среднее звено кадров промышленных предприятий Балхаша. Подготовка медицинских кадров среднего звена проходила на базе Карагандинского медицинского училища, созданного в 1935 г. на основе акушерско-фельдшерской школы. В 1953 г. были открыты Темиртауское медицинское училище и Балхашское

медицинское училище [11, с.127]. Открытие медицинских учебных заведений в регионе способствовало увеличению числа квалифицированных специалистов. В 1951 г. в Карагандинском медицинском училище на первый курс было зачислено 125 человек, из них 5 казахов. Тогда как в 1953-1954 гг. общее количество студентов насчитывалось 397 человек, из них 28 казахов [16, л.39].

Одной из главной особенностью развития средне-специальных учебных заведений Центрального Казахстана было то, что здесь в послевоенные годы работали «остепененные» преподаватели. В частности, в 1947 г. в Карагандинском горном техникуме из 31 преподавателя 6 были кандидатами наук, доцентами. В 1953 г. в Карагандинском медицинском училище работали 4 кандидата наук, доцента [15, с.180]. Наличие в педагогических кадрах остепененных преподавателей в системе средне-специального образования свидетельствовало о высоком учебно-методическом уровне и качестве преподавания. Таким образом, техникумы и училища сыграли большую роль в подготовке специалистов среднего звена различных отраслей промышленности, народного образования и здравоохранения.

Большие преобразования в культурной жизни городского населения были связаны с развитием системы высшего образования. Карагандинский учительский институт, образованный в 1938 г., обеспечивал педагогическими кадрами многие учебные заведения среднего звена. Вел подготовку по следующим направлениям: казахский язык и литература, русский язык и литература, история, физика и математика. Высокий профессиональный уровень института объяснялся наличием в его составе ведущих докторов и профессоров, эвакуированных из Москвы, Ленинграда в Караганду. В частности, на кафедре языка и литературы работал доктор филологических наук, профессор П.С. Богуславский, на кафедре истории – кандидат исторических наук, доцент В.А. Романовский, на кафедре основ марксизма-ленинизма – доцент А.А. Рубашевский, на кафедре педагогики – кандидаты педагогических наук, доценты А. Клепикова, И. Рах и др. [15, с.179].

16 ноября 1947 г. Советское правительство приняло постановление «О мерах дальнейшего развития высшего образования в Казахской ССР». Согласно которому были намечены такие мероприятия как открытие новых вузов и факультетов, увеличение численности студентов, направление казахской молодежи для обучения в Москву, Ленинград и другие города [17, с.71]. В 1950 г. в Караганде на базе передислоцированного Казанского стоматологического института был открыт Карагандинский медицинский институт с шестилетним сроком обучения. Это решение было принято в соответствии с распоряжением Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина. Согласно которому было приказано перевести в установленном порядке из ликвидируемого Казанского стоматологического института в Карагандинский медицинский институт профессоров, преподавателей и студентов, окончивших первый курс. Среди профессоров Казанского института в Караганду приехали работать: А.И. Лаббок, Г.Я. Хволес, В.И. Якубовская, А.А. Зорина, А.И. Узбеков, доценты В.А. и В.С. Лавровы, М.М. Лоньшакова, Г.Г. Шамсеева, А.Л. Карпова и др. [15, с.180]. Кроме того, замечательная когорта пионеров здравоохранения Центрального Казахстана была представлена в лице П.М. Поспелова, который был первым ректором института, М.К. Макажанова, Ф.А. Курганской, А.В. Тимофеевича, Л.Б. Богацкой, Г.В. Галиакбаровой и др. [11, с.127].

В 1952 г. Карагандинский учительский институт был преобразован в педагогический институт. 19 июня 1953 г. был открыт Карагандинский горный институт. В выступлении по поводу открытия вуза первый ректор института Д.К. Нурмухамедов отмечал: «Караганда является третьей всесоюзной угольной кочегаркой. Шахты бассейна оснащены передовой отечественной техникой.

Непрерывно совершенствуются методы разработки угольных месторождений. Огромные перспективы развития бассейна на ближайшие годы требуют подготовки квалифицированных кадров – командиров угольного фронта. Этой кузницей инженерных кадров должен стать Карагандинский горный институт» [18].

Таким образом, развитие высшего и средне-специального образования в послевоенные годы было связано с основной линией государственной политики по восстановлению и развитию народного хозяйства. Чтоб реализовать основные задачи государства требовались квалифицированные специалисты. Это стало основной причиной расширения системы среднего, средне-специального и высшего образования в городах Центрального Казахстана. Первоначально создавались педагогические техникумы и институты, так как нужно было в первую очередь готовить учительские кадры для средних школ.

Несмотря на все существующие трудности, народное образование в городах Центрального Казахстана добилось существенных успехов: высокий уровень грамотности, увеличение количества казахских, русских и смешанных школ, средне-специальных и высших учебных заведений. Несмотря на то, что был дефицит педагогических кадров, учебных помещений, учебных принадлежностей, оборудования и т.д. молодое поколение тянулось к знаниям, стремилось получить образование и специальность.

---

1. Народное хозяйство КазССР. Статистический сборник. – Алма–Ата: Казгосиздат, 1957. –381 с.
2. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 94
3. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 96
4. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 98
5. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 163
6. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 169
7. ГАКО.Ф. 18. Оп.1. Д. 1927
8. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 182
9. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 170
10. Социалистическая Караганда. – 1946. – 6 февраля.
11. Караганда. Серия: История городов Казахстана/ под. ред. Елагина А.С. – Алма–Ата: Наука, 1989. – 192 с.
12. Оразбаев Х.О. История города Темиртау: дис…канд. ист. наук. – Алма–Ата, 1968. – 202 с.
13. Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-годы XX в.). – Алматы: Өркениет, 2000. – 144 с.
14. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра. 2008. – 528 с.
15. Капышев А.К. О роли высланных ученых и эвакуированных вузов СССР в формировании системы высшего образования в Центральном Казахстана в 40-60-е гг. XX в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции / под ред. Р.М. Жумашева, А.П. Толочко. – Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2007. – С. 179-181.
16. ГАКО.Ф. 30. Оп.2. Д. 51
17. Жумашев Р.М. Очерки истории культуры Казахстана (1917–1991 гг.). Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 148 с.
18. Социалистическая Караганда. – 1953. – 16 августа.

7.2. Образование в советской городской повседневности в 1954-1960-е гг.

Образовательный процесс в 1954-1960-е гг. осуществлялся через дошкольные учреждения, систему начальных, средних и семилетних школ, а также средне-специальные и высшие учебные заведения. Для введения в систему образования позволим себе краткий обзор реформ советского образования на данном этапе. За период с 1957 по 1959 гг. несколько раз была изменена программа школьного обучения. В 1957 г. Президиум Верховного Совета КазССР принял указ «О всеобщем семилетнем обязательном обучении детей в Казахской ССР». Согласно изданному закону все дети в возрасте 15-16 лет обязательно должны иметь образование в объеме семи классов школы. Все юноши и девушки в возрасте 15-20 лет, не имевшие семилетнего образования, обязаны были учиться в школах сельской и рабочей молодежи или заочно. В 1959 г. семилетние школы были реорганизованы в восьмилетние. Законом Верховного Совета республики «Об укреплении связи школ с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Казахской ССР», принятом в 1959 г. вводилось всеобщее обязательное бесплатное восьмилетнее образование для детей в возрасте от семи до 15-16 лет и переход на 8-летний всеобуч завершился к 1963 г. [1, с.335] В 1964 г. вводилось обязательное среднее десятилетнее обучение, разрабатывались новые учебные программы и планы.

В 1955-1960 гг. происходит рост школьной сети и детсадов. Согласно статистическим данным в Карагандинской области в 1955 г. функционировало 592 школ с охватом 110 тыс. учеников. В 1960 г. количество школ увеличилось до 618, где обучалось 172 тыс. учеников. Большая часть школ в области (70%), была размещена в приспособленных старых помещениях [2, л.63]. Важным шагом в развитии системы школьного обучения сыграла четкая организация учета детей школьного возраста. Учителя до начала учебного года совершали подворную перепись детей в возрасте от 6 до 16-17 лет, запись детей в школу определялась, как правило, по территориальному принципу.

Школьная жизнь для ребенка начиналась с торжественного празднования «Дня знаний», линейки, которая ознаменовала переход к «взрослой и самостоятельной» жизни и подчинение принятым в школе строгим правилам поведения. Вспоминая чувства, вызванные этим событием, информанты указывали на трепет, волнение с одной стороны и ожидание с другой.

«1 сентября – это всегда был торжественный день и праздник, для всех учащихся и родителей. На линейку обязательно надевали праздничную, нарядную форму. Всегда носили школьную форму, пиджак, брюки и белую рубашку. Ученики шли в школу с небольшим букетом цветов (астры, гладиолусы). На школьном стадионе было много учеников и их родителей, кругом цветы. День знаний начинался с торжественной общешкольной линейки, которую открывал директор школы. Он поздравлял всех с началом учебного года, давал строгие напутственные слова, связанные с успехом в учебе, с новыми достижениями и знаниями. объяснял, что мы должны хорошо учиться, быть патриотами своей Родины. Потом выступал завуч, старшая пионервожатая и еще какие-то люди. Ученики пели гимн страны, первоклассники рассказывали стихи. После торжественной линейки все строились парами, и шли в свои классы, где обязательно проводили классный час, посвященный «Дню знаний» [3]. Так, 1 сентября становилось своего рода ритуальным событием. Дети шли в школу в праздничной одежде, с букетом цветов, в сопровождении родителей. Линейка проходила, как правило, в школьном дворе, где мелом были расчерчены квадраты, на которых должен был располагаться тот или иной класс. После линейки ребенок шел в класс, в который его определили.

Архитектура и интерьер советских школ соответствовали стандартному образцу. С конца 1950-х гг. в связи с увеличением объемов финансирования происходило материальное переоснащение школ. Например, в конце 1950-х-начале 1960-х гг. старые довоенные наклонные парты с откидными крышками были заменены новыми [4]. Из воспоминаний: «Школа мне показалась огромным дворцом: большая, светлая, просторная: актовый и спортзал, столовая, школьная библиотека, кабинет домоводства, слесарные и швейные мастерские, огромная раздевалка, пионерская комната, кабинет иностранного языка» [5].

«Отдельное помещение в школе занимала столовая. Обязательным на большой перемене было посещение столовой. Для каждого класса устанавливалось особое расписание посещения столовой. На неделю мы сдавали 1 руб.20 коп. следовательно – на день хватало 20 коп. Еда была вкусная: коржики, колечки с орешками, глазированные сырки, а вкуснее всего – мармелад яблочный в маленьких ванночках, такого уже давно нет. В столовой на 24 коп. можно было купить и первое и второе и третье блюдо. Детям-сиротам выдавали талоны, по которым они бесплатно питались. В целом, питание в школе было разнообразным, и стоило символически, то есть очень дешево» [6].

Н.Т. Завотпаева о школьных годах: «Из воспоминаний первого класса: помню стены белого цвета, покрытые известкой; полы, покрашенные коричневой половой краской; деревянные парты, покрашенные голубой краской. Парты были простыми. Наверху была крышка, а под ней были потайные шкафчики. На лицевой стороне парт, вешали портфели. На каждой парте стояла чернильница, в которую мы макали перо. Чаще всего моя тетрадь была в кляксах из чернил. В третьем классе (1969-1970 гг.) к нашей великой радости у нас появились ручки со стержнем. Мы с ужасом вспоминали ручки с железными перьями. Помню, на стене была полка, которая называлась «Ленинский уголок». Там лежала тетрадка, в которой один из лучших учеников удостаивался сделать домашнее задание. Эта тетрадь выдавалась на дом самому лучшему ученику на один день. В этой тетради он должен был безупречно выполнить домашнее задание. Это вызывало чувство гордости. Еще одним достоянием, также вызывавшим чувство гордости, являлась печать с красной звездой, которая ставилась при проверке домашних заданий. Также в каждом классе было достаточно много цветов и растений. Каждый день за ними ухаживали дежурные по классу». [7]

Существовали специальные инструкции о санитарных правилах по устройству и содержанию общеобразовательных школ. Такие инструкции подробно оговаривали каждую деталь устройства школы. Например, для лучшего освещения необходимо было «протирать ежедневно влажным способом стекла окон с внутренней стороны и тщательно мыть их снаружи не менее трех раз в год и изнутри не менее одного раза в месяц». В примечании указано, что «к мытью окон безотносительно этажности здания, воспрещается привлекать учащихся даже старших классов». В действительности же это предписание нарушалось, и школьникам предписывалось самим следить за чистотой. Кроме того, подобные инструкции содержали рекомендации относительно цвета, в который должны были быть выкрашены стены, как должны располагаться шторы на окне, деревья близ здания школы, плакаты и стенгазеты в классе. Мощность ламп в местах временного пребывания школьников должна была отличаться от тех, что необходимо было иметь в учебных помещениях и т.д. В санитарных нормах говорилось о том, что каждая школа должна иметь школьный участок, предназначенный, в том числе и для игры детей на переменах. Однако на практике покидать здание школы ученикам на перемене запрещалось, вследствие чего отдых учеников на переменах

проходил в школьных коридорах. «На переменах у нас никто никогда не скучал, было весело. С 1-го по 3-й класс во время перемены все девочки выходили на улицу и играли в скакалки, классики. Мальчишки играли в такие игры как догонялки, уголки, казаки – разбойники, а также бежали в спортзал поиграть в пионербол. На школьных переменках прыгали через резинку в высоту. Начинали с щиколотки и доходили до талии» [8]. Поддержанием порядка в школе занимались дежурные из числа учеников средних и старших классов. Их отличительным знаком была красная повязка на правой руке. «Дежурные классы дежурили по неделе, они приходили в школу за час до занятий. Классный руководитель в строгом порядке устанавливал график дежурства в школе в определенном месте. Два дежурных ученика стояли у входной двери и следили за сменной обувью». [9]

Одним из аспектов стандартизации школьной жизни была школьная форма. Довоенная форма, впервые введенная в 1943 г., была скопирована с дореволюционных образцов. Старожилы Караганды вспоминают: «В то время было обязательным ношение школьной формы. Мальчики носили синие костюмчики с алюминиевыми пуговицами, карманами на груди и шевроном на рукаве. Девочки носили коричневое платье, черный фартук, черные или коричневые банты, белые воротники и манжеты. В торжественные дни носили белые фартуки и белые банты. И заметьте, его носили круглогодично: осенью, зимой и весной. В этой одежде было холодно зимой и жарко весной. Для того чтобы как-то скрасить унылый вид школьных платьев, мамы пришивали черное кружево к стандартным повседневным фартучкам, строчили атласные и батистовые белые фартуки. Самые смелые и изобретательные мамы создавали чудеснейшие модели из кружевного полотна. В обязательном порядке была сменная обувь» [10].

Рассмотрим количество школ в Карагандинской области во второй половине 1950-х гг.

Таблица 1 – Количество школ в Карагандинской области на 1 сентября 1959 г. [11, л.48]

Учебный год	Количество школ по типам по состоянию на 1 сентября 1959 г.						
	средних	в т.ч. казахских	Семи-летних	в т.ч. казахских	начальных	в т.ч. казахских	всего
1957-1958	101	23	212	81	299	158	612
1958-1959	113	10	209	68	308	160	630

Из данной таблицы видно, что в 1957/1958 уч. г. количество казахских школ в области составило: средних – 23%, семилетних – 38%, начальных – 53%. В 1958/1959 уч. г. количество казахских школ составило: средних– 9%, семилетних – 33%, начальных – 52%. В целом за 1958/1959 уч. г. за счет реорганизации происходит увеличение сети средних школ на 12. Также в эти годы происходит уменьшение казахских школ на 13, в т.ч., средних. В данный период идет процесс постепенного закрытия национальных школ в республике.

С 1 сентября 1959 г. в области работало 3 школы-интерната, а с 1-го января стала функционировать четвертая школа-интернат в г. Темиртау в составе 1-4 классов с контингентом учащихся 115 человек. В 1958/1959 уч. г. количество школ, включая начальные, семилетние, средние, составило 630. Общее количество школ в г. Караганде – 81, в г. Балхаше – 33, в г. Темиртау – 15, в г. Джезказгане – 22.

Таблица 2 – Данные по народному образованию по Карагандинской области в разрезе городов [12, л.3]

Города и районы	1952/ 1953 уч. год	1953/ 1954 уч. год	1954/ 1955 уч. год	1955/ 1956 уч. год	1956/ 1957 уч. год	1957/ 1958 уч. год	1958/ 1959 уч. год
Всего по области	565	561	576	592	607	618	630
г.Караганда	102	103	103	74	81	81	81
г. Балхаш	31	32	32	29	31	33	33
г. Темиртау	12	13	15	13	12	12	15
г.Джезказган	-	-	-	13	16	16	22

В начале 1960-х гг. на повестку дня вновь был поставлен вопрос о переходе ко всеобщему среднему образованию и необходимости обновления его содержания. В 1960/1961 учебном году в 424 школах обучалось 127767 учащихся и работал 5701 учитель. В 1960 г. происходило увеличение контингента учащихся. Это было связано с увеличением числа детей в 1-4 классах, а также введения всеобщего обязательного среднего обучения, как в городе, так и в сельской местности, в связи, с этим возросло и число учащихся 8-10 классов. Данная ситуация вызвала необходимость в увеличении количества ученических мест в школах, а также увеличение школьных площадей и потребность нового школьного строительства [13, л.94]. В последующие годы очень быстрыми темпами стала расти сеть средних школ. Так, в 1960/1961 уч. г. средних школ было 83, в 1959-1965 уч. году было построено и введено в действие 90 общеобразовательных школ, в 1966-1970 гг. – 51. Согласно материалам о состоянии образования в Карагандинской области за 1962 г. общее количество школ в г. Караганде составило 102 с охватом 78012 учеников; в г. Темиртау – 21 школа, учеников – 17047; в г. Балхаше – 41 школа, учеников – 15383; в г. Джезказгане – 24 школы, учеников – 13031; в г. Абае – 11 школ, учеников – 6433.

Общее число школ в городах и рабочих поселках в 1963 г. составило 272, из них, начальных – 47, восьмилетних -135, средних – 90. Общий контингент учащихся составил 176490 чел., включая учащихся 14 школ-интернатов с контингентом – 5296 чел. Кроме этого в области работали 4 школы с продленным днем с контингентом учащихся – 891 чел. Из 2760 учащихся выпускников 8-х классов, часть поступили в техникумы, средние специальные учебные заведения, училища профтехобразования, остальная часть устроилась на работу в промышленных предприятиях, строительство. Средние школы окончили 1716 чел., из них поступили в вузы 576, в техникумы и другие средние учебные заведения – 124 человека, в училища и школы профессионально-технического образования – 25, работали на предприятиях промышленности строительства, транспорта и связи – 530 чел., в колхозах, совхозах и отделениях сельхозтехники – 68 чел., культурно-просветительской работе – 105 чел., и др. учреждениях – 164 чел.

В 1966 г. в г. Балхаше было 47 общеобразовательных школ, из них 14 средних, 15 восьмилетних, 19 начальных; в них обучалось свыше 19 тысяч учащихся. В школах работало 960 учителей. Функционировали музыкальная школа, детско-юношеская спортивная школа, Дом пионеров, станция юных техников, станция юных натуралистов, 5 детских дошкольных учреждений. В 1970 г. в г. Балхаше – 34 общеобразовательных школ, из них 16 средних, 12 восьмилетних, 6 начальных; в них обучалось около 19 тысяч учащихся. За четыре годы были реорганизованы в средние 2 восьмилетние школы № 26, 21, закрыты малокомплектные начальные школы № 12, 19, 28, 33, 15, филиал восьмилетней школы № 6 п. Наурызбай, начальная школа № 28 была реорганизована в восьмилетнюю. Улучшился и качественный состав преподавателей, в 1970 г. работало 1058 чел., всего 556 из них

имели высшее образование, 381 – среднее-специальное. Если в 1968/1969 уч. г. в вузы поступило 22% выпускников, то в 1969/1970 уч. г. – 28% [14].

В повседневной жизни советских людей образование играло огромную роль. Система образования в Центральном Казахстане развивалась достаточно динамично, но вместе с тем в развитии системы образования проявлялись недостатки: партийный диктат над школой нарастал, шло усиление идеологизации учебно-воспитательного процесса, усилилась деэтнизация школьного образования. Если в 1948/49 уч. г. 48% школ системы Министерства просвещения республики были казахскими, то в 1955/56 уч. г. 43% общеобразовательных школ функционировали на русском языке с охватом 66% учащихся. За 20 лет (1950-1970 гг.) число казахских школ сократилось с 3891 до 2577, тогда как число русских школ с преподаванием на русском языке увеличилось на 1500.

Успехи в воспитании и обучении молодежи были бы невозможны без активной помощи широкой общественности, трудовых коллективов, семей школьников. Но основной движущей силой советского народного образования был, конечно же, учитель: от его педагогического мастерства зависели, в конечном счете, судьба школы, судьба ученика, его обучение и воспитание. В советскую эпоху уважение, авторитет и отношение к учителю были на очень высокой планке. Вот как вспоминают своих учителей наши респонденты: «Учителя полностью выкладывались, передавая нам свои знания, хорошо объясняли темы. Учителя были строгие, требовательные и очень переживали за детей во время экзаменов. Одевались скромно и консервативно. Учителей в семье уважали. Моей первой учительницей была Александра Никифоровна. Это был человек строгих правил, жесткой дисциплины. Несмотря на большое количество учеников, она успевала после занятий подтянуть слабого ученика. Иногда она к этому процессу подключала учеников старших классов, которые у нее учились. Они добровольно и с удовольствием приходили в класс и выбирали себе ученика, чтобы помогать ему. Когда мы подросли, мы также приходили помогать отстающим ученикам. Мы это делали с большой гордостью и с большим удовольствием. Мои родители говорили о ней, что Александра Никифоровна напоминает актрису из советских фильмов. Это была очень красивая и видная женщина.

Следующим моим классным руководителем до десятого класса была Прасковья Ивановна Свичкарева. Это был активный и жизнерадостный человек. Я к ней относилась как ко второй матери. Она преподавала у меня географию. Особенно мне запомнилась ее методика преподавания. Она настолько интересно и доступно объясняла, преподносила материал, что можно было даже не заглядывать в учебник, поскольку все рассказанное ею быстро сохранялось в памяти. Помню один случай: я тогда училась в 8-м классе. В тот год у меня умер дедушка, который являлся для меня отцом, т.к. мой отец умер очень рано. На четвертый день Прасковья Ивановна вызвала меня с класса и дала в руки конверт, в котором было двадцать четыре рубля. На тот момент это была большая сумма. Больше всего меня удивило то, что это не поддавалось огласке. Она сказала, чтобы на эти деньги я купила себе вещь, которая останется на память. Это у меня сохранилось в сердце.

Особенно мне запомнился учитель истории – Аркадий Андреевич Шерстов. Он также одновременно являлся заведующим районо Октябрьского района. Мы очень боялись приходить неподготовленными к этому предмету. Ради этого я вставала в пять утра и зубрила историю. Но если не выучишь и придешь неподготовленным, он кричал так, что лопались барабанные перепонки. Многие родители жаловались на него за его деспотизм, но всегда был один ответ – он участник Великой Отечественной войны, бывший танкист, горел в танке, в результате чего у него сгорело пол уха, и поэтому они ничего не могут с этим поделать. А мне от страха

приходилось дальше зубрить. Помню его излюбленную фразу: «Ты о лапше думаешь? С великой благодарностью вспоминаю учителя русского языка и литературы – Козловскую Людмилу Иосифовну. Те знания, которые она дала мне, я до сих пор не забыла. Эти же знания я передавала своим дочерям, если они чего-то недопонимали от своих учителей» [7].

«Моя первая учительница – Нина Александровна, была очень добрая, в меру строгая. Это учитель, у которого за спиной огромный багаж знаний и опыта работы. Она очень легко находила общий язык, как с детьми, так и с родителями, поэтому и дети, и родители понимали ее с полуслова и с полувзгляда. Первой в кабинет входила она и это нигде не оговаривалась, тем самым мы – маленькие ученики, выражали свое уважение, а также любовь! Перед тем, как войти в школу на первый урок, все одноклассники стояли именно на той тропинке, по которой наш учитель приходила всегда в школу. И завидев ее еще далеко от школы, мы всей гурьбой бежали к ней на встречу, и каждый с любовью, трепетом, старался выразить ей свое приветствие, а она отвечала каждому своим вниманием» [3].

«О своем первом учителе: «Ее звали – Мария Андреевна Момонт. Женщина 30-35 лет, высокая, красивая, всегда ухоженная. Ее характер запомнился для меня так – в меру строгая и заботливая, как мать! Как со стороны учителя, так и со стороны родителей – абсолютное уважение друг к другу! Я хорошо помню, когда директор шел по школе, ученики расходились к стеночкам, не потому, что боялись, а потому, что действительно уважали!» [9].

«Учитель в наше время был непререкаемым авторитетом. И учительница первая моя – Александра Никифоровна Мединская, была интеллигентом, что называется, до кончиков ногтей. Степенная, размеренная, мудрая, имеющая диплом белорусского университета. После школы мы все бегали к ней домой. старались помочь, а она нас встречала, как мама. Совершенно точно могу сказать, что это была учительница от Бога. Строгая, но справедливая, требовательная, но заботливая. Мне повезло, она была из тех, про которых говорят: «вторая мама». И она показала нам первый и порою непростой путь в мир знаний. Наши учителя были из того времени, когда слова «сеять разумное, доброе, вечное» было их основным жизненным принципом, который они впитали вместе с высоким понятием учитель. Неустанное служение наших учителей этому завету не могло не отзываться в нас, ведь оно проявлялось в каждом нюансе их общения с нами, на каждом уроке, в каждом слове, обращенном к нам. Это выражалось и в той серьезности их отношения к своему предмету, и иногда в некоторой ревности по отношению к другим дисциплинам, и в искреннем желании передать нам знания, научить нас». [5]

Учительство Казахстана – это самый крупный отряд советской интеллигенции республики, насчитывавший в своих рядах около 200 тыс. учителей, воспитателей, работников народного образования. Образовательный уровень среди учителей Казахстана в 1960-е гг.: 60% имело высшее образование, 39,8% – среднее, и только 0,2% – неполное среднее.

Значительную роль в системе образования в Центральном Казахстане имели высшие и средние специальные учебные заведения. В 1963 г. в Карагандинской области в высших, средних учебных заведениях обучалось 25,4 тыс. чел., из них 13,8 тыс. чел. обучалось в высших учебных заведениях, принятых на дневные отделения высших учебных заведений, 47% составляли лица со стажем со стажем практической работы не менее двух лет. Без отрыва от производства обучались 35,8 тыс. человек, в том числе в вузах и техникумах, в школах рабочей и сельской молодежи – 23,6 тысячи.

Таблица 3 – Количество высших учебных заведений в гродах Центрального Казахстана [15]

Годы	Вузы	В них студентов
1940–1941	1	532
1950–1951	2	1446
1960–1961	3	9470
1965–1966	4	17140
1969–1970	5	25303

Высшие учебные заведения Центрально-Казахстанского региона подготовили огромное количество специалистов различных отраслей народного хозяйства Казахстана. В целом высшие учебные заведения выпустили 1300 молодых специалистов, в том числе 365 инженеров, 437 врачей [16, л.63].

В период 1950 по 1960 гг. быстро развивалась система профессионально-технического и среднего специального образования. Важным звеном получения среднего образования являлось средние профессионально-технические училища. Они возникли в Карагандинской области в начале 1940-х гг. в связи с созданием системы Государственных трудовых резервов СССР. В 1941 г. в области работали 3 ремесленных училища, в них по 17 рабочим профессиям обучалось 1405 человек. В годы войны быстрое развитие получила сеть ФЗО, которая готовила рабочих массовых профессий средней квалификации для угольной и металлургической промышленности и для строительства. В 1959 г. школы ФЗО и ремесленные училища системы трудовых резервов были преобразованы в профессионально-технические училища (ПТУ), в которых стали обучаться лица, окончившие 8-10 классов. Профтехучилища области ежегодно выпускали 19-20 тыс. квалифицированных рабочих кадров для работы в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в строительных организациях, на транспорте и связи, на предприятиях торговли и общественного питания, коммунального хозяйства и бытового обслуживания. В этой системе работало около 2,5 тыс. мастеров производственного обучения, преподавателей и воспитателей [1, с.335]. Существенные качественные изменения происходят в работе высших и средних специальных учебных заведений. Важные перемены здесь коснулись и условий комплектования вузов и техникумов (конкурсная система, льготы для передовиков производства и лиц, имеющих производственный стаж, целевое комплектование), и учебно-воспитательного процесса, и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей, и организации производственной практики студентов. Первым средним специальным учебным заведением был Каркаралинский педагогический техникум (1922 г.), переименованный в 1937 г. в Каркаралинское педагогическое училище им. Абая, а в 1952 г. объединенный с Карагандинским педагогическим училищем. В 1953 г. Карагандинское педучилище им. Абая было переведено в город Сарань и стало называться Саранское педучилище им. Абая.

Из воспоминаний респондента: «Училище находилось в городе Сарань (Карагандинская область). Дорога в училище занимала целый час езды. Сев на маршрут № 5, я доезжала до вокзала, а после садилась на Саранский автобус, который довозил нас до места обучения. Училась в первую смену. Учеба начиналась в 8 часов и заканчивалась в 15 часов. В потоке было около 120 учащихся, всего было 4 группы. В каждой группе училось по 30 человек. К 1 сентября мы готовились заранее. Подготавливали песни, стихи и танцы. Наглаживали одежду, начищали обувь. Надевали нарядную одежду. Праздник начинался со слов директора

училища. Для первокурсников был первый звонок. Далее все расходились по своим кабинетам. В обычные дни студенты особенно не наряжались, а в праздничные дни девушки надевали белую блузку и черную юбку, а парни белую рубашку и черные брюки. Обязательно надевали комсомольский значок. Мы очень любили своего куратора – Моргачева Леонида Федоровича. В училище преподаватель пришел совсем молодым, в возрасте 23-х лет. Он преподавал математику. Он всегда был энергичным, веселым, но в то же время серьезным. Он вместе с нами, со своей группой ходил на все праздники, мероприятия, возил нас в Каркаралинск. После выпуска преподаватель стал директором Карагандинского педагогического училища. Мы на день рождения преподавателя всегда ездили к нему, каждый год, так и проходила встреча одноклассников ежегодно. Выйдя на пенсию, Леонид Федорович уехал в Киев.

Помню свой кабинет математики: светлый, чистый со столами и стульями, с портретами известных математиков и цветами на окнах. На переменах мы ходили компанией в буфет, сидели, общались или просто повторяли задания на следующие пары. После пар все расходились по своим делам, а я шла на гимнастику. Часто собирались вместе и ходили в кино. Вечером выполняли домашнее задание. На выполнение домашнего задания обычно уходило около двух часов. Ходили в библиотеку, как в училище, так и в Ленинскую, которая находилась в городе Сарань. Время в библиотеке пролетало незаметно, поэтому поход туда не ограничивался во времени. Было хорошо, что все книги студентам выдавали, а вот канцтовары покупали сами. Мы очень уважали своих преподавателей. Группа у нас была очень дисциплинирована, пары мы не срывали. Самым любимым местом в училище был буфет. Помню, на целый рубль можно было позавтракать, пообедать и даже поужинать. Было очень хорошее медицинское обслуживание. Медсестра и врач всегда оказывали помощь студентам, если она была необходима, делали прививки, принимали и выписывали справки. Я входила в состав редколлегии, помогала организовывать мероприятия, помогала выпускать радиогазету «Лучик», читала текст на праздниках, сочиняла стихи и рисовала.

Мы очень любили свои практики, особенно летнюю. Каждое лето мы выезжали в совхоз и собирали там овощи. Практика длилась месяц. После второго курса мы ездили на спортивную практику в Каркаралинск. Там мы занимались спортом. После третьего курса была практика в школе. Я проходила месячную практику в школе № 63 города Караганды. Конечно, было сложно, но мы справились. Помню, как во время практики в школе, учитель заболел и мне как будущему специалисту, молоденькой студентке, пришлось самой проводить все уроки, составлять планы, проверять домашние задания. Я даже умудрилась сама провести родительское собрание. Родители были весьма удивлены, но им понравилось проведенное собрание. По окончании практики, родители учеников подарили мне книгу. Я была очень довольна: ведь книга – это лучший подарок!

По окончании училища студентов трудоустраивали в зависимости от успеваемости каждого. Меня отправили в Осакаровский район, поселок «Шакай». Там я работала учителем математики. Я была очень довольна своим распределением. Там я подружилась с другими преподавателями, с которыми мы до сих пор поддерживаем связь. И самое запоминающее и интересное – это был наш выпускной вечер. Сначала все собирали деньги. Девушки шили себе платья, покупали туфли, а это было сложно, делали прически, начесывали волосы, красили тушью ресницы, красили губы маминой помадой. Всех студентов собирали в актовом зале, произнес речь директор, преподаватели, а потом уже и сами студенты. Далее концерт, а потом вручение дипломов. После окончания торжественного мероприятия в училище, мы поехали в столовую, которая находилась на 15-м

квартале. Там были конкурсы, небольшие номера со стороны студентов и учителей, танцы. Там студенты в первый раз попробовали шампанское. Прекрасные были студенческие годы!». [17]

В 1950-1960-х гг. стали функционировать около двух десятков техникумов: 2 индустриально-педагогических техникума (Караганда, Актау), 2 музыкальных училища (Караганда, Темиртау), 3 медицинских училища (Темиртау, Балхаш, Джезказган), в Джезказгане – строительный техникум, в Темиртау – химико-технологический и химико-механический техникумы, в Шахтинске – энергостроительный, технологический, горно-строительный техникумы, в Абае – горный техникум, в Караганде – торгово-кулинарный техникум, техникум физической культуры и спорта, культпросветучилище. Карагандинская область по количеству подготовки кадров со средним специальным образованием занимала среди областей республики первое место [18, с. 154-155].

Следует отметить, что большая роль в подготовке специалистов различных отраслей промышленности и сельского хозяйства в рассматриваемый период была отведена высшим учебным заведениям. История развития высшего образования в Центральном Казахстане началась с подготовки учительских кадров. В дальнейшем осуществлялась подготовка врачей, горных инженеров и кадров высшей квалификации для других отраслей, и сфер народного хозяйства. Были открыты в исследуемый период: в 1950 г. – медицинский институт, в 1952 г. учительский институт преобразован в педагогический, в 1953 г. – горный институт, в 1963 г. – завод ВТУЗ при Карагандинском металлургическом комбинате в г. Темиртау, в 1966 г. – кооперативный институт Центрсоюза СССР, в 1969 г. – Карагандинская высшая школа МВД СССР и в 1970 г. – Карагандинский педагогический институт физического воспитания, в 1972 г. – Карагандинский государственный университет [1, с. 335].

Вот как вспоминают студенческие годы наши респонденты: «1 сентября проходило зачисление студентов, а в середине сентября проводилось посвящение в студенты. Посвящение проходило так: линейка, поздравление ректора, выступление студентов-выпускников, дискотека. На занятия мы ходили кто в чем, так как обязательной формы не было. Девушки старались ходить в платьях. Из материалов применялась замша, сатин, атлас. Шубы носили редко, т.к. это было очень дорогое удовольствие. Педагогический состав в институте был очень сильный. У нас была очень строгая дисциплина. Помню, мы очень старались не опаздывать и не пропускать занятий, т.к. 3-4 пропуска могли привести даже к отчислению из института. Перемена между занятиями составляла 10-15 минут, самая большая – 20 минут. В это время мы с одногруппниками ходили перекусить в буфет, который был в главном корпусе, любили ходить в диетстоловую, которая находилась по Бульвар Мира, там можно было поесть и первое, и второе, и третье, все это стоило 1 руб. 20 коп. Иногда мы просто гуляли по парку. По окончании института нас всех трудоустраивали, многие по распределению были направлены в совхозы и колхозы. Там ты обязательно должен был отработать три года, и только после отработки трех лет, ты мог устраиваться там, где ты хочешь работать по желанию» [19].

«После занятий я ходила в читальный зал, библиотеку. Очень часто ходили в библиотеку, читали Чехова, Шолохова, Достоевского. Ходили в спортзал, который находился при институте на спортивные секции по волейболу, лыжи, а также ходили на вокал. Это все было бесплатно. Часто собирались группой, отмечали дни рождения, ходили вместе в кино, в то время это был кинотеатр «Октябрь», ходили мы туда почти каждый день, так как билеты в то время были недорогие, где-то копеек пять. На выполнение домашнего задания уходило примерно четыре часа. Готовились мы в

основном в библиотеке, т.к. книг в свободной продаже не было. Помимо библиотеки при институте и общежитии, я еще ходила в библиотеку имени Н.В. Гоголя. Помню из общественных поручений у нас проводились комсомольские собрания, сектора – учебные, культмассовые. Мы сами очень часто ходили на концерты. В институте постоянно проводились мероприятия: организовывались вечера, проводился «Осенний бал», «Новый год», «Здоровое питание», «Танцевальные кокурсы». Помню как я заняла второе место в конкурсе «Лучшая талия». Выпускной вечер проходил в ресторане «Караганда», где была живая музыка. Поскольку многие студенты на тот момент уже были замужем, женатые, то приходили они со своими семьями. Девушки были в красивых платьях со шлейфом, а парни в костюмах. Студенты носили пальто – солдатская шинель. В моде были платья-колокола, девушки делали высокие прически, хвостики, надевали шляпки, платочки, чуть позже появились парики. Что касается парфюма, то у девушек это однозначно были духи «Красная Москва», а у парней «Тройной одеколон». В основном одежду старались шить сами, либо в ателье». [20]

В повседневной жизни советского человека, формировании его ментальности огромное значение имела система образования. Именно школа закладывала не только основы знаний, но и нравственные ценности, формировала черты характера. Школа развивала детей, давала возможность развиваться физически (спортивные секции), творчески (литературные, драматические кружки), давала навыки труда. Выполняя просветительскую задачу, школы и вузы стали важным инструментом пропаганды коммунистических идеалов и ценностей, используя для этого все возможные рычаги воздействия: от авторитета любимого учителя до давления на школьника и его родителей. Отношения, складывавшиеся между учениками и учителями, часто носили характер семейных школ. В целом в повседневной жизни система образования играла огромную роль, зачастую формируя эту повседневность.

---

1. Досмагамбетов С.К. Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. – Алматы, 2003. – 562 с.
2. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 124. Л. 63
3. Интервью со Л.А. Строевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
4. Борисова Т.О. Социально-историческая антропология советской школы конца 1950-начала 1980-х гг.// Материалы конференции «Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века». – 2012. – С. 19-25 / http//bgscience.ru/lib/10856
5. Интервью с З.З. Гилемхановой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
6. Интервью с Р.А. Кленовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
7. Интервью с Н.Т. Завотпаевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
8. Интревью с К. Алмасовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
9. Интервью с М.А. Нурмагамбетовой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016г.
10. Интервью с Р.М. Копейко, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
11. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 377
12. ГАКО.Ф. 691. Оп.1. Д. 485
13. ГАКО.Ф. 469. Оп.1. Д. 151
14. ГАКО.Ф. 469. Оп.1. Д. 744
15. Нурлигенова З.Н. Интеллигенция Центральный Казахстан // Вестник КарГУ. Серия история, Философия. Право. – 2006. – № 1(41). – С. 35-39
16. ГАКО.Ф. 469. Оп.1. Д. 744
17. Интервью с О.К. Белой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
18. Шахтинск – город шахтерской судьбы (к 50-летию города). Шахтинск – 2011. – 326 с.
19. Интервью с Т.И. Никитиной, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
20. Интервью с Т.А. Голяковой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.

7.3. Школы, училища, вузы в 1970-1991 гг. Облик советского педагога

За два десятилетия с 1960 по 1980 годы, число учащихся в общеобразовательных школах республики увеличилось в 1,8 раза. С середины 1970-х гг. в системе образования наблюдалась тенденция уменьшения количества учащихся, что было вызвано демографическими причинами. В системе народного образования, также приобретали все большую актуальность проблема обеспеченности детей дошкольными учреждениями. Министерство просвещения и культуры и его организации на местах целенаправленно осуществляли развитие сети яслей, яслей-садов, детских садов. К середине 1970-х гг. в Карагандинской области имелась широкая сеть дошкольных учреждений (в количестве 683 детских садов (яслей), которые посещало 85,6 тыс. детей) и общеобразовательных школ (840 школ, 344,9 тыс. учащихся).

Число дошкольных учреждений к концу 1980-х гг. составило 790, число детей в них – 115 тысяч. Охват детей дошкольным воспитанием в детских садах области составлял около 60% [1, с.334]. С началом 1990-х гг. количество дошкольных учреждений значительно сократилось. В некоторой степени это было связано с уменьшением числа детей дошкольного возраста, из-за снижения уровня рождаемости. Дошкольные учреждения республики были укомплектованы квалифицированными специалистами: свыше трех тысяч заведующих детскими садами и воспитателей имели высшее и среднее педагогическое образование. Так, в 1970-е гг. педагогические училища республики выпустили 826 специалистов дошкольного воспитания, а 1980-е сеть дошкольных учреждений в республике увеличилась на 1363 единиц, контингент детей возрос на 268 тысяч, 85% расходов на их содержание оплачивалось государством.

Качественный состав учителей с высшим образованием в республике составлял всего 66,4% против 74,2 % по Союзу [2, с.38]. В республике сложилась четкая система получения молодежью среднего образования. Большая часть подростков заканчивала массовые общеобразовательные школы, другая – вечерние (сменные) общеобразовательные школы, средние профессионально-технические и средние специальные учебные заведения (техникумы и др.) [3]. В 1970 г. количество школ в Карагандинской области составило – 701. Из них начальных – 232, восьмилетних – 221 и средних – 248.

Из воспоминаний Н. А. Маркеловой (г. Караганда): «Первые два года обучалась в городской Карагандинской школе №19, далее в связи с переездом в школе №82. Обе школы располагались недалеко, так что до школы добиралась пешком. Занималась в первую смену с 8:00 утра до 13:30. Сначала в школе было 10 классов, но к тому времени, когда я закончила школу – уже 11 классов. Школа №82 была с литературным уклоном, но было по два класса со спортивным уклоном. В каждом классе было около 28-30 учеников. 1 сентября проходило в виде линейки, октябрята были со звёздочками, пионеры в галстуках, звучал гимн СССР, выносили флаг, никаких выступлений не было, только некоторые ученики рассказывали стихи.

В обычные дни девочки носили платья с чёрным фартуком, а в праздничные – с белым фартуком и бантами, мальчики всегда ходили в белой рубашке. В любую погоду ходили в платьях, если было тепло, то в гольфах, если холодно, то в колготках. Учитель всегда был строгий, все боялись получить плохую оценку. Класс выглядел так: над доской висел герб, стоял флаг в каждом классе, комната была наполовину покрашена краской, наполовину побелена, большие окна без штор, двери узкие и длинные под потолок, стулья не отделялись от парт. В каждом классе из учеников выбирались старосты, 2 санитара, которые проверяли чистоту воротника, рук и ушей, у девочек обязательно должны были быть заплетены волосы, у мальчиков обязательно короткая стрижка, также выбирались звеньевые, которые отвечали за

учеников, выбирались дежурные, которые менялись каждый день. Они поливали цветы, мыли окна, доску, каждый день мыли полы в классе.

На перемене ученики играли в классики, в догонялки, перепрыгивали через натянутую резиночку. Было множество факультативов, таких как: кружок умелые руки, где делали разные подделки, например, закладки из фантиков от конфет, кружок вязания крючком, биологический кружок и несколько спортивных секций, таких как лёгкая атлетика, волейбол и баскетбол. На выполнение домашнего задания уходило примерно 3 часа. Мальчики и девочки обучались вместе. Отношение к учителю было очень уважительное, учитель всегда был строго одет, рубашка, застёгнута под горло, с длинными рукавами и юбка ниже колен. Учебники всегда предоставлялись бесплатно, а канцтовары и тетради приобретали сами. За хорошую учёбу принимали в октябрят, а затем в пионеры, потом началась «перестройка» и в комсомол уже не принимали. Летом пионеров отправляли в лагерь труда и отдыха.

Питание в школе всегда было одинаковое: первое, второе и булочка с киселем; второе или первое на выбор, все меню стоило 15 копеек. В школе существовало «тимуровское движение», ученики ходили по домам и помогали пожилым людям, приносили им хлеб и молоко. В семье к учителю относились с уважением и почтением. Образцом для подражания являлся классный руководитель, все хотели быть на него похожими. В классе было много отличников, но были и двоечники, к ним все хорошо относились, отличники старались подтянуть их» [4].

В 1970 г. в г. Балхаше было 34 общеобразовательных школ, из них 16 средних, 12 восьмилетних, 6 начальных. В них обучалось около 19 тыс. учащихся. За четыре года были реорганизованы в средние 2 восьмилетние школы №№26, 21, закрыты малокомплектные начальные школы №№12,19,28, 33, 15, начальная школа № 28 была реорганизована в восьмилетнюю. Улучшился и качественный состав преподавателей, в 1970 г. уже 1058 чел., 556 из них имели высшее образование, 381 – среднее-специальное. Анализ итогов учебно-воспитательной работы показал рост успеваемости, качество знаний, сокращение отсева. Если в 1968-1969 уч. г. в ВУЗы поступило 22% выпускников, то в 1969-1970 уч. г. – 28% [5].

Из воспоминаний К.У. Бекбергеновой (г. Балхаш): «Училась в Балхаше в средней школе № 4 имени Крупской с 1973 по 1983 годы. Школа находилась недалеко от дома, в 100 метрах, поэтому каждый день ходила туда пешком. Большинство школьников также жили неподалеку от школы. Занималась в первую смену. В школе было 10 классов, в параллели по 2 класса, в каждом классе обучалось по 30 учеников. Мальчики и девочки обучались вместе. 1 сентября проходила торжественная линейка, в которой участвовали старшеклассники. К этому дню готовились очень ответственно – заранее украшали зал шариками, ленточками, готовили речь и номера, а потом на линейке выступали. На все мероприятия приходили всегда подготовленными – это считалось долгом каждого.

Школьники носили школьную форму – синее платье и черный или белый фартук. В праздничные дни одевали белый фартук, а в обычные дни – черный фартук. В холодную погоду носили зимнее пальто, войлочные или кожаные сапоги, шапки, шарфы, перчатки. Пионеры обязаны были носить пионерский галстук каждый день, что считали своим долгом. Зимой в школе было тепло, поэтому одевались так же, как в сентябре и мае, когда на улице было тепло.

Первого учителя звали Наталья Аркадьевна. Я помню ее как очень доброго, отзывчивого, хорошего человека. С ней связаны самые теплые воспоминания, первый учитель запомнился как образец правильного наставника, который всегда поможет и всему научит. Класс был светлый, парты были очень удобные и широкие, мела всегда хватало. Кабинеты были просторные, с большими окнами,

их постоянно проветривали на переменах, когда дети находились в коридоре или столовой. Столовая, как и классы, была всегда чистая. В столовой всегда продавали горячую, свежую еду, которой хватало на всех. Ученики сами убирали за собой посуду. Булочки стоили 5 копеек.

Все учителя были квалифицированными, ученики уважали их и слушались. Заданий на дом было много, но в классе всегда разбирали похожие задания, приводили примеры, объясняли, как выполнять домашнее задание. На следующий урок всё проверяли и объясняли, если что-то не получилось выполнить. На выполнение домашних заданий в среднем уходило 3-4 часа. Во время урока часто проводилась работа по группам, развивающая умение работать в команде, но на дом командные проекты никогда не задавались. Учителя в школе всегда носили строгую, офисную одежду – белую рубашку или блузку и юбку. Учителя всегда выглядели аккуратно, подавая пример детям. Дети так же всегда надевали форму и придерживались школьного распорядка.

Я ходила во Дворец Пионеров на кружок кукольного театра. Нас там учили разыгрывать спектакли. Школьники ставили спектакли для детей из детского сада, которые часто к ним ходили. В школе так же было много разных кружков. Например, там были дополнительные уроки по труду, где девочек учили мастерить мягкие игрушки, которые впоследствии относили в Дом Пионеров для участия в городских и республиканских выставках; шить одежду, готовить, вязать и вышивать. Моя мама постоянно принимала участие в этих выставках и различных конкурсах. Школьная жизнь была очень интересной и насыщенной. На кружки ходить никто не заставлял, но дети с удовольствием и большим энтузиазмом посещали их. Часто проводились факультативы по разным предметам. Я очень любила посещать факультатив по математике, потому что мы там разбирали разные интересные темы, у каждого учителя был свой подход. Часто проходили различные конкурсы талантов, фестивали песен, танцев, литературные вечера, предметные олимпиады, спортивные соревнования, которые проходили на городском стадионе «Строитель». В этих мероприятиях принимали участие все школьники со всех классов, проходили соревнования между ними, где участвовал весь класс или представитель от каждого класса.

Каждый год устраивали осенний бал, новогоднюю дискотеку. Все школьники очень любили ходить на эти мероприятия и каждый год ждали их с нетерпением, но и школьные будни были насыщенными. Школьники принимали участие в демонстрациях 7 ноября и 1 мая. 9 мая вся школа ходила возлагать цветы к Вечному огню. 22 апреля ученики возлагали цветы к памятнику Владимира Ильича Ленина, в день его рождения. Школьники принимали участие в городских и школьных субботниках, проводимых осенью и весной. В 3-м классе всех школьников торжественно посвящали в пионеры. В организации торжественной линейки принимали участие старшеклассники – учащиеся 8, 9 и 10 классов.

В нашей школе был планетарий. Для желающих проводились уроки астрономии, на которых ученики изучали космос и космические явления. На территории школы были теплицы, где проводились уроки ботаники и биологии. Ученики наглядно проходили материал, ухаживали за растениями. Так же в школе находился живой уголок, куда можно было принести домашних животных. Школьники сами заботились о школьных питомцах.

Обеспечение учебниками было хорошее. Часть учебников выдавали в школе, а на другие книги школьникам давали открытки, на которых были написаны наименования учебников, класс, авторы учебников и номер школы. По этим открыткам ученики получали учебники в городских библиотеках или книжных магазинах. Канцтовары школьники покупали сами. Их можно было найти в

магазинах. В школе образцом для подражания были учителя, старосты классов и отличники. Все старались на них равняться и перенимали от них все хорошее. Отличники должны были подтягивать двоечников по разным предметам. Учителя всегда объясняли непонятный материал ученикам после уроков. Отстающим по предметам, например, тем, кто много пропустил уроков, ученики сами изъявляли желание помочь с разъяснением уроков. Школьники часто собирались вместе и делали домашнее задание, объясняли друг другу непонятное, разбирали новый или забытый материал.

Родительский комитет принимал активное участие в жизни класса. В родительский комитет добровольно входили 5-6 родителей учеников. Родительские собрания проводились каждые 3-4 недели, на них обсуждалось поведение учеников, их участие во внеклассной работе и, конечно же, успеваемость. Каждый год в родительский комитет входили родители разных учеников, вне зависимости от того, двоечник он или отличник.

Осенью старшие классы принимали участие в разгрузке капусты на овощной базе в свободное от учебы время. На перемене ученики ходили в школьную столовую или библиотеку, или играли в салки в коридорах. Тех, кто бегал по коридорам и лестницам на перемене, ругали и осуждали. Я всегда вспоминаю школьные годы, как очень хорошо проведенное время, учиться было очень интересно. Учеба совмещалась с внеклассной работой и скучно никогда не было» [6].

В начале 1980-х гг. в Карагандинской области насчитывалось 475 дневных и вечерних общеобразовательных школ, в них обучалось 217168 учащихся. Количество средних школ в 1980/1981 учебном году составило 241. Все средние и восьмилетние школы области работали по кабинетной системе обучения: по естественно-математическим и гуманитарным предметам было оборудовано и работало 3039 учебных кабинетов; трудовое обучение учащихся общеобразовательных школ осуществлялось в 270 комнатах для ручного труда, в 546 учебных мастерских, в 16 межшкольных учебно-производственных комбинатах и в 38 совхозных учебных комплексах. Учащиеся старших классов в период трудовой четверти занимались производительным трудом в 26 лагерях труда и отдыха, в 94 ученических производственных бригадах и звеньях, в 6 школьных лесничествах. Одновременно создавалась сеть внешкольных учреждений, их было: музыкальных семилетних – 37, юношеских спортивных – 27, художественных – 3. Внеклассную и внешкольную работу вели 21 Дворец и дома пионеров и школьников, станций: юных техников – 10, юных натуралистов – 2, юных туристов – 1, клуб юных моряков – 1 [1, с.335].

Из воспоминаний С.В. Завгородневой (г. Сарань): «В 1981 году я с мамой переехала в Сарань. Мне исполнилось семь лет, и мама отдала меня в среднюю школу №4 г., директором тогда в ней был замечательный историк Мусаев. Я жила в поселке №106 (так он называется по номеру шахты, расположенной неподалеку), и единственный автобус который ходил в то время был №8, «восьмерка», как мы его называли. В школе нам выдавали проездные на месяц, а так проезд стоил 10 копеек. Училась я в 1-4 классах в первую смену, а с 5 по 8 класс – во вторую. Классов в школе было 35-40. Они были под литерами: «А», «Б», «В», «Г» и даже «Д». Я, например, училась в 1 «Д» классе, нас было 25 человек. Тогда ведь были восьмилетки, и после 8 класса немногие оставались в школе, в основном уходили поступать в училище. В 10 классах было по 15-18 человек, а самих классов 2 или 3.

Помню, как первый раз пришла в школу. Мама одела меня в коричневое платье с белым накрахмаленным фартуком. Тогда все школьники носили форму. Девочки и мальчики учились вместе. У девочек было два вида форменной одежды. В будние дни мы носили коричневые платья с черными фартуками. Парадная форма

отличалась фартуком: вместо черного, в торжественные дни мы надевали белые. И когда все девочки класса приходили в белоснежных фартуках – как это было празднично и красиво! Раньше ведь никто не носил в школу брюки и цветные кофты. Брюки мы надевали только на работу в школьном дворе или саду, а в класс можно было прийти только в форме. Даже в очень холодные дни мы надевали кофточки не сверху, а поддевали их под форменное платье, чтобы их было не видно. Мы знали, что в школу мы ходим учиться, а не демонстрировать свои наряды. В классе нас ничто не отвлекало от доски, от лица учителя; мы не разглядывали друг друга. Но не нужно думать, что мы выглядели одинаково. Во-первых, и платье, и фартуки могли очень сильно различаться в деталях. Воротнички и манжеты на платьях были из обычного белого материала, были атласные, были кружевные, я помню, в пятом классе бабушка мне связала несколько воротничков, чтобы можно было менять, ведь их нужно было каждую неделю стирать и пришивать заново. Фартуки тоже были разные. Были простые со строгими перекладными лямками, а могли быть пышные «крылышки». Сами фартуки могли быть шерстяные или кашемировые, а могли быть шелковые. Белые фартуки у одних были из полупрозрачного капрона, у других – из мягкого, струящегося крепдешина. У меня был простой фартук из самой обычной ткани. Хорошо выстиранный, накрахмаленный и отглаженный, он выглядел наряднее других. Так что форма у всех была разная.

Моей первой учительницей была Римма Ивановна. Она была доброй, чуткой и могла найти подход к каждому ученику. Я с детства была спокойным и тихим ребенком, ужасно боялась выходить к доске, но Римма Ивановна видела все, и поэтому давала мне карточки, я всегда училась на четверки. Она всегда оставалась с нами после уроков на внеклассные занятия, как их называют факультативы. Мы занимались математикой и грамотой, на этих занятиях мы узнавали много нового и интересного, того что не было в школьной программе, а также подтягивали свои знания. Мы очень любили свою классную руководительницу, относились к ней уважительно и всегда выполняли то, что она задавала. Одевалась она всегда строго и элегантно. В серый костюм или черную юбку с блузкой, раньше ведь не только ученикам, но и учителям запрещалось носить брюки. Римма Ивановна очень любила комнатные растения. Наш кабинет был такой же, как и все другие кабинеты в школе. Белые стены, выкрашенные наполовину синей краской, коричневый деревянный пол и парты с откидными крышками, но благодаря стараниям Риммы Ивановны на подоконниках всегда было много цветов и других растений.

Я не помню, были ли у нас в классе отличники и двоечники, наверное, были, как и в любом классе, но мы никого не выделяли и ко всем относились одинаково. Все вместе играли на перемене: мальчики в основном в асики, а девочки в классики и резиночку. А еще были популярны игры «десятки» и «штандер». Эти игры проводились с мячом, поэтому играли мы в них на улице. Помню игру «штандер»: команда из нескольких человек становятся в круг, а ведущий подбрасывает мяч и говорит: «Штандер, Вова», например, тогда все бегут врассыпную, а Вова должен поймать мяч и попасть им в игрока, который и становится следующим ведущим. Всегда было очень весело. Мы любили проводить время на улице. Ведь днем родители на работе, и ты можешь гулять сколько хочешь. А вечером, я помню, когда приходила мама, мы с ней садились делать уроки. Она мне всегда помогала, это потом уже, в классе 6-7, я стала серьезнее, и сама делала уроки. Обычно на это уходило 2-3 часа. Занимались мы по учебникам, которые нам выдавали в школьной библиотеке, а тетради, ручки, цветные карандаши и другие канцелярские товары мама мне покупала в магазине. Помню, в конце лета, я всегда ждала тот день, когда мы пойдем с ней в магазин.

До сих пор помню нашу школьную столовую, где продавали очень вкусные пирожки с повидлом, которые стоили 7-8 копеек. Вообще я завтракала дома. Мама с утра готовила очень вкусную кашу рисовую или манную, а также бутерброды с чаем. И обедала я тоже дома. А еще я помню нашу школьную медсестру Ирину Николаевну, которая очень любила детей и совсем не больно делала прививки.

Но самым волнительным и долгожданным моментом было, конечно, принятие в октябрята и пионеры. В октябрята принимали в 1 классе. Нам вручали красную звездочку, похожую на те звезды, которые светят над Московским Кремлем. На звездочке, которую мы носили на груди, был портрет дорогого для всех нас человека – Владимира Ильича Ленина. Я помню, мы даже стихи читали:

Мы – веселые ребята,
Мы ребята-октябрята.
Так назвали нас не зря,
В честь победы Октября!

А в третьем классе нас принимали в пионеры. Это было 22 апреля в день рождения В.И. Ленина. Рядом с нашей школой был парк, там находилась площадка с памятником Ленину. Вот на этой площадке нас выстраивали в линейку, и мы произносили «Торжественное обещание» - Всегда готов! Мы произносили его перед лицом своих одноклассников и понимали, что выполнять его должны всю жизнь.

Галстук пионерский в школе ты надел,
Ты теперь участник, наших славных дел!
Уберечь отчизну сможешь от врагов?
Ты ответишь партии: Я всегда готов!

Кроме этого были 8 Пионерских законов, я их помню до сих пор:

-Пионер предан Родине, партии, коммунизму!
-Пионер готовится стать комсомольцем!
-Пионер держит равнение на героев борьбы и труда!
-Пионер чтит память павших борцов и готовится стать защитником Родины!
-Пионер настойчив в учении, труде и спорте!
-Пионер честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду!
-Пионер – товарищ и вожак октябрят!
-Пионер – друг пионерам и детям трудящихся всех стран!

После торжественного обещания нам на шею повязывали красный галстук, и мы носили его, гордо осознавая, что мы теперь пионеры. Мы всем отрядом ходили на демонстрации: на 1 мая – Праздник мира и труда и на 7 октября – день Октябрьской революции, кроме этого мы всем отрядом собирали и сдавали макулатуру и металлолом. Но самым долгожданным и любимым праздником, как и у всех детей, у меня был Новый Год. Праздник нам устраивали наши родители в школе с веселым Дедом Морозом и замечательными сладкими подарками. Тогда я верила в сказку, а сейчас я как мама двоих детей, понимаю, что вся эта организация ложилась на плечи родительского комитета, а тогда я ни о чем не думала, а просто радовалась празднику» [7].

Согласно отчетной справки Карагандинского отдела образования в 1984 г. в области общее количество общеобразовательных школ составило - 410, в т.ч. в городах и рабочих поселках – 175. Из них 80 были 8-летние, 243 – средние школы, из них общее количество интернатов - 10. К концу 1980-х гг. в Казахстане действовали 8653 общеобразовательные школы и в 1989 г. в них обучалось 3 млн. 214 тыс. детей. Численность учителей составила 249,5 тыс. человек. В республике функционировали 2613 школ с казахским, 1409 – со смешанными языками и 84 школы с уйгурским, узбекским и с таджикским языком обучения с более чем 1 млн.

учащихся. В 1989/1990 учебном году в области работало 711 общеобразовательных школ, численность учащихся в них составляла 307,5 тыс. человек [1, с.336]. В школах работало 20,8 тыс. учителей, из них более одной трети имели высшее и незаконченное высшее образование. Начиная с 1980 г. ежегодно среднюю школу заканчивало 18-19 тыс. детей, неполную среднюю школу – 29-30 тыс. детей.

После 1970 г. в области стало резко расти число средних профессионально-технических училищ (СПТУ). В Карагандинском регионе в 1970/71 учебном году их было 7, в 1980/81- 35, в 1984/85 учебном году число их достигло 40. Всего в области в 1970 г. было 55 профессионально-технических училищ, в них обучалось 24,1 тыс. учащихся, в 1990 г. работало 68 профессионально-технических училищ с контингентом учащихся 32,1 тыс. человек [1, с. 336]. Профтехучилища области ежегодно выпускали 19-20 тыс. квалифицированных рабочих кадров для работы в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в строительных организациях, на транспорте и связи, на предприятиях торговли и общественного питания, коммунального хозяйства и бытового обслуживания. В этой системе работало около 2,5 тыс. мастеров производственного обучения, преподавателей и воспитателей. Большой вклад в развитие профессионально-технического образования и подготовку квалифицированных рабочих кадров для области внесли областные руководители П.А. Хлебов, Н.А. Темников, Р.К. Ильясов, А.С. Шалабаев, М.Х. Сейфуллин и другие. Очень много сделал для развития этой системы в прошлом руководитель этого ведомства в области и республике ветеран труда, профессор, доктор педагогических наук Б.А. Абдыкаримов. Окончили профтехучилище и успешно трудились в области Герои Социалистического Труда А.И. Бабаков, С.К. Токумтаев, К.О. Омаров, И.Я. Примачук, Н. Кабдыкаримова.

В начале 1970-х гг. при комбинате «Карагандауголь» функционировало пять горных профессионально-технических училищ (ГПТУ), в том числе два с четырехгодичным сроком обучения на 600 чел., два с трехгодичным на 600 и 400 чел., одно с двухгодичным сроком обучения на 400 чел. и одно техническое училище (ТУ) на 450 чел. В 1980-е годы на базе ПО «Карагандауголь» действовало четыре средних ГПТУ (на 720, 350, 640 и 720 чел.) и два ТУ (326 и 410 чел.) [4, с.37].

Из воспоминаний Щербинина Ю.Н. о ГПТУ (г. Караганда): «Место работы: Шахта №1-Вертикальная, комбинат «Караганда уголь Казахской ССР» (принят в отдел капитальных работ подземным проходчиком по IV разряду). Образование получал в ГПТУ №21 (Городское профессиональное техническое училище). Полный курс обучения в среднем профессионально-техническом училище по специальности буровой мастер проходил с 1967 по 1971 гг. Училище находилось на одной территории с общежитием, в котором я и проживал. Занятия проходили в первую смену, с 8.00 часов утра до 14.00-15.00 дня. Группы насчитывали в среднем от 20 до 30 учащихся, а групп, составляющих поток, было 3, что в целом составляло около 90-100 человек. Помимо группы БМ (буровой мастер), было немало других, представляющих свои специальности такие, как: автокрановщики, штукатуры-маляры, плотники, каменщики, маляры-отделочники и другие. День Знаний в ГПТУ (как, в прочем, и в любом ином средне-специальном учебном заведении) ничем не отличался от этого же торжественного дня, что и для учеников общеобразовательных школ. Обязательным «атрибутом»-символом патриотичности, конечно же, было то, что на каждой линейке исполнялся гимн СССР. Преподаватели в этот день получали от своих учеников цветочные букеты, главные лица училища наставляли учащихся на правильный трудовой и профессиональный путь патетическими напутствиями.

Если говорить об интерьере ГПТУ, то стоит отметить, что всё в нём было скромно, но аккуратно, чисто и уютно, и эти черты, в общем и целом, характерны

для всего, что касается советской системы образования. Аудитории были светлыми и довольно просторными, стены никогда не были пустыми – на них висели стенды и плакаты с изображением схем, таблиц, кластеров и другой графической информацией, свойственной каждой специальности. Полы были деревянными, парты – большими и прочными, чаще всего, окрашенными в сине-зелёный либо коричнево-бежевые цвета. Окон в кабинетах было много (2-3), отчего в них всегда хватало света и тепла. Правила, связанные с формой одежды же, напротив, были более похожи на те, которые имеем мы в современное время. Как правило, это была свободная форма, без каких-либо особенных требований. Тем учащимся, которые пребывали на государственном обеспечении, помимо специальной робы (спецодежды), было предоставлено бесплатное питание. В моде на тот момент была обувь на толстой подошве, расширенные книзу брюки - «клёш», яркие рубашки. А вот все принадлежности, необходимые для учебного процесса методические справочники, учебники и пособия выдавали всем абсолютно бесплатно. Чаще всего, всю необходимую литературу сами студенты брали в библиотеке при училище. Там же занимались, делали свои домашние задания, чтобы всегда быть готовыми к парам.

Интересен и тот факт, что стипендия выплачивалась абсолютно всем, и составляла она 36 рублей, что являлось немалой суммой денег. У учащихся же на четвёрки и пятёрки, стипендия была ещё больше: 49-50 рублей. Медицинское обеспечение было удовлетворительным, все процедуры и осмотры производились своевременно и качественно. Учебная и профессиональная практика производилась на третьем курсе обучения, я проходил её в геологической партии бурения и разведки в широких Джезказганских степях на самоходных буровых вышках. Если быть точнее, то в посёлке Рудный Джезказганской области.

Конечно же, помимо образовательного процесса, время отводилось и для занятий спортом, и для культурно-массовых мероприятий таких, как, например, субботники, и для личной, что называется, жизни. Я занимался баскетболом и волейболом и даже играл за сборную учебного заведения. В свободное же время мы с друзьями и одногрупниками зимой посещали каток, в качестве подработок в тёплое время года занимались разгрузкой вагонов на овощной базе, сдавали макулатуру и металлолом на общественных массовых работах. Как правило, досуг всегда был занят двумя самыми распространёнными и полезными для развития личности делами – чтением книг и просмотром фильмов. По вечерам после выполнения домашней работы, заданной преподавателями, на которую в среднем я отводил около 1,5-2 часов в день, читал книги. Вообще, чтение книг и являлось моим основным хобби и увлечением для души. Больше всего было перечитано различной научной фантастики. В то время были очень популярны фантастические романы Александра Беляева, самыми тиражируемыми из которых были «Человек-амфибия», «Ариэль», «Голова профессора Доуэля», «Властелин мира», «Продавец воздуха» и другие. Конечно же, читались не только советские, но и зарубежные, и мировые, и классические произведения.

Немало времени уделялось походам с одногруппниками в кинотеатры. Ходили в кинотеатры («Родина», «Ленина»). Кино любили оттого, что просмотру телевизора тогда не уделялось так много времени и внимания, как сегодня, и потому, что просмотр фильмов в кинотеатрах сопровождался прогулками, где студенты пили сладкую газированную воду и ели советский «Пломбир». Лучше газированной воды могла быть только газвода с сиропом! Питались учащиеся ГПТУ в городской столовой. Общепит был местом с довольно разнообразным и полноценным ассортиментом, и сравнительно недорогим в оплате. К примеру, стоимость первого, второго и третьего блюд (под третьим подразумевается компот,

кисель, чай) составляла около 50 копеек. В местах общего питания готовили супы, борщ, на второе чаще всего были котлеты с гарниром (гречка и макароны).

Взаимоотношение с преподавателями были доброжелательным, конечно же, базисом для его построения служило уважение. В свою очередь, со стороны учителей, профессионалов своего дела, к учащимся отношение было таким же» [8].

Учащимся горных училищ предоставлялись всякого рода льготы: повышенная стипендия, а также включение учебы в трудовой стаж. ПО «Карагандауголь» держало под контролем работу профессиональных училищ, обеспечивая их кабинетами и лабораториями, оснащенными самыми современными горными машинами и оборудованием, предоставляя наглядные учебные пособия и т.д. Базовые училища передали шахтам и предприятиям бассейна в 1970-е гг. 5577 квалифицированных рабочих, а в 1980-е – уже 6236, т.е. на 11,8% больше. Если в 1970-е гг. училища готовили кадры по 12 профессиям, то в 1980-е – по 18 [4, с. 40].

Из воспоминаний Тараканової Н.В. о ПТУ (г. Жезказган): «обучалась в ПТУ № 9 города Джезказган, по специальности крановщик. Название группы зависело от специальности и менялось каждый год в зависимости от курса (17, 27, 37). В группе было около 30 человек, а в потоке было около 150-200 человек. Учеба проходила в первую смену. Учебное заведение находилось не очень далеко, добирались до него на автобусе, которые ходили не очень часто. Ходила в библиотеку, которая находилась на площади Металлургов. Там я не занималась, но брала книги домой. Книги нам выдавали в училище, а вот канцтоварами мы обеспечивали себя сами. Так же была специальная форма: коричневый пиджак, длинная коричневая юбка и светлая блузка. В холодную погоду мы носили длинные серые плащи. Питание было, как и во всех учебных заведениях: столовая, в которой продавали различные кондитерские изделия. Вместе с одногруппниками ездили в Москву, Ленинград и в Алмату. Все поездки спонсировало училище. Ездили туда отдыхать на две недели. Хоть это было бесплатно, ездили не все, родители не всех отпускали, но мне всегда было интересно, поэтому я эти поездки не пропускала. Практику проходила на ЖБИ (железобетонный цех) в течение месяца. Работала на башенном и мостовом кранах. После окончания, меня обустроили в РМСУ» [9].

Из воспоминаний Лузиной С.С. об училище (г. Абай): «Училась в кооперативном училище по специальности продавец промышленых и продовольственных товаров. Училище находилось в тридцати километрах от места проживания. Добиралась каждый день на учебу на автобусе. Маршрут №122, проезд стоил в то время 50 копеек. Училась в первую смену, а второй даже и не было. Занятия в училище начинались в 9:00 и заканчивались в 15:00. В потоке было очень много людей, групп было всего 6, студентов в каждой группе было по 20 человек, всего в потоке было 120 человек. Первое сентября в училище проходило всегда очень торжественно. Для всех студентов первое сентября являлось официальным началом нового учебного года. Проводилась линейка и затем проходил торжественный концерт. Иногда в концерте принимали участие сами студенты. Перед первым сентябрем готовилась к этому дню. Заранее покупала канцтовары и учебные принадлежности, приводила в порядок свое рабочее место, то есть делала его максимально удобным, чтобы все было под рукой. Первого сентября одевала нарядную юбку красного цвета и блузку, а в обычные дни носила кофты, блузки, юбки темного цвета. Помню своего первого куратора. Это была женщина лет 55, невысокого роста, всегда строго и опрятно одета. Отношение к куратору и ко всем преподавателям было очень уважительное, они являлись для нас примером. На переменах обычно общались, обсуждали новости или просто ходили в столовую. После занятий обычно все ехали сразу домой, так как жили все далеко. Приехав домой, садилась за выполнение домашнего задания. На это я тратила примерно 3 часа времени.

Часто для выполнения домашнего задания нужна была дополнительная литература, поэтому часто ходила в библиотеку. Библиотека была в училище, но так же и в Абае. Книги для учебы выдавали в начале года, проблем с нехваткой книг никогда не было. Все книги выдавали на дом. Это было очень удобно. Раньше большее предпочтение отдавали книгам, нежели просмотру фильмов. Кстати, канцтовары и тетради покупали сами. Раньше такого разнообразия в выборе тетрадей не было. Были только простые тетради с белой обложкой и надписью «Тетрадь». Тетради стоили в то время около 4 копеек. Из канцтоваров покупала простые карандаши, ручки, линейки, точилки. Питание в училище нам очень нравилось. Комплексный обед включал: первое, второе и третье. Еда всегда быда разнообразной. Стоимость обеда составляла 20-25 копеек. Обязательное правило: четверг – рыбный день. В этот день в обед всегда была включена рыба. Мед.обслуживание проводилось в поликлинике бесплатно. Я являлась старостой группы. Вела журнал посещаемости и каждое утро понедельника начиналось с того, что я как староста проводила политическую информацию. Самое незабываемое время для меня – это время практики. Практика проходила в магазине, поэтому ответственность была большая. Проходила практика два раза, за нее получали зарплату, не меньше сорока рублей в месяц. Преподаватели контролировали работу: приёмку товара, приход, расход и отчёт. Магазин находился в Михайловке, но названия у него не было, был только номер, как и у библиотек. В те времена в моде из причесок была химическая завивка. Ее делали как девушки, так и парни. А модным парфюмом для девушек был «Dzinters». Все учащиеся ездили на автобусе, и никто даже не мечтал о собственной машине» [10].

Из воспоминаний Радаевой Г.И. о СПТУ (г. Темиртау): «Поступила и обучалась в СПТУ №28 (среднее профессионально-техническое училище) с 1989 по 1990 гг. по специальности повар-кондитер. Учебное заведение было расположено далеко, в 6 остановках от дома, добраться можно было на автобусе. Также в городе ходили трамваи, как и по сей день. Учеба начиналась с первой смены, с 8 утра. В кабинетах были парты, как в школе. Стены были окрашены в коричневый цвет. В конце кабинета находились шкафчики с выставленными там макетами: торты, выпечка, антрекот, первые, вторые блюда. После занятий шли на автобус, чтобы добраться домой. На выполнение домашних занятий уделяли в среднем 2 часа. Отношение к преподавателям было хорошее, уважительное. Обеспечение книгами, тетрадями, канцтоварами в учебном заведении не производилось, но кормили в столовой бесплатно. Обычно первое (суп гороховый/щи) и вторые блюда (пюре с подливом и котлета) и компот или чай.

Медицина была хоть и бесплатной, но порой не бывало самых простых лекарств, чувствовался дефицит. После теории, две недели проходили практику. В первый год обучения определили на завод, на втором году обучения в гимназию им. Аубакирова на должность повара. Трудоустройство по окончании учебы не проводилось. Одежду носили такую, какая была, однако всем хотелось выделиться. Некоторые ходили хоть и скромно, но всегда в чистом. Обычно одежда могла доставаться от старших братьев и сестер, если таковые были. Кому особо везло, родители привозили из-за границы. Зимой я носила норковый берет и ботинки с протекторной подошвой на шнуровке почти до колена. Были модными джинсы-варёнки. Достать их было безумно сложно и надевала я их по праздникам. Носили и джинсовые и спортивные куртки на пару размеров больше. А зимой популярны были болоньевые куртки. Выбор парфюмерии был не таким обширным, как сейчас. Импортные духи могли стоить как средняя зарплата рабочего, да и купить их было нелегко. Самыми известными и доступными считались духи «Красная Москва» фабрики «Новая заря». Носили короткие прически, красили

волосы, делали их пышными, начесывали, завивали. В свободное время большее предпочтение отдавалось просмотру фильмов вечером с семьей. Не было пультов управления, и чтобы переключить канал приходилось стоять и крутить ручку на телевизоре. Иногда ходили в кинотеатр, что являлось большим и радостным событием. Студенты не пользовались личным транспортом, так как это была непозволительная роскошь. Даже не все взрослые имели машину» [11].

Из воспоминаний Саприна С.М. о ГПТУ (г. Жезказган): «Образование получал в ГПТУ по профессии электрослесарь дежурный и по ремонту оборудования. Присвоена квалификация электрослесарь (слесарь) дежурный по ремонту оборудования четвёртого разряда. Училище находилось в 30 минутах ходьбы от дома. Добирался иногда пешком, иногда на маршрутке. Занятия проходили в первую смену. Продолжительность занятий с 8.00 утра до 15.00 дня. В группе было около 30 студентов, общее количество групп – 3.

1 сентября проводилась линейка в честь Дня Знаний, на которой выступали с поздравительной речью директор и преподаватели учебного заведения. Старшекурсники готовили для них разнообразные выступления. Главные лица вуза говорили слова-напутствия. Каждую линейку пели гимн СССР. Кабинеты были светлыми и чистыми. Полы в классе были деревянными, на белых стенах висели стенды со схемами и формулами, парты на железных ножках были покрашены в голубой цвет. Каждый кабинет имел своеобразный облик. Одежда выдавалась в вузе. Студенты получали пиджаки, рубашки, брюки, жилетки и даже теплые куртки на зиму. В обычные дни учащиеся носили рубашки любого цвета и только в праздник – парадные белые рубашки. В теплую погоду носили костюмы, выдаваемые училищем. Девочки носили блузки и юбки. В холодную погоду надевались теплые жилетки и куртки.

Куратором была молодая женщина, которую звали Елена Николаевна. Занятия пролетали незаметно и были очень интересными. На переменах все занимались различными делами личного характера: кто-то готовился к следующему уроку, кто-то повторял домашнее задание, общался с сокурсниками. Перемена длилась в среднем 15 минут, большая – 30 минут, на которой студенты бегали пообедать в соседний корпус. В первое блюдо входили разные супы, которые стоили около 9 копеек. Второе блюдо - гарнир с котлетами, которое стоило от 18 копеек. Чтобы просто легко перекусить, студенты могли купить коржик за 7 копеек и компот, кисель или чай за 5 копеек. После занятий студенты торопились домой, чтобы отдохнуть и приступить к выполнению домашнего задания. Время, удалявшееся на выполнение домашнего задания, составляло около 1 часа. В домашнее задание входили конспекты, решение задач по точным наукам и заучивание формул и определений. Иногда посещали техническую или городскую библиотеку. Книги, в основном, брали на дом.

Отношение к преподавателю было, конечно же, уважительным. Внешний вид преподавателя был соответствующим. Преподавательский состав поддерживал определенный классический вид одежды. Обеспечение книгами и канцтоварами не осуществлялось. Данные предметы выдавались только для студентов из неполных и малоимущих семей. Им выдавали, по возможности, одежду, канцтовары, тетради. Медицинское обслуживание было неплохое. Все медосмотры проводились качественно и вовремя. Что касалось общественных и культурных работ, то студенты собирали макулатуру, металлолом на общественных массовых работах, занимались уборкой определенной выделенной территории (субботник), каждый месяц в санитарный день проводилась уборка кабинетов в училище.

Те студенты, которые заканчивали учебный год хорошо, могли отправиться в тур поездки в дальнее зарубежье. В такие страны как Польша, Венгрия или

Болгария. Практика проводилась на 3 курсе в течение полугода на обогатительной фабрике, где я занимался обслуживанием и ремонтом электронного оборудования. Там я познакомился с новым для себя оборудованием, познал его использование на практике, познакомился с большим количеством новых людей. С большинством этих людей я до сих поддерживаю общение.

Также, свободное время уделялось и спорту. А именно вольная борьба. Занятия проходили в секции по вольной борьбе. Какую-то часть времени занимался у А.С. Сабеева. Занимался данным видом спорта на протяжении 8 лет. Участвовал в различных областных соревнованиях, получал грамоты, медали, дипломы. В свободное от занятий время, студенты старались группами выезжать на природу на пикник, где жарили шашлыки.

Прически в моде были классические. К ним относятся женские короткие стрижки до плеч, уложенные в виде волн. Сначала появились смелые прически с выбритыми висками, далее молодые люди осмелились на ирокеза и выбритый затылок. Все это, конечно, каралось недопониманием со стороны общественности, но того стоило, ведь подобные прически позволяли выделиться из толпы и стать неподражаемым стилягой. Из парфюма в то время, в моде были такие женские духи, как «Красная Москва». Студенты ходили со стильными дипломатами. Также предпочтение отдавалось и сумкам-мешковинам. Об обуви можно сказать, что модными были туфли и ботинки на высокой платформе с большими каблуками и закруглённым носом.

Также, мы принимали участие в спортивных мероприятиях, в игре «Зарница». Участвовали в парадах на 7 ноября, 1 и 9 мая. После окончания училища, государство предоставляло рабочие места. Выдавались направления на место работы. По распределению я получил то место, где проходил практику. Получилось это практически по желанию, выбор пал на лучший вариант.

Чтению книг отдавалось большее предпочтение, потому что в то время было мало кинотеатров, мало культурно-развлекательных центров. Книги брали в библиотеках, покупали в книжных магазинах, количество которых было более, чем достаточным. Такой роскоши, как машин ещё пока не было. Студенты добирались до места учебы пешком, либо на автобусах. Редким случаем было наличие мотоцикла. Но обычно студенты на собственном транспорте не ездили. Но многим, конечно, хотелось бы иметь что-то вроде жигулей» [12].

С каждым годом увеличивалось число учащихся, обучающихся и в средних специальных учебных заведениях. Так, в 1977 г. в них обучалось 7,5 % выпускников восьмых классов, а в 1986 – 9,8%. В 1976-1983 гг. были открыты Карагандинское педучилище, Карагандинский учетно-кредитный техникум, Темиртауский металлургический техникум и Темиртауский строительный техникум, Джезказганское музыкальное училище, Темиртауское педагогическое училище [1, с. 336]. С начала 1980-х гг. в области стало функционировать 32 средних специальных учебных заведений. в них обучалось свыше 25 тыс. учащихся, подготовка кадров велась по 64 специальностям. Средние специальные учебные заведения ежегодно выпускали 7,5-8 тыс. человек со средним специальным образованием, подготовкой специалистов было занято свыше 1800 преподавателей.

Из воспоминаний Саттыгуловой Б.Т. (г. Темиртау): «Образование получала в Темиртауском педагогическом училище в 1987-1991 гг., школьное отделение, специальность «учитель начальных классов». В обычные дни носили одежду по дресс-коду (юбка офисной длины, блузка любого цвета), в праздничные дни торжественный наряд (белый верх, чёрный низ). В моде были причёски: «Легенда», химия, начёс, обесцвечивание. Из аксессуаров многие носили дипломаты и пользовались приторными парфюмами. Из одежды я предпочитала всегда юбки

или платья. К преподавателям относилась с уважением, всегда внимательно слушала и выполняла все требования. В общем, внешний вид преподавателей соответствовал их должности.

В кабинете стены были окрашены в белый цвет, на них красовались картины, нарисованные самими студентами, на подоконнике стояли цветы, парты цвета беж расположены по центру, в два ряда, пол был устлан линолеумом. В каждом кабинете находилось фортепиано и множество всяких шкафов с разными наглядностями. На большой перемене обедали, а на остальных переменах в основном общались друг с другом. В училище был мед. кабинет на первом этаже, рядом с буфетом. В буфете всегда вкусно кормили, было первое и второе, а цены «не кусались». Зачастую перекусывала чаем и пирожком с яблочным повидлом. Каждый праздник проводились интересные мероприятия, в актовом зале. Очень часто посещали немецкий театр, он находился рядом с училищем. Актёры играли на немецком языке, но на каждом сидении лежали наушники, в которых звучал перевод. В группе была староста, остальные девочки делились на сектора. Я входила в художественный сектор, который занимался оформлением своего кабинета и праздников. Группа была образцовой по учебным показателям и дисциплине, за что награждались путёвками для отдыха.

После занятий всегда возвращалась в общежитие, но почти всё свободное время проводила в библиотеке, в читальном зале, чтобы подготовить домашнее задание на следующий день, так как на тот момент не было интернета, рефераты писали сами.

Учебная практика проходила в разных школах г. Темиртау, месячная – по месту жительства и месяц в пионерском лагере «Космос». Практика каждый день была наполнена различными и интересными моментами. Самая незабываемая практика запомнилась в лагере: однажды проснулась до подъёма детей, а двое мальчишек незаметно выбравшиеся до подъема, стояли у дверей комнаты с букетом цветов, который собрали сами» [13].

Из воспоминаний Алтамировой Д.Н. о техникуме (г. Балхаш): «С 1986-1989 гг. я обучалась в финансово-экономическом техникуме на факультете: бухгалтерия и учет, по специальности: бухгалтер промышленных предприятий. Обучение проводилось в дневную смену. У нас был стандартная аудитория, которая больше походила на школьные классы. Ученические столы, старые стулья, доска и огромные шкафы в которых находился учебно-методический материал. На стене висела большая географическая карта и портреты многих профессоров. После занятий все бегом направлялись домой, чтоб сделать домашнее задание, на которое у меня уходило более двух часов и вечером заняться личными делами.

Рядом с нашим техникумом находилась отдельная библиотека. Я даже в выходные дни просила меня пустить внутрь, чтоб прочитать много книг. А в будние дни, я оставалась после пар, чтоб найти профильные книги и классику. Я очень любила участвовать в различных праздничных мероприятиях. Всегда была активисткой. Ставила различные номера, пела песни и танцевала. Нам поручали рисовать стенгазеты, а в выходные дни мы посещали музей, зоопарк и др. В студенческие годы я занималась легкой атлетикой. Участвовала в городских соревнованиях, где занимала призовые места. В выходные дни мы с моей группой ходили в кинотеатр и клуб, а когда была возможность выезжали на природу. Машина была только у родителей, но все студенты любили ездить на автобусах, так как мы в это время делились новостями и просили списать «домашку» [14].

Высшие учебные заведения Центрально-Казахстанского региона подготовили огромное количество специалистов различных отраслей народного хозяйства Казахстана. Они стали постоянным источником пополнения и роста научных

кадров, мощной интеллектуальной базой развития научного потенциала республики. Ведущие ученые Центрального Казахстана благодаря своим многочисленным публикациям, научным открытиям были известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Среди деятелей науки следует отметить тех, кому принадлежит исключительная роль в подготовке высококвалифицированных специалистов. П. Репалова, доцент С. Баймурзин, академик Е. Букетов, доцент Е. Поспелова, академик А. Сагинов, профессор Л. Шумаков, доцент П. Котляров, профессор Б. Бейсенов и многие другие.

К 1970 г. Казахская ССР ежегодно выпускала около 30 тыс. специалистов высшей и около 50 тыс. специалистов средней квалификации, республика располагала 45 высшими и 190 средними специальными учебными заведениями, в которых обучалось более 416 тыс. студентов. С 1972 г. были введены новые стипендии, повышенные в среднем на 25 рублей, в зависимости от курса от обучения и специальностей размер стипендий в вузах составлял от 40 до 60 рублей в месяц. Именные стипендии (К. Маркса, В.И. Ленина) в вузах выплачивались в размере 100 рублей в месяц. Стипендию из государственного бюджета получали более 72% обучающихся в вузах [15, с.20]. Также студентам, имеющим по результатам экзаменационной сессии отличные оценки по всем предметам, стипендия повышалась на 25%. В 1970-1975 гг. было введено в строй более 1 млн. кв м площади студенческих общежитий. Особое внимание было уделено вопросам организации общественного питания студентов, по улучшению медицинского обслуживания студентов, оздоровительно-спортивной работы с ними, организации их отдыха

За 1970-1991 гг. произошел значительный рост уровня образования населения. В 1979 г. показатели уровня образования в регионе значительно превышали среднереспубликанские.

Таблица 1 – Уровень образования занятого населения Центрального Казахстана (1970 –1989 гг.) (в промилле) [16, с.114]

	Джезказганская область		Карагандинская область	
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Высшее, н/в, среднее	851	936	839	930
Высшее	102	151	113	145
Н/ высшее	10	14	11	15
Среднее специальное	189	263	164	246
Среднее Общее	274	384	302	389
Неполное среднее	265	124	249	135
Начальное	133	54	135	59

Как видно из таблицы, среди городского населения Джезказганской области в расчете на 1000 человек населения, приходилось лиц с образованием 851, в сельской местности – 820 чел. В Карагандинской области тот же показатель составил в городе – 839; на селе – 722 чел. В 1989 г. уровень образования увеличился, как в городской, так и в сельской местности и составил в Джезказганской области у городского населения – 936 промилле; у сельского – 929промилле; в Карагандинской области – 930 и 892 промилле соответственно. Темпы роста образовательного уровня у сельчан происходил интенсивнее. Так, если за межпереписной период количество лиц с образованием, среди городских жителей увеличилось на 9,2%, то среди сельских - на 15,4%.

В Центральном Казахстане значительная часть населения имела высшее образование. В 1979 г. число лиц с высшим образованием в Джезказганской и Карагандинской областях составило 92 и 103 промилле соответственно. В 1989 г. в

Республике наибольшее число лиц с высшим образованием (без учета города Алма-Аты) и после Кзыл-Ординской области (172 промилле) дали Джезказганская (146 промилле) и Карагандинская (134 промилле) области. В 1989 г. число специалистов с высшим образованием резко увеличилось в городах – на 34%, в то время как в сельской местности – на 15%. За период с 1979-1989 гг. увеличилось количество женщин, имеющих образование. В городах за 10 лет удельный вес мужчин и женщин с образованием увеличился соответственно на 10% и 11%, причем значительная часть женского населения повышало свое общее профессиональное образование без отрыва от производства.

Только в 1985-1986 учебном году в Карагандинской области работали 7 высших учебных заведений (в КССР –35): Карагандинский государственный университет (основан в 1972 году), педагогический институт (основан в 1938 году), медицинский институт (основан в 1950 году), политехнический институт (основан в 1953 году), завод-ВТУЗ при Карметкомбинате (основан в 1963 году), кооперативный институт (основан в 1966 году), высшая школа МВД (основана в 1969 году). В этих учебных заведениях, обучалось свыше 34 тысяч студентов по 35 специальностям, работало 2600 преподавателей, в том числе 64 доктора наук (4 академика и члена-корреспондента АН КССР) и 1213 кандидатов наук. Функционировало 23 средних специальных учебных заведения, в которых обучалось 23 тыс. человек; 49 средних профессионально-технических училищ (в 1980 г. их было 35), из них 38 городских и 11 сельских, в которых обучалось свыше 25 тысяч учащихся по 108 специальностям; 502 дневные и вечерние общеобразовательные школы, в которых обучалось свыше 222 000 учащихся, работало 12 900 педагогов, из них с высшим образованием – 8 100, со средним специальным – 3700; 41 музыкальная, 28 спортивных и 3 художественных школы. Сеть дошкольных учреждений была представлена 562 учреждениями системы Министерства просвещения; 113 – находились на балансе угольной промышленности; 41 – черной металлургии; 53 строительных предприятий и 127 – предприятий сельского хозяйства [16, с.116].

Из воспоминаний Коптеловой С.Г. о ВТУЗе: «Я училась в Темиртауском Заводе-ВТУЗе при Карагандинском Металлургическом Комбинате. Поступила я на инженерно-строительный факультет, училась на вечернем отделении по специальности инженер-строитель. Занятия на вечернем отделении проходили с 19.00 до 22.00, а так как мой ВТУЗ находился в другом населенном пункте, выходила из дома я примерно за полтора часа до их начала, 40 минут добиралась на автобусе до города и потом еще 20 минут ехали по городу. Редкие счастливчики приезжали на занятия на «Москвичах», в нашей группе все абсолютно добирались на трамваях, автобусах. ВТУЗ располагался на Востоке (так называлась остановка, и от нее начинался восточный район, доходил он до Карагандинского металлургического комбината). От Востока бежали вглубь восточного района одну или две остановки от главного корпуса до нашего. Он располагался в старом здании сталинской архитектуры, там был длинный-длинный узкий коридор, по обе стороны его располагались кабинеты. Они мало чем отличались от школьных классов: те же столы, доска, стулья. На потоке у нас было более 100 человек, примерно 6 групп и около 25 человек в каждой. В нашей группе было 24 человека, все дружные, общительные, в основном парни, вуз был технический. Между парами всегда болтали, делились новостями, шутили. Ребята бегали курить, да и некоторые девушки курили, но в то время это не выставлялось напоказ.

Девушки у нас старались следить за модой. Я ходила с распущенными волосами, на высоких каблуках с дипломатом, тубусом для чертежей, в черной плюшевой юбочке выше колен и рубашке в мелкую клетку типа мужской. Их у меня было три: в черную, синюю и коричневую клетку. На экзамены всегда надевала

красивое велюровое платье необычного цвета, серовато-голубого. Одевались все красиво, хотя хороших вещей в магазинах не было, всё покупали на барахолках. Для межсезонья у меня был модный и дорогой черный кожаный плащ, белая шаль-паутинка, черные сапоги. Во время зимы носила красное пальто с воротником из песца. В моде были начёсы, на голове устраивали пирамиды, стрижки делали с начесом, с укладкой. У меня были длинные волосы ниже плеч без начеса, с челкой. Волосы у меня были густые, пышные, очень красивые, поэтому начеса мне и не требовалось. Не пользовалась ни тональными кремами, ни пудрами различными. У меня был крем для лица, «Любимый» назывался, мне и его хватало. Снизу подводила глаза черным карандашом, подкрашивала тушью ресницы, обязательный атрибут – помада. Самым модным оттенком помады был коричневый.

Мы носили дипломаты, тубусы, некоторые носили портфели. Модными дипломатами считались черного и коричневого цвета. У меня был зеленый, под цвет зеленого платья. Заядлые модницы носили маленькие сумочки, в которые едва помещалась одна тетрадь. Обычная одежда не отличалась у нас от праздничной, а все, потому что мы каждый день шли на учебу, как на праздник – так нам нравилось учиться. Уже сказывалось веяние Запада, носили джинсы, джинсовые юбки, костюмы, комбинезоны. Помню, появились большие заграничные пакеты из Германии по рублю за штуку – это было очень дорого для того времени. Продавали их «из-под прилавка». Пакеты носили не все, это был признак продвинутости, крутости. Сейчас похожие тоже есть, белые пакеты с напечатанными на них текстами и черными картинками. Сейчас это, конечно, уже далеко не признак стильного и обеспеченного человека, а тогда был писк моды. На потоке у нас был один парень, самым крутым считался, пользовался популярностью у девушек. Ходил всегда в джинсовом костюме, в очках, жвачку жевал, хотя ее еще почти ни у кого не бывало в то время, купить было негде.

Так как учились мы в вечернюю смену, занятия кончались уже затемно, и мы скорее спешили домой: поесть (в корпусе столовая работала только днем), отдохнуть. Несемейные парни и девушки гуляли, знакомились, по танцам ходили, как же без этого! Дома часов до 2 ночи делали курсовые проекты. Часа 3-4 уходило на выполнение домашнего задания. Были сложные задания, были легкие, но все без исключения были интересными. В основном приходилось выполнять чертежные работы. Но сначала надо было рассчитать масштабы, просчитать опоры, реакцию опоры, нагрузку на нее. Если на семинар по сопромату не сходишь, и не поймешь, с какой стороны подступиться к этому чертежу. Сопромат сложным предметом считался. Наши парни шутили: «Если экзамен по сопромату сдашь – можешь жениться». Мне он давался легко, может потому что еще в школе посещала физико-математический кружок. Мне очень нравилось учиться, я буквально «глотала» всё новые и новые знания.

За дополнительной информацией мы ходили в библиотеку втуза, сидели там по полтора-два часа. Все учебники выдавались в библиотеке. Я, правда, сама купила два огромных толстых словаря: русско-французский и французско-русский. Они были жутко дорогие, но не сидеть же постоянно в библиотеке, чтобы переводить тексты. Канцтовары покупали в магазинах. Особенно гонялись за голубым ватманом, его было почти не достать. Он очень хорош для чертежных работ, так как очень плотный. Еще пользовались популярностью твердо-мягкие чертежные карандаши «Кохинор», производство Чехии. На них везде был дефицит, «продавали из-под прилавка».

У нас был очень позитивный, ответственный староста. Он уже работал по специальности, имел среднетехническое образование, был авторитетен. Он взял над нами шефство, помогал во всем. Как водится, после каждой сессии «обмывали»

результаты, опять же он был организатором во всём, был душой нашей компании. Группа наша была сплоченная, дружная. Летом часто ездили купаться, на зимних каникулах на лыжах катались. На выходных тоже гуляли, но я всегда оставалась дома, отдыхала.

Преподаватели у нас имели вид истинных советских интеллигентов. Сейчас помню только преподавателя физики по фамилии Гофман. Остальных только на лицо. У нас были взаимоуважительные отношения, ведь те, кто учились на вечернем отделении, уже работали по специальности на предприятиях и им нужны были только дипломы. На своих же рабочих предприятиях проходили учебную практику. Я работала на Карагандинском заводе асбестоцементных изделий. Трудовую деятельность на заводе начинала с рабочего места, работала оператором за пультом управления. После получения диплома стала стремительно подниматься по служебной лестнице, работала инженером» [17].

Из воспоминаний Абишевой В.Т. (г. Караганда): «Поступила в 1969 г. в Карагандинский государственный педагогический институт (КГПИ), но закончила совершенно иное высшее учебное заведение, ведь с 1972 год пединститут переименовывают в Карагандинский государственный институт. Я оказалась в числе первых выпускников нового университета, и диплом мне лично вручил Букетов. Училась на филологическом факультете по специальности «Русский язык и литература», в группе Б. В то время на факультете было лишь три специальности и, соответственно, три группы, в каждой по 24-26 человек, в основном девушки. Пары проходили с утра: 50 минут занятия, затем перерыв по 5-10 минут, снова занятия по тому же предмету и перемена 10-15 минут. Занятия проходили в так называемых «поточках».

Конкурс при поступлении был большой: 7 человек на 1 место, все поступившие обучались бесплатно. Абитуриенты, получившие на вступительных экзаменах высокие оценки, получали стипендию. Вначале я получала 28 рублей, в то время сумма была хорошая. На первом курсе к 1 сентября очень готовились. Все пришли нарядные, с косичками, букетами цветов – как в школу. Я пришла в новом красивом костюмчике и тоже с косичками, правда, к концу первого учебного года избавилась от них, обрезала – так было модно. Помимо вышеупомянутой стрижки в моде были сарафаны и болоньевые плащи, чуть позже – материла кримплен. Вещи из него вообще не мялись и не пачкались. На сумки сильной моды не было – носили подобие портфелей. Да и вообще на моду смотрели мало. В голове были мысли не о платьях и юбках, а том, что приехали в город за знаниями.

Помню своего куратора - Мальцеву Лилию Михайловну. Это был великолепный человек, она преподавала немецкий язык. Вспоминаю своих любимых преподавателей: Елену Петровну Цой (вела русскую литературу до XIX века), которая очень вдохновенно преподносила материал, Ханшайым Максутовну Джумабаеву (преподавала современную русскую литературу) студенты просто боготворили, Анну Николаевну Тен (вела зарубежную литературу), Магиру Киноятовну Смагулову (вела практику) и т.д. До сих пор не забыла ни одного имени. Учебный корпус в те времена располагался по улице Гагарина, в котором находился великолепный спортзал. Но занятия там проходили лишь осенью и весной, когда на улице была грязь. В остальное время занимались физкультурой неподалеку в парке. Были не просто несколько «пар», а целые физкультурные дни. После занятий всех обязывали посещать каток. На третьем и четвертом курсе предмет не преподавался.

В 1972-м году филологический факультет переехал в новый корпус по улице Гоголя. Открывал его сам Е.А. Букетов. Все было новым: парты, стены, оборудование. И добираться до учебы стало удобнее: всего 5 минут из общежития,

и ты на месте! Часто завтракали в буфете, он был превосходным: все свежее, горячее и в обилии. В те годы дефицита не было. В общежитиях жили без конфликтов, все дружили. Из группы только 2 человека были городскими. На день рождения обязательно приносили торт.

В приоритете была учеба, а в свободное от занятий время часто ходили в кинотеатр им. Ленина – ни одна новинка не оставалась без просмотра. Также там было вкуснейшее в городе мороженое. Еще посещали театр им. Станиславского, но реже – билеты были дороже, чем в кино. Кстати, культуру речи нам преподавал артист этого театра. Постоянно читали. Была даже «дурацкая» привычка покупать книги: специализированный магазин был прямиком на пути в общежитие и ноги сами туда несли. Учебников вообще не было, ходили в библиотеку им. Гоголя, в читальный зал во Дворце Горняков. Писали там конспекты.

Я часто танцевала на концертах, группой выезжали танцевать в совхозы. К мероприятиям в университете готовились очень ответственно. Главными были праздники 7 ноября и 1 мая. За две недели до события студенты ходили на маршировку. Летом, после первого курса, учащиеся выезжали, в основном, либо на картошку, либо на ток. Мне очень повезло: я с соседкой по комнате поехала в стройотряд, благо знакомые ребята с факультета физической культуры посодействовали. Строили гостиницу, общежития, жилые дома. Девушек обычно не брали. А после третьего курса учащихся обязательно отправляли вожатыми в пионерский лагерь. Первая практика была ознакомительной, проходила в 63-й школе. Студентов прикрепили к В.Т. Снопкову, филологу этого учебного заведения. Сначала наблюдали за тем, как он сам проводит занятие, позже вели урок самостоятельно, Виктор Трофимович сидел и комментировал. Своим трудоустройством я была очень довольна. С самого садика мечтала пойти по стопам матери и быть учителем. Преподавала русский язык и литературу в школе, позже за активную деятельность меня назначили организатором внешкольной работы. Теперь я профессор кафедры журналистики филологического факультета КарГУ им. Е.А. Букетова» [18].

Из воспоминаний Д.Р. Акшолаковой (г. Караганда): «Я училась в КПИФВ (Карагандинский педагогический институт физического воспитания) в 1979-1983 гг. на факультете физического воспитания, специальность: физическая культура. Институт был расположен на Юго-востоке. До института мы добирались на автобусе (№25), троллейбусе. Занималась в первую смену. В потоке было 200 человек, всего 18 групп. С 1 по 30 сентября мы работали на поле, сельхозработах, собирали картошку. Занятия в институте начинались с 1 октября. В свободное от занятий время, мы с одногруппниками любили ходить в поход, ходили на экскурсии. После занятий мы ходили в кинотеатр, кто-то шел на тренировку. Часто ходили в центральную библиотеку, где занимались по 3-4 часа в день.

Очень хорошо помню своих преподавателей: по баскетболу – Зорин В.А., по волейболу – Полунин В.В., по анатомии – Талалуев, по гимнастике – Белоусову, по немецкому языку – Гаухар Нургалиевну. Их образ до сих пор стоит у меня перед глазами. Помню наши кабинеты: большие, светлые, белые стены, полы крашеные, парты обычные, как в школе. Часто ходили в буфет, брали в основном: кефир, лимонад, соки, коржики, булочки, бутерброды. Все это стоило копейки. В институте проводились спортивные мероприятия, танцы, встречи с известными спортсменами, различные конкурсы» [19].

Из воспоминаний Бегдаровой Ж.З. (г. Караганда): «Окончила Карагандинский политехнический институт по специальности механизация литейного производства. Данный вуз располагался по бульвару Мира и имел в своей структуре несколько зданий общежития для студентов, находившихся на сравнительно

близком и доступном расстоянии. К примеру, я добиралась до места учебы не более чем за пять минут, что значительно облегчало студенческие расходы. Занятия проводились всего в 1 утреннюю смену. На первом курсе количество учащихся в потоке составляло от 75 до 90 человек, группы по 25-30 человек. Смутны воспоминания о начале учебного года: честно говоря, практически не помню свое первое сентября. Наверное, ничего примечательного. О начале занятий студенты узнавали, как и полагалось, на доске объявлений. В те годы, как и на сегодняшний день, студенты не придерживались какого-то особенного дресс-кода: одежда выбиралась в зависимости от погодных условий и индивидуальных предпочтений. По праздникам выбирали что-то более выделяющееся и нарядное по тому же принципу. Обувь предпочитали импортную: венгерскую, чешскую, финскую и т.д. Подавляющее большинство местной молодежи предпочитало австрийские аналоги. Также широк был и перечень сумок, с которыми студенты появлялись на учебе: от кожаных сумок через плечо, до офисных портфелей и дипломатов. В плане стрижек абсолютно не наблюдалось ограничений – каждый был волен выбрать что-то по душе (паж, финский мальчик, механические заколки всевозможных размеров и форм). Преподаватели же, в свою очередь обязаны были придерживаться строгого офисного стиля. На учебу студенты приезжали на общественном транспорте, или же добирались пешком. Всего у одного учащегося в группе на тот момент было собственное средство передвижения. Это являлось настолько редким явлением, что довольно отчетливо отпечаталось в моей памяти.

Особенно яркие впечатления в памяти оставили преподаватели вуза, каждый из которых отличался своей неповторимой методикой и стилем ведения занятий. К примеру, преподаватель по теоретической механике по фамилии Хан перерабатывал учебный материал в более доступный для студентов, в связи со сложностью учебных пособий, но требовал за эту услугу «плату» в виде 100% посещаемости его занятий, а заведующий кафедрой по сопротивлению материалов сумел пересилить страх студентов к преподаваемой им дисциплине и привить любовь к предмету доступностью изложения и добрым нравом. Студенты даже в шутку поговаривали: «Сдал сопромат – можно жениться» (поговорки в технических вузах были одни и те же). Куратор же была строгой женщиной средних лет, относящейся к курируемым студентам как к родным детям («Даже за вредные привычки отчитывала»). Первое время преподаватели вуза эпатировали студентов своими манерами и неординарностью, но спустя время завоевывали уважение последних тонкой душевной организацией и блестящей осведомленностью в преподаваемых ими отраслях.

В период обучения также, как и сейчас существовала кабинетная система. В связи с этим, перемены едва хватало на перемещение из одной аудитории в другую, а иногда даже приходилось идти на занятие в другие корпусы вуза. Например, по специальности кабинеты находились рядом с кафедрой литейного отдела, а лекции по общим предметам читали в римских аудиториях на несколько сотен мест. Физическая культура, в свою очередь, проводилась в отдельном здании.

Оснащен Карагандинский политехнический институт был на высшем уровне и соответствовал всем параметрам и требованиям студентов и преподавателей: специальные лаборатории для практических занятий, имеющие в своем арсенале все необходимое оборудование; просторные и светлые аудитории, выкрашенные в пастельные тона, чтобы не отвлекать внимание учащихся; обширная библиотека с широким ассортиментом книг, как в читательском зале, так и на вынос. Книжный фонд в библиотеке классифицировался по особому принципу. Прежде чем допускать студента к имеющимся книгам, проводились подробные инструкции по работе с картотекой для быстрого и точного ориентирования. Рядом с учебными

корпусами находились отдельные здания для приема пищи и оздоровительный санаторий, в который направляли студентов, имеющих проблемы со здоровьем. В общежития студентов распределяли строго по факультетам. В одном из общежитий располагался медпункт, что являлось очень удобным решением, так как в него можно было попасть, не выходя на улицу. Приемы осуществлялись врачом и медсестрой в стерильной обстановке. В холле находилось несколько кушеток для студентов. Вуз прекрасно заботился о состоянии здоровья своих подопечных. К примеру, меня направили в республиканский лечебный санаторий в городе Щучинск полностью за счет учебного заведения.

С досугом, как водится, у студентов не возникало никаких проблем во все времена. В институте функционировало собственное радио и в роли ведущего себя мог попробовать абсолютно каждый. В праздники – обязательное участие в городских парадных шествиях и мероприятиях (7 ноября, 1 мая и маевка – 8 мая). Иногда организовывались мероприятия в актовом зале, но это происходило не так часто. В свободное время студенты посещали театры, рестораны и кафе. Особенно мне нравилось кафе «Лакомка» на улице Н. Абдирова. Периодически, ребята дружным коллективом ездили на речку или просто собирались погулять. Летом подрабатывали в строительных отрядах, т.к. студентам платили вполне прилично: ежемесячно от 40 до 47 рублей. Это являлось хорошим источником дохода, в частности для тех, кто не получал стипендию. Её выплачивали только тем, кто учился без троек. Отличникам полагалась повышенная стипендия. К вопросу денег подходили серьезно, ведь канцелярские товары нужно было покупать самим, а помимо этого – закупаться едой и тратиться на проезд. К слову, стоил он 5-10 копеек.

Два курса студенты усиленно изучали общие предметы, с третьего – частично вводились предметы по специальности, четвертый и пятый курсы – полностью специализированные. В ходе учебы, многих парней забирали в армию, поэтому девушки в группах преобладали. После прохождения нужных курсов, наступало время практики, которая делилась на два вида: местная (на заводах Караганды: первый металлургический и завод СТО – сантехнического оборудования в Майкудуке) и иногородняя (в Челябинске на тракторном заводе, или же в других городах на выбор). Последнюю преддипломную практику я проходила на комбинате в родном городе Балхаше. Дальнейшее трудоустройство студентов обеспечивал сам институт: на 3 года в разные города Казахстана по распределению. Определенные предприятия запрашивали специалистов и выплачивали им подъемные. В случае открепления от назначенного предприятия, подъемные не выплачивались и трудоустройством уже нужно было заниматься самому. Я остановила свой выбор на одном из предложенных вузом вариантов – военном заводе в городе Петропавловск. Я по сей день с теплом и ностальгическим блеском в глазах вспоминаю свои студенческие годы» [20].

Из воспоминаний Исабаевой Р.К. о КарГМИ: «В 1978 г. я поступила в Карагандинский Государственный Медицинский институт, а закончила в 1984 г. Училась на стоматологическом факультете, по специальности - врач стоматолог, в группе 101. Проживала на Юго-Востоке, а институт был расположен в городе. Было тяжеловато добираться, так как автобусов ходило туда немного (примерно около 5-6). Ездила она автобусах с пересадками, потому что до Медицинского института не было прямого маршрута. В то время проезд стоил недорого, около 5-10 копеек. В институте находилась почти целый день. Занятия начинались с 8 утра и заканчивались в 7 вечера. Примерно на потоке стоматологического факультета было 150 человек, групп было примерно 12-13, в каждой учились от 11 до 13 студентов.

Первого сентября сразу начинались занятия и официальных мероприятий в честь начала учебы не было. Поступление в институт я праздновала скромно в кругу семьи. Из одежды в обычные дни носили джинсы, юбки, платья. Модными были джинсы-клеш, юбки «гармошки», а в праздничные дни я носила различные платья (которые обычно шила сама). Конечно же, в институте заставляли носить белый халат, который всегда должен был быть чистым, проглаженным и накрахмаленным. Куратора и преподавателей я помню смутно. Помню лишь, что куратором была крупная женщина, с командирским голосом. Образ преподавателей сохранился в памяти как требовательных и справедливых людей. У нас пары и циклы проходили в разных клиниках города, которые были расположены в разных частях города. На перемене мне нужно было успеть добраться с одного здания в другое. И нельзя было опаздывать на занятия. Заниматься я ходила в библиотеку, «анатомку» (кафедра анатомии), так же дополнительно занимались на различных кафедрах, обменивалась конспектами с одногруппниками. На выполнение домашнего задания в среднем тратила 3-4 часа. Посещала библиотеку при институте, ездила в библиотеку Гоголя. После занятий оставалось мало сил, поэтому на посещение других библиотек не оставалось времени.

К преподавателям всегда относилась уважительно. Канцелярские товары и тетради покупали сами (обычно на базаре), учебники выдавались от института. Тяжелее всего было найти и приобрести атлас анатомии. Он был в дефиците. Питались между парами, если успевали в различных столовых. Цены были доступными, плотно покушать можно было в пределе 1-2 рублей. Изначально, когда я только поступила в институт у меня была 1,5 годовалая дочка. Поэтому в мероприятиях, проводимых в институте, я не участвовала. Практику проходила в стоматологической клинике № 1 города Караганды.

Помню одну веселую историю, которая произошла во время прохождения практики в стоматологии. Пришел как-то ко мне на прием мужчина в военной форме, с серьезным лицом и брутальным голосом. Перед тем, как сесть в кресло, он задал кучу вопросов о том, на сколько хорошо мы всё дезинфицируем, какие препараты мы используем, какой стаж работы у меня и тому подобное. Ответив на все вопросы, я еле как уговорила сесть его в кресло. Когда он, наконец сел, я подготовила всё для того, чтобы сделать обезболивающий укол… Только взяла шприц в руки, а он как расплакался! Просто представьте себе, мужчина в военной форме плачет от страха сделать укол. И тогда я поняла, что с виду мы все кажемся не такими, какие есть на самом деле. Успокоив мужчину, я все-таки вылечила ему зуб.

В то время всем без исключений, после окончания института предоставлялись рабочие места. Я с теплотой вспоминаю о студенческой жизни и о своих одногруппниках, со многими из которых мы общаемся и по сей день» [21].

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1970-х - 1991 гг. в городах Карагандинской области происходит совершенствование системы образования. Школа и вузы, как основа образованности и культуры, стали приобретать в общественной жизни все большее значение.

О повышении образовательного уровня городского населения Центрального Казахстана говорит рост числа учащихся, получивших среднее общее образование, рост числа студентов в вузах. Для советской повседневности система образования составила один из важнейших столпов ее формирования, так как формирования особого специфического типа личности – «советского человека» происходил в течение 13-18 лет именно в советской системе образования (ясли-сад-школа-вуз). Именно в этот исторический период сложились устойчивые стереотипы массового сознания эпохи социализма, совокупность которых сказывалась на развитии общества и ныне (принципы отношения к труду, к собственности, нравственные

ценности и т.п.). Поколение, которое сейчас составляет группу от 45 до 80 лет прошли именно эту советскую «школу». И хотя эта школа постоянно находилась под контролем чиновников различных ведомств (от органов просвещения до комсомола и партии) она обладала мощнейшим инструментарием формирования человека советского типа.

---

1. Досмагамбетов С.К. Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. – Алматы, 2003. – 562 с.
2. Общие тенденции культурного развития Казахстана в 1970-1980 годы. Народное образование от съезда к съезду. – Алма-Ата, 1987. – С. 6.
3. ГАКО.Ф. 469.Оп.1.Д. 754
4. Интервью с Н.А. Маркеловой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
5. Балхаш. Страницы истории (1936-2007). Балхаш – 2007.
6. Интервью с К. У Бекбергеновой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
7. Интервью с С.В. Завгородневой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
8. Интервью с Ю.Н. Щербининым., записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
9. Интервью с Н.В. Тараканової, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
10. Интервью с С.С. Лузиной, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
11. Интервью с Г.И. Радаевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
12. Интервью с С.М. Саприным, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
13. Интервью с Б.Т. Саттыгуловой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
14. Интервью с Д.Н. Алтамировой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
15. Жуламанов К. Совершенствование Высшего образования в Казахстане. – Алма-Ата, 1976.
16. Козина В.В. Население Центрального Казахстана (40-е годы – конец XX века). Книга вторая. – Алматы, 2001. – 184 с.
17. Интервью с С.Г. Коптеловой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2016 г.
18. Интервью с В.Т. Абишевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
19. Интервью с Д.Р. Акшолаковой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
20. Интервью с Ж.З. Бегдаровой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.
21. Интервью с Р.К. Исабаевой, записано А.Д. Утебаевой в Караганде 2017 г.

ГЛАВА 8. ДОСУГ ГОРОЖАН

8.1. Досуг в повседневной жизни населения городов Центрального Казахстана в 1946-1953-е гг.

Термин «досуг» большинство исследователей интерпретируют как свободное время, нерабочая деятельность, отдых, развлечение, удовольствие, игра и т д. Считается, что досуг имеет более сорока основных структурных элементов, например, спорт, игра, театр, коллекционирование, музыка, туризм и т.д. В современной историографии термин «досуг» чаще всего употребляется в трех значениях: как синоним свободного времени, как синоним нерабочей деятельности, как синоним психологического состояния человека на данный момент. Некоторые исследователи считают, что досуг – это часть социального времени личности, группы или общества в целом, которая используется для сохранения, восстановления и развития физического и духовного здоровья человека, его интеллектуального совершенствования. Сферу досуга разделяют на несколько групп, как правило, связанных между собой: самообразование, культурное общение, физкультура и спорт, туризм, неорганизованный отдых и

т.п. В советской культуре особое внимание уделялось организации повседневного досуга среди населения. Через такие формы досуга как чтение, кино, клубы, театр и праздники власть воспитывала в советском человеке коммунистическое отношение к труду и чувство советского патриотизма.

Советские авторы определяли свободное время как часть внерабочего, оно не было связано с разнообразной домашней работой, приемом пищи, сном. Это время, которое советские люди должны были использовать для учебы, самообразования, занятия общественной работой, воспитания детей, занятия физкультурой и спортом, для чтения различной литературы, слушания радиопередач, просмотра кинофильмов и телепередач, посещения театров и концертных залов, занятий художественной и технической самодеятельностью, для отдыха на природе, в санаториях, домах отдыха, а также это время для развлечений и общения с друзьями. Советские идеологи считали, что от правильной организации свободного времени и ее продуманности зависит восстановление, укрепление физических и духовных сил человека, снижение утомляемости нервной системы. А все это положительно должно влиять на качество труда человека, на его моральный облик и т.д. Власти считали, что они создали максимум условий для эффективной реализации свободного времени советскими людьми. Был осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Научный подход в изучении рабочего и свободного времени трудящихся позволил констатировать факт о том, что около 37% календарного времени за год отводится внерабочему времени, которое можно считать максимально возможным свободным временем. Часть это внерабочего времени уходит на домашние работы, уход за детьми и т.д. В результате ученые посчитали, что у советского человека свободное время в среднем составляло 1 тыс. 800 часов в год [1, с.103-104].

С помощью социологических опросов было выявлено, что с повышением уровня образования значительно возрастает не только творческая, но и социальная активность трудящихся, улучшается структура использования свободного времени. Например, с ростом образования происходит рост времени на чтение газет, журналов, книг. «Так, время, уделяемое этому занятию, у рабочих-мужчин с образованием от 5 до 9 классов больше в 1,3 раза, чем у рабочих с образованием до 4 классов (у женщин оно больше в 1,2 раза). У рабочих, имеющих среднее и незаконченное высшее образование, эти затраты времени больше в 1,5 раза у мужчин и в 2,8 раза у женщин, чем у рабочих с образованием до 4 классов» [2, с. 239]. Также советские социологи выявили, что трудящийся, активно занимающийся в свое свободное время общественно-полезной деятельностью, является активным потребителем так называемых культурных ценностей, то есть больше читает различной литературы, чаще посещает музеи, кинотеатры, театры, чаще смотрит телевизор, больше совершает прогулок, регулярно занимается спортом и т.д. [3, с.41].

Таким образом, в советский период уделяли серьезное внимание организации досуга граждан страны. Сам подход к решению вопросов досуга был построен на научной основе с учетом данных, полученных социологами, педагогами, психологами, физиологами, занимающимися изучением поведения личности в сфере свободного времени. Сфера досуга в стране Советов была частью культурной политики государства. По всей стране работали различные культурные учреждения – клубы, музеи, кинотеатры и театры, парки отдыха и т.д.

Это был «верхний этаж» построенный из слоев, созданных «инженерами человеческих душ» по указанию партии. Речь идет об идеологической, или медиальной сфере: газетах, кино, литературе и др., в которых воплощался «готовый социализм» [4, с.256]. Именно в этой сфере и «рисовался» автопортрет

общества, созданный современной ему литературой, театром, киноискусством и др. Неслучайно исследователи подчеркивают, что этот создаваемый советской идеологией мифический мир обладал чертами, к которому стремился простой советский человек: гармония, простота, определенность и счастье. Это общество уверенно стремилось к дальнейшему совершенству, двигаясь по траектории, заданной коммунистической партией. В этой сфере создавалось некое «идеально-мифическое» образование, которое становилось идеалом, мечтой советского человека. Исследователь М. Чеготаева отмечает, что «над реальной жизнью, обволакивая ее, прорастая в нее и из нее, воздвигался призрачным фантомом сталинский «рай» – нечто прямо противоположное аду «архипелага Гулага»: там – небытие реального, здесь «реальность» небытия. Идеально-мифическое образовывало в советской стране словно бы некий слой, приподнятый над жизнью, – плавающий над землей, подобно облакам, как они видятся с самолета, когда, перекрывая землю, образуют поля, кажущиеся настолько плотными, что хочется ступить на них ногой» [5, с.20-23]. И эта сфера, эта область жизни советского человека иногда становилась реальностью его жизни. «Слова, услышанные из черной тарелки репродуктора, вознесенной над головами слушателей на рыночной площади, или в коммунальной квартире, подкрепленные кинообразами и плакатными изображениями обладали большей реальностью, чем увиденное собственными глазами в бараке, или в заводском цехе, в переполненном людьми продовольственном магазине, или на неосвещенной улице. Менялась оптическое восприятие действительности. Люди старались закрыть глаза на нищету, убожество и грязь производственного и особенно домашнего быта. Отдельные недостатки не должны были заслонять величие эпохи. Цензурное ведомство зорко следило, чтобы персонажи художественной прозы вели себя, как подобает советскому человеку: не вольничали с девушками, не злоупотребляли спиртными напитками, в общем, не представляли «извращенно быт советских людей» [6, с.258-259].

В советском обществе для культурного человека было обязательным посещение библиотек. Как свидетельствуют источники, в 1948 г. в Центральном Казахстане работали 42 библиотеки, из них 1 областная, 5 городских, 2 детских, 2 промцентровых, 16 районных и 16 сельских. Кроме библиотек функционировали 92 избы-читальни [7, л.6]. В 1951 г. в области насчитывалось уже 63 библиотек. Из них областных – 1, городских – 9, районных – 9, промцентровых – 4, детских – 8, сельских – 32 [8, л.63-64]. Среди читательской массы на первый план выдвигались ударники, стахановцы, партийный актив, студенты и учащиеся. Не читать литературу считалось отсталым, некультурным и недостойным для советского человека. В годовом отчете Карагандинского городского отдела культурно-просветительской работы за 1951 г. приводятся статистические материалы по следующим библиотекам: городские, подведомственные, библиотеки горнопромышленных училищ, системы трудовых ресурсов. Общее количество читателей городских библиотек составило 3260 человек. Из них мужчин – 1735, женщин – 1535, членов и кандидатов партии – 905 чел., членов ВЛКСМ – 545 чел., служащих – 1450 чел., рабочих – 1810 чел. По национальному составу: русских – 1745 чел., казахов – 235 чел., украинцев – 215 чел., прочие национальности – 1073 чел. [8, л.104]. В подведомственных библиотеках в 1951 г. было зарегистрировано 12928 читателей. Из них: мужчин – 7975 чел., женщин – 4953, членов и кандидатов партии – 5075 чел., членов ВЛКСМ – 1295 чел., без партийных – 5358 чел. По национальности: русских – 7425 чел., казахов – 975 чел., украинцев – 1375 чел., разных национальностей – 3153 чел. По социальному положению: рабочих – 6558 чел., служащих – 6370 [2, л.105]. В библиотеках горнопромышленных училищ числилось 3975 чел. Из них женщин – 1295 чел., мужчин – 2680 чел., членов и

кандидатов партии – 975 чел., членов ВЛКСМ 2001 чел., без партийных – 999 чел. [8, л.106].

Кроме вышеуказанных библиотек в городах имелось 16 библиотек системы трудовых резервов. Их книжный фонд составлял 32678 экземпляров, где 5795 экз. (17%) было представлено на казахском языке [8, л.106]. Среди читателей спрос был на различную литературу. Например, в 1951 г. в городских библиотеках было произведено 116453 книговыдач. Из них художественной литературы – 77697 (или 67%), политической литературы – 14979 (или 13%), разной литературы – 23777 или 20%. Подведомственными библиотеками за отчетный год было произведено 525975 книговыдач. Из них художественной литературы –380510 (72%), политической литературы – 9725 (2%), технической – 9825 (2%), разной литературы – 125915 (24%). Библиотеками системы трудовых ресурсов за год было выдано 101214 книговыдач. Из них художественной литературы – 24397 (24%), технической литературы – 46219 (45%), политической литературы – 21395 (21%), разной литературы – 9203 (9%). Следует отметить, что к числу разной литературы относились: научная, учебная, периодика и т.д. [8, л.115]. Анализ книговыдач показал, что среди читателей большой спрос приходился на художественную литературу – 64%, тогда как на политическую – 6%. Интерес к периодике, научной и учебной литературе составил 21%, к технической – 7%. Из художественной литературы среди горожан широкой популярностью пользовались произведения зарубежной и русской классики. Вспоминает А.Ф. Самохина: «Из зарубежной классики мы читали «Мопассана», трудно было найти произведения Т. Драйзера. Их можно было достать только через райком партии. В целом, помимо зарубежной литературы, мы читали и произведения русской классики: «Молодую гвардию» А.А. Фадеева, «Тихий дон» и «Поднятая целина» М.А. Шолохова. Очень любили приключенческую литературу, сказки. Интерес к приключенческому жанру являлся общей тенденцией в Советском Союзе в послевоенное время. Российский исследователь Е.Ю. Зубкова связывает это, во-первых, с «омоложением возрастного состава читателей, во-вторых, со своеобразной психологической реакцией отторжения от послевоенной реальности». Так в литературе приключенческого жанра, сказках люди находили своеобразное утешение [9, с.48].

Интерес к периодике был обусловлен тем, что в газетах и журналах освещались наиболее злободневные и актуальные проблемы. Здесь можно было почитать новости, получить информацию о различных мировых событиях и.д. Спрос на учебную и научную литературу был связан с ростом количества учащихся, т.е. учеников средних школ, ФЗО, профессионально-технических училищ, училищ, институтов. Наименьший спрос приходился на чтение политической литературы.

Анализ читателей городских библиотек по половой принадлежности выявил, что наиболее высокая посещаемость приходилась на мужчин, которая в среднем составили 61%, тогда как женщины – 39%. Низкий процент читателей среди казахского населения был обусловлен тем, что большая часть литературы была на русском языке.

Ежегодно библиотеками проводились книжные выставки, посвященные советской литературе, знаменательным политическим датам, праздникам и т.д. В частности, в 1948 г. библиотеками Караганды, Каркаралинска, Балхаша, Темиртау было проведено 442 книжных выставок. Из них 75% на темы политического характера: «Лауреаты сталинской премии», «Новинки политической литературы», «30 лет ВЛКСМ», «Сталинская конституция», «Сталинские стройки коммунизма», «День парижской коммуны», «Ко дню выборов в местные Советы депутатов трудящихся», «США – центр мировой реакции», «Караганда в 4-й Сталинской пятилетки», «30 лет Советской Армии». 15% – выставки литературного

направления, посвященные И.В. Мичурину, А.М. Горькому, «55 летию со дня рождении Маяковского», а также различным новинкам художественной и научно-популярной литературы, в том числе казахской. 10% – выставки, посвященные праздникам – 1 и 9 Мая, Международному женскому дню 8 Марта, 7 Ноябрю и.т.д. [7, л.8-9]. По темам «Советский союз – знаменосец мира и демократии», «Великая стройка коммунизма», «Подъем сельского хозяйства Казахстана» и прочее были подготовлены фотомонтажи [8, л.63-64].

Основная работа библиотек была направлена на повышение культурного уровня. С целью популяризации советских писателей, часто проводились литературные встречи и конференции по актуальным произведениям. Например, литературные вечера, посвященные Н.А. Некрасову, И.А. Крылову, а также отдельным произведениям советских писателей. В частности, особую популярность среди горожан имели такие произведения как «Сталь и шлак» В.Ф. Попова, «От всего сердца» Е. Мальцева [8, л.63-64]. В библиотеках часто устраивались конференции, где обсуждались произведения Ильина «Сын полка», «Клятва», «Четвертая высота», П.П. Вершигора «Люди с чистой совестью», Калинина «Товарищи», Гончарова «Знаменосцы», Павленко «Счастье» [7, л.8-9]. Актуальными темами во всех библиотеках считались: «Образ Ленина в художественной литературе», «Советские писатели о молодежи», «Жизнь и деятельность И.В. Сталина», «Образ советского молодого человека в художественной литературе», «Сталин и Ленин в художественной литературе», «Советский суд и художественная литература».

В 1951 г. во всех городских библиотеках были проведены читки и конференции по книгам Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана», В. Ажаева «Далеко из Москвы», А.А. Фадеева «Молодая гвардия», М.А. Шолохова «Тихий Дон», а также читки о З. Космедьянской, о Шоте Руставели, о Н.Г. Чернышевском, М.Ю. Лермонтове. В детских библиотеках проводились читки с тематикой «Тимур и его команда» А. Гайдара, сказки А.С. Пушкина и т.д. [8, л.104]. В 1952 г. были организованы читки по новой книге Г. Мустафина «Караганда», в 1953 г. по роману Г. Мусрепова «Пробужденный край», посвященных становлению и развитию шахтерской столицы.

В библиотеках были собраны папки с вырезками из газет по темам: «Знатные люди Караганды», «Критика и библиография о вышедших книгах» и т.д. [1, л. 9]. При городских библиотеках функционировали лектории, где раз в неделю читались лекции на различные темы: «Великая Сталинская конституция», «Наука и религия о происхождении человека», «Сталинские стройки коммунизма» и т.д. [8, л.63-64]. В целом только за 1951 г. было проведено 6725 читок с охватом населения в 206995 чел. [8, л.9]. В городских библиотеках были открыты комнаты для самостоятельных занятий. Сюда приходили студенты, заочники, учителя, пропагандисты. Комнаты были оборудованы специальной мебелью, столами, креслами, стульями, настольными лампами [7, л.8-9].

Массу трудностей и неудобств создавало отсутствие специализированных помещений для городских библиотек. Например, городская детская библиотека г. Караганды, имевшая более 16000 книг и 5650 читателей занимала площадь в 40 кв.м. Вследствие этого абонемент и читальный зал помещались в одной комнате [7, л.6]. В очень тесном помещении располагалась городская библиотека № 1 Сталинского района г. Караганды, которая имела свыше 10 тыс. экземпляров книг (из них более 3 тыс. экземпляров на казахском языке) и более 1 тыс. читателей. Библиотека находилась в двух маленьких комнатах общей площадью 24 кв.м., где хранился весь книжный фонд и зал выдачи книг. Аналогичная ситуация была характерна и для городской библиотеки №3 Шахтинского района, библиотеки г. Каркаралинска и т.д. [8, л.63-64]. Библиотеки трестов «Сталинуголь»,

«Ленинуголь», «Кировуголь» находились в помещениях площадью всего 12-18 кв.м. [8, л.104]. Детская библиотека г. Балхаша представляла собой подвал с низкими потолками и проходящими трубами парового отопления с цементным полом. Температура помещения постоянно была высокой и плохо вентилировалась [8, л.130]. В целом, несмотря существующие проблемы, городские библиотеки проводили огромную просветительскую работу среди населения. Для полного охвата населения постоянно организовывались передвижные библиотеки, проводились выставки, читки, конференции и т.д.

Важную роль в организации досуга выполняли клубы и кружки, которые занимались не только культурно-просветительскими мероприятиями, но и политическим воспитанием горожан. При каждом клубе функционировали кружки художественной самодеятельности, где имелись директора и художественные руководители [8, л.155]. В июле 1945 г. впервые в Караганде был открыт областной смотр художественной самодеятельности, посвященный 25-летию Казахской ССР, где приняли активное участие рабочие многих промышленных предприятий, школ, ФЗО области [10]. В 1948 г. при Балхашском медеплавильном заводе были открыты драматический и хореографический кружки, а также хоровой ансамбль и духовой оркестр. За год ими было поставлено свыше 100 концертных программ [11]. В клубе ремесленного училища №2 учащимися ФЗО и ремесленных училищ трудовых резервов Караганды были организованы Олимпиады художественной самодеятельности. Здесь прозвучали казахские народные мелодии: кюи Курмангазы, песни «Сұржекей», «Қарғаш», «Бламай Сай» [12].

В марте 1951 г. для участия во всесоюзном конкурсе художественной самодеятельности рабочих и служащих в г. Караганде был проведен городской смотр, где приняло участие 116 кружков художественной самодеятельности, охвативших свыше 730 участников. В том числе: певцов – 110 человек, музыкантов – 23 человек, чтецов – 54 человек, танцоров – 28 человек, акробатов – 12 человек и.т.д. В репертуаре хоровых коллективов и отдельных исполнителей преобладали песни советских композиторов о родине, о мире, на темы социалистического труда, дружбе народов, русские народные песни [8, л.18].

В летний период для организации культурного досуга молодежи организовывались массовые гулянья, встречи с передовиками производства, спортивные игры и т.д. В клубах также организовывались секции детской художественной самодеятельности, проводились школьные конкурсы и фестивали [8, л.18]. Людям нравилось проводить досуг в клубах. Там они отвлекались от насущных проблем и радовались жизни. На примере клуба шахты им. Кирова можно проследить рабочую обстановку, которая была передана корреспондентом в газетной статье: «Внутри уютно и тепло. Картины, люстры, мебель – все как бы приглашает к отдыху. В работе драматического кружка под руководством М.С. Ручкиной-Чудновской 14 человек. Они репетируют постановки «Поздняя любовь» А. Островского, «В начале мая» Ленча, «Таня» Арбузова. Большой популярностью пользуется хор в составе 60 человек. Мощно звучит в исполнении хора «Кантата о Сталине», «Мы за мир», «Шахтерская песня». Из полуоткрытой двери музыкального кружка слышатся звуки гавайской гитары» [13].

Игра на музыкальных инструментах и пение были самыми распространенными формами художественной самодеятельности. Популярными были: гармонь, пианино, гитара, балалайка, домбра, кобыз и т.д. Песни послевоенных лет, несмотря на то, что носили идеологическую окраску, были насыщены радостным энтузиазмом, уверенностью в будущее и патриотизмом. Слова и мотивы советских песен вдохновляли людей на подвиги и на труд. Их пели с большим удовольствием

в семейном кругу, на демонстрациях и т.д. В связи с этим песни внедрялись в систему досуга молодежи очень легко.

Любимым национальным развлечением городского населения Центрального Казахстана были айтысы. Песенные соревнования устраивались ежегодно и проводились между районными и городскими акынами, а также между представителями заводов и трестов. Желающих поучаствовать или просто быть зрителем на айтысах всегда было много. В 1945 г. в Казахском драматическом театре состоялся айтыс между представителями двух трестов «Кировуголь» и «Сталинуголь». От треста «Кировуголь» выступал К. Елеуов, от «Сталинуголь» – Жолдыкей Нурмагамбетов. После айтыса с концертной программой выступила народная артистка Казахской ССР Жамал Омарова со своим ансамблем» [14]. В 1946 г. в день выборов в местные советы депутатов трудящихся на избирательном участке № 135 в красном уголке состоялся айтыс народных акынов – Кошена Елеуова и Картая Ермекпаева, где собралось более 300 человек. Это – горняки шахты и члены их семей [15]. В 1948 г. в честь дня шахтера в зале клуба шахты №20 состоялся айтыс между коллективами шахт № 20 и 20-бис. Зал был переполнен. Акыны А. Кошумов и М. Байсеитов воспевали «советскую Родину, могучую большевистскую партию, любимых вождей и учителей тов. Сталина и Ленина» [16].

Среди всех массовых мероприятий среди городского населения наибольшую популярность имело кино. В 1950 г. в Караганде функционировали кинотеатры «Казахстан» и «Октябрь». В г. Балхаше – «Первомайский» и «Ударник», в Каркаралинске – «Искра» [11, л.24]. Киносеансы были дневные и вечерние. В связи с тем, что имеющиеся кинотеатры не могли полностью охватить население, на местах организовывались сезонные кинотеатры для рабочих промышленных предприятий, заводов и фабрик Балхаша, Темиртау и прочих рабочих поселков. Цены на билет в кино в промышленных городах в среднем составляли: взрослый билет на сеанс 4,30 руб., детский – 1,50 руб. Немного дешевле стоили билеты в г. Каркаралинске – 3,50 руб. и 1,20 руб. соответственно [17, л.24].

Попасть в кинотеатр было сложно. Житель г. Караганды Иманкулов М.Р. вспоминает: «В то время центром досуга был кинотеатр «Октябрь». Билет достать на сеанс было очень сложно, иногда дело доходило до драки. Особенно когда показывали «Тарзана». Чтобы попасть на сеанс приходилось доставать билет по «блату». Зал кинотеатра заполнялся дополна». В это время в кинотеатрах города показывали такие художественные фильмы как: «Кавалер золотой звезды», «Кубанские казаки», «Щедрое лето», «Мичурин», «Мы за мир», «Велики перелом», «Донецкие шахтеры», «Клятва», «Ленин и Октябрь», «Ленин в 1918 г.», «Она защищает Родину», «Партийный билет», «Повесть о настоящем человеке», «Падение Берлина», «Сын полка», «Сельская учительница», «Сталинградская битва», «Подвиг разведчика», «Тарас Шевченко», «У них есть Родина», «Чапаев», «Корабли штурмуют бастионы», «Зоя», «Джамбул» и т.д. [18, л.96].

В целом, с точки зрения советской идеологии, это были «политически выдержанные» фильмы. В советское время кино являлось мощным средством агитации и пропаганды. Так как именно фильмы способствовали укреплению советской мифологии в сознании людей. Как не странно, несмотря на то, что советский мир в кино был далек от реальности, это не раздражало зрителя. Кино было чудом, от которого никто не требовал правды. Основным сюжетом советских фильмов была борьба на социалистическом фронте, великие коммунистические стройки, промышленные соревнования, выполнение производственных планов, советские колхозы. Героями фильмов были простые механики, трактористы, доярки, труженики и т.д.

Ярким примером был кинофильм «Кубанские казаки» из жанра комедии, имевший широкую популярность в послевоенное время. Основной сюжет фильма – это послевоенная советская деревня, которая была показана всеми яркими красками. Люди этой деревни жили, не зная никаких проблем, весело и радостно, в полном изобилии. В действительности этого не было и не могло быть, особенно в послевоенное время. В работе Е.Ю. Зубковой приводится интервью журналиста с одной из участниц съемок фильма «Кубанские казаки», которая рассказывала, что «Картина воспринималась нами как сказка о хорошей жизни. На самом деле не было этого изобилия. Нарядные парни и девушки в кино были голодны, а представленное здесь продуктовое изобилие было ни что иное, как муляжи. Но мы верили всему этому, а самое главное надеялись. Если б в кино показывали тоску, то, как бы нам жилось. И так было тяжело. Кино нас успокаивало, вдохновляло» [8, с.49]. Для детей показывали такие мультфильмы, как «Серая шейка», «Федя Зайцев», «Девочка в цирке», «Слон и муравей», «Лев и заяц», «Гуси лебеди», «Ночь перед рождеством», «Аленький цветочек», «Каштанка» [18, л.96].

Определенное место в повседневной жизни горожан занимал театр, который выполнял важную задачу в массовой культурно-воспитательной и идеологической работе. В Старом городе Караганды функционировал русский драматический театр, который был основан в 1940 г. В годы Великой Отечественной войны театр выступал в эвакогоспиталях, рабочих коллективах шахт и рудников. В послевоенный период театром была продолжена культурно-массовая работа среди населения. В 1945 г. Областной русский драматический театр дал в Караганде 79 спектаклей, 20 шефских концертов [19]. Вниманию зрителей театр были предложены спектакли на различные темы: «Испанский священник» Д. Флетчера, «Вилла Форели» Л. Кермана, «Так и будет» К. Симонова, «Генерал Брусилов» И. Сельвинского, «Секрет красоты» К. Финна, «Раскинулось море широкое» В. Вишневского, «Последние» М. Горького и т.д. [20, с.52]. В 1946-1953 гг. репертуар театра значительно расширился. Были поставлены спектакли на различные жанры по пьесам русских и зарубежных классиков. В частности, это премьеры: «Глубокая разведка» А. Крона, «Ночное радио» Л. Шейнина, «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Проделки Скопена» Ж. Мольера, «Под каштанами Праги» К. Симонова, «Дама с камелиями» А. Дюма [20, с.55], «Хрустальный башмачок» П. Габбе, «Испанцы» М. Лермонтова, «Бесприданница» А. Островского, «В наши дни» А. Успенского, «Разлом» Б. Лавренева, «Встреча с юностью» А. Арбузова, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони [20, с.60], «Жили три друга» А. Успенского, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Вас вызывает Таймыр» Исаева и А. Галича, «Бешеные деньги» А. Островского [20, с. 66], «Особняк в переулке», «Мещане» М. Горького, «Последняя жертва» А. Островского [14, с.71], «Счастье» П. Павленко, «Отелло» У. Шекспира [20, с.78], «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова, «Девушка с кувшином» Лопе де Вега, «Зеленый рай» О. Васильева, «Семья» И. Попова [20, с.82], «Любовь Яровая» К. Тренева, «Два капитана» В. Каверина, «Сердце и камень», «Женитьба Белугина» А. Островского и т.д. [20, с.87].

Посещение кинотеатров для людей было радостным моментом. Вспоминает жительница г. Караганды А.Ф. Самохина: «Мы часто любили ходить по коллективным билетам в кино и театры. В большинстве, театральные постановки проходили на сценах Летнего театра и Каздрамтеатра в Старом городе. К нам с гастролями приезжали артисты из московского, омского, алматинского театров и т.д. И мне посчастливилось посмотреть такие оперы как «Князь Игорь», «Мазепа», «Легенда о докторе Фаусте», и оперетты – «Свадьба в Малиновке», «Трембита», «Сорочинская ярмарка». Наряду с русским драматическим театром горожане

посещали и областной Каздрамтеатр. Здесь ставились постановки на казахском и русском языках. В 1945 г. на сцене театра прошла юбилейная постановка пьесы «Абай», посвященная 100-летию со дня рождения великого казахского поэта Абая Кунанбаева [20, с.55]. Успешно прошли спектакли «Майдан» Б. Майлина, «Қызыл сұңқарлар» С. Сейфуллина, «Кек» И. Джансугурова, «Ақан сері Ақтоқты» Г. Мусрепова [20, с.55], «Алтын алқа» Акижанова, «Мен совет дәрігермін» Субханбердина [20, с.60], «Дударай» А. Хангельдина, «Миллионер» Г. Мустафина [20, с.66], «Гулден дала» А. Тажибаева [20, с.82]. Важным событием были сценические постановки спектаклей на темы казахских фольклорных произведений Г. М Мусрепова «Қозы-Корпеш – Баян сулу», М.О. Ауэзова «Енлик – Кебек», «Айман – Шолпан» [20, с.70], а также народной героической пьесы «Кара-Кипчак-Кобланды» и т.д. [21].

На совершенствование профессионального мастерства актеров оказал влияние коллектив Украинского театра им. Леси Украинки, эвакуированного в Караганду в 1940-е г. Режиссеры Ю.А. Сумароков и Д.Б. Серебряник осуществили постановки таких спектаклей «Ковер Джомарта» [22], «Алтын алқа», «Гвардия чести», «Встреча в темноте» [20, с.60].

В 1949 г. было принято решение Карагандинского облисполкома № 262 от 6 мая «О строительстве Летнего театра в г. Караганде». Строительство театра длилось в течение 2 месяцев. В газете «Социалистическая Караганда» это событие описывалось так: «45 дней назад здесь еще была степь, пустырь, сейчас между гостиницей и Детским парком стоит величественное сооружение – Летний театр. Закладка фундамента была начата с 1 – го июня. Трест «Промжилстрой» работал круглосуточно, чтобы 16 июля шахтеры Караганды имели возможность смотреть спектакль Академического театра оперы и балета им. Абая. Зрительный зал рассчитан на 800 мест. Трудящиеся Караганды с радостью приняли это замечательной сооружение» [23].

На сцене Каркаралинского театра ставились такие постановки как «Солдатская клятва», пьесы «Дед и внук» Абишева, «Старые друзья» Малютина и т.д. [24].

За вклад в искусство артистам Карагандинских театров З. Кошубаеву, Ж. Шашкиной, А. Мусабекову, А. Шаймерденову, З. Жакупову, М. Бектенову, М. Абдыкаримову, М. Суртибаеву, А. Шанину, П. руханову, Н. Борзовой было присвоено звание заслуженных артистов Казахской СССР, их наградили Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР [20, с.51].

С целью приобщения масс к театральному искусству коллективы театров постоянно выступали на различных городских мероприятиях, а также отправлялись на гастроли с концертными программами в промышленные и отдаленные районы. В 1947 г. в дни подготовки к выборам в Верховный Совет Казахской ССР артистами театров города было дано 216 концертов, на которых присутствовало свыше 4 тыс. избирателей. В репертуаре концертных бригад были стихи Исаковского, Михалкова, Лебедева-Кумача. Областным театром музкомедии была показана оперетта композитора Стрельникова «Холопка» [25].

В Шахтерскую столицу постоянно приезжали с гастролями творческие коллективы из Москвы, Омска, Архангельска, Алма-Аты и т.д. Наиболее частыми гостями были труппы Алма-Атинского театра оперы и балета им. Абая и Казахского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра драмы с участием заслуженных артистов Казахской ССР З.И. Колтона, Х. Букеевой [26] лауреатов Сталинской премии К. Джандарбекова, Р. Абдуллина, К. Байсеитовой, главного дирижера Г. Дугашева, главного балетмейстера, заслуженного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии М.Ф. Моисеева и.т.д. [27].

В 1951-1953 гг. Алма-Атинским театром оперы и балета им. Абая на сцене Дворца горняков, Летнего театра были поставлены такие спектакли как «Кыз Жибек», «Алтын шаш», «Абай», «Биржан и Сара», «Жалбыр», «Евгений Онегин», «Чио-Чио сан», «Травиата», «Русалочка», «Мазепа», «Пиковая дама» [28], «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта» и т.д. [28]

В 1949-1952 гг. с гастролями в Караганду и Темиртау приезжали артисты омского театра музыкальной комедии. Гостями были показаны: «Беспокойное счастье» Ю. Милютина, «Вольный ветер» Дунаевского, «Верный друг» Соловьева-Седого, «Ясный сокол» Рябкова [29], «Сорочинская ярмарка», «Душенька» И. Носова, а также водевиль «Лев Гурыч Синичкин», «Девичий переполох» Ю. Милютина и т.д. [30]

Прекрасной формой проведения досуга для горожан Центрального Казахстана были концерты, которые устраивались на сценах Летнего театра, Дворца горняков, шахтерских клубов и т.д. В 1945 г. в Караганде гастролировал Красноармейский ансамбль песни и пляски пограничных войск НКВД Казахского военного округа под руков. Б.А. Орлова [31]. В 1947 г. при участии народной артистки Казахской ССР З. Жубатовой и заслуженного артиста Казахской ССР Сагандыкова выступил шахтерский джаз-ансамбль Карагандинского угольного бассейна [31]. В марте 1950 г. по городам Центрального Казахстана состоялись гастроли концертной бригады мастеров из Москвы. В составе бригады была народная артистка РСФСР В.Д. Бендина, заслуженные артисты РСФСР А.И. Горюнов (лауреат Сталинской премии), Н.У. Алисова, С.А. Мартинсон, Е.К. Межерауп, И.М. Яушев [32]. Государственный Архангельский русский народный хор северной песни порадовал шахтеров Караганды, металлургов Темиртау и железнодорожников станции «Караганда-Сортировочная» новыми песнями и частушками [33]. В феврале 1952 г. с концертной программой выступил Сибирский хор Омской областной филармонии во Дворце культуры горняков Караганды, затем в Темиртау и Балхаше [34]. В 1953 г. своим приездом порадовала жителей г. Темиртау известная казахская певица Роза Багланова. Особое впечатление на зрителей произвели песни «Знаменосец мира», «Узбекская песня», «Ах, Самара, городок» и т.д. [35].

Среди массовых форм отдыха популярными и любимыми у горожан было посещение городских парков отдыха, народные гулянья, танцы и праздники. В 1948 г. в г. Караганде был открыт Центральный парк культуры и отдыха общей площадью 170,4 га. На его территории были расположены 3 озера, 70 досуговых объектов, 47 аттракционов и детская железная дорога [20, с.63]. В г. Темиртау первый парк культуры и отдыха начал работать согласно решению Карагандинского облисполкома № 214 от 11 апреля 1950 г. [20, с. 71]. В г. Каркаралинске в парке культуры и отдыха был расположен Летний театр на 400 мест и танцевальная площадка [20, с.72].

Особое место в повседневной жизни людей занимали праздники. Из советских праздников самыми знаменательными были 1 Мая – День международной пролетарской солидарности, 9 Мая – День победы, 7 ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции. Подготовка к праздникам проходила заранее. Через средства массовой информации, т.е. радио, газеты и т.д. оповещались основные организационные моменты. Во всех городских учреждениях шла активная подготовка к демонстрациям: печатались лозунги, плакаты, улицы украшались флагами, портретами вождей. В день праздника устраивались митинги и демонстрации. Рабочие каждой организации выстраивались в колоны и проходили по основным улицам города. Почетный шахтер города Караганды М.Р. Иманкулов вспоминает: «Мы все любили справлять праздники. Обязательнным было празднование 1 мая, 9 мая, 7 ноября. Нас никто не заставлял

ходить на них. Считалось за честь попасть в колонну. Тогда в колонне могли идти только передовики производства, ударники» [20, с.224].

Анализируя прессу послевоенных лет, следует отметить, что празднование 1 мая, 7 ноября носило идеологическую окраску. На страницах местных газет в праздничных выпусках публиковались поздравления партийной номенклатуры, депутатов трудящихся, перечислялись основные достижения индустриализации и победы социалистического строительства. В газете «Социалистическая Караганда» публиковались статьи с заголовками: «Передовики Карагандинского угольного бассейна», «Вслед за бригадой Т. Кузембаева», «104,8% месячного плана» и т.д. Была отдельная рубрика, посвященная основным цифрам «побед», обязательно помещались фотоснимки лучших передовиков и ударниц угольной промышленности и т.д.

Праздничными днями были также 23 февраля – День Красной Армии, 8 марта – Международный женский день, 18 марта – День Парижской коммуны и т.д. После окончания Великой Отечественной войны празднование Дня Победы стало одним из главных праздников для советского человека. В этот день во всех уголках Советского Союза проходили праздничные митинги и парады. Для жителей городов Центрального Казахстана эта дата также была знаменательна. Карагандинцы принимали участие в защите Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Курска, освобождали Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию. Звания Героя Советского Союза были удостоены карагандинцы Н. Абдиров, И.С. Гаврилов, А. Дударенко, П. Теряев, Ф. Ульянина и т.д. [36, с.277].

Помимо существовавших обязательных советских праздников карагандинцы любили отмечать профессиональный праздник – День шахтера, который впервые начали справлять с августа 1948 г. [20, с.64]. В этот день устраивались торжественные собрания с выступлением заслуженных шахтеров города. В парке отдыха и скверах проводились различные массовые гуляния, концерты гастролирующих артистов, художественных и хореографические кружков. После демонстраций и праздничных концертов на открытых площадках устраивались танцы. Сторожил г. Караганды М.Р. Иманкулов вспоминает: «В те годы свободное время мы проводили очень прекрасно. Весь город любил собираться в парке. Каждый вечер там играл духовой оркестр. Для молодежи была огромная танцевальная площадка, где собиралось до сотни пар. Мы танцевали «танго», «ту степ» и т.д. А танцевать «вальс» было просто высший класс». Самым радостным праздником для горожан был Новый год. В школах, училищах, клубах и т.д. накануне Нового года проводились новогодние утренники и праздничные вечера.

Таким образом, советские праздники занимали ведущее место в жизни горожан. Главными из них были как общесоюзные праздники – 8 марта, 23 февраля, 1 мая, 9 мая, 7 ноября, так и профессиональные (День шахтера). Празднества проходили с митингами и демонстрациями, в которых принимало участие все городское население.

Из всего вышесказанного следует, что в послевоенные годы в городах Центрального Казахстана сформировались традиционные для сталинской эпохи формы и способы проведения свободного времени горожан. Досуг для людей являлся своеобразным отвлечением от существующих повседневных проблем. Люди стремились наладить не только свой быт, но и восстановить некоторые формы проведения свободного времени, которые не практиковались или были сведены к минимуму.

Весьма распространенной формой проведения досуга было посещение и участие в кружках художественной самодеятельности. Регулярно между рабочими шахт, заводов и прочих промышленных организаций устраивались состязательные

конкурсы и показательные концерты, которые проходили на сценах парка культуры и отдыха, Дворцах культуры, клубах и т.д. Жители шахтерской столицы, Темиртау, Балхаша, Каркаралинска с огромным удовольствием посещали айтысы, которые являлись национальной формой проведения досуга. Излюбленным способом проведения свободного времени среди городской молодежи были вечеринки с танцами, которые устраивались в городских парках под аккомпанемент духовного оркестра. Особый интерес горожане испытывали в посещении кинотеатров. Революционная, военная, приключенческая тематика являлись сюжетами советского кино, которые стали неотделимым атрибутом жизни тех лет. Посещение театров было весьма популярным времяпровождением не только образованных слоев населения. Местные профсоюзные и партийные организации в рамках мероприятий по повышению уровня культуры среди рабочих пытались разбудить интерес к театральному искусству. В репертуарах театров были предложены постановки казахской и русской классики на различные жанры. Страсть к кино и другим зрелищам не отбила охоту к чтению. Основное предпочтение люди отдавали художественной литературе, меньше – периодике, научной, технической и политической.

Неотъемлемой чертой повседневности было чествование таких праздников как Новый год, 23 Февраля, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая, 7 Ноября, а также профессионального праздника – Дня шахтера.

В целом, следует отметить, что в послевоенный период произошли существенные социокультурные изменения в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана, которые коснулись и сферы досуга. Досуг являлся составной частью политики советского государства. Все культурно-просветительские и массовые мероприятия, получившие широкое распространение в послевоенные годы, носили идеологический характер. Библиотеки, клубы, кружки, кино, театры помимо выполнения основных своих функций стали мощным средством политической агитации и пропаганды советского строя. Следовательно, все формы досуга были направлены на воспитание советского патриотизма и народного единства, а также приобщение человека к советской культуре.

---

1. Метельский Ф.М. Свободное время как одно как одно из важнейших условий всестороннего развития личности //Известия АН СССР. Серия экономическая. – 1976. – №4. – С. 131-135

2. Болгов В.И. Бюджет времени при социализме: теория и методы исследования. – М. : Наука, 1973. – 287 с.

3. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с. / http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4031

4. Лейбович О. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи //Астафьевские чтения: конференция «Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России». - Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2009. – С. 250-265

5. Чегодаева М. Два лика времени. (1939: Один год сталинской эпохи). – М. : Аграф, 2001. – 336 с.

6. Шаленко В.Н., Левашов В.В. Культура проведения досуга у старшеклассников и молодых рабочих. – В кн.: Социологические проблемы культуры. – М. : Наука, 1976. – 134 с.

7. ГАКО.Ф. 1269. Оп.1. Д. 12

8. ГАКО.Ф. 1269. Оп.1. Д. 29

9. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945-1953 гг.) / Е.Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 229 с.
10. Социалистическая Караганда. –1945. – 8 июля
11. Социалистическая Караганда. – 1948. – 3 марта
12. Советтік Қарағанды. -1948. – 30 мамыр
13. Социалистическая Караганда. –1951. – 27 ноября
14. Социалистическая Караганда. -1945. – 19 января
15. Социалистическая Караганда. – 1946. – 6 февраля
16. Социалистическая Караганда. –1948. – 28 августа
17. ГАКО.Ф. 925. Оп.1. Д. 2
18. ГАКО.Ф. 925. Оп.1. Д. 9
19. Социалистическая Караганда. – 1945. – 26 августа
20 Жумашев Р.М., Михеева Л.В., Сактаганова З.Г. и др. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936–2006 гг. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 320 с.
21. Социалистическая Караганда. – 1945. – 21 ноября
22. Социалистическая Караганда. – 1945. – 19 февраля
23. Социалистическая Караганда. – 1949. – 16 июля
24. Социалистическая Караганда. – 1947. – 12 сентября
25. Социалистическая Караганда. – 1947. – 22 января
26. Социалистическая Караганда. – 1946. – 17 августа
27. Социалистическая Караганда. – 1951. – 10 июня
28. Социалистическая Караганда. – 1952. – 27 июня
29. Социалистическая Караганда. – 1949. – 11 октября
30. Социалистическая Караганда. – 1952. – 12 августа
31. Социалистическая Караганда. – 1945. – 6 апреля
32. Социалистическая Караганда. – 1950. – 10 марта
33. Социалистическая Караганда. – 1950. – 21 мая
34. Социалистическая Караганда. – 1952. – 9 февраля
35. Темиртауский рабочий. -1953. – 5 декабря
36. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамұра. 2008. – 528 с.

8.2. Досуг горожан Центрального Казахстана в хрущевское десятилетие

Советская пропаганда убеждала в том, что только социалистическая система предоставляет огромные возможности для проведения человеком своего свободного времени. Советская пропаганда преподносила заботу о полноценном досуге граждан как решение важных производственных вопросов, но на самом деле такая забота приводила к тотальному контролю со стороны властей личной жизни людей и навязыванию открытой пропаганды социалистических ценностей через продукты культуры, потребляемые людьми именно во время реализации своего досуга. Содержательная часть общественных мероприятий зачастую носила ярко выраженный пропагандистский характер, и люди, естественно, уставали от этой навязчивой идеологической составляющей советской жизни. Например, в кинотеатре перед сеансом кинофильма зрителям демонстрировали небольшой документальный ролик (10-15 минут) о решениях очередного съезда ЦК КПСС, об очередных производственных достижениях в СССР и т.п.

Одним из виртуальных миров, куда «уходил» советский человек от действительностии неустраивавшей его повседневности, был мир кино, он окунался с головой в мир кино, кинофильмы обожали все. Популярности тогдашних киноактеров позавидовали бы даже современные голливудские звезды. Для простых людей артисты были «небожителями», а кинофильм был своего

рода виртуальным миром, в который они хотели бы попасть. Несмотря на то, что почти все фильмы советских времен были идеологизированными, все-таки они были частью искусства, и, безусловно, духовно обогащали население. Походы в кинотеатр было не только культурным мероприятием, но и выступали в качестве ритуального действия: человек ощущал себя приобщенным к этому «верхнему этажу». Кинотеатр был популярным местом для назначения свидания, кино было самым доступным из искусств. Массовый характер кино давал возможность властям через кинофильмы пропагандировать советский образ жизни.

В исследуемый период появляются кинофильмы, заслужившие любовь большинства советских зрителей и вошедшие в золотой фонд советского кинематографа: «Свадьба с приданым», «Солдат Иван Бровкин», «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева», «Чужая родня», «Высота», «Девчата», «Дело было в Пенькове», «Исправленному верить», «Матрос с «Кометы»», «Иван Бровкин на целине», «Прощайте, голуби» и др. Советские зрители охотно посещали сеансы, на которых демонстрировали зарубежные фильмы, так как они хоть каким-то образом приоткрывали жизнь за «железным занавесом». В Советском Союзе демонстрировались французские, итальянские, австрийские, индийские, египетские, японские, мексиканские, аргентинские кинофильмы. В переполненных залах показывался индийский фильм «Бродяга».

В СССР увлечение кино, по массовости и распространенности, было сопоставимо только с чтением. В 1950-е и 1960-е годы, из-за нехватки стационарных кинотеатров, в стране были популярны так называемые передвижные киноустановки. Например, в 1965 г. число киноустановок с платным показом составляло 145,4 тыс. (13,8 тыс. передвижных). В последующие годы их количество стало сокращаться, так как государство стало строить стационарные киноустановки в максимальном количестве населенных пунктов. Кино было популярным еще из-за его доступности: детский билет стоил 10 копеек, взрослый – 50-70 копеек. Посещение кино было доступно большинству населения страны, за исключением разве тех, кто жил и трудился в отдаленных или труднодоступных географических точках [1, с.66].

В 1950-1960-е гг. в Караганде были открыты кинотеатры, некоторые из которых функционируют до сих пор: «Маяк» (1950 г.), «Родина» (1952 г.), «Железнодорожник» (1959 г.), двухзальный кинотеатр им. Ленина, им. Абая и «Спартак» (1960 г.). В 1955 г. только за время весенних каникул в кинотеатре «Октябрь» побывало свыше 20 тыс. школьников, которые посмотрели фильмы «Тимур и его команда», «Морской охотнике», «У полярного круга», «Дети партизан». Особенно понравились школьникам, как писала областная газета «Социалистическая Караганда», фильма «Два друга» и «Витя Малеев в школе и дома». [2, с.91] В целом к 1960 г. в Караганде государственных кинотеатров было 9, киноустановок 5 с числом посадочных мест – 4930, профсоюзных установок с числом посадочных мест 12899. Бесплатный показ вели 56 установок всех ведомств, личных киноустановок было 3 [3, л.9-18]. К концу 1960-х гг. было 10 кинотеатров и более 100 киноустановок. Самым большим кинотеатром был «Юбилейный» на 1200 мест, а в Новом Майкудуке в 1970 г. был построен кинотеатр «Ботакоз» [4, л.19]. Как вспоминают жители Караганды, были очень популярны индийские фильмы, на которые горожане ходили в кинотеатры целыми семьями.

Вспоминает Б.К. Адамбек: «В 50-60-е годы среди жителей Караганды и области очень популярны были индийские фильмы. Мы по нескольку раз посещали кинотеатр «Октябрь» (нынешний концертный зал «Шалкыма») и ныне действующий кинотеатр им. Ленина для того, чтобы в очередной раз посмотреть

такие индийские фильмы как «Мать Индия», «Господин 420», «Бродяга». Мы симпатизировали индийским актерам, особенно Радж Капуру – исполнителю главной роли в фильме «Бродяга». Кстати в фильме «Бродяга» песню исполнял известный певец Азербайджана и всего Советского союза Рашид Бейбутов. Этот фильм мне очень нравился и поэтому на базаре я за большие деньги приобрел грампластинку с этой песней. Одной из самых популярных комедий того времени был фильм Шакена Айманова «Наш милый доктор» 1957 г., в котором снимались известные казахстанские актеры и певцы Мулюк Суртубаев, Каукен Кенжетаев, Мухтар Бахтыгереев, Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, Ришат Абдуллин и др. Также можно вспомнить не менее популярные фильмы «Девушка-джигит» (советский комедийный музыкальный художественный фильм, снятый режиссером Павлом Боголюбовым в 1955 г. на Алма-Атинской киностудии художественных и хроникальных фильмов.), «Песни Абая» 1946 г. (фильм посвящен Абаю Кунанбаеву, режиссеры Ефим Арон и Григорий Рошаль, в главных ролях Шакен Айманов, Капан Бадыров и др.), а фильм «Его время придет» был посвящен Ш. Валиханову. Известными артистами театра и кино в этот период были Мулюк Суртубаев, Лидия Ашрапова, Канабек Байсеитов, Кененбай Кошабеков, Курманбек Джандарбеков, Шолпан Джандарбекова, Шакен Айманов, именем которого будет назван Казахфильм, Бикен Римова, Амина Умурзакова, Кадиша Букеева и др. [5]

Менее распространенным видом массовых зрелищ в советский период был театр. К 50-летнему юбилею Казахстана в 1970 г. Караганда могла похвастаться двумя драматическими театрами – Русский драматический театр им. Станиславского и театр им. С. Сейфуллина [4, л.27]. Актеры театра и кино, известные артисты, музыкнты ездили с гастролями по всему Советскому Союзу, приезжая и в города Центрального Казахстана. В частности, в феврале 1954 г. Караганду посетила Рина Зеленая, давшая несколько концертов, артисты театра им. Вахтангова, выступила Тамара Ханум (Узбекистан). В 1955 г. прошли гастроли Алтайского театра хора русских песен и т.д. [3, л.9-10]. В 1960 г. прошли гастроли Государственной капеллы КазССР, Туркменской филармонии, Московской эстрады «Здравствуйте, дорогие товарищи!», Московского театра кукол [3, л.9-18].

Но не все гастроли и концерты соответствовали заявленной рекламе и качеству. В областной газете за 1954 г. подвергаются критике «гастролеры-халтурщики»: «Понадобился взрыв общественного негодования, чтобы выставить за пределы области халтурщика Корнеева, засланного нам из Уральской концертной бригады… Бригада Тукнова на афише представлена как «Мастера эстрады Ленинградской филармонии». На самом деле вся бригада из Петропавловска. Жена руководителя бригады в дурной манере читала отрывки из поэмы «Зоя» М. Алигер, затем они сорок минут мучили зрителей своими фокусами… » [2, с.89]. Поднимался на страницах газеты вопрос о «непомерно вздутых ценах» на некоторые гастрольные концерты, хотя в целом культурные мероприятия в советское время отличались дешевизной и доступностью, не являясь затратной статьей расхода в силу дешевизны цен на билеты концертов и спектаклей даже заезжих знаменитостей.

В 1950-е гг. в Советском Союзе повсеместно открывались и пользовались огромной популярностью так называемые народные театры. Часто они именовались театральными кружками рабочей молодежи, многие из которых впоследствии удостаивались звания народных театров. Среди основателей таких кружков самодеятельности часто выступали известные актеры, режиссеры. Репертуар таких театров был разнообразный и не уступал репертуару профессиональных театров. И желание таких непрофессиональных, народных театров ставить серьезные классические спектакли отражается и в классике советских фильмов. Вспоминается одна из крылатых фраз руководителя такого народного театра из

кинофильма «Берегись автомобиля»: «Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира». Рабочие утром шли на завод, а вечером в театр для репетиций и выступлений. Финансирование народных театров было государственное, требовалось только иметь зал для выступлений, обширный репертуар и постоянных членов труппы. Государственные деньги тратили на костюмы, декорации, а вот зарплату народные артисты не получали, кроме профессионального режиссера. Перед народными театрами партия ставила задачу воспитания эстетических, художественных, нравственных качеств у советских людей. Самовыражение через театральное искусство приносило удовлетворение непрофессиональным артистам, и они с удовольствием отдавали все свое свободное время «служению театру». Популярность народных театров была настолько высокой, что выглядело совершенно убедительным слова все того же героя Е. Евстигнеева из «Берегись автомобиля»: «Есть мнение, что народные театры вскоре вытеснят, наконец, театр профессиональный. И это правильно!» [6].

В Темиртау в 1956 г. при Дворце культуры металлургов начал работу самодеятельный театр «Буревестник», в котором рабочие и молодежь города занимались основами актерского мастерства, ставили спектакли. [2, с.97]. А театру драмы при Каркаралинском Доме культуры в 1960 г. было присвоено звание «народный», на его сцене с большим успехом шли спектакли казахских советских классиков и драматургов. [2, с.117].

Многонациональность Казахстана и советский интернационализм в культурной политике определяли и ряд мероприятий интернационального характера, по взаимообмену культур. Проходили декады советских республик: 1964 г. – русской литературы и искусства, 1966 г. – украинской, 1968 г. – армянской. Карагандинцы имели возможность посещать концерты советских и зарубежных деятелей культуры, приезжавшие в город на гастроли. Например, в 1969 г. в Караганде прошла декада венгерской литературы и искусства [3, л.13]. Также работали отделения культурных обществ советско-польской, советско-венгерской, советско-монгольской, советско-германской, советско-чехословацкой дружбы.

Большая ответственность на создании условий для досугового времяпрепровождения отводилась учреждениям культуры, так как они выступали проводниками государственной идеологии, являлись опорными пунктами в коммунистическом воспитании советских людей. К концу 1960-х гг. в Караганде действовали Дворец культуры горняков, Дворец культуры железнодорожников, дворцы спорта, дворец пионеров, дома культуры в ряде районов города, дом техники, выставочный зал, дом художника, два драматических театра, народный театр балета, филармония, телестудия, более 250 библиотек разных ведомств с миллионами книг, крупнейшие из них массовая библиотека им. Н.В. Гоголя, крупнейшая в республике научно-техническая библиотека, крупная областная детская библиотека. В Караганде работали творческие объединения писателей, художников, журналистов. Был фото клуб, студия кинолюбителей и т.д. [3, л.18].

Вспоминает Б.К. Адамбек: «В карагандинском областном казахском драматическом театре им. С. Сейфуллина местная труппа ставила различные спектакли: «Зауреш», «Кыз Жибек», «Айман-Шолпан», «Галия-Бану». Режиссером многих театральных постановок был Байтен Омаров. В конце 1950-х гг. как раз появилось здание театра по бульвару Мира, который на долгие годы стал домом для Карагандинского областного русского драматического театра им. К.С. Станиславского и казахского драматического театра им. С. Сейфуллина. Поход в театр был целым событием, поэтому люди надевали свои самые лучшие наряды.

Карагандинцы любили посещать выступления самодеятельной балетной труппы под руководством заслуженной артистки КазССР Валентины Филипповны Ипатовой. Под ее руководством люди разных профессий успешно занимались балетом и достигли в этом деле больших результатов. Балетный коллектив был даже удостоен чести выступить в Москве на сцене Кремлевского дворца съездов с балетом «Лебединое озеро».

В этот период очень популярны были пластинки с песнями в исполнении Клавдии Шульженко «Синий платочек» и Розы Баглановой «Ах, Самара-городок», Николая Сличенко из цыганского театра «Ромэн», Александра Вертинского, эстонского оперного певца Георга Отца, знаменитых теноров Ивана Козловского и Сергея Лемешева. Пластинки мы покупали в магазине «Культтовары», который находился на бульваре Мира, возле театра им. Станиславского.

Я сам, когда работал на шахте 121 в поселке Актас, записался в местный Дворец культуры в казахский ансамбль. В группе нас было 8 человек, и мы исполняли кюи казахских композиторов: Курмангазы «Адай», А. Жубанова «Би кюй», Д. Нурпеисовой «Тойбастар». Наша группа была единственная самодеятельная творческая группа, которая исполняла казахские произведения, остальные коллективы пели только на русском языке. Для всех коллективов руководство дворца сшило костюмы, кроме нашего. И этот факт, конечно же, возмущал нас. Но, несмотря на обиду, мы старались выступать перед зрителями со всей отдачей. Все коллективы Дворца культуры поселка Актас участвовали в областном смотре художественной самодеятельности и заняли 1 место.

Приезжали на гастроли в Караганду и другие города известные артисты. Как-то в Актас приехал с концертом Иосиф Кобзон и с ним произошел курьезный случай. После концерта на выходе из дворца на певца сверху высыпались два ведра золы. Как потом выяснили, это организовали девушки, которым И. Кобзон отказал в автографе. Также в Актас с концертом приезжала из Казани исполнительница народных татарских песен Альфия Абзалова.

За праздничными столами почти все карагандинцы пели песни на русском и на казахском языках. Особенно пользовались популярностью такие песни как «Каким ты был, таким и остался» из кинофильма «Кубанские казаки», «Геологи» в исполнении Майи Кристалинской, «Валенки» Лидии Руслановой, «Волга» Людмилы Зыкиной и почти все песни «короля казахского вальса» Шамши Калдаякова. Ежедневно слушали казахское радио «Шалкар», который транслировал концерты, радиокомпозиции, спектакли Казахского драматического театра им. С. Сейфуллина, например, «Шұғаның белгісі» Бейімбета Майлина. В Караганде до 1965 г. стационарного цирка не было, но часто город посещали с гастролями передвижные цирки». [5]

Несмотря на отсутствие специального здания цирка в Караганде (оно будет построено позже), приезжали цирковые коллективы, которые выступали на сценах ДК: программы ленинградских акробатов, Московского Госцирка, Московского передвижного цирка №1 и др. [2, с.139]

Среди городских и областных культпросветучреждений в ведении областного управления культуры находились зоологический парк, 4 городских парка культуры и отдыха (им. 30-летия ВЛКСМ, им. Костенко, парк старого города, парк в г. Темиртау) [3, л.18-19]. Одним из излюбленных мест для отдыха и проведения досуга были парки: в 1950 г. открылись парки культуры и отдыха в г. Темиртау, в г. Каркаралинске, ставшие популярными среди горожан. В середине 1950-х гг. значительно расшили парк г. Караганды, в центре его соорудили «прекрасное водохранилище с бетонными берегами, парапетом, набережной, купальнями, лодочной станцией и причалом». Одной из парковых достопримечательностей

было строительство в парке детской железной дороги длиной более 2 км: настоящий маленький паровозик катал к огромному удовольствию детей и взрослых в настоящих маленьких вагончиках от Михайловки до Ботанического сада и назад. Открылись кружки, в которых школьники стали осваивать профессию железнодорожника, и обучившиеся в них юные железнодорожники обслуживали эту детскую железную дорогу. [2, с.83, 89]

У горожан Центрального Казахстана парки и скверы, ботанический сад и зоопарк стали любимыми местами отдыха, они с большим теплом вспоминают 1950-е-1960-е гг. Г.Т. Абдрахманова: «Нашим любимым местом в городе был парк. Там мы проводили много времени после учебы или работы. Так же мы любили ходить в театр. В 1972 г., когда кинотеатр «Октябрь» открылся после ремонта, он стал одним из любимых мест, куда мы часто ходили» [7, с.200]. Т.А. Алимбаев: «Сквер им. Орджоникидзе находился перед кинотеатром «Октябрь». Там любила собираться молодёжь. Эту территорию называли «пятак». В этой части города располагались: пивной ларёк и павильон национальных блюд, где можно было вкусно поесть. Для горожан не хватало парков и парковых зон. Центральный парк Караганды был самый большой, там вечерами играл оркестр и проводились танцы. Аттракционов было мало, а желающих их посетить было слишком много. Любимым местом моего отдыха был зелёный сквер, расположенный около памятника «Вечный огонь». Сквер располагался недалеко от моего дома, место тихое, нет машин. Я и многие другие горожане имели возможность почитать газеты, а дети поиграть в песочнице. С семьёй мы любили посещать театры им. Станиславского, Сакена Сейфулина, кинопремьеры в кинотеатре «Юбилейный» [7, с.202-204]. О.Н. Баранова: «Любимым местом моей семьи в городе был Ботанический сад. Мы здесь прогуливались без какой-либо оплаты или разрешения. Это был экологически чистый уголок Караганды. Здесь мы дышали чистым воздухом, беседовали между собой, ходили по траве босиком, любовались деревьями самых разнообразных пород, устраивали небольшой пикник со своими бутербродами. Мы любили ходить с семьёй и в Центральный парк. Он полностью соответствовал своему названию – парк культуры и отдыха. Здесь можно было покататься на колесе обозрения и на других аттракционах, погулять по тенистым аллеям парка, послушать разнообразные лекции, посмотреть тематическую выставку, выступление коллективов художественной самодеятельности, потанцевать, посидеть в беседке, поесть мороженое» [7, с.206-207]. Воспоминания С.С. Маликова о Балхаше: «Любимым местом для семейного отдыха в Балхаше был Центральный парк. Здесь всегда было интересно взрослым и детям. Мы любили с женой ходить в Дом культуры на самодеятельные спектакли, а дети посещали разные кружки» [7, с.211-213]. С.В. Сапунов вспоминает о Темиртау: «Самый первый парк в Темиртау заработал в Старом городе. Он был самым любимым местом горожан. Здесь работали карусели, эстрадные площадки, танцплощадка, продавали напитки и мороженое. В парке можно было интересно отдохнуть летом и зимой. В зимнее время здесь заливали каток и горки, работал прокат коньков, лыж и санок, сказочный городок. Продавали вкусную выпечку и горячие напитки. Работал кинотеатр «Восток», многие любили ходить с семьёй на советские и зарубежные фильмы» [7, с.213-215].

Зоопарк в Караганде был достаточно людным местом, хотя не отличался в 1950-е-1960-е гг. особенным разнообразием представленных животных. Карагандинцы и гости города любили посещать в дни досуга свой зоопарк. Караганда являлась одним из 27 городов Союза, в которых имелся зоопарк, например, в 1964 г. зоопарк посетило 126679 человек [3, л.9]. Популярность зоопарка описывается в местных газетах: «В выходные дни и вечером, когда кипит

трудовая жизнь, в зоопарке всегда людно. В Дальний парк, где эксплуатируется зверинец и птичник, приходят в свободное время после очередной смены шахтеры, строители. Группами посещают зоопарк школьники. Большинство экспонатов зоопарка пернатые. Здесь и павлины, и филины, и орлы, и страусы, и лебеди, и голуби, и индейка – 35 видов различных птиц. Ожидается прибытие новых пород и птиц, проживающих в Центральной Азии, Китае и Средиземноморских островах». [2, с.86]

Одним из значимых советских культурных учреждений выступали дворцы культуры и клубы, которые считались одними из главных организаторов свободного времени трудящихся. В малых городах клубы являлись единственными очагами культуры, где демонстрировались кинофильмы, читались лекции, организовывались встречи с различными творческими коллективами. Например, большинство гастролей проходило во Дворце культуры горняков, который был построен в 1950 г. В 1965 г. при нем даже была создана цирковая группа. При предприятиях открывались клубы: например, в 1952 г. открылся клуб при автопарке №1, на кирзаводе «Радуга» и на кондитерской фабрике; в 1958 г. построены здания клуба на 350 мест на 32 квартале и на 200 мест в Сортировке [3, л.9-18].

Самой важной функцией клубов и других учреждений культуры являлось формирование у советских людей марксистско-ленинского мировоззрения. Поэтому пред учреждениями культуры и клубами ставилась в первую очередь агитационно-пропагандистские задачи: наглядно объяснять преимущества социалистического образа жизни и социалистической культуры, а также в нужном для партии и идеологии направлении объяснять сущность событий международной жизни. Для решения поставленных задач действовали лектории, беседы на актуальные темы, организовывались тематические вечера, устные журналы, вечера вопросов и ответов на политические темы. Например, в университетах культуры, клубах любителей кино, театра, на занятиях литературных объединений активно обсуждали такие вопросы как искусство и политика, политика и личность современного художника [8, с.47]. Клубные учреждения являлись еще местами для проведения развлекательных мероприятий, к которым можно отнести дискотеки, танцы, игры, вечера отдыха, викторины и т.д. [8, с.51].

В Карагандинской области по состоянию на 1 января 1955 г. имелось 166 бюджетных учреждений клубного типа, из них районных домов культуры – 10, сельских клубов – 53, изб-читален – 77, красных юрт – 26. Еще одной из задач клубов считалась пропаганда достижений науки и техники. Для успешной реализации данной задачи было принято решение о преобразовании ряда клубных учреждений профсоюзов во Дворцы (Дома) культуры и техники и создании при них специальных отделов научно-технической пропаганды. В результате все желающие в свое свободное время могли приобщиться к техническому конструированию, рационализации и изобретательству, считалось, что надо создать условия для развития советского человека духовно, чтобы он был не только потребителем, но и творцом культуры.

В советский период уделяли большое значение развитию художественной самодеятельности. Деятельность самодеятельных коллективов была актуальна в тех местах, где отсутствовали профессиональные коллективы, и встреча с ними была единственной формой живого непосредственного общения трудящихся с искусством. Для самодеятельных коллективов организовывали конкурсы различного уровня. Карагандинские артисты художественной самодеятельности принимали активное участие в таких смотрах. Например, в 1956 г. в Москве на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности выступил танцевальный коллектив Дворца культуры горняков г. Караганды [3, л.10].

К концу 1960-х гг. стали популярными коллективные формы отдыха. Для этого создавались штабы выходного дня, которые организовывали отдых того или иного трудового коллектива. Даже выпускали «Бюллетени двух выходных» и сводные афиши «Где отдохнуть в субботу и воскресенье» [8, с.51].

В 1950-1960-е гг. одним из самых популярных и доступных видов досуга у советских людей было посещение библиотеки. Общественные библиотеки были доступны для всех. Библиотека являлась «очагом» знаний. Культ книги, знаний – это была «фишка» советского времени. Советская пропаганда с гордостью констатировала, что «СССР – самая читающая страна в мире». Советские библиотеки финансировались государством, поэтому серьезных проблем по закупке книг, оборудования и оплаты труда работников библиотеки не наблюдалось. В основном в советских библиотеках граждане могли ознакомиться с собранием классической литературы, с популярными произведениями советской и зарубежной литературы, газетами, журналами и другой печатной продукцией.

Российский исследователь Федченко М.Н. в своей монографии приводит результаты социологического опроса 1960 г. молодых рабочих четырех промышленных предприятий г. Свердловска на предмет их читательских предпочтений: из 250 молодых рабочих, охваченных анкетированием, 206 являлись активными читателями библиотек, а 144 имели личные библиотеки. Наиболее любимыми писателями русской классики были названы: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, С.А. Есенин, А.П. Чехов, И.С. Тургенев. Из советских писателей больше всего нравились молодежи произведения М.А. Шолохова, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.А. Фадеева, Н.А. Островского, А.Т. Твардовского. В числе любимых зарубежных писателей были названы Т. Драйзер, Э. Золя, М. Твен, В. Гюго, Д. Лондон. Также молодежь не только читала авторов из школьной программы, но и интересовалась произведениями тех советских писателей, которые не совсем приветствовались властями – это работы Б. Пастернака, В. Дудинцева, И. Эренбурга, В. Пановой, Ф. Абрамова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, В. Аксенова, Б. Ахмадуллиной, Р. Казаковой, А. Кузнецова и других авторов. Для карагандинцев литературные предпочтения были аналогичными.

Издания были на разных языках мира, но прошедшие цензуру на соответствие идеологическим нормам советского государства, этот критерий был и для советских авторов. Поэтому в этот период читатель не нашел бы на библиотечных полках произведений М. Булгакова. За литературными журналами «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Литературная газета», «Юность», «Аврора» читатели «охотились», «их давали почитать на одну ночь, на них всеми правдами и неправдами стремились оформить подписку – она была лимитирована и распространялась по научно-исследовательским институтам или райкомам партии [9]. Такой интерес к этим журналам был связан с тем, что они отличались от других советских журналов по концепции подбора произведений для опубликования. Они в целом отражали так называемый «дух оттепели», «дух надежды» и т.д. Это было веянием всей хрущевской эпохи шестидесятников.

Советские люди стремились иметь у себя дома свою, домашнюю, библиотеку. Порой человек тратил весомую часть семейного бюджета на приобретение книг, журналов, газет. Популярные издания были в дефиците, поэтому они покупались у так называемых спекулянтов (как и другие дефицитные товары народного потребления), по знакомству или как говорили «по блату», а более терпеливыми собиралась макулатура, которую в пунктах приемов можно было сдать и получить желанный талончик на приобретение понравившейся книги. И фраза советских времен «Книга – лучший подарок» являлся отражением реальной ситуации со

снабжением людей популярными изданиями. Набор экземпляров домашней библиотеки в основном был стандартный: Большая советская энциклопедия, собрание сочинений классиков марксизма-ленинизма, произведения советских и зарубежных фантастов. Только у избранных дома могли находиться собрания всемирной литературы или всемирной детской литературы. Например, в домашних библиотеках промышленных рабочих Казахстана преобладали книги русской классической литературы, причем в казахских семьях они могли быть переводные, на казахском языке. В зависимости от интересов членов семьи были книги о животных, научно-фантастические, военные мемуары, зарубежная классика, книги писателей различных республик, детская литература и т.д. Государство старалось удовлетворять потребности людей в печатных изданиях. Хотя в условиях «хронического» дефицита популярные книги необходимо было «доставать», как выражались в тот период. К тому же издавались только те произведения, которые соответствовали идеологическим требованиям.

Наивысшей ценностью в Советском Союзе была духовная пища – книги. Самая читающая в мире страна могла похвастаться миллионными изданиями газет, журналов, книг. Ни одно государство в мире не позволяло себе настолько огромные тиражи. Но как ни парадоксально – хорошая книга в СССР всегда была в дефиците. Особенно это касалось популярной литературы из серии фантастики или приключений. Классики мировой литературы пользовались спросом не меньше, чем Л. Толстой, А. Чехов, Н. Островский, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Р. Рождественский, М. Цветаева. Такая литература считалась обязательной для изучения в школе и была доступна широкому кругу читателей. Очень модной была подписка на собрания сочинений. В начале 1960-х гг. стали охотиться за томиками В. Скотта, А. Дюма, Г. Мопассана – ими были увлечены все слои населения. Юношей и девушек интересовали «Приключения Шерлока Холмса» К. Дойля, люди старшего возраста зачитывались романом «Хождение по мукам». Всегда в почете была детективная литература: «Визит к Минотавру» А. И Г. Вайнеров, «Зеленый фургон» А. Козачинского, притягивающие острым сюжетом повести Ю. Семенова. Предметом гордости хозяев и восхищения, а иногда и зависти гостей было полное собрание Большой Советской Энциклопедии. [10]

Каждый второй гражданин страны Советов обязательно прочел Дж. Лондона, Р. Джованьоли, Э. Войнич. Встречаясь друг с другом, люди обязательно спрашивали, что можно почитать, обменивались книгами, одалживали их на время. Чем выше становился уровень образования в стране, тем более читающим становился ее народ. Старинные редкие издания можно было приобрести в магазинах «Букинист» – своеобразных книжных комиссионках, которые в те времена были во всех крупных городах. Даже низкие зарплаты не сдерживали рост продаж книг – духовная пища для советских граждан всегда оставалась на первом месте. Собственно, и стоили книги недорого: редко, когда цена одного тома переваливала за 1 рубль. Поэтому сформировать хорошую библиотеку в советские времена мог и профессор, и рабочий, и пенсионер. И только полки с политической литературой продолжателей идей Ленина всегда оставались заполненными. Наравне с ними не пользовались спросом книги, газеты и журналы, рассказывающие об отчетах партии и правительства, об их визитах в зарубежные страны, произведения писателей о пути в светлое коммунистическое будущее. На такую литературу комсомольцев и коммунистов заставляли подписываться в принудительном порядке. [10]

Особенную роль играла детская литература. Детство советских ребятишек отличалось отсутствием интернета и дефицит информации восполнялся с помощью книг, телевидения, периодической печати. Традиционно каждая семья выписывала

несколько наименований журналов и газет. И среди них всегда была детская периодика, выполняющая главную задачу партии – гражданское воспитание подрастающего поколения в духе коммунистических идеалов. Среди детских изданий были очень популярные, их не всегда можно было выписать, и дети ходили читать такие журналы в библиотеки. Журнал «Колобок» имел свою специфику. Юные читатели в каждом номере находили звуковые пластинки с популярными сказками, увлекательными историями. К выпуску издания подключались артисты разговорного жанра, музыканты, композиторы, известные детские писатели и художники. Главный герой, от имени которого шло повествование, был близок детям и понятен. Колобок не только рассказывал им интереснейшие истории из жизни бабушек, дедушек, но и погружал в мир классической музыки, приобщал к искусству театра, отвечал на их извечные «Почему?». У журнала было огромное преимущество – «живучесть» винила. Одно поколение вырастало, ему на смену приходило второе – и уже новые читатели и слушатели пользовались хорошо сохраненным материалом. [10]

Одним из самых популярных и любимых детских журналов был журнал «Мурзилка». Рассчитан журнал был на дошкольный и младший школьный возраст. Красочно и доступно информировал о природе, жизни детей в школе, дома, о развитии страны. Помимо советских писателей для издания готовили статьи зарубежные мастера пера. Стихи, рисунки, головоломки увлекали детей с первых страничек журнала и удерживали внимание до конца. Необычный персонаж и друг Мурзилка – главный герой издания – обучал детей некоторым школьным предметам, давал углубленные знания по темам «Школа безопасности», «Галерея искусств». «Весёлые картинки» – один из детских журналов, которым искренне интересовались даже взрослые. Минимум текста, максимум иллюстраций, комиксов привлекали малышей от трех до шести лет, приобщая их к периодике. Юмористические герои были настолько популярны, что журнал выходил огромными тиражами. Окунувшись в мир сказки и творчества, ребёнок мог с легкостью осваивать окружающее пространство – знания давались ненавязчиво, в игровой форме. Новый номер всегда ждали с нетерпением. Для детей постарше любимыми изданиями были «Пионер», «Костер», «Юный техник», «Юный натуралист». Рубрики журналов были познавательными, развлекательными и развивающими одновременно. Среди авторов можно было встретить практикующих биологов, физиков, многочисленных ученых из других отраслей наук. Опубликованный материал воспитывал преданность коммунистическим идеалам, высокие морально-этические качества, любовь и верность стране, в которой они жили, учились и творили. [10]

Литературные журналы печатали произведения известных и современных классиков вперемежку с фантастикой, научно-популярными рассказами, стихами. Несколько поколений выросли на произведениях Кассиля, Успенского, Алексина, братьев Стругацких. Интерес к знаниям, трудолюбие закладывались с детства – так появлялась в Союзе прогрессивная молодёжь, задачей которой было «строить здоровое коммунистическое общество». [10]

Во многих рабочих семьях выписывали разнообразные газеты: «Правда», «Известия», «Казахстанская правда», областные, вечерние выпуски газет, молодежные, заводские или пришахтные и т.д. Также казахстанцы выписывали различные журналы: «Коммунист Казахстана», «Жулдыз», «Простор» и др. [11, с.84-85] Существовала определенная «разнарядка» на приобретение периодической литературы. Каждое учреждение, организация и т.д. должны были выписать газеты и журналы, особенно это касалось печатных органов ЦК КПСС: газета «Правда», «Казахстанская правда» и др. Например, в 1964 г. 5 тыс. газет и журналов на 22

тыс. рублей выписали горняки шахты № 47/48 [3, л.16]. Вспоминает И. А. Петрова: «На газеты и журналы на моем предприятии проводились годовые подписки. В основном выписывали журналы «Юность», «Наш современник», «Иностранная литература» и такие газеты как «Комсомольская правда», «Социалистическая индустрия» [12]. Но нельзя утверждать, что повсеместно была жесткая разнарядка на газетные и журнальные издания. Многие советские граждане добровольно выписывали газеты и журналы, т.к. периодическая литература являлась, наряду с телевидением и радио, источником информации и служила, в какой-то степени, источником развлечений, интересным и полезным проведением досуга.

В библиотеке областного музея Караганды по состоянию на 5 декабря 1954 г. книжной продукции насчитывалось 2951 единиц. Из них по разделам было распределено: казахстаника – 510, общественные науки – 270, точные науки – 116, история и география – 120, археология – 70, справочная литература – 90, музейное дело – 90, методика краеведения – 110, научные журналы за 17 лет (издания Академии наук СССР), исторические и политические – 1515. Музейная библиотека выписывала для читателей следующие газеты: «Правда», «Комсомольская правда», «Казахстанская правда», «Социалистік Казахстан», «Социалистическая Караганда», «Советтік Караганды», «Комсомолец Караганды», «Балхашский рабочий», «За медь». А также журналы: «Культурно-просветительская работа», «Коммунист», «Коммунист Казахстана», «Блокнот агитатора Караганда», «Блокнот агитатора Алма-Ата», «Зоологический журнал», «Ботанический журнал» и др. В целом, за 1954 г. библиотекой музея было организовано 350 библиотек-передвижек, 460 книжных выставок, проведено 248 литературных вечеров и читательских конференций, оформлено 535 плакатов, сделано 778 рекомендательных списков литературы. Но были и проблемы: заместитель начальника Карагандинского областного управления культуры Ф. Фельдман в своем отчете указывал на недостаток помещений, низкий уровень посещаемости библиотек, малочисленность контингента читателей [4, л.7-8].

В 1955 г. в Карагандинской области насчитывалось 160 библиотек [18, л.133], среди которых городские библиотеки №7 и №8, открытые в 1953 и 1954 гг. соответственно. В 1961 г. открылась городская библиотека №12 в Новой Тихоновке. В 1962 г. 2860 читателей насчитывала библиотека шахты им. Кирова с книжным фондом около 30 тыс. книг. В 1963 г. в Караганде насчитывалось 22 библиотеки с книжным фондом в 755075 книг, профсоюзных библиотек – 41 с фондом в 416577 книг, школьных библиотек – 97 с фондом в 338730 книг, прочих библиотек – 52 с фондом 832597 книг. На общественных началах работало 11 библиотек. В 1964 г. городские библиотеки г. Караганды читателям выдали 6 миллионов книг. Для детей работала областная детская библиотека им. Абая, в которой в 1954-1956 гг. работало 9 человек [3, л.9-18].

Библиотеки вели активную лекторскую, выставочную, кружковую работу. Областная библиотека г. Караганды за 1954 г. организовала 47 книжных выставок, было прочитано для читателей 9 лекций, проведено 4 читательских конференций, 4 литературных вечера [14, л.3]. Библиотеки городов Темиртау и Балхаш также проводили просветительскую работу. Часто работники библиотеки посещали общежития рабочих, среди них проводились литературные чтения, беседы, демонстрировали диафильмы [13, л.5]. В детских библиотеках также велась просветительская и пропагандистская работа. В духе атеистической пропаганды были названия лекций, например, «Бабкины сказки о боге – вздор, зря ты поверил им – школьник Егор» [13, л.7]. К содержанию лекций относились очень серьезно. В целях контроля за качеством читаемых лекций при областном лекционном бюро (ОЛБ) были организованы 5 методических секций: естественнонаучная (рук. доктор

медицинских наук тов. Уволес), общественно-политическая (рук. внештатный лектор тов. Долженков), литературно-искусствоведческая (рук. старший преподаватель педагогического института Мариконин), сельскохозяйственная (рук. тов. Писарева). Названными секциями в 1954 г. прорецензировано и обсуждено 36 лекций, из них 22 допущены к чтению в массовой аудитории. Такие методические секции существовали и при районных лекторских группах, но их работа часто носила формальный характер. В результате, лекции читались нерегулярно и на низком уровне [13, л.18-19]. Таким образом, библиотеки в повседневной жизни советских людей играли важную роль. Библиотеки выступали не только хранители печатной продукции, они выступали центрами агитации и пропаганды, культурного просвещения и т.д.

В СССР библиотеки были: школьные, вузовские, заводские, общественных организаций, детские, юношеские, технические, городские, районные, областные, республиканские и т. д. В библиотеках была необходимость, они были очень востребованы и никогда не пустовали, так как книга являлась в 1950-1960- е гг. единственным источником знаний. Посему советские библиотеки были учреждениями, массово посещаемыми людьми любого возраста, профессии и социального положения. Дети записывались в библиотеки, как только научались читать. Многие дети дошкольного возраста при поступлении в школу уже умели читать, советские дети умели читать в 4-6 лет. Родители записывали их в детские библиотеки, и дети имели возможность читать книги, которых не было дома. [10]

Библиотека сопровождала советского человека всю его жизнь: читать любили академики, профессора, инженеры, учителя, врачи, таксисты, студенты, школьники и даже пенсионеры. У кого не хватало денег на подписку периодики (или кто не хотел тратиться «попусту»), приходили в библиотеку, что была поближе, почитать «Роман-газету», «Знамя», «Новый мир», «Литературную газету»: библиотеки выписывали множество разной периодики на любой вкус, начиная от «Правды» и «Работницы» и заканчивая «Мурзилкой» и «Юным техником». Студенты занимались в библиотеках стабильно и подолгу. И если для повседневной учебы хватало учебников на абонементе в вузовских библиотеках, то для написания докладов, рефератов и курсовых требовалась специальная литература. Брали книги, конечно, в библиотеке: на абонементе, если они были в достаточном количестве, выдавались книги на руки, и можно было заниматься дома. А вот специальная или литература повышенного спроса, или имеющаяся в ограниченных количествах выдавалась только в читальных залах работниками библиотеки. Ее выписывали или заказывали из книгохранилища. В читальных залах студенты работали, переписывая в тетради все, что было необходимо. Читальных залов при библиотеках было обычно несколько, в зависимости от специализации, выписываемой литературы (в том числе и периодики) и направлений. В читальных залах никто не шумел, не приходил с напитками и бутербродами, не сидел в куртках и шапках. Была некая священность посещений читальных залов и уважительное отношение к товарищам-студентам, незнакомым даже в лицо. [10]

Определенную долю свободного времени советские люди посвящали посещению музеев. Многие музеи были уничтожены в годы Великой Отечественной войны. Например, если в 1940 г. в СССР было 991, то в 1965 году – 954 музеев [15, с.67]. Карагандинский областной краеведческий музей в 1954 г. посетило 14297 тыс. человек. За этот год посетители смогли прослушать 48 лекций, принять участие в викторине «Знаешь ли ты Караганду» и т.д. [14, л.51а]. Карагандинский областной музей систематически организовывал чтение лекций для посетителей. Например, в 1950-е гг. было прочитано следующее количество лекций: 32 –в

1950 г., 50 – в 1951 г., 47 – в 1952 г., 27 – в 1953 г., 48 – в 1954 г. Тематика лекций была разнообразной, но в большей степени просветительского характера [15, л.51].

При этом необходимо отметить, что советские люди на добровольных началах входили в состав правлений инициативных групп, на общественных началах возглавляли народные университеты и факультеты, объединения по интересам. Любители музыки проводили музыкальные вечера, лекции и т.д. Кинолюбители выпускали и показывали фильмы, сюжет которых в основном касался трудовой и общественной жизни коллективов предприятий. Краеведы помогали создавать народные музеи, пропагандировать историю родного края, трудовые традиции области, района, предприятия и т.д. Например, в отчете Карагандинского областного музея за 1955 г. в разделе «Пополнение фонда» дается такая информация: «Ежегодно граждане из районов и города Караганды передают музею различные находки. Только за 1954 г. краевед Ясенецкая В.Е. из Каркаралинска передала безвозмездно музею ряд ценных находок по археологии, интересная археологическая коллекция поступила от студента мединститута т. Дубовицкого, жителя Каркаралинска Деева, лесозавода т. Григорьева Г.В., сотрудник военкомата принес знак аульного старшины, шофер т. Бурдюков часть бивня ископаемого слона и быка, ученики школы села Колхозного сдали топор-молот каменный» [13, л.52]. Горожане не только посещали местные музеи, но и участвовали в пополнении их фондов и экспозиций.

Трудящиеся страны Советов любили проводить свой досуг дома. Эту возможность давали им телевизор, радиола, магнитофон, транзистор, домашняя библиотека. В 1960-е гг. в жизни советских людей появляется телевидение, ставшее с тех пор самым популярным видом проведения досуга. В 1960 г. в Караганде было зарегистрировано около 50 тысяч телевизоров [16, л.23-25]. В 1967 г. в Караганде было уже 73 тыс. телевизоров [3, л.9-18]. 1 февраля 1960 г. в Караганде была введена в эксплуатацию ПТС (передвижная телевизионная станция). Карагандинская студия телевидения показала 850 передач, из них около 300 на казахском языке. Кроме того, было показано 277 кинофильмов, 14 спектаклей и 22 собственных телепостановок [3, л.9-18].

Например, материалы социологического исследования свободного времени в среде промышленных рабочих Центрального Казахстана подтверждают эти данные. Опрос на выявление любимых телепередач среди рабочих показал, что особенно популярны в рабочей среде были спортивные передачи (23,3%), причем больше среди молодежи и мужской половины семьи. На втором месте стоит просмотр художественных кинофильмов, в основном всей семьей (15,3%). 12,9% семей любили в минуты отдыха послушать концерты, но если молодежь предпочитала эстрадные, то более старшее поколение семьи – народную музыку, песни советских композиторов. Представители разных этносов предпочитали концерты национальной музыки, особенно в казахской среде рабочих.

Всем поколениям всегда свойственно идеализировать своё прошлое, также идеализируют советское телевидение и в своих воспоминаниях интервьюируемые. На самом деле советское телевидение было достаточно ограниченным по жанрам, количеству каналов и передач, в большинстве своем скучным, неинтересным и оторванным от зрителей. Но при этом существовали сверхпопулярные передачи, причем их уровень популярности был огромным.

Огромной любовью зрителей пользовались передачи [17]:

- телевизионно-развлекательная программа «Голубой огонек», выходившая с 1962 г. Появились трансляции в официальные праздничные дни, а с 1964 г. и в новогоднюю ночь. Как это было тогда модным в 1960-е, в эфире шло непосредственное общение простых советских людей с их кумирами в виде

концертной программы. С тех пор абсолютное большинство советских людей не пропускало праздничный «Голубой огонек».

- «Музыкальный киоск» выходил с 1960 г., программа рассказывала о новинках музыки, записанных на фирме «Мелодия», и в течение 35 лет бессменной ведущей «Киоска» была Элеонора Беляева.

- «Клуб кинопутешествий», выходивший с 1960 г. Простым советским людям в 1960-е гг. было крайне сложно выехать за границу, из-за этого с первых выпусков программа стала одной из самых любимых в стране, потому что показывала новые и незнакомые места, в которых они никогда не бывали, о которых зачастую даже не слышали. И «действительным членом» этого клуба путешественников мог стать любой, кто включал телевизор в воскресный вечер.

- «Здоровье» в эфире с 1960 г., более 20 лет Юлия Белянчикова была бессменной ведущей программы, которая при ее участии стала одной из самых популярных на советском телевидении. За то время, пока она вела «Здоровье», поток писем от телезрителей в адрес программы возрос с 60 до 160 тысяч писем в год. На вопросы телезрителей давались ответы как во время эфира, так и в личной переписке.

- «Клуб веселых и находчивых» или «КВН» стал выходить в эфир с 1961 г. КВН, как и «Вечер весёлых вопросов» (1957 г.), пользовался огромной популярностью. По всей стране возникло КВН-движение. В подражание передаче игры КВН устраивались в школах, пионерских лагерях и т. д. Поскольку команды часто иронизировали над советской действительностью или идеологией, эта передача шла не в прямой трансляции, а в записи, и подвергалась цензурированию: сомнительные с идеологической точки зрения шутки вырезались.

- «Кинопанорама» – с 1962 г. в эфире появилось ежемесячное кинообозрение и в нем рассказывалось о новинках кинематографа: ведущий в студии представлял новый фильм, рассказывал о его создателях, об артистах в главных ролях и т. д., демонстрировались отрывки из фильма.

- «Добрый вечер» или с 8 выпуска «Кабачок 13 стульев», выходил с 1966 г. По своему жанру это была юмористическая программа, все действие которой происходило в польском кабачке. Практически все основные роли играли актеры московского Театра сатиры. Передачу боготворили, ремарки и шутки из нее цитировались постоянно. Женщины всей страны разглядывали, а потом копировали прически и наряды «польских» модниц.

- детская передача «Спокойной ночи, малыши», выходившая с 1964 г. Каждый вечер маленькие советские зрители усаживались у экрана, чтобы вновь встретиться с главными персонажами любимой передачи псом Филей, поросенком Хрюшей, зайчонком Степашкой и вороной Каркушей. [17]

Карагандинцы, как и все советские люди, смотрели официальные «Последние известия» (с 1956 г.) и «Время» (с 1968 г.). Из разных телевизионных передач излюбленными в конце 1960-х являлись новые передачи: «В мире животных» (с 1968 г.), «Служу Советскому Союзу» (с 1967 г.) и др. [17]

Кроме общесоюзного телевидения работали и республиканские, и областные телеканалы. В 1968 г. редакция писем Карагандинской студии телевидения провела экспериментальный опрос группы телезрителей. Цель опроса – выяснить интересы телезрителей и отношение зрителей к телевизионным программам, узнать, в какой степени программы телевидения удовлетворяли интересы карагандинских зрителей. Некоторые итоги опроса «Наша программа и ваши интересы» телезрителей по анкете Карагандинской студии телевидения позволят нам выяснить досуговые интересы горожан-телезрителей. Ответить на вопросы анкеты были приглашены все взрослые жители г. Караганды дома № 30 по Советскому проспекту и дома № 8-а по улице 40 лет Казахстана (в том числе учащиеся 9-10-х классов средних школ,

студенты вузов и техникумов). На вопросы анкеты ответили 200 жителей (из 248, остальные были в отпуске, командировке, больнице и т.д.). По ряду показателей опрошенная группа являлась приблизительной моделью населения Ленинского района г. Караганды (население района – около 200 тыс. чел.). [18, л.1]

Из числа опрошенных телевизионные передачи смотрели: регулярно (5-7 раз в неделю) – 34%; нерегулярно (3-4 раза в неделю) – 49,5%; редко (3-4 раза в месяц) – 16,5%. Эти данные являются свидетельством популярности телевидения. В опрошенной группе женщины составили 58%; мужчины – 42%; рабочие – 24%; ИТР и служащие – 50,5%; студенты и старшеклассники – 12,5%; пенсионеры и домохозяйки – 13%. Из числа рабочих, ИТР и служащих 94% (т.е. 70,5% всех опрошенных) работали непосредственно на предприятиях и стройках. Возрастные характеристики: до 25 лет – 7,5% опрошенных, от 25-40 лет – 55%; от 40-60 лет – 22%. [18, л.1-3]

Каков же был круг интересов телезрителей, на какие вопросы им хотелось бы получать ответы в передачах Карагандинского телевидения? Максимальный интерес у советского телезрителя вызывало кино: им интересовались почти все опрошенные – 97,5%. На втором месте по интересу были обозначены вопросы международного положения – 93,5% всех опрошенных проявляли живой интерес к актуальным проблемам международной политики. Вывод, который делается в анализе по опросу: «Это еще раз доказывает насколько ошибочны рассуждения об «аполитичности» зрителя» [18, л.3].

Действительно, интерес в 1960-е г. к проблемам международной политики стал возрастать. Еще в начале 1940-х г. интерес советских людей к мировым проблемам был незначительный. В своих дневниках Г. Эфрон в предвоенные годы писал: «Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаясь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь. Мои же товарищи этим всем очень мало интересуются, живут футболом и очередной плохой отметкой – они малокультурны, увлекаются пустяками, чушью» [19, с.336]. Но в 1960-е гг. советские люди все чаще и с большим интересом обращаются к международным вопросам, а государство активно ориентирует население на это. Активное обсуждение вопросов международного положения уводило от обсуждений острых и дискуссионных вопросов внутренней политики советского государства.

Таким образом, вопросы международных отношений занимали второе место (после кино) по интересам у рабочих, инженерно-технических работников, служащих, учащихся старших классов и студентов техникумов и вузов, но последние группы в такой же степени интересовались и вопросами литературы (96%). И только немногочисленная группа пожилых телезрителей – пенсионеры, а также домохозяйки (13%) считали, что телевидение должно прежде всего удовлетворять их интересы к вопросам театрального искусства, медицины и, конечно же, кино. На третьем месте среди вопросов, интересующих большинство телезрителей, стояла музыка (86,5%). Далее шли вопросы культуры и быта (85,5%), литературы (84,5%), театра (84%), внутренней политики (81%), воспитание детей и молодежи (61%), морали (79,5%). Меньше всего карагандинцы интересовались проблемами промышленности, транспорта и строительства (34,5-40%) и сельского хозяйства (27%) [18, л.4-5]. При анализе этих данных, слово «интерес» следует понимать, как «телеинтерес». То есть, эти цифры отражали жанровые интересы зрителей на различные темы, поднятые телевидением.

Специальное исследование было посвящено выяснению места, которое занимало у людей телевидение в общем потоке информации. Высокие оценки опрошенные телезрители дали программам художественного кино (92,5%

заявили, что эта категория передач им нравится) и концертам по заявкам (91,5%). Положительную оценку большинство опрошенных дали литературным передачам (69%), общественно-политическим (68%), передачам по письмам телезрителей (68%), драматическим передачам (64,5%). Молодежные передачи интересовали 63% всех опрошенных, спортивные – 62,5%, музыкально-образовательные – 51,5%. Зато телевизионные новости, рассчитанные на всех зрителей, удовлетворяли только половину из них (50,1%). Анализируя обстоятельные ответы на телевизионную анкету и письма телезрителей, телевизионные работники объясняли такую низкую популярность телевизионных новостей следующими причинами: «узость тематики теленовостей, мелкотемье, отсутствие во многих выпусках информации – «изюминки», обилие языковых штампов и т.д.» [18, л.4-5]. Фактически эти новости не носили актуальный характер, не выходили за пределы официоза и зачастую не поднимали вопросов, реально интересующих население. Еще большую тревогу вызвала низкая оценка, полученная передачами на народно-хозяйственные темы. Из числа опрошенных почти 70% заявили, что эти передачи оставили их безразличными или вовсе не понравились. Оказалось, что у всех наиболее активных и деятельных групп зрителей популярность народно-хозяйственных передач очень низка.

И в этом случае о причинах таких низких оценок можно частично судить по письмам и ответам телезрителей на первую телеанкету. Вот некоторые из причин, которые помогут нам представить областное телевидение 1960-х гг.:

1. Однообразие жанров. Подавляющее большинство этих передач – беседы за круглым столом. Если они и сопровождаются кинокадрами, то это не больше, чем поверхностная иллюстрация, мало помогающая развитию, углублению или решению темы.

2. Замкнутость темы. Проблемы, поднятые в передачах, как правило, относятся только к одному, пусть даже очень важному, но все-таки частному объекту. Авторы и участники передач не пытаются исследовать и ставить вопросы, характерные для других подобных объектов. Поэтому люди, не работающие здесь, остаются равнодушными к таким передачам.

3. Служебная направленность передач. Действенно вторгаясь в частные, хотя и важные вопросы, эти передачи, к тому же, обращены лишь к узкому кругу хозяйственных руководителей и высших командиров производства, в них ставятся обычно чисто организационно-хозяйственные вопросы, носящие не постоянный, а временный характер (проблемы одного дня).

4. Неопределенная позиция автора. Журналисты-авторы в таких передачах выступают часто в роли председательствующего на производственном совещании. Со своей, как привило субъективной точкой зрения, обычно выступают заинтересованные хозяйственные работники, не очень склоненные к серьезной критике собственных недостатков. Эти выступления, как выразился один из телезрителей, построены по принципу: «Иван кивает на Петра». А журналист-автор чаще всего не идет на глубокий анализ вопроса, затронутого в передаче, не выступает со своими объективными и аргументированными выводами. Поэтому многие народно-хозяйственные передачи, лишенные публицистичности и общественной остроты, не волнуют широкую аудиторию. В лучшем случае они выполняют функции публичного «толкача» в решении тех или иных частных хозяйственных вопросов.

5. Есть люди, нет человека. Во многих передачах, освещающих вопросы промышленности и строительства, о рядовых рабочих, младших руководителях – бригадирах и мастерах - говорится вскользь, поверхностно. Обычно их фамилии бегло перечисляются, таких людей снабжают трафаретными, обезличенными

положительными характеристиками, пригодными для любого передовика любого производства. Глубокого проникновения в характеры людей, изучения их индивидуальных качеств, показ их сугубо личного отношения к труду, к коллективу в подобных передачах почти нет.

И в резюме делается вывод о необходимости учета интересов телезрителей: чаще готовить оправдавшие себя концерты-очерки, в которые наряду с музыкальными номерами включаются интересные рассказы об интересных людях и их делах; разнообразить жанры и тематику передач проблемными репортажами и интервью и т.д. [18, л.4-5]

Если говорить о тематике кинофильмов, то соцопрос выявил следующие предпочтения: 35,7% ответивших предпочли кинофильмы на военные темы, 15,8% – на исторические, 9,3% – кинокомедии, 8,4 – приключенческие, 5,6% – детективы [11, с.86-87].

Практически все телевизионные передачи были «отшлифованы», то есть прошли через идеологическое рецензирование. Поэтому большинством советских граждан воспринимались как очередная сказка про «светлое» настоящее советских людей. Например, передачу «Служу Советскому Союзу» сами же военнослужащие называли «В гостях у сказки», так как все, что там показывали, не имело отношение к действительной воинской жизни. Армия в данной передаче показывалась исключительно с положительной стороны и не поднимались серьезные проблемы, например, связанные с «дедовщиной» или другими трудностями прохождения парнями воинской службы. Воинские части заранее предупреждались о том, что приедут журналисты данной передачи, и поэтому у начальства части было время подготовиться для встречи съемочной группы. Журналисты не пытались поднимать системные проблемы, а ограничивались частными случаями. В результате советские зрители, начиная с середины 1960-х и до момента закрытия передачи в начале 1990-х гг., воспринимали советскую армию «глазами» этой передачи, и она носила «образцово-показательный характер».

Доступным и любимым видом досуга у советских граждан было прослушивание радио. Всесоюзное радио долгие десятилетия было массовым и основным источником информации и трансляции культурных ценностей. «В конце 1950-х годов в СССР на 208,8 млн человек имелось около 50 млн радиоприемников и радиотрансляционных точек. В течение суток по центральному радио передавалось 12 выпусков «последних известий», три обзора центральных газет, регулярно читались статьи и проводились беседы и лекции по марксизму-ленинизму. Ежедневно транслировалось по 45-50 концертов. Радио помогало провинциальной молодежи разучивать новые песни на слух.

В 1950-1960-е гг. были распространенными следующие модели радиоприемников: «Латвия М-137» (1950 г.), «АРЗ-49» (1951 г.), «Родина-52» (1952 г.), «Искра-53» (1953 г.), «Звезда-54» (1954 г.), «Москвич-3» (1954 г.), «Дорожный» (1954 г.), «Турист» (1955 г.), «Воронеж» (1957 г.), «Новь» (1957 г.), «Волна» (1957 г.) и др., которые транслировали такие популярные радиопередачи как: «Пионерская зорька», «Время, события, люди», «Полевая почта «Юности»», «Поэтическая тетрадь», «Встреча с песней», «Здравствуй, товарищ» и др. Для любителей музыки существовали радиолы. Во многих советских семьях для прослушивания виниловых пластинок использовали следующие модели радиол: «Рекорд -53» (1953 г.), «ВЭФ-Аккорд» (1954 г.), «Октава» (1957 г.), «Дайна» (1958 г.), «Чайка» (1958 г.), «Беларусь-59» (1959 г.), «Рекорд-60» (1960 г.), «Харьков» (1960 г.), «Рассвет» с часовым механизмом включения-выключения (1959 г.), «Сириус-М» (1965 г.), «Гамма-В» с цветомузыкальным устройством (1966 г.), «Миния-4»,

(1967 г.), первая советская стереофоническая радиола «Ригонда-стерео» (1964 г.) и др. [20]

Домашний досуг не совсем приветствовался властями, так как считалось, что домашние занятия бессистемны, социально неконтролируемы и эпизодичны. Поэтому всем культурным учреждениям давалась установка шире пропагандировать «общественное, организованное потребление культурных ценностей». Партия и правительство призывала работников, занимающихся организацией культурного досуга трудящихся, «применять научный подход к планированию досуга, так как от правильно организованного досуга зависит эффективность труда советских людей». Но большинство горожан все-таки выходные дни проводили дома. В субботу ходили по магазинам за продуктами (или стояли в очередях), делали уборку в квартире или доме, занимались стиркой и другими домашними делами. В воскресенье встречались со знакомыми, родственниками, играли с детьми в настольные игры: шашки, шахматы, лото.

Советские граждане отмечали такие популярные праздники как Новый год, дни рождения, 23-е февраля, 8 марта. Вспоминает житель Темиртау И. А. Петрова: «В Новый год было обязательно застолье, прогулки по «снежным городкам» металлургического комбината. В остальные праздники в основном встречались с друзьями и знакомыми, а чаще всего в семейном кругу» [12]. Горожане обязательно ходили на демонстрации в такие праздники как 7 ноября – годовщина Октябрьской революции, 1 мая – День солидарности трудящихся, 9 мая – День Победы. Демонстранты несли плакаты с лозунгами «Да здравствует КПСС!», «Народ и партия едины!», «Мир, труд, май!» и др. По воспоминаниям многих казахстанских граждан присутствие на таких парадах не было каким-то тяжким обязательством. Большинство горожан с удовольствием принимали участие в таких торжественных мероприятиях, так как всеобщее ликование передавалось всем, и участники парада с приподнятым настроением шествовали по главной городской улице. Парад после официальной части плавно переходил в народные гуляния: горожане пели песни, танцевали под звуки духового оркестра в городском парке, катались вместе со своими детьми на парковых аттракционах, ели сладкую вату, мороженое, различные булочки и пирожки, пили лимонад, квас, пиво. Ближе к вечеру собирались дома у друзей, родственников и за празднично накрытым столом все вместе отмечали праздник.

Среди советских пенсионеров или сидящих во дворах немолодых мужчин была популярна игра в домино, это называлось «забить козла», почти в каждом советском дворе «забивали козла». К таким безобидным элементам мужского досуга также относилась рыбалка, пойти «починить машину» в гараж. И все они, в основном, имели продолжение в виде распития алкогольных напитков. Это была своего рода целая философия – «уход от советской действительности», «стать на какое-то время самим собой» и т.д.

Автомобиль в советский период был роскошью, а не средством передвижения как в других странах. По воспоминаниям жителей Караганды приобрести автомашину было целым событием для среднестатистической семьи. На машину некоторые семьи «копили» деньги почти всю жизнь. Машины были очень дорогими, при этом сложно было их приобрести даже по очереди. В приоритете на покупку машины были, в первую очередь, передовики производства, орденоносцы, герои социалистического труда. А те, кто не мог дождаться очереди, покупали автомобиль на так называемом «черном рынке» у спекулянтов за большие деньги. Средние цены за новый автомобиль составляли в 1949-1953 гг.: Москвич-401 – 8000 руб., ГАЗ М20В «Победа» – 16000 руб., ГАЗ-12 – 40000 руб.; в 1959-1960 гг.: Москвич-401 – 9 000 руб., Москвич-402 – 15000 руб., Москвич-407 – 25000-

27000 руб. В 1961 г. была деноминация, соответственно машины стали стоить в 10 раз дешевле. Но вскоре произошло повышение цен – в 1964 г.: Москвич-403 – 3600 руб., ГАЗ-21 «Волга» – 5600 руб.». [21] И это при средней заплате советских граждан в тот период – 601 рубль, когда за эту сумму можно было купить 751 килограмм картофеля [22].

Еще одним популярным средством передвижения для советских людей был велосипед, на котором они ездили на работу и на отдых за город. Велосипеды тоже стоили недешево, но все-таки были более доступны, чем автомобили. Например, в 1960-е гг. они продавались по следующим ценам: мужской – 49-80 рублей, женский – 43-50 рублей.

Счастливым обладателям советских моделей легковых автомобилей «Москвич», «Волга» гарантировался настоящий мужской досуг в гараже, который часто сопровождался распитием спиртных напитков. Советские автолюбители ревностно относились к своим авто, постоянно их усовершенствовали, разными способами украшали салоны машин, например, окружность лобового стекла оформляли однокопеечными монетами или бахромой. Гараж для советского мужчины выступал в роли мужского клуба, где собирались соседи по гаражам, двору или друзья, коллеги на «кружечку пива», чтобы обсудить местные и мировые новости.

Одним из активных видов проведения досуга у советских людей было занятие спортом и физкультурой. В архивных документах утверждалось, что каждый 10 житель Караганды занимался одним из 38 видов спорта [3, л.20]. В 1957 г. в городе был открыт Дворец спорта с плавательным бассейном [3, л.18]. В 1957 г. в Караганде построен центральный стадион «Шахтер» на 20 тыс. мест в Караганде, строился стадион на 5 тыс. мест в Сарани [2, с.83,107]. В 1965 г. закончилось строительство нового стадиона в г. Джезказгане на 12 тыс. мест, в его комплекс вошли спортивный городок с баскетбольными площадками, теннисными кортами, футбольным полем [2, с.130]. В советский период открывалось достаточное количество спортивных секций и групп здоровья, почти в каждом дворе были спортивные площадки. Зимой среди детей были популярны ледовые катки под открытым небом во дворах. Родители стремились к тому, чтобы их ребенок научился кататься на коньках, больше проводил времени на свежем воздухе и укреплял здоровье, поэтому среди карагандинцев катание на коньках на катке было весьма распространённым видом детского и взрослого досуга. Многие известные советские фигуристы, хоккеисты вспоминали, что попали в спорт через такие открытые катки, в которые их родители отдавали просто для того, чтобы укрепить здоровье своего ребенка, а не с целью сделать из него олимпийского чемпиона.

Физкультурой занимались все население страны, начиная от малышей в детских садах до пенсионеров. Для последних специально открывали так называемые группы здоровья. Как правило, такие группы здоровья были бесплатные, и пожилые граждане с удовольствием посещали их для поддержания своего здоровья и еще, что немаловажно, для общения со своими сверстниками. Нельзя не упомянуть о популярности и любви советских людей к шахматам. И эпизод из фильма «12 стульев», в котором герой участвует в сеансе одновременной игры, был не просто художественной выдумкой сценариста или режиссера. Действительно, в каждом населенном пункте страны функционировали шахматные клубы, не было ни одного пионерского лагеря, дома отдыха, учебного заведения, где бы не играли в шахматы. Это был самый доступный вид спорта и полезное времяпрепровождение, как для взрослых, так и для детей.

Массовостью отличался не только спорт и физическая культура, но и занятие туризмом, который был как организованным, так и «диким». Советские люди

любили ходить в походы в составе больших и малых групп, с семьей, с трудовым коллективом, с друзьями. Если не было своего походного снаряжения, его можно было взять в пунктах проката, которые существовали даже на базе предприятий. Считалось, что походы укрепляют семейные узы, воспитывают коллективизм, дают географические и туристические знания и даже готовят советских граждан «к будущему покорению других планет». Например, в Караганде в 1960-е гг. при обкоме комсомола работало туристическое молодежное бюро «Спутник» [3, л.13].

В 1960-е гг. стало популярным, особенно среди молодежи, турпоходы «дикарями», в которых присутствовали элементы романтики, преодоления походных трудностей и т.д. Поэтому культовыми стали кинофильмы, рассказывающими о таких походах. В пример можно привести знаменитый фильм «Вертикаль», снятый в 1967 г., главную роль в которой сыграл Владимир Высоцкий. Песни из этого кинофильма сразу же стали хитами, и исполнялись альпинистами и другими романтиками у костра.

Непосредственно к использованию свободного времени трудящихся относятся и вопросы организации отдыха, «чистого» или связанного с лечением в санаториях, профилакториях. Например, 8,4% промышленных рабочих Центрального Казахстана выезжали на курорты и в санатории. Многие рабочие ездили в отпуск на «малую родину», чтобы погостить у родителей, у родственников (21,7%), чаще в деревню или аул. Большинство опрошенных (36,5%), в основном старшее поколение, предпочитали дома отдыха или отводили досуговое время, чтобы поохотиться, порыбачить, поработать на приусадебном участке и т.д. Желание пожить на даче (4,5%), отдохнуть в домах отдыха (6,7%) также увязаны с потребностью пообщаться с природой. [10, с.87-88] Жительница г. Темиртау И. А. Петрова вспоминает, что в дни отдыха любила делать, как говорили, коллективные «вылазки» в дома отдыха «Дружный» (г. Темиртау), «Романтик» (г. Каркаралинск) [12].

Самая любимое досуговое время у советских людей – пора отпусков, когда они могли отдохнуть, поправить свое здоровье и с пользой провести свободное от работы время. В санатории, дома отдыха, в курортные места казахстанцы ехали по профсоюзной линии или «дикарями». За границу ездили отдыхать только по туристической путевке и только группами под присмотром представителей специальных органов. Советские люди в основном ездили на море в Крым, Сочи, на Кавказ и самым престижным было съездить на прибалтийское побережье, так как это было сродни поездке за границу. Туристическая поездка за рубеж была менее доступной для советских людей. Большинство советских трудящихся приобретали зарубежную туристическую путевку по так называемой «профсоюзной линии», то есть, «львиную» долю стоимости путевки оплачивал профсоюзный комитет. Провести досуг за границей было мечтой каждого советского человека. Но не всем это удавалось, так как не всех «выпускали» и не на всех желающих хватало путевок. Поэтому на «счастливчиков» смотрели с откровенной завистью, и их поездка приковывала к себе внимание коллег, соседей, друзей.

Часть свободного времени советские трудящиеся отдавали занятию хозяйством, на приусадебном участке, на даче и огородах. Были выявлены в таких занятиях некоторые этнические и половозрастные особенности. Так, подсобным хозяйством, особенно содержанием скота, в большей степени были заняты представители казахского этноса, а огородничеством, работой на садовых и дачных участках – представители русского и украинского этносов, причем и в том и в другом случае больше заняты мужчины. Женщины в основном были заняты домашним хозяйством, уходом за детьми. Надо отметить также, что в занятиях хозяйством участвуют в большей степени старшее поколение. Они же чаще занимаются

на досуге рыбалкой, охотой, резьбой, женщины – рукоделием (вязанием, вышивкой, шитьем и др.). Вспоминает жительница Караганды А.С. Уйсембекова: «Свободного времени много не было, так как большую часть времени уделяла учебе в институте. В свободное время любила читать, вязать, за 1 неделю одну и ту же пряжу могла перевязать несколько раз в разные кофты, свитера, потому что пряжа была дефицитным товаром, очень сложно было достать. Посещала кружок народных танцев, также с друзьями еженедельно посещала кинотеатры, так как билеты были доступны для каждого молодого человека. Посещала театр, но редко, в год примерно 5-6 раз» [23].

Одной из особенностей досуговых занятий у казахстанцев становятся «походы по гостям», причем эта традиия сохранилась и в 1950е – 1960-е, в 1970-е – 1980-е. Существует она и поныне. Именно это времяпрепровождения является наиболее массовым и специфичным для республики в целом, и региона, в частности. Например, в Центральном Казахстане посещали и часто принимали родственников 56,3% опрошенных рабочих семей, причем такого рода проведение досуга характерно преимущественно для представителей казахского этноса. Это связано в основном с тем, что казахи – местные выходцы и у них сохранились достаточно тесные родственные связи в отличии от других этнических групп. Довольно большая группа рабочих семей общалась с товарищами по работе – 24,4%, причем такого рода гостевые визиты характерны для всех групп этносов данного региона, но чаще практиковалось в русской среде. 15,5% рабочих практиковали гостевые визиты к соседям [11, с.85-86]. Казахские семьи уделяли большое внимание встрече и приему гостей. Гостей всегда было много, так как традиционно у казахов поддерживались тесные отношения со всеми родственниками: семьи, как правило были многопоколенными, также у казахов двоюродные и троюродные родственники считались очень близкими по крови, очень близкие отношения традиционно поддерживались со сватами. Жилища горожан, как правило, выступали в роли «пристанищ» для сельских родственников, приезжавших в город по делам. Также сельчане часто размещали своих детей в семьях своих городских родственников на время учебы в училищах, техникумах, вузах и других учебных заведениях. В качестве компенсации родственники из села снабжали горожан домашними заготовками молочных продуктов – молоко, масло, творог, курт (сушенный творог), айран (кефир), кумыс (кисломолочный напиток, получаемый из парного кобыльего молока) и др., а также мясными продуктами. Часто горожане получали от своих сельских родственников в подарок «согым» (заготовка конского мяса на зиму, также «подношение» живым скотом). Навещая своих детей студентов, родственники из села становились частыми гостями у горожан-казахов.

Каждый год (чаще поздней осенью или зимой после заготовки мяса) горожане приглашали гостей (родственников и друзей) на «согым», то есть, звали гостей отведать национальные блюда из свежего конского мяса – бешбармак, куырдак и т.д. Такие приглашения и угощения были популярны среди городских жителей (как и у сельчан), это было особенностью национальной традиции и возвращало их к своим национальным корням. Застолья сопровождались общением, чтением стихов казахских поэтов, пением казахских народных песен. Горожане-казахи традиционно и достаточно широко отмечали такие торжества, как свадьба, сватовство, рождение ребенка, «тусау кесу» (национальный обряд, при котором символически обрезают путы (веревку) на ногах годовалого ребенка для того, чтобы он быстрее начал ходить) и др. Причем количество гостей на таких празднествах могло быть от 50 до 100 и более человек. К таким мероприятиям начинали готовиться загодя, за месяц-два, чаще всего в 1950-1960-е гг. такие мероприятия проводились в квартире, для чего освобождали от мебели 1-2 комнаты. Иногда

для проведения празднеств снимали столовые или кафе (что в 1950-е гг. было еще большой редкостью); владельцы частных домов во дворах ставили большую палатку. Размах и уровень таких мероприятий свидетельствовали о статусе семьи, их достатке и положении в обществе. Отмечались и религиозные мусульманские праздники, когда родственники собирались и угощались друг у друга. Во время айта целыми семьями ходили в гости друг к другу, считалось, что посещение родственников обязательно.

Творческие личности, интеллектуалы и интеллигенция посещали выставки художников города, области, республики и фотолюбителей, организованный салоном при Союзе художников Казахстана (открыт в 1964 г.) [16, л.23-25].

В советский период уделяли большое значение организации досуга детей и молодежи. К «правильному» заполнению свободного времени советских граждан приобщали с самого детства. Родители старались отдать детей на всевозможные кружки, секции. Популярными были музыкальные школы и спортивные секции. Во Дворце пионеров и юношества создавались большое количество кружков по интересам.

Досуговые предпочтения советской молодежи можно отследить по данным социологических исследований, во время которых опросили 723 старшеклассника средних школ и 425 молодых рабочих Москвы, Ленинграда, Минска, Кишинева и Ферганы. По данных этих исследований структура досуга у молодежи СССР была такова: туристические походы (в том числе, по местам боевой и революционной славы советского народа) – 37,4%, экскурсии – 22,6%, занятия спортом или художественной самодеятельностью – 21,9%, чтение книг, особенно по специальности – 10,8%, участие в общественных мероприятиях коллектива – 9,4, встреча с друзьями – 18,4%, бездеятельный отдых – 15,1% всех опрошенных [1, с.114-115]. Туристические походы и экскурсии составили интересы более половины (60%) опрошенных молодых людей, одна треть молодежи (33,4%) предпочитала свободное время проводить без какого-либо «культурного» или идеологического содержания (встречи с друзьями, бездеятельный отдых). Совершенно естественно, что молодежи была необходима «отдушина» от постоянных всевозможных форм агитации, пропаганды, борьбы «за светлое будущее» и т.п. Поэтому парни и девушки хотели и любили проводить свой досуг дома, тем более, что постепенно улучшались жилищные условия: если в 1950-е гг. не каждый молодой человек мог похвастаться отдельной комнатой, то уже к рубежу 1960-1970-х гг. это уже становилось нормой. Городские семьи в основном были малодетными (имели одного-двух детей), соответственно у большинства молодых людей были свои комнаты, где они могли уединиться, почитать книги и журналы, а также вместе с друзьями послушать зарубежную эстраду на магнитоле или транзисторе, то есть расслабиться и «быть самими собой». Потому что в других местах – в школе, в институте, на работе приходилось подчиняться образцам и шаблонам советской модели поведения, контролировать каждый свой шаг и т.д. Советская молодежь в 1950-1960-е гг. еще проявляла активность в процессе «строительства коммунизма», но им также, как и их родителям, часто приходилось «вести двойную жизнь»: на собраниях говорить одно, а дома «на кухне» – другое. Юношеский максимализм часто сопротивлялся этому конформизму, и тогда молодежь вела себя «по-бунтарски». Протесты иногда выражались в игнорировании всего «советского»: одежды, музыки, танцев, фильмов, спектаклей и т.д.

Советские дети в каникулярное время отдыхали и проводили досуг в пионерских лагерях. Оплату путевки производили сами родители или профсоюзные комитеты предприятий и учреждений, где работали родители. Для детей из малообеспеченных семей оплату производили частями или оплачивали часть путевки, а остаток

денег обеспечивал профсоюзный комитет. Путевки распределялись местными властями, профсоюзными комитетами предприятий и учреждений. Многие пионерлагеря были ведомственными, то есть, при каком-либо заводе, шахте и т.д., поэтому в такие лагеря путевки в первую очередь давались детям работников этих предприятий. Путевка сопровождалась краткой памяткой для родителей, в которой перечислялись вещи, которые мог взять с собой ребенок в лагерь: пару футболок, шорты, головной убор, сменное белье, одежда для плавания, спортивный костюм, кроссовки и, конечно же, пионерский галстук. Пионервожатые (чаще всего студенты-практиканты педагогических вузов или учителя) организовывали для детей увлекательный досуг: пели, танцевали, рисовали вместе с подопечными, проводили различные развлекательные и спортивные мероприятия и т.д.

Распорядок дня в пионерском лагере был однообразным: утром в 7.00 дети вставали и заправляли свои постели, далее утренняя линейка, на котором поднимали лагерный флаг, после линейки дети шли на завтрак, меню которого было однотипным для всех советских детских лагерей. На завтрак – молочная каша, хлеб с маслом, кофейный напиток или чай, на обед – суп, котлеты с гарниром, компот из сухофруктов, на полдник – молоко с булкой или печеньем, а ужин напоминал обед, но без первого блюда. После завтрака детей ожидало занятие каким-либо трудом – уборка территории лагеря, дежурство на кухне и т.д. На отдыхе с детьми не забывали проводить мероприятия пропагандистского, воспитательного характера. Например, вожатая вместе с детьми читала детские газеты «Пионерская правда», «Пионерская зорька», обсуждала с ними статьи, новости из пионерской жизни советских школьников. Особенно радостным занятием для детей в лагере было купание в близлежащем водоеме или бассейне. Конечно же, дети делали попытки тайком сбежать, например, в «тихий час» на водоем и наплаваться вдоволь, но не всегда это удавалось, потому, что за детьми был строгий контроль, следили вожатые и воспитатели. Одним из «классических» развлечений мальчиков и девочек в советских лагерях было: после отбоя собраться в одной комнате и пугать другу друга разными страшными историями. Традиционным советским детским лагерным развлечением было глубокой ночью пробраться в корпус чужого (иногда своего) отряда и намазать спящих ребят зубной пастой или разрисовать красками. В лагерях каждый отряд имел свое название, девиз, речевку; оформлялись красные уголки в корпусе или на улице. Проводились военно-спортивная игра «Зарница», «Веселые старты», КВНы, различные конкурсы, разучивали новые песни, поводились танцевальные вечера, завершающим и любимым мероприятием всех пионеров был прощальный костер в каждом лагерном сезоне. Практически все интервьюируемые с ностальгией и удовольствием вспоминали летние сезоны в пионерских лагерях. После них традиционно отряды собирались в городе и вместе ходили в парк, еще раз вспоминая общие лагерные проделки и приключения.

В самый знаменитый советский пионерский лагерь «Артек», который был создан еще в 1925 г., могли попасть только школьники, имевшие отличную успеваемость, активно занимавшиеся общественной деятельностью, победители различных научных, творческих конкурсов и т.д., и родители которых могли «достать» такую путевку. В известных лагерях всесоюзного значения «Артек», «Орленок» в международной смене трудовых повинностей не было, так как считалось негостеприимно заставлять зарубежных детей трудиться (в отрядах кроме советских школьников отдыхали и дети-иностранцы). После обеда дети младших групп отправлялись на так называемый «тихий час» – дети шли в свои корпуса и ложились спать. Старшеклассники в это время шли на репетиции и готовились к различным мероприятиям. В лагеря всесоюзного значения приезжали знаменитые личности Союза – деятели культуры, спорта, политики.

Например, в 1961 г. в «Артек» приезжал в гости Юрий Гагарин. Часто посещал артековцев генеральный секретарь Л.И. Брежнев, так как его правительственная дача располагалась неподалеку от детского лагеря. Самым любимым досугом у ребят был лагерный костер, возле которого можно было петь песни под гитару, танцевать. Костер ассоциировался у ребят с концом смены и поэтому, несмотря на веселье, им было немного грустно, потому что заканчивалось приятное время и не хотелось расставаться с новыми друзьями. В целом, система пионерских лагерей способствовала оздоровлению школьников и была одним из любимым летних времяпровождений у советских детей.

Таким образом, сфера досуга являлась частью культурной политики Советского государства. По всей стране работали учреждения культуры. В городах были кинотеатры, дома культуры, театры, цирк, функционировали парки отдыха, музеи, выставочные павильоны и, конечно же, библиотеки. Каждый советский человек проводил свой досуг по своему усмотрению. Кто-то шел в театр, парк отдыха, кто-то ехал к себе на дачу, кто-то ремонтировал свой автомобиль, а кто-то просто проводил время дома, читая любимые книги или просматривая телевизионные передачи. Государство контролировало и регламентировало досуг советских людей, он имел ограничения, связанные и особенностями социалистического строя, и ограниченными материальными возможностями трудящихся, и существующим дефицитом в сфере культурного обслуживания. Но в целом, культура и искусство были доступными для народа. Главной особенностью в досуговой политике советского государства, на наш взгляд, становится его эгалитарный характер.

В целом, в 1950-1960-е гг. советские граждане свободное время проводили разнообразно, с пользой для физического и духовного развития. Некоторые формы организации досуга видоизменялись в зависимости от особенностей социальной политики государства, идеологии и других обстоятельств. В эти годы население региона активно посещали музеи, библиотеки, кинотеатры, театры, различного рода клубы, дома отдыха, спортивные стадионы и секции и т.д. Судя по источникам, с каждым десятилетием количество и качество культурных учреждений возрастало.

---

1. Шаленко В.Н., Левашов В.В. Культура проведения досуга у старшеклассников и молодых рабочих. – В кн.: Социологические проблемы культуры. – М. : Наука, 1976. – 134 с.
2. Жумашев Р.М., Сактаганова З.Г. и др. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936-2006 годов. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 320 с.
3. ГАКО.Ф. 1363. Оп.1. Д. 14
4. ГАКО.Ф. 1363. Оп.1. Д. 21
5. Интервью с Б.К. Адамбековым, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
6. Из передачи «Вспомнить все. Досуг в СССР». [ЭР]. Режим доступа: https://go.mail.ru/search_video?rf=e.mail.ru&sig=87a890eb7f&s=Youtube
7. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
8. Орлов В.Н. Культура и досуг. – М. : Профиздат, 1981. – 80 с.
9. Журналы в СССР / http://fishki.net/2189157-zhurnaly-v-sssr.html
10. Страна СССР: все о Советском Союзе/ http://strana-sssr.net/статьи/советские-книги-журналы-газеты/ностальгия-по-детским-журналам-советского-союза.html
11. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей (На материалах Казахстана). – Алма-Ата: Наука, 1982. – 166 с.
12. Интервью с И.А. Петровой, записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2016 г.
13. ГАКО.Ф. 571. Оп.1. Д. 11

14. ГАКО.Ф. 572. Оп. 1. Д. 11
15. Свининников Н.Н. Социализм и свободное время. Право на отдых. (Советский образ жизни: основные черты, сущность, преимущества). – М. : Высшая школа, 1985. – 216 с.
16. ГАКО.Ф. 1363. Оп.1. Д. 20
17. Советское ТВ: заметки из будущего. 60-е: время надежд и ожиданий/ http://mediasat.info/2015/03/12/soviettv60th
18. ГА РФ.Ф. 6903. Оп.4 Д. 154
19. Эфрон Г. Дневники. В 2-х томах. 1940-1941 гг. – М. : Вагриус, 2004.,Т. 1. – 560 с.
20. Радиоприемники и радиолы СССР (1950-1960 годы) /http://savok.name/209-radio.html
21. Цены на новое авто в СССР (Ностальгическая тема) / https://www.drive2.ru/b/288230376151863597/
22. Средняя заработная плата в СССР в 1950-е, 60-е, 70-е и 80-е годы / http://zarplatyinfo.ru/v_mire/srednyaya-zarabotnaya-plata-v-sssr-v-1950-e-60-e-70-e-i-80-e-gody.html
23. Интервью с А.С. Уйсембековой, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.

8.3. Свободное время и досуг горожан в 1970-1980-е гг.

1970-1980-е годы вобрали в себя два непохожих друг на друга периода в истории Советского Союза – спокойные и стабильные «застойные» времена развитого социализма, а также активные и нестабильные «перестроечные» времена. И проведение советскими людьми своего свободного времени также имели разные характерные черты в эти периоды. В 1970-е гг. и до начала перестроечных процессов граждане Советского Союза не могли пожаловаться на отсутствие условий для проведения интересного досуга. Этот период, без преувеличения, можно назвать самыми благоприятными за весь период Советской власти по всем направлениям, в том числе и в области отдыха и полезного времяпрепровождения. Во второй половине 1980-х гг. появляются новые виды досуга, а некоторые из старых трансформировались под влиянием новых политических и жизненных обстоятельств.

В 1970-1980-е гг. сложились две альтернативные позиции по поводу определения сущности понятия досуг. Первая заключалась в том, что под досугом понималось деятельность, предназначенная для интеллектуального, физического, социального развития и активного отдыха людей. По другому определению досуг понимался как многообразие занятий, осуществляемых человеком за пределами выполнения обязанностей в сфере труда, семьи и быта. В 1970-е гг. пришло понимание того, что необходимо менее административное руководство досуговой деятельности советских граждан. А этого можно было добиться, если создать условия для удовлетворения досуговых потребностей, которые будут способствовать тому, что люди будут заполнять свое свободное время чем-то более содержательным, нежели, как выразилась в 1976 г. директор Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР Т.А. Кудрина «пустым времяпрепровождением». При этом она уточнила, что государственные органы и общественность должны «помочь» людям с пользой проводить свой досуг и это не является вмешательством в их личную жизнь. По ее мнению, необходимо «создание оптимальных социальных условий для реализации выбора занятий для проведения досуга, о поиске экономических и воспитательных механизмов, ограничивающих нерациональную трату свободного времени» [1].

Увеличение уровня заработной платы (в 1970 г. средняя зарплата составляла 122 рубля, к концу десятилетия – 169 рублей) способствовало тому, что население без потерь для семейного бюджета могло удовлетворить свои потребности в приятном проведении своего досуга. Хотя в «брежневский» период все активнее

распространялась система привилегий: дома повышенного комфорта для руководителей, закрытые распределители, санатории и дома отдыха. Привилегии охватили все стороны жизни, досуга, в том числе – от получения книг «по особому списку» и возможности поездок за границу. Так называемые «теневая экономика» и «черный рынок» отразился и на качестве проведения свободного времени. Советские люди «доставали» билеты в лучшие театры, путевки в хорошие санатории, талоны на приобретение популярных книг и т.д. Или использовали натуральный обмен, например, талон на приобретении финской обуви могли обменять на билеты в Большой театр и т.д. В связи с тем в 1970-1980-е гг. советские граждане были самыми читающими в мире, то дефицитные книги стали своего рода «твердой валютой». Читатели собирали на своих балконах и чердаках макулатуру, чтобы обменять ее в специальных пунктах на заветную литературу. Среди такой дефицитной литературной продукции были свои фавориты, например, в исследуемый период таковым стал роман А. Дюма «Королева Марго» [2, с.270-275].

Советские граждане любили читать. Житель Караганды В.В. Горовой вспоминает, что большую часть свободного времени он читал различную литературу, приоритет давая произведениям про войну и фантастику. 20% читаемой им литературы была из библиотечного фонда. За весь период посещения библиотеки в школьные годы он заметил, что поменялось много библиотекарей. «Возможно, что это было связано с низкой заработной платой» – резюмировал респондент. А жительница Темиртау И.А. Петрова в свою очередь вспоминала: «Для чтения в основном пользовалась библиотечной литературой. В школьные годы я была постоянным читателем городской библиотеки, во время трудовой деятельности – технической библиотеки г.Темиртау. С помощью талонов за сдачу макулатуры, а также благодаря «Обществу книголюбов» наша семья приобретала книги, но по мере возможности, т.к. не было возможности выделять из семейного бюджета достаточное количество денег. Большую часть денег выделяли на приобретение произведений из школьной программы. На предприятии, где я работала, проводились годовые подписки на журналы «Юность», «Наш современник», «Иностранная литература», а также на газеты «Комсомольская правда», «Социалистическая индустрия»». Карагандинка Е.О. Кузнецова своими воспоминаниями подтверждает популярность среди советских граждан чтения различной литературы: «Дома у нас была большая библиотека. Семья была читающая, все очень любили читать, поэтому и библиотека была достаточно большой, интересной и разноплановой. В основном предпочтения отдавали классике, детективам, приключенческой литературе. Книги покупали в магазинах, часто брали в библиотеках. Тогда легче с этим было, цены были доступнее. Например, детская тоненькая книжка со сказками стоила 30 копеек и, в зависимости от толщины и серьезности книги, цена повышалась до 80 копеек, 1 рубля 50 копеек, 2 рублей 50 копеек, 3 рублей и так далее» [3].

Для того чтобы быть в курсе книжных новинок книголюбители посещали книжные выставки. Например, 30 июня 1971 г. в Караганде в областном Доме книги была открыта выставка книги Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по печати, которая продлилась 7 дней. Более 500 книг, выпущенных казахстанскими издательствами «Казахстан», «Наука», «Кайнар», «Мектеп», «Жазушы» экспонировались на данной выставке. Книги на выставке были представлены на казахском, русском, немецком и корейском языках. Особое место на выставке заняла литература, связанная со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина и 50-летием Советского Казахстана и Коммунистической партии республики. Например, такие как «Они встречались с Лениным», книга Н.К. Крупской о Владимире Ильиче, двухтомник «Герои Советского Союза –

казахстанцы», монография «Октябрь и наука Казахстана», «Геология Центрального Казахстана», «Казахстан – арсенал фронта» М. Козыбаева, «Советы в борьбе за построение социализма» С. Кенжебаева и другие. Экспонаты выставки были еще показаны в Новом Майкудуке и Темиртау [4]. А областная юношеская библиотека часто проводила выставки для своих юных посетителей. Вот, например, в зимние каникулы 1983 г. под девизом «Мы дружбой великой сильны» библиотека провела месячник молодежной книги. Мероприятие прошло на территории подшефной воинской части. Для солдат и офицеров библиотекари организовали вечер литературных портретов «Славься Отечество наше свободное», на котором было представлено творчество советских писателей О. Сулейменова, Ч. Айтматова, В. Быкова, М. Джалиля, Р. Гамзатова. На вечере звучали песни о родине И. Дунаевского, народные кюи, студенты культпросветучилища читали стихи [5]. Но большинство подобного рода мероприятий были идеологически окрашены и возможно в 1980-е годы впечатляли уже не всех детей и взрослых.

Но самым любимой и массовой формой досуга в 1970-1980-е гг. было проведение вечеров у телевизора. Отдельная квартира и наличие собственного телевизора (в начале 1970-х гг. – около 30 советских семей из 100 имели телевизоры, к 1985 г. уже 90) давало людям такую возможность. Советское телевидение, несмотря на жесткую цензуру и идеологическую составляющую телепередач, все-таки пыталось удовлетворить запросы разных групп населения. Были передачи, которые нравились почти всей телеаудитории: «Клуб кинопутешествий», «Кинопанорама», «Очевидное – невероятное», «Международная панорама», которые в какой-то степени приоткрывали «железный занавес» и восполняли дефицит информации о мире за пределами Советского Союза. А популярность ведущих новостной программы «Время» И. Кириллова, А. Шиловой, А. Шатиловой, В. Балашова сродни популярности известных актеров того времени. Можно сказать, что время останавливалось, улицы пустели в тот момент, когда по телевизору шла очередная серия любимого телесериала, футбольного матча или, например, всеми любимого новогоднего «Голубого огонька», в котором делились своим творчеством известные артисты и «лучшие люди страны» — космонавты, передовики производства, любимые киноактеры и спортсмены. Среди развлекательных программ лидировал «Кабачок «13 стульев»: популярные артисты Московского театра сатиры инсценировали диалоги из жизни современных западных обывателей и пели под фонограммы эстрадные песни социалистических стран, в основном польские. «Кабачок» нравился зрителям тем, что был практически аполитичным. А трансляции международных спортивных соревнований, на которых советские спортсмены показывали выдающиеся результаты, без преувеличения смотрела вся страна. А членов сборной СССР по хоккею А. Фирсова, В. Старшинова, А. Мальцева, В. Третьяка и др. знали даже дети.

Для населения Караганды и Карагандинской области просмотр телепередач также являлся лучшим времяпрепровождением. Судя по программе телепередач Центрального телевидения и местного канала Караганда за одну неделю 1971 г. передачи демонстрировались преимущественно на русском языке. На казахском языке ежедневно показывали только одну 10-минутную передачу «События и люди» и иногда концерт. Если проанонсировать программу передач одной недели «голубого экрана», то можно выяснить, что населению предлагали такие художественные фильмы как «Новые похождения Кота в сапогах», «Живой труп», «Муму», «На заре туманной юности», «Степень риска», «Новенькая», «Лицом к лицу». А также различные документальные фильмы («По странам мира», «Золото Чада», «Наша Куляш», «У нас в Подмосковье» и др.), научно-популярные фильмы («Скульптор Цалдин», «Только документы», «Новое наводит дорогу» и др.),

каждый день по одному мультфильму для малышей, музыкальные телефильмы, телелекторий «Планы партии – планы народа», различные телеспектакли, концерты и т.д. [4].

Скудность местных передач в начале 1970-х гг. связана с отсутствием современного телевизионного оборудования, которое появилось только в 1975 г. Были получены и смонтированы передвижная телевизионная станция (ПТС- 5), аппаратно-студийный блок (АСБ-5) на пять каналов, приобретены комплект видеомагнитофонов «Электро-2», передвижная станция видеозаписи, что дало возможность организовать прямые репортажи из Темиртау, Шахтинска, Абая, Сарани, а также из сельской местности. С 1978 г. карагандинцы стали смотреть Алма-Ату. Местное вещание велось на русском, казахском и немецком языках. Телевизионное вещание охватывало примерно 1 млн. человек. Если в 1958 г. в области насчитывалось всего 500 телевизоров (31 августа 1958 г. Карагандинское телевидение впервые вышло в эфир с официальной кинопрограммой), то к началу 1980-х уже свыше 500 тыс., из них 50 тыс. цветных [6].

Излишнюю привязанность людей к «голубому экрану» часто высмеивали в советских фельетонах. Вот и в одном из номеров 1983 г. областной газеты «Индустриальная газета» была напечатана юмореска Н. Бойко под названием «Открытие», в котором рассказывается об отце семейства, сделавшим удивительные открытия о членах своей семьи после того как в доме перестал работать телевизор. Например, что у его жены удивительно красивый халат, который, кстати, она купила еще в прошлом году. Опять же он удивил жену тем, что не заметил, что она беременна очередным ребенком, у входной двери соседского ребенка перепутал со своим. И герой юморески восклицает: «Сколько открытий! А ведь и часа не прошло, как у нас телевизор поломался…Решено – не буду мастера вызывать. Надо же, в конце концов, и дома побывать!». На наш взгляд, сюжет юморески актуален до сих пор. Также актуальными являются опубликованные в этом же номере газеты различные сатиристические стихи и рассказы. Например, такой «Порой перед ревизорами из КРУ и люди мечут красную икру» (автор С. Пивоваров). Или «В автобусе, троллейбусе, трамвае. Мы непременно что-нибудь читаем. В пути прочесть немало мы успели. В пути строка любая, как магнит. Особенно когда мы уже сели, а рядом с нами женщина стоит». А под названием «Степень готовности» был опубликован следующий диалог: «Вопрос: Какова степень готовности нового дома? Ответ: Рапортовать можно, но жить – еще нет» [7]. Как видим, в советские времена высмеивали те же общественные пороки, что и сейчас. Такого рода юмористические и сатиристические зарисовки публиковали в каждом номере областной газеты для поднятия настроения читателей. Тем более, что читателей областной газеты в те годы было намного больше, нежели сейчас. Газеты являлись массовым источником информации, в советские годы чтение газет и журналов было одним из важных элементов досугового времени. Люди выписывали до десятка периодических изданий (газеты и журналы), прочитывая их «от корки до корки».

Но, конечно же, ни телевидение, ни газеты не заменят поход в кинотеатр. Такие карагандинские кинотеатры как Юбилейный, им. Ленина, Октябрь, Родина, Ботакоз, Аврора, Казахстан, Мир, Маяк, имени Абая, кинозал гостиницы «Турист» в начале октября 1982 г. предлагали горожанам посмотреть художественные фильмы «Мария-Мирабелла», «Жандарм женится», «Вам и не снилось..», «Гараж», «Приключения Али-бабы и сорока разбойников», «Алеша Птицын вырабатывает характер», «Любовь под вопросом», «Внебрачный сын», «Любимый Раджа», «Конец императора тайги» и другие, не менее интересные фильмы. Многие из этих фильмов являются популярными и в сегодняшние дни, так как не содержали

в себе излишней идеологии, а рассказывали истории повседневной жизни простых людей.

Дворец культуры горняков традиционно принимал гостей со всей страны. Например, в октябре 1982 г. карагандинцы и жители области могли посетить концерт Елены Камбуровой, выступление ритм-балета «Панорама», вокально-инструментальной группы «Веселые ритмы», а также вечер вокальной музыки Ады Светловой из Риги [8]. Карагандинцы имели возможность посещать спектакли гастролирующих театров. Например, в течение всего августа 1971 г. горожане могли посетить представления Красноярского театра музыкальной комедии [9]. Местные театры также пользовались популярностью у любителей искусства. В начале 1980-х Карагандинский государственный театр музыкальной комедии в помещении Дворца культуры металлургов г. Темиртау предлагал зрителям спектакли в 19 часов в будние дни, а в выходные 17 часов. Например, в октябре труппа театра показывала оперетты И. Кальмана «Баядера» и «Сильва». Ордена дружбы народов Казахский драматический театр им. С. Сейфуллина 51-й театральный сезон 1982 г. открыла спектаклем «Олара» («На перепутье») [10].

С февраля 1983 г. для карагандинцев распахнул свои двери новый цирк, построенный с применением современных строительных материалов и технологий. Сразу же цирк стал любимым местом проведения досуга горожан. А карагандинский ледовый дворец спорта к 1983 г. уже функционировал 11 лет. Карагандинцы часто посещали дворец для того, чтобы посмотреть соревнования по различным видам спорта [11].

В 1970-1980-е гг. в вузах страны развивали студенческий спорт. Карагандинские вузы также были на высоте, в частности, студенты Карагандинского политехнического института были участниками экспедиции по подводному плаванию за Полярным кругом и в специальном снаряжении погружались на предельную глубину Белого моря, вели там спортивную «охоту» за флорой и фауной. Рабочая молодежь области также в часы досуга занималась различными видами спорта. Например, работницы машиностроительного завода №1 впервые прошли горными тропами Северного Тянь-Шаня. А до этого девушки осуществляли тренировочные походы по горам Каркаралинска, Заилийского Алатау [12].

С интересом и пользой для личной жизни можно было провести досуг, посетив тематические вечера под известным названием «Кому за…». Вот, например, карагандинский ресторан «Встреча» разместил объявление в «Индустриальной Караганде» следующего содержания: «Ресторан «Встреча» проводит тематический вечер «Кому за 30», который состоится 14 января 1983 г. в 19 часов» [13].

В исследуемый период власти, общественность и родители старались разнообразить досуг детей. В частности, в дни школьных каникул для детей в парках, в театрах и других развлекательных центрах Караганды и Карагандинской области организовывались различные представления. Например, в парке им. 30-летия ВЛКСМ в дни зимних школьных каникул детям было предложено театрализованное представление «Дети нашей страны дружбой крепкой сильны». Персонажами представления традиционно были Дед Мороз и Снегурочка, Карабас-Барабас, Буратино, а также персонажи русских народных сказок. К сожалению, в советский период сценарии детских представлений были почти идентичные, как будто их писали в центре и потом рассылали по стране как разнарядку. И поэтому в сюжетной линии невозможно отыскать национальный компонент. Хотя, ради справедливости, можно упомянуть о том, что детей после представления ждал сюрприз в виде верблюжьей упряжки, подгоняемая ямщиком. Такого зрелища, говорили родители, наверное, в Москве не увидишь, может и увидишь, но вместо верблюдов, скорее всего, будут лошади. Кроме театрализованного представления

для детей устраивали так называемые «Веселые старты», конкурсы на лучшее стихотворение и т.д. Детское представление в главном парке города должны был радовать детей весь период зимних каникул [14].

С 1974 г. в области работал методический кабинет центрального парка культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ, который оказывал методическую помощь работникам парков области по планированию и организации культурно-массовой, спортивной и детской работы. Так как активными посетителями городского парка были дети, то большая часть развлечений была посвящена именно им. Например, на территории детского городка функционировал пионерский театр, костровая площадь, автогородок, павильон юных друзей пожарной дружины, детская железная дорога, павильон игр, кафе «Малышка». Детские развлечения были доступны для детей, носили просветительский, познавательный характер и всегда были идеологически выдержаны. Например, по всему парку были установлены стенды «Торжественное обещание пионеров Советского Союза», «Законы юных пионеров Советского Союза», схема маршрутов Всесоюзного марша пионерских отрядов под девизом «Пионеры всей страны делу Ленина верны».

С целью воспитания у ребят бережного отношения к природе в марте проводился традиционный общегородской праздник «Пионер – друг пернатых». В его программе: рапорты о проделанной работе, театрализованное представление «Встречаем пернатых гостей», вручение грамот и призов. Весенне-летний период открывался проведением «Дней средней школы», «Дня дворового клуба». Программы были самыми разнообразными: концерты коллективно-художественной самодеятельности школ, пионерские сборы, утренники, конкурс рисунков на асфальте «Здравствуй, майский день веселый!», «Мир, труд, май», «Мир нужен нам!», «Счастливое детство», «Мир глазами детей», «Мы – пионеры советской страны!», различные конкурсы на лучшего певца, чтеца, танцора, «А ну-ка, девочки!», «Здравствуй, Олимпиада-80!», «Что, где, когда?» и так далее. Совместно со спортивным отделом проводились «Веселые старты», спортивно-игровые программы «Веселый стадион», соревнования по шашкам и шахматам, на педальных автомобильчиках и так далее. Организовывались встречи с ветеранами Великой Отечественной войны «Бери в наследство мужество отцов», посвященные Дню Победы. Широко и торжественно отмечали День рождения пионерской организации им. В.И. Ленина. В этот день на костровой площади парка проводился пионерский сбор «Рождение пионерского отряда», на котором ребят принимали в пионеры. В программу праздника входили конкурсы рисунков на асфальте «Мы – пионеры советской страны», «Пионер – всем ребятам пример», викторины, массовые игры, спортивные соревнования. 1 июня традиционно проводился большой праздник «За счастье детей на всей планете», посвященный Дню защиты детей. На празднике выступали с концертными программами школы Ленинского и Советского района, были проведены конкурсы рисунков на асфальте «Мир всем детям на свете», «Мир глазами детей», пионерский кукольный театр «Буратино» показал спектакль, спортивные соревнования «Олимпийские надежды», были проведены радиоконцерты пионерской песни, игры, викторины. В весенне-летний период проводилась определенная работа по эстетическому воспитанию и развитию самодеятельного творчества детей. Это праздники песен «Счастливое детство», «Вместе весело шагать», «Легко на сердце от песни веселой», в программу которых входило массовое исполнение и разучивание песен, конкурсы на лучшее исполнение песен. Охотно принимали ребята участие в праздниках танцев «Шире круг», «Танцуйте с нами», «Мы любим танцевать» и другие. Проводились праздники для октябрят «Природа-чудесница», «Путешествие в лесную сказку», «Какого цвета одежда у лета», совместно с

детскими библиотеками города проводились радиобеседы, встречи и обзоры детской литературы, книжные выставки [15, л.127-134].

В конце 1980-х гг. на волне развития частной инициативы, расширилось число предложений со всего Советского Союза об оказании услуг по проведению досуга граждан. Особенно это касалось детского развлечения. Например, руководитель хозрасчетной группы «Сценарий» Гомельского областного Центра молодежных Программ при ОК ЛКСМБ Е.И. Хацков в своем официальном письме за 1989 г. предлагал Карагандинскому областному комитету по культуре сценарии новогодних праздников для детей дошкольного и школьного возраста. Стоимость сценариев: «В этот новогодний час…» – 74 руб.; «Новогодняя игра – «детектив» – 58 руб. [15, л.73].

В целях улучшения патриотического воспитания в Карагандинской области в начале 1980-х уделяли большое внимание развитию туристско-экскурсионной работы среди школьников. В результате, в области получила большой размах экспедиция «Моя родина – СССР», проводимая в самых разных формах среди учащихся. Более 25 тысяч юных туристов-краеведов области вели поисковую работу. В походах, путешествиях, экскурсиях школьники изучали историю, экономику, природу и культуру родного края. Школьники под руководством опытных инструкторов совершали туристические спортивные походы. Популярным маршрутом был Каркаралинский горнолесной массив, а также другие живописные места области и республики. Была еще одна форма туризма, очень популярная среди школьников – путешествия по городам страны. Путевки ребятам предоставляли бюро путешествий и экскурсий, областная станция юных туристов и бюро международного молодежного туризма «Спутник». Юные краеведы и туристы области в 1983 г. принимали участие в Республиканском слете в Чимкенте. Лучшие отряды поехали осенью во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» [4].

В советский период школьников и студентов с отличной успеваемостью и хорошими показателями в общественной работе профсоюзные организации премировали льготными путевками. Например, в 1983 г. за высокие показатели в учебе, общественном труде и спорте учащиеся Абайского горного техникума были премировали льготными путевками в дом отдыха «Шахтер» [4].

Организация досуга населения в Советском Союзе была построена на научной основе. Свидетельством является, например, работа научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы Карагандинской области. Судя по отчету центра за 1980 г. в области функционировали кружки, любительские объединения и клубы по интересам, большинство из которых были предназначены для детей: кружок юных друзей пожарной дружины, кружок юных инспекторов ГАИ, кружок-изостудия «Живопись», кружок «Юных Железнодорожников». При спортивном отделе работали группы «Здоровье» и «Моржи» (84 человека), секция для игры в большой теннис. Вся физкультурно-массовая работа велась на общественных началах. Руководителями групп являлись главный врач медсанчасти И.И. Либерман и редактор газеты «Индустриальная Караганда» И.В. Казанцев. Секция игры в большой теннис насчитывала 51 человек, которые ежедневно занимались на теннисном корте парка им. 30-летия ВЛКСМ. Каждое воскресенье секция проводила соревнования, турниры, посвященные профессиональным праздникам. Ежегодно проводились областные соревнования по большому теннису, посвященные Дню шахтера, где принимали участие сборные команды городов Темиртау, Караганды и Сарани. Кружок-изостудия «Живопись» работал круглосуточно. У него имелось специальное помещение, оборудованное всем необходимым: мольберты, столы, стулья, стеллажи, настольные лампы и так

далее. Изостудию посещали 90 школьников в возрасте от 7 до 17 лет. Руководил кружком-студией А. А. Николенко. Занятия проводились три раза в неделю. Ребята знакомились с основами техники живописи и рисунка. Неоднократно проводились выставки детских работ.

Одной из задач Карагандинского областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы было пропаганда и внедрение в быт новых обрядов и ритуалов. Считалось, что с их помощью новым поколениям советских граждан будут переданы коммунистические идеи и нравственные принципы, рожденные революцией и развитые в процессе преобразования общества. Поэтому в качестве новых общественно-политических традиций внедрялись такие праздники как годовщина Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября, праздник 1 мая, день рождения В. И. Ленина, День Победы, Международный женский день, дни рождения комсомола и пионерской организации, День Советской Армии и Военно-Морского Флота, выборы в Верховный Совет СССР и т.д. Эти праздники в Карагандинской области проводились повсеместно, часто в виде театрализованных представлений, таких как «Слушайте, говорит революция!», «Путь к коммунизму начинался так», «В борьбе за рабочее дело» и т.д. Широко отмечались праздники, прославляющие людей разных профессий. Это дни металлурга, шахтера, работника сельского хозяйства и т.д. Праздники обычно проводились на открытом воздухе. Общегородским стал в городе Караганде День Шахтера. В этот день улицы города празднично украшались, повсюду слышалась музыка духовых оркестров. А в парках и стадионах города культпросветработниками были подготовлены массовые гулянья, в программу которых входили театрализованные представления, чествование передовиков производства, подведение итогов социалистического соревнования, награждение победителей. Особое место среди праздников профессий занимали вечера-портреты: «Герои нашего времени – рядом с тобой», «Труд – основа жизни», «Руки рабочих создают все богатства на свете» [16, л.56-57].

Культурная жизнь жителей Карагандинской области во второй половине 1980- х гг. обогатилась возобновившейся традицией проводить айтысы. Например, в 1989 г. проводился второй по счету областной айтыс акынов. Во вступительной части к плану проведения мероприятия было написано: «В соответствии с постановлением коллегии областного управления культуры, президиума облсовпрофа, бюро обкома комсомола, редколлегии областной газеты «Орталык Казахстан» в целях дальнейшего развития музыкально-поэтического творчества, обогащения жанра новыми произведениями, содействующими идейному и нравственному росту человека труда, выявления талантливой молодежи и воспитании ее в духе высокой гражданственности, интернационализма и патриотизма в октябре т.г. намечено проведение областного айтыса акынов, с участием жырши, термеши, кюйши, посвященного 70-летию Великой Октябрьской Социалистической революции в рамках II Всесоюзного фестиваля народного творчества». Айтыс проводился в два тура: I тур – в городах, районах (между вузами, предприятиями, отраслевыми организациями и т.д.), II тур – заключительный областной айтыс акынов проводился в течении 2-х дней, в канун праздника Великого Октября в здании цирка. В нем приняли участие победители I тура. К организации айтыса были привлечены почти все культурные и образовательные учреждения [16, л.98-100].

Как видим, некогда запрещенный жанр казахского народного творчества на волне перестройки возродился, и ее организации власти уделяли важное значение. И теперь у казахского населения, особенно старшего поколения, появилось еще один вид проведения досуга. А в целом, наряду с айтысом стали возрождаться и другие виды национальных видов спорта, искусства и т.д.

В 1970-1980-е гг. были развиты факультативные занятия по интересам. Например, в Караганде проводились занятия факультета краеведения городского университета под названием «Бюро путешествий и экскурсий по родному краю». На данных занятиях люди разных специальностей осваивали профессию экскурсовода. Например, приобретали знания о республике, области, городе, предприятиях, учились умению доступно изложить тему, быстро ответить на вопросы по ходу экскурсии, немедленно решить, в каком плане провести экскурсию для шахтеров, металлургов, работников сельского хозяйства. Раз в неделю в Доме союзов для них проводились теоретические занятия по изучению материалов партийных съездов, статистические данные и т.д. Тематика экскурсий была разнообразна: «Караганда – детище Октября», «Знай и люби свой город» и др. Интерес населения вызывали загородные поездки по историко-революционным местам Каркаралинска или путешествия в Баян-Аул по местам, где рождались легенды. Для экскурсоводов и любителей организовывались специальные выездные семинары, на которых они знакомились с туристическими маршрутами области и республики. Например, на одном таком семинаре 1971 г. экскурсоводы изучили дорогу от Караганды до Баян-Аула, знакомились с памятниками погибших в борьбе за Советскую власть, посетили совхозы. Были популярны летние загородные экскурсии [17].

Карагандинские рыболовы-любители 1970-1980-х гг. в часы досуга занимались ловлей рыбы на водоемах области. Особенно популярным среди рыбаков был подледный лов рыбы на канале Иртыш-Караганда. Для этого они приобретали специальное разрешение и сезонную путевку, без которых рыбака могли оштрафовать. Любительское и спортивное рыболовство в области организовывали общества охотников и рыболовов. Ловить рыбу разрешалось только членам таких обществ по билетам охотника и рыбака, обязательно надо было иметь при себе сезонную путевку, которую выдают в областном, городском или районных обществах охотников и рыболовов. Бесплатно такую путевку могли получить отдельные категории граждан – Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, кавалеры ордена Славы трех степеней, инвалиды первой группы, инвалиды и участники Великой Отечественной войны. Обществами рыболовов создавались условия для полноценного отдыха рыбаков: строились у берегов водоемов дом рыбака, лодочный парк, содержались питомники рыб и т.д. [18].

Отдохнуть и весело провести свое свободное время советские граждане могли на курортах страны. Знаменитая фраза Кати – главной героини оскароносного фильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит»: «Ну, я думаю, что в Сочи побывал хоть один раз в жизни каждый советский человек», наверное, имеет под собой реальную действительность. Был развит внутренний туризм, давший возможность населению побывать во всех уголках Советского Союза. Популярными направлениями внутреннего туризма были главные города Советского Союза – Москва и Ленинград, столицы республик и санаторно-курортные места. Нельзя не упомянуть и о феномене «советской заграницы». Речь идет о туристических поездках граждан в страны Прибалтики, которые все годы советскими людьми воспринималась как заграничная поездка.

На фоне строгого контроля за выездом и подробного инструктирования советских туристов, сами граждане воспринимали заграницу как место для культурного и материального потребления. Не всем простым рабочим и служащим удавалось по профсоюзной путевке побывать за границей. Некоторые из них носили больше деловой характер, чем туристический. Например, в газете «Индустриальная Караганда» за 1983 г. в рубрике «Маршрутами Интуриста» помещена заметка о группе карагандинцев, которые в дни празднования 65-й годовщины Великой Октябрьской революции в составе союзной делегации

посетили Францию по приглашению общества дружбы «Франция-СССР». В рамках поездки карагандинцы посетили знаменитые места Франции: Эйфелеву башню, Лувр, Версальский дворец и, конечно же, они не могли не посетить квартиру-музей В.И. Ленина в Париже, в котором он прожил три с половиной года. Как видим, карагандинцы смогли увидеть почти все достопримечательности Парижа и даже побывать в других городах Франции [14]. Но такой досуг считался элитным, не только в отношении денег, скорее в плане ограниченности поездок такого рода. И если поездка в страны социалистического лагеря это был более реальный шанс, то в капиталистические страны ездили преимущественно партийные чиновники, торговые работники, интеллигенция, то есть, не только хорошо оплачиваемые категории населения, но и идеологически проверенные. В целом, зарубежные поездки в СССР не являлись частью повседневной жизни большинства населения.

Свободное время большинство карагандинцев проводили почти одинаково. Как утверждают многие респонденты, основная масса времени посвящалась учебе, работе, семье, детям и т.д. В свободное время читали книги, играли в шашки, шахматы и другие настольные игры, смотрели интересные фильмы и передачи по телевизору, гуляли в городском парке, ходили по гостям к родственникам (что было самым популярным видом досуга и отдыха особенно в казахских семьях), друзьям, коллегам, по праздникам и знаменательным датам посещали рестораны и кафе, в отпускные дни ездили отдыхать в санаторно-курортные места, к родственникам в другие города, аулы и деревни, значительная часть населения города любила проводить отпуск и выходные дни у себя на даче.

В 1970-е гг. государство создало условия для обеспечения советских людей дачными участками, которые стали не только способом повысить благосостояние людей, но и основным местом для их отдыха. В летний период городские жители массово покидали свои квартиры и перебирались на дачи, чтобы с пользой провести время – отдохнуть и на своих шести сотках вырасти овощи и фрукты для личного потребления. Переполненные дачниками пригородные электрички и автобусы стали характерной чертой того времени. Дачник-садовод 1970-1980-х гг., в какой-то степени, став знаковой фигурой времени, вытеснил романтичного туриста-походника 1960-х гг.

В исследуемый период для большинства советских людей отдельная бесплатная квартира стала нормой, и это привело к индивидуализации повседневной жизни. Теперь советские люди, особенно представители интеллигенции, могли свободно сидеть на кухне с единомышленниками и говорить на «опасные темы». В результате, появилась практика так называемых «интеллектуальных сборищ», на которых люди проводили свое свободное время за интеллектуальными беседами. Преподаватели исторического факультета КарГУ – коллеги-историки старшего поколения с особенной теплотой и ностальгией вспоминали такие посиделки – домашние, кухонные «методологические семинары», где обсуждали проблемы науки, актуальные политические темы и т.п.

В стране увеличилось количество автолюбителей. Теперь для все большего числа семей личный транспорт стал доступным (например, к 1967 г. на тысячу семей приходилось всего 12 личных автомашин). Доступность авто для советских граждан стало возможным благодаря росту числа ежегодно выпускаемых в стране машин, почти 1 миллион машин в год (после 1971 г. показатели выросли почти в 4 раза). По-прежнему истинно народным автомобилем был «Москвич», но с выведением на полную мощность на рубеже 1970-х гг. автогиганта в Тольятти, стала популярной так называемая «копейка» Волжского автозавода (ВАЗ) – это модель ВАЗ-2101 (советский аналог модели итальянского ФИАТ-124) [2].

В СССР большинство населения, как уже отмечалось, практически не могло выехать за рубеж. Только небольшая когорта избранных членов советского общества выезжали в зарубежные страны социалистического лагеря по туристическим путевкам, которые «достать» было сложно, если у тебя не было пресловутого «блата». Поэтому большинство довольствовалось отдыхом у себя на родине, целый год собирая деньги под лозунгом «В сберкассе деньги накопила, путевку на курорт купила». Но в так называемый курортный сезон надо было «достать» не только путевки, но и билеты, чтобы в срок добраться до места назначения. А те, кто не смог приобрести путевку, ехали на море «дикарями» и размещались в качестве постояльцев у местных жителей, в среднем оплачивая 1 рубль за койко-место. Если не попал на море, то законный отпуск можно было провести возле местной реки или на городском пляже и совершенно бесплатно. Это в основном касалось регионов, где было достаточно теплое лето. А вот жителям северных регионов страны можно было поехать в село к родителям или друзьям, проживающих в теплых краях. Преимущество такого отдыха было в том, что люди наслаждались свежим воздухом, экологически чистыми продуктами питания. Но большинство советских людей, конечно же, все-таки мечтало провести отпуск у «самого синего моря». Для советских людей строка из Конституции «Граждане СССР имеют право на отдых» не было пустым лозунгом. Действительно, уравнение в правах среди советских граждан в плане отдыха было фактическим, так как у большинства населения доходы были одинаковыми, и почти каждый работающий мог позволить себе «выездной» отдых, особенно в 1970-е и в первой половине 1980-х гг. Советский человек мог выбрать для отдыха любой отечественный курорт, цены потому что в основном везде были одинаковыми: популярными были такие места как Ялта, Сочи, Юрмала, Адлер, Алушта и др. При средней заплате в Советском Союзе 180-190 рублей 21-дневный отдых в Сочи обошелся бы в 60-120 рублей и включал бы в себя 3-разовое питание, бассейн, лечение минеральными водами (в зависимости от уровня пансионата, дома отдыха или санатория). Большое количество путевок частично компенсировались профсоюзами (от 30 до 100%), что было весьма выгодно для людей со значительным стажем работы. А поход в кинотеатр был всего лишь регулярным развлечением из-за доступности цен: билет в кино стоил тогда 25 копеек, как булка хлеба. Любой советский школьник из обычной семьи в кафе кинотеатра мог выпить стакан молочного коктейля за 10 копеек или кофе за 13 копеек, съесть пирожное в кафе за 22 копейки или мороженое в стаканчике за 7 копеек и запить его стаканчиком лимонада за 3 копейки. Ведь у него в кармане у детей зачастую лежали деньги на карманные расходы, составлявшие не менее 50 копеек или даже 1 рубля [19].

В целом, досуговая сфера в советский период представляла собой объект культурной политики государства и предмет контроля и регуляции со стороны государственных и партийных органов. Власть пыталась, и ей это почти удалось, подвести под один «советский» знаменатель национальные, религиозные традиции в развитии досуга, унификация и интернационализация была и в этом. Только власти имели право принимать решение об открытии или закрытии учреждений культуры и их финансировании, развитии искусства и досуга населения. Появились с подачи властей оригинальные советские формы отдыха. Досуг советских граждан должен был быть наполнен идеологической составляющей партии и правительства. Поэтому населению ограничили доступ к информации о зарубежных формах проведения свободного времени. Хотя, начиная с 1960-х гг. советские люди все-таки стали иметь представление и заимствовать зарубежные виды досуга (просмотры видеофильмов и т.п.), характерные для западного общества. В 1970-1980-е гг. население Советского Союза, благодаря повышению уровня жизни,

стали все более насыщенно проводить свой досуг. Происходит более равномерное распределение потребительских услуг, в том числе и тех, что касались культурного досуга.

---

1. Пасенко С.И. Проблемы и специфика реализации советской концепции досуга на примере культурно-досуговой сферы города Армавира (1943-1991 гг.). Монография. – Армавир, 2014. – 438 с. / https://uchebniki-besplatno.com/istoriya-rossii/povsednevnaya-jizn
2. Филиппов А.В., А.И. Уткин, С.В. Алексеев и др. История России, 1945-2008 гг.: кн. для учителя / под ред. А.В. Филиппова. — 2-е изд., дораб. и доп. – М. : Просвещение, 2008. – 528 с.
3. Аудиозапись с биографических бесед с Горовым В.В., Петровой И.А., Кузнецовой Е.О., записано Б.А. Досовой в Караганде и Темиртау в 2017 г.
4. Индустриальная Караганда. – 1971 г. – 1 июля
5. Индустриальная Караганда. – 1983 г. 12 января
6. Индустриальная Караганда. – 1982 г. – 7 октября
7. Индустриальная Караганда. – 1983 г. – 16 января
8. Индустриальная Караганда. – 1982 г. – 1 октября
9. Индустриальная Караганда. – 1971 г. – 7 августа
10. Индустриальная Караганда. – 1982 г. – 20 октября
11 Индустриальная Караганда. – 1983 г. – 17 января
12 Индустриальная Караганда. – 1982 г. – 19 октября
13. Индустриальная Караганда. – 1983 г. – 12 января
14. Индустриальная Караганда. – 1983 г. – 7 января
15. ГАКО.Ф. 572. Оп.1. Д. 579
16. ГАКО.Ф. 1011. Оп.1. Д. 158
17. Индустриальная Караганда. – 1983 г. – 29 января
18 Индустриальная Караганда. – 1971 г. – 28 июля
19 http://ussrvopros.ru/sovetskaya-zhizn/sovetskie-tseny/120-skolko-stoilo-v-sssr-sezdit-v-otpusk

ГЛАВА 9. РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

9.1. От «сталинской оттепели» к «научному атеизму»

В центральных районах России воинствующий атеизм набирает обороты с первых же месяцев установления советской власти, в Казахстане же первые репрессии представителей мусульманского духовенства и верующих начались лишь с конца 1920-х гг. В советском государстве шли процессы, контролируемые тотально, причем «формы общественного контроля были интроектированы до такой степени, что стало возможным воздействовать на индивидуальный протест уже в зародыше» [1, с.13-14]. Но мусульманское население «демонстрировало безразличное и даже враждебное отношение при попытках наступления на ислам» [2]. В годы Великой Отечественной войны начался этап частичного возрождения религиозной жизни в стране и «оттепели» в религиозной ситуации. Необходимость во время войны консолидировать общество, использовать все резервы для его мобилизации послужили причиной пересмотреть государственно-религиозную политику. В этот период выстраивается четкая вертикаль органов управления религиозной жизнью страны. В 1943 г. создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), в целом управление духовными делами

мусульман СССР осуществляли четыре независимых друга от друга центра. При СНК СССР в сентябре 1943 г. были созданы Совет по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ), в мае 1944 г. Совет по делам религиозных культов (СДРК).

В 1946 г. на территории СССР насчитывалось 10547 соборов, церквей и молельных домов [3, с.79]. Начало консолидации антирелигиозного фронта произошло в 1947 г. с созданием общества «Знание», но его деятельность еще набирала обороты. С ноября 1948 по март 1953 г. в СССР не было открыто ни одного храма [4, с.43]. Потепление шло на спад, но агрессивных, полярно менявших общую тенденцию взаимоотношений институтов государства и религии, действий пока не происходило. В 1948-1953 гг. шел процесс некоторой стагнации, как в религиозной жизни советского общества, так и в церковной политике государства. И хотя многие современные российские исследователи говорят об «ужесточении антирелигиозной политики» в послевоенный сталинский период, на наш взгляд, репрессивный механизм сталинской машины в большей степени обрушился не на духовенство и верующих, а на интеллигенцию (творческую, научную и т.п.). Государство не изменило направление основного вектора религиозной политики военных лет и в сталинский послевоенный период, так что термин «оттепель» из лексики советологов о хрущевском периоде в «советской модели государственной церковной политики» закономерно использовать как «сталинская оттепель».

Несмотря на длительное атеистическое давление и репрессивные меры, верующие Казахстана в 1946-1960-е гг. продолжали исполнять религиозные обряды и отмечать религиозные праздники. В Казахстане ведущими религиями были ислам и православие. К ним отношение со стороны власти было более лояльным, нежели к другим религиозным сообществам. Хотя, Уполномоченные Совета по делам религий и другие надзорные органы пристально следили и за представителями этих ведущих конфессий на территории Казахстана.

Характеристику религиозных организаций и религиозной ситуации в 1946 – начале 1950-х гг. можно почерпнуть из доклада уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Казахстану о состоянии религиозных культов: «Основным религиозным культом в Казахстане является культ мусульман. Этот культ исповедуют казахи, уйгуры, дунгане, узбеки, татары и некоторые другие национальности, переселившиеся с Кавказа в годы войны (карачи, балкары и т.п.)» [5, л.57]. Культ мусульман в 1940-е гг. в Казахской ССР имел 22 зарегистрированные общины, в 1951 г. их было 20 [6, л.57]. По Казахстану в целом преобладали незарегистрированные мусульманские общины и молитвенные сооружения, верующие самовольно занимались строительством мечетей, устраивали массовые богослужения. Количественные данные, приводимые в отчетах не всегда отражали реальную картину состояния религиозности в обществе.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при СМ КазССР в 1946 г. сообщает, что по неполным данным совершение религиозных православных обрядов осуществлялось достаточно широко. На 1 декабря 1953 г. общее количество действующих церквей и молитвенных домов русской православной церкви в республике составляло 54, из них в городах находилось 27, в рабочих поселках – 8 и в сельской местности – 19. Всего служителей культа в республике было зарегистрировано 91 человек [6, л.27]. По неполным данным совершение религиозных православных обрядов осуществлялось достаточно широко. Так, крещение производилось не только младенцев, но и взрослых детей в возрасте от 5 до 15 лет; имели место случаи принятия православия гражданами других вероисповеданий и т.д. Посещение церквей и молитвенных домов верующими постоянно увеличивалось и, особенно, в дни церковных праздников [7, с.67].

Значительное место в жизни славянских народов занимало православие, однако в вышеназванном докладе оно не отмечается, как наиболее значимый культ в Казахстане: «Вторым местом после культа мусульман занимает культ евангелистских христиан и баптистов, а за ними идут группами и одиночками старообрядцы, лютеране, представители иудейского вероисповедания (евреи), адвентисты 7-го дня и др. [5, л.57]. О состоянии этих культов материал представлен достаточно скупо: «Последователи иудаизма встречаются во всех городах Казахстана…Старообрядцы в Казахстане проявляются небольшими группами в ряде городов и областей. Зарегистрированных общин они не имеют, ходатайств об открытии молитвенных домов не возбуждают, но совершают неотложные религиозные обряды (обмывание и отпевание покойников). Лютеране состоят из местных немцев и немцев, переселившихся в годы войны с Поволжья и других областей Союза…Зарегистрированных общин они также не имеют, ходатайств об открытии молитвенных домов не возбуждают. Но неотложные религиозные обряды совершают, большие религиозные праздники (пасха, рождество и др.) отмечают. Адвентистов 7 дня в Казахстане мало. Религиозной деятельности они открыто не проявляют. Кроме представителей выше перечисленных культов в Казахстане имеются ещё последователи буддизма – это корейцы, калмыки, переселившиеся с Дальнего Востока и Приволжских степей в 1930-х годах и в годы войны…» [5, л.59]. Таким образом, сведения о незарегистрированных общинах в целом по Казахстану весьма ограничены.В 1930-1950-е гг. Казахстан стал местом массовых ссылок и депортаций немцев, поляков, литовцев, украинцев, что привело к появлению католических поселений. В конце 1950-х гг. католические общины попытались легализовать религиозную деятельность, но наталкивались на стойкое административное противодействие органов власти. Уже после ослабления политики в отношении неугодных народов и конфессий с середины 1950-х гг. в республике образовываются общины лютеранской церкви, адвентистов, меннонитов, действовавших нелегально.

Государство делало все возможное для ограничения религиозных объединений и верующих. Так за 24 года – с 1946 по 1970 – в Карагандинской области было зарегистрировано лишь 10 общин (см. таблицу 1). Религиозная палитра, официально зарегистрированная властями в регионе, представлена 5 конфессиями: ислам, православие, евангельские христиане-баптисты, католики, евангельско-лютеранская церковь и менониты.

Таблица 1 – Информация о динамике регистрации религиозных объединений по Карагандинской области за 1946-1969 гг. [8, л.37]

Год	Наименование общины, дата регистрации	Местонахождение
1946	Мечеть № 1; 19.10.1946	г. Караганда
	Мечеть №2; 2.10.1946	г. Караганда
	Религиозное общество христиан-баптистов	г. Караганда
1947	Казанская русская православная церковь; 13.10.1947	Осакаровский район
1965	Богородице-рожденственская , русская православная церковь (РПЦ); 7.05.1955	г. Караганда
	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 6.10.1965	г. Сарань
1966	Михайло-Архангельская РПЦ; 23.03.1966	г. Караганда
1967	Евангельско-лютеранское общество 28.04.1967	г. Караганда
	Религиозное общество братских менонитов; 28.04.1967	г. Караганда
1969	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 20.11.1969	Ульяновский район

Такое небольшое количество зарегистрированных обществ – свидетельство религиозной политики ограничений по отношению к конфессиям. Причем следует обратить внимание, что с 1948 по 1965 гг. не зарегистрировано ни одной общины. Неужели никто не обращался с заявлениями в госорганы за 17 лет? Православные Карагандинской области, также, как и мусульмане, и другие верующие неоднократно и настойчиво обращались в уполномоченные органы с просьбой о разрешении открытия церквей, мечетей и др. на территории их проживания. И хотя такие обращения были зафиксированы, власти делали все возможное, чтобы не допустить расширения конфессий в обществе.

Множество примеров можно отследить в архивных фондах ГАКО, одно из них – заявление организационной двадцатки Больше-Михайловской общины православных, адресованное первому секретарю карагандинского обкома партии С.Я. Яковлеву Верующие писали следующее: «Члены нашей общины в основном престарелые, родители шахтеров и рабочих, у многих из которых пострадали и погибли дети на войне, находятся теперь в большой тревоге и волнении из-за опасения, чтобы нас не лишили права совершать богослужения, тем более в самые важные моменты для православных – Великий пост и в приближающуюся Пасху. Наша община безуспешно с 1948 г. добивается регистрации своей общины. Между тем, как магометанам разрешено в Караганде несколько мечетей, хотя они составляют не более 25% всего населения города, которое в основном православное русское, а православным не разрешают даже двух молитвенных домов на такой громадный город. Почему так? Наша община имеет несомненные преимущества на регистрацию. Наша община фактически существует с 1912 г., с момента открытия единственного в Караганде храма в Большой Михайловке, теперь занятого каким-то складом. Наша община обслуживает самый крупный район – Ленинский; наш молитвенный дом находится в 18 км от зарегистрированного Кировского молитвенного дома. В нашу общину входят 16 отдельных населенных поселков, подавляющее большинство которых удалено еще на 5-20 км от нашего молитвенного дома. Да разве возможно престарелым людям посещать Кировский молитвенный дом на такие расстояния? Уполномоченный по религиозному культу при Совете Министров КазССР тов. Вахменин требует от нас письменного подтверждения от местной власти, что она не возражает против совершения нами богослужений в молитвенном доме и регистрации общины. Но мы знаем, что уполномоченный облисполкома тов. Хлебов без согласования с Вами не решится дать требуемое нами письменное подтверждение. Почему мы вынуждены обратиться к Вам от имени всей массы престарелых верующих общины с убедительной просьбой не отказаться срочно дать тов. Хлебову указания в отношении вышеизложенного в положительном смысле, чем избавите нас от необходимости беспокоить по данному вопросу тов. Понаморенко и Вышестоящих. Надеемся, что Вы не откажете в нашей просьбе» [9, л.42-43]. Такого рода обращения веруюих фиксируются и в 1950-е, и в 1960-е гг., но власть на них реагирует не всегда. Несмотря на ограничительную политику в советском обществе в отношении конфессий, верующие соблюдали привычные ритуалы своих религи, отмечали религиозные праздники, приобщая к ним членов своих семей.

Архивные документы свидетельствуют о том, что верующие негласно соблюдали пост, праздновали такие религиозные праздники как «Ораза – байрам», «Курбан – айт», Пасху, Рождество, Крещение и др. Но эти факты не тиражировались, население не демонстрировало своих религиозных убеждений, так как в послевоенные годы религия оказалась под полным контролем советской власти, которая не поощряла расширение верований, религиозных объединений, общин, сект и т.д. Как свидетельствуют архивные данные, в 1943 г. при СНК

СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви, в 1946 г. – Совет по делам религиозных культов, и в их задачи входило выявление и регистрация различных религиозных организаций, а также наблюдение за их деятельностью.

Со стороны власти проводился целый комплекс мероприятий, направленный на ограничение деятельности мусульманского духовенства. Несмотря на все ограничения, люди тайно молились, праздновали религиозные праздники, приносили жертвоприношения, денежные пожертвования и т.д. До начала религиозных праздников Обкомом КП(б) и Облисполкомом давались указания районным исполнительным органам об усилении антирелигиозной, партийно-политической и общественной работы на местах. Во всех районах ежегодно до наступления «Оразы», «Курбан – айта», Пасхи, Рождества и т.д. проводились лекции на темы «Реакционная сущность Ислама» [10, л.71], «Наука и религия», «Было ли начало мира и будет ли конец мира», «От суеверий к науке», «Великие грозные явления природы» и т.д. [11, л.61].

Верующие мусульмане Карагандинской области (казахи, татары, чеченцы, узбеки, таджики) ежегодно соблюдали месячный пост «Ораза». В основном это были лица преклонного возраста и некоторая часть среднего поколения обоего пола. Согласно статистическим данным ориентировочное число верующих, соблюдавших пост в г. Караганде составило: в 1950 г. – 3100 чел., в 1951 г. – 2800 чел., в 1952 г. – 2200 чел. [11, л.22]. В течение всего месяца поста с 25 мая по 24 июня 1952 г. мечеть Кировского района посетили 150 верующих, Сталинского района – 500-600 чел. Во время «Оразы» очень много людей собиралось на чтение ночных молитв. Их численность в различные годы составляла: в 1950 г. – 600 чел., 1951 г. – 335, 1952 г. – 275. [11 , л.22]. После окончания поста «Ораза» мусульмане негласно отмечали трехдневный айт. Люди пекли шелпеки (лепешки), тайно ходили в гости и поздравляли друг друга [11, л. 20-21]. В день праздника «Ораза – байрам» в зарегистрированных мечетях г. Караганды проходили массовые намазы (молитвы). В мечети Кировского района приняло участие около 400 чел., из них женщин – 160, молодежи (в возрасте от 22 до 27 лет.) – 6. В мечети Сталинского района количество людей, принявших участие в праздничном намазе составило свыше 1000 чел. Из них: женщин – 300, молодежи – 50. По национальному составу: казахи, татары, чеченцы [11, л.19].

Не менее значимым для верующих мусульман было празднование «Курбан – айта». 28 августа 1946 г. в двух официально зарегистрированных мечетях г. Караганды прошли молитвенные собрания, где приняло участие около 400 чел. Возрастной состав участников колебался от 40 до 70 лет [10, л.23].

Согласно докладной записке Уполномоченного Совета по делам религиозных культов Карагандинской области, 22 сентября 1950 г. во дворах мечетей Кировского и Сталинского районов города с 10.00 утра был организован намаз, где приняло участие около 2000 человек, из них женщин – более 300, молодежи – 100 человек [10, л.55]. В 1953 г. приняло участие 1600 человек. Из них женщин – 550, молодежи – 30. По национальному составу: около 35 чел. – татары, 60 чел. – чеченцы [10, л.75]. Неофициальное чтение намаза в день праздника «Курбан – айта» было зафиксировано среди жителей г. Каркаралинска, где приняло участие свыше 1000 человек [11, л.56]. В Балхаше и Темиртау Уполномоченным Советом не было зарегистрировано ни одной мечети. Однако, были зафиксированы лишь единичные случаи празднования «Курбан – айта» в отдельных семьях, где имелись пожилые люди, читающие намаз [10, л.60].

В день празднования «Курбан – айт» верующие, помимо чтения намаза, несмотря на все ограничения со стороны советской власти, забивали скот. В 1950 г. в г. Караганде на «Курбан – айта» было забито 6 голов крупного рогатого скота и 18

голов мелкого скота [10, л.55]. В 1953 г. – 25 голов мелкого скота [11, л.76]. Однако, не исключено, что эти цифры были занижены, так как люди могли забивать скот тайно.

Духовенство мечети негласно осуществляло и религиозные обряды. Например, в 1949 г. Уполномоченным Советом было зарегистрировано 60 – 70 случаев чтения жаназа намаза при похоронах умерших, в 1950 г. – 52. Случаев бракосочетаний (неке): в 1949 г. – 29 случая, в 1950 г. – 51, а также наречение имен (есім) в 1950 г. более 30 случаев [11, л.69]. Помимо этого, духовенство тайно проводило обряд обрезание. В 1950 г. было зарегистрировано 41 случаев, а за первый квартал 1951 г. – 4 [11, л.70]. В АП РК отслежено большее количество отправления культов, например, только в одном Сталинском районе г. Караганды, причем абсолютное большинство из них осуществлялось муллами на дому. Так, например, соблюдение ритуалов «жаназа» (отпевание покойника) в 1948 г. зафиксировано 163 случая, к 1953 г. – 363 (в 2,2 раза больше); «исим» (наречение имени) 33 и 69 соответственно (в 2 раза больше); «неке» (венчание) – с 6 до 14 (в 2,3 раза больше) [6, л.75].

В мусульманские праздничные дни в пользу мечети люди сдавали денежные пожертвования. Только во время поста праздника «Ораза – байрам» денежный доход двух мечетей города Караганды составлял: в 1950 г. – 16459 руб., в 1951 г. – 18153 руб., в 1952 г. – 21016 руб. [11, л.22]. В день «Курбан – айта» денежные пожертвования составили: в 1951 г. – 8496 руб., в 1951 г. – 11586 руб., в 1953 г. – 9335 руб. [10, л.78]. Если учесть другие пожертвования, связанные с совершением различных обрядов, то приход денежных средств был намного выше. В частности, доход мечети Кировского района возрос с 4522 руб. в 1950 г. до 37456 руб. в 1952 г., а за шесть месяцев 1953 г. – 25909 руб. [12, л.26].

В отношении православных и других конфессий также активно предпринимались меры по ограничению верований и соблюдению ритуалов и др. Вспоминает жительница г. Караганды А.Ф. Самохина: «Конечно, верующих сильно не преследовали, но к тем, кто уделял превостепенное внимание религии, относились недоброжелательно. У нас была одна учительница Мартьянова. У нее отец работал в церкви, так ее все время преследовали, вызывали на беседы. «Мол, ты учительница, воспитываешь детей, отец твой богомольник и сама ты наверно тоже молишься». Даже нас учителей, в том числе и меня, посылали по домам, чтобы мы выявляли, у кого есть иконы, кто молится и т. д. И если мы находили семьи верующих, то обязательно проводили беседу. Объясняли, что церковь отделена от государства, что она приносит вред. Говорили, что «религия – это опиум для народа». Очень вредно и опасно для здоровья причащение, так как дают всем подряд пить воду из одной чайной ложки, что это якобы способствует заражению всякими болезнями и т.д.» [13, с.231-232].

Для православных верующих в Кировском районе г. Караганды функционировал официально зарегистрированный молитвенный дом, который располагался в здании барачного типа. Недолго работал молитвенный дом в Ленинском районе г. Караганды, который в 1951 г. был закрыт по неведомым причинам со ссылкой на наличии молитвенного дома в Кировском районе. В 1948 г. в г. Балхаше Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР Постановлением от 2 марта 1948 г. разрешил открыть молитвенный дом в г. Балхаше [14, л.53]. В 1953 г. двадцатка учредителей Большой Михайловской православной религиозной общины ходатайствовала перед Уполномоченным Советом об открытии молитвенного дома. Обоснованием послужило резкое увеличение численности православного населения, а также отдаленное расстояние от молитвенного дома в Кировском районе, что затрудняло совершать религиозные обряды и отмечать крупные религиозные праздники. На что от власти был получен отказ [14, л.55].

Представителям Русской православной церкви приходилось отмечать негласно такие религиозные праздники как Пасха, Рождество. Вспоминает А.Ф. Самохина: «Делали это, что бы никто не узнал, не обнародовал. Несмотря на трудные времена, мы старались на Пасху печь куличи и красить яйца. Этот праздник каждый справлял по своим возможностям» [13, с.232].

В Архангельско-Михайловской церкви Кировского района в эти дни образовывались очереди, пришедших осветить куличи и пасхи [11, л.58]. Более 1000 человек собиралось на молитву в день празднования Рождества – 7 января и Крещения – 19 января [11, л.59]. К сожалению, в архиве нами не были обнаружены документы, по которым можно было отследить точное количество людей, принимавших участие в церковных праздниках. Однако отрывчатые сведения из писем жалоб говорят нам о том, что во время проведения церковных церемониальных обрядов было очень тесно и многие люди были вынуждены стоять на улице [15, л.101].

Несмотря на существующие запреты, верующие крестили своих детей. Так, вспоминает А.Ф. Самохина: «Помню, со мной произошла одна неприятная история. В 1952 г. у моего племянника родилась дочка, и он меня попросил быть крестной. А я тогда работала в школе на 20 шахте учителем и завучем. Меня долго уговаривали, а я боялась, вдруг меня кто-нибудь увидит. А у нас в школе учились четверо дети семьи Златьевых, они были очень бедные. И они часто ходили в эту церковь. И надо же было такому случиться, я пришла со своими родственниками крестить племянницу, и эти дети меня увидели. Я так переживала. Все думала, когда меня вызовет секретарь райком партии на беседу. Он часто меня вызывал, все хотел, чтобы я в партию вступила. А я все время говорила, какой из меня коммунист, я же, высланная спецпереселенка. Потом, этот ученик Златьев, он учился в 4 классе, встретил меня в коридоре и сказал: «А я вас видел в церкви». А я ничего не сказала, очень сильно переживала. Но ничего, все прошло» [13, с.232].

В городе Караганде официально функционировала церковь евангельских христиан баптистов. В 1946 г. в Копае, вблизи старого вокзала, члены общины приобрели землянку и переоборудовали ее в молитвенный дом. Количество верующих колебалось от 200 до 250 человек [10, л.41]. В 1952 г. их количество возросло до 700 человек. Из них 40 % составляли немцы. Члены общины собирались на еженедельные моление по четвергам, субботам и воскресеньям, проводили богослужебные собрания, погребальные обряды, водное крещение. Наибольшее количество верующих собиралось в молитвенном доме (около 600 – 700 человек) в воскресные дни [10, л.70]. В 1952 г. Темиртау и Балхаше Уполномоченным Советом были обнаружены незарегистрированные общины евангельских христиан баптистов. Однако их лидеры были арестованы, а сама группа верующих была распущена [10, л.70об.].

В 1954-1960-е гг. отношение к верующим и религии ужесточается, десталинизация в религиозной политике «потепления» вылилась в хрущевское время в мощную антирелигиозную кампанию. Антирелигиозный курс политики стал доминантным и, хотя период правления Н.С. Хрущева называют «оттепелью», между государством и религиозными организациями наступило значительное охлаждение отношений. И уже после ряда постановлений ЦК КПСС и СМ СССР 1958 г. («О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»; «О монастырях в СССР», «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей») началась активная борьба с «религиозными пережитками» и ужесточение условий существования религиозных общин, что свидетельствовало о

новом этапе наступления на церковь. Следует согласиться с известным российским исследователем религии и религиозной ситуации в СССР М.И. Одинцовым, который считает, что для государственно-церковных отношений «хрущевская оттепель» обернулось откатом в 1930-е гг. [16]. В новых условиях на госорганы возлагалась задача максимально содействовать сокращению числа религиозных организаций. В результате, если на начало 1954 г. в СССР насчитывалось 18474 действующих религиозных обществ, то в 1965 г. – 11702 [16], то есть, за 10 лет уменьшение более чем на треть (36%).

Видя в религии лишь эстетическую оболочку и силу некой этнической традиции, власти попытались заменить религиозные праздники советскими ритуалами (бракосочетание, регистрация рождения и т. д.), на это было направлено постановление 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Но выкладки социологических исследований в советский период демонстрировали живучесть религиозных традиций [17]. Преследования в хрущевские годы подорвали лояльность многих верующих, страдания верующих привлекали к ним симпатии неверующих. Церковь ответила на гонения «модернизацией» (заочное отпевание, заочное венчание, исповедь по переписке и др.).

В 1960 г. в Карагандинской области действовало 7 официально зарегистрированных общин (имелось 20 проповедников и 9000 верующих): две мусульманских, одна евангельских христиан-баптистов и четыре православных церкви [18, л.1].

Власти часто отказывали религиозным общинам в открытии молебных домов. Обращения мусульман, православных и др. к властям региона говорит о том, что уполномоченные органы старались чинить различные бюрократические препоны верующим, затягивали принятие решений по их запросам, зачастую создавая спорные ситуации между различными конфессиями. Содержание приведенных документов достаточно четко свидетельствуют о результатах такой политики.

Такого рода обращений было немало и не только со стороны православных, но и мусульман, и других верующих. Например, в ГАКО сохранилось обращение к председателю областного совета депутатов трудящихся от представителей верующих мусульманской веры престарелых рабочих г. Балхаша Абильхасима Мырзабекова, Карима Салихова, Мухажина Копбаева, Молдабека Баетова и С. Муханова, в котором они пишут следующее: «Уже третий раз просят Вас верующие мусульманской веры престарелые рабочие гор. Балхаша об разрешении открытия в г. Балхаше молебного дома. Хлопоты по этому делу длятся с 1956 г. В декабре 1956 г. от Вас приезжал тов. Адиков, который будучи в Балхаше в присутствии председателя горсовета осмотрел купленный нами под мечеть дом, одобрил наше начинание и, захватив с собой документы о приобретении дома, пожарной безопасности, санинспекции и др., отбыл в Караганду, но никакого результата по сей день не дождались. Ходили узнавать в горсовет, но там нам долгое время ответ не давали, на днях же дали не вполне обоснованное решение, где говорится, что-де дом куплен для жилья, что нет вентиляции, запасного выхода, хотя прекрасно знают, что без разрешения для открытия мечети мы не имеем никакого права для такого рода подготовления. К тому же, несмотря на то, что мы подавали заявление на приобретение земельного участка под дом № 64 по ул. Школьной, где мы желаем строить мечеть, горсовет, явно не желая обоснования мечети, издает решение об отдаче земельного участка под дом № 64 другому лицу. Надо отметить, что с 1956 г. по сей день арендную плату за этот участок платили мы. В решении № 447 от 29.07.1957 г. указывается, что при доме № 62 есть пристройка и минарет. Никакой же пристройки нет, а минарет не достроен, а внешний вид улицы нисколько не портится. Если на то

пошло, то колокольня и купол русской церкви тоже портят внешний вид улицы на рабочем поселке. Почему бы тогда не отнять и их. С другой стороны, хотели бы мы знать почему нам, престарелым рабочим, так долго приходится ждать разрешения, воспользоваться религиозным правом, которым уже пользуются русские и др. – правом молиться в молебном доме. Почему нас, стариков, посылают с облсовета в горсовет и обратно?» [19, л.41-44].

Уполномоченные органы на систематической основе выявляли незарегистрированные религиозные общины. Например, в архивных источниках указывалось, что в 1961 г. в Карагандинской области было выявлено «75 незарегистрированных религиозных объединений и групп, которые без официального разрешения действовали путем проведения организованного богослужения, с охватом более 6000 человек. Из них: в городах Караганде – 36 объединений, Балхаше – 5, Джезказгане – 6, Темир-Тау – 4, Сарани – 5. [19, л.4].

В 1966 г. действовали официально зарегистрированные молитвенные здания: русская православная церковь – 3, мусульманского вероисповедания – 2, евангельские христиане-баптисты – 2. Немалые суммы, поступившие в религиозные учреждения от исполнения обрядов, продаж предметов культа и добровольных пожертвований, – свидетельство посещения их верующими в городах региона (таблица 2), причем необходимо заметить, что официально зарегистрирована лишь незначительная часть поступивших средств, ведь финансовые средства от «75 незарегистрированных религиозных объединений и групп», которые без официального разрешения проводили организованные богослужения не фиксировались, кроме того неучтёнными были средства, полученные категорией неофициальных мулл, которых в отчетах называют «бродячие муллы».

Таблица 2 – Сведения о поступлении средств религиозных объединений по Карагандинской области за 1966 г. [18]

Религия и церковь	Всего поступило	От исполнения обрядов	От продаж свечей	От продажи др.предметов культа	Добровольные пожертвования
Русская православная церковь	249440	78722	126626	30049	13162
Мусульманское вероисповедание	15636	15636	-	-	5710
Евангельские христиане-баптисты	17457	-	-	-	18549
Итого	282533	94358	126626	30049	37421

Значительная часть верующих республики и региона исповедовала ислам, он в повседневной жизни казахстанского населения (казахи, уйгуры, дунгане, узбеки, татары, карачаевцы, балкары, чеченцы, ингуши и др.) играл ощутимую роль. По Казахстану в целом преобладали незарегистрированные мусульманские общины и молитвенные сооружения, верующие самовольно занимались строительством мечетей, устраивали массовые богослужения. Количественные данные, приводимые в отчетах не всегда отражают реальную картину состояния религиозности в обществе.

Таблица 3 – Количество мусульман-карагандинцев, посещавших в 1951 г. мечеть во время чтения намазов [6, л.61]

Местонахождение мечетей	Число верующих (чел.), посещающих		
	Пятикратные намазы	Жума-намазы	Айт-намазы
г. Караганда (Кировский район)	5-10	25-30	200-300
г. Караганда (Сталинский район)	20-30	150-200	2500-3000

Таблица 4 – Посещаемость мусульманами мечетей в день «Курбан-айта» [20, л.17-18]

Карагандинская мечеть (Кировского района)	1951 г.	1952 г.	1953 г.
	450	600	600
Карагандинская мечеть (Сталинского района)	1200	1000	1050

Значительная часть верующих читала пятикратные намазы у себя дома, не посещая мечеть. Данные из таблицы 3 и 4 не совпадают с цифрами по другим отчетам, в частности, в одном из отчетов уполномоченного по делам религий говорится, что «посещаемость мечетей верующими мусульманами неодинакова в каждой мечети и зависит от местонахождения мечети. Так, в праздничные намазы «ураза-байрам» и «курбан-байрам» в крупных городах (Караганда и др.) посещают от 3 до 5 тысяч человек [20, л.148]

Из вышеприведенных данных видно, что айт-намазы, совершаемые в дни двух больших праздников «ораза-байрам» и «курбан-байрам», проходили с участием достаточно большого количества верующих. В докладе проанализирован контингент верующих: «Если взять пятикратные намазы (в день) и жума-намазы (в пятницу), то их посещает постоянный контингент верующих. Это старики и некоторые пожилые люди. Женщины не посещают пятикратных намазов, хотя в некоторых мечетях они появляются. Обычно женщины посещают только жума-намазы, но число женщин, посещающих жума-намазы, не больше мужчин. Люди младших возрастов от 20 до 30 лет не бывают как в пятикратных намазах, так и в жума-намазах. Правда, в некоторых мечетях во время жума-намазов встречаются люди в возрасте от 30 до 40 лет, но их немного по сравнению со стариками. Что же касается айт-намазов, совершаемых в дни двух больших праздников «ораза-байрам» и «курбан-байрам», то в этих намазах встречаются люди всех возрастов, но преобладающее большинство составляют опять-таки старики… бывают и женщины – они составляют 10-15% всех собравшихся. Это относится к городским мечетям, в мечетях, расположенных в сельских местностях, женщины составляют абсолютное меньшинство. Среди посещающих айт-намазы наблюдаются молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, но их число сравнению со стариками и пожилыми людьми гораздо меньше. По национальному составу большой процент этих людей падает на уйгур, узбеков и на татар, что показывает степень религиозности этих национальностей». [6, л.61]

Уполномоченный описывает поведение группы молодежи, посетившей айт-намазы в день «ораза-байрама»: «Юноши пришли и стояли группами, переговаривались друг с другом, курили, но как только начался намаз все они встали в ряды, перевернули козырьки кепок и также как старшие выполняли всё то, что требуется по ритуалу» [6, л.61]. Судя по отчету и воспоминаниям интервьюируемых соблюдение религиозных ритуалов было воспитано в семьях, стало традицией и для молодого поколения, но степень их религиозности было определить сложно, иногда выполнение таких ритуалов носило формальный характер. Но все же исследователи отмечают устойчивость религиозных традиций в семье, в которой нередко старшие члены следуя мусульманским предписаниям,

совершают пятикратную молитву (намаз), постятся (ораза) и пытаются привлечь к выполнению религиозных обрядов и младших членов семьи.

В религиозных праздниках принимали участие от 20-30 до 400-500 человек в поселках и гораздо больше в городах: в 1951-1953 гг. посещаемость в дни мусульманских праздников составляла от 4000 до 5500 человек. В архивах имеются сведения о забое жертвенного скота в день «Курбан-айта»: в 1951 г. – 1155 баранов в 1952 – 1912. Причем следует отметить, что эти сведения охватывают лишь 6-8 областей Казахстана и по 3-4 населенных пункта из каждой области [20, л.16]. Но это лишь единичные зафиксированные факты, в повседневной жизни их было гораздо больше. Помимо вышеуказанных зарегистрированных мечетей, их имамов и азанчи в Казахстане имелось немало служителей мусульманского культа, проживающих как в городах, так же и в сельских местностях, которые исполняли религиозную потребность верующих. Всего таких мулл было учтено 515 человек, в Карагандинской области – 21, но не везде, как фиксируют отчеты, проведен полный учет таких служителей духовенства [21, л.86].

Поскольку власти отказывали в официальной регистрации священнослужителям, наибольшее распространение среди мусульман получили так называемые «бродячие» муллы. Их деятельность была связана с совершением обрядов при похоронах, венчании, чтении намазов в религиозные дни («Ораза-Байрам», «Курбан-байрам»). Термин «бродячий» в отношении этих мулл неправомерен, однако им пользовались в советское время уполномоченные по делам религий. Советом по делам религиозных культов термин взят условно, на самом деле большинство этих мулл не разъезжали по региону, а проживали в каком-либо населенном пункте и обслуживали религиозную потребность верующих этого населённого пункта, изредка выезжая в те пункты, где нет муллы. О них в материалах уполномоченного по делам религий сказано: «Большинство этих «бродячих» мулл не имели духовного образования, а являлись лицами, занимавшими в своё время низшую должность служителя культа, однако среди них имелись лица, окончившие духовную школу (медресе) в г. Бухаре, но таких было всего несколько человек. Духовная деятельность этих «бродячих» мулл заключалась в исполнении обрядов, которые имамы и азанчи мечети исполняли на дому у верующих, но некоторые из них также выполняли и те обряды, которые совершаются в стенах мечети. Это проведение различных ритуалов, в том числе, намазов в дни религиозных праздников «Ораза-байрам» и «Курбан-байрам» под открытым небом. Указанные «бродячие» муллы на местах проводили свою деятельность скрытно. Многие из них в годы Отечественной войны и в послевоенные годы настойчиво ходатайствовали о разрешении открыть мечеть в том населенном пункте, где они проживают, но получив отказ за последние годы, за малым исключением, прекратили просить об открытии мечети, а проводят свою деятельность скрытно в явочном порядке, без уведомления местных органов власти». [20, л.20,150] Уполномоченным органом в результате проверки в г. Балхаше, например, были выявлены три «бродячих» муллы – Тулеген Битабаров, Абдыкарим-ходжа Кошманов, Аманбай Сарсенбаев. А в 1955 г. балхашский «бродячий» мулла Карим Салихов в своем 2-комнатном доме по ул. Гоголя, 22 проводил еженедельные пятничные намазы и другие мусульманские обряды [21, л.11-12].

Религиозная политика советского государства в хрущевское десятилетие характеризовалась гонениями на исламскую веру и верующих. Частные примеры подтверждают это: резко уменьшается количество желающих выполнить паломничество (хадж) в г. Мекку. В 1958 г. на паломничество в Мекку было подано 53 заявления, в 1959 г. – 52, 1960 – 17; из них паломничество совершили в 1958 – 1

человек, 1959 – 1, а в 1960 г. не ездил никто» [22, с.152]. Следовательно, к 1960 г. количество желающих выполнить хадж сократилось в три раза, а совершивших паломничество не было ни одного. Сравним ситуацию с дореволюционной: в 1905 г. 500 казахов в Омске получили разрешение на выполнение хаджа [23, с.116].

Политика ограничения религии и ее «выдавливания» продолжала усиливаться. На основании постановления ЦК КПСС 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», в Казахской ССР было закрыто 13 из 26 святых мест. Святой источник «Аяк-Калкан» (Алматинская обл.) стал курортом, мавзолей Укач-Ата – лагерем для пионеров, «Узун-Ата» – ветеринарным пунктом [24, с.37]. Если в 1959 г. на учете в СССР в органах власти состояло 839 мусульманских «святых» мест, то к 1974 г. их число сократилось до 612 [25, с.328]. Было закрыто большинство действующих мечетей в СССР, из 1500 в 1954 г. через десять лет, в 1964 осталось меньше 500. Массированная антимусульманская пропаганда была развязана в печати, по радио, на телевидении и в театре. Увеличилось издание литературы антирелигиозного характера на разных языках СССР, в период 1962-1964 гг. в СССР издано 210 произведений, в том числе 50 на казахском языке. В СССР за этот период было выпущено около тысячи антиисламских трудов на разных языках мусульманских республик. [26, с.10]

Но исламские и доисламские традиции в сфере семьи и семейно-родственных отношений оставались частью повседневной жизни верующих. Повсеместно были распространены погребально-поминальные и свадебные обряды, обряд обрезания, массово отмечались праздники жертвоприношения – Курбан-айт (особенно в сельских районах Казахстана), окончания поста – Ораза-айт. Практически во всех казахских семьях (даже в семьях коммунистов) в эти дни пекли баурсаки, шелпеки, поминали аруахов (предков). Казахстанские религиоведы на основе полевых исследований выделяют в 1950-е – 1960-е гг. две группы верующих. Первую группу представляли люди старшего поколения, которые искренне считали себя мусульманами, им были известны основы мусульманского вероучения, они совершали мусульманские обряды. Таким верующим было свойственно терпимое отношение к атеистическому мировоззрению других людей. Ко второй группе были отнесены люди пожилого и среднего возраста, среди них встречалась и молодежь. Они не отличались строгим выполнением религиозных предписаний, и в их сознании отрывочные, часто неопределенные религиозные представления сочетались с естественно-научными знаниями, причем нередко они даже были коммунистами. В печати мелькали сообщения о праздновании главного мусульманского праздника Курбан-айт: приводились случаи невыхода людей на работу в связи с празднованием Курбан-айта. Массовые невыходы на работу не были распространены повсеместно в Центральном Казахстане (в отличие от южных районов), но религиозные праздники отмечались так или иначе во многих казахских семьях.

В 1961 г. в Казахстане зарегистрировано 25 мусульманских объединений, имевших мечети. Общее количество мусульман, совершавших намазы в этих мечетях, оценивалось в 40 тысяч, из которых 10-20% составляли женщины. В целом в Казахстане по данным властей, действовало 66 незарегистрированных исламских общин, культовую деятельность в республике вели 521 «бродячий мулла» [27, с.10]. Нелегально действовали муллы, которые посещали дома казахов, чеченцев и ингушей для проведения мусульманских обрядов – чтение Корана на поминках, обрезание мальчиков, наречение именем новорожденного и др. Власти требовали от уполномоченных органов выявлять случаи проведения тоев (празднества) по случаю сундета – обрезания мальчиков. Ответственные за проведения такого вида

контроля сетовали на то, что выявить такие случаи сложно, так как такой обряд в основном проводится скрытно и если проводится той, то под видом приглашения в гости родственников и дружных соседей [21, л.94]. Обрезание мальчиков проводилось по всей области, особенно в сельской местности, где преобладающее большинство населения мусульманского верования (казахи, чеченцы и др.).

Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что мусульман чеченской и ингушской национальности в КазССР иногда в отчетах приписывали к сектантам. Свидетельством такому утверждению является архивный документ, в котором было обозначено: «при выездах в районы обращать особое внимание на выявление и изучение деятельности групп сектантов «Кунтуходжа», «Баталходжа и «Галнарходжа» в местах, где проживают чеченцы и ингуши»» [21, л.32]. Также в отчетах 1950-х гг. указывалось, что верующие, приехавшие из Кавказа, ежедневные пятикратные намазы в зарегистрированных мечетях Караганды и области не посещают, а молятся вместе со всеми мусульманами в дни «Жума-намазы» (пятничные намазы) и в дни религиозного праздника «Айт-намазы». В отличии от других мусульман после праздничного намаза они идут на мусульманское кладбище, становятся в круг и поют «Зикир» (Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога) [21, л.57].

В ходе реализации научного проекта по истории городской повседневности Центрального Казахстана во второй половине XX в. нашей исследовательской группой были проведены интервьюирования среди жителей г. Караганды, которые позволяют проявить и состояние религиозной ситуации, и общественные настроения, отношение к религии, роль религии в повседневной жизни людей и т.п. Как свидетельствуют интервьюируемые, воинствующий атеизм, не в такой мере, как в 1920-1930-е гг., но все же проявлялся. Верующие были вынуждены скрывать собственные воззрения, не могли открыто высказываться по вопросам религии, это могло привести к общественному остракизму, давлению властей, сказаться на отношении к их детям в школе, во дворе и т.п. Атеистическая пропаганда не оставляла религиозных людей без внимания. Верующие были несогласны с властью, считая, что она нарушает их конституционные права, вмешиваясь в деятельность церкви и ее прихожан. Служители церкви, в свою очередь, пытались найти «общий язык» с властью, но не всегда успешно. В целом, все те, кто имел отношение к религии – верующие, служители культа или сочувствующие не доверяли власти и вынуждены были приспосабливаться к сложившимся обстоятельствам. Как вспоминает житель г. Караганды Б.К. Адамбек: «Перед каждым религиозным праздником – Курбан-айт, Пасха и т.д. в областных газетах «Орталық Казақстан» или «Социалистическая Караганда» печаталась большая статья атеистического характера, рассказывающая о «пагубном» пристрастии к религии некоторых советских граждан и призывающая советских людей бороться против проявления всякого рода «мракобесия» в лице всякого рода религиозных организаций» [28].

О том, что наступает мусульманский пост-ураза сообщалось всем райисполкомам и райкомам КПК по линии облисполкома и обкома КПК и настоятельно требовалось усилить культурно-массовую и политическую работу среди населения. И сразу же на страницах областных газет появлялись статьи «Что такое посты и их происхождение», «Пост и его вредные последствия» [21, л.58-59].

Воспоминания советских людей говорят о том, большинство из них старались не афишировать свое отношение к религии. Из интервью А.С. Уйсембековой: По городу было всего 2 мечети: одна в городе, другая в Майкудуке, но я их не

посещала. Тогда пропагандировался атеизм, и религиозных людей осуждали. А верующие люди верили и служили, выполняли все каноны, но молча. Особенно старшее поколение, их было не сбить с этого пути… Родственники, знакомые праздновали религиозные праздники: праздновали «Курбан Айт», «Рамазан Айт». Эти праздники помню очень ярко, потому что видела поистине верующих людей…» [13; с.233-234]

Ее дедушка и бабушка были глубоко верующими людьми, в отличии от ее родителей. В семье тоже праздновали религиозные праздники «Курбан Айт», «Рамазан Айт». Три дня готовились, резали баранов, приглашали родственников и сами ходили по гостям. Эти праздники приносили много радости детям, которые подходили к старшим и говорили «айттык». За это они получали копейки и различные сладости. Верующие открыто не пропагандировали религию, но своим поведением и действиями приобщали своих детей к религии, говорить открыто на эту тему боялись. Респондент вспоминает, что их семья и другие верующие делали личные пожертвования неимущим семьям, детям-сиротам, но не мечети. Религию она воспринимала спокойно, нейтрально, в атеистических мероприятиях не принимала участия, но и мечеть не посещала. Своему сыну она делала обряд обрезания (сундетке отыргызу). Респондент не помнит случаев, когда кто-то из ее родственников или знакомых пострадал из-за того, что он верующий или выполняет какие-то религиозные обряды. Религиозную литературу, которая попадала домой случайно, она читала, но не Коран. Как вспоминает Уйсембекова А.С., из религиозных предметов у них дома всегда были четки, которые передавались из поколения в поколение. Четки были сделаны из чистого жемчуга, привезенные из Мекки ее пра-пра-дедушкой. «Еще дома был «жайнамаз» (коврик для намаза). Мой дедушка перед смертью попросил сшить 200-300 жайнамазов, которые следовало раздать людям, пришедшим на его похороны. Он был убежден в том, что вместе с жайнамазом в их дома придет религия» [29]. А.С. Уйсембекова вспоминала, что она вместе с бабушкой выполнили просьбу дедушки и сшитые жайнамазы раздали людям на похоронах дедушки. «Думаю, что таким способом дедушка пропагандировал религию», – констатировала респондент [29]. А.С. Уйсембекова считает, что в советский период осуждали религиозных людей, но, несмотря на осуждение, большинство верующих людей не отказывались от своей веры и тайно выполняли все каноны. Таким образом, ислам и тесно связанные с ним доисламские культы вытеснялись в сферу влияния семьи и продолжали бытовать в жизни казахского общества. Анализируя религиозную ситуацию в послевоенный период советской истории необходимо отметить, что, хотя в ней были этапы достаточно жесткого выдавливания конфессий из духовной жизни, повседневность демонстрировала достаточно устойчивые позиции религии в казахстанском обществе.

В 1961 г. в Караганде действовали только две зарегистрированных мечети, они не вмещали всех желающих и часто богослужения в религиозные праздники проводились прямо под открытым небом. В ГАКО сохранился документ 1961 г. «Информация о прохождении мусульманского поста-ораза и религиозного праздника «ораза-айты»: «Среди мусульманского населения области пост-ураза соблюдался лицами престарелого и некоторой части среднего возраста обоего пола, он длился с 16 февраля по 18 марта 1961 г. В двух зарегистрированных мечетях г. Караганды в дни ураза проходили «тарауык намазы» (каноническая молитва), совершаемая в течение месяца Рамазан (месяц обязательного для мусульман поста), которые исполнялись имамами мечети ежедневно с 20 до 21 часов местного времени, с охватом от 15 до 50 человек….В течение месячного поста-

ураза в кассу зарегистрированных мечетей от верующего населения поступали «фитир-садака» (пожертвования, которые традиционно выдаются нуждающимся в священный месяц Рамазан как выражение благодарности Всевышнему), который устанавливался по 50 копеек с каждого человека… Религиозный праздник «ураза-айты» (праздник разговения, знаменующий собой окончание месяца Рамазан и завершение великого поста) продолжался три дня с 18 по 20 марта с.г. В первый день праздника «ураза-айты» 18 марта в зарегистрированных мечетях прошли массовые намазы в помещении мечети, не вместившиеся в здание, молились во дворе мечети под открытым небом. Намаз в двух мечетях г. Караганды начался в 8 часов утра и продолжался около 15 минут. В числе принимавших участие в намазе мечети Сталинского района было свыше 200 женщин и около 10 человек молодежи до 30-35-летнего возраста, в мечети Кировского района женщины составляли около 70 человек и молодежи около 30 человек, в основном татарской национальности. Присутствующие на богослужении «ураза-айты» в мечети Сталинского района верующие чеченской национальности, около 40 человек, после намаза отправились на мусульманское кладбище, расположенное в 250 метрах от мечети, став в широкий круг в течении 15 минут молились по-своему. Факты участия на намазах коммунистов и комсомольцев не установлены. В дни праздника «ураза-айты» верующие ходили по домам своих единоверцев и поздравляли с днем «ураза-айты», угощались шелпеками (тонкие лепешки, специально приготовленные на масле). Других случаев проведения общественных намазов на территории области не установлено» [30, л.13-15].

В первый и второй день праздника «Ораза-айт» и «Курбан-айт» лица, державшие пост-ораза и большое количество верующих поодиночке или группами от 3-х до 10-ти человек ходили по домам своих единоверцев, где поздравляли их с праздником, угощались шелпеками и бешбармаками. Имелись случаи, когда отдельные из верующих строго придерживались религиозного обычая обойти 40 домов в дни праздника… В дни праздника карагандинцы покупали и резали скот, мясо которого раздавали нуждающимся. Например, в 1954 г. в честь праздника было забито примерно 30 голов скота [19, л.114-115].

Таблица 5 – Посещаемость мечетей в одну из пятниц «ураза» [18, л.13-15]

мечеть	1954 г.	1959 г.	1961 г.
Карагандинская мечеть (Кировского района)	550	200	150
Карагандинская мечеть (Сталинского района)	780	350	250

Таблица 6 – Поступление денежных средств в период поста «ураза» [19, л.21]

мечеть	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1959 г.	1961 г.
Карагандинская (Кировский р-н) (в руб.)	5162	2183	4200	1428	1297
Карагандинская (Сталинский р-н) (в руб.)	6460	7152	6440	2782	1081

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Карагандинском облисполкоме С. Адиков причину уменьшения денежных и людских показателей (см. таблицы 5 и 6) видит во влиянии проведенных партийными, советскими и другими органами массовых мероприятий воспитательного характера среди населения и принятие мер по пресечению нарушений духовенством мечети ограниченного района деятельности [18, л.13-15]. В определенной степени С. Адиков был прав: действительно, антирелигиозная пропаганда, особенно среди подрастающего поколения (октябрята, пионеры, комсомольцы) давала свои результаты. Строительство коммунистического будущего не предполагало веру в сверхъестественные силы. Молодежь учили, что нужно верить только в собственные

силы: «человек – кузнец своего счастья» и т.д. Среднее поколение советских граждан не демонстрировало свою религиозность, так как это могло повлиять на карьеру, положение в обществе и даже привести к административным и уголовным наказаниям. В эти годы власти частенько устраивали показательные суды над так называемыми сектантами. Поэтому многие из них верили «тайно», скрывая свою религиозность. Большая часть представителей старшего поколения не прекращали верить и старались выполнять религиозные обряды и обычаи. Определенная часть молодого поколения исследуемого периода к религии относилось как к элементу прошлой жизни и, следовательно, она диссонировала с современной жизнью. Но среди всех возрастов советских граждан были истинно верующие, которые, не таясь, сопротивлялись идеологической машине и продолжали служить своей религии. Они сразу же попадали в список неблагонадежных, подвергались демонстративным унижениям, становились «героями» различных фельетонов и преподносились в обществе как ретрограды.

Представители мусульманского духовенства в обществе играли среди верующих значительную роль. В большинстве казахских и др. семей к мулле обращались для выполнения важнейших в жизни мусульман ритуалов и чаще всего это был один и тот же мулла, которому в семье доверяли. Среди таких уважаемых священнослужителей был имам Бала Кажи. С 1946 г. он работал имамом мечети Сталинского района Караганды. В документе указывается, что М. Мусин неохотно шел на контакт с властями, а среди верующих пользовался высоким авторитетом, особенно среди выходцев из рода каракесек [21, л.115]. Судьба Бала Кажи – достаточно типична для представителей духовенства в Казахстане, которые служили своей вере, несмотря на давление власти; в настоящий момент его именем названа мечеть № 2 г. Караганды. Такие служители как Бала Кажи способствовали укреплению мусульманской веры не только среди глубоко верующих людей, но и сочувствующих.

Архивы свидетельствуют, что ряд религиозных обрядов продолжали выполняться в некоторых семьях, но эти данные не отражают реального положения дел (см. таблицу 7), потому что часть проведенных ритуалов не фиксировалась, и они осуществлялись тайно, зачастую неофициальными служителями культов.

Таблица 7 – Сведения о религиозной обрядности мусульман по Карагандинской области в 1966 г. [31, л.38-42]

Наречение имени	Религиозные браки	религиозных отпеваний					Др. обряды	Хатмыклоран	Мовлюд	Обрезание
		всего	в мечети	на дому	на кладбище	зачно				
41	10	174	50	33	40	1	329	329	2	157

В Казахстане ведущими религиями были ислам и православие. К ним отношение со стороны власти было более лояльным, нежели к другим религиозным сообществам. Хотя, Уполномоченные Совета по делам религий и другие надзорные органы пристально следили и за представителями этих ведущих конфессий на территории Казахстана.

Состояние православной церкви в Казахстане отражено в отчетах. На 1 декабря 1953 г. общее количество действующих церквей и молитвенных домов русской православной церкви в республике составляло 54, из них в городах находятся 27, в рабочих поселках – 8 и в сельской местности – 19; из них в Карагандинской области – 3. Всего служителей культа в республике зарегистрировано 91 человек:

из них архиереев – 1, священников 80 и диаконов – 10. Возрастной состав духовенства в городах: до 40 лет – 3 человека, до 55 лет – 10 чел. и старше 55 лет – 50 человек. По образованию: имеющие высшее духовное образование – 3 человека, высшее светское – 2 чел. Среднее духовное образование имеют 24 человека, среднее светское – 10 человек; остальные 52 человека являются малограмотными, окончившие начальную школу. [6, л.27]

В архивных документах отражается «длительный и упорный» характер ходатайств, идущих из многих городов Казахстана, в том числе, и из Караганды, об открытии православных церквей, но они не были удовлетворены. В частности, Лоскутов Егор Сергеевич (как отмечено в отчете, бывший кулак), за последние 4-5 лет написал около 15 заявлений, несколько раз ездил в Алма-Ату и в Москву для решения этого вопроса [6, л.29-30].

Из воспоминаний жительницы Караганды Л. Макроусовой, прибывшей в 1961 г. в шахтерский город из г. Минска: «В советское время я нечасто посещала церковь, так как в то время работала с утра до ночи, но на большие праздники я все равно ходила. В то время у нас было мало церквей. Наша церковь, куда я ходила, стоит с 1939 г. – церковь в Пришахтинске (район г. Караганды). Она была деревянной, просто ее сейчас обшили листами железа, покрасили. По размеру церковь была маленькая». По словам Макроусовой Л. существовали так называемые нелегальные церкви, в которые люди ходили и молились там тайно. Церкви разрешали строить при условии, что они не будут выше домов. Все ее родственники были верующими, но священнослужителей среди них не было. Религиозные праздники отмечали, хотя мать работала учительницей. Как вспоминает респондент, ее мама занавешивала окна и ночью пекла пасхи, яйца красила. «Я не знаю, почему было так, и церкви разрушали, и всех причастных наказывали, ссылали. В советское время крестили детей, только тайно. Крестики носили так, чтобы никто не заметил. В то время можно было дома иметь религиозную литературу, только не открыто. То, что я верующая все спокойно воспринимали, кроме руководства и коммунистов. В общем, в советское время люди верили, только скрытно» – резюмировала респондент [32].

Осенью 1946 г. православные жители Большой Михайловки подали заявление о регистрации религиозной общины и получили отказ. Но верующие не опускали руки и в течении нескольких лет добивались открытия храма: писали в Москву, ездили в Алма-Ату. И только в 1953 г. был зарегистрирован в Большой Михайловке на Западной улице молитвенный дом (без права совершения Божественной литургии). В 1955 г. было получено разрешение и на открытие церкви, получившая название Богородице-Рождественской или в простонародье ее называли Большемихайловская. Дом переоборудовали в храмовое здание. Власти запретили поднимать здание даже на сантиметр. Тогда за одну ночь тайно прихожане углубили на один метр пол в церкви. Священников батюшка подбирал сам. Сначала приглядывался к человеку, потом призывал и говорил: «А вам бы надо быть священником». [30]

Единичные православные храмы были и в других городах Центрального Казахстана, например, в 50-е гг. XX в. в г. Балхаше имелась одна зарегистрированная община верующих с православной церковью вместимостью на 100-150 человек. «В 1960-е гг. зарегистрированные общины русского православного верования были расположены на территории: шахты 6-новая, с. Большая Михайловка, пос. Новая Тихоновка и в селе Осакаровка. Служителями культа ежедневно совершались обряды: крещение, бракосочетание, исповеди и др. По субботам и воскресеньям проводились богослужения с охватом от 50 до 600 человек, а в религиозные праздники – от 400 до 3000 человек в каждой общине» [18, л.1]. В

архивных фондах имеются сведения о проведении религиозных обрядов, вряд ли в отчетах фиксировались все факты, но тем не менее считаем возможным привести официальные статистические сведения (см. таблицу 8).

Таблица 8– Сведения о религиозной обрядности по Карагандинской области в 1966 г. [31, л.38-42]

	Крещение				Религиозные браки	религиозные похороны	
	всего	детей дошкол. возраста	школьн. возраста	Совершеннолетних		очные	заочн.
Всего	5045	4856	144	94	131	519	1976
Русская православная церковь	4948	4756	14	58	131	357	1885
Евангельские христиане-баптисты	46	-	-	46	6	16	-

Необходимо отметить, что во многих отчетах и записках уполномоченного сведений о православной церкви немного. Более подробный материал представлен о евангельских христианах и баптистах (ЕХБ). Неслучайно, в этот период второе место после культа мусульман отводили культу евангелистских христиан-баптистов. Этот культ имел в Казахстане 8 зарегистрированных молитвенных домов, из них 1 – в г. Караганде. [6]

Во главе этих общин стояли пресвитеры, утверждённые центром этого культа в Москве (ВСЕХБ) и зарегистрированные уполномоченным Совета по республике. Общины ЕХБ в своих молитвенных домах совершали молебствия три дня в неделю, а также проводили религиозные обряды: водное крещение, бракосочетание, погребальные и поминальные обряды. Количество приверженцев евангельских христиан и баптистов в Карагандинской области представлено в таблице 9.

Как видно по таблице 9, община росла в своём численном составе, причем в отчетах отмечается, что рост общин, в основном, идёт за счёт старых (приезжие люди из других общин баптистов) и новых (люди, которые принимаются через водное крещение) членов. В 1953 г. карагандинским обществом ЕХБ было принято 36 человек. Среди них 9 человек – выходцев из семьи членов ЕХБ, остальные – из других верований. Основная масса членов общин – люди преклонного возраста, но имелись и 20-30 летние; женщины составляли большинство. Членом общины мог быть человек не моложе 18 лет, а после принятия в общину ему назначался испытательный срок в один год. По роду занятий состав общин был разным: домохозяйки, сапожники, пекари, монтёра, слесари, переплетчики, портные, рассыльные, продавцы, шофера, машинистки, бухгалтера, инженеры, техники и др.

Таблица 9 – Численный состав общин евангельских христиан-баптистов по годам со дня их организации [5, л.75]

Область	1945 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Карагандинская	120	200	300	400	500	600
Всего по КССР	1202	1688	1995	2198	2349	2735

Зарегистрированные общины культа ЕХБ свою деятельность осуществляли в стенах молитвенных зданий. Верующие собирались 3-4 раза в неделю для богослужебных собраний. Собрания проводились под руководством зарегистрированного пресвитера, который читал с кафедры молитвенного дома

проповедь по религиозным книгам. С проповедью выступали и другие люди, выделенные на это пресвитером. Кроме обычных богослужебных собраний, верующие проводили собрания в дни больших праздников Пасха, Вознесение, Троица и др. На этих собраниях принимало участие большое количество людей. [21, л.22] Община проводила свои богослужебные собрания в молитвенном доме, расположенном в пристанционном посёлке, по улице Октябрьской №28. Здание молитвенного дома общиной было куплено в 1946 г. и вмещало 600 человек. В воскресенье собрания посещали от 400 до 5000 человек, в будние дни от 100 до 150 человек; в соответствии с ростом прихожан выросли и денежные доходы общины: 1952 г. – 91383, 1953 г. – 109341, 1954 г. – 117401 руб.; в сентябре 1954 г. в общине проводился праздник «День жатвы», на который собралось примерно 800 верующих и во время праздника проводился тарелочный сбор добровольных пожертвований на нужды ВСЕХБ и было собрано 14364 руб. [21, л.10]

Численный состав общины ежегодно увеличивался и в 1953 г. составил 792 чел. Национальный состав общины: русских и украинцев – 363 чел. (46%); немцев – 417 (53%); мордвы – 4 (0,5%); поляков – 5 (0,6%); осетин – 2 (0,2%); евреев – 1 (0,1%) [6]. В 1954 г. община выросла до 828 чел., в 1960 – 1100. Рост общины шел главным образом за счёт женщин и молодежи, родившейся в советский период, что говорило, по мнению уполномоченного по делам религий в Казахстане, о значительном влиянии служителей этого культа на молодое поколение. Первоначально община состояла из лиц, прибывших в Караганду в порядке спецпереселения в годы коллективизации и более чем на 50% состояла из немцев. С 25 декабря 1955 г. в зарегистрированной общине ЕХБ разрешили читать проповеди на немецком языке и наложили ответственность за содержание проповедей на старшего пресвитера И.А. Евстратенко [21, л.79].

В отчетных документах уполномоченных органов 1960 г. о данных общинах писали следующее: «В зарегистрированном молитвенном доме баптистов Сталинского района, молитвенные собрания проводятся 3 раза в неделю. Посещаемость верующих по воскресным дням 600-700 человек, в остальные дни 300-400 человек. Кроме обычных молитвенных собраний в молитвенном доме ежегодно проходят религиозные праздники «Рождество», «Пасха» и др. с охватом до 1500 человек. Кроме проповеди и молитвы неотъемлемой частью богослужения является духовное пение (общее и хоровое). Хор – около 100 человек, большинство членов хора состоит из молодежи до 30-35 лет» [18, л.1].

Группа верующих ЕХБ г. Темиртау из 30 человек, не имея своего помещения, проводила свои обряды скрытно на дому. Также нелегально действовала до 1953 г. община ЕХБ в Балхаше из 30 человек, которые собирались в частном доме. Но она была распущена после того как ее руководитель Хренов А.И. был арестован органами государственной безопасности. [6, л.49]

Католики, как и все верующие, подвергались гонениям, но им приходилось намного тяжелее на территории Казахстана, так как их было религиозное меньшинство. Большая часть католиков оказались на территории Казахстана в результате репрессий и сталинских депортаций 1930-х-1940-х гг. В 1954 г. уполномоченными органами в Шахтинском и Кировском районах г. Караганды были выявлены незарегистрированные группы верующих немцев лютеранской веры количеством 300 человек, 60% из которых составляли женщины. Карагандинские лютеране с 1952 г. регулярно подавали ходатайство на разрешение открытия молебного дома, но власти им отказывали «из-за отсутствия помещения».

Была выявлена новая группа верующих пятидесятников, которую возглавляли две женщины, приехавшие в Караганду из Украины в январе 1954 г. В эту группу вошли некоторые представители существующей группы пятидесятников и

исключенные из группы ЕХБ [6, л.43,45]. Появление новой группы пятидесятников обеспокоило не только власти, но высшее республиканское руководство ЕХБ во главе со старшим пресвитерем И.Д. Тихоновым. Он стал часто приезжать в Караганду и вместе со старшим пресвитерем г. Караганды И.А. Евстратенко стал проводить мероприятия, направленные на сохранение общины, чтобы не было оттока во вновь открывшуюся общину пятидесятников.

Помимо вышеуказанных культов в Казахстане имелись культы старообрядцев, евреев, адвентистов 7-го дня и буддисты. Из этих культов лишь еврейский культ имел единственную зарегистрированную синагогу в г. Кзыл-Орде, остальные культы зарегистрированных молитвенных домов не имели. Они ходатайствовали об открытии молитвенных домов, но в виду их малочисленности получили отказ. И хотя все эти группы заметной активности не проявляли, однако, продолжали исполнять по требованию своего верования погребальные и прочие обряды.

С 1966 г. в г. Караганде официально действовала без регистрации в органах власти религиозная община меннонитов-церковников, а с 1968 г. верующие постоянно собирались и проводили свои богослужебные собрания и другие религиозные обряды в помещении молитвенного дома, переданного зарегистрированной религиозной общиной меннонитов, что находилась по ул. Дежнева, 36 на территории Кировского района города. Религиозная община менонитов-церковников объединяла в своем составе 360 человек верующих. Из этих чисел верующих членов общины 68 человек проживали в разных городах и поселках близких к г. Караганде: г. Сарани – 16, пос. Актау – 15, совхоз им. Энгельса – 15 и от 1-6 человек – из поселков Токаревка, Актас и из городов Абай, Темиртау и Шахтинска. Остальные 292 члена общины проживали в г. Караганде. Возрастной состав общины: до 30 лет – 10, до 40 лет – 45, до 50 лет – 60, до 60 – 63, и свыше 60 лет – 195 человек. Среди членов общины 297 женщин, 81 мужчина. Все они имели лишь начальное образование. [30, 18]

Религиозная жизнь Караганды и области, конечно же, разнообразилась после появления на ее территории многочисленных представителей депортированных народов и спецпереселенцев. Среди них были даже представители христианских старообрядческих общин. Например, в середине 1950-х гг. в Караганде действовала община беглопоповцев (старообрядцы, отколовшиеся от Русской церкви после реформ Патриарха Никона во второй половине XVII в.; беглопоповцы в отличии от беспоповцев принимали священников, переходивших из православной церкви (беглых попов)). Члены данной общины в количестве 100 человек в основном проживали в городах Караганде, Сарани и Темиртау (21 семья). Под руководством спецпереселенца А.А. Иванова (репрессированный как кулак и высланный в Казахстан из Саратовской области) община без разрешения властей построила 2-комнатный дом для молитв в Сталинском районе г. Караганды по ул. 2-а Новая, 15. В этом доме по воскресениям проводили молитвенные собрания 2 раза в день на которых присутствовали 5-6 человек. В праздничные дни собиралось до 100 верующих. Община поддерживала связь со старообрядческим архиепископом древнеправославных христиан Московский и всея Руси Абрамовым Е.К. (Епифаний), который по приглашению единоверцев приезжал в Караганду 3 раза в 1954 и 1955 гг. В 1953 г. от этой общины отделились старообрядцы белокриницкого согласия, 26 семей этой общины проживали в Караганде. Община не имела своего помещения и священника [21, л.81-82].

В исследуемый период в Караганде проживали верующие иудеи. Но власти Караганды не могли выявить место и руководителя группы верующих евреев. Хотя в отчете уполномоченного органа писалось о том, что в Сталинском районе

г. Караганды существует еврейское кладбище, где верующие евреи хоронят своих единоверцев [21, л.46].

С конца 1950-х гг. проводимая антирелигиозная и антицерковная политика проявилась в гонениях на верующих, священнослужителей и в усилении налогового давления на духовенство и церковь. В результате многие церкви закрывались из-за невозможности содержать здания, платить налоги и зарплату работникам. Представители духовенства высмеивались, образ верующих и священнослужителей преподносился в карикатурной форме, оскорблялись религиозные чувства людей и т.д. Власть ограничила верующим доступ к религиозной литературе, сделав ревизию в церковных библиотеках, ограничила или вообще запретила паломничество к святым местам. У властей было множество претензий к представителям нетрадиционных религиозных организаций. Об этом было написано в «Справке о деятельности религиозных объединений и групп в Карагандинской области» от 10 января 1961 г.: «Наиболее активно действующими сектами и религиозными объединениями являются меннониты, лютеране, католики, иеговисты, ильинцы, старообрядцы, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, приверженцы ИПЦ (Истинно-православная церковь) и др. Руководители их организовывают и проводят сборища, запрещают своим членам посещать кино, театры, клубы и другие культурно-просветительские учреждения, не разрешают читать художественную и политическую литературу. Отдельные сектантские группы воспитывают своих членов в духе неподчинения советским законам, препятствуют их службе в рядах Советской Армии, вступлению в профсоюзы и участвовать в голосовании во время выборов. В целях пресечения деятельности реакционных религиозных сект, групп и объединений за последние 2-3 года по области было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 14 проповедников» [34, л.4-5]. За антиобщественную деятельность члены таких религиозных организаций даже высылались за пределы области, а некоторые лишались родительских прав. Например, в 1960 г. высланных таким образом насчитывалось 19 человек и 3 человека лишились родительских прав [18, л.7]. Осужденным-верующим инкриминировали антисоветскую деятельность.

Таблица 10 – Данные о наличии религиозных объединений, служителей культа, количестве верующих в Карагандинской области в 1967 г. [30, л.18]

Конфессии	всего	зарегистр.	незарегистр.	служителей культа	верующих
русская православная церковь	3	3	-	8	4000
лютеранская церковь	5	1	4	5	1593
мусульманского вероисповедания	2	2		2	1700
евангельские христиане-баптисты	2	2		24	2900
адвентисты 7 дня	1	-	1	1	62
Молокане	1	-	1	1	43
Меннониты	2	1	1	2	700
Пятидесятники	4	-	4	4	230
Иеговисты	5	-	5	5	218
католическая церковь	1	-	1	1	400
Итого:	26	9	17	53	11846
Примечание: Старообрядческая церковь и культ иудейского вероисповедания – данных нет, других сект нет.					

Данные таблицы 10 демонстрируют незначительный контингент верующих в Карагандинской области в конце 1960-х гг. Совершенно очевидно, что эти цифры не отражают реальной ситуации в обществе, даже исходя из текущих справок и отчетов этих же уполномоченных. Однако реальное отражение ситуации не ставилось задачей в подобных документах, они должны были демонстрировать результативность антирелигиозной пропаганды в советском обществе.

Таким образом, религия, несмотря на существующие ограничения и запреты, продолжала сохраняться в повседневной жизни людей через религиозные праздники и обряды. Процессы депортации, политические репрессии, промышленная миграция оказали непосредственное влияние на формирование полиэтнической и поликонфессиональной структуры населения Центрального Казахстана. В послевоенные годы, как свидетельствуют архивные данные, государство не поощряло создание религиозных общин, объединений. Для осуществления контроля со стороны государственной власти были созданы специальные Советы по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов. Для религиозных общин были созданы ужесточенные условия: постоянно вели беседы с членами этих общин, заставляли предоставлять полную информацию о своей деятельности, запрещалось вести всякую пропаганду, открыто проводить любые религиозные праздники и обычаи. Чтоб не попасть в поле зрения советской органов, люди старались скрыто, неформально и негласно совершать богослужение. Мусульмане, христиане, протестанты и т.д. в этих условиях совершали молитвы, поминки, крещение, а также отмечать религиозные праздники, которые имели многовековую традицию.

---

1. Маркузе Г. Одномерный человек. - М. : Refl-book, 1994. - 341 с.
2. Bennigsen A., Wimbush S.E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. - London: Hurst, 1985. - 195 p. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. - London: Hurst, 1986. - 294 p.
3. Дроботушенко Е.В. Динамика роста количества православных храмов и молитвенных домов Сибири и Приморья в середине 40-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. - Вопросы теории и практики. - 2015. - № 3 (53). - С. 77-82
4. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. Автореф. дис. д. и. н. – М., 1999. – 24 с.
5. АП РК.Ф. 708. Оп.15. Д. 296
6. АП РК.Ф. 708. Оп.26. Д. 344
7. Балтабаева А.М. Особенности религиозной жизни Казахстана в период великой отечественной войны. Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. – 2008. – № 2. – С. 67-71
8. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 268
9. ГАКО.Ф. 572. Оп.1. Д. 579
10. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 9
11. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 25
12. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 15
13. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946-1960 гг. сб. документов и материалов // Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
14. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 4
15. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 13

16. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (На материалах отечественной истории XX века). Дис. в виде доклада … доктора истор. наук. – М. : РАГС, 1996. – 50 с. / http://rusoir.ru/president
17. Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / Отв. ред. А.И. Клибанов. – М. : Мысль, 1967 / http://vipstudent.ru/index.php
18. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1. Д. 52
19. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1. Д. 32
20. АП РК.Ф. 708. Оп.5/1. Д. 617
21. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1а. Д. 30
22. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история. Этничность и общество. – Алматы: КИСИ, 1998. – 188 с.
23. Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане (1917-1991 годы): Дис… д-ра ист. наук. – Уральск, 2007. – 310 с.
24. Ауанасова Б.М. История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама 1941-1991 гг.). Дис. к.и.н. – Уральск,2007. – 135 с.
25. Ислам и советское государство (1944-1990). Сборник документов. Выпуск 3 /Сост. Д.Ю. Арапов. – М. : Издательский дом Марджани, 2011. –528 с.
26. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. – Казань: Иман, 1999. – 84 с. / http://kitap.net.ru/benigsen
27. Религиозные объединения в Казахстане: Справочник. – Астана: МЦКР КДР МКС РК, 2015. – 42 с.
28. Интервью с Б.К. Адамбек, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
29. Интервью с А.С. Уйсембековой, записано Б.А. Досовой в Караганде в 2016 г.
30. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.2. Д. 302
31. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 28
32. Интервью с Л. Макроусовой, записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2016 г.
33. Преподобный Севастиан старец Карагандинский / http://www.eparhia.kz/node/23
34. ГАКО.Ф. 572. Оп.1. Д. 11

9.2. Религиозная повседневность: от политики компромиссов до сотрудничества

В 1970-гг. в Советском Союзе политика в отношении религии считается более лояльной по сравнению с предыдущими периодами в истории страны: не наблюдалось жесткого административного контроля за деятельностью религиозных организаций, разоблачительных статей в прессе и массового закрытия церквей и мечетей. Не было открытого противостояния власти и религии, но контроль над церковными структурами не ослабевал и выход за рамки существующего законодательства всячески пресекался, гонения «продолжались в более мягкой форме» [1, с.145]. По закону «О религиозных объединениях» (1975 г.) религиозные объединения возвращали себе права юридического лица и могли самостоятельно приобретать себе необходимые в хозяйстве предметы, но не имели прав на свои здания, оно предоставлялось верующим только в пользование. Наряду с положительными изменениями (некоторые послабления по отношению к религии сравнительно с «хрущевским» периодом) в жизни верующих и религиозных организаций, особенно касательно имущественных прав, все-таки за государственными органами по-прежнему оставалось право вмешиваться в деятельность религиозной общины [2, с.397].

Типичный пример, характерный для деятельности госструктур. В работе Совета по делам религий практиковались предупредительные беседы с представителями

незарегистрированных религиозных групп. На такие беседы приглашали посредством почтовых телеграмм, подписанные лично Уполномоченным Совета. В ГАКО сохранились несколько протоколов профилактических бесед. На таких беседах, как правило, присутствовали представители местного исполкома, председатель комиссии по содействию исполкому по соблюдению законодательства о культах. Например, в протоколе предупредительной беседы со старшим проповедником незарегистрированной группы братских меннонитов-раскольников В.Я. Энсом в отношении «нарушения Советского законодательства о религиозных культах» зафиксировано, что «10 февраля 1970 г. гр-н Энс В.Я. был приглашен в Облисполком к Уполномоченному Совета по делам религии тов. Рахимову Ж. Беседа проходила в присутствии зам. председателя Карагандинского горисполкома тов. П.Д. Выстробского В беседе выяснилось, что гр-н Энс В.Я. совершает поездки в ближайшие районы нашей области, а также за пределы области с целью религиозного возбуждения среди населения и распространения религиозной литературы. 1-2 мая 1969 г. с 14 детьми побывал в г. Алма-Ате, является один из организаторов сбора религиозных детей, где участвовали около 500 чел. Незаконно провел совместно с пресвитером Карагандинского ЕХБ-раскольников Д.Д. Классеном в естественных водоемах Тельманского района и в г. Караганде летом 1969 г. крещение ЕХБ-раскольников, братского меннонитов-раскольников. В беседе также установлена организация воскресной детской религиозной школы. Гр-н В.Я. Энс, не отрицая об организации религиозной детской школы, категорически отказался назвать учителя религиозной школы, заявив, что он готов за религию нести уголовную ответственность. Далее он сказал, что он хорошо знает существующее законодательство о религиозных культах. За незаконное отправление религиозного культа решением административной комиссии Октябрьского райисполкома оштрафован на 50 рублей. Он заявил, что за организацию религиозной детской школы готов нести ответственность. Наши братья и сестры по вере проявляли заботу и всегда будут проявлять заботу об «узниках» и их семьях» [3, л.24]. От подписи Энс отказался. Протокол подписал Уполномоченный Совета по делам религий Карагандинской области Ж. Рахимов» [4, л.8]. Несколько позже, отмечено в справке, Д.Д. Классен (в ноябре 1970 г.) будет привлечен к уголовной ответственности по статье 130 ч. 2 и 200 ч. 1 УК КазССР и в первой половине января 1971 г. был осужден сроком на 3 года.

Государством системно отслеживалась динамика регистрации религиозных объединений в Центральном Казахстане (таблица 1).

Таблица 1 – Информация о динамике регистрации религиозных объединений по городам Карагандинской области за 1965-1984 гг. [5]

Год	Наименование общины, дата регистрации	местонахождение
1965	Богородице-рожденственская , русская православная церковь (РПЦ); 7.05.55	г. Караганда
1965	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 6.10.65	Г. Сарань
1966	Михайло-Архангельская РПЦ; 23.03.66	Г. Караганда
1967	Евангельско-лютеранское общество 28.04.67	Г. Караганда
1967	Религиозное общество братских менонитов; 28.04.67	Г. Караганда
1974	Адвентисты седьмого дня; 26.12.74	Г. Караганда
1974	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов («автономное общество»); 24.07.74	Г. Темиртау
1975	Религиозное общество евангельских христиан в духе апостолов; 25.09.75	Г. Караганда
1975	Религиозное общество церковных меннонитов; 30.06.75	Г. Караганда
1975	Католическое религиозное общество; 29.01.77	Г. Караганда

1975	Религиозное общество евангельских христиан-баптистов; 29.11.77	Г. Шахтинск
1979	Религиозное общество евангельских христиан в духе апостолов; 26.06.79	Г. Сарань
1981	Евангельско-лютеранское религиозное общество; 14.12.81	Г. Шахтинск
1982	Религиозное общество христиан «церкви божьей»; 27.04.82	Г. Караганда
1982	Евангелическо-лютеранское религиозное общество; 28.05.82	Г. Сарань
1982	Религиозное общество евангельских христиан в духе апостолов; 28.05.82	Г. Абай
1983	Религиозное общество евангельских христиан в духе апостолов; 31.03.83	Г. Темиртау
1983	Евангелическо-лютеранское религиозное общество; 31.03.83	Г. Темиртау
1984	Религиозное общество Адвентистов седьмого дня (группа) на местном учете; 1984	Г. Темиртау
1984	Религиозное общество евангельских христиан в духе апостолов; 1984	Г. Караганда

Таким образом, за почти 20-летний период в городах региона было зарегистрировано 20 религиозных объединений и обществ: русская православная церковь – 2, евангельских христиан-баптистов – 3, евангельских христиан в духе апостолов – 5, евангельско-лютеранское общество – 4, общество братских менонитов – 2, адвентисты седьмого дня – 1, католическое религиозное общество – 2, общество христиан «церкви божьей» – 1.

Если мы сравним предыдущие 25 лет (1946-1969 гг.) с 15 данными годами (1970-1984 гг.), то можно заметить, что количество зарегистрированных религиозных организаций в городах региона увеличилось с 8 до 20 (в 2,5 раза), что свидетельствует об активизации религиозной жизни среди горожан и более терпимой политикой властей к конфессиям. И хотя вопросы о соблюдении законодательства о культах, о необходимости усиления атеистической работы и т.п. обсуждались на разных уровнях, религия в повседневной жизни советских людей (особенно старшего поколения) еще занимала значительное место.

Проследим количество религиозных объединений и количество верующих в них более детально за 5 лет в 1970-е гг.

Таблица 2 – Динамика зарегистрированных религиозных объединений и их членов, также прихожан с 1971 по 1975 гг. [6, л.37]

Наименование общин	1971		1972		1973		1974		1975	
	к-во	члены	к-во	члены	к-во	члены	к-во	члены	к-во	члены
Православные	3	4500	3	4000	3	3400	3	3200	3	3200
Мусульман	2	1000	2	1000	2	1050	2	1000	2	850
ЕХБ	3	1619	3	1613	3	1720	4	1850	4	1919
Меннониты бр.	1	850	1	879	1	881	1	890	1	884
Пятидесятники									1	311
Лютеране	1	1850	1	1901	1	1960	1	1960	1	2001
АСД	-	75	-	80	-	100	1	100	1	65
Меннонит Церковные										360
ИТОГО 10		9894	10	9455	10	9111	12	9000	14	9620

Данная таблица позволяет отследить количество существующих зарегистрированных конфессий в Центральном Казахстане: зафиксировано 7-8 конфессий с общим количество около 10 тыс. чел. За эти годы существенных изменений в количестве и численности не произошло, среди официально

зарегистрированных объединений самая многочисленная православная церковь, затем – лютеране, на 3 место – мусульмане. Количество незарегистрированных религиозных объединений и их членов, также прихожан с 1971 по 1975 гг. позволяет отследить таблица 3.

Таблица 3 – Динамика незарегистрированных религиозных объединений и их членов, также прихожан с 1971 по 1975 гг. [6, л.39]

Наименование общин	1971		1972		1973		1974		1975	
	К-во	члены	К-во	члены	К-во	члены	К-во	члены	К-во	члены
ЕХБ, в т.ч. раскольники	8 1	588 79	8 1	550 100	8 1	500 100	8 1	450 100	9 2	450-500 120-140
Лютеране	2	317	2	300	3	300	3	300	5	350
Меннониты бр.									1	50
Пятидесятники	3	500	3	500	3	500	3	500	3	300
Молокане	1	40	1	30-40	1	50	1	40	1	20-25
АСД	1	105	1	100	1	100	1	100	-	-
Меннониты церковн.	1	357	1	360	1	40	1	380	-	-
Католики	2	1000	1	1000	1	1000	1	1280	1	1280
Иудеи								-	-	-
Иеговисты бр.	1	70	1	70	2	70	-	-	-	-
ИТОГО	20	3056		3020	21	3020	18	3150	20	2643

Данная таблица позволяет говорить о еще 10 незарегистрированных религиозных объединений с численностью около 3000 членов. Но вряд ли данная статистика (таблиц 2 и 3) полностью отражает реальное положение дел в религиозной повседневности. Предполагаем, что количество верующих было гораздо больше, но часть из них не проявляли активность в посещении культовых заведений, какая-то часть умышленно не фиксировалась, часть верующих скрывали или не афишировали свои убеждения.

В 1970-х гг. в г. Караганде (также, как и в 1960-е) функционировали 2 зарегистрированные мусульманские мечети. В справке «О прохождении мусульманского религиозного праздника «Қурбан-байрам»», написанная Уполномоченный Совета по делам религии при облисполкоме Ж. Рахимовым, говорится о том, что торжественные богослужения в честь религиозного праздника «Қурбан-байрам» состоялись 17 февраля 1970 г. в зарегистрированных 2 мечетях г. Караганды, в которых приняли участие 1100 человек, что на 210 человек меньше прошлого года. «В мечети Октябрьского района на «айт-намазе» присутствовало 600 человек, в том числе 120 женщин. Добровольный сбор средств составил 623 рубля. А мечеть Кировского района посетило около 500 человек, из них 52 женщины. Добровольный сбор средств составил 393 рубля. Среди участвовавших на «айт-намазе» в двух мечетях верующих младше 40 лет – 2 человека, подавляющее большинство преклонного возраста свыше 60 лет. Накануне и в период праздника духовенством проповедническая деятельность не предпринята. Верующими на территории 2 мечетей было забито 60 овец. На квартирах верующих были организованы комплексные угощения. В Карагандинской области «святых» мест нет, отмечает уполномоченный, но отдельные верующие южных районов области открыто совершают паломничество в городе Туркестане (на мечете Кожахмет Ясауи) в Чимкентской области. В связи с наступлением и прохождением «Курбан-байрам» проведены беседы, предостерегающие культслужителей мусульманской веры о соблюдении советского законодательства о культах. Силами атеистического совета партийных комитетов, лекторами общества «Знание» прочитан ряд

лекций и проведены беседы с верующими мусульманами о вредности религии. Организованы специальные радиопередачи на казахском языке» [4, л.25-27].

Как видим из справки, уполномоченные органы были в курсе проведенных мусульманских мероприятий, но выступали в роли сторонних наблюдателей и грубо не вмешивались в деятельность мечетей и жизнь верующих. Но, выполняя свои функциональные обязанности, проводили мероприятия профилактического характера.

Информация о прохождении поста «Ураза» и праздника «Ураза- байрам» в 1977 г. из архивных фондов ГА РФ позволяет представить себе и прохождение религиозных праздников г. Караганде, и интонацию отчета уполномоченного, который стремится продемонстрировать уменьшение интереса и участия населения в религиозных празднествах.

Позволим себе привести этот документ полностью: «В области функционируют 2 зарегистрированные мусульманские мечети, находящиеся в гор. Караганде, где в обычные дни богослужения их посещают около 350-400 верующих. Незарегистрированных мусульманских религиозных общин или групп в области не имеется. В связи с началом и прохождением «Уразы» уполномоченным Советом были проведены беседы профилактического характера с зарегистрированными служителями культа: имамами мечети гр.Гизатуллиным Ш., Джасыбековым Е., председателями и членами исполорганов мечети Бальгимбаевым, Альжановым, Ариновым и др. Специальным письмом от 24 августа с.г. о необходимости проведения мер профилактико-предупредительного характера были все райгор-исполкомы области, где, в основном, сосредоточены верующие мусульмане-казахи.

Редакцией областной газеты «Индустриальная Караганда» была опубликована статья автора Джумаельдинова М. «На том стоим незыблемо» по вопросу национальных обычаев и традиций, вредности и реакционной сущности религиозных обрядов «Ураза», «Жаназа» и др. В опубликованной в июле с.г. статье О. Орынбаева «Салдели Саугейлер» подвергалась критике практика проведения религиозных обрядов самозваными муллами. В одной из августовских передач журанала «Человек и религия» по местному телевидению с атеистической темой по мусульманским праздникам выступил доцент КарГУ т. Нургалиев. Члены комиссии содействия исполкомов т.т. Жумагулов Р.К., Сейткалиев М. посещали в дни поста ряд вечернях тараух-намааов в обеих мечетях.

По имеющимся данным горрайисполкомов религиозный пост «Ураза» в области соблюдали, в основном, люди преклонного возраста. Как и в прошлые годы, религиозной активности не наблюдалось. Случаи соблюдения поста детьми школьного возраста и пропуска ими занятий в связи с постом не имеются. В день праздника «Ураза-байрам», 14 сентября с.г. в обеих мечетях собралось около 630 человек (в том числе в мечети №1 400 человек и в мечети №2 – 230 человек). По сравнению с 1976 г., количество верующих, посетивших религиозный праздник, сократилось на 370 человек, что свидетельствует о некотором спаде религиозной активности верующих, падении престижа служителей культа обеих мечетей. Уменьшилось по сравнению о прошлым праздником количество верующих в возрасте от 30 до 50 лет – на 80 человек. Дети, подростки и молодежь до 30 дет в богослужениях не участвовали. Следует отметить снижение из года в год посещения верующими «пятнических» намазов в дни поста в мечетях. Если в 1975 г. в них принимало участие более 400 человек, то в 1977 г. средняя посещаемость составила 300-320 человек, соответственно на тараух-иамваах: 100-110 и 60-70 человек. Тараух-намазы проходили в мечетях, проводились они зарегистрированными служителями культов с тем активом верующих г.Караганды,

которая постоянно посещали их богослужения. Проповедников и мулл из мечетей других областей республики во время поста и религиозного праздника не было.

Молитва и чтение проповеди в обеих мечетях начались в 9 часов утра и закончились в течение одного часа. Содержание проповедей имамов мечети сводились к восхвалению аллаха за создание мира, благополучия людям на земле и т.д. В конце молитвы были высказаны призыву к миру, благополучию, достатку, благодарность Советской власти, местным органам власти за заботу о людях, об укреплении мира во всем мире, процветании нашей Родины и, созданий условий для отправления религиозных обрядов.

В сельских районах области, в населенных пунктах, где нет зарегистрированных мечетей, массовые богослужения в дни поста и «Ураза-байрам» не проводилась. Не наблюдались также случая подворного обхода для сбора пожертвований.

Денежные средства мечетей во время поста и праздника составили 2781 руб., что меньше почти в 2,5 раза, чем в 1976 г. За период прохождения поста «Ураза» и религиозного праздника «Ураза-байрам» нарушений законодательства о культах верующими и культслужителями не наблюдалось. Уполномоченный Совета по дела религий…». [8, л.1-3]

Информация о мусульманскихрелигиозных празниках ежегодно поступала в вышестоящие партийные, государственные, силовые органы и контролирующие религию структуры вверх по вертикали. Рассмотрим аналогичные данные по религиозным праздникам в 1981 г.

Если сравнить все 3 справки-информации о прохождении мусульманского праздника, можно отметить, что участие верующих несколько сократилось за десятилетие, объяснение, на наш взгляд достаточно простое, более молодое поколение, взращенное на достаточно интенсивной атеистической пропагаде, интерес к вопросам религии проявляло все меньше, старшее же поколение, сохраняя традии, становилось все малочисленнее.

Таблица 4 – Сведения о прохождении «уразы» и религиозного праздника «Ураза-байрам» в 1981 г. [8, л.3]

Районы, название мечети	Кол-во мусульман, участвовавших в намазе в зарегистрированных мечетях (примерное кол-во)						Поступило средств (всего за месяц)		В т.ч. в день праздника
	Накануне праздника	В день праздника	В том числе			Кол-во женщ	1980	1981	
			18-30 лет	30-60 лет	Старше 60 лет				
Мечеть № 1 Кировский р-н	70	350	-	40	310	40	1427	2800	700
Мечеть № 2 Октябрьский р-н	80	300	-	50	250	35	2495	4300	1200
Итого	150	650	-	90	560	75	3922	7100	1900

Местные власти осуществляли контроль как за деятельностью, так и над финансовыми делами церквей и мечетей. Для этого были введены квитанции, финансовые отчеты, введены оклады и т.д. В первой половине 1970-х гг. в Карагандинской области наблюдалось значительное увеличение доходов зарегистрированных мечетей. Религиозная активность в области особенно возрастала, как фиксируют справки, в канун и в дни религиозных праздников – Уразы, Курбан-байрам. С 1963 по 1971 гг. в Карагандинских 2 мечетях доход увеличился более чем на 20000 рублей. Обозначено осуществление обрядов: они

сохранились по количеству на одном уровне, за исключением очного отпевания (жаназа). С конца 1960-х годов и в начале 1970-х годов шел ежегодный прирост обряда «жаназа», в зарегистрированных мечетях составляет на 25-30 человек ежегодно больше, наречение имени и религиозные браки насчитывали единицы, эти обряды осуществлялись исключительно старшим поколением. В расположении мечети №2 Октябрьского района имели место скрытое обрезание мальчиков бродячим муллой Сейтмукарам Наурзбаевым, за что последний был выведен из состава двадцатки мечети.

Некоторая часть мусульманского населения этого района находилась под влиянием ислама, поэтому, объясняет уполномоченный, ежегодно растет доход мечети №2, в 1970 г. доход мечети составил около 15000 рублей. Такое увеличение Совет мечети объясняет тем, что верующие стали делать больше добровольных пожертвований. Доход зарегистрированных двух мечетей за 1970 г. составил 23109 рублей. Общие расходы двух мечетей 1970 г. составил 26184 руб. Зарегистрированные две мечети в 1970 г. внесли в фонд мира 10000 рублей, духовное управление мусульман 3400 рублей, в Московский отдел связи заграничными мусульманами 1100 рублей. Свободные средства в Госбанке на 1 января 1971 г. составили 12409 рублей. [4]

Верующие православной церкви также отмечали свои религиозные праздники. В городе Караганде действовала Михайло-Архангельская церковь, находящаяся в Кировском районе, которую так же посещали верующие, проживающие в селах Токаревка, Актау, Тельманского района и в г. Темиртау. Вторая церковь – Богородица-Рождественская была расположена в Большой Михайловке Советского района г. Караганды. Деятельность этой церкви распространялась также на верующих, проживающих в городах Сарани, Абае и других прилегающих населенных пунктах. Максимальная посещаемость этих церквей в религиозные праздники (пасха, рождество, крещение) составляла около 17500 человек (9500 в Михайло-Архангельской церкви и 8000 в Богородице-Рождественской церкви). На первой неделе «великого поста» в 1970 г. в Михайло-Архангельской церкви количество исповедников составило 3000 человек, на второй неделе – около 1000 человек, на третьей – 100 человек. Примерно такое же количество исповедников было на четвертой, пятой, шестой и седьмой неделях, то есть таких причастников насчитывалось более 7000 человек данного обряда, и соблюдали его примерно 55-60% верующих. В Богородице-Рождественской церкви обряд исповеди совершили около 6000 человек. За 1970 г. в трех церквях было совершено 6166 крещений, 271 венчаний, похорон по церковному обряду – 702, заочных отпеваний – 1966. Годовой доход денежных средств составил 341424 рублей. В фонд мира было внесено 51500 рублей. Свободных средств на текущем счете в Госбанке было 175667 рублей.

На 5629 окрещенных в церквях г. Караганды 1673 человека являлись иногородними, т.е. приезжали из ближайших городов и сельской местности области. В трех русских православных церквях числилось 13 культслужителей, из которых 2 имели высшее духовное образование, 2 имели среднее образование, остальные с начальным образованием. По социальному происхождению: 3 из рабочих, остальные из служащих. Всего членов исполнительного органа было 18 человек, из них рабочих – 5, бывших колхозников – 6, пенсионеров – 4, остальные служащие с начальным образованием. В составе хористов 3 церквей насчитывалось 51 человек, подавляющее большинство из них были рабочие, 10 колхозников, 11 служащих, 2 со средним образованием, остальные с начальным образованием. Всего обслуживающего персонала насчитывалось 39 человек, все

они по социальному положению из рабочих и с начальным образованием, по стажу работы в церквях от 5 до 10 лет. [4, л.1-5].

Спутя 10 лет по-прежнему собираются сведения о религиозных православных и др. праздниках. Информация о прохождении праздника «Пасха» в 1981 г. в религиозных объединениях Карагандинской области: «19 и 26 апреля с.г. верующими и религиозными объединениями области отмечался религиозный праздник «Пасха». В канун этой даты 13 в 20 апреля Уполномоченным Совета была составлена беседа с председателями исполорганов православных, баптистских, лютеранской, католической, меннонитских и пятидесятнических религиозных объединений по вопросам предотвращения нарушений Советского законодательства о культах. Руководители комиссий содействия горрайисполкомов г. Караганды тт. Поддубная Е.Н., Епифанцева Р.С., Коноплева З.М., а такие гг. Темиртау и Сарани (тт. Аркатов А.П., Марчук А.П.), согласно указанию руководства облисполкома, провели специальные заседания своих комиссий, на которых рассмотрели конкретно вопросы участия членов комиссий и актива по осуществлению должного контроля за соблюдением законодательства о культах накануне и в дни пасхальных праздников.

По полученным данным от местных советских органов власти и другой информации религиозный праздник «Пасха» прошел в спокойной обстановке, без существенных нарушений законодательства. Анализ статистических данных (примерный) от посещавших в эти дни членов комиссий содействия свидетельствуют о том, что:

1. Количество верующих, посещавших собрания богослужения, особенно в православной, католической, баптисткой церквях намного выше, чем в обычные субботние и воскресные дни. Так, в пасхальный день на богослужении в Богородице-Рождественской православной церкви г. Караганды (Советский район) побывало до 700 человек, тогда как в обычный воскресный день богослужение посещают не более 300-400 человек.
2. Отмечается некоторое увеличение количества, особенно в первый день пасхи, на собраниях богослужения подростков и молодежи в католической, православной и менонитской (братской) религиозных объединениях. К примеру: в день Пасхи в двух православных церквях г. Караганды побывало до 150 подростков и молодежи, а в католической церкви их присутствовало более 100-150 человек. Примерно, до 20% от общего количества присутствовавших верующих составляла молодежь до 30-летнего возраста в баптистской и менонитской общинах.

Более спокойней, чем в прежние годы, без проявлений пятидесятнических крайностей (выкриков, причитаний, экстаза) прошли молитвенные собрания в религиозной общине ЕХ в духе апостола в г. Караганде. На собрании участвовали до 300 человек, главным образом женщины, присутствовало с родителями до 30 детей школьного возраста. Верующие читали стихи из библии, исполняли религиозные песни, прослушали исповедь ст. пресвитера общины Фель В.Г.

За пасхальные дни в лютеранской общине г. Караганды на каждом богослужении участвовало по 600-700 человек (в общине членами состоят более 2000 человек). В подавляющем большинстве участвовали женщины старшего и пожилого возраста. Молодежи до 30 лет было около 70-80 человек, детей и подростков школьного возраста почти не было.

Наибольшее количество верующих принимали участие в религиозных общинах ЕХБ г. Караганды и Сарани. На богослужении в г. Караганде участвовало до 800 человек, в г. Сарани – до 500 человек. В обрядности богослужения активное участие принимала верующая молодежь этих общин, они участвовали в хоре и

некоторые из них кричали: «Если вы желаете иметь радости в жизни – идите к Христу!»

В проповедях и обращениях к верующим в других религиозных объединениях прославляли Христа, настоятели православных церквей, наряду с этим призывом верующих к добросовестному исполнению гражданского долга, благодарили Советское государство за обеспечение мира советскому народу и мира на земле. Нарушения законодательства о культах на богослужениях в церквях не наблюдалось. Возле церквей в дни пасхальных праздников, а также в поминальный день, наблюдалось наличие некоторого количества лиц, которые просили подаяния, попрошайничали. Органами милиции принимались меры к тем лицам, которые эти дни использовали для сбыта самодельных церковных утварей и похоронных принадлежностей с религиозной атрибутикой.

Как и в прежние годы, доходы религиозных объединений в период пасхальных праздников были значительными, чем в другие дни. Итоги отмечания религиозного праздника «Пасха» в области свидетельствуют о том, что церковь использует этот и другие праздники для поддержания религиозности у определенной части верующих и вовлечения в церковь новых ее приверженцев. Уполномоченный Совета по Карагандинской области…» [10, л.42-43].

В целом анализ подобных справок позволяет отметить, что количество верующих в советском обществе в 1970-1980-е гг. несколько уменьшалось, в отличие от предыдущих десятилетий, что однозначно было результатом активной и эффективной атеистической пропаганды, особенно среди молодежи (октябрятско-пионерское детство и комсомольская юность вырастили атеистическую молодежь, но без воинствующего атеизма). Открыто никто из горожан не демонстрировал свою религиозность. Общество к верующим относилось по-разному: официальные лица следили за ними по долгу службы, простые граждане были равнодушны или нейтральны.

Житель города Темиртау В.В. Горовой вспоминает: «В 1970-1980-е власть относилась к религии более лояльно, чем в предыдущие годы. Поэтому я не был свидетелем того, чтобы кто-то из моих знакомых пострадал из-за своей веры. Я сам не был религиозным человеком. Среди моих родственников, знакомых не было служителей церкви. Сам я в церковь не ходил, но однажды, зайдя в маленькую церковь, я был удивлен наличию на стенах большого количества икон и портретов святых. Во второй половине 1980-х гг. я преподавал историю в университете и поэтому в результате профессиональной деятельности и ознакомился с содержанием библии. В связи с тем, что родители были атеистами, в доме не содержалась религиозная литература, но религиозный праздник Пасху отмечали на бытовом уровне – пекли куличи, красили яйца и т.д. Моя бабушка была религиозным человеком, но не пыталась внуков приобщить к религии. На мой взгляд, советские люди относились к своим верующим согражданам терпеливо, нейтрально. Как такового атеистического фанатизма в «брежневский» период среди населения уже не было. Хотя почти все мероприятия были пронизаны атеистической пропагандой. На меня они не оказывали никакого воздействия» [12].

В 1970-е гг. советские органы старались решать возникающие конфликты с религиозными организациями и верующими без излишней огласки, так как необходимо было сохранять определенный имидж страны на международной арене. Особенно трудно было решиться на беспричинное закрытие церкви или мечети. Тем более что религиозные организации в какой-то степени являлись участниками миротворческой деятельности государства, так как из своих доходов в обязательном порядке отчисляли деньги в Фонд мира (за активное участие в работе советского Фонда мира почетными грамотами были награждены

служители культа всех зарегистрированных религиозных общин страны). Но задача построения безрелигиозного общества все-таки требовала от Совета по делам религий тщательно следить за тем, чтобы организации религии не выходили за рамки советского законодательства. Комиссии по проверке деятельности религиозных организаций планово осуществляли рейды. Также, как и во времена Н.С. Хрущева в основе антирелигиозной пропаганды был положен научный атеизм и поэтому для объяснения советским гражданам «пагубности религии» читались лекции специалистами высших учебных заведений, лектора общества «Знание». Партийные и государственные органы обязывали включать в план своих мероприятий пункты, посвященные антирелигиозной пропаганде. Руководители государственных органов, предприятий, учреждений следили за «атеистической» чистотой своих сотрудников. Были случаи, когда могли уволить человека с партийной работы только лишь за то, что он окрестил своего ребенка. Согласно советским законам, регулирующие народное образование, родители были обязаны воспитывать своих детей в духе коммунистической нравственности, в основе которой лежали атеистические взгляды. Поэтому стремление некоторых родителей обучать своих детей религии приводило к наказанию и даже лишению родительских прав. Власти следили за тем, чтобы дети не посещали религиозные учреждения. Если такое случалось, то наказывались не только родители, учителя, но и священнослужители.

Несмотря на то, что власти старались прибегать к наказанию верующих только в крайних случаях, были случаи, когда за веру сажали в тюрьму. Например, одним из громких дел стала судьба советского преподавателя, православного диссидента Б.В. Талантова, которого власти за его религиозные убеждения обвинили в антисоветской деятельности и осудили в 1969 г. (скончался в тюремной больнице от сердечного приступа в 1971 г.). Кстати, Б.В. Талантов специально изучал в высшем учебном заведении основы марксизма-ленинизма для того, чтобы предметно оппонировать своим идеологическим противникам. К сожалению, государственные чиновники, отвечающие за контроль над религиозными объединениями и верующими, не стремились изучить профессионально религии и поэтому часто делали ошибки во время принятия судьбоносных решений [7]. Одним из популярных видов расправы с так называемыми религиозными диссидентами было насильственное заключение в психиатрическую больницу. Слишком активных «поборников веры» увольняли с работы, вызывали в КГБ и т.д.

Общественные организации были уполномочены помогать государству в проведении атеистической пропаганды. В частности, в Информационном отчете за 1970 г. Уполномоченного Совета по делам религии по Карагандинской области говорится о том, что районный женсовет на постоянной основе организовывает проверки антирелигиозный работы непосредственно на предприятиях, организациях, учреждениях, а председатель женсовета проводит семинары по этому вопросу. Большое внимание районная комиссия по соблюдению Законодательства о культах вместе с комиссией по внедрению в быт новых обрядов уделяла внимание систематическому проведению торжественных бракосочетаний. В результате, за 9 месяцев 1970 г. проведена 41 регистрация: новорожденных – 2, праздников вручение паспортов – 4 и другие. Традиционными стали торжественные проводы призывников в ряды Советской Армии с обязательным участием руководителей шахт, предприятий, учреждений, ветеранов труда и участников Великой Отечественной войны, в общеобразовательных школах проводились вечера совершеннолетия. Такими мероприятиями государство пыталось вытеснить религиозные традиции праздники, заменнив их на советские, но вытеснить совсем религиозные праздники из повседневной жизни горожан не удавалось.

На заседании комиссии по религиозным культам неоднократно приглашались пресвитеры общин ЕХБ, активисты секты баптистов и иеговистов, где проводилась разъяснительная работа по соблюдению законодательства о религиозных культах, выслушивались их объяснения по этим вопросам. На предприятиях города и поселков проводилась атеистическая работа среди верующих. Так, на Южном и Восточном рудниках проводилось атеистическое воспитание трудящихся не только по месту работы, но и по месту жительства. На шахтах организовывались уголки атеистов. В клубах, библиотеках, красных уголках проводились тематические вечера на антирелигиозные темы, лекции, беседы. В городе было организовано цикловое чтение лекции на такие лекции как, например, «Чудеса без чудес», «Наука и религия», «Правда о религии» и др., постоянно приглашались на предприятия города лекторы общества «Знание», которые выступали с лекциями по атеистической пропаганде. Культпросветучреждениями города совместно с городским ЗАГсом проводились безрелигиозные обряды и традиции: торжественная регистрация брака, новорожденных, праздники совершеннолетия, вечера трудовой славы, торжественные проводы в ряды Советской Армии. Также членами комиссии и активом, депутатами проводились мероприятия по пресечению деятельности нелегальных общин. Кроме этого члены комиссии содействия бывали в Михайло-Архангельской церкви, изучали состав прихожан, слушали проповеди с целью изучения форм и методов религиозной деятельности. Большая работа по антирелигиозной пропаганде проводилась в общеобразовательных школах. Для учащихся проводились беседы, лекции на антирелигиозные темы, которые сопровождались опытами и другими техническими средствами [4, л.17-21].

Кроме районного женсовета в антирелигиозной кампании принимала участие комиссия по контролю и соблюдению Советского законодательства о культах при Совете по делам религиозных культов при Карагандинском облисполкоме. В одном из отчетов данной комиссии за 1970-й год пишется о том, что комиссия осуществляет наблюдение за служителями культа и религиозными объединениями. На некоторых предприятиях, учебных заведениях были созданы активы из числа членов комиссии и депутатов, которые непосредственно по месту работы ведут индивидуальную работу с верующими. Принимались меры к лицам, нарушающие законодательство о культах, составлялись акты по предупреждению. Так, 8 человек были предупреждены за нарушение. Один из них, Энс В.Я. оштрафован на 50 рублей, строго предупреждены за отправление религиозных культов не зарегистрированые служители католической веры Пришляк С.Н., Шабан М.Н. и Хиро А.Н. и другие. Самые активные и опытные атеисты – члены комиссии, были закреплены за наиболее трудными участками, где проживали большее количество верующих. Так, например, за поселком шахты № 33/34, где нелегально действовали группа баптистов-раскольников, возглавляемая Классеном Д.Д., были закреплены члены комиссии Шмарина М.Ф., Кротов И.И. и Гаврилов В.Ф., которые работали над тем, чтобы предотвращать сборы верующих в незарегистрированных домах, также вели беседы с верующими, у которых есть дети. За поселком старый Майкудук были закреплены члены комиссии Бондаренко В.И., Безуглая Е.В., Оськин Н.И., которые ведут большую работу с верующими, проживающими на их участке.

Особенно оживленно проходила работа в дни религиозных праздников, чтобы не допускать групповых шествий верующих, отстранить детей от участия в отправлении религиозных праздников.

Несмотря на генеральную линию партии и правительства «на бескомпромиссную борьбу с религией», все-таки факты говорят о том, что годы пребывания у власти Л.И. Брежнева были для религиозных объединений и верующих периодом

«религиозной оттепели». В первые годы перестройки (1985-1987 гг.) власть призывал вести решительную борьбу с проявлениями религиозности, но перестроечные процессы затронули и вопросы религии. В результате произошел переход от активной и воинствующей атеистической пропаганды к сотрудничеству с религиозными организациями. Так, например, был проведен ряд мероприятий на законодательном и социальном уровне: в 1988 г. Советом по делам религии при Совете министров СССР была отменена норма о том, что молитвенные здания являются собственностью государства; в 1989 г. разрешили взаимодействовать пенитенциарным учреждениям с религиозными организациями и служителями культа и в результате заключенные получили право участвовать в религиозных обрядах, а религиозные объединения могли оказывать помощь осужденным. Статистика свидетельствует о том, что во второй половине 1980-х гг. увеличилась численность духовенства, особенно за счет молодых кадров, омолодился и состав прихожан, у которых наблюдалось повышение образовательного уровня. Религиозные организации смогли восстановить свои заграничные контакты, с трудностями и ограничениями, но все же закупать религиозную литературу и постепенно возрождать религиозные традиции.

В 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», радикально изменивший характер отношений государства и религиозных организаций. В частности, в соответствии со статьей 5 прекращалась поддержка атеизма со стороны государства («государство не финансирует деятельность религиозных организаций и деятельность по пропаганде атеизма»). Также религиозным организациям предоставлялось право юридического лица и разрешалось самостоятельно, без посредничества государства, осуществлять международные контакты. В некоторых союзных республиках пошли на усиление либерализации законодательства о религиях. Например, в РСФСР по закону «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) гражданам разрешалось изучать религию факультативно в образовательных учреждениях. В октябре 1990 г. даже был отменен знаменитый Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви 1918 г. [12, с.23].

В данных условиях количество конфессий и верующих увеличивалось, но государство все еще продолжало пытаться контролировать и регулировать религиозную ситуацию. Председатель исполкома Карагандинской области З. Инкарбаев в справке «О состоянии религиозной обстановки и серьезных недостатках в контроле за соблюдением законодательства о культах в области» отмечал, что имеются существенные недостатки и упущения в деле контроля за соблюдением законодательства о культах. «Религиозная обстановка в области остается сложной. На 1 января 1987 г. функционируют 49 религиозных объединений и групп 9 конфессий, из которых зарегистрированы в органах власти – 36. 13 учетных религиозных общин и групп, в которых насчитывается около 700 верующих, функционируют без регистрации в органах власти, часть которых стоят на экстремистских позициях. Однако в ряде городов и районов области (гг. Караганда, Темиртау, Шахтинск, Нуринский, Тельманский районы) работа по упорядочению сети религиозных общин и групп, пресечению действие религиозных экстремистов ведется кране недостаточно. В борьбе с религиозными экстремистами слабо участвуют правоохранительные органы. Значительно возросла обрядность в русской православной церкви. Число крещений за последние 10 лет возросло на 14%, детей школьного возраста на 21%. На высоком уровне держится и количество похорон, совершаемых по церковному обряду. Так, в 1986 г. количество частных отпеваний составило 1246.

Наряду с зарегистрированными 17 служителями культа при 2 мусульманских мечетях в области продолжают свою незаконную деятельность более 20 самозваных мулл. По существу, с участием мулл хоронят почти всех умерших. Серьезную озабоченность вызывает деятельность религиозных общин и групп протестантской религии, большинство которых состоит из граждан немецкой национальности. В настоящее время сектантских формирований насчитывается 32, десять из которых полностью состоят из граждан этой национальности. Замечен рост количества верующих религиозных формирований. За последние пять лет число верующих увеличилась почти на 300 человек, при этом рост идет за счет молодежи. Исполкомы городских и районных Советов народных депутатов глубоко не вникают в процессы, протекающие в конфессиях, не ведут должной работы против активизации влияния служителей культа и религиозного актива на население и, прежде всего, молодежь и детей. В области слабо внедряются новые советские обряды и праздники. В этом плане не перестроила свою работу областная комиссия по пропаганде и внедрению новых советских праздников и обрядов» [13, л.322-324].

Данная справка в какой-то степени характеризует работу уполномоченных органов по нормализации религиозной ситуации в Карагандинской области. Ситуация оказалась неудовлетворительной по оценке руководителя исполкома области, который настаивал на принятии следующих рекомендаций и установок для улучшения работы: сделать анализ состояние религиозной обстановки в городе и области, постоянно изучать религиозную обстановку на местах, добиться полного упорядочение сети религиозных организаций, обратив особое внимание на объединения, уклоняющиеся от регистрации и стоящие на экстремистских позициях; активизировать деятельность комиссии содействия и контроля за соблюдением законодательства о культах, укрепить их наиболее подготовленными депутатами, работниками правоохранительных, финансовых органов, представителями общественности, организовать систематическую учебу членов этих комиссии; усилить среди населения пропаганду советского законодательства о культах; совершенствовать работу по формированию у верующих служителей культа и служителей культа чувства и патриотизма высокой гражданственности, уважительного отношения к советским законам; вести решительную борьбу с религиозным экстремизмом в любых проявлениях, попытками антиобщественной деятельности, несоблюдением советских законов под прикрытием религии, шире привлекать к этому делу трудовые коллективы, общественность по месту жительства, средства массовой информации; обратить особое внимание на недопустимость нарушения социалистической законности в отношении верующих, волокиты и бюрократизма при рассмотрении их писем, жалоб и ходатайств о регистрации религиозных объединений и т.п. принять необходимые меры по наведению порядка на кладбищах, к недопущению строительства надгробных сооружений с религиозным символикой в нарушении установленных норм, недопущение возникновения так называемых родовых кладбищ [13, л.324-326].

Необходимо отметить, что в советский период мусульмане Казахстана не отличались фанатичностью. Исламские и доисламские традиции в сфере семьи и семейно-родственных отношений были частью повседневной жизни верующих. Часть казахского, татарского, чеченского и др. населения (связанных с исламом) соблюдали погребально-поминальные и свадебные обряды, обряд обрезания, отмечались праздники жертвоприношения – Курбан-айт, окончания поста – Ураза-айт. Практически во всех казахских семьях (даже в семьях коммунистов) в эти дни пекли баурсаки, шелпеки, поминали аруахов (предков). Ислам и тесно связанные с ним доисламские культы вытеснялись в сферу влияния семьи и

продолжали бытовать в жизни значительной части казахского общества. Актом исламского возрождения можно назвать возрождение традиции посещать святые места, которая стала возобновляться в 1980-е гг. Ислам в какой-то степени стал частью культуры казахов, и поэтому провести грань между каноническим и бытовым исламом было сложно. Советские органы часто путали народные традиции с религиозными обрядами. Например, такие обычаи казахского народа как уплата калыма, похищение девушки и т.д. приписывались к мусульманским и соответственно осуждались. Хотя те, кто хорошо знает каноны ислама, тот мог бы объяснить, что парадокс заключается в том, что ислам тоже осуждает похищение девушки без ее согласия. Поэтому наступление на религиозные чувства советских граждан часто со стороны выглядело как наступление на национальные традиции и обычаи [14].

Все годы советской власти религиозность среди казахов сохранялась, но в 1970-1980-е гг. сохранялась преимущественно среди старшего и части среднего поколения, в большей степени в сельской местности; среди молодежи в меньшей степени. Например, в своих воспоминаниях житель Караганды С.А. Ахметов впоминает, что в его молодые годы «религия была вне интересов молодежи, она даже не знала местонахождения мечетей и церквей. Среди родственников и знакомых не было священнослужителей и верующих, а тема религии была не актуальна. Поэтому к верующим людям не проявляли интерес. Сами верующие старались не выделяться среди других людей и поэтому не афишировали свои религиозные чувства. Религиозные праздники в доме не отмечали. Пожертвования в пользу мечети также не совершали, по крайней мере до 1990-х гг. Мечеть соответственно не посещали. Обряд обрезания проходил, но не имел понятия, что обряд носит религиозный характер. В мероприятиях атеистического характера не принимал участия и не имел никакого представления, с какими трудностями сталкивались верующие в городе и в целом по стране. С религиозной литературой не сталкивался, но знал, что у родителей и людей постарше коран был. Представителей других религий, присутствующие в религиозной жизни города не встречал» [15].

Жительница г. Темиртау И.А. Петрова рассказывала: «Родители меня воспитывали атеистом, но при этом никогда не настраивали меня против верующих. Поэтому я относилась к религии нейтрально. Хотя в школе всегда проводились атеистические мероприятия, где нам объясняли, почему верующие люди не могут называться советскими гражданами. В зрелом возрасте сама стала посещать церковь, чтобы поставить свечи, заказать службы за здравие и упокой родных. При посещении церкви я обратила внимание на красивое убранство церкви – золоченые маковки снаружи, колокола, старинные иконы в золотых окладах, божественные сцены. Чувствовалась атмосфера непротивления злу насилием. Родственники, знакомые, друзья, коллеги и моя семья праздновали православную Пасху, немецкую Пасху «Ostern», православное рождество и немецкое рождество «Weinacht». Красили яйца, пекли вкусные пироги (kuche). Было весело, интересно и сытно! Я часто делала пожертвования в пользу церкви, бросала деньги в ящички, расположенные внутри церкви. Я и малоимущим часто подавала на улице. Мое поколение росло в атеистической среде, в школе и институте мы изучали марксизм-ленинизм и верили в коммунистическое будущее. И нам внушали, что религия – это элемент прошлого и враг нашего светлого будущего. Моя бабушка по линии отца была верующей. У нее была книга на немецком языке с молитвами. Она ее ежедневно читала. Гонений никаких на верующих во времена моего детства и юности не было. Меня даже крестили. Своих детей я покрестила только в 1990 г. Времена были тяжелые, смутные. Верила, что может, это спасет детей от невзгод и защитит. Крестила детей в Темиртау, в новоявленной церкви на базе жилого дома

в соцгороде. Библию или другую религиозную литературу не читала, разве только мелкие самиздаты, которые стали в конце 1980-х «подкидывать» в почтовые ящики или через своих верующих вручать на улице прохожим. На мой взгляд, в те годы верующие люди ощущали некоторое отчуждение от общества, отсутствие моральной и материальной поддержки государства» [16].

Л.В. Илькун, жительница Темиртау, вспоминала, что «семья всегда отмечала «Рождество христово» и «Пасху». При посещении церкви всегда делаю пожертвования. Совершала в церкви обряд крещения всем членам семьи еще в конце 1980-х гг. В советское время не было популярно ходить в церковь, молиться, а члены КПСС наказывались за связь с церковью. Не приветствовались и различные секты. В молодости знала девочку из семьи баптистов. Дети все в этой семье были хорошие, учились хорошо, но, когда она вступила во взрослую жизнь, у нее возникли проблемы со здоровьем. Ее родители запретили ей обращаться к врачу, что привело к трагедии» [17].

Жительница Караганды Т.Е. Прошкина считает себя религиозным человеком. «Церковь посещала очень редко, только по религиозным праздникам. Никого особого впечатления церковь на меня не произвела. В те времена религиозной литературы у нас дома не было. Но была икона. Степень религиозности в ее семье была обычной на те времена – мама и бабушка были религиозными, а отец был атеистом. Среди знакомых и родственников не было служителей церкви или мечети. К верующим людям родственники и знакомые относились по-разному, кто-то положительно, кто-то отрицательно. Верующих и атеистическую пропаганду воспринимала нейтрально, так как в этом не было ничего необычного. По телевизору показывали телепередачи атеистического характера, но какие именно не помню». Она считает, что коммунистическая партия запрещала говорить в открытую о своей религиозности. Не приветствовалось быть религиозным человеком, ее бабушке, например, приходилось это скрывать. Да и по отношению к себе она иногда чувствовала негативное отношение со стороны людей. Среди религиозных праздников отмечала только большие праздники – Пасху, Рождество. Из представителей других религий она сталкивалась с баптистами, к которым относилась нейтрально [18].

Как видно из этих воспоминаний, в 1970-1980-е гг. советские граждане имели достаточно расплывчатое представление о жизни верующих и религиозных объединениях, но при этом не проявляли активности в атеистических мероприятиях. Можно сказать, что большинство горожан Карагандинской области имели к религии косвенное отношение – религиозные праздники отмечали, но при этом не считали себя верующими. Религиозные праздники ими воспринимались скорее, как дань традициям и обычаям своего народа, но истинной религиозности в их сознании они не вызывали.

Таким образом, можно утверждать, что религиозная политика Советского государства в 1970-1980-е гг. носила двойственный характер. С одной стороны, генеральная линия партии и правительства оставалась прежней – это бескомпромиссная борьба с религией, а с другой стороны, государственный курс все же был существенно скорректирован для того, чтобы выстроить государственно-религиозные отношения на принципах компромиссов и стабильности. В этот период со стороны властей и атеистической части советского общества пришло понимание того, что весь предыдущий период борьбы с религией ни к чему не привел, и веру людей искоренить не удалось. К тому же со временем лояльные к государству религиозные объединения в какой-то степени стали частью советского общества.

В целом, основная стратегия государства в борьбе против религии основывалась на создании препятствий для их полноценной деятельности: сокращение числа общин, недопущение открытия новых приходов и духовных учебных заведений, противодействие увеличению числа членов в религиозных организациях, а также осуществление постоянного контроля за деятельностью общин. В стране не запрещалась религиозная проповедь, если она происходила в помещениях религиозных организаций. Нарушение данного правила наказывалось со стороны властей, особенно если проповедь носила политический характер и была направлена против государственной идеологии и политики. В свою очередь священнослужители и руководители религиозных объединений старались не конфликтовать с властью, проявляли лояльность и порой сами наказывали тех, кто выступал с антигосударственными обращениями к верующим. И только в конце 1980-х гг. можно говорить о прекращении атеистических гонений в СССР. С 1987 г. происходят наиболее значительные изменения с политике СССР по отношению к конфессиям. В 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который радикально изменил характер отношений государства и религиозных организаций и возродил религиозность в обществе.

---

1. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943-2000 гг: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России) - Иваново, 2009
2. Поспеловский Д.В. История русской Православной Церкви в XX столетии. - М., 1995
3. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1. Д. 96
4. ГАКО.Ф. 1364. Оп.1. Д. 93
5. Подсчитано З.Г. Сактагановой по: ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 1050, Д. 2164, Д. 28
6. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 268
7. Краснов-Левитин А. Родной простор. / http://www.krotov.info/history/20/1960/levitin
8. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 846
9. ГАРФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 1254
10. ГА РФ.Ф. 6991. Оп.6. Д. 2869
11. Аудиозапись с биографической беседы с Горовым В.В., записано Б.А. Досовой в Караганде в 2017 г.
12. Сосновских Е.Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985-1997 гг. (на материалах Челябинской области). Дисс…к.и.н. – Челябинск, 2014. / http://www.susu.ru/ru/dissertation
13. ГАКО.Ф. 572. Оп.1. Д. 579
14. Мустафаева А.А. Исторический обзор эволюции ислама в советском Казахстане // Вестник КазНУ. Серия Востоковедение. – 2012 / https://articlekz.com/article/7311
15. Аудиозапись с биографической беседы с Ахметовым С.А., записано Б.А. Досовой в Караганде в 2017 г.
16. Аудиозапись с биографической беседы с Петровой И.А., записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2017 г.
17. Аудиозапись с биографической беседы с Илькун Л.В., записано Б.А. Досовой в Темиртау в 2016 г.
18. Аудиозапись с биографической беседы с Прошкиной Т.Е., записано Б.А. Досовой в Караганде в 2017 г.

ГЛАВА 10. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ

10.1. Девиации и преступность в 1950-е – 1980-е гг.: причины и общая характеристика

Возникновение поведенческих аномалий в Советском Союзе в 1950-е – 1960-е гг. во многом напрямую зависели от сложившейся в то время политической и социально-экономической ситуации. Особенности и специфика повседневной жизни советского человека становились одной из причин девиантного поведения. Советский человек был достаточно терпелив: взращенный и воспитанный в нем советской пропагандой «синдром жертвенности» [1, с.113] в большинстве людей выработал долготерпение. А. Зиновьев перечисляет: «Гомосос («хомо советикус» – З.С.) приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ждет еще худшего; одобряет действия властей; стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения, всецело поддерживает руководство; обладает стандартным идеологизированным сознанием; чувством ответственности за свою страну; готов к жертвам и готов обрекать других на жертвы» [2, с.190]. Однако и у советского человека лишения и бедность вызывали неудовлетворенность. Основная масса воспринимала эту действительность как константу, неизбежность, изменить которую невозможно, но какая-то часть, необремененная моральными и нравственными барьерами (или от безысходности, что тоже имело место быть) пыталась ее менять. И зачастую это выливалось в каких-то формах девиации: ретризм – уход от реальности (алкоголизм, наркотизм, суицид и др.) или преступные действия (кражи, бандитизм, грабежи и т.п.). Например, острая нехватка продовольственных, хозяйственных товаров, неурожай 1946-1947 гг. и последующий за ним голод – явились основными причинами значительного роста девиаций в 1940-х гг. Но не только социально-экономические факторы являются причинами девиаций. Однако девиации, вызванные биопсихическимили иными механизмами возникновения, остаются вне нашего исследовательского поля. Очевидно, что между различными формами девиантного поведения существуют взаимосвязи, при этом одно негативное явление усиливает другое, например, алкоголизм способствует усилению хулиганства или совершению иных правонарушений. Н.Б. Лебина считает, что повседневная жизнь, семейный уклад, система домашнего хозяйства, жилище, сферы досуга – это все то, что оказывало непосредственное влияние на формирование облика советского «нового человека». И хотя партийные органы ставили задачи о быстром и «безвозвратном искоренении так называемых пережитков или родимых пятен капиталистического прошлого: пьянства, преступности, проституции, самоубийств» [3, с.321], советская повседневная реальность (особенно в рабочих районах) значительно отличалась от картин, создаваемых в воображении советских чиновников. Наличие пьянства, преступности, проституции, суицида в структуре советской повседневности ни власть, ни историки в целом никогда не отрицали, понимая абсурдность подобного отрицания. Однако власть их предпочитала не замечать, игнорировала, изучение же их советскими историками с позиций концепции аномии и ретритизма не велось. Любые отклонения от нормы рассматривались преимущественно с политических позиций. [4, с.7]

На территории Центрального Казахстана в 1950-е – 1960-е гг. так же, как и в СССР в целом, проявлялись такие же внеправовые формы девиантности, как и в СССР в целом (пьянство, алкоголизм, наркомания, проституцию, азартные игры, психическое расстройство и др.), и они в значительной мере являлись основными причинами совершений уголовно наказуемых форм девиаций – преступлений. И

также, как и во всем СССР, в Центральном Казахстане статистические данные по некоторым видам девиантности скрывались, сведения о проституции, наркомании, суицидах замалчивались. Об этих видах девиантного поведения не писали и не говорили, в частности, даже упоминания о проституции в 1950-1970-х гг. в Казахстане мы не нашли ни в союзных, ни в казахстанских, ни в областных фондах архивов. Мы не можем утверждать, что данных проявлений не было, однако отсутствие материалов не позволяет проследить эту форму девиации в городах Центрального Казахстана в исследуемый период.

В 50-60-е гг. XX в. правонарушений в городах Казахстана, особенно в Караганде было значительное количество. Неслучайно в эти десятилетия Караганда считалась одним из самых криминогенных городов Казахской ССР. Анализируя уровень преступности в городах Центрального Казахстана, нужно учитывать факторы, повлиявшие на общественно-политическую обстановку в СССР в то время. После смерти Сталина произошел на определённое время отход от крайних проявлений тоталитарного режима. И как следствие этого «потепления» был Указ «Об амнистии» от 27 марта 1953 г., по которому были амнистированы заключенные не только по политическим статьям, но и по уголовным, что, разумеется, привело к увеличению преступности. Данный Указ оказал значительное влияние на динамику преступности в советском обществе, в условиях достаточно тяжелых по уровню жизни, комплексу социально-экономических, в том числе, жилищных и бытовых проблем, не все вышедшие на свободу имели возможность нормально обустроиться. Определенная часть амнистированных, вновь вернулась к прежним «уголовным» занятиям.

По данным статистических отчетов, следователями органов прокуратуры Карагандинской области было прекращено на основании Указа «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. – 327 дел, из них: в 1-м квартале 1953 г. – 180 дел, во 2-м квартале 1953 г. – 140 дел и за июль-август 1953 г. – 7 дел [5, л.112]. Также ряд исследователей указывают, что среди условий, способствующих совершению различных преступлений, особую роль сыграли недостатки в работе государственных органов и общественных организаций, выражающиеся в непринятии должных мер к трудоустройству и обеспечению жильем лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений в связи с отбытием наказания, по амнистии или в порядке условно-досрочного освобождения, а также в отсутствии контроля, за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. [6, с.49]

Российские авторы более подробно акцентировали внимание на факторах, прямо или опосредованно создававших предпосылки для воспроизводства разнообразных преступлений в стране в исследуемый хронологический период [7, с.766]. Рассмотрим некоторые из них:

1) Отказ от индустриально-мобилизационной модели развития советской экономической системы объективно способствовал постепенному улучшению ситуации с производством и обеспечением советских граждан товарами массового потребления. Однако их ассортимент и качество оставались на довольно низком уровне. Дефицитность экономики на фоне так называемой «потребительской революции» так и не была преодолена, что являлось подпиткой спекуляции.

2) Стремительная урбанизация и масштабная миграция населения серьезно осложнили социальный микроклимат советских городов. Отказ от методов жесткого социального контроля с середины 1950-х, характерных для системы государственного управления СССР в сталинский период, привел к всплеску общественной активности, росту различных форм асоциального поведения – пьянства и алкоголизма, преступности.

3) Нарастание проблем в социально-трудовой сфере нашло свое выражение в диспропорциях в оплате труда различных профессионально-квалификационных групп, что способствовало неудовлетворенности собственным социальным статусом отдельных наиболее предприимчивых граждан, хищениям государственной и общественной собственности некоторыми работниками предприятий.

4) На протяжении всего периода политической «оттепели» происходила дальнейшая бюрократизация системы управления. Постоянные реорганизации аппаратов управления на всех этажах властной вертикали и горизонтали создавали неуверенность среди значительной части советского чиновничества. Ослабление контроля над региональными партийно-государственными элитами создавало условия для широкого распространения местничества, коррупции и других всевозможных корыстных злоупотреблений.

5) Одной из причин широкого распространения различных корыстных правонарушений в торговых, снабженческих и заготовительных организациях: хищений государственной и общественной собственности, растрат, срастания с частнопредпринимательскими и спекулятивными элементами и т.п. являлась неудовлетворительная работа по подбору и контролю над кадровым составом. [7, с.766]

6) Критика культа личности И.В. Сталина способствовала кризису посттоталитарного сознания, который нашел свое выражение в идейной опустошенности, эрозии коммунистических идеалов, возникновении феномена массового хулиганства. [8, с. 52-53]

7) Нельзя исключать и следующие факторы: низкий уровень образования, недостаточность общего развития интеллекта и культуры у некоторых людей, их духовный «вакуум» приводил к значительному сужению и упрощению интересов, к огрублению нравов, развитию индивидуалистических тенденций и эгоистических инстинктов. У подобных людей было хуже развито чувство коллективизма, слабее критика собственного поведения; они обычно не считались с тем, что их потребности и желания могли противоречить интересам других лиц, элементарным условиям общественного существования человека. В результате такие люди относительно легко совершали различные посягательства против личности: телесные повреждения, изнасилования, убийства, хулиганство, кражи, разбой и т.п. [9, с.147]

Все вышеперечисленные факторы в совокупности влияли и на ситуацию в городах Казахстана. Рассмотрим состояние преступности в Центральном Казахстане. Уровень преступности, как свидетельствует документы, рос из года в год. Так, в 1952 г. было направлено в суд 634 дела, что было больше чем в 1951 г. на 148 дел [10, л.25]. Анализируя динамику преступности в Карагандинской области в первой половине 50-х годов XX в., мы видим то, что преступность имела тенденцию к увеличению, в особенности по таким опасным видам преступлениям как: хулиганство, убийства, изнасилования.

Таблица 1 – Количество дел по данным прокуратуры области [10, л.35]

Виды преступлений	1951 г.	1952 г.	Рост в %
Бандитизм	2	2	0
Умышленные убийства	35	40	14
Кражи личного имущества и разбой	385	428	11
Хулиганство	505	660	30,6
Изнасилование	27	33	22

Как видно из этих данных, количество дел об умышленных убийствах, кражах и хулиганстве увеличивалось – от 11 до 30% по разным видам. Имел место

значительный рост дел о хулиганстве (на 30,6%), которое было чрезвычайно развито среди молодых рабочих, работающих в Карагандинском угольном бассейне, Балхашском медеплавильном заводе, Акчатауском, Коунрадском и Джезказганском рудоуправлениях.

В своей аналитической справке заместитель начальника следственного управления прокуратуры СССР отмечает, что «в Карагандинской области проживало большое количество лиц, ранее судимых, отбывавших срок наказания, спецпереселенцев, ссыльных в т.п. Однако прокуратурой области данные о составе лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийства, разбойные нападения, кражи и изнасилования, не анализировались. Наличие большого количества амнистированных дало некоторое увеличение преступности: из более чем 5000 освобожденных по амнистии привлечено к уголовной ответственности 140 человек (по данным облуправления милиции), что составляет 10% к общему числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности на 5 месяцев 1953 г.» [10, л.36]. То есть, каждый 10-й преступник, привлечённый к уголовной ответственности по области, был из категории амнистированных. Какова же причина рецидива в действиях этих людей. Ответ дается в этой же справке. «Произведенной проверкой установлено, что органы местной власти недостаточно работали по исполнение постановления Совета Министров СССР от 28 марта 1953 г. «О мероприятиях по освобождению заключенных в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». Облисполком в своей работе по этому вопросу ограничивался лишь сбором цифровых данных и никаких проверок работы райсоветов не проводил. По данным облисполкома, по состоянию на 10 сентября 1953 г. остался нетрудоустроенным 241 человек, по данным же облуправления милиции, число нетрудоустроенных амнистированных значительно выше и достигает 500 человек» [10, л.37]. Достаточно закономерно, что, не имея работы, не имея возможности устроиться на работу, часть из амнистированных людей вновь возвращались на преступную дорогу.

«В г. Караганде отмечалось значительное число фактов нанесения телесных повреждений, зарегистрированных в больницах (например, за 8 месяцев 1953 г. зарегистрировано 153 случая поступления граждан с огнестрельными и ножевыми ранениями), однако уголовные дела были возбуждены лишь в 51 случае (33%), а об остальных фактах ни прокуратуре, ни милиции известно не было и никаких мер по ним не принималось. Заведующему облздравотделом было направлено письмо с просьбой обязать руководство больниц, сообщать о каждом случае поступления в больницу лиц с огнестрельными и ножевыми ранениями соответствующему райпрокурору» [10, л.36]. Таким образом, преступлений этого вида значительно больше, считали работники прокураторы, чем их зарегистрировано в органах милиции.

Автор данной справки считает: «Работа по раскрытию преступлений органами милиции должным образом не проводилась. Особенно неблагополучно обстоит дело с раскрываемостью краж личной собственности граждан. Милицией зарегистрировано за 9 месяцев 1953 г. 476 краж личного имущества граждан, из которых раскрыто только 346. При изучении прекращенных дел о кражах установлено, что эти дела, как правило, состоят из заявления граждан и протокола осмотра места происшествия, после чего выносилось постановление о прекращении дела. За 9 месяцев 1953 г. из 37 убийств остались нераскрытыми 5, из 83 разбойных нападений – 15» [10, л.38]. Простые подсчеты позволяют определить, что процент раскрываемости краж личной собственности граждан составил 72,7%, убийств – 86,5%, разбойных нападений – 82%.

В секретных справках о состоянии законности и преступности в Карагандинской области и работе прокуратуры возможно отследить рост преступности в середине 1950-х гг. По данным регистрации УМВД Карагандинской области в 1956 г. состояние борьбы с особо опасными преступлениями характеризовалось показателями, представленными в таблице 2.

Таблица 2 – Количество дел в Карагандинской области в 1956 г. по данным регистрации УМВД области в 1956 г. [11, л.25]

Виды преступлений	Зарегистрировано	Раскрыто	из них									
			Караганда		Сарань		Балхаш		Джезказган		Темиртау	
			зарег.	раскрыто	зарег.	Раскрыто	зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто	зарег.	раскрыто
Бандитизм	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Убийства	61	57	25	22	3	3	7	7	8	8	-	-
Разбой	175	155	79	70	16	13	17	16	33	31	13	11
Изнасилования	40	39	21	20	3	3	-	-	7	7	-	-
Тяжкие телес. поврежд.	293	250	140	111	15	15	24	24	24	20	15	11
Хулиганство	882	879	251	249	83	83	117	117	127	127	85	84
Кражи гос. имущ.	296	196	94	63	41	29	25	22	36	23	13	10
Кража лич. собств.	641	557	257	229	89	86	58	50	147	122	60	58
Всего	2388	2065	867	764	250	232	248	236	382	338	186	168

По данным регистрации УМВД Карагандинской области в 1956 г. состояние преступности характеризовалось следующими данными: убийства – зарегистрированы 61, раскрыты 57 (93%); разбой – соответственно 175 и 155 (88,5%); изнасилования – 40 зарегистрировано и 39 (97,5%) раскрыто; тяжкие телесные повреждения – 293 и 250 (85%); хулиганство – 882 и 879 (99,6%); кражи государственного и общественного имущества – 296 и 196 (66%); кража личной собственности граждан – 641 и 557 (87%) соответственно. Всего по всем видам тяжких преступлений: зарегистрированы 2388 и раскрыты 2065 (86%) преступлений. [11]

Если сравнить количество совершенных преступлений с общим количеством населения, то приблизительно на 430-450 человек приходится 1 преступление в год. Из приведенных данных понятно, что самыми распространенными формами преступлений были хулиганство, кражи личной собственности граждан и тяжкие телесные повреждения. Анализ данной таблицы демонстрирует, что процент раскрываемости преступлений ни по одному из видов не составляет 100%, но хуже всего обстояло дело с раскрываемостью краж: по кражам государственного имущества раскрыты лишь 66% преступлений, раскрываемость по кражам личной собственности граждан – 87%. Причем процент раскрываемости был достаточно высоким по хулиганству (99,6%) и изнасилованиям (97%). Самыми криминогенными, судя по таблице, являлись города Караганда, Джезказган и Балхаш.

Таблица 3 – Количество дел в Карагандинской области в 1956 г. по данным статотчетов облпрокуратуры [11, л.25]

Виды преступлений	Окончено дел всего	Из них направлено в суд	В %	Прекращено в стадии следствия	В %
Умышленные убийства	83	66	79,5	17	20,5
Умышленные тяжкие телесные повреждения	135	121	89,6	14	10,4
Изнасилование	84	55	65,5	29	34,5
Хулиганство	956	917	96	39	4
Разбой	125	112	89,6	13	10,4
Кражи личного имущества граждан	559	504	90	5	10

В данной справке при изучении таблиц 2, 3 и 4 сделан вывод, что «в сведениях о регистрации преступлений занижено количество случаев убийств, изнасилований и хулиганства и завышена раскрываемость этих преступлений. В то же время данные о раскрытых разбоях и кражах личного имущества граждан имеют значительные расхождения против количества дел, направленных в суд (таблица 4).

Таблица 4 – Количество дел в Карагандинской области по данным учета в МВД и направленных в суд [11, л.26]

Виды преступлений	Раскрыто по данным учета МВД	Направлено дел в суд по данным облпрокуратуры	%
Разбои	155	115	74
Тяжкие телесные повреждения	250	121	48
Кражи личного имущества граждан	557	504	90,5

Причины таких расхождений в учете в отчетах не указывались и объяснения ограничились следующей констатацией: «причины расхождений следственный отдел не изучал и необходимыми сведениями не располагает. Бригада, проводившая проверку работы облпрокуратуры, ввиду ограниченности времени также не имела возможности проверить причины расхождений» [11, л.26]. Возможно предположить, что данные расхождения имели место неслучайно: органы милиции умышленно завышали «свои» показатели для демонстрации «эффективной работы».

Нами найдена докладная записка в Государственном архиве Российской Федерации «О работе прокуратуры Карагандинской области», подготовленная заместителю Генерального прокурора СССР генерал майору юстиции Г. Н. Новикову, по которой можно отследить уровень преступности в Карагандинской области в 1950-е гг. В 1956 г. наблюдается значительный рост отдельных особо опасных преступлений, что видно из следующих данных о количестве дел, направленных в суд (см. таблицу 5).

Таблица 5 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1956 г. [11, л.27]

Виды преступлений	1955 г.	1956 г.	Рост в %
Умышленные убийства	35	66	89
Умышленные тяжкие телесные повреждения	94	121	29
Кражи личного имущества граждан	323	504	56
Хулиганство	628	917	46

Данные таблицы демонстрируют, что более чем на четверть выросло количество совершенных умышленных тяжких телесных повреждений, причем рост этого вида преступлений составил самый минимальный рост в 1956 г., максимальный рост составили умышленные убийства – 86%.

Убийства в 1956 г. были совершены: при разбойных нападениях – 4, на почве хулиганства – 34, на бытовой почве – 25, детоубийства – 3, прочие умышленные убийства – 18 [11, л.27]. Одной из причин неудовлетворительного состояния борьбы с особо опасными преступлениями, как отмечено в справке, являлась их недостаточная раскрываемость. Об этом свидетельствуют приведенные выше сведения о количестве прекращенных дед в стадии расследования (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1956 г. [11, л.27]

Виды преступлений	Направлено дел в суд	Возвращено на доследование	%	Оправдано и прекращено	%
Убийства	66	10	15	1	1,5
Разбойные нападения	112	8	7	2	1,7
Кражи личного имущества граждан	504	28	5,5	4	0,8

Как демонстрируют данные таблицы 6, количество дел, возвращённых на доследование по разным причинам в некоторых случаях было более четверти (28%). Состояние преступности и охраны общественного порядка в Карагандинской области вызывало у власти серьезную тревогу.

Наиболее неблагополучным являлось положение с преступностью в Ленинском и Сталинском районах г. Караганды и г. Темиртау, где в 1-м полугодии 1957 г. было совершено 608 преступлений, или 41,8% к общему числу по области. В этих населенных пунктах увеличилось количество убийств, краж из государственных объектов и личного имущества граждан. По разбойным нападениям, зафиксировано в отчетах, особенно выделялся г. Джезказган, где было совершено 34 против 32 за весь 1956 г.

В условиях такого роста преступности раскрываемость преступлений оставалась крайне неудовлетворительной. Если в целом раскрываемость с 89,5% в 1956 г., увеличилась до 91,2% в 1957 г., то по таким тяжким видам преступлений, как убийства, разбойные нападения и кражи личного имущества граждан она заметно снизилась. [12]

В некоторых городах и районах нарушения общественного порядка и особенно опасные преступления не только не уменьшались, а возрастали. Так, за 1961 г. по сравнению с 1960 г. число особо опасных преступлений увеличилось в г. Джезказгане на 25%, в г. Балхаше на 28,5%.

Проверяющий из союзной прокуратуры, анализируя работу карагандинской милиции и прокуратуры, обозначил ряд причин, по которым работа внутренних органов, по его мнению, была недостаточно эффективной [10, л.3]:

1) В большинстве случаев следователи ограничивались формальным выполнением требований ст.108 УПК РСФСР.

2) Следователи, как правило, на место происшествия не выезжали. Только с 1957 г. по г. Караганде для обеспечения выезда на место происшествия были установлены ночные дежурства следователей. Следственный чемодан следователями не применялся.

3) Наличие такого контингента несомненно обязывало органы милиции наладить четкую работу по патрулированию городов, по усилению наружной

службы, борьбе с антиобщественными паразитическими элементами, однако работа эта должным образам не проводилась.

4) Прокуратурой области не анализировался состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийство, разбой, кражи и изнасилования и сделать какие-либо выводы о том, как влияет специфичность населения области на состояние преступности, не представлялось возможным.

5) Несмотря на значительное количество преступных проявлений, имевших место в Карагандинской области, и увеличение их из года в год, прокуратурой Карагандинской области не анализировалось состояние преступности в области и не выяснялись причины роста преступлений, особенно таких как убийства, изнасилования, разбойные нападения и кражи.

6) В г. Караганда имело место большое количество случаев нанесения телесных повреждений, зарегистрированных больницами, однако о ряде этих случаев не было известно ни органам милиции, ни органам прокуратуры, и никаких мер для установления виновных и привлечения их к ответственности не принималось.

7) Работа по раскрытию преступлений органами милиции должным образом не проводилась, особенно неблагополучно обстояло дело с раскрываемостью краж личного государственного имущества.

8) Качество следствия по делам, предусмотренным приказом № 285с находилось на низком уровне, значительное количество дел прекращалось за необнаружением виновных, имели место грубые нарушения подследственности.

9) Прокуратурой области была проведена некоторая работа по обеспечению своевременного рассмотрения заявлений граждан о совершенных преступлениях, однако имели место факты длительного разрешения заявлений граждан.

10) Работа по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР «О работе с антиобщественными паразитическими элементами» не велась.

11) Суды допускали случаи несвоевременного рассмотрения дел об убийствах, хулиганстве, разбойных нападениях. [10, л.9]

Данные причины были обусловлены и системными проблемами силовых структур, считали аналитики [13, л.164]:

1) Низкая раскрываемость преступлений была обусловлена, прежде всего, слабой работой аппаратов милиции. По-прежнему слабо работал уголовный розыск, среди личного состава милиции продолжали оставаться люди, «неспособные вести квалифицированную борьбу с преступностью, имелись нарушители законности и дисциплины, морально неустойчивые и недобросовестные работники».

2) Низкий профессиональный уровень работников органов. «Из общего числа 1974 работников учреждений внутренних дел (без ИТК), имевшие низшее образование составляли 913 человек, или 46,2% и незаконченное среднее – 753 чел. или 38%», то есть почти половина состава не имели не только специального образования, но и общего среднего. Даже «среди 34 начальников горрайорганов милиции только 12 человека (33%) имели среднее образование, в остальные 22 – незаконченное среднее и низшее». Управление внутренних дел не имело резерва на выдвижение, поэтому при необходимости замены работников предлагались случайные кандидатуры. Так, например, за один год в поселковом отделении милиции на металлургическом заводе в Темиртау было сменено 3 начальника, через полгода был снят за развал работы четвертый, более месяца отделение оставалось без начальника. [13, л.164]

3) Нарушения и злоупотребления, которые допускали работники МВД: за полгода работниками учреждений внутренних дел было допущено 120 различных нарушений, за которые наказано 152 чел., или 7,7% к общему числу работников. Наиболее распространенными видами нарушений являлись аморальные

проступки, связанные с пьянством, халатное отношение к делу, злоупотребление служебным положением.

4) Нерешенные социальные вопросы работников милиции: не было выполнено постановление Совета Министров и ЦК КП Казахстана от 30 ноября 1956 г. в части обеспечения участковых уполномоченных служебными помещениями и квартирами на территории обслуживаемых участков. Так, в г. Караганде из 74 участковых уполномоченных служебными помещениями обеспечено только 15 человек, а квартирами – 32. Такое положение приводило к тому, что «участковые уполномоченные, не имея элементарных условий для нормальной работы, находились в отрыве от населения, трудящиеся были лишены возможности вовремя обратиться к ним порой по вопросам, требующим неотложного вмешательства. По этой же причине органам милиции о том или ином происшествии в ряде случаев становилось известно по истечении длительного времени, что исключало возможность принятия оперативных мер и затрудняло раскрытие преступлений». [13, л.164]

Еще одно обстоятельство, по мнению проверяющих, затрудняло работу органов МВД. «Неудовлетворительные показатели по раскрытию преступлений, кроме плохой работы органов милиции, в известной мере объяснялись тем обстоятельством, что наибольшее число преступлений совершалось лицами, ранее не судившимися и поэтому не находившимися под наблюдением органов милиции. Из общего числа 2291 чел., привлеченных в 1957 г. аппаратами милиции к уголовной ответственности, рабочие составили 1150 человек, или 47,5%, временно не работавшие 458 человек, или 20%. Что же касается лиц без определенных занятий и местожительства, то их участие в преступлениях было по существу незначительным и составило 160 человек, или 7%, а ранее судимых – 321 человек, или 13%. В числе привлеченных – молодежь до 25 лет составляет 1088 человек, или 47,5%». И в конечном итоге сделан вывод: «Таким образом, существующее не только у населения, но и у некоторых руководящих товарищей представление, что преступления совершаются главным образом уголовниками-рецидивистами, является ошибочным, поэтому необходимо занять население, особенно молодежь, полезным проведением досуга и совлечь неустойчивую часть с неправильного: пути, на который она становится или может стать». [13, л.164]

Городская общественность била тревогу и была озабочена криминальной обстановкой в городах. В архивах имеются письма от карагандинцев о проблемах с преступностью и криминогенной ситуацией в городе. В одном из них, анонимном письме отмечалось, что «в Караганде нет борьбы с преступностью», что там «существует преступная беззащитность личности; органы прокуратуры, суда, милиция сжились с существующим произволом; руководители, от которых зависит судьба граждан города, разъезжают в прикрепленных к ним государственных машинах, не смотрят и не видят настоящего положения дел». [14, л.18]

Отчитываясь по факту обсуждения данного письма, соответствующие службы отвечали: «Нельзя отрицать, что преступность в г. Караганде, как и ряде других промышленных городов Карагандинской области, продолжает оставаться высокой, а в 1956 г. даже имел место некоторый рост особо опасных преступлений. Однако утверждение о том, что в Караганде не ведется борьбы с преступностью не соответствует действительности. В январе месяце 1957 г. направлено в суд дел: об умышленных убийствах – 3, о разбоях – 5, о кражах личной собственности граждан – 18, об изнасиловании – 1, о злостном хулиганстве – 36, о кражах и растратах государственного и общественного имущества – 7. По этим делам привлечено к уголовной ответственности 118 чел.» [14, л.18].

Однако при этом же отмечалось: «Одним из серьезных недостатков в работе милиции и прокуратуры районов г. Караганды, как и других районов Карагандинской области, являлось то, что значительная часть преступлений не раскрывается. По данным регистрации УВД в 1956 г. не было раскрыто разбойных нападений 7, тяжких телесных повреждений – 29, краж личной собственности граждан – 28. Кроме того, в 1956 г. в г. Караганде было совершено 94 кражи из магазинов, складов, касс государственных предприятий, в том числе 33 крупных кражи (с ущербом свыше 10 тыс. руб.). Остались не раскрытыми до сего времени 31 кража, в том числе 16 крупных краж.Проверкой установлено, что милиция принимает необходимые меры к обнаружению преступников. В январе месяце в г. Караганде арестована группа грабителей, совершивших в 1955-1956 гг. 8 крупных краж из государственных объектов. Дело находится в Следственном отделе областного управления милиции». [14, л.18]

В анонимном письме также отмечалось, что «воры и убийцы в местах заключения являются хозяевами положения среди всей массы заключенных». В ответе на этот тезис в документах органов шло следующее объяснение: «В местах заключения, в частности, в Карагандинском лагере, имеется ряд серьезных нарушений законности, режима и условии содержания заключенных. В 1956 г. даже отмечались случаи беспорядков и групповых побегов. С уголовными проявлениями в местах заключения ведется соответствующая работа. В 1956 г. направлено в суд 155 дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 225 чел., в том числе: заключенных – 1, административно-технических работников – 32 чел. Предано суду: за к.-р. преступления 6 чел., за побеги заключенных –86 чел., за хищения социалистической собственности – 37 чел. (в том числе: заключенных-27 и административно-технических работников – 10), за кражу личного имущества – 9, за разбой – 4, за бандитизм – 17, за убийства – 3, за умышленные тяжкие телесные повреждения – 11, за хулиганство – 11, за должностные преступления – 2. В январе месяце с.г. было расследовано и направлено в суд дела о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы Карагандинской области» [14, л.18].

Анализ отдельных видов преступности позволяет говорить, что одним из самых распространённых уголовных преступлений в городах Центрального Казахстана было хулиганство. Областная прокуратура сделала некоторый анализ состояния борьбы с хулиганством в области, в частности, в нем отмечалось, что изучение дел о хулиганстве показало, что главной причиной его роста является «отсутствие должной политико-массовой и культурно-воспитательной работы среди молодых рабочих, работающих на шахтах Карагандинского угольного бассейна, Балхашском медеплавильном заводе, Акчетауском, Коунрадском и Джезказганском рудоуправлениях (гор. Караганда, Балхаш, Джезказган, Тельманский район)». Росту хулиганства, как обозначено, частично способствовало и «ослабление борьбы с хулиганством со стороны следственных и судебных органов». В основном хулиганские действия допускали лица в возрасте от 18 до 25 лет, одновременно наблюдалось и увеличение числа лиц, преданных суду за хулиганство, в возрасте до 18 лет. В течение 1950-1953 гг. было осуждено за хулиганство лиц в возрасте до 25 лет – 60% к общему числу осужденных, среди осужденных за хулиганство – 85,2% рабочих. Хулиганские действия, как правило, допускались лицами в нетрезвом состоянии, в выходные дни и после получения зарплаты. [10]

«Изучение показателей по хулиганским проявлениям показало, что если в целом по области число дерзких хулиганств, наказуемых в уголовном порядке, несколько снизилось (468 случаев в1-м полугодии 1957 г. против 504 во 2-м полугодии 1956 г.), то в городе Караганде оно не уменьшилось, а возросло. И это при том положении, что активно применяется указ Президиума Верховного Совета

Казахской ССР от 27 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство», на основании которого за 7 месяцев по области наказано 5194 чел., в том числе по гг. Караганда – 1867, Джезказган – 875, Балхаш – 779, Сарань – 601, Темиртау – 400. Среди лиц, привлеченных по данному указу: рабочих – 4258, служащих – 282, учащихся – 248, лиц без определенных занятий – 412. Молодежь до 25 лет составляла 2796человек, или 54% [13, л.40-41]. Таким образом, если представить типичный образ «карагандинского хулигана», то это, как правило, молодой рабочий до 25 лет с незаконченным средним образованием, работавший на шахте или на заводе, который хулиганит по выходным дням, чаще всего после получения зарплаты и в нетрезвом состоянии.

Одним из массовых видов преступности были хищения. Судебная статистика свидетельствует, что по числу осужденных в СССР хищения государственного и общественного имущества лидировали среди прочих правонарушений, по массовости уступая лишь хулиганству. Поэтому государством особое значение придавалось борьбе с хищениями и присвоением социалистической собственности, то есть, экономическими преступлениями, удельный вес которых во второй половине 1950-начале 1960-х гг. имел тенденцию к росту. В 1960 г. доля хищений и краж имущества составила соответственно 26,3% и 18,2% от всех зарегистрированных в СССР преступлений [15].

Нарушали закон не только люди материально необеспеченные, зачастую преступления совершались представителями элитарных слоев населения (в основном руководящими государственными или хозяйственными, торговыми работниками). Причина кроется в забюрократизированной системе советского чиновничьего аппарата, что порождало миф о вседозволенности и безнаказанности [15, с.13]. Но такие факты не афишировались советской пропагандой. Количество должностных хищений в 1964 г. в сравнении с 1956 г. увеличилось на 62%. При этом самыми «рекордными» по количеству выявленных фактов должностных хищений оказались 1961, 1962 и 1963 гг. [15]. Именно в этот период была развернута мощная государственная кампания борьбы с должностными преступлениями: взяточничеством, растратами, хищениями.

Жесткая линия советского государства в борьбе с экономическими преступлениями нашла свое отражение и в расширении числа статей уголовного законодательства, в которых предусматривалось применение смертной казни. Безусловно, что столь решительные действия государства против хозяйственно-корыстных преступлений способствовали снижению количества зарегистрированных крупных преступлений в сфере экономики. По сведениям ряда исследователей, во времена хрущевского наступления на взяточников и расхитителей, около одной трети всех смертных приговоров выносились судебными органами в СССР за взяточничество в особо крупных размерах или за нелегальную предпринимательскую деятельность [15].

Наряду с крупными хищениями обычным, повседневным явлением были мелкие хищения государственной собственности, абсолютное большинство которых происходило в рабочее время, на глазах у сослуживцев. Лишь каждый десятый из уличенных в этом правонарушении задерживался администрацией. Призывы усилить борьбу с хищениями, превратить ее во всенародное дело, улучшить работу постов народного контроля не могли решить проблему «несунов» [16, с.13]. Наибольший ущерб от хищений социалистической собственности в республике в начале 1950-х гг. отмечался в областях: Карагандинской (где 1392 преступниками было расхищено 1679 тыс. руб.) и Целиноградской (где 916 преступниками было расхищено 1303 тыс. руб.) [17].

В Карагандинской области хищения были распространены в отделах рабочего снабжения предприятий угольной промышленности, потребительской кооперации и в системе областного торга. По указанным организациям только в 1954 г. было выявлено хищений и недостач на общую сумму 4093 руб. В сравнении с 1953 г. имело место увеличение хищений и недостач на 1092 тыс. руб. Рост растрат и недостач произошел за счет крупных хищений; мелкие недостачи в 1953 и 1954 гг. были на одном уровне (около 400-700 тыс. руб.). Также обстояло дело с мелкими недостачами и в 1955 г.

В 1954 г. увеличились хищения и недостачи в системе ОРСа комбината «Карагандауголь» 507 тыс. руб., в потребкооперации на 1347 тыс. руб. по Облторгу в 1954 г. было снижение хищений (на 762 тыс. руб.). По данным за 9 месяцев 1955 г. в система ОРСа комбината «Карагандауголь» было установлено растрат и хищений на 1011 тыс. руб., в 1954 г. за этот период – 856 тыс. руб.; по потребкооперации – 1262 тыс. руб., по Облторгу 288. [18, л.2-3]

Прокуратура области, по мнению авторов справки, не производила анализ своей работы по борьбе с растратами и хищениями в определенных хозяйственных системах. В результате изучения проделанной работы органами прокуратуры области по борьбе с хищениями в отдельных хозяйственных системах установлено, что борьба проводилась слабо, среди работников торгующих организаций не была создана атмосфера неотвратимости наказания и многие расхитители оставались совершенно безнаказанными. Работа, проделанная органами прокуратуры Карагандинской области, не дала должного эффекта. Положение с растратами и хищениями в области оставалось напряженным [18, л.3].

Но к середине 50-х гг. XX в. ситуация с хищениями несколько стабилизировалась и динамика пошла на убыль. Число оконченных дел и переданных суду по хищениям, спекуляциям, обману покупателей в 1955 по сравнению с 1954 г. несколько уменьшилось.

Таблица 7 – Количество преступлений в Карагандинской области в 1954-1955 гг. [18, л.3]

	окончено дел		передано суду	
	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.
хищения	438	360	626	392
спекуляции	84	77	109	94
обман покупателей	24	8	27	9

Рассмотрим динамику этого вида преступлений в 1960-е гг. Данные о состоянии преступности показывают, что в республике 24,8% всех совершенных в 1962 г. преступлений составляли хищения социалистической собственности, число которых по сравнению с 1961 г. увеличилось с 10572 до 11088 или на 4,9 %. В связи с этим возросло и число лиц, преданных суду за хищения, с 10436 до 11906 чел. или на 13%. Сумма причиненного ущерба по делам о хищениях, направленных в суды, в 1962 г. по сравнению с 1961 г. возросла с 10194 тыс. руб. до 15660 тыс. руб. или на 53,6%, в том числе: в государственной торговле – с 1879 тыс. руб. до 3160 тыс. руб. или на 68,2 %, в строительных организациях – с 473 тыс. руб. до 1888 тыс. руб. – на 250% или почти в 3 раза, в совхозах – с 823 тыс. руб. до 2198 тыс. руб. или на 167%, в колхозах – 454 тыс. руб. до 918 тыс. руб. или на 102%, в госпромпредприятиях – с 870 тыс. руб. до 2298 тыс. руб., что составило 378% или более чем в 3,7 раз. По системе потребкооперации сумма ущерба снизилась с 3936 тыс. руб. до 3836 тыс. руб. или на 2,5%. Таким образом, более 50% причиненного ущерба от хищений приходилось на долю потребкооперации, госторговли и совхозов. [19, л.3-4]

В отчетах фиксируется, что в 1960-е гг. более оперативно стали работать отделы борьбы с хищениями и спекуляцией. В 1962 г. ОБХСС разоблачено 119 организованно-действовавших групп расхитителей и спекулянтов. За хищения и растраты в объектах госторговли возбуждено 252 дела на 307 человек, потребкооперации 65 дел на 84 человека и по линии сельского хозяйства 77 дел на 102 человека. Материальный ущерб государству по выявленным растратам и хищениям составил 855 тыс. рублей, из них изъято в порядке возмещения более 200 тыс. рублей. По линии борьбы с хищениями предупреждено 57 случаев хищений на сумму 45850 рублей. [19, л.3-4]

Одной из составляющих экономических преступлений было распространение спекуляции. Государственная распределительная система в виде советской торговли была не в состоянии обеспечить трудящихся предметами потребления. Поэтому советский человек, не обнаруживавший нужные ему вещи на прилавках магазинов обращался к услугам спекулянтов, у которых он мог приобрести все ему необходимое. Спекулянты торговали вещами на колхозных рынках городов; около и внутри магазинов во время продажи их работниками дефицитных товаров; на улицах, во дворах и подъездах отдельных домов. Государство усиленно боролось со спекуляцией, вплоть до применения жестких уголовных карательных мер, особенно за торговлю валютой и импортными товарами. Рядовые граждане, осуждавшие спекулянтов, все же были вынуждены прибегать к их услугам ввиду неспособности государства обеспечить население товарами и услугами.

В 1962 г. работниками ОБХСС проведено 56 рейдов с привлечением общественности по выявлению «тунеядцев и паразитических элементов», в результате которых привлечено к ответственности 219 мелких спекулянтов, 1402 человека, занимавшихся нелегальным кустарничеством и 220 пивоваров. Изъято и сдано в доход государства предметов спекуляции и кустарных изделий на сумму около 20 тыс. рублей [19, л.4].

В архивных материалах нами не обнаружены данные о преступлениях за торговлю валютой, в провинциальных городах (в отличие от столиц) «валютные операции» были редкостью, но торговля импортными и дефицитными товарами вне прилавок советской торговли была распространена достаточно широко. Рядовые граждане, осуждавшие спекулянтов, все же были вынуждены прибегать к их услугам ввиду неспособности государства обеспечить население товарами и услугами.

В конце 1950-начале 1960-х гг. правоохранительные органы страны все чаще стали выявлять факты нелегальных предпринимательских структур, действовавших на базе официальных государственных организаций и предприятий. Значительное количество нелегальных производственных структур было выявлено в Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии, республиках Закавказья и Средней Азии, особенно в Грузии и Узбекистане, где они пользовались поддержкой отдельных местных партийно-государственных руководителей. В Центральном Казахстане также будут раскрыты громкие дела «цеховиков», но на десятилетия позже, в 1970-1980-е гг.

В азарте борьбы против спекуляции гонению подвергались и кустари. Отставание развития сети государственных и кооперативных мастерских и ателье бытового обслуживания от запросов и потребностей людей приводило (зачастую вопреки воле властей) к возрождению кустарно-ремесленных промыслов. Обращение к услугам частных лиц вызывалось не только нехваткой бытовых мастерских и ателье, и низким качеством предоставляемых ими услуг. Люди договаривались с «частниками» насчет пошива того или иного платья, а также отдавали им в ремонт одежду и обувь. Это можно объяснить тем, что заказы

частные лица выполняли за более короткие сроки и по более низким ценам, чем в государственных мастерских. [15, с.13-14]

В советском обществе понятия «предпринимательство» не существовало, человек, занимавшийся индивидуальной трудовой деятельностью, нелегальным производством, считался кустарем-спекулянтом и привлекался к уголовной ответственности. Такие факты зафиксированы в архивных документах: «В городах области, особенно в Караганде имело значительное распространение нелегальное кустарничество и спекуляция. Кустари-нелегалы, пользуясь отсутствием в системе торговли товаров широкого спроса населения, выжигали известь, изготовляли ватные и другие рабочие костюмы, тапочки, хозяйственные сетки, веники и т.д. и реализовывали их по спекулятивным ценам. Между тем все это можно было бы с успехом производить на предприятиях местной и кооперативной промышленности, однако реальных мер к обеспечению спроса населения не принимается. Одними же репрессиями по линии административных органов достичь пресечения нелегальщины и спекуляции трудно. Здесь же следует отметить, что со стороны милиции, прокуратуры и судов борьба с крупными спекулянтами, занимающимися перепродажей новых дефицитных товаров, ведется все еще слабо» [20, л.164].

В судебных материалах, документах правоохранительных органов постоянно акцентировалось внимание на том факте, что определенное количество осужденных за спекуляцию в крупных размерах или в виде промысла, нигде не работали и не учились (в 1962 г. таких, например, оказалось около 25%). Не случайно советское государство заняло довольно жесткую позицию в отношении лиц, ведущих «паразитический образ жизни». В системе мер по устранению причин существования преступности важное место отводилось компании по борьбе с тунеядством и ведением паразитического образа жизни. 4 мая 1961 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР был принят Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Указ начал повсеместно претворяться в жизнь: только за 1961 г. по стране было выселено около 200 тыс. человек. [15]

Одной из причин роста, преступности в Карагандинской области, по мнению органов милиции, было наличие большого числа неработающего населения: «Проведенным в начале 1957 г. учетом было установлено, что в городах и рабочих поселках области проживает свыше 30 тысяч временно неработающего трудоспособного населения, обеспеченного жильем, часть которого, не будучи занята общественно-полезной деятельностью, занималась спекуляцией и становилась на преступный путь» [13, л.164]. Партийные и государственные органы Карагандинской области использовали различные общественные формы воздействия, что отмечалось в отчетах: «индивидуальные беседы, товарищеские суды, местную печать и радио. Областная печать стала систематически печатать материалы о тунеядцах. За последнее время в области выявлено 159 тунеядцев. 11 человек из них осуждены по Указу Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 6 августа 1961 г. «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках КазССР», более 70 человек приобщены к труду, за ними установлен строгий контроль» [20, л.91].

Социальном пороком, девиантностью в советском обществе считалось, если человек не работал. Советский принцип «кто не работает, тот не ест» вколачивался и через статьи уголовного кодекса и уголовные наказания. В законодательстве СССР в 1961-1991 гг. под тунеядством подразумевали состав преступления, заключавшегося в «длительном проживании совершеннолетнего трудоспособного лица на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда; наказывалось лишением свободы на срок до двух лет или исправительными

работами (от шести месяцев до года). Устанавливалась ответственность за три разные формы т. н. паразитического существования, образующие самостоятельные составы преступления, – занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни. Под понятие «иного паразитического образа жизни», ведущегося в течение длительного времени подпадали те случаи, когда лицо уклонялось от общественно полезного труда и проживало на нетрудовые доходы более четырёх месяцев подряд или в общей сложности в течение года и в этой связи ему сделано официальное предостережение о недопустимости такого образа жизни. При этом под понятием «общественно полезный труд» понимался лишь труд в санкционированной государством форме. Самодеятельный и другой труд разрешался только в свободное от «общественно полезного труда» время, иначе он приравнивался к тунеядству. Борьба с тунеядством велась до 1991 г., кода отменили уголовную ответственность за тунеядство и признали безработицу.

Есть материалы в Архиве Президента РК, связанные с осуждением «тунеядцев» после принятия Президиумом Верховного Совета Указа от 6 августа 1961 г. Но гонения преимущественно были в отношении сельских жителей, занимающихся личным подсобным хозяйством. В справках отмечено, что за тунеядство было осуждено свыше 80 человек, приняты меры к трудоустройству 450 человек [18, л.164]. Таким образом, в советском обществе понятия спекулянт и тунеядец были тесно взаимосвязаны, и советская пропаганда внесла в мышление советских людей, что если человек не работает на государственном предприятии (или в каком-нибудь учреждении советской кооперации), то этот факт – проявление социальной аномалии или девиации.

Для советского режима было характерно достаточно жесткое отношение к преступникам, если факт преступления имел место быть. Причем имели место ошибки и в следствии, и судебные, и др. Были факты незаконного, ошибочного осуждения невинных людей, но они, как правило, не афишировались. «В Ленинском районе г. Караганды необоснованно был привлечен и осужден к 2 годам лишения свободы гражданин Гребень по обвинению его в мошенничестве. Гребень работал шофером корреспондента казахского радиокомитета, никакими преступными делами не занимался, но к своему несчастью, носил бакенбарды, такие же как у разыскиваемого преступника, а остальное было подтасовано работниками следствия милиции» [19, л.16]. Подобные факты имели место и в других городах и районах.

В отдельных случаях судебно-следственные органы привлекали и осуждали к лишению свободы граждан, впервые совершивших менее опасные преступления. Например, в городе Джезказгане был привлечен и осужден к 1 году лишения свободы гражданин Бондаренко за то, что он раствором кислоты удалил в паспорте штамп о принятии его на работу и подделал больничный лист. Бондаренко 1943 года рождения, ранее не был судим, занимался общественно-полезным трудом. Но осужден тем не менее был. Система предпочитал «пересолить, чем недосолить». [19, л.15]

Но проявлялись и факты иного плана, например, в отчетах прокуратуры отмечено, что еще не устранены случаи «проявления неоправданного либерализма к опасным преступникам и недооценки мер общественного воздействия и воспитания нарушителей в коллективах». Так, областным судом по необоснованному ходатайству руководства обувной фабрики был освобожден от наказания некий Вольфер, осужденный за хулиганство к 2 годам лишения свободы. После освобождения этот Вольфер при очередной пьянке убил рабочего фабрики Мухутдинова, за что осужден к расстрелу.

Советская общественность должна была зорко следить за поведением своих членов. Если это не происходило, власть сразу же реагировала: «во многих случаях суды правильно применяя к осужденным меры наказания, не связанные с лишением свободы, не передают осужденных на воспитание коллективов по месту работы и не осуществляют контроля за дальнейшим их поведением». Так, отмечается, народный суд города Балхаша в 1962 г. ни одного человека из числа привлеченных не передал на воспитание коллектива. Но было и множество фактов, когда руководители некоторых предприятий, секретари первичных партийных и профсоюзных организаций возбуждают ходатайства о выдаче на поруки и воспитание коллективов лиц, совершивших тяжкие преступления или неоднократно судимых. Такие меры партия и государства считали неверными и сразу же реагировали на подобные акции. В 1962 г. судебными органами было отклонено около 80 необоснованных ходатайств [19, л.16]. В целом система достаточно жестко относилась к правонарушителям, если таковой попадался на совершении преступления. Либеральное отношение к преступникам считалось проявлением слабости, а рецидивы преступлений подтверждали «необходимость жестких мер».

Если на криминальную обстановку 1950-х – 1960-х гг. кардинально повлияли перемены в стране (смерть Сталина, олицетворявшего тоталитарную систему и неизбежное ее в связи с этим ослабление, непродуманная политика амнистии повлекли за собой бурный рост преступности, искоренить которую в годы хрущевского правления пытались не только традиционными методами, но и с помощью привлечения общественности), то в 1970-1980-е гг. питательной средой для роста преступности и других видов асоциального поведения граждан являлись застой в экономическом развитии, подрыв веры в идеалы коммунизма, социальный пессимизм и апатия [21].

В 2000-е гг. в России появились исследования, позволяющие отследить основные тенденции в преступности, характерные для советского общества 1970-х – 1980-х гг. Представим некоторые из этих тенденций, во-первых, это позволит провести некоторое сопоставление с общесоюзным материалом, а во-вторых, часть из них была типична и для центрально-казахстанского региона.

1. СССР был в числе мировых лидеров по количеству убийств на душу населения: в 1980-х гг. занимал 5-е место в мире по распространенности убийств. Для сравнения предлагаем данные по количеству убийств на 100 тысяч человек населения в СССР в 1989 г. (12,4), во Франции (1,1), Германии (1,0), Англии (1,04) [22, 23]. СССР превосходил ведущие европейские страны по убийствам в 12 раз. [24]

2. СССР оказался в числе мировых лидеров по количеству самоубийств на душу населения: количество самоубийств на 100 тысяч человек населения составило в 1984 г. 38,8 [25]. Если в 1965 г. уровень самоубийств в СССР был не очень высок и соответствовал среднеевропейским показателям, то в 1980-е гг. в СССР начинается рост количества и уровня самоубийств, достигая максимума (29,7) в 1984 г., в пик «застоя»; с 1985 г. сокращается уровень самоубийств, вновь достигая минимальных показателей в 1986-1987 гг. Причина: у людей появилась надежда на улучшение удушливой атмосферы экономической, политической, социальной стагнации, однако эйфория продолжалась недолго. С 1988 г. начинается медленный, постепенный рост самоубийств с последующим резким скачком в 1992 г. Таким образом, для СССР характерно значительное возрастание уровня самоубийств с середины 1950-х до 1980-х гг., с максимумом в 1983-1986 гг., затем некоторое снижение показателей и новый рост с 1989 и в 1990-х гг. В Казахстане

прослеживается рост уровня самоубийств в «постперестроечное» время: за период с 1988 по 1993 г. с 17,0 до 23,5.

3. В начале 1980-х гг. СССР отличался высочайшим в мире потреблением алкоголя на душу населения. В 1960 г. населением потреблялось 3,2 литра, в 1970 – 8,7 литров, а в 1980 – 10,8 литров, то есть рос за 20 лет составил 3,4 раза [26]. Большая Советская Энциклопедия в статье «Спиртовая промышленность СССР» приводит данные, что Советский Союз увеличивал производства этилового спирта более чем на 50% каждые 10 лет и быстро достиг второго места в мире, производя в 1974 г. 184 млн. дал после США с производством 260 млн. дал [27]. При этом США имели заметно меньшее внутреннее потребление алкоголя и значительную долю продукции поставляли на экспорт по всему миру. СССР в середине 1970-х гг. заметно опережал по производству спирта все страны мира, например, Германию – в 7, Великобританию – в 10, Францию – в 21 раз. [24]

4. СССР был всегда мировым лидером по количеству заключенных: это было характерно и для сталинского периода, и позже; даже в перестроечном 1986 г. на 100 тысяч человек населения в СССР было 846 заключенных [28]. В Великобритании количество заключенных на 100 тысяч населения составляет 148, во Франции – 85, а в Германии – 95. Таким образом, СССР превосходил по числу заключенных страны Европы в 6-10 раз [24].

5. СССР был всегда бессменным мировым лидером по количеству абортов на душу населения и на количество зарегистрированных беременностей. В 1965 г. СССР поставил абсолютный государственный рекорд в 5,6 млн. абортов, а в 1970-е – 1980-е гг. в СССР производилось каждый год более чем 4,5 млн. абортов [29].

6. СССР всегда был среди стран с наибольшим количеством изнасилований в мире. Но в конце 1980-х гг. 69% всех изнасилований, происходивших в СССР, регистрировались на территории РСФСР, поэтому рекордно большой уровень этих преступлений в СССР оказывался еще выше именно в РСФСР. [24, 30]

7. В СССР число разводов в 1980-е гг. держалось уверенно на первом-втором месте в мире и составляло 1980 г. 4,2 развода на тысячу человек населения. [24, 31].

8. Советский Союз также вышел на лидирующие позиции в мире по курению и производству сигарет [12]. В 1975 г. в СССР было произведено 364,3 млрд. сигарет, не считая пакетированного курительного табака и махорки; страна была на третьем месте в мире по производству сигарет (после США и Китая) и на лидирующих позициях в мире по их потреблению. Если США с производством в 616 млрд. сигарет значительную часть поставляли на экспорт, то в СССР основной была доля внутреннего потребления. В СССР с 1970 по 1980 гг. потребление сигарет увеличивалось на 50 млрд. штук в год (с 375,3 млрд. до 424,6 млрд. штук). [24, 32]

Таким образом, данные показатели и тенденции демонстрируют, что безопасность и низкий уровень преступности в СССР были таким же мифом, созданным пропагандой, как и другие мифологемы. Но информация такого рода не проходила в СМИ, и советские люди не знали об этих фактах. Эти данные, как и материалы об уровне преступности в республиках не были доступны ни исследователям, ни широкой общественности.

В сравнении с РСФСР, ситуация в Казахской ССР по большинству аспектов была в отношении криминогенной обстановки гораздо более благополучной. Однако центрально-казахстанский регион, особенно г. Караганда отличались достаточно высоким уровнем преступности. Причины данного факта были отражены ранее, они же типичны для КССР и в 1970-1980-х гг. На территории Центрального Казахстана в 1970-1980-е гг. проявлялись такие же основные формы девиантности, как и в предыдущие десятилетия, и, как и раньше, внеправовые

формы девиаций, такие как пьянство, в основном явились основными причинами совершений уголовно наказуемых форм девиаций – преступлений. Принципиальное изменение – в Казахстане только в 1980-е гг. начали официально говорить и фиксировать в документах еще одну форму девиации – наркоманию и о преступлениях под наркотическим воздействием.

Рассмотрим состояние преступности в Карагандинской области в 1970-1980-е гг. Приведённые нами данные о состоянии преступности фактически в архивах не запрашивались исследователями, так как были недоступны и публикуются впервые. В 1979 г. в области зарегистрировано 7539 преступлений против 7401 в 1978 г., раскрываемость составила 87,7 % против 87,2 % [33, л.36]. По линии уголовного розыска зарегистрировано в 1979 г. 5298 преступлений против 5252 в 1978 г. и раскрываемость составила соответственно 83,5 % и 83,5 % [33, л.36]. Судимость возросла в 16 городах и районах области. Значительный рост судимости произошел в Советском районе г. Караганды на 37% (403 против 294), в г. Абае на 36,6% (204 против 149), в г. Шахтинске на 43,7% (217 против 151) и других районах. Снижение судимости произошло только в г. Сарани и 2 сельских районах. [34, л.15].

Наиболее распространенным из видов преступлений было хулиганство. В 1982-1983 гг. в разрезе городов и районов г. Караганды судимость за хулиганство характеризуется данными таблицы 8.

Таблица 8 – Судимость за хулиганство в разрезе городов и районов г. Караганды за I квартал 1982 и 1983 гг. [35, л.59-60].

Народные суды	Осуждено		Рост/снижение судимости в %
	I квартал 1982 г.	I квартал 1983 г.	
Ленинский	28	34	+17,6
Советский	51	50	-2
Октябрьский	28	57	+50,9
Кировский	36	34	-5,6
Железнодорожный	14	12	-14,3
Абай	52	50	-3,9
Сарань	32	22	-31,3
Шахтинск	35	23	-34,3
Всего	427	458	+7,3

Данные таблицы 8 демонстрируют рост этого вида преступности в целом по области и в 2 городских районах (Ленинский, Октябрьский) из 5, причем рост составляет значительный процент (более 50%), в малых городах области произошло уменьшение судимости за этот вид преступления.

Для того чтобы представить контингент людей, совершивших хулиганство, обратимся к характеристикам по полу, возрасту, социальному положению, уровню образования и др. Из общего числа всех осужденных, за злостное хулиганство были осуждены – 276 человек, или 84,6%, 20 женщин (4%), 34 несовершеннолетних (8%). [35, л.59-60]. Из 330 осужденных за хулиганство 242 человек занимались общественно-полезным трудом, 31 – являлись учащимися ПТУ (9,5%), 1 – учащийся средней школы, и 52 осужденных нигде не работали и не учились (16% от общего числа всех осужденных) [35, л.59-60]. Большинство осужденных – 306 человек с восьмилетним образованием и средним образованием и 1 – с высшим образованием, и только 19 лиц с начальным образованием. Каждый третий осужденный ранее был судим – 109 человек (33,41%), из них 39 человек за хулиганство и спецрецидив, что составляет 12%; 10 человек вновь совершили хулиганство, не отбыв наказание в ИТК. В 166 случаях хулиганства совершались

в общественных местах и на улице, и 94 – по месту жительства виновного или в квартирах потерпевших [35, л.59-60]. По партийному составу хулиганство совершили члены ВЛКСМ – 42 человека, члены и кандидаты в члены КПСС – 3 человека. 290 чел. или 90% из числа осужденных совершили хулиганство в состоянии алкогольного опьянения и 160 человек совершили преступления в группе лиц [35, л.60]. В архивных фондах нами обнаружены документы, представляющие собой обобщения, проведенные прокуратурой и органами МВД. Такого рода обобщения позволяют представить типичный (усредненный) «образ хулигана» на улицах городов Центрального Казахстана. Подавляющую часть данного вида преступления совершали работавшие мужчины с 8-летним или средним образованием, как правило, беспартийные, возможно уже ранее осужденные. Хулиганство они совершали чаще всего в общественных местах, почти всегда в состоянии алкогольного опьянения и каждый второй хулиганил в составе группы сотоварищей.

Еще одним из наиболее распространенных видов преступления в городах в 1970-1980-е гг. были хищения. В 1983 г. народными судами Карагандинской области было рассмотрено по ст. хищения государственного и общественного имущества 205 дел, в отношении 327 человек или 11,4 % от числа всех осужденных (2882 чел.) [34, л.25]. Определение по возрасту и социальному положению преступника, занимавшегося хищением, характеризуется следующим образом: по возрасту от 14 до 18 лет – 9 человек, от 19 до 25 лет – 47 человек, от 26 до 35 лет – 68 человек, свыше 35 лет – 10 человек; по социальному положению: служащие – 12 человек, рабочих – 62, учащихся – 6, неработающих – 24 человек. Из числа осужденных: женщин – 16 чел., мужчин – 117 чел., членов КПСС – 2 чел., членов ВЛКСМ – 10 чел. По образованию: осуждённых, имеющих начальное образование – нет, неполное среднее – 52 человек, среднее – 80, высшее – 1 человек. Из общего числа осужденных (133 чел.) ранее судимы были 26 чел. или 18,8 %, в том числе, совершали преступления данного предприятия 6 человек и ранее судимые за кражи государственного и общественного имущества – 7 человек или 5,2 % [34, л.25-26]. Таким образом, подавляющую часть исследуемого вида преступления совершали лица в возрасте от 19 до 25 лет, мужчины – рабочие или неработавшие. Из приведенных данных следует, что большинство преступлений совершали лица со средним образованием, большинство из которых не было ранее осуждено.

Отследим по архивным материалам состояние преступности в г. Караганде по районам за 1980-е гг. В г. Караганда в I полугодии 1980 г. в Ленинском районе было зарегистрировано 354 преступления, в сравнении с аналогичным периодом 1979 г. (339 преступлений), преступность возросла на 4,4 %. Возросли на 17,8 % наиболее опасные преступления: среди видов преступлений увеличилось число изнасилований – на 8, краж государственного имущества – на 7 (было 16, стало 23), грабежей личного имущества – на 24, хранения наркотических веществ – на 4 (было 8, стало 12). Снизилось число умышленных убийств на 3, краж личного имущества граждан – на 8 преступлений [33, л.84]. В 1980 г. народным судом Ленинского района было рассмотрено 431 уголовное дело в отношении 600 человек, против 407 дел на 482 человека в 1979 г. Судимость в районе в 1980 г. возросла по сравнению с 1979 на 24,4 % [36, л. 90]. В 1980 г. в Железнодорожном районе народным судом было рассмотрено 160 дел в отношении 246 осужденных. Как показывают данные, большинство преступлений совершалось по таким видам, как хищение государственного и общественного имущества (35 дел), хулиганство (19), преступления против личной собственности (17). В 1981 г. рассмотрено с вынесением приговора 162 дела в отношении 206 осужденных. Приведенные

статистические данные свидетельствуют о том, что судимость в районе в 1981 г. снизилась по сравнению с 1980 г. на 39 человек, или 16,1%. [37, л.15-16]

Считаем нужным обратить внимание, что речь идет не обо всех совершенных преступлениях, а лишь о тех, которые были доведены до суда. Предоставленные в архивных документах данные не отражают полностью состояние преступности в данный период, так как часть преступлений не была зафиксирована, подвержена учету, какая-то часть не дошла до суда. Но в любом случае, эти данные позволяют очертить общие контуры ситуации в городах Центрального Казахстана.

Таблица 9 – Количество и виды преступности в Железнодорожном районе г. Караганды за I квартал 1979 и 1980 г. [33, л.16-17]

Виды преступлений	1979 г. за I квартал	1980 г. за I квартал	Рост/ снижение в %
По линии ОУР. Убийство по неосторожности	-	1	+100
Убийство при превышении пределов необходимой обороны	-	1	+100
Разбой государственного имущества	-	1	+100
Кража государственного имущества	1	4	+400
Грабеж личного имущества	1	2	+200
Кража личного имущества	4	1	-75
Хулиганство	11	5	-55
Мошенничество	1	-	-100
Хранение холодного и огнестрельного оружия	5	4	-20
Хранение наркотических веществ	1	2	+100
Посягательство на жизни работников милиции	-	1	+100
Сопротивление работнику милиции	-	1	+100
Вовлечение несовершеннолетних в пьянство	-	1	+100
Итого:	24	24	-
По линии БХСС	5	6	+20
По линии других служб	9	2	-77
Всего зарегистрировано преступлений	38	32	-15,8
В т.ч. преступления, совершенные несовершеннолетними	9	3	-66,7
Раскрываемость преступлений	95,8 %	95,8 %	-

Данные таблицы 9 демонстрируют, что самым распространённым видом преступления являлось хулиганство, составлявшее от четверти до половины совершенных преступлений (в 1979 г. – 46%, в 1980 г. – 21%). В отличие от видов преступлений, совершенных в 1950-1960-е гг., в общей статистике мы находим виды преступлений, которые возможно имели место быть ранее, но не отражались в статистике силовых структур: мошенничество, хранение холодного и огнестрельного оружия, хранение наркотических веществ и посягательство на жизни и сопротивление работникам милиции и вовлечение несовершеннолетних в пьянство. Следует отметить, что в отчетах был зафиксирован очень высокий процент раскрываемости. Сложно сказать, насколько данная цифра соответствует действительности, но в отчетах указано, что раскрываемость составляет более 95%.

Указанные статистические материалы свидетельствовали о снижении преступности в районе на 13,5%. Но вместе с тем был совершен ряд тяжкий преступлений как разбойное нападение с целью завладения государственного имущества, грабеж личного имущества, посягательство на жизнь работников милиции и другие, чего не было за аналогичный период 1979 г. [33, л.16-17]. Лица, совершившие эти преступления: имели образование с 7 по 10 класс – 6 человек,

из них 3 – члены ВЛКСМ. По социальному положению: учащиеся ГПТУ (№ 139 и 200) – 4, рабочие (на сапоговаляльной фабрике и ТЧ-20) – 2. Из анализа материалов уголовных дел видно, что в первом квартале 1980 г. были совершены ранее судимыми 8 преступлений, в состоянии алкогольного опьянения – 13 преступлений, 1 преступление – лицом, ведшим бродячий образ жизни. Кроме того, были привлечены к уголовной ответственности по 3 уголовным делам 3 человека, которые в момент совершения преступлений нигде не работали и не учились. Всего было привлечено к уголовной ответственности 37 человек, из них 4 являлись несовершеннолетними. [33, л.19]

Состояние судимости в Октябрьском районе на 1981 г. характеризовалось следующими данными: 517 уголовных дел в отношении 569 осужденных. Большинство преступлений совершено по таким видам, как: хулиганство (75), кража, грабеж и разбой личного имущества (71). А в 1982 г. количество дел возросло на 40 (557) в отношении 561 осужденного. Отмечалось увеличение числа умышленных убийств (было 8, стало13), изнасилований (было 6, стало 16), а также краж, грабежа и разбоя. [38, л.4]

За 9 месяцев 1982 г. народным судом Кировского района было рассмотрено 241 уголовное дело в отношении 290 лиц, в том числе с вынесением приговоров 228 дел, по которым осуждено 272 человека, за аналогичный период 1981 г. было рассмотрено 231 дело в отношении 233 человек, в том числе с вынесением приговоров 231 дело на 256 человек. [36, л.69]

Таблица 10 – Количество и виды преступности в Кировском районе за I квартал 1981 и 1982 гг. [36, л.70]

Виды преступлений	1981 г.		1982 г.		Рост/снижение осужд. лиц
	дел	лиц	дел	лиц	
Хищение государственного имущества	20	29	17	23	-6
Умышленное убийство	3	2	2	1	-1
Умышленные тяжкие телесные повреждения	6	4	11	9	+5
Изнасилование	3	3	7	11	+4
Преступление против личной собственности граждан	21	33	29	39	+6
Хулиганство	33	39	40	49	+10
Автотранспортные преступления	35	35	22	22	-13
Преступления, связанные с наркотиками	6	6	10	13	+7

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что увеличилось количество судимостей за тяжкие преступления: в 2 раза за тяжкое телесное повреждение и изнасилование, было привлечено и осуждено больше на 10 человек за хулиганство, 6 – за посягательство на личное имущество граждан и 7 – за незаконное изготовление, приобретение и хранение наркотических средств. Сократилась судимость за хищение государственного и общественного существа на 16%, уменьшилось число осужденных за автотранспортные преступления. За данный период народным судом было рассмотрено 37 дел о хулиганстве в отношении 49 лиц, в том числе 32 дела на 43 лица, судимость за хулиганство возросла на 25%. [36, л.70]

Рассмотрим виды преступности в малых городах Центрального Казахстана на примере г. Шахтинска и сопоставим виды преступлений с г. Карагандой.

Таблица 11 – Количество и виды преступности по г. Шахтинску за 1 квартал 1979 и 1980 гг. [33, л.23-24]

Количество совершенных преступлений	За 1 квартал 1979 г.	За 1 квартал 1980 г.	Рост/ снижение
Всего зарегистрировано преступлений	97	94	-3
В т.ч. тяжких преступлений	26	21	-5
Менее тяжких	62	64	+4
Малозначительных	9	9	-
Умышленное убийство	5	2	-3
Покушение на убийство	-	1	+1
Умышленные тяжкие телесные повреждения	5	7	+2
Менее тяжкие телесные повреждения	10	-	-10
Изнасилование и покушение на изнасилование	2	3	+1
Разбойное нападение (все)	3	1	-2
Грабежи (все)	3	2	-1
Кража личного имущества	14	21	+7
Хулиганство	10	7	-3
Нарушения правил безопасности движения	5	7	-2
Из них: со смертельным исходом	1	2	+1
Хищение гос.имущества (все, кроме мелких)	17	8	-9
Из них: путем кражи	3	1	-2
Хищения путем растраты, присвоения и злоупотребления, обманом	14	7	-7
Спекуляция	4	5	-1
Обман покупателей	1	4	+3
Нарушения охраны труда (повлекшие несчастн. случай)	2	4	+2
Из них: со смертельным исходом	-	1	+1
Угон автотранспорта	2	2	-
Хранение, изготовление крепких спиртных напитков	-	2	+2
Хранение, изготовление наркотических веществ	7	2	-5
Хранение, изготовление холодного оружия	4	-	-4
Бродяжничество и тунеядство	-	4	+4
Прочие преступления	9	12	+3

Исходя из данных таблицы 11 тяжкие преступления составили 26 из 97 (26,8%), менее тяжкие – 62 (64%), малозначительные – 9 (9,3%). Самыми распространенными видами преступлений в г. Шахтинске в 1979 и 1980 гг. стали: хищение государственного имущества (17 из 97, что составило 17,5%), кража личного имущества и хищения путем растраты, присвоения и злоупотребления, обманом (по 14 из 97, что составило по 14,4%), хулиганство (10 из 97, что составило 10,3%). В целом, сравнивая виды преступлений в малых городах Центрального Казахстана (на примере гг. Шахтинска, Абая, Сарани) с г. Карагандой, можно сделать вывод, что виды преступлений доминируют практически одни и те же для всех городских регионов.

За I полугодие 1984 г. районными народными судами г. Караганды рассмотрено с вынесением приговоров 2343 уголовных дел, по которым осуждено 2769 человек, в I полугодии 1985 г. рассмотрено 1898 уголовных дел в отношении 2350 осужденных. [39, л.13]

Таблица 12 – Количество рассмотренных уголовных дел и осужденных в г. Караганде за I полугодие 1984 и 1985 гг. [39, л.13-14]

Районные народные суды г. Караганды	I полугодие 1984 г.		I полугодие 1985 г.	
	число рассм. угол. дел с вынес. приговоров	кол-во осужденных	число рассм. угол. дел с вынес. приговоров	кол-во осужденных
Ленинский	474	577	392	504
Советский	720	801	566	704
Октябрьский	563	643	490	591
Кировский	389	470	312	383
Ж/дорожный	197	278	138	168
Итого по городу	2343	2769	1898	2350

Таким образом, судимость в г. Караганде в I полугодии 1985 г. в сравнении с I полугодии 1984 г. снизилась на 19%. Большинство лиц были осуждены за преступления против личной собственности граждан (418), против личности (157), хищения государственного имущества (306), хулиганство (286). [39, л.14]

Таблица 13 – Состояние судимости по данным районных народных судов г. Караганды в 1985-1986 гг. [40, л.53-54]

Районные народные суды	Осужденные лица		Рост/снижение в %
	1985 г.	1986 г.	
Советский	704	675	-4,2
Ленинский	504	460	-8,7
Октябрьский	591	438	-25,9
Кировский	383	427	+11,5
Железнодорожный	168	168	-
Итого	2350	2168	-8

По таблице 13 можно отметить, что снижение судимости отмечалось по таким видам преступлений как хищение государственного и общественного имущества на 19% (было 275, стало 225), изнасилование – 16 % (было 39, стало 33), кража, грабеж и разбой личного имущества – 13 % (было 565, стало 494), значительно возросла судимость по спекуляции – 65 % (было 44, стало 73), хулиганству – 28 % (было 323, стало 235). [40, л.54]

Таблица 14 – Состояние судимости в Октябрьском районе г. Караганды с 1981 по 1986 гг. [38, л.4]

	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
Количество уголовных дел	517	557	636	656	562	458
Количество осужденных	569	561	649	643	591	438

По данным таблицы 14 наблюдается пик увеличения количества уголовных дел (на 27%) в 1984 г. и осужденных (на 14%) в 1983 г. и снижение количества уголовных дел за 5 лет в 1986 г. на 59 (11,4%) и количество осужденных в Октябрьском районе на 23% или на 131 человека.

По данным таблицы 15 наблюдается пик увеличения преступлений в 1985 г. практически по всем видам преступлений: хищений государственного и общественного имущества в 3,7 раз, умышленных убийств – в 1,5, умышленных причинений тяжких телесных повреждений – в 1,2, изнасилований – в 2,2, краж личного имущества, грабежа, разбоя – в 1,5, хулиганства – в 1,04 раза. К 1986 г. несколько снижается преступности, однако он все же превышает состояние преступности в 1981 г.

Таблица 15 – Характеристика судимости Октябрьском районе г. Караганды по видам преступлений с 1981 по 1986 гг. [38, л.4]

Виды преступлений	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Хищение государственного и общественного имущества	18	18	14	62	67	30
Умышленное убийство	8	11	7	6	12	7
Умышленное причинение тяжких телесных повреждений	38	42	61	41	44	50
Изнасилование	6	16	12	3	13	6
Кража личного имущества, грабеж, разбой	71	82	67	104	110	87
Хулиганство	75	60	51	65	78	33
Нарушение правил безопасности и эксплуатации транспорта	41	54	40	25	28	30

Таблица 16 – Состояние судимости в Ленинском районе г. Караганды по основным видам преступлений за 9 месяцев 1986 и 1987 гг. [41, л.12]

Виды преступлений	9 мес. 1986 г.		9 мес. 1987 г.		Рост/снижение
	дел	лиц	дел	лиц	
Хищение гос. и общ. имущества	41	51	38	57	+12 %
Преступления против личности	28	28	11	15	-46,5 %
Преступления против личной собственности граждан	65	71	77	112	+57,7 %
Взяточничество	3	3	4	5	+66,6 %
Хулиганство	33	33	24	31	-6,1 %
Преступность несовершеннолетних	25	26	27	50	+92,3 %

Итак, за 9 месяцев 1987 г. народным судом Ленинского района с вынесением приговоров рассмотрено 318 дел в отношении 392 человек; количество рассмотренных дел осталось на уровне того же периода 1986 г., число осужденных увеличилось на 62 % (330 чел.) [41, л. 12]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что общая судимость в Ленинском районе г. Караганды за 9 месяцев 1987 г. возросла по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 15,6 %. При этом рост (почти в 2 раза) судимости наблюдался по делам о преступлениях несовершеннолетних, более 50% составил рост по посягательствам на личную собственность граждан и взяточничество, на 12% возросло число осужденных за хищения соцсобственности. Снизилась на 46% судимость за преступления против личности. [41, л.12].

За 10 месяцев этого года в нарсуде Советского района с вынесением приговора рассмотрено 331 уголовное дело в отношении 414 человек [42, л.5]. Причем данные таблицы свидетельствуют, что значительная доля преступлений связана с преступлениями против личной собственности (24,6%), преступления, связанные с извлечением нетрудовых доходов (16,1) и с хищением государственного имущества (12,4). Многие преступления были связаны с пьянством (18%) и с наркотиками (4,9%).

В 1987 г. было принято Постановление ЦК Компартии Казахстана «О мерах по усилению борьбы с кражами». Партийными, советскими и правоохранительными органами области усилена борьба с кражами государственного и личного имущества. Созданы оперативно-следственные группы по борьбе с квартирными кражами, специализированные народные дружины по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Отделом юстиции облисполкома обобщалась судебная практика по делам о кражах, организуется проведение выездных судебных процессов. Но проводимые мероприятия не позволили добиться коренного перелома в борьбе с имущественными преступлениями. В

1987 г. отмечался рост числа краж государственного имущества на 24,6 и личного имущества граждан на 48,2%. Неудовлетворительной была раскрываемость преступлений, имелись факты нарушения порядка регистрации и разрешения заявлений о совершенных преступлениях. Значительное число краж совершалось, как считали органы МВД, рецидивистами и неработающими лицами, что свидетельствовало о неудовлетворительном осуществлении административного надзора. [43, л.63-64]

Таблица 17 – Состояние судимости в Советском районе г. Караганды по основным видам преступлений за 10 месяцев 1987 гг. [42, л.5]

Категории дел	Количество	В %
Связанные с пьянством	72	18
Связанные с наркотиками	20	4,9
Связанные с самогоноварением	13	3,2
Связанные с извлечением нетрудовых доходов	65	16,1
Хищение государственного имущества	50	12,4
Преступление против личности	26	6,5
Преступление против личной собственности	99	24,6
Спекуляция	4	1
Хулиганство	45	11,1
Прочие	9	2,2
Всего дел:	403	100

В 1979 г. за тунеядство и бродяжничество осуждены 9 человек, а за 1-й квартал 1980 г. за данный вид преступления осуждены 4 человека. В 1980 г. судом выявлено 33 человека трудоспособных, но нигде не работающих, ведущих паразитический образ жизни. [44, л.33-34].

Интервьюирование показало, что сами карагандинцы не считали свой город криминальным, а ситуацию криминогенной. Например, М.Р. Иманкулов (1939 г.р.) вспоминает: «Не было особой преступности в городе. Правда в 1950-х – 1960-х гг. бывали массовые драки. Выходили «улица на улицу», «район на район», «стенка на стенку». Часто дрались ребята с Нового города с Михайловскими или с парнями из района, который назывался Унша. Частые драки были с чеченцами, они отстаивали свое первенство в городе, мы свое. Бывали и драки с участием нескольких сотен ребят, десятков точно. Но дрались без оружия, «до первой крови». Некоторые из ребят носили ножи, но в драках их использовали редко. В целом в городе было спокойно, милиция работала хорошо. На вызовы реагировала быстро, хулиганы предпочитали с ней не связываться. Бомжей и бродяг в советское время не было, пьяных милиция сразу забирала. Про наркоманию ничего не знали, ни в 50-е, ни в 60-е, ни в 70-е. Что проститутки в городе есть слышали, но что есть какие-то притоны не слышали и не знали. Знали, что в гостиницах можно их найти. Но тогда это все не было распространено» [45]. Е.А. Иманкулова (1940 г.р.) вспоминала: «Город был спокойным, не считали, что в Караганде был высокий уровень преступности. Мы чувствовали себя в безопасности. Но драки были. Конечно, были не совсем безопасные районы, например, в Майкудуке предпочитали по ночам не ходить. В 1970-е гг. пошла волна таких преступлений: снимали у женщин с головы шапки или выдергивали из ушей золото. Тогда все эти вещи были редкостью. Молодые люди на бегу срывали эти ценности и убегали. Люди стали побаиваться, это продолжалось пару лет. В 1980-е гг. могли в темном проулке и раздеть. Так, с хорошо одетых студентов «снимали» модные тогда куртки-«аляски»» [46].

Анализ этих и других интервью позволяет делать ряд выводов: во-первых, люди советской эпохи искренне верили, что случаи с преступностью, с которыми они сталкиваются – это частности, а в общие закономерности в СССР – стабильность

и спокойствие; во-вторых – цензура в СМИ ограничивала негативные материалы, газеты и телевидение не давали общего представления о состоянии преступности в городах, статистика МВД и прокуратуры носили закрытый, секретный для большинства людей характер, а отсутствие информации создавало иллюзию безопасности; в-третьих, разгул преступности в 1990-е гг. «перекрывал» информацию о предыдущих десятилетиях, поэтому оставалось впечатление порядка и стабильности; и, в-четвертых, мощный и результативный во многом арсенал агитационной и пропагандистской машины совестского государства действительно приводил человека к мысли, что я «другой такой страны не знаю, где так волько дышит человек».

С правонарушениями и преступлениями власть боролась традиционными способами. Активное участие трудящихся в борьбе с преступностью расценивалось как некая панацея против ее роста. Привлечение граждан к работе правоохранительной системы в рассматриваемый период, шло в трех направлениях. Первое заключалось в привлечении активистов в помощь милиции к охране общественного порядка. Второе – в привлечении общественности к работе следствия и судопроизводству. Третье – в участии граждан в перевоспитании преступников. Необходимо отметить, что оказание общественностью помощи органам правопорядка не было новшеством, характерным для «оттепели», а имело давнюю традицию. Еще с середины 1920-х гг. советской властью был взят курс на активное привлечение населения к охране общественного порядка, поощрение инициативы граждан к созданию общественных формирований.

Следствием выполнения серии партийных постановлений о повышении роли общественности в борьбе с преступностью стала реорганизация системы общественных формирований при милиции. За основу реформы была взята инициатива, проявленная ленинградскими рабочими в ноябре 1958 г. по созданию добровольных народных дружин, ДНД начали формироваться по всей стране. И пока работа эта работа строилась на энтузиазме и не была сведена к формализму, дружинники оказывали реальную помощь милиции. Также создание народных дружин позитивно сказалось на профилактической работе.

В Карагандинской области была создана 641 добровольная народная дружина с общим числом дружинников свыше 84 тысяч человек. В 1962 г. при активном участии народных дружинников было пресечено свыше 400 уголовных преступлений, раскрыто около 250 преступлений. Кроме того, дружинниками задержано и доставлено в штабы дружин и органы милиции до 10 тысяч нарушителей общественного порядка. Наряду с дружинниками по охране порядка и борьбы с преступностью большую работу проводили общественные участковые уполномоченные, которых в области имелось в количестве 300 человек. В городах и районах области на охрану общественного порядка выходили ежедневно свыше 1000 дружинников. Отмечалось, что хорошо работали многие дружины в городах Караганде, Темиртау, Сарани, Балхаше, Джезказгане и т. д.

В городах Караганде, Балхаше, Джезказгане, Сарани, Темиртау и в ряде районов горкомами, райкомами и исполкомами городских и районных советов в 1960-1970-е гг. были проведены слеты дружинников, которые прошли под знаком дальнейшего улучшения работы дружин, повышения роли общественности в борьбе с преступностью и охране правопорядка. Вместе с тем в ряде мест, как отмечалось в документах, народные дружины были малочисленными, на охрану общественного порядка выходили в малом количестве, а в отдельные дни местами их и вовсе не бывало. Например, в городе Балхаше числилось более 4-х тысяч дружинников, а на дежурство ежедневно выходило не более 40-50 дружинников. Аналогичные факты имелись в других городах и районах области.

Кроме обеспечения правопорядка, еще одной важной сферой широкого привлечения общественности, была сфера судопроизводства. Создавались общественные товарищеские суды на предприятиях и учреждениях, в колхозах и при домоуправлениях, и на них рассматривались дела о нарушении трудовой дисциплины, появлении в общественных местах в нетрезвом виде, недостойном поведении и т.п. Наряду с усилением борьбы с особо опасными преступлениями больше стали принимать меры общественного воздействия на лиц, совершивших впервые менее опасные преступления. На обсуждение коллективов и рассмотрение товарищеских судов было передано в 1962 г. свыше 1000 дел и материалов [17]. За 1963 г. на предприятиях и учреждениях Карагандинской области работали 589 товарищеских судов, которые за 1962 г. рассмотрели более 3 тысячи материалов на нарушителей трудовой и производственной дисциплины, правил социалистического общежития [47, л.101].

Также одной из основных направлений профилактики преступности в городах Карагандинской области являлась политико-воспитательная работа, массово-агитационная работа на предприятиях, среди молодежи. Работники милиции проводили беседы и читали доклады в общежитиях, жилых массивах, на предприятиях и в учреждениях, мобилизуя общественность на борьбу с уголовной преступностью.

Как показывают архивные данные за 1957 г. проведено работниками прокуратуры области докладов и лекций среди населения по разъяснению советских законов – 333 против 249 в 1956 г. Лекции докладов прочитано по вопросам: о социалистической законности – 76; об охране социалистической собственности – 70; соблюдение закона о труде – 106; соблюдение Устава сельхозартели – 40 и т.д. [48, л. 19-20]. Такого рода мероприятий в отчетных документах фиксируется огромное количество. Но зачастую отмечались формальность и малоэффективность этих общественных институтов, все более частая замена принципа добровольности обязательным участием в них, а также растущая общественная апатия населения.

Несмотря на реализацию карагандинской милицией целого комплекса мер, направленных на решение поставленных задач борьбы с криминалом, существовал ряд причин, как объективного, так и субъективного характера, который не позволял остановить рост преступности в регионе, работать на опережение преступников и профилактику преступлений и заставлял путем корректировки отчетности занижать показатели преступности и демонстрировать эффективность работы милиции. Вовлечение в процессы борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, осуществления правосудия и попытка подменить ими профессиональную правоохранительную систему, давало временные и локальные положительные результаты, но не решило проблемы ни в масштабах региона, ни в масштабах страны.

Итак, в большинстве случаев причиной высокого уровня преступности являлась материальная и жилищная необеспеченность отдельных слоев населения, социальная апатия, подрыв веры в идеалы коммунизма, социальный пессимизм и т.п. Необустроенная повседневность горожан становилась одной из главных причин девиаций, приводила к созданию очагов социальной напряженности. Одной из причин, катализировавших всплеск преступности в 1950-1960-е гг., как отмечается в литературе, стала масштабность амнистии, темпы ее проведения привели к многочисленным ошибкам, так как выпущенные из различных тюрем, исправительно-трудовых лагерей особо опасные преступники вновь становились на путь совершения преступлений. В 1980-е гг. усилились разочарование в коммунистические идеалы, социальная инфантильность, потребленчество, желание обогащения за счет нетрудовых доходов. Кроме этого, на совершение

преступлений также зачастую толкали бытовая неустроенность, жилищные проблемы, безработица, тяжелый гнет социальной отверженности. Все это в совокупности и спровоцировало всплеск криминальной активности в 1950-1960-е гг., а затем и к середине 1980-х гг. Думаем, что в полной мере это относится к характеристике девиаций и преступности в городах Центрального Казахстана. В Карагандинской области доминировали следующие виды преступлений: убийства, разбой, изнасилования, тяжкие телесные повреждения, хулиганство, кражи государственного и общественного имущества, кража личной собственности граждан. Среди них самым массовым видом являлись хулиганство, хищения и кражи.

10.2. Преступность среди несовершеннолетних

Серьезной проблемой городской повседневной жизни являлась подростковая преступность. Городская повседневность характеризовалась большой скученностью, возможностью большего выбора в удовлетворении потребностей, интенсивностью общения, «территориальным» разъединением профессионального труда и досуга, резким ограничением визуального контроля за поведением подростков со стороны семьи, соседей, учебных и трудовых коллективов. Значительная часть подростков в неблагополучных семьях вообще была лишена такого контроля со стороны взрослых. Это, в свою очередь, объясняло состояние подростка, когда он предоставлялся самому себе, и, следовательно, мог попасть под отрицательное влияние своих сверстников или взрослых знакомых, вовлеченных в преступную или просто неблагополучную среду.

Статистика преступности среди малолетних правонарушителей свидетельствует о существовании этой проблемы в городах Центрального Казахстана. В 1956 г. органами прокуратуры и милиции было расследовано и направлено в суды 61 дело на 120 человек. Такое же количество лиц предано суду по делам о несовершеннолетних было и в 1955 г. В таблице 1 приведены данные о привлеченных к судебной ответственности по возрасту и по категориям преступлений за 1956 г.:

Таблица 1 – Количество преступлений в Карагандинской области, совершенных молодыми людьми в 1956 г. [10, л.60-61]

Возраст	Всего преступ-лений	хищ. гос. и общ.имущ.	кража личн. собственн.	умышленые убийства	телесные повреж-дения	за половые преступления
до 16	25	5	16	-	1	1
от 16 до 18	95	31	38	5	3	1

Как видно, наибольшее число несовершеннолетних были привлечены за кражи личного имущества граждан – 45%, за хищения государственного и общественного имущества – 3 %, за хулиганство – 12,4 %, за убийство привлечено 5 человек.

По Карагандинской области в 1956 г. органами милиции было задержано значительное число беспризорных и безнадзорных детей за хулиганство, «озорство» и другие нарушения. В течение года было задержано беспризорных 305 человек, в т. ч. сбежавших из детдомов 33 человека; сбежавших из школ – 30 и ремесленных училищ – 25 человек; из детских приемников и распределителей – 27 человек. За озорство и нарушение общественного порядка в течение года было задержано всего 2036 человек, в том числе 869 учащихся. Из общего количества задержанных беспризорных и безнадзорных детей органами милиции было направлено: на

трудоустройство – 55 человек; в детский приемник распределитель – 227 человек; родителям – 2114 человек; оштрафовано родителей за безнадзорность детей – 610 человек на сумму 35675 рублей. [10, л.61]

Состояние преступности среди подростков в 1960-х гг. в целом по республике вызывало озабоченность властей, рост преступлений среди несовершеннолетних наблюдался по тяжким видам. В 1962 г. подростками было совершено умышленных убийств 24, то время как в 1961 г. их было 20, убийств по неосторожности соответственно – 15 и 10, тяжких телесных повреждений – 59 и 42, изнасилований – 50 и 35, краж имуществ государственных объектов – 400 и 340, краж личной собственности граждан – 535 и 456, грабежей – 103 и 60 [17, л.12].

Как отмечалось в справках, рост тяжких видов преступлений, совершаемых подростками отмечался особенно в Карагандинской, Павлодарской, Алма-Атинской, Джамбульской, Актюбинской и некоторых других областях. К уголовной ответственности подростков в 1962 г. привлечено 1906 или 7,3%, в то время как в 1961 несовершеннолетних было привлечено 1655 или 6,3% к общему числу привлеченных. Одной из основных причин правонарушений со стороны несовершеннолетних являлась, по мнению властей, безнадзорность. В результате этого многие имели возможность проводить время по своему усмотрению, начинали хулиганить в общественных местах, употребляли спиртные напитки и наркотические вещества, занимались мелкими кражами, бросали учебу в школе и т.д.

В 1961 г. в детские комнаты милиции было доставлено детей и подростков за различные правонарушения 14189 человек, в 1962 г. – 15633 подростка, причем из них 10507 человек – учащихся школ. В опьяненном состоянии в 1961 г. было подобрано 2828, а в 1962 – 7195 подростков. [17, л.12]

За 1961-1963 гг. в трудовые колонии несовершеннолетних поступило 1885 чел. осужденных несовершеннолетних, в том числе: в 1961 г. – 849 чел., 1962 – 814 чел. и в 1 квартале 1963 г. – 222 человека. Кроме того, за злостное и систематическое нарушение общественного порядка за этот же период поступило в воспитательные колонии (неосужденных) 747 чел., в том числе: в 1961 г. – 469 чел., в 1962 – 215 чел. и в 1 квартале 1963 г. – 63 человека. В 1962 г. было привлечено к уголовной ответственности 1987 несовершеннолетних (на 13 % больше, чем в 1961 г.). [19, л.98]

В 1961-1963 гг. наибольшее количество подростков, содержащихся в колониях, прибыли из Алма-Аты и Алма-Атинской области – 20,3%, из Карагандинской – 13,7%, Кустанайской – 9,3% областей. Рассмотрим наиболее распространенные преступные проявления у подростков: поступило в трудовые колонии за 1961-1963 гг. 1885 человек: за умышленное убийство – 3,5%; за нанесение телесных повреждений – 6,4%; за разбой и бандитизм – 7,3%; за кражи и хищения – 57,4%; за хулиганство – 12,7%; за половые преступления – 3,7 %; прочие – 4, 0% [19, л.99]. Среди осужденных 32% школьников, 42% рабочих, не учащихся и не работавших – 26%, в детских воспитательных колониях содержится школьников 91%.

Таблица 2 – Количество подростков, содержащихся в колониях в 1960-е гг. в Казахской ССР [19, л.99]

	Трудовые колонии	Воспитательные колонии
Учились в школах Министерства просвещения	12 %	95,3 %
Учились в училищах профтехобучения	14,7 %	0,7 %
Работали	38 %	0,5 %
Не учились и не работали	35,3 %	3,5 %

Таким образом, из числа подростков, содержащихся в колониях в указанный период 35,6% ранее являлись учащимися школ Министерства просвещения (в воспитательных колониях 95,3%, в трудовых 12%). Содержащиеся в колониях подростки имели очень низкий образовательный уровень, несоответствующий их возрасту: отстали в учебе на 4 года и более 90,5% всего состава воспитанников, в том числе, отстали на 4 года – 16,2%, на 5 лет – 21%, на 6 лет – 23,5%, на 7 лет – 21,1%, на 8 лет – 12% [19, л.99]. В числе колонистов бывших пионеров – 97 человек, бывших комсомольцев – 62 человека, воспитанников детских домов и школ интернатов – 60 человек [19, л.100].

Весьма значительной в 1960-е гг. была безнадзорность детей, многие подростки употребляли спиртные напитки (в 1962 г. было доставлено в вытрезвители 4950 несовершеннолетних). Правоохранительные органы отмечают, что подростки «курят, сквернословят, ведут себя в общественных местах разнузданно, увлекаются иностранными фильмами, западными танцами». Причем увлечение западными фильмами считалось таким же значительным правонарушением, как хулиганство. «Многие из них не учатся и не работают, употребляют наркотики, занимаются мелкой спекуляцией, карманными кражами и совершают даже тяжкие преступления». [20, л.46]

Отмечены в справках и отчетах прокуратуры и органов милиции факты наркомании, в данный период такого рода материалы – большая редкость: «В республике большое распространение среди молодежи и несовершеннолетних получило курение анаши и употребление других наркотических веществ (но в документах преимущественно приведены примеры по г. Алматы и южным областям республики – З.С.). Только по г. Алма-Ате за последнее время работниками милиции выявлено более 500 подростков в возрасте до 18 лет, занимающихся курением анаши. В употреблении анаши замечены студенты вузов, учащиеся средних школ и школ профессионально-технического обучения, в том числе и комсомольцы» [19, л.122]. В 1950-1960-е гг. сведения о наркомании в Центральном Казахстане практически не встречается. Мы не утверждаем, что явление отсутствовало, однако материалов такого рода по региону нами не найдено, в 1980-е гг. это станет одной из болевых точек.

Чаще всего в материалах по детской преступности – сведений об учащихся профтехучилищ. «В Карагандинской области имелось много школ и училищ системы трудовых резервов. В этих учебных заведениях часто происходят случаи массовых беспорядков, выражающиеся в групповых драках, хулиганстве, а также в нападениях на работников милиции. Вот два примера. 28 января учащиеся горнопромышленной школы № 28 (гор. Караганда) в количестве 40-50 человек устроили дебош. Прибывшему на место происшествия дежурному наряду милиции учащиеся оказали физическое сопротивление: избили шофера Алексеева и милиционера Пенкина, побили в спецмашине фары, передние и роковые стекла, отобрали ключ от зажигания и пытались опрокинуть машину. Приехавшего в школу начальника Майкудукского поселкового отделения милиции т. Низамова также тяжело избили и отобрали у него личное оружие. 16 июня с.г. группа пьяных учащихся горнопромышленной школы № 12 в пос. Чурбай-Нура во главе с выпускником школы Левичевым ворвалась в общежитие стройуправления № 2, где проживают курсанты учебного комбината г. Караганды и нанесла четырем из них побои и ножевые ранения. Когда хулиган Левичев был задержан милицией, группа учащихся, примерно, около 70 человек пришла в поселковое отделение милиции и отобрала задержанного хулигана. Затем, возвратившись в клуб школы, учащиеся снова учинили массовый беспорядок, побили стекла и музыкальные инструменты, порезали портреты, избили директора школы. Эти и другие подобные факты можно

объяснить только крайней запущенностью воспитательной работы с учащимися, бездеятельностью администрации, воспитателей и комсомольских организаций школ». [49]

Итак, данные факты демонстрируют проявление групповой девиантности, как отмечалось, чаще всего у учащихся профессионально-технических училищ, училищ системы трудовых резервов и т.п. Такого рода материалы о групповой девиантности мы не обнаружили о студентах высших учебных заведений или о старшеклассниках в средних школах. Причины, как правило, лежат на поверхности: в ПТУ чаще обучались дети из неблагополучных семей или семей рабочих; уровень жизни в таких семьях был значительно ниже, воспитанием детей в таких семьях родители не занимались; школы с радостью избавлялись от таких «неблагополучных» детей.

Изучение детей, поступивших в приемники, показало, что они уходили из дому по следующим причинам: из-за недостаточного внимания к их воспитанию со стороны родителей (40,3%); из-за недостаточной материальной обеспеченности (28,7%); из-за стремления к путешествию (14%). Из общего количества детей, поступивших в детские приемники – пионеров 271 человек (25%), бежавших из детских домов и школ интернатов 50 подростков. За первый квартал 1963 г. зарегистрировано 319 подростков, бежавших из дому, привлечено к уголовной ответственности 532, больше на 117 человек против первого квартала 1962 г. [19, л.100]

Основными причинами роста безнадзорности, по мнению милиции, являлись: «Во-первых, недостаточный контроль школ и местных советских органов за выполнением закона об обязательном восьмилетнем образовании, в результате чего тысячи ребят ежегодно не охватывались школьным обучением, некоторые бросали учебу в школе без уважительных причин. Большое количество детей исключалось из школ. Только этим объяснялось, что среди несовершеннолетних правонарушителей оказалось 19,4% подростков, которые до поступления в колонию нигде не учились и не работали (в трудовых – 26,4%, в воспитательных – 8%). Во-вторых, слабая постановка воспитательной работы в некоторых школах. Многие учителя школ ограничивали свою деятельность работой в классе, т.е. уроками в соответствии с программой и мало занимались внешкольной работой, не изучали быт и условия жизни учащихся, не принимали мер к устранению недостатков в этих вопросах, в результате чего большинство подростков направлялись в воспитательные колонии по ходатайству педагогических коллективов школ. В-третьих, неупорядоченные семейно-брачные отношения супругов, вследствие чего в общем числе несовершеннолетних, содержащихся в колониях и поступивших в детские приемники, в 1963 г. оказалось: сирот 10%, детей, имеющих только мать – 40,1%, имеющих только отца – 5,6%. В-четвертых, слабый контроль за воспитанием детей в семье и отсутствие моральной ответственности родителей за это важное государственное дело. Многие воспитанники колоний для несовершеннолетних не имеют и отца, и мать (4,1%). Несмотря на то, что факты безответственного отношения к воспитанию подростков многочисленны и вызывали серьезную тревогу комиссии по делам несовершеннолетних; органы суда и прокуратуры не ставили вопрос перед родителями, школами, руководителями детских домов, предприятий и учреждений о их ответственности за воспитание детей». [19, л.100-101]

Работа с правонарушениями несовершеннолетних продолжала находиться под контролем властей и в 1970-е – 1980-е гг. Активно этими проблемами занимались детские комнаты милиции, куда доставляли детей и подростков, совершивших правонарушения или проявивших какие-либо формы девиантного

поведения. В 1971 г. по Карагандинской области в детскую комнату милиции было доставлено 1992 чел. Из них по городам и районам: гг. Караганда – 884, Темиртау – 363, Сарань – 150, Абай – 88, Шахтинск – 64, Балхаш – 101, Джезказган – 242. Из приведенных несовершеннолетних на учете уже состояли: в гг. Караганда – 529, Темиртау – 126, Сарань – 61, Абай – 34, Шахтинск – 44, Балхаш – 28, Джезказган – 75, то есть, от 30 до 60% приведенных в детскую комнату милиции правонарушения эти подростки совершили не в первый раз. В 1971 г. совершили преступления 56 нигде не учащихся и неработающих подростков в возрасте 14-15 лет: в гг. Караганда – 8, Темиртау – 16, Сарань – 1, Абай – 1, Шахтинск – 7, Балхаш – 1, Джезказган – 11. [50, л.275-276]

Отчеты фиксировали, что преступность несовершеннолетних в 1971 г. по сравнению с 1970 г. увеличилась на 10%, причем каждое пятое преступление было совершено подростком. Совершенные ими преступления становились все более тяжелыми. Например, если в 1970 г. несовершеннолетними было совершено 7 умышленных убийств, то в 1971 – 12, из них 8 – в г. Караганде, в том числе 5 – в Октябрьском районе. В г. Караганде из общего количества совершенных несовершеннолетними преступлений имеет место 42%, в г. Темиртау – 17 %. Отчеты показывали, что каждый четвертый, совершивший преступление – это учащийся ГПТУ. [50, л.278]

Статистика отделов народного образования свидетельствовала о том, что большинство правонарушений совершали подростки из неблагополучных семей, а также воспитывавшиеся без отца и/или матери. Всего на учете в детских комнатах милиции по Карагандинской области состояли 389 неблагополучных семей, из них было выявлено и поставлено на учет в I полугодии 1970 г. – 123. Причем ситуация принципиально не менялась годами. Например, в течение одного года на учете состояли 217 семей, в течение двух лет – 91 (42%), в течение трех и более лет – 81 семья (23,5%) [50, л.296]. Это означало, что от четверти до половины семей сохраняли нездоровый климат, неблагополучную обстановку, приводившую подростков на скамью подсудимых. В отчетах делался вывод: 44% всех неблагополучных семей состояли на учете два и более лет; это свидетельствовало о том, что профилактическая и воспитательная работа с этими семьями находилась на низком уровне [50, л.296]. Не согласиться с этими выводами невозможно.

Неблагополучных семей, состоявших на учете по Карагандинской области, где был 1 ребенок – 92, 2 детей – 100, 3 детей – 66, больше 3-х детей – 91; семей, где отсутствовал отец – 146, отсутствовала мать – 18, неродной отец – 42, неродная мать – 10 [50, л.296]. Достаточно высокий процент правонарушений подростками фиксировался в семьях, где были осуждены один или оба родителя. На учете в детских комнатах милиции состояло 8 семей – где оба родителя судимы, в 10 семьях был судим кто-либо из других членов семьи, проживавших совместно [50, л.297].

Карагандинским отделом народного образования была подготовлена аналитическая справка, в которой обозначены следующие причины неблагополучия в семьях: пьянство одного из родителей – в 177 случаях, пьянство обоих родителей – в 81, аморальное поведение родителей – в 96, болезнь, инвалидность одного из родителей, либо обоих – в 17, другие причины (жестокое обращение с детьми, разлад в семье, ссоры между родителями, уход из семьи одного из родителей и др.) – в 18 [50, л.297].

Неблагополучные семьи выявлялись детскими комнатами милиции области, в основном, по сообщению общественности (105 семей), непосредственно инспекторами детских комнат (82 семьи), и по сообщениям других частных лиц (98 семей). Значительно реже детские комнаты узнавали о таких семьях из сообщений

школ (56 семей). Детскими комнатами области по сообщению участковых инспекторов было выявлено 26 неблагополучных семей, по сообщениям работников ОУР и других служб милиции – 22 семьи. [50, л.297-298]

В 1980-е гг. ситуация с детской преступностью принципиально не изменилась. В г. Абае во II полугодии 1980 г. из осужденных 198 человек, 5 лиц было несовершеннолетних (2,5%), тогда как во II полугодии 1979 г. из 139 осужденных лиц – 16 человек несовершеннолетних (11,5%). В I квартале 1980 г. было осуждено 59 человек, из них 5 – несовершеннолетних (8,4%), в I квартале 1981 из 86 осужденных – 9 несовершеннолетних (14,6%), что также свидетельствовало о росте судимости несовершеннолетних. Из 14 осужденных подростков за II полугодие 1980 и I квартал 1981 – 4 учащиеся средних общеобразовательных школ; 4 учащиеся системы профтехобразования, 4 работающих на производстве и 2 человека не работали и не учились. Из осужденных несовершеннолетних за посягательство на личную собственность граждан осуждено 7 человек, за кражу соц. собственности – 1 и за половые преступления осуждено 6 человек. Из 14 осужденных подростков было подвергнуто к лишению свободы 11 человек, к условной мере наказания – 2 и с отсрочкой исполнения приговора – 1. [37, л.140]

В г. Шахтинске в 1981 г. на долю несовершеннолетних приходилось 17,6% преступности и 15,8% судимости. Из числа осужденных подростков: учащихся профтехобразования – 33 человека (67,3%), учащихся общеобразовательных школ 2 человека (4%), работающих на производстве 6 человек (12,2%), и 4 человека (7,7%) нигде не учились и не работали. [36, л.19]

В течение 1981 г. нарсудом Железнодорожного района г. Караганды было рассмотрено 10 дел в отношении 18 лиц, удельный вес осужденных несовершеннолетних к общему числу осужденных составил 18,4% в сравнении с тем, что за такой же период времени в 1980 г. было рассмотрено 11 дел в отношении 25 человек несовершеннолетних. Таким образом, судимость несовершеннолетних сократилась на 7 человек, или на 28% [37, с.23]. За 9 месяцев 1982 г. народным судом Кировского района г. Караганды рассмотрено 15 уголовных дел в отношении 19 несовершеннолетних, за аналогичный период 1981 г. было рассмотрено 16 дел в отношении 25 несовершеннолетних, т.е. больше на 1 дело и 6 лиц. [36, л.80]

Сократилась судимость подростков в г. Караганде (Ленинском районе – на 24,4%, Советском – на 31,1%, Железнодорожном – на 53,9%, Октябрьском – на 26,8%), г. Абае – на 60,8%. Судимость несовершеннолетних за 9 месяцев 1983 г., в сравнении с этим же периодом 1982, сократилась на 22,5% (с 443 до 343 несовершеннолетних), а преступность возросла на 18,6. Возросла судимость в г. Сарани (+16%) и Кировском районе (+21%). [35, л.4]

Отдел юстиции Карагандинского облисполкома фиксировал, что по изученным уголовным делам о несовершеннолетних в возрасте 14-16 лет (16,3% от всех осужденных), 79 человек из них (23%) составили от 16 до 18 лет. Абсолютное большинство осужденных несовершеннолетних являлись лицами мужского пола, девушки же составили 1,7% (6 человек). По роду занятий осужденные несовершеннолетние характеризовались следующими данными: работавшие – 5,5%, учащиеся общеобразовательных школ – 9,3%, учащиеся профтехучилищ – 19,8%, не работали и не учились – 4% (14 человек). [35, л.4]

Приведенные данные свидетельствовали о том, что наибольшее распространение преступности наблюдалось среди учащихся профтехучилищ и учащихся общеобразовательных школ. По изученным уголовным делам из 135 осужденных подростков 54 (40%) характеризовались отрицательно, 61 (60%) положительно. Из них на учете в инспекции по делам несовершеннолетних состояло 28 (20,7%), 14 ранее судимы (10,3%), 46 (34%) из них являлись комсомольцами. [35, л.5]

Положительные характеристики, данные по месту обучение 60% совершивших преступление подросткам, свидетельствовали о том, что, либо школы и ПТУ не осведомлены об истинном характере, поведении, нравственном облике своих учеников, либо отнеслись к предоставляемой ими характеристике достаточно формально; либо среда, окружение этих учеников способствовали тому, что барьер законности в сторону правонарушений был преодолен, и эти дети оказались вне внимания, поля зрения общественности, школы, родителей.

Из этих лиц осуждены за изнасилование – 5, тяжкие телесные повреждения – 2, кражу государственного имущества – 22, кражу личного имущества – 1, хулиганство – 11, прочие преступления – 24. Таким образом, 31,1% несовершеннолетних были осуждены за тяжкие преступления. Обобщение показало, что половина преступлений несовершеннолетних – групповые; из них 31 преступление (62%) совершено группами только несовершеннолетних и 19 (38%) с участием взрослых лиц. В основном, группами совершены изнасилования, хулиганство, грабеж, разбойные нападения. По изученным уголовным делам 9,6% осужденных имели полное среднее образование, 80% – неполное среднее образование, 10,3% – не имели 8-летнего и начального образования. [35, л.5]

В целом судимость несовершеннолетних в 1982 г. по сравнению с 1981 возросла на 0,7% (на 4 человека). Наибольшее количество несовершеннолетних в 1982 г. было осуждено народными судами г. Караганды: Ленинского района – 61, Октябрьского района – 48, Советского – 44, Кировского – 29 и Железнодорожного – 27. Всего по г. Караганде осуждено в 1982 г. 209 подростков или 38,9% всех осужденных несовершеннолетних. По г. Темиртау в 1982 г. осуждено 155 несовершеннолетних. Самые многочисленные правонарушения и преступления подростков приходились по региону на эти 2 города – Караганда и Темиртау – 66,1%, т.е. более половины всех осужденных несовершеннолетних по области. В г. Темиртау было осуждено 112 несовершеннолетних или 31,8%; в Темиртау каждый восьмой осужденный – подросток. В основном, несовершеннолетние были осуждены за кражу личного имущества граждан: в 1982 г. – 161 человек, за кражу государственного имущества – 111, злостное хулиганство – 73, изнасилование – 29, грабеж личного имущества граждан – 30 подростков. [35, л.70]

Народные суда области, отдел юстиции совместно с областным судом проводили определенную предупредительно-профилактическую работу как в целом по борьбе с преступностью, так и по борьбе с преступностью несовершеннолетних, и в отчетах мероприятия и работа такого рода фиксировалась. Но, как видим по статистике, она не была столь эффективной. Рост судимости несовершеннолетних продолжал расти в городских районах Караганды и Темиртау: Железнодорожном районе в 2,3 раза (8 против 3), в г. Абае в 2 раза (3 против 4), в Октябрьском районе на 76,1% (37 против 21), в Советском районе на 28,1% (41 против 32), в Металлургическом районе на 27,9% (55 против 43). [34, л.15]

Все эти факты в годы перестройки перестали умалчиваться и впервые об этом достаточно открыто стали говорить на различных совещаниях. Сложная ситуация с детской и подростковой преступностью в республике получила отражение и в партийных документах: регламентация всей общественной жизнью отражалась прежде всего в партийных директивах. Было принято постановление ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР № 258 от 23 июля 1985 г. «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению воспитательной работы и предупреждению правонарушений среди учащихся общеобразовательных школ республики», ход выполнения данного постановления и в учебных заведениях профтехобразования Казахской ССР рассматривался на заседаниях бюро и пленумах в ЦК КПК. В 1986 г. Госпрофобр Казахской ССР с целью улучшения воспитательной работы

и профилактики правонарушений провел ряд совещаний и семинаров. Но вывод на них был сделан неутешительный: в ряде училищ Восточно-Казахстанской, Кустанайской, Карагандинской и других областей не сложилась система работы по предупреждению правонарушений, 174 подростка совершили преступления повторно. Недостаточно проводилась работа по наведению дисциплины и порядка, т.к. каждое пятое правонарушение совершалось в период теоретических занятий и производственной практики. Совершение правонарушений учащимися в состоянии опьянения снизилось по сравнению с 1985 г. только на 50%. В работе по организации борьбы с наркоманией признавались серьезные недостатки, т.к. состояло на учете за хранение и употребление наркотических веществ 221, из них 162 подростка было задержано управлениями внутренних дел на транспорте, что дало рост на 31% данной категории учащихся. [51, л.85]

В середине 1980-х гг. несколько снижается подростковая преступность, в 1986 г. народным судом Октябрьского района г. Караганды было рассмотрено 44 дела в отношении 66 лиц несовершеннолетних, тогда как в 1985 – 77 дел в отношении 104 человек, т.е. судимость несовершеннолетних сократилась на 38 человек [41, л.118].

Но с 1987 г. новый всплеск, как и в целом общей преступности в СССР. В 1987 г. в Советском районе поступило 35 уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В отношении 32-х несовершеннолетних назначено лишение свободы, а 31 несовершеннолетним даны условные сроки без лишения свободы. Из осужденных 35 учащихся профтехучилищ: СПТУ-30 – 5, СПТУ-6 – 12, СПТУ-2 – 6, СПТУ-35 – 5, СПТУ-20 – 1, СПТУ-5 – 3, СПТУ-15 – 1. Осуждены учащиеся СШ № 5, 16, 37, 78, 58, 92 ,57. Не работающих, не учащихся несовершеннолетних осуждено 12 человек. [42, л.6].

Определенные меры, безусловно принимались, в частности, в гг. Караганде, Сарани, Темиртау, Абае, Шахтинске и др. были установлены единые дни по правовой пропаганде, проводились беседы и просмотры фильмов в кинотеатрах, встречи с работниками органов внутренних дел, юстиции, прокуратуры, суда. Уделялось внимание правовому воспитанию родителей, в документах отражены такие цифры: в 182 народных университетах педагогических знаний и 258 лекториях отзанималось около 90 тысяч родителей [51, л.86]. В регионе совместно с правоохранительными органами организована школа правовых знаний, стало традиционным проведение операции «Забота». На учет было поставлено 1312 подростков, склонных к правонарушениям, с ними велась индивидуальная работа. Большое внимание уделяется вопросам организации досуга школьников. В школах и внешкольных учреждениях области работало 600 спортивных и других секций с охватом около 90 тысяч учащихся. Летом 1987 г. 250 трудных подростков были направлены в студенческие строительные отряды, 880 – охвачены трудом и оздоровительными мероприятиями, остальные отдыхали в двух оборонно-спортивных лагерях. [51, л.84-86].

В Джезказганской области в работе с учащимися, состоящими на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, использовались возможности студенческих строительных отрядов. В 1987 г. в составе ССО трудились 45 подростков, что на 13 человек больше, чем в предыдущее лето. Созданные во всех городах и районах области советы воинов запаса включались в воспитательную работу со школьниками. Так, в г. Джезказгане в клубе «Союз», созданном на базе школы-интерната № 2 воином-интернационалистом А. Симошенко, школу идейно-нравственной закалки, физической и военно-технической подготовки проходили более 60 подростков. В области несколько улучшилась работа по месту жительства, действовали клубы выходного дня при школах, охватывавшие

62 тысячи учащихся, качественнее стали проводиться районные, городские и областные массовые мероприятия. [52, л.38-39]

Казалось бы, проводились весьма результативные мероприятия, однако отсутствие десятилетиями внимания к проблемам детских правонарушений и преступности, умалчивание этих болевых точек, зачастую несистемный и кампанейский характер мероприятий не давал ожидаемых результатов. И власть вынуждена это признать. В отчетах пишется, что проводимая работа не дала пока ощутимых результатов. Реализованный комплекс организационных мероприятий позволил в 1987 г. в целом по республике добиться снижения преступности несовершеннолетних на 1,9%. Уменьшение их числа отмечено в 10 областях на территории обслуживания трех УВДТ. На 5% уменьшилось количество преступлений, совершенных подростками в состоянии опьянения, незначительно – преступлений, совершенных в группах. [51, л.57]

Приведем ряд фактов и цифр по Казахской ССР, они позволят выявить общие тенденции по республике, типичные, в том числе и для центрально-казахстанского региона, и провести некоторое сравнение. В целом количество правонарушений среди учащихся школ увеличилось с 199 в 1986 до 272 (рост 37%) в 1987 г. Удельный вес лиц этой категории в общем числе привлеченных несовершеннолетних преступников в 1987 г. в сравнении с 1986 г. остался практически на одном уровне – 28,4% (в 1986 г. – 28,5%). В ряде областей (Алма-Атинской, Джамбульской, Джезказганской, Карагандинской, Мангышлакской, Семипалатинской, Талды-Курганской и Целиноградской) показатель детской преступности значительно увеличился. Учащимися школ в 1987 г. в сравнении с 1986 совершено изнасилований и покушений на них – 116 (1986 г. – 75), хищений государственного и общественного имущества – 551 (1986 г. – 483), краж личного имущества граждан – 1113 (1986 г. – 1074), грабежей – 202 (1986 г. – 177). Несколько снизилось за указанный период времени количество совершенных учащимися школ умышленных убийств и покушений на них – 9 (1986 г. – 10), умышленных тяжких телесных повреждений – 11 (1986 г. – 16), разбойных нападений – 36 (1986 г. – 39). [51, л.58]

Наибольшее увеличение наблюдалось, отмечалось в материалах фонда АП РК, в Актюбинской (на 9,2%), в Алма-Атинской (на 19,5%), в Джамбульской (на 76,3%), в Карагандинской (на 36%), в Мангышлакской (на 60%) областях. Одновременно с 28,4 до 28,6% возрос удельный вес в общем числе подростков, привлеченных к уголовной ответственности. В 1987 г. школьники участвовали в совершении каждой второй кражи государственного имущества, каждой третьей кражи личного имущества граждан, каждого четвертого изнасилования, грабежа, хулиганства, каждого пятого разбойного нападения, каждого шестого убийства. [51, л.58]

В сравнении с 1986 г. на 0,7% возросло количество учащихся школ, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. Удельный вес состоящих на учете учащихся школ составил 47,9%, а доставленных в ИДН – 48,8%. Одной из серьезных причин, влияющих на состояние преступности среди учащихся школ, являлось, как считали партийные органы, несвоевременное информирование органов внутренних дел администрациями школ об учащихся, склонных к совершению правонарушений, а также систематически пропускающих занятия без уважительных причин.

Именно во второй половине 1980-х гг. стали в КССР признавать и бить тревогу по поводу распространения наркомании среди учащихся школ республики. В 1988 г. на учетах в ИДН республики за эпизодическое употребление наркотических веществ состояло 275 школьников всех возрастов, из них 258 несовершеннолетних,

16 из которых признаны наркоманами. Безусловно, что это заниженные цифры, позволим предположить, что реальность в десятки, если не сотни раз, превышала официальные данные. Чиновники считали, что проводимые мероприятия профилактического характера позволили снизить количество подростков этой категории, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотиками, на 33,3%. Однако, отмечалось в отчетах и справках, данная тенденция являлась в основном следствием усиления предупредительной работы органов внутренних дел. Заинтересованные общественные организации и органы здравоохранения редко и не системно проводили малоэффективные меры в этом вопросе. Явно недостаточным являлось штатное количество подростковых врачей-наркологов, так, например, в г. Алма-Ате те был только 1 врач-нарколог, а состоявших на учете за употребление наркотиков подростков – 122. Не решали проблемы наркопостов в учебных заведениях, в основном созданных формально. В городах Центрального Казахстана решение этих проблем было еще на более низком уровне. Город Темиртау, который во второй половине 1980-х г. заработал крайне негативный имидж из-за массового распространения токсикомании и наркомании, в том числе, детской и подростковой, не вызывал ни активного беспокойства властей, ни решительных и эффективных мер по решению этих крайне болезненных и социально-опасных проблем. Как результат такого отношения – отсутствие раннего выявления склонных к наркомании, явное несоответствие количества наркоманов официальным данным – количеству состоящих на учете в наркодиспансерах, в поле зрения попадали подростки, уже пристрастившиеся к пагубной зависимости токсикомании и наркомании, крайне недостаточное количества мест для лечения. По-прежнему важной и проблемной зоной оставались детское пьянство и алкоголизм. Признавалось в отчетах, что все еще не на должном уровне проводилась среди учащихся школ работа по борьбе с пьянством и алкоголизмом, в результате чего количество школьников, подвергнутых мерам административного воздействия за приобретение спиртных напитков и появление в нетрезвом состоянии в общественных местах увеличилось на 299 человек или на 31,3%, а их удельный вес составил 21,6%. Но эти вопросы мы рассмотрим в следующем разделе.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Значительная часть правонарушений и преступлений подростками и молодыми людьми была совершена в состоянии алкогольного опьянения. Увеличение детской преступности в 1950-е – 1980-е гг. имело ряд проблем преимущественно социального характера. Причиной тому были бытовые и семейные проблемы, недостаточный контроль общества, школ и местных советских органов за трудными подростками, слабая постановка воспитательной работы в некоторых школах, неупорядоченные семейно-брачные отношения супругов, слабый контроль за воспитанием детей в семье и отсутствие моральной ответственности родителей, а также специфика переходного возраста,. Статистика свидетельствовала о том, что большинство правонарушений совершали подростки из неблагополучных семей (пьянство одного или обоих родителей, болезнь, инвалидность одного или обоих родителей, жестокое обращение с детьми, разлад в семье, ссоры между родителями, уход из семьи одного из родителей и др.). Пытаясь снизить рост подростковой и молодежной преступности в городских условиях, власти и общественные организации принимали меры, которые не всегда давали ожидаемый результат.

10.3. Пьянство, алкоголизм, наркомания

Наиболее распространенными видами девиации в городах Центрального Казахстана кроме преступности были пьянство и алкоголизм. Проституция и наркомания не были столь масштабными (до середины 1980-х гг.), как это проявлялось в других регионах или же сведения о них не фиксировались отчетах правоохранительных структур. Такие асоциальные проявления, как преступность и алкоголизм оказывали негативное воздействие на повседневную жизнь городов региона и были тесно взаимосвязаны.

Одной из постоянных и трудноразрешимых проблем советской девиантной повседневности являлось пьянство. Пьянство и злоупотребление алкоголем, являясь одним из наиболее негативных форм девиации разрушают семейные, служебные, социальные связи человека, приводят к деградации личности. Алкоголь был частью обрядности, сопровождающей человека на протяжении всей его жизни (рождение, свадьбы, юбилеи, похороны и др.). Пили в СССР по всякому поводу (радостному и горестному) и без повода, пили на все праздники – семейные профессиональные, государственные; пили везде – дома, во дворе, в гараже, на работе, на демонстрации, по телевизору; пили все – рабочие и руководители, пенсионеры и подростки, женщины и мужчины, пили много и всё – от одеколона до самогона. Поэтому борьба с пьянством в условиях сложившегося советского менталитета была связана с большими трудностями. В 1950-1960-е гг. в СССР стремительно увеличивалось потребление спиртных напитков: с 1,85 литра спирта на душу населения в 1950 г. до 6,7 литра в 1970 г. [53, с.27]. С 1955 по 1960 гг. потребление водки и ликероводочных изделий в расчете на 1 члена семьи в СССР возросло с 16,0 до 19,5 литров в год. С учетом же потребления вина потребление вино-водочных изделий увеличилось до 28,6 литров в год [54, с.109].

Государство на протяжении всего исследуемого периода заявляло о необходимости снижения потребления спиртного. С этой целью осуществлялись запретительные меры, меры воспитательного и профилактического порядка, направленные на пропаганду здорового образа жизни, внедрения «культуры потребления спиртного». Но государство всегда было заинтересовано в изготовлении и продаже алкоголя, являвшегося при советском режиме государственной монополии на спиртные напитки важным источником пополнения национального бюджета. Однако озабоченность повальным бытовым пьянством государство и власть проявляли. Властям приходилось лавировать между двойственными государственными интересами: с одной стороны, необходимость борьбы с массовым пьянством и алкоголизмом, с другой – продажа спиртных напитков значительно пополняла бюджет страны, это была значительная статья государственного дохода. Кроме того, запрещение или резкое ограничение продажи спиртного могло сказаться в многопьющей стране, как фактор социальной напряженности и дестабилизации, чего государство также желало избежать. В этих условиях понятно и объяснимо, что принятое постановление 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками» не публиковалось в газетах и оставалось закрытым.

Изучение причин высокого уровня преступности и нарушений общественного порядка показало, что одной из них является широкое распространение пьянства. В отчетах участковых милиции отмечено: «Не говоря уже о хулиганстве, которое почти на 100% связано с пьянством, на этой же почве совершаются и многие тяжкие преступления, особенно такие как убийства и изнасилования. Кражи, совершаемые работающими, также в ряде случаев является результатом того,

что отдельные лица на почве пьянства сближаются с уголовными элементами и, подпадая под их влияние, становятся на преступный путь». [55, л.43]

Между тем надлежащей борьбы с пьянством не велось; в городах, рабочих поселках и районных центрах не были ликвидированы его очаги, существующие под вывесками разных закусочных, буфетов и т.д. Следует отметить, что руководящие партийные и советские руководители признавали отсутствие должной борьбы с пьянством в стране, республике и регионе. Масштабы пьянства косвенно можно отследить статданным. Например, в г. Караганде за 1-е полугодие 1957 г. органами милиции было подобрано пьяных 3813 человек, из которых находилось в бесчувственном состоянии и пропущено через вытрезвитель 2905 человек. При населении в г. Караганде в 1959 г. численности в 382 927 человек, в милицию попал каждый 100-тый житель Караганды. Пьянство и непристойное поведение граждан горожанам приходилось встречать не только на окраинах, но и в центре Караганды, в столовых, кафе, ресторанах, администрацией которых, как писалось в отчетах, не выполнялось постановление Совета Министров и ЦК КП Казахстана от 30 ноября 1956 г. о запрещении допуска в общественные места лиц, находящихся в нетрезвом состоянии. [55, л.43]

В целом в СССР во второй половине XX в. было три крупные и активные антиалкогольные кампании: 1958, 1972 и 1985-1990 гг. Их содержание и результаты мы также рассмотрим в общем контексте исследования проблем пьянства и алкоголизма.

В 1958 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками», в котором был закреплен запрет продажи алкоголя несовершеннолетним и усилена ответственность продавцов за реализацию им алкогольной продукции. Запрещалась продажа водки во всех предприятиях торговли общественного питания (кроме ресторанов), расположенных на вокзалах, в аэропортах, на привокзальных и пристанционных площадях. Не допускалась продажа водки в непосредственной близости от промышленных предприятий, учебных заведений, детских учреждений, больниц, санаториев, в местах массовых гуляний и отдыха. Одновременно была ужесточена уголовная и административная ответственность за самогоноварение. Принятый в 1960 г. новый уголовный кодекс установил, что совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения является обстоятельством, отягчающим вину. Кроме того, этот УК впервые предусматривал возможность принудительного лечения от алкоголизма. Параллельно государство принимало меры по укреплению материально-технической базы наркологических служб. Наконец, в духе тех лет к борьбе с пьянством было решено подключить широкую общественность. [53, с.27-28]

Принятое в 1958 г. постановление № 1365 «Об усилении борьбы с пьянством…», стало отправной точкой в начале антиалкогольной кампании 1950-1960-х гг. Как писали исследователи: «это была не первая и не последняя попытка победить «зеленого змия» в СССР» [53, с.109] Одной из главных причин начавшейся антиалкогольной кампании была резко возросшая преступность и правонарушения. Судебная практика свидетельствовала, что абсолютное большинство преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения: 90% хулиганских действий, 70% убийств и нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилований и около 30% краж [53, с.110]. Пьянство негативно сказывалось и на экономических показателях, травматизме на работе, падении производительности труда и т.п. В 1960-х гг. в СССР принимается еще ряд постановлений и указов, связанных с борьбой с самогоноварением и другими спиртными напитками домашнего изготовления, ужесточением наказания за самогоноварение и т.д.

В 1958 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР по поручению бюро ЦК КП Казахстана разработал указ о борьбе с пьянством и вынес на «всенародное обсуждение». В коллективах трудящихся проводились лекции, доклады и беседы о вреде алкоголизма. Так, в Караганде за 2 месяца 1958 г. года было прочитано 50 таких лекций, в Темиртау – 29 и т.д. [56, л.140]. В клубах и домах культуры проводили вечера вопросов и ответов, показали 48 сеансов кинокартин «Злодейка с наклейкой» и «Береги сердце», эти фильмы были также показаны по телевидению. Выпускали листовки о вреде алкоголя тиражом 20 тыс. экземпляров. В общественных местах вывешивали красочные плакаты, в витринах магазинов – сатирические фото-окна. Однако люди пили и пили, как обычно много.

Периодически наводится порядок в торговле крепкими спиртными напитками. В городах изымали из продажи спирт и водку в магазинах, ларьках, расположенных в непосредственной близости к предприятиям, учебным заведениям, больницам, местам отдыха. Запрещали реализацию спирта и водки во всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов, находившихся вне мест отдыха. В Темиртау число магазинов, торговавших крепкими спиртными напитками, было сокращено до 7. Но все эти меры носили локальный, ограниченный и кампанейский характер. Государство в целом, как уже выше отмечалось, монополизировав торговлю спиртными напитками, имела эту статью в бюджете, как весьма прибыльную, и терпеть убытки из-за резкого ограничения продажи спиртного не собиралось.

Но кампании по борьбе с пьянством тем не менее велись: на предприятиях и стройках стали практиковаться открытые показательные судебные процессы над хулиганами и пьяницами. «Так, 26 февраля в клубе шахты №101 гор. Сарани состоялся такой процесс над тремя молодыми рабочими, которые в пьяном состоянии учинили драку в красном уголке, где проходил комсомольско-молодежный вечер. 11 марта на рабочем собрании был обсужден начальник участка управления «Стальконструкция» гор. Темиртау т. Ретинглер за организацию коллективной пьянки с рабочими в столовой. По решению рабочего собрания администрация объявила ему строгий выговор. Органам здравоохранения в городах и селах было поручено взять на учет лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и организовать принудительное их лечение. В городах и районах вскрывались факты самогоноварения, производства браги, домашнего пива. [56, л.140]

При этом, как показали обследования, в числе пьющих социальных групп преобладала молодежь.

Одной из выявленных исследователями тенденций стал не просто высокий, но растущий во второй половине 1960-х гг. уровень пьянства среди несовершеннолетних. При этом наметилась в СССР опережающая динамика алкоголизации подростков по сравнению с взрослыми: с 1964 по 1968 гг. количество доставленных в вытрезвители взрослых увеличилось в 0,8 раза, а несовершеннолетних – в 2,5; это означало, что пьянство «помолодело»: Минздрав СССР зафиксировал в период 1964-1967 гг. десятикратный рост заболеваемости хроническим алкоголизмом у детей до 14 лет [53, с.28-29]. Анкетирование учащихся старших классов позволило установить, что более половины из них, хотя и не достигли совершеннолетия, уже пробовали спиртное, а 39% признались, что употребляют алкоголь «эпизодически» и что не видят ничего зазорного в том, чтобы отмечать праздники и значимые события со спиртным. Еще более неблагополучная картина складывалась среди нигде не работающих и не учившихся подростков и учащихся ПТУ. В молодежной среде в 1960-х гг. к выпивке относились как к норме, считая ее типичной формой проведения досуга. При этом денег на покупку спиртного подросткам не хватало: и, как следствие, по статистике 40% подростков, совершивших кражи, и половина

уличенных в грабежах и разбойных нападениях шли на преступление с целью добычи спиртного или денег на его приобретение.

Советская статистика скрывала результаты исследований, так как они могли дискредитировать систему. Но показатели были удручающими: среди «трудных» подростков, состоящих на учете в детских комнатах милиции, 50-55% систематически выпивали; среди совершивших преступления доля пьющих подростков еще выше – 84%, причем 29% из них начали употреблять спиртное в возрасте до 14 лет. Неудивительно, что около 40% подростков в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения. [53, с.28]

Притом, что взрослые на словах осуждали молодежь, в пьяном угаре идущую на преступления, исследование показало, что на деле именно они не только показывали подросткам дурной пример, но также покупали им спиртное и приобщали к выпивке. Совместное с взрослыми распитие спиртных напитков получило распространение не только в подворотнях, но и во многих семьях и в трудовых коллективах. В глазах несовершеннолетних взрослая жизнь, к которой они стремились, во многом ассоциировалась с доступностью алкоголя, и поэтому запретный плод казался сладок. Несмотря на наличие в уголовном кодексе соответствующих санкций, в Москве в 1967 г. за спаивание подростков было привлечено к ответственности только 4 взрослых [53, с.28]. В архивах подобных данных ни по Казахстану, ни по Караганде мы не встретили.

Нами в фонде Прокуратуры СССР в ГАРФ были обнаружены любопытные материалы: результаты первого отечественного исследования алкоголизации советской молодежи и связи алкоголизма с преступностью, проведенного в течение 1967-1968 гг. Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР. Данное исследование проводилось сотрудниками сектора № 2, который назывался «Сектор по изучению причин и разработке мер предупреждения преступлений несовершеннолетних». [57, л.68]

Само по себе создание подобного специализированного сектора, а также поступление заказа на данное исследование свидетельствовали о том, что к середине 1960-х гг. власть не только была обеспокоена проблемами молодежной преступности в СССР, но и нуждалась в получении объективной информации и предложениях ученых. Сотрудники сектора использовали, сравнивая информацию сразу из нескольких источников, в том числе созданных разными ведомствами, которые частично пересекались и дополняли друг друга. Естественно, все данные, на которых строилось исследование, носили закрытый характер. Это, во-первых, статистическая отчетность МВД СССР о несовершеннолетних, задержанных и помещенных в вытрезвитель в 1964-1968 гг.; во-вторых, отчетность Минздрава СССР за 1965-1967 гг. о детях в возрасте до 14 лет, заболевших алкогольным психозом и хроническим алкоголизмом; в-третьих, статистика МВД СССР 1966-1968 гг. о подростках, совершивших преступления в нетрезвом виде. Четвертым источником стали выборочные данные МВД по несовершеннолетним, доставленным в вытрезвители, отделения милиции, детские комнаты милиции в связи с алкогольным опьянением. Также исследователи обращались к статистике Института психиатрии АМН СССР об употреблении спиртного детьми, состоящими на учете в детских комнатах милиции, в также на данные Московского городского психоневрологического диспансера для детей и подростков, куда ставились на учет несовершеннолетние алкоголики. Наконец, важным дополнительным источником оказался анонимный анкетный опрос, проведенный сотрудниками сектора № 2 Института среди 16-17-летних старшеклассников одной из школ (всего было

опрошено 168 подростков) с целью выяснения распространенности среди них употребления спиртного [57, л.68].

Проведенный анализ статистических показателей дал основание сделать предварительный вывод о наибольшей распространенности этого явления в РСФСР и трех Прибалтийских республиках. В Казахстане это явление имело место быть, но в несколько меньшем масштабе, чем в вышеназванных республиках. Недостатки системы статистического учета не позволили получить точные сведения о реальном уровне распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. Проведенные с целью выяснения этого вопроса выборочные исследования дали следующие результаты:

а) среди доставленных в детскую комнату или дежурную часть отделений милиции несовершеннолетних одна треть была задержана либо за пребывание в общественных местах в нетрезвом виде, либо покупку спиртного. В вытрезвитель эти подростки в большинстве случаев не доставлялись.

б) среди подростков, помещенных в вытрезвитель, работающих было 70%, тогда как их доля в общей численности населения возраста 14-17 лет не превышала 15%. Применительно же к учащимся Министерства просвещения соотношение этих показателей противоположное.

в) доля школьников, эпизодически употребляющих спиртные напитки, была равна 39%, среди правонарушителей она увеличилась более чем в 2 раза (80%). При этом меняется характер употребления, оно уже становится систематическим. [57, л.67-68]

Изучение динамики явления за период 1964-1968 гг. показало увеличение количества несовершеннолетних, помещенных в вытрезвитель в расчете на 10000 подросткового населения, на 120 %. Помимо этого, с 1962 г. почти наполовину выросла доля подростков, совершивших преступления в нетрезвом виде, и число несовершеннолетних, признанных хроническими алкоголиками. Приведенные данные дают основание предполагать увеличение распространенности изучаемого явления и рост влияния его на преступность. [57, л.68]

Изучение непосредственных причин и условий распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними показало, что более чем в половине случаев на них отрицательно влияла семья, 40% – товарищи. Нередко вовлекали в пьянство несовершеннолетних взрослые – знакомые, товарищи по работе. Распространенности употреблению спиртных напитков среди несовершеннолетних способствовали недостатки работы школы, слабое проведение антиалкогольной пропаганды средствами массовой информации, особенно ориентированными на молодежь [58, с.323].

Сотрудниками сектора № 2 делался вывод о том, что проблема профилактики молодежной преступности и алкоголизма лежит во многом в области общей культуры, укоренившихся традиций и обычаев, общественных представлений, которые складывались столетиями и не могли быть изменены в одночасье. В их числе представление о том, что без обильных «возлияний» немыслимы дни рождения и юбилеи, праздники, свадьбы, проводы в армию и поминки; что получение первой зарплаты, новой квартиры, очередного звания, должности или рождение ребенка и прочее, и прочее обязательно должно «обмываться».

Помимо родителей и окружения, как выяснилось, важную роль в «легитимации» алкоголя в подростковой среде играли СМИ. В них отсутствовала запоминающаяся и убедительная пропаганда трезвого образа жизни. Зато привлекательное описание употребления популярными актерами и героями разной алкогольной продукции вызывало стремление приобщиться к бутылке. Сотрудники Института не ограничились констатацией фактов, а предложили конкретные меры, направленные

на борьбу с подростковым пьянством. Их предложения касались не только правоохранительных органов, но и Министерств просвещения, здравоохранения, а также общественности. Важно было для начала выявить, поставить на учет и приступить к лечению регулярно пьющих детей и подростков, что было невозможно без усиления материально-технической базы наркологических служб и предоставления им полномочий по регулярному медицинскому обследованию несовершеннолетних. Милиции предлагалось также ужесточить меры к взрослым, спаивающим подростков, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности.

В 1970-е г. в СССР шел процесс роста злоупотребления алкоголем, что представляло серьезную угрозу для общества. Пьянство и алкоголизм, относящиеся к числу наиболее распространенных негативных социальных проявлений советского общества, способствовали росту преступности и девиантности в стране и республике. Продажа населению алкогольных напитков через государственную и кооперативную торговлю в 1970-х гг. постоянно увеличивалась. Период брежневского правления в народе часто называли не столько «застойным», сколько «застольным» [59, с.142]. Пьянство в СССР приняло массовый характер. В него были вовлечены все слои населения, включая партийно-советскую номенклатуру, силовые структуры, интеллигенцию.

Если просмотреть советские фильмы брежневской эпохи, в абсолютном большинстве из них есть сцены, где герои выпивают или пьют, причем, как правило, это либо обычные будни советских работяг или колхозников (в таких сценах, как правило, граненый стакан, бутылка водки, банка с солеными огурчиками), либо рабочий кабинет партийно-советской элиты (это бутылка коньяка, хрустальный бокал, лимончик), либо застолье советской богемы со стихами и гитарой (это застолье с разными видами спиртного) и т.п. И расхожие фразы из замечательных советских комедий, типа «с утра не пьют только язвенники и трезвенники», четко демонстрируют отношение общества к непьющим. Непьющий человек в глазах общества либо имеет оправдание как «язвенник» (народ), либо имеет изъян, недостаток – «трезвенник». Расхожая фраза из самого популярного советского кинофильма «Бриллиантовая рука» (1968 г, режиссер Л. Гайдай) «За чужой счет пьют даже язвенники и трезвенники» демонстрировала отношение к спиртному простого советского человека. Наиболее распространенная фраза среди мужского населения советской страны – «Пиво без водки – деньги на ветер».

Еще один из самых популярных советских фильмов «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» – фильм режиссёра Э. Рязанова, созданный в 1975 г. и впервые показанный в СССР 1 января 1976 г. Аудитория только первого показа оценивалась в 100 миллионов зрителей, фильм демонстрировался практически ежегодно перед каждый Новым годом, гениально отражая очень многие особенности советской эпохи, в том числе, и пьянства в СССР. Весь сюжет фильма выстроен на истории новогодней ночи главного героя Жени Лукашина (врач-хирург, достаточно положительный персонаж), который по сложившейся традиции 31 декабря отправляется с друзьями в баню, там они изрядно выпивают, а потом пьяные друзья отправляются в аэропорт и по ошибке сажают пьяного героя в самолет, летящий в Ленинград. И вся страна понимает, что эта история содержит вполне реалистичные сцены. Непьющий человек в советском рабочем коллективе вызывал подозрение, как потенциальный «сексот» (секретный сотрудник), возможный доносчик. Выпивающий человек в советской стране – это обычный среднестатистический персонаж, пьющий регулярно – не исключение из правил. Причем обе категории не считались ведущими нездоровый образ жизни.

Если проанализировать материалы продажи спиртных напитков с СССР в целом в 1960-1970-е гг., прослеживается тенденция к росту этой продукции в разы.

Таблица 1 – Продажа в СССР алкогольных напитков (млн. декалитров) [59, с.143]

Алкогольные напитки	1960 г.	1970 г.	% 1970 г. к 1960 г.
Водка и ликеро-водочные изделия	144,1	230,4	159
Вино виноградное	69,9	273,9	392
Вино плодово-ягодное	20,7	47,7	230
Коньяк	1,5	4,6	306,6
Шампанское	2,8	6,8	243
Пиво	251,9	421,1	167

Из таблицы можно проследить, что за десятилетие продажа водки и ликероводочных изделий выросла почти в 1,6 раза, виноградного вина – почтив 4 раза, плодово-ягодного вина – в 2,3 раза, коньяка – более чем в 3 раза, шампанского – почти в 2,5 раза, пива – почти в 1,7 раз.

Алкоголизм приобрел в СССР, как пишут исследователи по истории советской повседневности, «чудовищные размеры». Некоторые цифры по отдельным республикам, действительно, весьма значительные. По статданным, в Литве (в одном из районов) на 1 жителя приходилось в среднем 8 литров водки, в 1973 – 28,5 литров. В 1973 г. каждый житель этого района потратил на водку 230 рублей, а на книги – 3 рубля. В 1974 г. в СССР к суду было привлечено 60 тысяч водителей за вождение автотранспорта в «нетрезвом виде». По непроверенным данным зарубежной печати 40% советского населения страдало алкоголизмом, 20% – неизлечимо [59, с.144]. Не думаем, что эти цифры точны, но что пьянство было одной из серьезнейших проблем в советской стране – это неоспоримо.

Авторы, занимавшиеся «питейной» проблемой, отмечают, что важной особенностью алкогольной ситуации брежневского периода было потребление спиртных напитков, как неотъемлемой черты образа жизни практически всех социальных групп и слоев населения. Зависимость от алкоголя была характерна и для бомжа, и для рабочего, и для чиновника высокого уровня. Философ А. Зиновьев считает, что «пьянство упрощало все наши отношения, сокращало все процедуры общения, умеряло карьеристские устремления и служебное рвение. У нас вели ожесточенную борьбу с пьянством, но вряд ли искренне. У нас все инстинктивно чувствовали, что прекращение пьянства сделало бы нашу жизнь еще более кошмарной» [60].

Проблема пьянства в стране обострилась в середине 1960-х гг., когда процесс общественного развития замедлился, а идеологический вакуум заполнился цинизмом и апатией. Свою роль в распространении пьянства играла, считает автор, терпимость к пьющим людям, а также СМИ. В начале 1980-х гг., как показали наблюдения, большая часть фильмов, демонстрировавшихся по центральному телевидению вечерами, содержала сцены употребления спиртного, герои кинофильмов редко обходились без веселых застолий. Дети с раннего детства знакомились с застольной культурой. К примеру, в детских садах получил распространение обычай отмечать дни рождения. Причем торжество проходило, как у взрослых: было что выпить (напиток «Буратино») и было чем закусить, были тосты и чоканье. С возрастом бутылки с «Буратино» заменялись другими, а процесс приобретения индивидуального знания о свойствах алкоголя был значительно облегчен. Дни шахтера, рыбака, строителя, Военно-морского флота, Военно-воздушных сил – все без исключения становилось поводом для официальных торжеств-выпивок. Главное, что сплачивало людей в эти дни, – всевозможные застолья. А выпивки 1970-х гг. без какого-либо повода вообще не поддавались учету, это был «праздник, который всегда с тобой». Для большинства

людей трезвость не была ценностью, преимуществом перед пьянством. Нигде не ощущалось всеобщего осуждения и презрения к пьяницам. [60]

Нельзя не согласиться с данным автором по оценке общественного мнения к пьянству и застольных традиций в СССР. В Казахстане во многом повторялись общесоюзные проблемы, в том числе, и по проблеме пьянства. Но в Казахской в целом пили меньше, чем в других республиках: Прибалтике, РСФСР, Украине; статистические данные, материалы интервьюирования и воспоминаний казахстанцев говорят об этом. Однако пили и пили немало, особенно в рабочей среде, в рабочих районах.

Интервью с горожанами подтверждает, что пили немало, однако анализ двух интервью позволяет выявить, насколько различной была оценка состояния пьянства среди горожан даже внутри одной семьи. Опрос супругов Иманкуловых показал, что даже малопьющий мужчина, передовик производства, работавший начальником участка М.Р. Иманкулов (1939 г.р.), считает, что пьянство не было распространено в Караганде и среди шахтеров в том числе. Он рассказывает: «Не скажу, что в советское время много пили. На рабочих местах, на производстве пьянства не было, за этим строго следили, нарушивший эти правила шахтер мог потерять работу, поэтому никто и не рисковал. Я работал на шахте №22 им. 50-летия Октябрьской революции, будучи начальником участка, знал ситуацию на всех 50 участках. На работе шахтеры не пили. Может и были единичные случаи, но это было ЧП, так как пьяный человек под землей представлял опасность и угрозу для жизни многих. В день получки, конечно, выпивали, но не на работе. Была возле шахты пивная, пили обычно там. Пили по праздникам, на свадьбах, юбилеях. Кроме того, обычно пили раз в неделю, почти всегда в пятницу. Чаще всего в компании, не на квартирах, да и в рестораны не ходили, пили в пивных. Но старались пить «не до потери чувств», так как можно было «загреметь» в милицию или вытрезвитель. А этого никто не хотел, оттуда все сведения сообщали на производство, это грозило неприятностями на работе. Нормальные работяги рисковать не хотели» [45]. Е.А. Иманкулова (1940 г.р.): «Пьянство было распространено, пили много и часто. Шахтеры пили много, каждые выходные, но чаще всего дома, в быту. На работе не пили. Пьяные на улицах не валялись. Милиция работала хорошо, реагировала быстро. Пьяных забирали в вытрезвитель. Повального алкоголизма в Караганде не было. Не было его среди наших родственников, друзей и даже соседей. У нас был 40-квартирный дом, и я не знаю ни одной семьи алкоголиков. Мы жили в центре города, основная часть жителей были или интеллигенция, или ИТР, были и рабочие семьи. Но в частных секторах, в чисто рабочих районах, конечно, пили больше. Когда началась антиалкогольная кампания в 80-х, были введены талоны на покупку водки, появились ограничения по времени на продажу спиртного. Тогда помню бешеные очереди и давки за водкой в магазинах. Мой муж не пил водку, только бутылочку пива позволял себе. Поэтому в нашей семье не было таких проблем». [46]

Архивные документы позволяют отследить состояние пьянства и алкоголизации определенной части горожан Центрального Казахстана. Народными судами Карагандинской области за 10 месяцев I970 г. рассмотрено 144 материала в отношении 144 человек. Изучение личностей «злостных пьяниц» показало, что 90% алкоголиков являются лицами старше 30 лет. Из 143 человек, на которых органами милиции были оформлены материалы как на злостных пьяниц, судами области направлено в ЛТП – 138 человек. На принудительное лечение направлено 76 рабочих, 19 служащих, 43 не работающих. 4 человека были исключены из рядов КПСС за злоупотребление спиртными напитками и нарушение трудовой дисциплины. В ЛТП направлялись только лица мужского

пола, из числа направленных на лечение ранее лечились в ЛТП от алкоголизма 9 человек, в психоневрологических диспансерах 18 человек. Наибольшее количество материалов о злостных пьяницах рассмотрены народным судом Советского района г. Караганды – 48 материалов, г. Темиртау – 21, г. Джезказгана – 22, г. Сарани – 12, г. Абая – 12, Ленинского р-на г. Караганды – 9, г. Балхаша – 7, г. Каркаралинска – 4, Кировского р-на г. Караганды – 4, Октябрьского р-на г. Караганды – 1. [61, л.1]

Власть была встревожена ростом пьянства в стране. Согласно «моральному кодексу строителя коммунизма» человек, строящий развитой социализм, не должен быть иметь такого рода порочные привычки. Пьянство критиковалось, н ни в одной общественно-политической публикации, ни в одном СМИ не акцентировалось, что пьянство – это не просто девиации, а еще и, как правило, внутреннее сопротивление, внутренне неприятие действительности и советской повседневности. В Советском Союзе было установлено, что среди взрослого населения количество алкоголиков составляло 3-4 %, пьяниц – 9-11 %, умерено пьющих – 70-74 %, выпивающих в исключительных случаях – 6-7 %, абсолютных трезвенников – 3-4% [60].

Следующая антиалкогольная кампания началась с публикации постановления «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 16 мая 1972 г. По нему предполагалось сократить производство крепких алкогольных напитков, но взамен расширить производство виноградного вина, пива и безалкогольных напитков. Также были повышены цены на спиртное; прекращено производство водки крепостью 50 и 56 градусов; время торговли алкогольными напитками крепостью 30 градусов и выше было ограничено промежутком с 11 до 19 часов; были созданы лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), куда людей отправляли принудительно; из фильмов вырезали сцены с употреблением спиртных напитков. Лозунг кампании «Пьянству — бой!» стал активно тиражироваться со страниц газет, журналов, тема пьянства становилось частой темой фельетонов, сатирических листовок-молний, тележурналов и т.п.

В 1972-1975 гг. в СССР и Казахской ССР принимается ряд указов и постановлений по борьбе с пьянством. В частности, Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 3 июля 1972 г. «О мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом», постановление ЦК КПСС от 20 января 1975 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», постановление ЦК КП Казахстана от 11 февраля 1975 г. по этой же проблеме. В Архиве Президента РК имеется дело, в котором сохранилась информация о ходе выполнения Карагандинской областной партийной организацией Постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Данный материал позволяет не только проанализировать проблемы, связанные с пьянством, но и действия общества, учреждений, силовых структур по борьбе с алкоголизмом, пьянством и последствий, связанных с этими явлениями. В частности, Карагандинский обком партии на бюро в 1973 г. обсудил вопрос «О работе Темиртауской городской партийной организации по укреплению правопорядка, трудовой дисциплины и усилению борьбы с пьянством», Карагандинский горком партии – «О деятельности Ленинского и Советского райкомов КП Казахстана по выполнению Постановления ЦК КПСС от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», Кировский райком партии – «О работе партийной организации медико-санитарной части комбината «Карагандауголь» по пропаганде здорового быта и борьбы с алкоголизмом среди трудящихся шахт района», партком треста «Казметаллургстрой» – «О работе объединенного построечного комитета треста по укреплению трудовой дисциплины и борьбе с пьянством и алкоголизмом» и многие другие [62, л.1]. Безусловно, что многие из запланированных и выполненных

мероприятий этих совещаний носили весьма формальный характер и лишь фиксировались в отчетной документации. Но превентивные, профилактические мероприятия пусть даже не в таком объеме, как отслежено в документах, но все же имели место быть. Лабораторией социальных исследований Высшей школы МВД СССР г. Караганды изучены причины правонарушений и пьянства среди молодежи, были разработаны мероприятия по их искоренению. Детские комнаты милиции стали уделять внимания индивидуальной профилактике молодежи, на профилактический учет в 1972 г. было взято свыше 1400 неблагополучных семей против 582 в 1971 г. [62, л.5].

Работниками органов внутренних дел области совместно с дружинниками в 1973 г. было подобрано с улиц, общественных мест 32418 человек, в 1974 г. – 35344 человека находящихся в нетрезвом состоянии; из них помещались в медвытрезвители соответственно 31018 человек, что на 2156 человек больше, чем в 1973. Органами милиции было выявлено и взято на учет 1378 человек хронических алкоголиков (1,2% населения области), что больше, чем в 1973 г. на 647 человек. Из этого количества взятых на учет хронических алкоголиков 241 человек были направлены в лечебно-трудовой профилакторий, с остальными было организовано амбулаторное лечение в учреждениях здравоохранения [62, л.5]. Сравним показатели по области с республиканскими цифрами. По данным органов здравоохранения республики на учете состояло 217 тыс. человек, страдающих хроническим алкоголизмом (1,3% населения республики), общесоюзные цифры в 2,3-3 раза больше, чем казахстанские цифры (в СССР, как отмечалось выше, количество алкоголиков составляло 3-4 %). Курс добровольного лечения в КССР ежегодно проходили около 40 тыс. человек [63, л.24]. Наркологическую помощь населению оказывали 29 специальных диспансеров и больниц на 7230 коек, 62 отделения при промышленных предприятиях на 4280 мест. При Республиканской наркологической больнице был открыт организационно-методический консультативный отдел [63, л.24]. Но эти меры не останавливали рост пьянства и алкоголизма.

Во исполнение принятых постановлений партийные и государственные ведут определенную работу, которая периодически отражается в отчетах по вертикали. Рассмотрим некоторые из них. Стали проводиться рейды по борьбе с пьянством, антиобщественными проявлениями среди молодежи и по выявлению нарушителей правил торговли спиртными напитками. Всего по Карагандинской области в 1973 г. было проведено 359 рейдов, в том числе по проверке организации досуга молодежи в учебных заведениях и по месту жительства – 86, по установлению безнадзорных детей – 189, по установлению неработающих и не учащихся – 75. Активизировалась противоалкогольная пропаганда, организовывались встречи бывших пациентов с лицами, злоупотребляющими спиртными напитками. В 1974 г. было прочитано 1453 публичных лекций, 199 радиолекций, проведено 16994 беседы, 3 тематических вечера, 25 выставок, 2 телепередачи, 101 кинодемонстрация о вреде алкоголя. В лечебных учреждениях и на предприятиях оборудовано 90 сануголков, выпущено около 600 санитарных бюллетеней. [64, л.4-5]

Административные органы области, выполняя Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, стали жестче применять административные меры воздействия против лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, улучшили профилактическую работу. За 1974 г. привлечено к административной ответственности за употребление спиртных напитков в неположенном месте, появление в общественных местах в состоянии опьянения 24338 человек, это больше по сравнению с 1973 г. на 4622 человека. Из этого количества переданы материалы на рассмотрение общественности на 5239

человек (в 1973 г. - на 269 чел.), оштрафовано 13751 человек на сумму 120568 руб., из которых взыскано 102104 руб., или 84,6%. Активизирована предупредительно-профилактическая работа. Только работниками органов внутренних дел проведено 3256 бесед на антиалкогольные темы (в 1973 г. – 1739 бесед), организовано ими 154 выступления по радио и телевидению, опубликовано в печати 219 статей, выпущено 222 фотовитрины, проведено с участием общественности 574 рейда.

В 1974 г. продолжалось упорядочение торговли спиртными напитками, количество магазинов по продаже напитков крепостью 30 градусов и выше уменьшено в системе государственной торговли на 4 и составило 308, и, наоборот, возросло количество торговых точек по продаже напитков крепостью до 30 градусов с 295 до 297, по продаже безалкогольных напитков – с 782 до 786. В 1974 г. в системе госторговли значительно уменьшилась реализация вино-водочных изделий крепостью 30 градусов и выше, так водки продано 792,4 тыс. декалитров (в 1973 г. – 848,8 тыс. декалитров), коньяка – 26,9 тыс. декалитров (в 1973 г. – 33,2 тыс. декалитров). Безалкогольных напитков было продано 1517 тыс. декалитров против 1350 тыс. декалитров, пива соответственно – 3380 тыс. декалитров, против 3350, вина – 2061,6, против 1522,7 тыс. декалитров в 1973 году. [62, л.5-6]

Карагандинским облздравотделом были разработаны и последовательно осуществлялись мероприятия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, были введены в штаты райбольниц должности фельдшеров-психоневрологов, в гг. Абае, Шахтинске – врачей-психиатров, для которых ежегодно проводились семинары по вопросам алкоголизма и наркомании. За 1974 г. было госпитализировано 1027 алкоголиков, 1520 человек получали курсы повторного и купирующего лечения. [62, л.5]

Адморганами направлено для рассмотрения на комиссиях исполкомов местных Советов депутатов трудящихся 72 материала в отношении работников торговли и общественного питания, нарушающих правила торговли спиртными напитками. Привлечено к уголовной ответственности 69 человек (в 1973 г. – 59 чел.) за незаконное изготовление, хранение и сбыт спиртных напитков.

В отчетах зафиксировано, что Советы общественности, организованные при детских комнатах милиции и комиссии по делам несовершеннолетних проводят большую профилактическую работу. Во всех училищах были созданы оперативные комсомольские отряды, каждый случай антиобщественного поведения, пьянства становился предметом обсуждения в коллективах. [62, л.4]

Но, как уже отмечалось, часто такого рода мероприятия носили формальный характер, являясь очередной «кампанейщиной» с нерезультативными планами и длинными отчетами по проделанной работе. Зачастую профилактическая работа, которую в отчетах госструктуры называют систематичной, значительной и т.д. не давали реального эффекта, проблемы пьянства и алкоголизма в советской стране носили более глубокие корни и решить их пропагандистскими методами и только агитацией было невозможно. Пьянство и алкоголизм ширились, включая и подростков, молодежь и другие слои.

Таблица 2 – Состояние борьбы с лицами, нарушающими антиалкогольное законодательство, за 1976-1980 гг. в Советском районе г. Караганды [64, л.14]

	1976	1977	1978	1979	1980
Всего лиц, нарушивших антиалкогольное законодательство	3117	4057	4500	4045	2716
Подобрано в состоянии опьянения в общественных местах	2962	3983	4299	3837	2726
Содержались в медвытрезвителе	2836	3948	4245	3814	2662

Из них несовершеннолетние (16-17 лет)	17	17	14	5	
Оштрафовано	1387	1135	1545	1042	1081
Штраф не взыскан	648	475	395	149	396
Повторное нарушение антиалкогольного законодательства	24	16	11	16	
Поставлены на учет как алкоголики	34	124	144	80	49
Направлено в ЛТП	27	70	67	52	28
Задержано шоферов в нетрезвом состоянии	-	-	-	178	101

В Октябрьском районе г. Караганды за 1979 г. в медвытрезвитель помещено 6681 человек, против 6529 в 1978 г. В нетрезвом состоянии в 1979 г. совершено 32,6 % зарегистрированных преступлений (40,2 % в 1978 г.), а тяжких: злостное хулиганство, убийство, причинение тяжких телесных повреждений – 58 %. [64, л.1]

В 1979 г. отмечается некоторое снижение по сравнению с 1978 г. на 12,7 %, при том, что удельный вес пьянства, как причины совершения преступлений возрастает. В этот же период несколько ухудшилась работа медицинского вытрезвителя по подбору пьяных на 14,5%, в 1979 г. и 37,9 % в 1980 г. [64, л.14]

Таблица 3 – Преступления, совершенные лица в нетрезвом состоянии в период с 1976 по 1980 гг. в Советском районе г. Караганды [64, л.15]

	1976	1977	1978	1979	1980
Совершено всего преступлений в нетрезвом состоянии	247 43,9 %	82 32,9 %	187 36,2 %	219 43,2 %	148 43,5 %
Человек, совершивших преступления в нетрезвом состоянии	268 47,4 %	263 41,7 %	207 36,4 %	246 46,7 %	177 51,8 %

Таблица 4 – Состояние борьбы с пьянством в г. Шахтинске в 1979-1980 гг. [64, л.56]

	1979	1978	1 кв.1979	1 кв. 1980
Подобрано	3648	3371	808	832
Из них в медвытрезвитель	3269	2898	729	757
В том числе, 2 и более раз	163	166	25	39
Направлено на принудительное лечение	43	43	5	2
На добровольное лечение	166	140	45	90

В 1979 г. народный суд г. Шахтинска рассмотрел 40 материалов о направлении на принудительное лечение от алкоголизма, из них: 37 человек на лечение до 1 года, а 3 человека - до 2-х лет. Из 40 человек, направленных на принудительное лечение, 9 человек нигде не работали и не учились. [64, л.34]

В I квартале 1981 г. в г. Абае всего рассмотрено 11 материалов о направлении на лечение в ЛТП в отношении 11 лиц, из них 10 человек направлены на лечение на срок до 1 года и 1 человек на срок до 2-х лет. Характеристика по возрасту: от 18 до 24 лет – 2 человека, от 25 до 29 лет – 1 человек, от 30 до 49 лет – 6 человек, от 50 и старше – 1 человек. А в I квартале 1980 г. таких материалов было рассмотрено в отношении 8 лиц. За II полугодие 1980 года рассмотрено 22 материала в отношении 22 лиц о направлении в ЛТП от алкоголизма и 2 человека от наркомании

За указанный период в 1980 г. подобрано 1885 граждан в нетрезвом состоянии, из них 1576 помещено в медвытрезвитель против соответственно 1787 и 1504 за 9 месяцев 1979 г. Два и более раз в медвытрезвитель помещалось 136 граждан. [64, л.22]

За 1981 г. народным судом Железнодорожного района г. Караганды рассмотрено 57 материалов в отношении 57 лиц о направлении на лечение в ЛТП от алкоголизма и 2 материала о направлении на лечение в ЛТП от наркомании, а за 1980 г. рассмотрено 32 материала о направлении на лечение в ЛТП лиц, страдающих алкоголизмом. [37, л.25]

Народным судом Металлургического района г. Темиртау в 1982 г. направлено в ЛТП на принудительное лечение от алкоголизма 86 человек против 73 в 1981 г., а также рассмотрено 107 уголовных дел в отношении 107 чел. по бродяжничеству и тунеядству. [65, л.1]

Таблица 5 – Состояние борьбы с пьянством и тунеядством в Металлургическом районе г. Темиртау [65, л.10-11]

	1981 г.	1982 г.	Рост/снижение
Всего лиц, в отношении которых применялись меры	6416	6429	+13
В т.ч. оштрафовано	2052	1654	-396
За распитие спиртных напитков в общественных местах	200	246	+46
За появление пьяным в общественном месте	1852	1408	-444
Повторно в течение года	108	213	+105
Предупреждено о недоступности распития спиртных напитков	3782	3024	-458
Направлено материалов на рассмотрение общественности	582	1751	+1169
Состоит на учете злостных пьяниц	643	1681	+1038
Направлено в ЛТП	71	86	+15

В г. Темиртау в 1981 г. уменьшилось количество лиц, подвергнутых штрафу, в 3 раза увеличилось направление материалов на рассмотрение общественности. Увеличилось количество лиц, распивающих спиртные напитки в общественных местах, и лиц, в отношении которых применялись меры. В 1982 г. подобрано 6410 пьяных, или на 177 человек больше, чем в 1981 г. (6233). Возросло количество лиц, помещенных в медицинский вытрезвитель. Если в 1981 г. помещено 6004 человека, то в 1982 – 6183 человека или на 179 больше. [65, л.11]

В годы перестройки – 1985-1987 – начинается активная антиалкогольная кампания, получившая название «горбачёвской». К концу 70-х – началу 80-х гг. XX в. потребление спиртных напитков в СССР достигло рекордного уровня в истории страны. Потребление алкоголя, которое не превышало 5 литров на человека в год ни в XIX, ни в первой половине XX вв., достигло к 1984 г. 10,5 л зарегистрированного алкоголя, а с учётом подпольного самогоноварения могло превышать 14 л. Такой уровень потребления был равен примерно 90-110 бутылкам водки в год на каждого взрослого мужчину, собственно водка составляла около трети этого объёма, остальной алкоголь употреблялся в форме самогона, вин и пива.

7 мая 1985 г. были приняты Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановление Совмина СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения», которыми предписывалось всем партийным, административным и правоохранительным органам решительно и повсеместно усилить борьбу с пьянством и алкоголизмом, причём предусматривалось значительное сокращение производства алкогольных напитков, числа мест их продажи и времени продажи. 16 мая 1985 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с

пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения», который подкреплял эту борьбу административными и уголовными наказаниями. Соответствующие Указы были приняты одновременно во всех союзных республиках. Популярным и тиражируемым стал новый лозунг – «Трезвость – норма жизни».

СССР впервые пошел на снижение доходов от алкоголя, которые были весьма значимой статьёй государственного бюджета (около 30 %), и стало резко сокращать его производство. После начала борьбы с пьянством в стране было закрыто большое количество магазинов, торговавших вино-водочной продукцией. На покупку спиртного были введены талоны, выдавались по 1 талону (право на покупку 1 бутылки) на взрослого человека в месяц. Также были приняты жёсткие меры против распития спиртного в парках и скверах, а также в поездах дальнего следования. Пойманные в пьяном виде личности имели серьёзные неприятности на работе. За употребление спиртного на рабочем месте увольняли с работы и исключали из партии. Стали пропагандироваться безалкогольные свадьбы, юбилеи, праздники, запрещалось проведение банкетов после защит диссертаций. Появились так называемые «зоны трезвости», в которых спиртное не продавалось. В выполнение этих постановлений втягивались в обязательном порядке все партийные и государственные органы, профсоюзы, вся система образования и здравоохранения, все общественные организации и т.п.

Кампания сопровождалась интенсивной пропагандой трезвости. Цензурой удалялись и перефразировались тексты литературных произведений и песен, вырезались алкогольные сцены из театральных постановок и кинофильмов. Повсеместно создавались Общества трезвости.

Как сообщают источники, официально зарегистрированные среднедушевые продажи спиртного в стране за годы антиалкогольной кампании снизились более чем в 2,5 раза. Но запрет и ограничения продажи легального алкоголя привел к росту домашнего и теневого производства нелегального самогона, настоек, вина и т.п. Рост потребления «нелегального» алкоголя не компенсировал падения потребления алкоголя «легального», в результате чего реальное сокращение общего потребления алкоголя всё же наблюдалось, но не решило проблемы кардинально. Направленная на «моральное оздоровление» советского общества, антиалкогольная кампания в реальности достигла совершенно иных результатов: в массовом сознании она воспринималась как абсурдная инициатива властей, направленная против «простого народа». Для лиц, широко вовлечённых в теневую экономику, и партийно-хозяйственной элиты (где застолье со спиртным было номенклатурной традицией) алкоголь по-прежнему был доступен, а «доставать» его, переплачивая за спиртное хорошего качества или удовлетворяться дешевым «денатуратом» были вынуждены рядовые потребители. Ряд исследователей считает, что ограничение продаж спиртного привело к увеличению токсикомании и наркомании, как среди взрослых, так и среди молодежи. По данным МВД СССР употребление самогона и других одурманивающих веществ привело к отравлению более 40 тысяч человек, 11 тысяч из которых погибло [66]. Кроме того, уменьшение продаж алкоголя нанесло серьёзный ущерб советской бюджетной системе, которая потеряла одну из наиболее прибыльных статей дохода по продаже спиртных напитков.

Отчитываясь перед ЦК КПК заместитель председателя Совета Министров Казахской ССР О. Желтиков озвучил следующие данные. По данным органов здравоохранения республики в 1987 г. на учете состояло 217 тыс. человек, страдающих хроническим алкоголизмом. Даже с учетом заниженных показателей, мы можем подсчитать: численность населения республики составляла в 1987 г. 16244000 чел., отсюда следует, что каждый 75 житель республики являлся

хроническим алкоголиком (1,3% населения республики). Курс добровольного лечения ежегодно проходили около 40 тыс. человек.

Наркологическую помощь населению оказывают 29 специальных диспансеров и больниц на 7230 коек, 62 отделения при промышленных предприятиях на 4280 мест. При Республиканской наркологической больнице открыт организационно-методический консультативный отдел.

Во всех областях была завершена работа по организации кабинетов анонимного лечения, антиалкогольной пропаганды, экспертизы алкогольного опьянения. Правоохранительными органами ужесточена борьба с правонарушениями, связанными с пьянством, самогоноварением, спекуляцией спиртными напитками. В 1987 г. были открыты лечебно-трудовые профилактории для мужчин в Джезказганской, Карагандинской, Целиноградской и Чимкентской областях. В республике насчитывалось 21 спецпрофилакторий на 18,7 тыс. мест. Для принудительного лечения лиц, имеющих противопоказания для направления в лечебно-трудовые профилактории дополнительно было открыто 8 отделений на 570 коек.

Госкомиздатом Казахской ССР было выпущено 12 книг и брошюр антиалкогольной тематики общим тиражом 160 тысяч экземпляров. Была упорядочена продажа алкогольных напитков. Количество магазинов, имеющих разрешение на реализацию винно-водочных изделий, сокращено с 13937 единиц по состоянию на 1 января 1985 г. до 3838 единиц на 1 января 1988, или на 72,5%, а предприятий общественного питания, соответственно, с 2701 до 370 единиц, или на 86,3%. Реализация алкогольных изделий производилась 4 дня в неделю.

Вместе с тем, в аналитических справках отмечалось, что «в работе по борьбе с пьянством и алкоголизмом недоставало наступательности и системности. Произошло увеличение количества выявленных фактов пьянства на производстве. Добровольным обществам борьбы за трезвость пока не удалось повсеместно создать широкий фронт борьбы с пьянством, поднять на должный уровень воспитательную роль и влияние трудовых коллективов, в их деятельности все еще много проявлялось формализма. Обострилась проблема самогоноварения, отмечен рост хищений и спекуляций спиртными напитками, дорожно-транспортных происшествий по причине пьянства, увеличилось число погибших и раненых при этом людей». [63, л.25]

Одной из серьезных проблем в СССР, республике и регионе стала наркомания, о которой в 1950-е – 1970-е гг. почти не писали. Считалось, что в советской стране нет ни проституции, ни наркомании, но периодически наркомания в СССР становилась предметов внимания власти. Например, в марте 1956 г. министр внутренних дел Н.П. Дудоров направил в Совмин СССР предложения о уменьшении распространения наркомании и наркоторговли: «В районах Киргизской и Казахской ССР ряд колхозов занимается выращиванием опийного мака с целью получения из него опиума-сырца для нужд фармацевтической промышленности. Пользуясь тем, что некоторая часть населения Среднеазиатских республик и Дальнего Востока занимается опиокурением, преступный элемент расхищает ценное лекарственное сырье, используемое для получения морфина и других алкалоидов, и перепродает его опиокурильщикам. В 1954 г. за эти преступления органы милиции Киргизской, Казахской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР привлекли к уголовной ответственности 244 расхитителя и спекулянта и изъяли у них 352 килограмма опиума-сырца. В 1955 году теми же органами милиции привлечено к ответственности 290 расхитителей и спекулянтов, у которых изъято 680 килограммов опиума-сырца. Проведенные органами милиции расследования по уголовным делам на этих лиц показали, что опиум похищается

главным образом в колхозах, возделывающих культуру опийного мака, причем этим хищениям благоприятствует существующий в колхозах способ добывания опиума» [67].

Причем, это единичные материалы, которые позволяют говорить о существовании данной проблемы в КазССР; упоминаний об этом явлении в материалах правоохранительных органов крайне мало, и связаны они только с концом 1970-х гг. Архивные данные лишь фрагментарно позволяют отследить положение дел в регионе. Например, в 1979 г. народным судом г. Шахтинска за незаконное изготовление, приобретение, хранение и сбыт наркотических веществ осуждены 6 человек, такое же количество лиц осуждены и в 1978 г. [64, л.33]. За 9 месяцев 1987 г. Ленинским народным судом г. Караганды лечебно-трудовой профилакторий направлены на излечение 104 злостных алкоголиков и наркоманов. [41, л.56]

Эта проблема открыто поднимается только в конце 1980-х гг., когда она становится настолько явной, что утаивать ее не имеет смысла. Число больных наркоманией в 1985-1987 гг. выросло в СССР в 2 раза [64]. Серьезные проблемы обозначены и правоохранительными органами Казахской ССР. В частности, в фонде 708 ЦК КПК Архива Президента РК есть ряд дел, в которых отражено положение с наркоманией в республике. Позволим себе обратиться к ним. В 1986 г. по республике 3412 лиц получили судимость за наркоманию, в 1987 она сократилась на 25% до 2851 лиц. Судимость за эти виды преступлений имела тенденцию к снижению в Гурьевской, Кзыл-Ординской, Чимкентской областях. В Карагандинской области снижение не было отмечено. По 75% осужденным были назначены наказания в виде лишения свободы; все чаще стали применять такие формы наказания, как конфискация имущества, лишение права занимать материально-ответственные должности и другие. Более чем в 2 раза увеличилось число лиц, направленных в ЛТП на принудительное лечение от наркомании: 513 в 1987 г. против 279 за 1986 г. Из них половина имели судимости ранее (244), в отношении 57 человек были ограничения в дееспособности в связи с наркоманией.

В 1986 г. на учет было поставлено 3028 человек, за поведением, образом жизни подучетных осуществлялся контроль как со стороны органов внутренних дел, так и здравоохранения. В результате 1728 человек прошли курс лечения в наркодиспансерах, а 645 человек, уклонявшихся от добровольного лечения, направлено в лечебно-трудовые профилактории системы МВД. В 1986 г. курс лечения в наркодиспансерах добровольно прошло 943, а в ЛТП – 322 человека.

В 1987 г. в результате активизации борьбы с наркоманией совместно с органами здравоохранения и общественностью было поставлено на учет 5906 человек, допускавших немедицинское потребление наркотиков, в 1986 г. – 3028 человек. Было выявлено и поставлено на учет в 1987 г. 1120 подростков, из которых 135 признаны больными наркоманией, в 1986 – соответственно 670 и 52. В лечебно-воспитательный профилакторий на принудительное лечение было направлено 13 подростков, остальные находились на диспансерном лечении. Из незаконного оборота изъято наркотиков и сырья: 1987 – 4242 кг, 1986 г. – 2823 кг. В результате, в сравнении с 1986 г., увеличилось количество выявленных фактов сбыта наркотиков с 229 до 286 или на 24,9%, склонений к потреблению наркотиков до 59 (увеличение на 84,3%) и притоносодержания – с 23 до 27 (рост 17,4%).

Для борьбы с наркоманией в республике была проведена с 1 июня по 31 октября 1987 г. целевая операция «Мак-87». В этих мероприятиях участвовало свыше 2500 сотрудников органов внутренних дел, около 3000 представителей общественности. Использовалось вертолетное и конное патрулирование, а также служебно-розыскные собаки, натренированные на отыскание наркотиков.

В Чуйскую Долину из других УВД республики ежемесячно направлялось 140 сотрудников милиции, а в августе и сентябре – дополнительно по 100 курсантов Алма-Атинской средней специальной школы милиции и слушателей Карагандинской высшей школы МВД СССР. Принятыми мерами было уничтожено 53804 га дикорастущей конопли, что на 24800 га больше, чем в 1986 г. Было выявлено и уничтожено 643 участка нелегальных посевов мака и конопли общей площадью 16,7 га. По этим фактам возбуждено 134 уголовных дела. Проводилась работа по уничтожению дикорастущей конопли на приусадебных участках, дачах граждан, на территории предприятий, учреждений. На невыполнение требований Указа Президиума Верховного Совета от 31 декабря 1986 г. к административной ответственности привлечено 940 домовладельцев и 37 должностных лиц. В период проведения операции «Мак-87» задержано 99 водителей за перевоз наркотиков, 15 – за управление транспортом в состоянии наркотического опьянения. [43, л.34-37]

Разъяснительная и профилактическая работа среди населения о вреде наркотических и токсических веществ проводилась не только работниками правоохранительных органов, но и врачами-наркологами, медицинскими работниками общей лечебной сети. Была завершена организация наркологических диспансеров во всех областях. В каждой области в составе психиатрических (наркологических) учреждений выделены специальные палаты для лечения больных наркоманией для взрослых и отдельно для подростков. В республике за последние 10 лет (1977-1987 гг.) впервые в 1987 г. преступность, связанная с наркоманией, стабилизировалась, имелась тенденция к ее сокращению [43, л.30]. В 1987 г. было прочитано около 78900 лекций по теме борьбы с пьянством и наркоманией. Все эти показатели создавали основу для дальнейшего укрепления борьбы с наркоманией, но этой работы, отмечено в отчетах, недостаточно. В ряде мест несколько снизилась настойчивость правоохранительных органов в усилении борьбы с наркоманией, в ходе следствия только по отдельным делам выявлялся источник распространения наркотических средств. Слабо освещались в печати принимаемые меры в отношении наркоманов [43, л.40-41], об этой форме девиации предпочитали не писать и не говорить.

Подводя некоторые итоги по разделу, следует отметить, что в пьянстве и алкоголизме среди городского населения региона были отслежены тенденции, свойственные общереспубликанским и общесоюзным: увеличился процент женской алкоголизации (в республике это явление было менее распространенным, чем в союзе в целом, но тенденция проявлялась); алкоголизм как явление постепенно «молодело» (если в 1950-1960-е гг., как правило, алкоголиками становились люди не старше 30-40 лет, то к 1990-м гг. возросла доля молодых алкоголиков, охватывая подростковую и молодежную среду); алкоголизмом страдали чаще лица, не имевшие высшее образование (начальное или неполное среднее) и, как правило, из рабочей среды, имевшие низкую квалификацию или малоквалифицированные или неработающие.

Одной из опаснейших девиаций стала наркомания, которая в условиях все разраставшегося кризиса и развала советской системы, разрасталась, как раковая опухоль, обострившись к 1990-м гг. Чаще всего наркотики сегодня употребляют молодые люди от 18 до 20 лет, не понимая опасности этого явления. Но силами государственных институтов и неправительственных организаций велась большая планомерная работа по предупреждению наркомании.

---

1. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946-1970 гг. – Караганда, 2012. – 365 с.

2. Зиновьев А. Гомо советикус. – Лозанна, 1982/ www.zinoviev.ru//zinoviev-homo-sovieticus
3. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. - Москва, 2015. – 488 с.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб.: Журнал«Нева», 1999. – 320 с.
5. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 87
6. Курицына Е.В. Амнистия 1953 г. и её влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (На материалах Пензенской области) // Известия Пензенского Государственного Педагогического Университета имени В.Г. Белинского. – 2012 г. - № 27. – С. 764-768
7. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 203 с.
8. Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г., Зюбан О.П. Экономическая преступность в СССР: от Хрущева до Горбачёва (проблемы детерминации, масштабы, формы и особенности государственного противодействия). – Курск, 2012. – 372 с.
9. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – Москва: Госюриздат, 1961. – 279 с.
10. ГА РФ.Ф. 8131. Оп.32. Д. 2347
11. ГА РФ.Ф. 8131. Оп.32. Д. 4795
12. АП РК.Ф. 708. Оп.34. Д. 125
13. АП РК.Ф. 708. Оп.30. Д. 2543
14. ГА РФ.Ф. 8131. Оп.32. Д. 463
15. Богданов С.В. Попытки Н.С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР / Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста.ru» /http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964
16. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области. – Самара, 2007. – 260 с. Автореф. диссер…к.и.н. // disserCat /www.dissercat.com
17. АП РК.Ф. 708. Оп.36. Д. 1355
18. ГА РФ.Ф. 8131. Оп.32. Д. 4045
19. АП РК.Ф. 708. Оп.36. Д. 1555
20. РГАСПИ.Ф. 591. Оп.1. Д. 12
21. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области. Дисс. к.и.н. 260 с. http://www.dissercat.com/content
22. Трофимов А. СССР, который мы потеряли / http://asaratov.livejournal.com/1825362.html
23. Список стран по индексу количества убийств до 1999 года/ en.wikipedia.org/wiki/List.
24. Савченко Н. Духовный кризис Советского Союза в цифрах http://adam-a-nt.livejournal.com/295844.html
25. Гилинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции динамики самоубийств в России / demoscope.ru/weekly/2004/01; Список стран по индексу количества самоубийств/ en.wikipedia.org/wiki/List
26. Немцов А.В. Есть такая наука – – алкология. / vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/N
27. Спиртовая промышленность СССР. Большая Советская Энциклопедия /bse.sci-lib.com/article1053
28. Демоскоп Weekly. Тюремное население СССР/ demoscope.ruweekly/2006/0
29. Аборты в России. История, последствия, альтернатива/ demographia.ru/articles_N/i
30. Статистика изнасилований в РСФСР и России lj.rossia.org/users/lqp/233
31. Браки и разводы глазами социолога/ intelros.ru/readroom/foma/7

32. Табачная промышленность СССР. Большая Советская Энциклопедия/ bse.sci-lib.com/article1083; Список стран по потреблению табака/ en.wikipedia.org/wiki/Preva; Табачная промышленность СССР. Большая Советская Энциклопедия/ adam-a-nt.livejournal.com/2
33. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 615.
34. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 166.
35. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 158
36. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 155
37. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 152
38. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 183
39. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 180
40. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 194
41. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 195
42. ГАКО.Ф. 1257. Оп.1. Д. 196
43. АП РК.Ф. 708. Оп.139. Д. 385
44. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 587
45. Интервью с М.Р. Иманкуловым, записано З.Г. Сактагановой в Караганде в 2017 г.
46. Интервью с Е.А. Иманкуловой, записано З.Г. Сактагановой в Караганде в 2017 г.
47. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 322
48. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 245
49. АП РК.Ф. 708. Оп.30. Д. 2543
50. ГАКО.Ф. 469. Оп.2. Д. 737
51. АП РК.Ф. 708. Оп.139. Д. 249
52. АП РК.Ф. 708. Оп.139. Д. 250
53. Краснов Д.А. Общество и Власть. «Собранные данные позволили констатировать…». Документы Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР о распространенности употребления спиртных напитков несовершеннолетними. 1969 / Исторический Архив. – 2013. – № 1. – Стр 27−29 / http://www.mka1.ru/publication/6_04-04-2012/
54. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х годов / Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 60 – 2014. – № 12 (341). – С. 109-115 / http://cyberleninka.ru/article/n/postanovlenie-tsk-kpss
55. АП РК.Ф. 708. Оп.30. Д. 2543
56. АП РК.Ф. 708. Оп.32. Д. 1392
57. ГА РФ.Ф. 9523. Оп.1. Д. 162
58. Сактаганова З.Г., Бекталиев А.А. Общая характеристика преступности в городах Центрального Казахстана в 1954 – 1964 гг. // Материалы республиканской научно-практической конференции «Жуасовские чтения – 21», посвященной 100-летию национально-освободительного движения «Алаш». – Караганды, 2017. – С. 320-325
59. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.). – Курган: Изд-во Курганского университета, 2009. – 231 с.
60. Горлов В.Н. Пьянство и общество // Веселие Руси. XX век. https://rutlib.com/book/17250/p/16
61. ГАКО.Ф. 731. Оп.1. Д. 1740
62. АП РК.Ф. 708. Оп.62. Д. 85.
63. АП РК.Ф. 708. Оп.139. Д. 1198
64. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 587
65. ГАКО.Ф. 205. Оп.6. Д. 786
66. Антиалкогольная кампания в СССР / http://diletant.media/articles/28324279

67.https://mytashkent.uz/2018/01/08/sssr-i-narkotiki
68. https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan_narcotic_police/1185136.
69. html https://www.zakon.kz/114854-problema-narkomanii-v-kazakhstane-byla.html
70. https://www.caravan.kz

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральный Казахстан представлял собой регион с высоким уровнем урбанизации. Удельный вес городского населения значительно превышал долю сельского населения по всему региону. Абсолютный прирост численности населения объяснялся положительным миграционным и естественным приростом, доминирующую роль в формировании численности населения городов сыграло положительное сальдо миграции. Возрастная структура городского населения региона характеризовалась высоким удельным весом числа детей и подростков, в половой структуре городского населения преобладали женщины трудоспособного возраста. В 1960-е – 1970-е гг. формирование и развитие городского населения Центрального Казахстана шло в контексте нарастания индустриального потенциала центрально-казахстанского региона. Увеличилась общая численность населения городов. Высокие темпы роста численности горожан намного превышали этот показатель в других регионах республики вследствие бурных миграционных потоков на стройки социализма; по величине удельного веса горожан Центральный Казахстан занимал в эти годы одно из первых мест в СССР. Привлечение рабочей силы со всех уголков Советского Союза стало причиной резкого падения удельного веса казахов в национальном составе городов: доля коренного населения в этнической структуре городского населения была самой низкой в республике. К концу 1980-х гг. наметилась тенденция «постарения» населения, произошло увеличение удельного веса коренного населения в национальной структуре области в 2 раза. В социальной структуре населения рабочие, как и прежде, были наиболее многочисленной категорией населения, хотя удельный вес их в составе населения снизился к 1980-м. Появилась новая социальная прослойка – занятые индивидуальной трудовой деятельностью в кооперативах, сферах производства и услуг.

Неподготовленность региона к столь быстрому росту городского населения создало массу бытовых проблем, с которыми столкнулись горожане: ухудшение санитарной обстановки, рост количества различных инфекционных заболеваний, увеличение детской смертности, нехватка больничных коек, дефицит питьевой воды, трудности с транспортом и многое другое. Положительные изменения в здравоохранении, качестве медицинского обслуживания, благоустройстве стали намечаться в начале 1950-х гг. Развитие системы здравоохранения шло в направлении укрепления материальной базы учреждений здравоохранения, профилактики заболеваний, развития детской медицины. Повысилось качество оказываемых медицинских услуг, как в результате углубления специализации, так и за счёт лучшего обеспечения больниц, здравпунктов и поликлиник современной медицинской аппаратурой и оборудованием. Сложился корпус высококвалифицированных врачей. Все это позволило сместить акценты в работе медицинских учреждений в сторону профилактики заболеваний. Расширение сети больниц, улучшение работы скорой помощи в 1970-х – 1980-х гг. позволило в эти годы снизить общую заболеваемость, Карагандинский медицинский институт стал одним из ведущих в СССР. Вместе с тем, в здравоохранении наблюдалось значительное отставание от современных медико-биологических исследований по ведущим проблемам медицины. Особую тревогу стала вызывать охрана здоровья матери и ребенка. Со второй половины 1980-х гг. состояние системы здравоохранения стало резко ухудшаться, и проблемы стали очевидными. Можно выделить основные причины неудовлетворенности населения работой поликлиник: большие очереди на приём к врачу, отсутствие врачей нужной специальности, недостаток внимания к пациентам, трудности с записью на приём к врачу, отдаленность

учреждения от дома, низкая квалификация медицинского персонала, отсутствие аптечных киосков в поликлиниках и др. Попытки по-прежнему решить проблемы улучшения общественного здоровья путём наращивания числа коек, численности врачей и среднего медицинского персонала, отдавая предпочтение количеству, а не качеству, оказывались не очень успешными. Сектору здравоохранения традиционно уделялось меньше внимания по сравнению с другими отраслями экономики, в условиях недостаточного бюджетного финансирования предложение медицинских услуг перестало удовлетворять спрос на них, в результате чего медицинские организации были вынуждены перенести часть затрат на население в виде неформальных платежей. Социальное положение медицинских работников, как и их социальный статус резко снижался. Низкая зарплата, бытовые проблемы, квартирный кризис сделали профессию врача непрестижной. К концу советской эпохи, кризис советской системы здравоохранения явился следствием кризиса советского социализма.

Благоустройство городов Центрального Казахстана в послевоенный период соответствовало послевоенной жизни советских провинциальных городов. Наличие гужевого транспорта, слабое развитие водопроводных магистралей и канализационных сетей, банно-прачечного хозяйства, антисанитария на улице, в больницах, общежитиях, магазинах и т.д. – все это было типичными чертами городов региона. Благоустройство городов Центрального Казахстана отставало от высоких темпов роста численности городского населения, промышленного и жилищного строительства, оно осуществлялось на средства местных бюджетов и по остаточному принципу. Комплекс факторов создавал коммунальные, транспортные, инфраструктурные трудности, неблагоприятную санитарную обстановку для горожан. Наибольшие трудности в благоустройстве городов возникали в вопросах, связанных со слабым развитием водопроводных магистралей и канализационных сетей, транспортных услуг. Главными недостатками работы общественного транспорта были перегруженность линий из-за недостаточного числа машин, нерегулярность движения, отсутствие комфорта и чистоты. Во многом эти и ряд причин создали очаги социальной напряженности в городах Центрального Казахстана. В условиях недостаточного финансирования, поддерживались порядок и чистота в городах с помощью административных ресурсов и привлечением горожан к общественным работам в форме субботников и воскресников по уборке мусора и проведения озеленения. Власть во многом благоустройство и работы по озеленению города переложили на плечи горожан, благоустройство городов (в соответствии с политикой воспитания советского человека) считались долгом каждого горожанина. Посадка древесных насаждений, разбивка скверов, очистка дворов, ремонт дворового оборудования и многое другое успешно выполнялись самими горожанами. «Зелёное» строительство сыграло важную роль в благоустройстве и формировании облика городов Центрального Казахстана, в организации досуга горожан. В городах Центрального Казахстана, расположенных в неблагоприятной климатической зоне, в исследуемый период была создана благоприятная ситуация с озеленением и благоустройством. Коренным образом были реконструированы многие улицы и площади, появились десятки новых благоустроенных улиц, площадей, скверов, бульваров. Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов осуществлялись мероприятия по реконструкции коммунального хозяйства, расширению сетей водопровода, канализации, тепло- и газопровода, обновлению городского транспорта, развитию всех служб коммунального хозяйства.

В 1970-1980-е гг. архитектурное пространство городов Центрального Казахстана формировалось под воздействием промышленной политики региона.

Градостроительная практика предусматривала типовую застройку кварталов и микрорайонов, постепенную реконструкцию существующих городских районов. Освоение производством новых строительных конструкций, оформление фасадов, активное введение в архитектуру жилой застройки цвета позволило строить дома любой протяжённости и конфигурации, создать индивидуальный облик застройки микрорайонов и отдельных зданий. В архитектуре городов практически отсутствовали элементы национального колорита. Осуществлялась определенная и системная работа по благоустройству городов Центрального Казахстана. Существенно увеличилась протяжённость дорог с твёрдым покрытием, улучшилось санитарная уборка и освещение территории городов. Возросло число парков культуры и отдыха, бульваров, скверов, зелёных зон, украшенных малыми архитектурными формами и советской символикой, оборудованных дворов, площадок, площадей и других мест массового отдыха, доступных для всех горожан. Вместе с тем, благоустройство городов Центрального Казахстана отставало от роста его населения и жилищного строительства. Во всех городах региона существовали проблемы с работой транспорта и коммунального хозяйства, связанные с недостаточным финансированием. Анализ проведённого интервью, архивных документов, материалов городской периодической печати 1970-1980-х гг. показал, что советские горожане Центрального Казахстана, сохраняя «синдром жертвенности», проявляли терпимость к бытовым проблемам, непритязательность и оптимизм в восприятии серьёзных проблем в городском благоустройстве. Кардинальные изменения в СССР в годы перестройки, переход на рыночные отношения и разгосударствление собственности предприятий разрушили сложившуюся систему благоустройства городов Центрального Казахстана.

Прибытие в города большого количества людей, обострило жилищную проблему, дефицит дошкольных учреждений, школ, культурно-массовых, медицинских, бытовых учреждений. Слабое техническое оснащение, недостаток профессиональных кадров, а также отсутствие денежных средств, строительных материалов не позволяло решить жилищную проблему в регионе. Недостаточность жилищного фонда отрицательно повлияла на средний размер жилой площади, приходящийся на душу населения. Люди жили в типичных для 1940-х – 1950-х гг. коммунальных квартирах, где одна семья, как правило, занимала одну комнату. Жилищная теснота усугубляла социально-экономическое положение горожан. Наличие одноэтажных деревянных, саманных и глинобитных построек вынуждало население жить в полуразрушенных помещениях. Многим приходилось жить в коллективных жилищах: бараках, общежитиях. Для городского жилья был характерен низкий уровень благоустроенности. Оснащенность жилья водопроводом и канализацией было незначительной, доминировало печное отопление. Прочие виды санитарно-технических мероприятий (наличие газопровода, горячей воды) вообще не получили распространение в рассматриваемый период. Значительные позитивные сдвиги произошли в снабжении горожан электроэнергией, однако и она подавалась с перебоями. Состояние коммунального обслуживания в Центральном Казахстане сильно отставало, одна из причин заключалась в недостаточном финансировании жилищно-коммунального хозяйства региона из центра. Государственное строительство обнаружило свою маломощность в обеспечении населения необходимым количеством жилплощади. Горожане, чтоб хоть как-то решить сложившуюся ситуацию, были вынуждены развернуть индивидуальное строительство. Жилищная политика с ее коммунальным бытом отучала людей от индивидуальной психологии, оказывала решающее влияние на приватную жизнь советского гражданина. Жилищная теснота и нехватка были одними из насущных проблем в повседневной жизни горожан. Недостаточность денежных средств,

слабое жилищное строительство не позволяли решить назревшую проблему. В конце 1950-х – 1960-е гг. в городах Центрального Казахстана было построено огромное количество многоэтажных квартир и индивидуальных домов, которые несколько снизили острый дефицит жилья среди населения. Стремление к максимальному удешевлению строительства обусловило борьбу с «излишествами в архитектуре», что привело к монотонности застройки и сокращению размеров жилых и подсобных помещений. Пятиэтажные дома без лифтов, мусоропроводов, иногда и без балконов, быстро и в большом количестве строящиеся по стране, не слишком украшали города, однако, при всех недостатках «хрущёвки» позволили в определенной мере смягчить жилищный кризис и обеспечить благоустроенным жильем миллионы людей. В 1960-е гг. начинается многоэтажное строительство индустриальными методами, формируются микрорайоны с комплексом социально-бытового обслуживания. Широкое распространение получают жилищные кооперативы. В то же время, качество возводимого жилья было низким, и лишь острая необходимость ослабления жилищного кризиса в какой-то мере оправдывала это. В 1970-1980-е гг. в целом значительно расширились социальные жилищные возможности людей, в Караганде возникло 12 микрорайонов, построенных в соответствии с современными градостроительными требованиями, были ликвидированы ветхие строения в старых местах расселения. К 1985 г. весь городской жилищный фонд электрифицирован на 100%, оборудован водопроводом на 92%, канализацией, центральным отоплением, газом – на 86%, ваннами – на 81%, горячим водоснабжением – на 45%, лифтовым хозяйством и мусоропроводом было обеспечено всего лишь на 9%. Но экономический кризис, негативные тенденции в общественно-политической сфере советского общества во втрой половине 1980-х оставили свой след и в жилищном строительстве.

Бюджетный дефицит свидетельствовал о низком уровне жизни населения. Основные денежные средства затрачивались, прежде всего, на предметы первой необходимости, т.е. на питание и одежду. Затраты на непродовольственные товары (одежду, обувь, мебель, хозяйственные вещи и т.д.), а также культурно-массовые мероприятия были настолько мизерными, что не позволяли дать бюджету более высокую оценку. Дефицит средств и экономия на всем были существенными компонентами в повседневной жизни не только карагандинских шахтеров, но и всех советских людей в послевоенные годы. Размер имеющегося дохода в семейном бюджете был недостаточным для нормального обеспечения городской семьи всеми необходимыми продовольственными и непродовольственными товарами. Власти было крайне невыгодно показывать реальную бюджетную статистику населения, так как именно в ней отражалась общая картина уровня жизни. Проблемы резкого снижения уровня жизни горожан, доходов работающих людей, особенно шахтеров, неудовлетворение социально-экономическими условиями жизни создавали очаги социальной напряженности. Бесконечный дефицит на все, очереди, несвоевременная выплата заработной платы стали причинами темиртауских событий 1959 г. и забастовок карагандинских шахтеров летом 1989 г. Но в период «застоя» 1970-х – первой половины 1980-х гг. состояние горожан центрально-казахстанского региона демонстрировало рост уровня жизни и благосостояния общества, когда после событий 1959 г. в Темиртау города центрально-казахстанского региона были на особом положении и снабжении. Однако в 1987-1988 гг. ситуация в городской среде стала резко ухудшаться. Зарплата стала расти быстрее, чем производство высококачественных продуктов питания и промышленных товаров народного потребления (одежда, обувь, бытовая техника, мебель). Политика перестройки не смогла реализоваться за короткие сроки, попытки внедрения в советскую систему элементов рыночной экономики через

экономическую и финансовую самостоятельность промышленных предприятий, кооперативы и индивидуальную трудовую деятельность еще больше обострили ситуацию на потребительском рынке. Уровень и качество жизни советских людей стало резко снижаться.

Существующая система торговли и общественного питания были развиты в 1946-1950-е гг. слабо. Можно охарактеризовать сферу розничной торговли товарами широкого потребления, представленную однообразным и скудным ассортиментом товаров, перебойным снабжением и большими очередями. Горожане остро нуждались в одежде, обуви, а также товарах, используемых в быту. В целом анализ состояния торговли в 1950-е гг. свидетельствует о неразвитости торговой сети, дефиците в снабжении населения товарами первой необходимости, и именно эти сбои в продовольственном и промышленном обеспечении населения приводили к неудовлетворенности и обострению конфликтов, в некоторых случаях создавая очаги напряженности и девиантного поведения. Одним из таких очагов стал развивающийся город Темиртау в августе 1959 г. После этих событий система снабжения и торговли стала работать значительно лучше, снабжение Караганды и Темиртау стало под особым прицельным вниманием партийных и советских органов, в 1960-1970-е гг. система снабжения городов Центрального Казахстана значительно улучшилась. И если эти десятилетия источники констатируют положительную картину, то начиная с 1980-х – отрицательную. Причем эта тенденция отражается не только в официальной информации, но и в воспоминаниях самих людей. Дефицит продуктов и непродовольственных товаров, бесконечные очереди, блат, отсутствие заработной платы и прочие негативные тенденции существенно оказывали влияние не только на структуру потребления, но и загоняли людей в психологический тупик.

Резюмируя состояние питания в исследуемый период, следует отметить, что в 1950-1960-е гг. наблюдается улучшение структуры питания городского населения Казахстана, анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что к концу 1960-х гг. люди в повседневной практике все чаще стали употреблять продукты, насыщенные белками, витаминами и минеральными веществами; изменилась структура питания горожан в сторону более здоровой и разнообразной пищи; структура питания значительно улучшилась по сравнению с 1940-ми. Наблюдается увеличение мясных, молочных, овощных и фруктовых продуктов, которые стали оказывать существенное влияние на здоровье населения городах Центрального Казахстана.

В повседневной жизни советского человека, формировании его ментальности огромное значение имела система образования. Именно школа закладывала не только основы знаний, но и нравственные ценности, формировала черты характера. Школа развивала детей, давала возможность развиваться физически (спортивные секции), творчески (литературные, драматические кружки), давала навыки труда. Выполняя просветительскую задачу, школы и вузы стали важным инструментом пропаганды коммунистических идеалов и ценностей, используя для этого все возможные рычаги воздействия: от авторитета любимого учителя до давления на школьника и его родителей. Отношения, складывавшиеся между учениками и учителями, часто носили неформальный характер, отношения семейных школ. В целом в повседневной жизни система образования играла огромную роль, зачастую формируя эту повседневность. В 1950-е – 1960-е гг. в городах идет активное развитие системы среднего специального и высшего образования, в республике регион становится одним из ведущих в системе образования. В 1970-х – 1980-е гг. в городах Карагандинской области происходит совершенствование системы образования, школы и вузы, как основа

образованности и культуры, стали приобретать в общественной жизни все большее значение. Для советской повседневности система образования составила один из важнейших основ ее формирования, формирования особого специфического типа личности – «советского человека» происходил в течение 13-18 лет именно в советской системе образования (ясли-сад-школа-вуз). Именно во второй половине XX в. сложились устойчивые стереотипы массового сознания эпохи «развитого социализма», совокупность которых сказывалась на развитии общества и ныне (принципы отношения к труду, к собственности, нравственные ценности и т.п.). Поколение, которое сейчас составляет группу от 45 до 80 лет прошли именно эту советскую «школу». И хотя эта школа постоянно находилась под контролем чиновников различных ведомств (от органов просвещения до комсомола и партии) она обладала мощнейшим инструментарием формирования человека советского типа. А сложившаяся советская система образования (несмотря на все ее проблемы) осталась одной из самых системных и результативных систем образования XX столетия.

Сфера досуга являлась частью культурной политики Советского государства, в данный период произошли существенные социокультурные изменения в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана, которые коснулись и сферы досуга. Все культурно-просветительские и массовые мероприятия носили идеологический характер. Библиотеки, клубы, кружки, кино, театры помимо выполнения основных своих функций стали мощным средством политической агитации и пропаганды советского строя. Следовательно, все формы досуга были направлены на воспитание советского патриотизма и народного единства, а также приобщение человека к советской культуре. По всей стране работали учреждения культуры. В городах были кинотеатры, дома культуры, театры, цирк, функционировали парки отдыха, музеи, выставочные павильоны и библиотеки. Каждый советский человек проводил свой досуг по своему усмотрению. Кто-то шел в театр, парк отдыха, кто-то ехал к себе на дачу, кто-то ремонтировал свой автомобиль, а кто-то просто проводил время дома, читая любимые книги или просматривая телевизионные передачи. Государство контролировало и регламентировало досуг советских людей, он имел ограничения, связанные и особенностями социалистического строя, и ограниченными материальными возможностями трудящихся, и существующим дефицитом в сфере культурного обслуживания. Но в целом, культура и искусство были доступными для народа. Главной особенностью в досуговой политике советского государства, на наш взгляд, становится его эгалитарный характер. В целом досуговая сфера представляла еще и предмет контроля и регуляции со стороны государственных и партийных органов. Власть пыталась, и ей это почти удалось, подвести под один «советский» знаменатель национальные, религиозные традиции в развитии досуга, унификация и интернационализация была и в этом.

Религия, несмотря на существующие ограничения и запреты, продолжала сохраняться в повседневной жизни людей через религиозные праздники и обряды. Процессы депортации, политические репрессии, промышленная миграция оказали непосредственное влияние на формирование полиэтничности и поликонфессиональности Центрального Казахстана. В послевоенные годы, как свидетельствуют архивные данные, государство не поощряло создание религиозных общин, объединений, для религиозных общин были созданы ужесточенные условия: постоянно вели беседы с членами этих общин, заставляли предоставлять полную информацию о своей деятельности, запрещалось вести всякую пропаганду, открыто проводить любые религиозные праздники и обычаи. Чтоб не попасть в поле зрения советской органов, люди старались скрытно,

неформально и негласно совершать богослужение. Мусульмане, христиане, протестанты и т.д. в этих условиях совершали молитвы, поминки, крещение, а также отмечать религиозные праздники, которые имели многовековую традицию. В 1970-1980-е гг. религиозная политика Советского государства носила двойственный характер. С одной стороны, генеральная линия партии и правительства оставалась прежней – это бескомпромиссная борьба с религией, а с другой стороны, государственный курс все же был существенно скорректирован для того, чтобы выстроить государственно-религиозные отношения на принципах компромиссов и стабильности. Со временем лояльные к государству религиозные объединения в какой-то степени стали частью советского общества. В целом, основная стратегия государства в борьбе против религии основывалась на создании препятствий для их полноценной деятельности: сокращение числа общин, недопущение открытия новых приходов и духовных учебных заведений, противодействие увеличению числа членов в религиозных организациях, а также осуществление постоянного контроля за деятельностью общин. В свою очередь священнослужители и руководители религиозных объединений старались не конфликтовать с властью, проявляли лояльность. В конце 1980-х гг. можно говорить о прекращении атеистических гонений в СССР, с 1987 г. происходят наиболее значительные изменения с политике СССР по отношению к конфессиям. В 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который радикально изменил характер отношений государства и религиозных организаций и возродил религиозность в обществе.

Комплекс социально-экономических, жилищно-бытовых и других проблем влиял на рост девиаций и преступности в городах Центрального Казахстана в 1946-1960-е гг. В 1980-е гг. усилились разочарование в коммунистические идеалы, социальная инфантильность, потребленчество, желание обогащения за счет нетрудовых доходов. Кроме этого, на совершение преступлений также зачастую толкали бытовая неустроенность, жилищные проблемы, безработица, тяжелый гнет социальной отверженности. Все это в совокупности и спровоцировало всплеск криминальной активности в 1950-1960-е гг., а затем и к середине 1980-х гг. В Карагандинской области доминировали следующие виды преступлений: убийства, разбой, изнасилования, тяжкие телесные повреждения, хулиганство, кражи государственного и общественного имущества, кража личной собственности граждан. Среди них самым массовым видом являлись хулиганство, хищения и кражи. Увеличение детской преступности в 1950-е – 1980-е гг. имело ряд проблем преимущественно социального характера. Причиной тому были бытовые и семейные проблемы, недостаточный контроль общества, школ и местных советских органов за трудными подростками, слабая постановка воспитательной работы в некоторых школах, неупорядоченные семейно-брачные отношения супругов, слабый контроль за воспитанием детей в семье и отсутствие моральной ответственности родителей, а также специфика переходного возраста, Статистика свидетельствовала о том, что большинство правонарушений совершали подростки из неблагополучных семей (пьянство одного или обоих родителей, болезнь, инвалидность одного или обоих родителей, жестокое обращение с детьми, разлад в семье, ссоры между родителями, уход из семьи одного из родителей и др.). Пытаясь снизить рост подростковой и молодежной преступности в городских условиях, власти и общественные организации принимали меры, которые не всегда давали ожидаемый результат.

В пьянстве и алкоголизме среди городского населения региона были отслежены тенденции, свойственные общереспубликанским и общесоюзным: увеличился процент женской алкоголизации (в республике это явление было менее

распространенным, чем в союзе в целом, но тенденция проявлялась); алкоголизм как явление постепенно «молодело» (если в 1950-1960-е гг., как правило, алкоголиками становились люди не старше 30-40 лет, то к 1990-м гг. возросла доля молодых алкоголиков, охватывая подростковую и молодежную среду); алкоголизмом страдали чаще лица, не имевшие высшее образование (начальное или неполное среднее) и, как правило, из рабочей среды, имевшие низкую квалификацию или малоквалифицированные или неработающие. Одной из опаснейших девиаций стала наркомания, которая в условиях все разраставшегося кризиса и развала советской системы, разрасталась, как раковая опухоль, обострившись к 1990-м гг.

Авторами в данной монографии проведена реконструкция советской городской повседневности одного из казахстанских регионов во второй половине XX в., эту картину повседневного бытия мы дополнили фрагментами социальной, демографической и экономической истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМН	Академия медицинских наук
АН	Академия наук
АП РК	Архив Президента Республики Казахстан
ВАК	Высшая аттестационная комиссия
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВСЕХБ	Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВТУЗ	Высшее техническое учебное заведение
вуз	высшее учебное заведение
г., гор.	город
ГАЗ	советский автомобиль, производившийся на Горьковском автомобильном заводе
ГАКО	Государственный архив Карагандинской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГУЛага	Главное управление исправительно-трудовыхлагерей
Д.	дело
д.и.н., док.истор.наук	доктор исторических наук
дис., диссер.	диссертация
ЕХБ	евангельские христиане-баптисты
ЗАГС	органы записи актов гражданского состояния
ЗИЛ	грузовой автомобиль производства завода им. Лихачева
ИДН	инспекция по делам несовершеннолетних
ИПЦ	истинно – православная церковь
ИЛ	советский самолет, спроектированный конструктором Илюшиным
ИТР	инженерно-технические работники
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
КарГУ	Карагандинский государственный университет
Карлаг	Карагандинский исправительно-трудовой лагерь
КССР, КазССР	Казахская Советская Социалистическая Республика
КарГМУ	Карагандинский государственный медицинский институт
к.и.н., канд. истор. наук	кандидат исторических наук
КМК	Карагандинский металлургический комбинат
коп.	копеек
КП(б)К	Коммунистическая партия большевиков Казахстана
КПК	Коммунистическая партия Казахстана
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
л.	лист
Лиазы	советский и российский городской автобус производства Ликинского автобусного завода
ЛКСМ	Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
М.	Москва
МВД	Министерство Внутренних дел

млн.	миллион
МОН РК	Министерство образования и науки Республики Казахстан
НИИ	Научно исследовательский институт
Оп.	опись
ОРС	отдел рабочего снабжения
паз(ик)	советский автобус малого класса, производившийся Павловским автобусным заводом
пос.	поселок
РАН	Российская академия наук
РК	Районный комитет
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РПЦ	Русская православная церковь
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб.	рублей
РФ	Российская Федерация
с.	село
САДУМ	Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана
	завод синтетического каучука
СМ	Совет Министров
СМИ	средства массовой информации
СНК	Совет Народных Комиссаров
Спб	Санкт-Петербург
Сов.	совершенно
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СШ	средняя школа
ТЭЦ	тепло - электростанция
УЖКХ	управление жилищно – коммунального хозяйства
Ф.	фонд
ФЗО	фабрично – заводское образование
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦК	Центральный Комитет
ЦСУ	Центральное статистическое управление
цум	центральный универсальный магазин
чел.	человек

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Кымбат Казалиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Досова Бибигуль Аралбаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Елеуханова Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Карсыбаева Жулдыз Алпысовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Козина Валерия Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Сактаганова Зауреш Галимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, директор Центра этнокультурных и историко-антропологический исследований, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Утебаева Айгерим Дауленовна – старший преподаватель кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, магистр гуманитарных наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Научное издание

Абдрахманова Кымбат Казалиевна
Досова Бибигуль Аралбаевна
Елеуханова Светлана Викторовна
Карсыбаева Жулдыз Алпысовна
Козина Валерия Викторовна
Сактаганова Зауреш Галимжановна
Утебаева Айгерим Дауленовна

ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1946–1991 ГОДЫ
(с сюжетами демографической и социальной истории):

Монография

Компьютерная верстка ***О.Е. Беркун***
Дизайн обложки ***Д.С. Беркун***

Подписано в печать 25.08.2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. лист. 26,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 1978.
Отпечатано в типографии «Гласир»

г. Караганда, ул. Ермекова, 112/5. Тел. 8 (7212) 43 38 57, e-mail: glasirkrg@mail.ru
г. Астана, ул. Ауэзова, 46/1, оф. 104. Тел.: 8 (7172) 45 65 61, e-mail: glasir.astana@mail.ru
www.glasir.kz